

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech
Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaecken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомо-
ва (*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, Р. Н. Кривко, М. М. Ма-
карцев, Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев (*Рос-
сия*); Я. Грекович-Мейджор, Т. Субо-
тин-Голубович (*Сербия*); А. Жолков-
ский, Р. Романчук, А. Тимберлейк,
У. Федер (*США*); М. Михалевич,
М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак
(*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 10

№ 1

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE
PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, A. S. Fedotov, E. I. Kislova, R. Marti,
D. G. Polonski, M. N. Saenko, A. E. Soboleva

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, U. V. Kononova, K. V. Sarycheva,
A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, A. K. Polivanova,
U. V. Kononova, M. S. Yakovleva

English Language Copy Editors, Proofreaders

M. A. Borun, D. I. Glass

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, Р. Марти,
Д. Г. Полонский, М. Н. Саенко, А. Е. Соболева,
А. С. Федотов

Технические редакторы

А. О. Бурцева, У. В. Кононова, К. В. Сарычева,
А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры (русский язык)

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
А. К. Поливанова, У. В. Кононова, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры (английский язык)

М. А. Борун, Д. И. Гласс

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slovene = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 10. № 1. — Москва: Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. — 492 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2021

© Authors, 2021

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

**К юбилею Анатолия Аркадьевича Турилова /
For the Anniversary of Anatoly Arkadyevich Turilov**

- 8 От редакции
From the Editor
- 10 С. А. Иванов (Москва). *Ангелы-потрошители: одна ранневизантийская душеполезная история, сохранившаяся лишь в славянском переводе*
S. A. Ivanov (Moscow). *Flaying Angels: An Early Byzantine Edifying Tale Preserved Only in Slavic Translation*
- 18 Р. Н. Кривко (Вена). *Темничская надпись в свете балканско-славянских и древнерусских данных*
R. N. Krivko (Vienna). *Temnić Inscription from Balkan-Slavic and Old Russian Perspectives*
- 41 А. А. Пичхадзе (Москва). *К реконструкции текста «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши»*
A. A. Pichkhadze (Moscow). *Towards the Reconstruction of the Text of The Twelve Dreams of King Shahaisha*
- 57 С. Ю. Темчин (Вильнюс). *О греческом происхождении «тырновской» редакции Службы прп. Параскеве Эпиватской*
S. Temčinas (Vilnius). *A Greek Origin of the "Tarnovo" Version of the Hymnographic Office for St Paraskeva of the Balkans*
- 72 Д. М. Буланин (С.-Петербург). *«Паралипомен» Иоанна Зонары и первое крещение Руси*
D. M. Bulanin (St. Petersburg). *Paralipomenon by Joannes Zonaras and the First Baptism of Rus*
- 94 А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва). *Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостина (1605–1621 гг.)*
A. F. Litvina, F. B. Uspenskij (Moscow). *Some Observations on the Reliquary of Prince Ivan Khvorostinin (1605–1621)*
- 113 Б. А. Успенский (Москва). *От герба к парсуне (Портрет царевны Софьи Алексеевны «в орле»)*
B. A. Uspenskij (Moscow). *From a Coat of Arms to a Parsuna (Portrait of Princess Sophia Alekseyevna "in the Eagle")*
- 157 Д. Г. Полонский, Д. Н. Рамазанова (Москва). *Восточнославянские источники первого сербского букваря Гавриила Стефановича Венцловича (1717 г.)*
D. G. Polonski, D. N. Ramazanova (Moscow). *East Slavonic Sources of the First Serbian Primer Composed by Gabriel Stefanović Venclović (1717)*

Статьи / Articles

- 186 S. Dekker (Bern). *The Slavic Rendition of Greek Speech Reporting Verbs in Chrysostom's Homilies in the Codex Suprasliensis: A Case Study into the Transmission of Diatribal Discourse Organization*
С. Деккер (Берн). *Славянский перевод греческих глаголов речи в гомилиях Златоуста в «Супрасльском сборнике»: исследование по передаче диатрибической организации дискурса*

- 217 A. Jouravel (Belgrade). *On the Supposed Abridged Redaction of Anthony of Novgorod's Kniga palomnik*
А. Журавель (Белград). К предполагаемой сокращенной редакции «Книги паломник» Антония Новгородского
- 230 А. С. Алексеева (Москва). *Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до низовой рукописной книжности*
A. S. Alekseeva (Moscow). *The Ritual of "Exposing the Thief" in the Old Rus: From the Enactment by the Archbishop of Novgorod Ioann III to Apocryphal Manuscript Culture*
- 262 С. В. Полехов, Е. Р. Сквайрс (Москва). *Casus belli. Грамота Ивана III об объявлении войны Александру Ягеллону от 24 июня 1500 г.*
S. V. Polekhov, C. R. Squires (Moscow). *Casus belli. Ivan the Third's Declaration of War to Aleksander Jagiellończyk, June 24th, 1500*
- 296 И. Майер, О. Янссон (Уппсала), О. В. Русаковский (Москва). *Латинское стихотворение в русском переводе 1670 г.: похвала королю Людовику XIII из книги Антуана де Плювинеля «Maneige Royal»*
I. Maier, O. Jansson (Uppsala), O. V. Rusakovskiy (Moscow). *A Latin Poem Translated into Russian in 1670: a Panegyric in Praise of King Louis XIII from Antoine de Pluvinel's Book Maneige Royal*
- 322 А. В. Гура (Москва). *Языковые созвучия как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах*
A. V. Gura (Moscow). *Linguistic Harmony as a Means of Symbolization in Folklore and Poetic Texts*
- 347 А. О. Бурцева (Москва). *Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛОКАФ»: Как не стать Ремарком*
A. O. Burtseva (Moscow). *The Soviet Journal LOKAF on Foreign Literature: How not to Become Remarkable*
- 368 И. В. Семененко-Басин (Москва), С. Каприо (Рим). *Русские литургические памяти в славянском византо-католическом месяцеслове (Recensio Vulgata) середины XX в.*
I. V. Semenenko-Basin (Moscow), S. Caprio (Rome). *Russian Liturgical Memories in the Slavic Byzantine-Catholic Menologion (Recensio Vulgata) of the Mid-20th Century*
- 392 G. Olsson (Turku). *How Recently Borrowed Verbs in Russian Form Perfective Aspect: An Experimental Approach*
Г. Ульссон (Турку). *Образование глаголов совершенного вида от новейших заимствований в русском языке: экспериментальный подход*

Заметки/Notes

- 414 Х. Фу (С.-Петербург). *Прозаический перевод А. Д. Кантемира «Истории» Юстина*
Heng Fu (St. Petersburg). *Prose Translation of Justin's History by Antiochus Cantemir*

Публикации/Publications

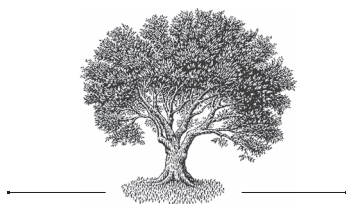
- 425 С. С. Скорвид (Москва). *Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г.*
S. S. Skorvid (Moscow). *The Dialect of the Siberian Hollanders: Materials from Field Research in 2015*

Рецензии / Reviews

- 450 С. В. Алпатов, А. В. Архангельская (Москва). *Польская литературная легенда в русском историко-культурном контексте*
[Рец.: Małek E., Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa: BEL Studio, 2019. 268 с.]
S. V. Alpatov, A. V. Archangelska (Moscow). *Polish Literary Legend in the Russian Historical and Cultural Context*
[Rev. of: Małek E., Old Russian Translation of Krzysztof Dzierżek's Tale about the Astrologer Mustaeddin and its Later Reworkings (Study and Edition). Warszawa: BEL Studio, 2019. 268 pp. (in Russian)]
- 457 К. В. Суториус (С.-Петербург). *Проблемы издания и датировки курса «Риторика» Феофана Прокоповича: к публикации русского перевода*
[Рец.: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. Москва, С.-Петербург: Альянс-Архео, 2020. 488 с.]
K. V. Sutorius (St. Petersburg). *Problems of Editing and Dating of the Course of Rhetoric by Theophanes Prokopowicz: The Publication of Russian Translation*
[Rev. of: Theophanes Prokopowicz. Ten Books on Rhetorical Art. Trans. by G. A. Stratanovsky, ed. by S. I. Nikolaev, E. V. Markasova, E. V. Vvedenskaya. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Arkheo, 2020. 488 pp. (in Russian)]
- 474 R. Seferović (Dubrovnik). *Russian Orthodoxy and Autobiographies in the Early Modern Period from a Mediterranean Perspective*
[Rev. of: Faith and Selfhood in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the End of the Seventeenth to the Beginning of the Twentieth Century, ed. Laurie Manchester and Denis A. Sdvizhkov. Moscow: NLO, 2019. 408 pp. (in Russian)]
Р. Сеферович (Дубровник). *Русское православие и автобиографии раннего Нового времени в средиземноморской перспективе*
[Рец.: Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века / Сборник статей; под редакцией Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 408 с.: ил. (Серия Studia Europaea)]

In memoriam

- 487 Памяти Бориса Львовича Фонкича (25 февраля 1938 — 2 сентября 2021)
In Memoriam of Boris Fonkich (February 25, 1938 — September 2, 2021)

К юбилею Анатолия Аркадьевича Турилова

23 мая 2021 года исполнилось 70 лет со дня рождения Анатолия Аркадьевича Турилова — историка-слависта с мировым именем, ученого-энциклопедиста, чьи многочисленные исследования межславянских культурных связей охватывают как глаголическую, так и кириллическую письменность от эпохи раннего Средневековья до конца XVII столетия.

*А. А. Турилов в Сремски-Карловцах (2018).
Фотография Д. Г. Полонского*

Труды и уникальная эрудиция Анатолия Аркадьевича Турилова широко известны в среде историков, филологов и искусствоведов далеко за пределами России: А. А. Турилов — иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Академии Амброзиана (*Accademia Ambrosiana*) по классу славистики, иностранный член итальянской Национальной академии деи Линчеи (*Accademia Nazionale dei Lincei*) по классу морали, истории и филологии. Он член редакций многих рос-

сийских и международных славистических изданий, в том числе журнала «Словѣне».

Исследования Анатолия Аркадьевича обогатили гуманитарную науку множеством открытий в области исторических и культурных связей между восточными и южными славянами, источниковедения, археографии и палеографии. Его работы, касающиеся истории древнерусской и славянской книжности, агиографии, гимнографии, иконографии, литургики, богословия, эпиграфики, в совокупности образуют фундаментальную источниковедческую базу современных исследований.

В честь А. А. Турилова авторами и редакцией журнала «Словѣне» подготовлен ряд статей, связанных с научными интересами юбиляра. Мы сердечно поздравляем дорогого Анатолия Аркадьевича, желаем ему здоровья и новых творческих достижений на благо науки.

Ангелы-потрошители: одна ранневизантийская душеполезная история, сохранившаяся лишь в славянском переводе*

Сергей Аркадьевич Иванов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Flaying Angels: An Early Byzantine Edifying Tale Preserved Only in Slavic Translation

Sergey A. Ivanov

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Резюме

В статье впервые по четырем сохранившимся славянским рукописям публикуется текст «душеполезной истории», восходящей к недошедшему греческому оригиналу. Действие происходит в Иерусалиме и его округе. Персонажи — арабы, однако сюжет относится явно к доисламскому времени. Наиболее вероятное время создания легенды — начало VI в. Идеологический посыл состоит в сомнительности крещения «варваров».

Ключевые слова

византийская агиография, душеполезные истории, Иерусалим, арабы, обращение

* Благодарю М. В. Корогодину и М. В. Чистякову за помощь.

Цитирование: Иванов С. А. Ангелы-потрошители: одна ранневизантийская душеполезная история, сохранившаяся лишь в славянском переводе // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 10–17.

Citation: Ivanov S. A. (2021) Flaying Angels: An Early Byzantine Edifying Tale Preserved Only in Slavic Translation. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 10–17.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.1

Abstract

On the basis of four existing manuscripts, a Byzantine “spiritually beneficial tale” is published for the first time. This is an obvious translation from Greek but its original is nowhere attested. The action takes place in Jerusalem and its surroundings, the actors are pre-Islamic Arabs. In all probability, the story was written down at the beginning of the 6th century; the hidden message of the legend is the questionability of “barbaric” conversions as such.

Keywords

Byzantine hagiography, “spiritually beneficial tales”, Jerusalem, Arabs, conversion

Феноменальная эрудиция Анатолия Аркадьевича Турилова хорошо известна всем, кто общался с ним хотя бы однажды. Особенно свободно чувствует он себя в океане славянской книжности, непринужденно извлекая оттуда ранее никому не известные тексты. Поэтому нет ничего естественнее, чем посвятить его юбилею какое-нибудь *editio princeps*. Можно лишь гадать, почему та легенда, первое издание которой я хочу преподнести юбиляру, не сохранилась по-гречески. Интересно, впрочем, отметить и тот факт, что ее славянский вариант, появившись в Сербии, нашел себе дорогу как в литовский, так и в московский книжный ареал; будучи уникальным знатоком межславянских литературных связей, сам Турилов, возможно, найдет этому обстоятельству полезное применение: ведь его живо занимают пути обогащения Пролога на переплетении разных линий его эволюции [Турилов 2001: 254–255; Idem 2012]. Еще один счастливый Толин дар — великолепное чувство юмора. И поэтому мне было особенно важно выбрать такой текст, прочтя который, юбиляр улыбнулся бы.

Публикуемая ниже «душеполезная история», выявленная М. В. Чистяковой [Чистякова 2014: 93], сохранилась, как уже сказано, лишь в славянском изводе, однако не может быть ни малейших сомнений в ее византийском происхождении.

Все герои публикуемой нами легенды, за исключением ангелов, — арабы. Это, вкупе с полным отсутствием следов данного текста в кругу ранневизантийских патериковых историй, должно было бы первым делом наталкивать нас на мысль об авторстве Никона Черногорца или какого-нибудь другого византийского писателя, жившего в Святой Земле в эпоху крестоносных королевств. Однако в тексте нет упоминаний о мусульманской религии! Мало того, та легкость, с которой персонажи принимают христианство и вновь отказываются от него, свидетельствует, по моему мнению, против гипотезы о позднем возникновении

легенды: ведь в этом случае автор не преминул бы отметить, что оба араба, прежде чем принять христианство, отвергают ложную отеческую веру. В аргументации противника крещения также не звучит никаких религиозных мотивов.

Остается предположить, что драма разворачивается еще до самого возникновения ислама. Пожалуй, время действия можно и еще сузить: пик арабских визитов в Иерусалим и обращений арабов в христианство приходится на время патриаршества там Илии I, который сам был арабом [Shahid 1989: 193, 211]. Этот патриарх скончался в 518 г., так что нашу легенду можно отнести к началу VI в. В подобном контексте отсутствие ее следов на византийской почве вдвойне загадочно, тем более, что история явно была частью какого-то патерикового собрания: недаром же в древнейшей рукописи она начинается словами: «**Тот же** святой мних поведал». Пока у меня нет разгадки последующему ее исчезновению.

Центральную роль в сюжете играет постоялый двор, в оригинале явно стоял термин *xenodocheion* [Vitaglio 2011]. В принципе, гостиницы начали распространяться в Палестине в последней четверти IV в., с ростом паломничества к Святым Местам [Kuelzer 2017: 154; van Nuffelen 2002 (с библиографией)], однако в нашем случае специально подчеркивается, что речь идет не о приюте для паломников, а о постоялом дворе, который некрещеный араб содержит для таких же, как он, арабов. Один из главных мотивов всей истории — чрезвычайная добродетельность сарацинского «гостинника», «милостыню творяща велику». Тот факт, что заболевшего постояльца держали в гостинице, объясняется тем, что в арабском мире постоялый двор еще и до прихода ислама выполнял важные социальные функции: он служил также и благотворительной столовой, и больницей [Dols 1987: 387; Shahid 2009: 87–92]. Финал нашей истории показывает, что ее христианский автор, хоть и отдает пальму первенства монашескому подвижанию, вполне готов признать содержание постоялого двора сравнимым подвигом добродетели. Отсюда следует, что текст написан человеком, хоть и христианских воззрений, хоть и греческой культуры — но местным, хорошо знавшим и даже уважавшим обычаи соседних арабов-язычников.

Осталось прокомментировать кульминационное событие легенды: сдирание ангелами кожи с умершего араба-вероотступника. Перед нами метафора той весьма популярной у византийцев концепции, что крещение варваров есть в прямом смысле слова поверхностная операция: вода крещальной купели затрагивает лишь их кожу, но не в силах изменить варварское «нутро» [Ivanov 2015]. Через несколько веков эта метафора овеществилась, и притом самым живодерским образом. Около 873 г.,

одержав победу над арабским флотом, византийский адмирал Никита Оориѳ расправился с пленными так: «С тех, кто отрекся от Христова крещения, он содрал кожу, говоря, что забирает у них именно их крещение, а не что-то, что принадлежит им самим» [Ševcenko 2011: 218]. Неужели адмирал читал нашу легенду?

Текст присутствовал в одном сербском сборнике XIV в. [Стојано-вић 1903/1982: 295, № 468], однако сам сборник погиб, а в описании его уцелел лишь инципит. Легенда целиком дошла до нас в четырех рукописях: это два Пролога, где текст фигурирует под 4 сентября, и два Измарагда. История публикуется по рукописи Пролога: Киев, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины, собр. Михайло-Злато-верхого монастыря, № 529 / 1643п (посл. четв. XV в.). Разночтения даются по рукописям:

С — Сборник: Народная библиотека Сербии, Белград, № 468 (104), л. 4а — инципит (XIV в., оригинал утрачен);

Р — Пролог: РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД), № 710, л. 13–14 (кон. XV — нач. XVI в.);

И — Измарагд: Библиотека АН Литвы (Вильнюс), ф. 19, № 240, л. 342–343, (1 четверть XVI в.);

Е — Измарагд: РГБ, ф. 98, собр. Е. Е. Егорова, № 720, л. 24 об.–25 об. (ок. 1600 г.).

Фиксируются лексические замены, изменения словоформ, инверсии, пропуски и добавления слов. Не учитываются морфологические разночтения и фонетические замены, а также писцовые ошибки в списках с разночтениями.

л. 11 об.–12

В тѣи^ж днѣ слово¹. како срачининѣ² крѣтисѧ. Тако сѣын³ мнѣ повѣдал⁴ намѣ. тако прѣидоста⁵ два срачинина⁶ въ іерлѣмѣ. єдинѣ же єю видѣвъ⁷ како живоу^т хрѣтїани⁸. и вѣрова⁹ в ѿ нашего іса хѧ. и крѣти сѧ¹⁰ и пото^м

¹ в том *И*.

² срачинѣ *Е*, срачининѣ *здесь и далее И*.

³ **В** тѣи — сѣын: О ѿверженіи крещенія. Тѣи жде *С*.

⁴ повѣда *Е, И, С*.

⁵ прѣидоста *С*.

⁶ саракѣнина *С*.

⁷ видѣ *Е*.

⁸ хрѣтанѣ *И, С*.

⁹ вѣрова *Е, И, С*.

¹⁰ се *С*.

Ѡвержесѧ ѡ¹¹. и помѣ дръга своего и¹² понде в зѣмлю свою. и бывше-
ма¹³ има на полѡшествѣи¹⁴ обрѣтоша¹⁵ мѡжа срачинина гостинника¹⁶.
сѣдѧща на¹⁷ пѣти то^М. страннопрѣимца¹⁸ людемъ свои^М срачинн^М. и мѡты-
ню твораща великѡ. и тѡ обитаѣта оу него. и прѣпатъ же ѧ¹⁹ в домъ
свои с ра^{до}стѣю. и постави²⁰ има трапезѡ²¹ свою и ѧша и пиша и възве-
селишасѧ. пото^М же разболѣсѧ²² срачинни^Н²³. нже бѣ²⁴ крѣтѣлсѧ и Ѡверглѣ-
сѧ²⁵. и по малѣ времени оумре и вземша²⁶ дръга своего погребоста и²⁷
с плачемъ и рыданѣи^М велики^М²⁸. пото^М же сказа²⁹ дроу^Г его гостинникѡ³⁰.
како³¹ крѣтѣлсѧ и како Ѡверглѣсѧ³². и пото^М изыде на пѣть свои. и видѣ
тъ^Н³³ ноци гостинникѡ³⁴ сшеѣша³⁵ агглы³⁶ с нѣсе³⁷. и възгревоша тѣло
оумершаго срачинина³⁸. и рѣша агглы³⁹ что сътвори. іако // (л. 12) сен

¹¹ нет слов и крѣтѣлсѧ и пото^М Ѡвержесѧ ѡ^Г Е.

¹² нет Е.

¹³ бывшими И.

¹⁴ половине шествиѧ. и Е.

¹⁵ обрѣтоѣта И.

¹⁶ гостника Е, гостѣнника И.

¹⁷ при Е.

¹⁸ страннопрѣимцомъ Е, страннопрѣимца И.

¹⁹ нет Е.

²⁰ поставиша И.

²¹ трепезѡ Р, трапезѡ И.

²² разболѣсѧ Р.

²³ срачинанинѡ Р.

²⁴ нет Р.

²⁵ Ѡверглѣсѧ Р.

²⁶ взѣмше Р.

²⁷ нет Е, Р.

²⁸ съ плачемъ великимъ и рыданѣемъ (вм. с плачемъ и рыданѣи^М велики^М) Е, великимъ И.

²⁹ нет Е.

³⁰ гостникѡ Е, гостѣнникѡ И.

³¹ доб. во бѣ Е, бѣ И.

³² Ѡверглѣсѧ Р.

³³ в тои И.

³⁴ гостникѡ Е, Р, гостѣнникѡ И.

³⁵ сшеѣ Р.

³⁶ нет Е.

³⁷ нѣси И.

³⁸ срачинанина Р.

³⁹ нет Е.

члкъ крѣтисѧ⁴⁰ и паки⁴¹ ѿвержесѧ. да возмѣ⁴² крѣщеніе ѿ него. и ѿдраша
 кождю его⁴³. а тѣло его и кости съжгоша ѿгнѣ⁴⁴. кождю⁴⁵ възаша с собою на
 нѣбо⁴⁶. и оубоѧ гостинни⁴⁷ ѿ страши⁴⁸ томъ видѣни. и възста⁴⁹ иде въ
 іерлимъ и крѣтисѧ. и раздаѧ все имѣніе свое. и домъ свои⁵⁰ оубоги⁵¹. иде
 в манастирь и бы⁵² мни⁵³ цѣломудръ⁵⁴. другъ⁵⁵ его и⁵⁶ баше⁵⁷ ше⁵⁸ в зем-
 лю свою⁵⁹. възвратисѧ въ іерлимъ. и видѣ друга своего гостинника⁶⁰
 крѣтъна и вѣрна сѣща⁶¹. и пріемша мнишеское житіе. и гла емѣ что тако
 еси сътвори⁶² ѿ друже мои. не личи⁶³ ли бѣ⁶⁴ товѣ сѣдѣти в домъ сво-
 ѣ⁶⁵ приемлюши мимоходаща⁶⁶ и тѣ⁶⁷ кормаши. гла же⁶⁸ емѣ гостинни⁶⁹
 всѧ та творѧ не бѣ⁷⁰ ра⁷¹. но дѣволъ оугодѧ творѧ⁷². нѣ⁷³ же си соутъ
 бѣ⁷⁴ ра⁷⁵ творимаѧ мною. и тако препрѣ⁷⁶ друга своего. и възвратисѧ⁷⁷ въ
 свои⁷⁸ манастирь. и тако сконча житіе свое слѣжа⁷⁹ х⁸⁰ бгѣ⁸¹ нашемѣ. емѣ⁸²
 слава въ вѣки вѣко⁸³ аминь⁸⁴.

⁴⁰ доб. бѣ Е, Р, И.

⁴¹ паки И.

⁴² възмемъ И.

⁴³ ѿ него Е, Р.

⁴⁴ ѿгнѣмъ сожгоша (вм. съжгоша ѿгнѣ^М) Е.

⁴⁵ на нѣбо съ собою (вм. с собою на нѣбо) Е.

⁴⁶ гостиникъ Е, Р, гостиньникъ И.

⁴⁷ В основном списке слово ошиб. повторено дважды.

⁴⁸ нет Е, Р.

⁴⁹ целомудренъ Р, И.

⁵⁰ нет Р, бѣ И.

⁵¹ но и Е.

⁵² доб. и Е.

⁵³ гостиникъ Е.

⁵⁴ крѣтънина сѣща. и вѣрна (вм. крѣтъна и вѣрна сѣща) Е, сѣщи Р.

⁵⁵ личе Р, И.

⁵⁶ нет Е.

⁵⁷ мимоходаща Р.

⁵⁸ нет Е.

⁵⁹ гостиникъ Е.

⁶⁰ нет слов но дѣволъ оугодѧ творѧ^Х Е.

⁶¹ предъпре Е.

⁶² възвратисѧ Р.

⁶³ нет Р.

⁶⁴ нет слов емѣ^Ж слава въ вѣки вѣко^М аминь Е.

Сокращения

МГАМИД — Московский главный архив министерства иностранных дел

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

Библиография

Стојановић 1903/1982

Стојановић Л., уред., *Каталог Народне библиотеке у Београду, 4: Рукописи и старе штампане књиге*, Београд, 1903 (репринт 1982).

Турилов 2001

Турилов А. А., Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: Парадоксы истории и географии культурных связей, *Славянский альманах*, 2000, Москва, 2001, 247–285.

——— 2011

Турилов А. А., Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян (к проблеме «первого восточнославянского влияния»), *Славяноведение*, 2, 2011, 28–26.

Чистякова 2014

Чистякова М. В., Источники индивидуальных поучений киево-софийской редакции Простого пролога: сентябрь–февраль, Н. Морозова, ред., *Славянская письменность Великого Княжества Литовского: характерные черты и специфические особенности*, Вильнюс, 2014, 73–116.

Dols 1987

Dols M. W., The Origins of the Islamic Hospital: Myth and Reality, *Bulletin of the History of Medicine*, 61/3, 1987, 367–390.

Ivanov 2015

Ivanov S. A., “Pearls Before Swine”: *Missionary Work in Byzantium*, Paris, 2015.

Kuelzer 2017

Kuelzer A., Byzantine and Early Post-Byzantine Pilgrimage to the Holy Land and to Mount Sinai, R. Macrides, ed., *Travel in the Byzantine World*, London, New York, 2017, 149–161.

van Nuffelen 2002

van Nuffelen P., Deux fausses lettres de Julien l’Apostat (La lettre aux juifs, Ep. 51 [Wright], et la lettre à Arsacius, Ep. 84 [Bidez]), *Vigiliae Christianae*, 56/2, May, 2002, 131–150.

Shahid 2009

Shahid I., *Byzantium and the Arabs in the 6th Century*, 2/2: *Economic, Social, and Cultural History*, Washington, 2009.

Ševcenko 2011

Ševcenko I., ed., *Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur*, Berlin, 2011.

Voltaggio 2011

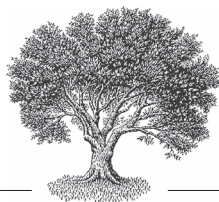
Voltaggio M., “Xenodochia” and “Hospitia” in Sixth-Century Jerusalem: Indicators for the Byzantine Pilgrimage to the Holy Places, *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, 127/2, 2011, 197–210.

References

- Chistiakova M. V., Istochniki individual'nykh pouchenii kievo-sofiiskoi redaktsii Prostogo prologa: sentiabr'–fevral', N. Morozova, ed., *Slavianskaia pis'mennost' Velikogo Kniazhestva Litovskogo: kharakternye cherty i spetsificheskie osobennosti*, Vilnius, 2014, 73–116.
- Dols M. W., The Origins of the Islamic Hospital: Myth and Reality, *Bulletin of the History of Medicine*, 61/3, 1987, 367–390.
- Ivanov S. A., "Pearls Before Swine": Missionary Work in Byzantium, Paris, 2015.
- Kuelzer A., Byzantine and Early Post-Byzantine Pilgrimage to the Holy Land and to Mount Sinai, R. Macrides, ed., *Travel in the Byzantine World*, London, New York, 2017, 149–161.
- van Nuffelen P., Deux fausses lettres de Julien l'Apostat (La lettre aux juifs, Ep. 51 [Wright], et la lettre à Arsacius, Ep. 84 [Bidez]), *Vigiliae Christianae*, 56/2, May, 2002, 131–150.
- Shahid I., *Byzantium and the Arabs in the 6th Century*, 2/2: Economic, Social, and Cultural History, Washington, 2009.
- Ševcenko I., ed., *Chronographiae quae Theophrastus continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplexitur*, Berlin, 2011.
- Turilov A. A., Iuzhnoslavianskie pamiatniki v literature i knizhnosti Litovskoi i Moskovskoi Rusi XV — pervoi poloviny XVI v.: Paradoksy istorii i geografii kul'turnykh svyazei, *Slavianskii al'manakh*, 2000, Moskva, 2001, 247–285.
- Turilov A. A., Zabytye i maloizvestnye fakty iz istorii drevneishogo perevoda Prologa u iuzhnykh slavian (k probleme "pervogo vostochnoslavianskogo vliianiia"), *Slavianovedenie*, 2, 2011, 28–26.
- Voltaggio M., "Xenodochia" and "Hospitia" in Sixth-Century Jerusalem: Indicators for the Byzantine Pilgrimage to the Holy Places, *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, 127/2, 2011, 197–210.

Сергей Аркадьевич Иванов, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории античности и Византии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4
Россия / Russia
saivanov@hse.ru

Received October 21, 2020

Темничская надпись в свете балканско- славянских и древнерусских данных

Temnić Inscription from Balkan-Slavic and Old Russian Perspectives

Роман Николаевич Кривко

Венский университет,
Вена, Австрия

Roman N. Krivko

University of Vienna,
Vienna, Austria

Резюме

Темничская надпись — древнейший памятник славянской письменности, найденный на территории Сербии (регион Темнич). Первоначальное происхождение надписи, однако, остается неясным. Плита с надписью небольшого размера (ок. 20 × 20 см) сделана из известняка, порода которого отсутствует в месте находки, кроме того, надпись найдена существенно севернее того региона, из которого происходят древнейшие сохранившиеся памятники письменности сербско-боснийско-хорватского ареала. Языковые особенности надписи отражают раннее состояние фонетики, не свойственное архаическим глаголическим рукописям, которые с разной степенью достоверности связываются с сербскохорватским ареалом (Мариинское евангелие, Клоцов сборник): в надписи этимологически правильно употребляются буквы *ѣ-и*, *ѣ-ь*, что свидетельствует о различении согласных по твердости-мягкости перед гласными переднего ряда. Надпись сделана в книжной графике каллиграфического качества. Эти и другие графико-орфографические и фонетические особенности надписи — употребление йотированных

Цитирование: Кривко Р. Н. Темничская надпись в свете балканско-славянских и древнерусских данных // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 18–40.

Citation: Krivko R. N. (2021) Temnić Inscription from Balkan-Slavic and Old Russian Perspectives. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 18–40.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.2

букв, орфограмм *зи* и *зы*, букв палатальных согласных — находят параллели в древневосточноболгарской письменности и древнерусско-церковнославянских рукописях, восходящих к древнеболгарским оригиналам. Особое внимание в статье уделено случаям регрессивной палатальной аккомодации *l* предшествующему заднеязычному *k*. Наконец, в статье предлагается новое прочтение трех фрагментов надписи и публикуется ее исправленный, по сравнению с предшествующими изданиями, наборный текст.

Ключевые слова

славянская эпиграфика, южнославянская историческая фонетика, древняя славянская графика и орфография, история болгарского языка, история сербского языка

Abstract

The Temnić inscription is the oldest surviving written record of Slavic discovered in Serbia (the region of Temnić), however, the original provenance of the inscription is unknown. The tablet with the inscription (approx. 20×20 cm) was made of the limestone absent from the area where it was found, and thus the plate could have been brought from any other region. The Temnić inscription dates to the end of 10th–11th centuries, while other written records of Cyrillic script in Serbia, Bosnia and Croatia are at least one and a half century younger, moreover, the Temnić inscription was found on the north from the Serbian, Bosnian and Croatian lands where Cyrillic writing spread in the 11th–12th century. The linguistic peculiarities of the inscription are too archaic in comparison with Church Slavic Glagolitic manuscripts of north Macedonian, east Serbian or Croatian provenance: it shows correct use of the letters for both *jer*-vowels and *ѡ-ѡ* as well, which implies that hard and soft consonants did not yet merge in the dialect of unknown scribe. The inscription shows traits of higher varieties of Church Slavic: it presents *jotized* letters, a special sign for palatal consonant *ĭ* (ѣ), stop points in the middle of the lines between the word forms which share common accent. These features are absent from Cyrillic epigraphic of Serbian, Bosnian and Croatian provenance, while the sign for palatal *ĭ* (ѣ) appears in a single Old Bulgarian manuscript and in numerous east Slavic sources which go back to Old Bulgarian archetypes. While surviving Serbian writing provides no witness to Serbian origin of the inscription, its linguistic features perfectly correspond with manuscripts and inscriptions of Old Bulgarian provenance, and with East Church Slavic writing which goes back to Old Bulgarian sources. Consequently, linguistic data testify to the Old Bulgarian provenance of the Temnić inscription. Besides it the author discusses regressive palatal accommodation of *l* after *k* which remained unknown in the south Slavic historical phonetics by far. The Temnić inscription shows this phenomenon along with other Old Bulgarian and Old Russian Church Slavic manuscripts. Finally, the article provides a new interpretation of three obscure passages in the Temnić inscription and presents its reliable transcription.

Keywords

Slavic epigraphic writing, south Slavic historical phonetics, Old Slavic orthography, a history of Bulgarian language, a history of Serbian language

1. Вступительные замечания

Темничская надпись (Темнићки натпис) названа так по имени региона Темнич (Темнић) области Шумадија (Шумадија) в центральной Сербии, где был найден этот памятник. Непосредственное место находки — деревня Верхний Катун (Горњи Катун) вблизи города Варварин. Надпись датируется X–XI вв. и поэтому является не только одним из древнейших памятников славянской письменности, но и самым ранним славянским письменным памятником, происходящим с территории Сербии.

Темничскую надпись впервые опубликовал Л. Стоянович, который подробно описал обстоятельства находки: плита с надписью была буквально выкопана крестьянином во время земляных работ в его саду, на глубине 60–80 см, и затем продана за пять динаров учителю Варваринской школы, который передал находку в Белградский народный музей (Народни музеј у Београду), где она хранится с 1900 г. по сей день [Стојановић 1913: 4]. Плита с надписью почти идеально квадратной формы: 19,2–19,5 см в высоту, 19,5 см в ширину и 5 см в толщину. Материал плиты — известняк, порода которого отсутствует в непосредственной близости от места находки, рядом с которым обнаружены лишь следы жилища, уничтоженного пожаром, и кладбища [Стојановић 1913: 5]. Обстоятельства находки и материал, из которого сделана плита, свидетельствуют, что надпись столь небольшого размера была принесена или привезена из другого региона, в связи с чем ее сербское происхождение неочевидно.

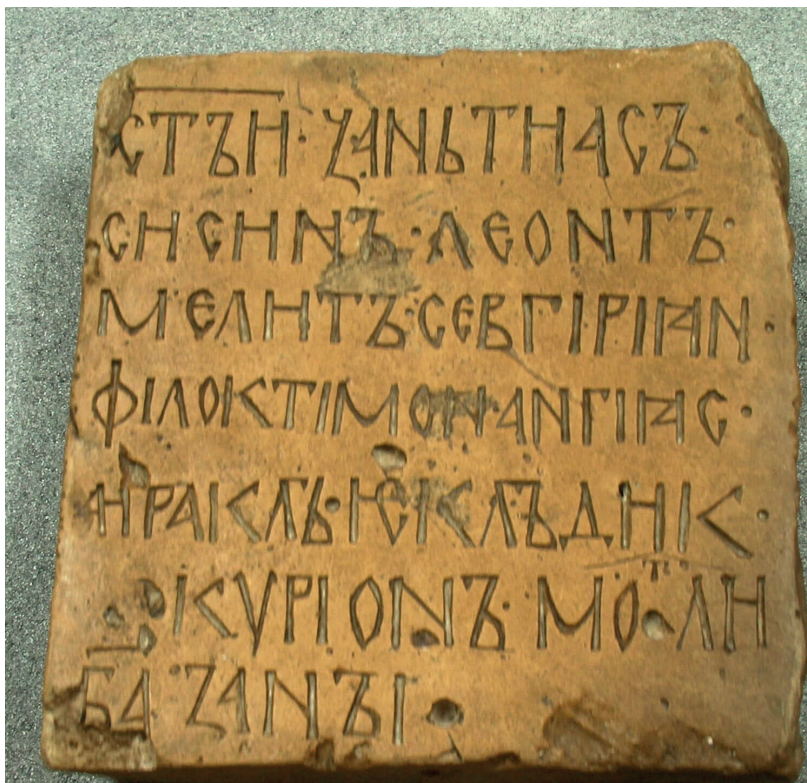
Содержание надписи — молитва десяти мученикам из числа Сорока мучеников Севастийских. Текст синтаксически завершен и не содержит лакун, однако его функции неясны. Предполагалось, что плита образовывала часть алтарной трапезы [Стојановић 1913], однако вероятнее всего, что она использовалась с охранительной целью: в средневековых поверьях, которые известны далеко за пределами славянского мира, имена Севастийских мучеников должны были предохранять церковные здания от разрушения [Станојевић 1926–1927; Радојчић 1975: 7–17; Gavrilović 2001: 209]¹. Надпись неоднократно публиковалась и регулярно упоминается в литературе как один из ранних памятников сербской или древнеболгарской эпиграфики [Стојановић 1913: 5; Ђорђевић 1971: 45, 241; Карский 1979: 43; Добрев, Попконстантинов 1985: 663–666; Чигоја 1987: 202; Дуриданов 1991: 58; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994:

¹ «One should stress that it was owing to the baptismal aspect of the passion of the Forty ... that the Forty were chosen as paragons of those marked by the name of Christ on whom the church rests. Consequently, their images were believed to be endowed with the same protective power as other signs, such as crosses, the revolving discs of the Logos, or the images of Christ on the Mandylion and Keramion often placed in the most sensitive parts of church building» [Gavrilović 2001: 210].

104–105; Трифуновић 2001: 18–19, обложка и цветная вкладка; Gavrilović 2001: 208–209; Чигоја 2003: 12; Eadem 2006: 119–137; Ћигоја 2010: 37; Турилов 2012: 130; Чигоја 2014: 25–43]. Палеографические таблицы древнеболгарской эпиграфики, составленные Т. Славовой, учитывают Темничскую надпись как древнеболгарскую и датируют ее концом X–XI в.: характерные начертания букв а, м, и, н, ъ, з, ѝ убедительно сближают надпись с византийской эпиграфикой середины X в. и с древнеболгарскими надписями X–XI вв., причем как восточного, так и западного (македонского) происхождения [Добрев, Попконстантинов 1985: 663–665 (палеографические таблицы: Т. Славова)].

2. Фотография и наборный текст Темничской надписи

Приведем общедоступную фотографию надписи с официального сайта Народного музея в Белграде²:

² Народни музеј у Београду, Збирка средњовековних епиграфских и анепиграфских споменика (<http://www.narodnimuzej.rs/srednji-vek/zbirka-srednovjekovnih-epigrafskih-i-anepigrafskih-spomienika/>).

Несмотря на идеальную сохранность и каллиграфический почерк, все без исключения наборные издания надписи или ошибочны — из-за некорректной передачи еров, — или, в лучшем случае, неточны, поскольку не учитывают явных ошибок и исправлений, сделанных резчиком. Особый интерес в этой связи представляет передача двух слов в пятой строке, где возникают проблемы с прочтением знака палатальности.

В сербских публикациях первые две словоформы пятой строки передаются либо как *ираклъ • ѣклъдик* (ср. *Ἡράκλειος*, *Ἐκδήμιος*), без каких-либо комментариев [Стојановић 1913: 5], либо так, что знак палатальности в наборном тексте не учитывается: «*ираклъ • ѣклъдик*» [Чигоја 1987: 202; то же: Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 105]; «*ираклъ • ѣклъдик* <так, с пробелом и со знаком ÷ вместо внутристроочной точки! — Р. К.> ÷» [Чигоја 2003: 12; Eadem 2014: 26 <без пробела, но со знаком ÷>]. Причина этому, вероятно, в том, что в сербской кириллице знак палатальности «крюк» неизвестен. В монографиях [Ђорђевић 1971: 52; Томовић 1974: 21] буква *л* не упомянута; Б. Чигоја [2003: 61] называет сочетание *лъ* в Темничской надписи (очевидно, имеется в виду ошибочное чтение *ираклъ*) «позиционной графемой» (?), а форма *ѣклъдик* (так!) объясняется как отражение «вокального *л*» [Чигоја 2003: 86]. Сравнительные данные из древнеболгарской и древнерусской письменности для объяснения этих форм сербскими исследователями не привлекались.

Издательское решение, принятое в работах [Чигоја 1987: 202; Eadem 2003: 86; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 105], отчасти понятно: как ясно видно на фотографии, в написании *ѣклъдик* (?) знак палатальности («крюк») у буквы *л* соединен с соседней буквой справа, из-за чего эта буква может быть прочитана как *ерь* (ь) или как *ер* (ъ), причем во втором случае отворот *ера* оказывается соединен с *л*. Необъяснимый верхний штрих, соединяющий буквы *лъ* или *лъ*, делает оба эти варианта прочтения почти равновероятными, лишь наклон *мачты* у буквы редуцированного свидетельствует скорее в пользу *еря* (ь) — *мачта* буквы *ер* (ъ) имеет в надписи чуть более резкий наклон вправо. Это явно ошибочное начертание обращает на себя внимание еще и тем, что форма *ѣклъдик* (или *ѣклъдик*?) фонетически разительно отличается от греческого оригинала (*Ἐκδήμιος*), как ни одно другое имя этого списка³: *ѣанѣтиасъ* (*Ἐάνθιος*), *сисинъ* (*Σισίν(ν)ιος*), *леонтъ* (*Λεόντιος*), *мелитъ* (*Μελίτων*), *севгиріан* (*Σευηριανός*), *филоктимон* (*Φιλοκτήμων*), *ангис* (*Ἀγγίας*), *ираклъ* (*Ἡράκλειος*), *ѣклъдик* (*Ἐκδήμιος*), *куріонъ* (*Κυρίων*).

³ В статье [Чигоја 1987: 215] в качестве параллели слав. *ѣклъдик* (так автор читает это написание) указывается имя, отсутствующее в христианском именослове: *Ἐκκλειδης* 'Эвклид'; впрочем, на той же странице, но двумя абзацами ниже, приведена корректная параллель: *Ἐκδήμιος*.

Особенности морфологической адаптации грецизмов Темничской надписи легко объяснимы. Написание $\xi\alpha\nu\tau\iota\alpha\varsigma$ представляет собой гиперкорректную грецизацию по модели имен собственных на $-\iota\alpha\varsigma$ (ср. $\alpha\eta\gamma\iota\alpha\varsigma$). В словах $\sigma\iota\sigma\iota\nu\zeta$, $\lambda\epsilon\omicron\nu\tau\zeta$, $\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$, $\kappa\epsilon\lambda\delta\iota\kappa$ (?) мы, напротив, наблюдаем славянизацию — усечение форм на $-(\epsilon)\iota\omicron\varsigma$, из-за чего возникло двусмысленное написание $\lambda\epsilon\omicron\nu\tau\zeta$, которое обычно соответствует имени $\Lambda\acute{\epsilon}\omega\nu$ (с основой косвенных падежей $\Lambda\epsilon\omicron\nu\tau-$), а не $\Lambda\epsilon\acute{o}\nu\tau\iota\omicron\varsigma$ 'Леонтий'; то же явление в Остромировом Евангелии: $\lambda\epsilon\omicron\nu\tau\alpha$ ($\Lambda\epsilon\omicron\nu\tau\iota\omicron\upsilon$) [OCSD, см. $\lambda\epsilon\omicron\nu\tau\iota\omicron\upsilon$]. Форма $\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$ оформлена по модели $*j\delta$ -основы с палатальным согласным, хотя, как и в формах $\sigma\iota\sigma\iota\nu\zeta$, $\lambda\epsilon\omicron\nu\tau\zeta$, в конце основы следовало бы ожидать твердый согласный (об этой особенности пойдет речь далее). Фонетически похожее явление мы видим в лексемах $\epsilon\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$, $\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$ (' $\text{H}\rho\alpha\chi\lambda\eta\varsigma$ 'Геракл'), которые отмечены только в Супрасльской рукописи (варьирование гласного первого слога объясняется разными возможностями передачи греч. η — в соответствии с «классическим» произношением или с отражением итацизма) [Чигоев 2014: 41]: $\omicron\upsilon\beta\omicron\iota\varsigma$ $\varsigma\alpha$ величества бога и великаго аполона добыаго · и еракла иже въсѣхъ цѣсаꙋръ · и дна Supr 115: 7–8; $\text{пoжyрѣте великоyоyмоy бoгoу ираклю}$ Supr 176: 28 [OCSD, см. $\epsilon\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$, $\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$].

Убедительную интерпретацию написания $\kappa\epsilon\lambda\delta\iota\kappa$ (?) предложил А. А. Гиппиус (в личном письме), обратив внимание на две ошибки в Темничской надписи: во второй строке в слове $\sigma\iota\sigma\iota\nu\zeta$ буква ι исправлена из ϵ , а в пятой строке буква ϵ в первом слове образует лигатуру с α , треугольная петля которой отчетливо просматривается слева от ϵ . В обоих случаях резчик повторяет предшествующие знаки: в написании $\sigma\iota\sigma\iota\nu\zeta$ — соседнюю слева букву ι , а в форме $\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$ (точнее, $\underline{\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta}$) — начальную букву α предшествующего слова. Очевидно, что в написании $\kappa\epsilon\lambda\delta\iota\kappa$ (?) сочетание $\kappa\lambda$ вместо ожидаемого $\kappa\delta$ (ср. Ἐχδίκιος) тоже появилось под влиянием предшествующей формы $\iota\rho\alpha\kappa\lambda\zeta$, чему способствовало графическое сходство δ и λ . Не став исправлять — и не имея возможности удалить — явно лишнюю букву λ , резчик продолжил писать это слово, как если бы буквы λ не было, добавив неэтимологический $\epsilon\rho$ (ζ), естественный в заимствованном слове между взрывными κ и δ , сравним $\epsilon\kappa\delta\iota\kappa\iota\varsigma$ в Супрасльской рукописи, $\epsilon\eta\omicron\upsilon\pi\tau\zeta$ в Боянском палипсесте [OCSD, см. $\epsilon\kappa\delta\iota\kappa\iota\varsigma$, $\epsilon\eta\omicron\upsilon\pi\tau\zeta$]. Находясь перед слогом с гласным переднего ряда, неэтимологический ζ в данном случае не подвергается «еровому умлауту», как в форме $\xi\alpha\nu\tau\iota\alpha\varsigma$, что объясняется позицией после заднеязычного согласного. В результате возникло написание, которое следует читать как $\kappa\epsilon\lambda\zeta\delta\iota\kappa$, испорченное $*\kappa\epsilon\lambda\zeta\delta\iota\kappa$, — написание, невозможное фонетически (ζ не может находиться после палатального согласного), но объяснимое как сочетание описки (под влиянием предшествующей словоформы) с неэтимоло-

гическим редуцированным. Морфологические особенности этой словоформы, отражающей усечение конечного сочетания -ιος, соответствуют славянизированным формам сисинъ, леонтъ, иракль.

Предлагаем исправленный наборный текст Темничской надписи:

- 1 $\overline{\text{CT}}\text{ЪИ} \cdot \text{ЃАНЪТИАСЪ}$ [Ξάνθιος] ·
- 2 $\text{CICIN}\text{Ъ}^*$ [Σισίν(ν)ιος] · $\text{ΛEONT}\text{Ъ}$ [Λεόντιος] ·
- 3 $\text{MELIT}\text{Ъ}$ [Μελίτων] · CEBΓIPAN [Σευηριανός] ·
- 4 ΦILOKTIMON [Φιλοκτῆμων] · ANΓHC [Αγγίας] ·
- 5 $\text{IPAK}\text{Ъ}^{**}$ <так!> [Ἰράκλειος] · $\text{IKC}\text{Ъ}^{\text{***}}\text{ДИК}^{***}$ <так, вместо *икъдик> [Ἰκδίκιος] ·
- 6 $\text{KYPION}\text{Ъ}$ [Κυρίων] · $\text{MO}\text{ΛИ}$ ·
- 7 $\text{BA} \cdot \text{ZA} \text{ NYI}$

* и исправлено из и; ** ΔИ — лигатура; *** знак палатальности «крюк» у буквы Λ и вынос буквы Ъ соединены так, что нижний штрих «крюка» в Λ и выноса в Ъ образует общий элемент обеих букв.

3. Темничская надпись в ряду древнейших памятников сербской, боснийской и хорватской кириллицы

От других известных памятников сербской, боснийской и хорватской кириллической письменности Темничскую надпись отделяет хронологический разрыв в одно или даже полтора-два столетия, что делает бессмысленным сравнение ее палеографических особенностей с сохранившейся кириллической эпиграфикой Сербии, Боснии и Хорватии⁴. Древнейшие надписи, происходящие из этого ареала, датируются третьей третью XII в. — эпохой активного развития государственных образований на территории Рашки (Раса), Хума, Зеты и Боснии, то есть временем рашского жупана Стефана Немани (1113–1199 гг.), хумского князя Мирослава (? – 1192/1198 гг.), зетского (дуклянского) князя Михаила III (1179–1186 гг.) и боснийского бана Кулина (1163–1204 гг.), к этому же времени относится древнейшая сохранившаяся кириллическая надпись с территории Далмации; по содержанию все эти надписи — ктиторско-строительные, надгробные и ктиторско-надгробные [Ђоровић 1921; Vego 1962: 30–31, 38–39, 46–47; Ђорђић 1971: 68; Томовић 1974; Чигоја 2003; Kovačić 1984; Šimić et al. 2007; Марковић 2012; Kardaš 2015: 19–25, 28, 101–103, 169–170; Вельковић 2018].

⁴ Не получила поддержки субъективно-оценочная датировка надписи второй половиной XIV в.: «Temnički natpis <...> toliko se odvaja od svih ostalih starijih ćirilčkih natpisa na Balkanu da mi se čini da bi bilo potrebno pristupiti reviziji njegovog datiranja. Zasada mogu samo da napomenem da on najranije pripada drugoj polovini XIV veka i da se je veoma sličan natpisu sa nadgrobne ploče Teodore, majke cara Dušana» [Kovačević 1961: 309].

- ктиторская надпись Стефана Немани (1170–1171 гг.) (найдена в окрестностях г. Нови Пазар, Рашка; считается ктиторской надписью монастыря Георгиевы Башни — Ђурђеви Ступови),
- надгробная надпись игумена Игнатия (1197 г.) (Косово),
- ктиторская надпись князя Мирослава (1170–1190 гг.) (Белое Поле, соврем. Черногория),
- ктиторская надпись из деревни Хумац (община Любушки) («Хумачка плоча») с единичными глаголическими буквами (кон. XII в.) (Босния),
- ктиторская надпись бана Кулина с единичными глаголическими буквами (1185–1193 гг.) (Босния),
- надгробная надпись попа Теходрага (Тѣходрагъ) (Лиштаны, община Ливно, совр. Босния и Герцеговина) с единичными глаголическими буквами (XII в.),
- надгробная надпись требиньского жупана Горда, сделанная въ дни ... мѣхѣла, князя Дукли (1173–1189 гг.) [Чигоја 2003: 15–16, там же разные мнения о датировке памятника] (совр. Республика Сербская, Босния и Герцеговина),
- надгробная надпись из Црнча (кон. XII в.) (регион Требинье, совр. Республика Сербская, Босния и Герцеговина),
- ктиторско-надгробная надпись Градяши, судьи при бане Кулине (1180–1204 гг.) (Босния),
- ктиторская Благайская надпись (1168–1196 гг.) (совр. Герцеговина, время создания — д[ъни ... сл]авѣнаго немане),
- строительно-ктиторская Повальская надпись (Поваљски натпис, Povaljski prag) (ок. 1184 г.) (средняя Далмация, остров Брач).

К этому же периоду относится грамота — «повель» — бана Кулина 1189 г., славянский текст которой представляет собой вольный перевод латинского оригинала на народный язык, свободный от церковнославянского влияния (см. о языке грамоты [Ђорић 2011]). Грамота сохранилась в трех списках, во всех трех славянский текст следует за латинским [Мошин et al. 2011: 49–52]. Десятью годами позже датируется Хиландарская грамота («Хиландарска повеља») Стефана Немани (1198–1199 гг.) [Ibid.: 67–69].

Как видно из этого перечня, место находки Темничской надписи (область Шумадия в центральной Сербии) лежит существенно севернее того обширного региона, из которого происходит древнейшая сербская, боснийская и хорватская кириллическая традиция. Самые северные области этого региона — Рашка и Косово. Судя по географии надписей, в середине — второй половине XII в. кириллическая письменность в сербско-боснийско-хорватском регионе распространялась из Рашки и

Косова не на север, где была найдена Темничская надпись, а на запад и юго-запад. Об этом же свидетельствуют и языковые особенности древнейшего памятника сербской редакции церковнославянского языка — Мирославова евангелия (ок. 1180–1191 гг.), написанного для хумского князя Мирослава, возможно, в Рашской державе и отражающего особенности моравско-призренских диалектов в сочетании с характерной западноболгарской (македонской) рефлексацией редуцированного *ѣ* в сильной позиции (*ѣ* > *о*) [Савић 2016: 271–272, 251 (там же более ранняя литература)]. Эта фонетическая особенность, в целом свойственная сербской редакции церковнославянского языка, указывает не только на регион, откуда пришла в сербские земли кириллическая письменность (западные территории Охридской архиепископии), но и на *terminus post quem* зарождения сербской церковнославянской кириллицы: он определяется временем после западноболгарской (македонской) вокализации редуцированного *ѣ* > *о* в XI в.

Таким образом, в контексте истории сербской кириллицы Темничскую надпись трудно соотнести с сохранившимися памятниками боснийского, сербского и хорватского ареала: этому препятствует, во-первых, временной разрыв между датировкой надписи и эпохой древнейших сохранившихся памятников сербской, боснийской и хорватской кириллической письменности, во-вторых, место нахождения надписи в центральной Сербии, лежащее на севере за пределами ареала распространения кириллицы в Сербии, Боснии и Хорватии во второй половине XII — начале XIII в., в-третьих, молитвенное содержание Темничской надписи, тогда как древнейшие памятники сербской боснийской и хорватской эпиграфики представляют собой исключительно ктиторские, строительные и надгробные надписи. Разумеется, Темничская надпись может отражать фрагмент древней, не представленной в других памятниках сербской кириллической традиции X–XI вв.; решающее значение для оценки этой теоретической возможности имеют сравнительные историко-лингвистические данные.

4. Фонетические и графико-орфографические особенности

4.1. Различение *ѣ* – *и*, *ѣ* – *ь* и согласных по твердости-мягкости, распределение орфограмм *ѣи* [ѣъ] – *ѣи* [у] (*ы*)

Темничская надпись не содержит никаких сербскохорватских языковых особенностей, наблюдаемых с разной степенью интенсивности уже в древнецерковнославянских рукописях «сербскохорватского подкорпуса» — Мариинском евангелии, Клоцовом сборнике и Синайской псалтири; важнейший локализирующий признак этих рукописей — де-назализация *ѣ* → *и* (графически — мена *ѣ/ѣ* на *ѣ/ѣ*), известная, впро-

чем, и в западной и северо-западной зоне македонского ареала; эти же рукописи с разной степенью интенсивности отражают смешение *ы* – *и* и *ѣ* – *ь*, которое свидетельствует о неразличении согласных по твердости-мягкости в позиции перед исконными [y] (*ѣ*) – [i], [ѣ] – [ь] [Ягич 1883: 410; von Arnim 1930: 76, 77, 79, 128, 129; Koneski, Vidoeski 1983: 120; Nuorluoto 1994: 34, 71; Schaeken, Birnbaum 1999: 97, 112; Младеновић 2003: 12, 18–19; Грковић-Мејћор 2011: 47–48; Савић 2016: 253].

Четыре древнейшие хорватские глаголические надписи X–XI вв. и рубежа XI–XII вв. демонстрируют следующую картину употребления букв *ы* – *и* и *ѣ* – *ь*. Строительная надпись из Дубровницкой жупы (XI в.) – одноеровая. В обеих релевантных позициях, где ожидалась бы буква *ы*, вместо нее использован *ѣ*: *сѣпѣ* (дважды) [Čunčić, Perkić 2009: 84–86, 104]. Аналогичное явление отмечено в написании *ѣѣ dni* ‘в те дни’ из одноеровой Башковской надписи (Bašćanska ploča) (ок. 1100 г.) [Fučić 1982: 44], что едва ли позволяет видеть в формах *сѣпѣ* и *ѣѣ* (вм. *ѣѣ*) описку, но скорее свидетельствует о некой начальной стадии перехода [y] (*ѣ*) в [i]. Далее, форма им. п. ед. ч. с напряженным [y] в надписи из Дубровницкой жупы отражает, в отличие от Темничской надписи, стяжение сочетания [yѣ] и совпадение в этой позиции [y] с [i]: *[s(ve/ve)ta s]opîē : î s(ve/ve)ti sol[ѣ]vestrѣ* [Čunčić, Perkić 2009: 84–86, 104]. В двуязычной (глаголическо-латинской) Валунской надписи (Valunska ploča) (XI в.) в единственной релевантной позиции для обозначения этимологического [y] (*ѣ*) написана неясная буква, которую Б. Фучич читал как *i: sinъ* [Fučić 1982: 223], но в которой, на наш взгляд, можно видеть и знак для *ѣ* [см. фото и прорись: Ibid.]. Древнейшая глаголическая надпись с острова Крк (X–XI вв.) (Krčki natpis) – тоже одноеровая, релевантных позиций для звука [y] (*ѣ*) в ней нет, буква для [i] в единственной релевантной позиции употреблена этимологически корректно (*zida*) [Ibid.]. Наконец, надпись из Конавле (Konavoski natpis) (XI в.) содержит только один пример этимологически корректного употребления буквы для *i* (*gospoinъ*), других релевантных позиций для [y] (*ѣ*) – [i] в этой надписи нет [Fučić, Karetanić 1999; ср. иное прочтение: Čunčić 2009].

Таким образом, книжные и эпиграфические сербскохорватские памятники XI в. отражают смешение или, по крайней мере, начальный этап смешения *ы* – *и*, причем соответствующие примеры находятся во всех немногочисленных хорватско-глаголических надписях этого периода, в которых содержатся релевантные позиции для исконного [y] (*ѣ*). Несмотря на эти примеры, очевидно, что еще в конце XII в. на территории Боснии существовали диалекты с различием [y] (*ѣ*) – [i] не после заднеязычных. Об этом со всей определенностью свидетельствует список А грамоты бана Кулина, считающийся оригиналом 1189 г.,

ср. Кѡлинь, присѣзая, приѣтель и др., но быти, правы (стяженная форма им.п. ед.ч. м.р., ср. правыи), правымь (тв.п. ед.ч. ср.р.); совпадение [y] (ѣ) с [i] отмечается только после *k*: босньски, кирѣ (стяженная форма им.п.мн.ч. м.р., ср. кьи + же) (см. изд.: [Мошин et al. 2011: 52]). Менее информативна — из-за небольшого объема текста — надгробная надпись попа Теходрага, в которой тоже различаются [y] (ѣ) и [i], ср. лѣжитъ, имѣлъ, но сыновъ, стры (аорист от с(ъ)трыти, см. об этой инновационной инфинитивной форме: [Koch 1990: 694–695]) (см. фото: [Šimić et al. 2007: 10]).

Как мы видим, еще в конце XII в. в западноштокавских диалектах Боснии письменно фиксируется различие [y] (ѣ) и [i]. Тем не менее далеко не очевидна правомерность сопоставления этих говоров с диалектным ареалом центральной Сербии XI в., из которого может происходить Темничская надпись, но который не засвидетельствован другими памятниками письменности XI–XII вв. Кроме того, нельзя не заметить других отличий Темничской надписи от одноеревой грамоты бана Кулина и одноеревой надгробной надписи попа Теходрага (строго говоря, достоверных случаев смешения *ь* с *ъ* в надписи попа Теходрага нет: форма *ѣдинѣмъ* (годъ) [Šimić et al. 2007: 10] может объясняться как результат отверждения конечного губного согласного). В Темничской надписи не только этимологически корректно употребляются буквы *ъ* и *и*, но и двуеровая орфография различает как исконные, так и неэтимологические *ъ* и *ь*. Кроме того, неэтимологический *ерь* в форме *ѣзнѣтиаѣ* коррелирует с мягкостью последующего согласного и передним рядом гласного в последующем слове, а неэтимологический *ер* в морфологически славянизированном написании *ѣклъдик* (вместо **ѣкъдик*) объясняется твердостью заднеязычного согласного. Все эти особенности свидетельствуют о различии согласных по твердости-мягкости в диалекте писца Темничской надписи. По этому признаку, важнейшему в типологии славянского консонантизма [Толстая 1977], Темничская надпись в рамках древнего балканско-славянского ареала сопоставима только с рукописями болгарско-македонского происхождения: Зографским евангелием, Супрасльской рукописью, Саввиной книгой и Хиландарскими листками, где отсутствует смешение *ъ* – *и* и *ъ* – *ь* (не в результате ерового умлаута, не в конце слова и не после *р*), причем в Зографском евангелии, Супрасльской рукописи и Хиландарских листках регулярно обозначается палатальность *ĭ*, *ĭ́*, *ĭ́́* с помощью полукруглого покрытия (в Зографском евангелии и Супрасльской рукописи) или «крюка» над буквой для *ĭ* (*ħ* в Хиландарских листках) [Diels 1932: 95; Минчева 1978: 25–33; Schaeken, Birnbaum 1999: 95, 101, 111, 116]⁵.

⁵ В Хиландарских листках буква *ħ* употребляется также в тех случаях, где условий для йотовой палатализации нет [Schaeken, Birnbaum 1999: 116].

4.2. Книжное влияние

Очевидно, это указывает на совпадение искомого палатального /i/ и изначально палатализованного («нетвердого», «невелярного», «полумягкого») /i'/ в звуке одного качества.

2021 №1 Slovëne

йотированные буквы (при этом фонетически закономерный протетический йот в написании *ѣкѣѣдѣ* отражает адаптацию грецизма к известным особенностям славянского вокализма), в-пятых, знак палатального согласного *л*, уникальный в славянской эпиграфике и известный исключительно в книжной орфографии. Интервокальный эпентетический йот в формах *сѣвѣриѣ*, *дѣгѣ* — позднепраславянская инновация, распространенная в памятниках древнего церковнославянского корпуса.

Из йотированных букв в южнославянской эпиграфике X–XI вв. *ѣ* засвидетельствована единичными примерами в Мурфатларской надписи № 5 (в работе [Добрев, Попконстантинов 1985: 666] указана под № 2; речь идет о форме *ѣ ѣнѣ поѣ*), Битольской надписи 1014 г., двуязычной надгробной надписи Анны (Преслав, X в.), надгробной надписи чергубыли Мостича (Преслав, втор. пол. X в.) (здесь же уникальный в древней эпиграфике пример употребления *ѣ*), надписи на керамической табличке из Преслава № 2 (X в.) (дважды; здесь же уникальный в древней эпиграфике пример употребления *ѣ*) [Томовић 1974: 25; Добрев, Попконстантинов 1985: 665–666; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 15, 83, 174–175, 205].

Буква *ѣ* отсутствует в палеографических таблицах древнеболгарской эпиграфики [Добрев, Попконстантинов 1985: 663–666]. Тем не менее она читается в надписи № 1 из монастыря Мурфатлар (X в. [?]), хотя качество фотографии не позволяет судить об этом уверенно (написание *ѣнаѣ...* издатели интерпретируют как *января* [месяца]), в надгробной надписи Тудоры (Преслав, X в.) (издатели усматривают в написании *ѣсмѣ* лигатуру *и+ѣ=ѣ*), в ктиторской надписи Павла-хартофилакса (Преслав, X в.) (в форме, явно читаемой как *дѣлаѣ[м]ѣ*, но прочитанной издателями как невозможное *дѣлаѣна*, со столь же невероятным вариантом *дѣлаѣ[н]ѣ*) и в надгробной надписи чергубыли Мостича [Томовић 1974: 25; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 74–75, 172–173, 177–176, 184–185].

В кириллической эпиграфике XII в., происходящей с территории Сербии, Боснии, Герцеговины и Далмации (впрочем, как мы видели, количество этих надписей несопоставимо меньше, чем корпус древнеболгарских надписей X–XI вв.), йотированных букв, кроме *ю*, нет [Томовић 1974: 25; Чигоја 2003: 13–29, 63–65; Kardaš 2015: 21–22; ср. Ђорђевић 1971: 77, 528–529].

4.3. Регрессивная палатальная аккомодация *l* в позиции после *k*

Самое яркое языковое явление Темничской надписи, до сих пор должным образом не осознанное в исследовательской традиции, — это написание *ираклѣ* (*Ἠράκλειος*), в котором буква *л* использована для

обозначения палатального плавного в позиции после заднеязычного согласного перед гласным переднего ряда. Будучи сугубо книжным графико-орфографическим явлением, написание *л* имеет фонетическое значение, не описанное в исторической фонетике южнославянских языков. Хотя буква *л* отражает палатальный *l̥* в позиции, где фонетически закономерные условия йотовой палатализации отсутствуют, нет оснований сомневаться в фонетической значимости графемы *л*, тем более что повторение орфограммы *кл* в ошибочном написании *ѣкълѣдик* (вместо **ѣкълдик*) свидетельствует о книжном навыке писца, то есть о графико-орфографическом узусе.

Как было сказано, в сербской славистике знак «крюк» как обозначение палатальности неизвестен. В болгарской научной традиции он объясняется как знак «за меко *л*», при этом отмечается, что из южнославянских памятников он встречается, кроме Темничской надписи, только в Хиландарских листках (11 раз)⁷, а в восточнославянских рукописях древнеболгарского происхождения известен в Изборнике 1073 г. [Минчева 1978: 26–33, 37; Eadem 2003: 394]. Наконец, российские ученые многократно писали о том, что знак «крюк» справа от букв *л*, *н* (редко — *р* и *жд*) в десятках случаев используется для указания на рефлекс йотовой палатализации. Это явление встречается в церковнославянских рукописях восточнославянского извода, среди которых Остромирово евангелие, Изборник 1073 г., Изборник 1076 г., Синайский патерик (XI в.), Слова Григория Богослова (XI в.), Чудовская псалтирь (XI в.), Архангельское евангелие (кон. XI в.), Типографский устав (XI–XII вв.), Мстиславово евангелие (до 1117 г.), Галицкое евангелие 1144 г., Выголексинский сборник (XII в.), Христинопольский апостол (XII в.); самая младшая известная рукопись, где встречаются знаки *л*, *н*, — Луцкое евангелие XIV в. [Дурново 2000/1924: 397, 401–402; Калнынь 1956: 138–142, 145; Голышенко 1987: 42–46, 55–58, 63–64, 67, 100–103, 136–138; Колесов 1980: 84–85; Успенский 2002: 159–163; Федорова 2015: 166–167; Живов 2017: 700, 703–704; ср. Галинская 2016: 58].

Таким образом, фонетическое значение написания *ираклъ* очевидно на фоне древнеболгарских и древнерусских данных, причем восточнославянские рукописи содержат тексты древнеболгарского происхождения (за исключением Выголексинского сборника, включающего древнерусские переводы). Требуют объяснений, однако, причины развития палатальности при отсутствии йотовой палатализации. Ближайшей аналогией формам *ираклъ*, *ѣкълѣдик* являются известные в южнославян-

⁷ На наличие в Хиландарских листках знака *л*, как в Темничской надписи, указал уже Л. Стоянович [Стојановић 1913: 12], однако функция этого знака осталась ему неизвестной. См. примеч. 5.

ской исторической и диалектной фонетике случаи развития палатального *ŋ* после заднеязычного *g* перед гласным переднего ряда, которые нашли отражение в орфографии древнерусских рукописей; сравним формы типа *гнѣвъ-*, *гнѣг-*, *гнѣт-* (палатальность обозначена с помощью йотированной буквы), *гнѣль-*, представленные в Изборнике 1073 г., Словах Григория Богослова, Типографском уставе, Мстиславовом евангелии, Христинопольском апостоле, Толстовском сборнике XIII в. [Васильев 1972/1913; Дурново 2000/1924: 402; Калнынь 1956: 140; Голышенко 1987: 60, 102–103, 105; Колесов 1980: 49; Успенский 2002: 160; Федорова 2015: 166–167]; о праславянском характере перехода *gn > gñ* см.: [Shevelov 1964: 209; Holzer 2020: 153], там же ниже-лужицкие примеры. В сербском языке палатальная аккомодация *ñ* возможна не только после *g*, но и после *k*, в том числе перед гласными непяреднего ряда: *гнѹсан*, *Игнѣт*, *гѣгнѣд*, *гнѣвити*, *кнѣга*, *кнѣгиња* и др.: [Васильев 1972/1913: 451–452] (там же чешские формы и русск. диал. *гнѹс*); [Белић 1999: 119]; ср. [Popović 1960: 535, 539, 575]. В сербском языке известны также случаи прогрессивной палатальной аккомодации *n*, *l* под воздействием последующего *k*: *рањка*, *црњка*, *дебелько*, *затилька* (> *затильак*) и др. [Белић 1999: 119].

Эти явления позволяют объяснить написания *ираклѣ* Темничской надписи и *ѣракля*, *ираклю* Супрасльской рукописи как примеры палатальной аккомодации *l* предшествующему *k*. Формы *ираклѣ*, *ѣкльдик*, *ѣракля*, *ираклю* невозможно рассматривать отдельно от слова *клевета*, развитие в котором палатального *l̥* отмечал А. Вайан [1952: 75], не назвав причин явления. Примеры палатальной аккомодации в слове *клевета* известны в древнерусских рукописях, восходящих к древнеболгарским оригиналам: Чудовской Псалтири (*оклѣвѣштѣштааго*), Пандектах Антиоха (*оклѣвѣтаниѣ*) [Калнынь 1956: 138, 141] и Христинопольском апостоле (*клѣветѣ каталаλίας* 1P 2,1 Christ ... ни клѣветѣ за клѣветоу *λοιδορίας ἀντὶ λοιδορίας* 1P 3,9 Christ ... ο клѣветѣ περὶ τοῦ ἐγκλήματος A25,16 Christ ... клѣветѣ ... τὰς ... αἰτίας A25,27 Christ [OCSD, см. *клевета*])⁸.

Судя по всему, палатальная аккомодация сонорных заднеязычным была региональным и нерегулярным явлением. Ее распространение ограничено центральной частью славянского ареала, насколько об этом можно судить по современным штокавским, старочешским и древнеболгарским примерам. Об этом же свидетельствует уникальность русской диалектной формы *гнѹс*, названной Л. Л. Васильевым, и отсутствие польских, словенских и чакавско-кайкавских примеров. Древнерусско-церковнославянские формы носят исключительно книжный характер и обусловлены влиянием древнеболгарских оригиналов.

⁸ В примерах из Пандектов Антиоха и Христинопольского апостола палатальный согласный обозначен с помощью йотированной буквы последующего гласного.

5. Грамматические особенности

Грамматические особенности Темничской надписи немногочисленны и малоинформативны: кроме упомянутых выше особенностей морфологической адаптации греческих имен собственных, отметим: (1) нормальную уже в древнейших памятниках одушевленную форму вин. п. = род. п. бѣ, (2) согласование прилагательного сѣѣ по форме ед. ч. в соответствии с грамматическими особенностями соседнего члена предложения, хотя императив с плюралной референцией моѣ, находящийся в конце фразы, закономерно находится во мн. ч., (3) употребление именительного падежа вместо звательного во всех случаях, объясняемое особенностями склонения соответствующих греческих существительных. Для датировки и локализации диалекта писца Темничской надписи ее грамматические особенности значения не имеют.

6. Выводы

Экстралингвистические и языковые данные не позволяют считать Темничскую надпись конца X–XI в. свидетелем древнесербской кириллической традиции. Будучи на одно-два столетия старше сохранившихся памятников сербско-боснийско-хорватского ареала, надпись найдена существенно севернее того региона, откуда происходят эти памятники, а материал плиты, на которой выполнена надпись, отсутствует в месте ее находки. Языковые особенности надписи должны отражать относительное древнее для истории сербскохорватского языка состояние вокализма и консонантизма, проявляющееся в различении еров, гласных у (ѣ) – *i* и согласных по твердости-мягкости при сохранении палатальных плавных. В отличие от Темничской надписи, древнейшие памятники глаголической письменности XI в., происхождение которых с разной степенью достоверности связывается с сербскохорватским ареалом, отражают смешение гласных у (ѣ) – *i* и неразличение согласных по твердости-мягкости (вместе с тем различение у (ѣ) – *i* засвидетельствовано в кириллических письменных памятниках западношtokавского происхождения). Следовательно, из гипотезы о сербском происхождении Темничской надписи должно следовать, что по своим фонетическим особенностям она древнее Мариинского евангелия и Клоцова сборника. Учитывая датировку этих архаичных глаголических рукописей XI в., а также принимая во внимание книжный характер графики и орфографии Темничской надписи, распространение каллиграфической книжной кириллицы на территории современной центральной Сербии следовало бы в этом случае датировать временем не позднее начала XI в., т. е. периодом более ранним, чем время возникновения глаголических Мариинского евангелия и Клоцова сборника.

Сербское происхождение Темничской надписи крайне маловероятно и на фоне древнеболгарских и древнерусских языковых данных, причем восточнославянский материал в данном случае полностью зависит от древнеболгарского. Фонетическое различие еров, гласных *y* (*ы*) – *i* и согласных по твердости-мягкости при сохранении палатальных плавных, фонетически обусловленное распределение орфограмм *ы* и *и*, употребление йотированных букв и особого знака для обозначения палатальности — весь комплекс этих явлений находит параллели не в сербско-боснийско-хорватской, а в древнеболгарской и зависящей от нее древнерусско-церковнославянской кириллической письменности X–XI вв. Несмотря на два редчайших совпадения с орфографией Хиландарских листков (особенности употребления орфограмм *ы* и *и* и знака «крюк» для обозначения палатальности), для которых не исключается западноболгарское происхождение, Темничская надпись не может быть локализована в пределах западноболгарской кириллической традиции по причине фрагментарности данных и достаточного количества параллелей с древневосточноболгарской письменностью и древнерусско-церковнославянскими памятниками, тексты которых восходят к восточноболгарским оригиналам.

Форма *иракль* Темничской надписи и *еракль*, *иракль* Супрасльской рукописи, а также древнерусско-церковнославянские написания типа *оклѣвѣштѣштадо* и подобных, свидетельствуют о развитии палатальной аккомодации *l* в позиции после *k* перед гласным переднего ряда в древнеболгарском ареале в X–XI вв. Этот вывод подтверждается известными ранее типологически близкими фактами и раскрывает значимость Темничской надписи для болгарской исторической фонетики.

Библиография

Словари

OCSD

Digital Old Church Slavonic Dictionary (Gorazd: The Old Church Slavonic Digital Hub, электронный ресурс <http://gorazd.org/gulliver/?envLang=en>)

Исследования

Белић 1999

Белић А., *Избрана дела*, 4: *Историја српског језика: фонетика, речи са деklinацијом, речи са конјугацијом*, Нови Сад, 1999.

Вайан 1952

Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

Васильев 1972/1913

Васильев Л. Л., *Труды по истории русского и украинского языков* (= Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken, 94), München, 1972.

Вельковић 2018

Вельковић Ж., Још једном о натпису попа Тѣходрага из Лиштанѣ код Ливна, *Теолошки погледи*, 51/2, 2018, 275–316.

Галинская 2016

Галинская Е. А., *Историческая грамматика русского языка. Фонетика, Морфология*, Москва, 2016.

Голыщенко 1987

Голыщенко В. С., *Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв.*, Москва, 1987.

Грковић-Мејџор 2011

Грковић-Мејџор Ј., О формирању српске редакције старословенског језика, М. Радујко, ред., *Бурђеве Ступови и Будимљанска епархија. Зборник радова*, Беране, Београд, 2011, 43–51.

Добрев 1995

Добрев И., Кирилица, П. Динеков, ред., *Кирило-Методиевска енциклопедия*, 2, София, 1995, 301–316.

Добрев, Попконстантинов 1985

Добрев И., Попконстантинов К., Епиграфика старобългарска, П. Динеков, ред., *Кирило-Методиевска енциклопедия*, 1, София, 1985, 662–677.

Дуриданов 1991

Дуриданов И., ред., *Грамматика на старобългарския език. Фонетика, морфология, синтаксис*, София, 1991.

Дурново 2000/1924

Дурново Н. Н., *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000.

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Ђорђевић 1971

Ђорђевић П., *Историја српске ћирилице*, Београд, 1971.

Калнынь 1956

Калнынь Л. Э., Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, *Ученые записки Института славяноведения*, 13, 1956, 121–225.

Карский 1979

Карский Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Ленинград, 1979.

Колесов 1980

Колесов В. В., *Историческая фонетика русского языка*, Москва, 1980.

Кривко 2020

Кривко Р. Н., К прочтению древнеболгарских надписей Крепченского скального монастыря, J. Grković-Major, N. B. Korina, S. M. Newerkla, F. B. Poljakov, S. M. Tolstaja, Hrsg., *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte. Festgabe für Anna Kretschmer*, Brno, 2020, 163–184.

Марковић 2012

Марковић М., О ктиторском натпису кнеза Мирослава у цркви Светог Петра на Лиму, *Зограф*, 36, 2012, 21–46.

Минчева 1978

Минчева А., *Старобългарски кирилски откъслечи*, София, 1978.

Минчева 2003

Минчева А., Хилендарски листови, Л. Грашева, гл. ред., *Кирило-Методиевска енциклопедия*, 4, София, 2003, 392–395.

Младеновић 2003

Младеновић А., Прилог објашњењу неких особина језика Маријинског четворојеванђеља, *Археографски прилози*, 25, 2003, 11–32.

Мошин et al. 2011

Мошин В., Ђирковић С., Синдик Д., *Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника*, 1, Београд, 2011.

Радојчић 1975

Радојчић С., *Узори и дела старих српских уметника*, Београд, 1975.

Савић 2016

Савић В., Српска редакција црквенословенског језика: од св. Климента, епископа словенског, до св. Саве, архиепископа српског, *Slověne*, 5/2, 2016, 231–339.

Станојевић 1926–1927

Станојевић С., О темнићком натпису, *Јужнословенски филолог*, 6, 1926–1927, 215–216.

Стојановић 1913

Стојановић Љ., Темнићки натпис X–XI века (у Народном музеју у Београду бр. 2667), *Јужнословенски филолог*, 1/1–2, 1913, 4–20.

Толстая 1977

Толстая С. М., К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках, *Советское славяноведение*, 1977, 1, 83–88.

Томовић 1974

Томовић Г., *Морфологија ћириличких натписа на Балкану*, Београд, 1974.

Трифуновић 2001

Трифуновић Ђ., *Ка почецима српске писмености* (= Библиотека «Постојбина», 1), Београд, 2001.

Турилов 2012

Турилов А. А., *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики*, Москва, 2012.

Ђоровић 1921

Ђоровић В., Поваљски натпис са Брача, *Јужнословенски филолог*, 2/1–2, 1921, 123–126.

Ђорић 2011

Ђорић Б., *Повеља бана Кулина: графемика, фонемика, морфемика*, Београд, 2011.

Успенский 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., испр. и дополн., Москва, 2002.

Федорова 2015

Федорова М. А., Орфография Мстиславова евангелија и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода, *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*, сер. 9, 2, 2015, 164–176.

Чигоја 1987

Чигоја Б., Темнићки натпис, *Анали Филолошког факултета Београдског универзитета*, 18, 1987, 201–217.

Чигоја 2003

Чигоја Б., *Најстарији српски ћирилски натписи (графија, ортографија и језик)*, Београд, 2003.

Чигоја 2006

Чигоја Б., *Траговима српске језичке прошлости* (= Библиотека Књижевност и језик, 13), Београд, 2006.

Чигоја 2014

Чигоја Б., *Најстарији српски ћирилски натписи: XI–XV век (графија, ортографија и језик)* (= Библиотека Ортограф, 3), Београд, 2014.

Ягич 1883

Ягич И. В., *Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями*, С.-Петербург, Берлин, 1883.

von Arnim 1930

von Arnim B., *Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum* (= Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3), Leipzig, 1930.

Čigoja 2010

Čigoja B., Einige philologische Anmerkungen über die Entwicklung der serbischen kyrillischen Schrift seit dem Beginn des Schrifttums bis zur Annahme der Reform von Vuk Karadžić, B. Brehmer, B. Golubović, Hrsg., *Serbische und kroatische Schriftlinguistik. Geschichte, Perspektiven und aktuelle Probleme* (= Studien zur Slavistik, 25), Hamburg, 2010, 31–54.

Čunčić 2009

Čunčić M., Novo čitanje hrvatskoga glagoljskoga Konavoskoga natpisa iz 11. stoljeća, *Slovo*, 59, 2009, 123–133.

Čunčić, Perkić 2009

Čunčić M., Perkić M., Hrvatski glagoljski natpis Župe dubrovačke iz 11. stoljeća, *Slovo*, 59, 2009, 77–122.

Diels 1932

Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, 1 (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, 1. Reihe: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg, 1932.

Fučić 1982

Fučić B., *Glagoljski natpisi* (= Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 57), Zagreb, 1982.

Fučić, Kapetanić 1999

Fučić B., Kapetanić N., A Glagolitic inscription in Konavle, *Dubrovnik Annals*, 3, 1999, 7–11.

Gavrilović 2001

Gavrilović Z., *Studies in Byzantine and Serbian Medieval Art*, London, 2001.

Holzer 2020

Holzer G., *Untersuchungen zum Urslavischen: Einleitende Kapitel, Lautlehre, Morphematik* (= Schriften über Sprachen und Texte, 13), Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, 2020.

Kardaš 2015

Kardaš M., *Jezik i grafija srednjovjekovne bosanske epigrafike*, Sarajevo, 2015.

Koch 1990

Koch Ch., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums*, 2: *Anmerkungen* (= Münchener Universitätsschriften: Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/2), München, 1990.

Koneski, Vidoeski 1983

Koneski B., Vidoeski B., *A Historical Phonology of the Macedonian Language*, with a survey of the Macedonian dialects and a map by B. Vidoeski (= Historical Phonology of the Slavic Languages, 12), Heidelberg, 1983.

Kovačević 1961

Kovačević J., Prvi klesari ćirilčkih natpisa na Balkanu, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. Arheologija*, 15–16, 1961, 309–316.

Kovačić 1984

Kovačić S., Povaljska listina i Povaljski prag (u povodu 800. obljetnice darovnice kneza Brečka), *Crkva u svijetu*, 19/4, 1984, 407–412.

Marguliés 1927

Marguliés A., *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis* (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, 3. Reihe: Texte und Untersuchungen, 4), Heidelberg, 1927.

Nuorluoto 1994

Nuorluoto J., *Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung* (= Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 24), München, 1994.

Popkonstantinov, Kronsteiner 1994

Popkonstantinov K., Kronsteiner O., *Altbulgarische Inschriften* (= Die Slawischen Sprachen, 36), Salzburg, 1994.

Popović 1960

Popović I., *Geschichte der serbischen Sprache*, Wiesbaden, 1960.

Schaeken, Birnbaum 1999

Schaeken J., Birnbaum H., *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern)* (= Slavistische Beiträge, 382), München, 1999.

Shevelov 1964

Shevelov G. Y., *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic*, Heidelberg, 1964.

Šimić et al. 2007

Šimić M., Marić M., Škegro A., Pop Tjehodrag i njegov natpis, *Povijesni prilozi*, 2007, 26/33, 9–31.

Vego 1962

Vego M., *Zbornik srednjovjekovnih natpisa Bosne i Hercegovine*, 1, Sarajevo, 1962.

References

von Arnim B., *Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum* (= Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3), Leipzig, 1930.Belić A., *Izbrana dela*, 4: *Istorija srpskog jezika: fonetika, reči sa deklinacijom, reči sa konjugacijom*, Novi Sad, 1999.Čigoja B., Temnićki natpis, *Analiz Filološkog fakulteta Beogradskog univerziteta*, 18, 1987, 201–217.Čigoja B., *Najstariji srpski ćirilski natpisi (grafija, ortografija i jezik)*, Belgrade, 2003.Čigoja B., *Tragovima srpske jezičke prošlosti* (= Biblioteka Književnost i jezik, 13), Belgrade, 2006.Čigoja B., *Einige philologische Anmerkungen über die Entwicklung der serbischen kyrillischen Schrift seit dem Beginn des Schrifttums bis zur Annahme der Reform von Vuk Karadžić*, B. Brehmer, B. Golubović, Hrsg., *Serbische und kroatische Schriftlinguistik. Geschichte, Perspektiven und aktuelle Probleme* (= Studien zur Slavistik, 25), Hamburg, 2010, 31–54.Čigoja B., *Najstariji srpski ćirilski natpisi: XI–XV vek (grafija, ortografija i jezik)* (= Biblioteka Ortograf, 3), Belgrade, 2014.Ćorović V., Povaljski natpis sa Brača, *Južnoslovenski filolog*, 2/1–2, 1921, 123–126.Ćorić B., *Povelja bana Kulina: grafemika, fonemika, morfemika*, Belgrade, 2011.Čunčić M., Novo čitanje hrvatskoga glagoljskoga Konavoskoga natpisa iz 11. stoljeća, *Slovo*, 59, 2009, 123–133.Čunčić M., Perkić M., Hrvatski glagoljski natpis Župe dubrovačke iz 11. stoljeća, *Slovo*, 59, 2009, 77–122.Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, 1 (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, 1. Reihe: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg, 1932.Djordjić P., *Istorija srpske ćirilice*, Belgrade, 1971.Dobrev I., Kirilitsa, P. Dinekov, ed., *Kirilo-Metodievskia entsiklopediia*, 2, Sofia, 1995, 301–316.Dobrev I., Popkonstantinov K., *Epigrafika starobulgarska*, P. Dinekov, ed., *Kirilo-Metodievskia entsiklopediia*, 1, Sofia, 1985, 662–677.Duridanov I., ed., *Gramatika na starobulgarskiiia ezik. Fonetika, morfologija, sintaksis*, Sofia, 1991.

Durnovo N. N., *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000.

Fedorova M. A., Orfografiia Mstislavova evangelii i problema uzkoj datirovki pamiatnikov ranne-drevnerusskogo perioda, *Vestnik Sankt-Peteburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 9, 2, 2015, 164–176.

Fučić B., *Glagoljski natpisi*, Zagreb, 1982 (= Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 57).

Fučić B., Kapetanić N., A Glagolitic inscription in Konavle, *Dubrovnik Annals*, 3, 1999, 7–11.

Galinskaia E. A., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Fonetika, Morfologija*, Moscow, 2016.

Gavrilović Z., *Studies in Byzantine and Serbian Medieval Art*, London, 2001.

Golyshenko V. S., *Miagkost' soglasnykh v iazyke vostochnykh slavian XI–XII vv.*, Moscow, 1987.

Grković-Mejdor J., O formiranju srpske redakcije staroslovenskog jezika, M. Radujko, ed., *Djurdjevi Stupovi i Budimljanska eparhija. Zbornik radova*, Berane, Belgrade, 2011, 43–51.

Holzer G., *Untersuchungen zum Urslavischen: Einleitende Kapitel, Lautlehre, Morphematik* (= Schriften über Sprachen und Texte, 13), Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, 2020.

Kalnyn L. E., Razvitie kategorii tverdsti i miagkosti soglasnykh v russkom iazyke, *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia*, 13, 1956, 121–225.

Kardaš M., *Jezik i grafija srednjovekovne bosanske epigrafike*, Sarajevo, 2015.

Karskii E. F., *Slavianskaia kirillovskaia paleografiia*, Leningrad, 1979.

Koch Ch., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums. II: Anmerkungen*, (= Münchener Universitätsschriften: Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/2), Munich, 1990.

Kolesov V. V., *Istoricheskaia fonetika russkogo iazyka*, Moscow, 1980.

Koneski B., Vidoeski B., *A Historical Phonology of the Macedonian Language*, with a survey of the Macedonian dialects and a map by B. Vidoeski (= Historical Phonology of the Slavic Languages, 12), Heidelberg, 1983.

Kovačević J., Prvi klesari ćirilčkih natpisa na Balkanu, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. Arheologija*, 15–16, 1961, 309–316.

Kovačić S., Povaljska listina i Povaljski prag (u povodu 800. obljetnice darovnice kneza Brečka), *Crkva u svijetu*, 19/4, 1984, 407–412.

Krivko R. N., K prochteniiu drevnebolgarskikh nadpisei Krepchenskogo skal'nogo monastyrja, J. Grković-Major, N. B. Korina, S. M. Newerklá, F. B. Poljakov, S. M. Tolstaja, Hrsg., *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte. Festgabe für Anna Kretschmer*, Brno, 2020, 163–184.

Marguliés A., *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis* (= Sammlung slavischer Lehr- und Hand-

bücher, 3. Reihe: Texte und Untersuchungen, 4), Heidelberg, 1927.

Marković M., O ktitorskom natpisu kneza Miroslava u crkvi Svetog Petra na Limu, *Zograf*, 36, 2012, 21–46.

Mincheva A., *Starobulgarski kirilski otkuslets*, Sofia, 1978.

Mincheva A., Hilendarski listove, L. Grasheva, ed., *Kirilo-Metodievskia entsiklopediia*, 4, Sofia, 2003, 392–395.

Mladenović A., Prilog objašnjenju nekih osobina jezika Marijinskog četvorjevandjelja, *Arheografski prilozi*, 25, 2003, 11–32.

Mošin V., Ćirković S., Sindik D., *Zbornik srednjovekovnih ćirilčkih povelja i pisama Srbije*, Bosne i Dubrovnika, 1, Belgrade, 2011.

Nuorluoto J., *Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung*, Munich, 1994 (= Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 24).

Popkonstantinov K., Kronsteiner O., *Altbulgarische Inschriften*, Salzburg, 1994 (= Die Slawischen Sprachen, 36).

Popović I., *Geschichte der serbischen Sprache*, Wiesbaden, 1960.

Radojčić S., *Uzori i dela starih srpskih umetnika*, Belgrade, 1975.

Savić V., The Serbian Redaction of the Church Slavonic Language: From St. Clement, the Bishop of the Slavs, to St. Sava, the Serbian Archbishop, *Slovène*, 5/2, 2016, 231–339.

Schaeken J., Birnbaum H., *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern)* (= Slavistische Beiträge, 382), Munich, 1999.

Shevelov G. Y., *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic*, Heidelberg, 1964.

Šimić M., Marić M., Škegro A., Pop Tjehodrag i njegov natpis, *Povijesni prilozi*, 2007, 26/33, 9–31.

Stanojević S., O temničkom natpisu, *Južnoslovenski filolog*, 6, 1926–1927, 215–216.

Tolstaya S. M., K tipologičeskoj kharakteristike kategorii palatal'nosti v slavianskikh iazykakh, *Sovetskoe slavianovedenie*, 1977, 1, 83–88.

Tomović G., *Morfologija ćirilčkih natpisa na Balkanu*, Belgrade, 1974.

Trifunović Dj., *Ka počecima srpske pismenosti* (= Biblioteka "Postojbina", 1), Belgrade, 2001.

Turilov A. A., *Mezhlavianskie kul'turnye sviazi epokhi Srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian. Etiudy i kharakteristiki*, Moscow, 2012.

Uspenskij B. A., *Istoria russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3th ed., Moscow, 2002.

Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.

Vasilyev L. L., *Trudy po istorii russkogo i ukrain-skogo iazykov*, Munich, 1972 (= Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken, 94).

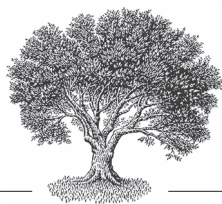
Vego M., *Zbornik srednjovekovnih natpisa Bosne i Hercegovine*, 1, Sarajevo, 1962.

Veljković Ž., Još jednom o natpisu popa Tĕhohodraga iz Lištanâ kod Livna, *Teološki pogledi*, 51/2, 2018, 275–316.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Ass.-Prof. Dr. **Roman Krivko**
Institut für Slawistik
Universität Wien
Spitalgasse 2–4, Hof 3
A-1090 Wien
Österreich / Austria
roman.krivko@univie.ac.at

Received March 3, 2021

К реконструкции текста «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши»

Towards the Reconstruction of the Text of *The Twelve Dreams of King Shahaisha*

Анна Абрамовна Пичхадзе

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье предпринимается попытка определить принципы реконструкции первоначального текста славянской версии «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши». Оригинал этого памятника неизвестен, предполагалось его восточное происхождение. «Сказание» сохранилось в русских и южнославянских списках XIV–XIX вв.; расхождения между отдельными списками очень значительны. В статье использован материал шести южнославянских и трех восточнославянских списков. Предложена интерпретация нескольких темных мест из «Сказания»; анализируются отличия древнейшей русской редакции от текста южнославянских списков; доказываются, что лексические русизмы русской редакции вторичны, а южнославянизмы, напротив, первичны; на основании грамматических особенностей (сохранение древних чередований в основах презенса / инфинитива глаголов) приводятся аргументы в пользу раннего (не позже XIII в.) возникновения русской редакции, представляющей собой переработку

Цитирование: Пичхадзе А. А. К реконструкции текста «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши» // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 41–56.

Citation: Pichkhadze A. A. (2021) Towards the Reconstruction of the Text of *The Twelve Dreams of King Shahaisha*. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 41–56.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

первоначального текста. В то же время перечисляются факты, которые подтверждают, что русские списки сохранили ряд аутентичных чтений, и их свидетельство для реконструкции исходного текста тем более важно, что южнославянские списки часто содержат сокращения и порчу текста и существенно расходятся между собой. Высказывается точка зрения, что реконструкция текста «Сказания» может быть довольно надежной там, где чтения хотя бы одного из двух древнейших русских списков совпадают с показаниями хотя бы одного южнославянского списка, поскольку восточнославянская и южнославянская ветви текстуальной традиции памятника рано разошлись.

Ключевые слова

средневековая славянская письменность, текстология, церковнославянский язык

Abstract

In this paper, the attempt is made to define principles for the reconstruction of the primary Slavonic version of *The Twelve Dreams of King Shahaisha*. The original of the tale is unknown; it is supposed to be of Oriental provenance. *The Twelve Dreams* has survived in Russian and South Slavonic copies from the 14th–19th cc.; the discrepancies between single manuscripts are very significant. For the present study, six South Slavonic and three East Slavonic manuscripts have been used. The paper interprets some obscure fragments of *The Twelve Dreams*, examines the differences between the oldest Russian redaction and the text of the South Slavonic manuscripts and argues that the lexical Russisms of the Russian redaction are secondary and the lexemes characteristic of South Slavonic dialects, on the contrary, are primary. Certain grammatical peculiarities (conservation of the archaic vowel alternations in the presence / infinitive verb stems) are regarded as an argument for the early (before the end of the 13th c.) emergence of the Russian redaction which is a result of the revision of the original Slavonic text. At the same time, some facts are adduced confirming that the Russian manuscripts preserve a range of authentic readings and that their evidence is of value for the reconstruction of the original text, especially since the South Slavonic manuscripts often contain abridged or corrupted text and diverge essentially. The author claims that the reconstruction of the primary Slavonic text of *The Twelve Dreams* may be rather reliable in the places where the readings of at least one of the two earliest Russian manuscripts coincide with the readings of at least one South Slavonic manuscript because of the early split of the textual tradition into an East Slavonic and a South Slavonic branch.

Keywords

Medieval Slavonic writings, Textual Criticism, Church Slavonic language

«Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» — апокрифический памятник, повествующий о том, как мудрец Мамер истолковал по просьбе царя Шахаиши¹ его сны; согласно толкованиям, сны предвещали последние времена перед концом света. «Сказание» сохранилось в южнославянских и древнерусских списках XIV–XIX вв. В византийской письменности похожий текст не обнаружен. Предполагалось восточное происхождение памятника [Веселовский 1879; Ольденбург 1892; Idem 1924; Gaster 1900; Рыстенко 1904: 85–91; Кузнецов 1976; Shapira 2001; Lourié 2013], в том числе ввиду *-ш-* в имени царя: при переводе с греческого ожидалось бы *-с-*. Однако и в восточной традиции источник славянской версии пока не найден.

Южнославянские списки «Сказания» перечислены в [Miltanova 2011: 429–430; Mitani 2018: 5–6]. Самый ранний из них — сборник № 29 из монастыря Савина в Черногории (*Сав29*) — датируется временем ок. 1380 г. Он опубликован в [Miltanova 2011: 445–449] и ниже цитируется по этому изданию с указанием номеров секций, на которые текст поделен в издании. В этом сербском списке очень много искажений. Другой сербский список, со следами среднеболгарского оригинала, — в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета, Canon. Lit. 413, XV в. — не опубликован и доступен мне только по выпискам в [Miltanova 2011]. Еще два сербских списка — из библиотеки Национального музея в Праге IX.Н.16: 1646, XV в. (*Пр*) и библиотеки Венского университета I.26054, XVI в., со следами среднеболгарского оригинала (*Вен*), — опубликовал И. Поливка [Polívka 1889: 188–194; Idem 1891: 157–160]; по этим изданиям они цитируются ниже с указанием страниц. Венский список имеет много сокращений по сравнению с другими южнославянскими списками, а в текстологическом отношении, как будет показано ниже, близок Бодлеянскому списку. П. Потапов [1928: 124–129] издал «Сказание» по рукописи Национальной библиотеки Кирилла и Мефодия в Софии № 309 (*Соф*) с разночтениями по списку из Пловдивской библиотеки им. Ивана Вазова № 101 (*Пл*) — оба списка XVI в., болгарского происхождения с сербизмами. Софийский список доступен на сайте библиотеки², а пловдивский был издан Б. Ангеловым [1958]. Еще один сербский список, XVII в., из собрания А. И. Хлудова (*Хлуд*) издан П. Срећковићем и цитируется ниже с указанием страниц по изданию [Срећковић 1892]; текст *Хлуд*, как и *Вен*, существенно сокращен по сравнению с остальными южнославянскими списками. Кроме того, известен болгарский список Центра славяно-византийских

¹ Имя царя варьируется в рукописях, см.: [Милтенова 2013: 371].

² Электронные копии рукописей Национальной библиотеки Кирилла и Мефодия в Софии: <http://82.147.128.134/slr/public/>.

исследований им. Ивана Дуйчева № 17, пер. пол. XVII в., представляющий собою копию *Соф* [Милтенова 2013: 365], и список XIX в., содержащий версию «Сказания» на народном болгарском языке [Николова 2009]. Два последних списка остались мне недоступны.

В русских списках представлены две редакции «Сказания»; вторая возникла на основе первой и содержит интерполяцию из «Откровения» Мефодия Патарского [Рыстенко 1904]. К первой редакции принадлежат три списка, изданные А. Н. Веселовским: в основу издания положен список РНБ, Кир.-Бел. № 22/1099, XV в., разночтения приведены по списку РГБ, МДА (ф. 173), № 162 (л. 3–7), который ученый датировал началом XVI в., — теперь этот список (*МДА162*) датируется второй половиной XV в.³ [СК XV: 222, № 2290], — а также по списку собрания П. П. Вяземского (РНБ, ф. 166. Ф. XVI) середины XVIII в. [Веселовский 1879]. А. Н. Веселовский указал также на список Царск. 407, XVII в., по его предположению, относящийся к той же редакции [Ibid.: 4]⁴. Еще один список — РГБ, собр. Синодальной библиотеки (ф. 272), № 368, рубежа XVI–XVII вв. (лл. 396–403) — описан К. Митани [Mitani 2018: 9–10]; впрочем, как будет показано ниже, он часто контаминирует чтения русской редакции и южнославянских списков. Ниже *Кир.-Бел.* цитируется с указанием страниц по изданию [Веселовский 1879], а *МДА162* и *Син368* — с указанием листов.

Известна также румынская версия «Сказания», отразившаяся, в частности, в списке 1786 г., изданном в [Gaster 1900]. Текст здесь существенно сокращен по сравнению со славянской версией. Румынский список гораздо ближе к южнославянским спискам, чем к русской редакции (вопреки [Miltanova 2011: 432, 444; Милтенова 2013: 363], где утверждается, что румынская версия зависит от второй русской редакции, и [Mitani 2018: 8], где указано на зависимость румынской версии от первой русской редакции).

Писцы довольно свободно относились к тексту «Сказания», поэтому списки, в особенности южнославянские, демонстрируют значительное число разночтений; сильные расхождения наблюдаются в начале и в конце памятника. Реконструировать общий протограф сохранившихся списков крайне трудно. Тем не менее, как неоднократно отмечалось исследователями, все списки восходят к одному первоисточнику, который подвергался разнообразным изменениям в процессе копирования. Текст первой редакции русских списков более единообразен, но он представляет собой версию, вторичную по отношению к тексту

³ Оцифрованная рукопись: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173-i-162/>.

⁴ Ныне этот рукописный сборник, ранее принадлежавший И. Н. Царскому, хранится в ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 541 (4^я); описание: [Леонид 1894: 112].

южнославянских списков, — что, однако, не умаляет его значения для реконструкции исходного облика «Сказания» ввиду значительной порчи в южнославянских списках.

Русская редакция (здесь и далее речь идет о первой русской редакции) содержит множество мелких парафраз и добавлений. Например, в толковании 1-го сна вместо пассажа южнославянских списков, лаконично изображающего нарушение естественного порядка в последние времена, — *прѣстѣжитъ зима на лѣто. а лѣто на зимѣ. и бѣдетъ зима посрѣдѣ лѣта*, — в русской редакции читается: *стихѣ прѣмѣна(т) ѡбыхаа своѣ. осень престоупитъ на зиму. а зима оупадетъ на весну. среди лѣта зима бѣдетъ* (в *Син368* контаминированное чтение: *лѣто прѣстѣжитъ на зиму. а зима на весну. и среди лѣта зима бѣдетъ* 397 об.). Румынская версия здесь согласна с русской [Gaster 1900: 628, 632]. Яркие примеры редакторской правки в русских списках можно видеть, например, в описании 11-го сна, см.: [Miltanova 2011: 443], ср. еще: [Mitani 2018: 21–23]. Кое-где редактор вставлял цитаты из Евангелия [Рыстенко 1904: 43]⁵.

На фоне многочисленных перестроек текста такого рода вторичными выглядят и лексические варианты русской редакции (см. их перечень в: [Ibid.: 47–49]). Одна из замен проведена по всему тексту, хотя и непоследовательно: *врѣмѣ* заменено на *година* в толкованиях 2–4-го, 6-го, 8-го, 10-го и 12-го снов, но оставлено без изменений в толкованиях 1-го (дважды), 5-го, 7-го, 9-го и 11-го снов; в южнославянских списках употребляется только *врѣмѣ*. Сама непоследовательность замены и, начиная с 5-го сна, регулярное чередование двух синонимов указывает на вторичную правку, вызванную, вероятно, стилистическими причинами — стремлением к разнообразию. Другие замены фиксируются единично: вместо *първыи* в русской редакции читается *древньии*, вместо *младъ* — *юнъ*, вместо *мыто* ‘взятка’ — *мъзда*, вместо *кривъ* — *виноватыи*, вместо *дѣлатель* — *рѣмьствьникъ*, вместо *риза* — *пъртъ*, вместо *коучька* ‘сука’ (слово, чуждое древнерусскому узусу) — *ценица*. Часто меняются целые фразы — например, в пересказе 6-го сна в южнославянских списках употреблено выражение *въгрѣзнуѣти / огрѣзнуѣти / оугрѣзнуѣти / погроузнуѣти въ калъ*, в русской редакции сказано по-другому: *въ калъ въпасти до гърла* [Miltanova 2011: 438].

Строго говоря, направление перечисленных замен неочевидно, но к выводу о вторичности вариантов именно русской редакции склоняют другие, более доказательные случаи. Так, не вполне адекватным

⁵ Завершающий толкование 11-го сна пассаж, содержательно очень близкий к Сир 13:23, тем не менее не является библейской цитатой; он читается как в русских, так и в южнославянских списках.

образом в толковании 1-го сна перифразируется существительное **новакъ**, которое восточнославянским диалектам, по-видимому, было неизвестно: в русском языке его продолжения отсутствуют, а в украинском и белорусском они могли появиться под влиянием западнославянских языков, в то время как в восточнославянском ареале активно использовался синонимичный вариант с другим суффиксом — **новѣк** [ЭССЯ 25: 226–227]. В южнославянских списках «Сказания» читается вполне осмысленная фраза: **отъ своѣго рода изидетъ / отидѣтъ въ нѣнъ родъ. новакъ вѣдетъ / новакы вѣдѣтъ** ‘из своего рода уйдет / уйдут в другой род, пришелец / пришельцы (букв.: новичок / новички) будет / будут’, в русской редакции — **отъ своихъ градовъ въ нынѣ грады поидутъ. акы вѣноватъса**. Этот пример иллюстрирует любопытный прием, к которому прибегает редактор: он может использовать для замены материально похожее слово, даже если оно не синонимично исходному: **градъ** вместо **родъ** или **акы**, представляющее собой слегка видоизмененный суффикс исходного **новакъ**; возникшее в результате преобразований **акы вѣноватъса** не дает хорошего смысла.

Еще одну несомненно вторичную замену находим в толковании 2-го сна: в южнославянских списках здесь читается **роди вѣси вѣниа вѣмѣне оукланатъса**, в русской редакции — **плѣмена отъ вѣниа слоужбы оукланатъса**. В эсхатологическом контексте ожидаемо упоминание назначенного Богом срока — **вѣниа вѣмѣне**, но поскольку выражение это было не вполне понятно, редактор заменил его на тривиальное **вѣниа слоужбы**.

А. И. Соболевский [1980: 146] включил «Сказание» в число древнерусских переводов и перечислил несколько русизмов из нашего памятника. В действительности в русской редакции количество лексических русизмов — учитывая совсем небольшой объем текста — весьма велико: **хвостатыи** (в южнославянских списках **опашитыи**), **врѣхати** (**лапати**), **вылѣсти** (**излѣсти**), **посоуль** (**мыто**), возможно, также **порота** ‘выгода, польза’ (**трѣбѣ быти**) и **власы вѣстрень** (**власи остри**) — два последних слова не зафиксированы словарями⁶. Существительное **порота**, видимо, связано с **пора** (так же, как **красота** с **краса**), а неизменяемое прилагательное **вѣстрень** — с глаголом **трепати** (как наречие **всклень** ‘полностью, до края, до крышки’ с глаголом **клепати** ‘заколачивать, закрывать’, см.: [Варбот 2012: 388–391]). В последней синонимичной паре вариант южнославянских списков **власи остри** первичен, поскольку прилагательное **остръ** в значении ‘колючий’ в церковнославянских памятниках нередко выступает в роли эпитета к существительным, обозначающим

⁶ В МДА162 еще встретился русизм **наземъ** ‘навоз’ — очевидно вторичный (в других списках **гнон**, **лон**).

волосы или власяницу [СДЯ XI–XIV 6: 233]. Поскольку многие чтения русской редакции несомненно вторичны, осторожнее допустить, что и лексические русизмы появились здесь в результате редактуры. По крайней мере один русизм — **жьмьчюгъ** / **жьньчюгъ** — может служить подтверждением такой точки зрения. Он встретился в описании 8-го сна:

видѣхъ по вселеннѣи баше разсыпано каменьє драгоє. множество, и бісеры, ї жемьчюгъ. и всѣхъ разлічныхъ оузорочїи МДА162, 6;

видѣхъ по вселеннѣи баше рассыпано каменїи драгы(х) множество. и бісеръ, и женчюгъ. и всѣхъ различны(х) оузорочїи Кир.-Бел., 8;

По всен вселеннѣи разсыпанъ баше камень драгын. бісеръ, и жемчѣгъ. ї все ра(з)личное богатѣство Син368, 401.

В этом пассаже два русизма — **жьмьчюгъ** / **жьньчюгъ** и **оузорочїе**, но **жьмьчюгъ** / **жьньчюгъ** фигурирует в тавтологичной паре с церковнославянским синонимом **бісеръ**, из чего ясно, что одно из этих слов изначально отсутствовало в тексте. Сопоставление с южнославянскими списками показывает, что **жьмьчюгъ** / **жьньчюгъ** добавлено русским редактором:

видѣхъ по всен въселеннѣи расипано каменїи и бісеръ и венци цр(с)тва ты различни Сав29, 36;

видѣхъ по васен зѣмлїи расипато драго каменѣи и бісеръ и венци царсїи все различноу Пр, 192;

видѣ(х) по въсен въселеннѣи драго каменїе и бісерїи вѣнци црѣстїи Соф, 149 об., в Пл последние три слова опущены;

видѣхъ ва васокъ васеленонъ расипано драго каменїи и бісеръ, венце царские Хлуд, 29;

видѣхъ по вѣсѣ зѣмлю расипанъ бісеръ Вен, 159;

ви(д)ѣхъ по вѣсен вѣселѣ (!) расипаннъ (!) бісеръ в Бодлеянском списке [Miltenova 2011: 439].

Если **жьмьчюгъ** / **жьньчюгъ** в русской редакции — вставка, весьма вероятно, что и второй русизм в этом пассаже — абстрактное **оузорочїи** — тоже редакторская замена первоначального вполне конкретного выражения **вѣнци црѣстїи** / **цр(с)тва**. Обращает на себя внимание, что в Син368, испытавшем влияние со стороны южнославянских списков, второго русизма нет: его чтение близко к тексту Пр.

Правда, в памятнике зафиксирован еще один русизм, статус которого неясен из-за сильного разнобоя в южнославянских списках. Он встретился в описании 2-го сна:

вѣдѣхъ с нѣси до земла сыръ брю(х) вѣсѣшь МДА162, 4;
 видѣхъ с нѣсе до земла сыръ брюхъ висѣшь Кур.-Бел., 6;
 видѣхъ ѿ земла до нѣси сыро брюхо висѣща Син368, 398.

Форма брюхъ ‘живот, брюхо’ в списках «Сказания» — единственное свидетельство существования в древнерусском языке апеллатива мужского рода, который сохранился в украинских диалектах и западнославянских языках; в старорусских источниках он засвидетельствован только в качестве имени собственного [РЭС 4: 314]. В южнославянских языках продолжения праслав. **br’uxъ* / **br’uxo* отсутствуют. Если допустить, что сыръ брюхъ — исконное чтение, пришлось бы признать первоначальную версию «Сказания» восточнославянской. Южнославянские списки излагают 2-й сон так:

видѣхъ срѣбро висѣщи. ѿ землѣ до неб(с)ь Сав29, 14;
 видѣхъ сѣрь ѡбръсь висѣшь ѿ небесъ до землѣ Пр, 189;
 видѣ(х) ѿ земл[далее обрыв, ок. 8 букв] висѣще до неб(с)ь Соф, 147;
 видѣхъ срѣпъ висѣшь ѿ нѣ(с)и и до землѣ Пл;
 видѣхъ ѿ небесъ до землѣ висѣщѣ срѣбро Хлуд, 29;
 видѣхъ гарьмъ висѣща ѿгѣ небесъ до землѣ Вен, 158;
 ви(д)ехъ гарьмъ висѣ ѿ неб(с) до землѣ Бодлеянский список [Miltanova 2011: 437].

Безусловно вторичным представляется чтение Венского и Бодлеянского списков. Остальные писцы воспроизводят последовательность **с-р-в/п(р)**, интерпретируя ее разными способами. Хлудовский список отражает стадию, предшествующую по отношению к Сав29, где, вероятно, причастие было переосмыслено как форма глагола **выситисѧ**, с чем и связана перестановка **ѿ землѣ до неб(с)ь**: согласно интерпретации писца, серебро возвышалось с земли до неба. Наиболее аутентичным кажется чтение **сѣрь ѡбръсь** ‘серый плат’, поскольку оно ближе всего к варианту русской редакции **сыръ брюхъ**⁷. Именно оно отражено в румынской версии [Gaster 1900: 629, 633]. Однако трудно понять, почему вполне понятное выражение **сѣрь ѡбръсь** подверглось такой порче во всех рукописях. Если же допустить исконность *lectio difficilior* русской редакции, преобразование загадочного и непонятного южнославянскому писцу

⁷ В. М. Лурье [Lourié 2013: 495–496] предлагает конъектуру **трѣбухъ*, поддержанную и А. Милтеновой [2013: 374], однако ее невозможно ничем подтвердить. Кроме того, базовая последовательность **с-р-в/п(р)**, которая восстанавливается на основе показаний русских и южнославянских списков в качестве исходной, лишена в этой конъектуре своего первого и последнего элемента.

сыръ брюхъ в сѣрь ѡбрусъ получает объяснение. Но такое допущение приходит в противоречие с наблюдениями о вторичности текста русской редакции в целом и с наличием в первоначальном переводе южнославянизма *новакъ* и других лексем, характерных для южнославянских памятников (см. ниже).

Вероятно, в близком к первоначальному виде изложено в русской редакции толкование 6-го сна, в котором царь увидел иереев, погрязших в грязи. В русской редакции толкование начинается неопределенно-личным предложением: *всѣхъ начнуѡтъ оучити закону*; но в *Син368*, 400 об. в этой фразе есть подлежащее *попове*. Оно заимствовано из южнославянских списков: *патрнѣрьси кп(с)поукоупник* и *по(п)вѣ* *Сав29*, 30, *патрнѣрьсѣи* и *кпнскѣпы* и *попови* *Пр*, 191, *патрнѣрхи* и *епискѣпы* и *попови* *Хлуд.*, 29, *попове* *Соф*, 148 = *Пл* = *Вен*, 158. Заканчивается толкование в русской редакции фразой о том, что те, кто начнут учить закону, не соблюдая его, ввергают свои души в вечный огонь. В южнославянских списках — кроме Хлудовского — после этой фразы толкование продолжается:

и з(а)бнѣблѣ(ва)ющи (!) прѣ(д) вѣтаремъ и ѡрекошесѣ въ жизнь соудѣтнаго свѣта и бѣгство лѣжнаго нбо въ мире соудѣи. паче мира соудѣтъ воу(д)тъ сребролюбѣць. клянѡщесѣ начнуѡтъ прѣстоупати аггѣльски вѣразъ и влѣ(д)коу попирающи именѣа ради сами ѡрекошесѣ (!) именѣа жнзнь соудѣтънаго (!) свѣта *Сав29*, 31–32

забивающе божію заповѣдь. понеже прѣвекъ ѡны прѣд вѣтаремъ ѡтрѣкъшесѣ сѣтънаго света и богатаства лѣтнаго. и пакы ѡны паче всѣхъ мирѣанъ бѣдѣтъ сребролюбѣци и начнѣтъ клетисѣ и пакы клетѣтъ прѣстѣпати. и аггѣльскы вѣразъ начнѣтъ симъ попирати въ калѣ гадѣннѣмъ и богатаствомъ и клѣтвѡпрѣстѣпленикъ *Пр*, 191–192

забивающе бжѣ законы (*Пл*: заповѣди). прѣ(д) оутаремъ(*м*) (*Пл*. доб. и прѣдъ аггѣли) ѡрекъшесѣ (!) славы и жнзни (в *Пл* нет и жнзни) сѣтънаго сего свѣта (*Пл*: мира). бѣгѣства ра(ди) тлѣннаго. и (*Пл*: и паче мѣри вместо ра(ди) тлѣннаго. и) воу(д)тъ златолюбѣци. клянѣшесѣ (*Пл*: нѣтъ = начнѣтъ) прѣстѣпати (*Пл* доб. заповѣди бжѣи). аггѣльскыи обра(з) носѣще. (здесь конец толкования в *Пл*) вѣтирають дшѣ свою въ огонь вѣчныи именѣа ра(ди) ѡрекътсѣ вѣчныѣ пице въ бесконечна(ѣ) вѣка *Соф*, 149; *Пл*.

клянѣтсѣ аг(г)лѣски вѣразъ носѣтъ *Вен*, 158.

Обличения корыстолюбивого духовенства, разумеется, не могло быть в восточном источнике «Сказания»; по-видимому, его не было и в первоначальной славянской версии, которую здесь воспроизводит русская редакция. Можно предположить, что и *попове* — не говоря уже о *патрнѣрьси* и *кпнскѣпы* — в начале толкования является вставкой южнославянской текстуальной ветви. В *Хлуд* она не попала, скорее всего, из-за сокращения, которому подвергся текст в этом списке.

Аналогичные разночтения фиксируются в толковании 7-го сна: здесь в русской редакции говорится, что в последние времена **кнѣзи и сѣди и старци сѣдити начнѹ(т) не по правдѣ** *МДА162*, 5 об. = *Кир.-Бел.*, 8 (**кнѣи и старцы соудити на(ч)чнѹ(т) неправо** *Син368*, 401). В южнославянских списках, хотя и не во всех, и здесь появляются **кпискѹпи**:

кнези и соудик. и **кпи(с)коупик** не по правоу соудеть *Сав29*, 35;
 кнезы и **епискѹпы** и сѣдик не сѣдеть по правди *Пр*, 192;
 кнѣзы и сѣдѣе і **еп(с)кпи** не сѣде(т) по прав(д)ѣ *Соф*, 149–149 об.;
 соуд(и) нъ и вла(д)ки неправо сѣдеть *Пл*, 127 (прим. 121);
 кнези и сѣдие и **епискѹпи** и попови начнѹтъ сѣдити неправедно *Хлуд*, 29;
 кнези соудеть не право *Вен*, 158.

В параллель к описанным случаям можно поставить и добавление в толковании 1-го сна, где в русской редакции читается:

И паки врази бѹ(д)ѹтъ мнози *МДА162*, 5 об. = *Кир.-Бел.*, 5;
 а потомъ вра(г) **боудеть члкоу** *Син368*, 397.

В южнославянских списках уточняется, что это будут враги крещеных (*Пр*, *Пл*) или же что сами эти враги будут крещеные (*Сав29*, *Соф*, *Вен*):

врази **кр(с)щени** оумножетсе *Сав29*, 8;
 и враговъ **крщених** много бѹдѣтъ *Пр*, 188;
 и врази **кръщени** оумножетсе *Соф*, 113 об.;
 враговъ **кръщенихъ** много бѹ(д)тъ *Пл*, 125 (прим. 23);
 врагомъ **крщенимъ** *Хлуд*, 29
 врази **кръщение** оумножетсе *Вен*, 157.

Таким образом, субъект **попове** и пассаж о корыстолюбивом духовенстве в толковании 6-го сна, **патриарси** и **кпискѹпи** в толкованиях 6-го и 7-го снов, уточнение о крещеных врагах или врагах крещеных в толковании 1-го сна имеются только в южнославянских списках. Если предположить, что они были внесены в текст сразу при создании славянской версии, придется признать, что русский редактор, несмотря на склонность к добавлениям, в том числе христианизующим, удалил все упоминания церковных реалий. Ничто не мешает, однако, сделать альтернативное предположение об их отсутствии в первоначальной версии и позднейших интерполяциях в протографе южнославянских списков. А. В. Рыстенко [1904: 39] не сомневался, что в южнославянских списках представлена вставка.

Русская редакция сохранила одно бесспорно аутентичное чтение, оно встретилося в изложении 4-го сна:

Видѣхъ кобылу съ жеребѣтемъ стару, и ворь бронъ накупъ трѣва падуць, да ворь трѣвоу тережа. дага кобылѣ, а жеребѣ лѣзаше ворь *МДА162, 5*;

кобылоу староу съ жребѣтемъ. и ворь бронъ накупъ травоу падоуць да ворь трѣвоу. тережа. дагаше кобылѣ. а жребѣ лѣзаше ворь *Кир.-Бел., 7*;

Видѣ(х) кобылоу съ жребѣтемъ, и ворь брань (!) накупъ траву падоуце. а жребѣ рѣжаше *Син368, 399 об.*

Согласно русским спискам, царь видел старую кобылу с жеребенком и вместе с ними коня сероватой (?) масти; конь щипал траву и давал кобыле, а жеребенок лизал коня. *Син368* снова отклоняется в сторону южнославянских списков, в которых жеребенок не лижет коня, а ржет:

Видѣхъ староу кобылоу кобылоу (!) съ ж(д)ебетемъ (!). ворьль бронъ накупъ треву дагаше пасти кобеле (!) а ж(д)рѣбе ꙗ дрѣжаше *Сав29, 23*;

видѣхъ старѹ кобылѹ съ ждреветемъ и ворла чрна скѣбещи травѹ и вылагаше прѣд кобылѹ да пасть. а ждреве рѣжаше *Пр, 190*;

Видѣ(х) старѹ кобылоу съ ж(д)рѣбете(м). и ж(д)рѣбе наскѣбе травѹ дааше кобыле пасти травѹ. а ж(д)рѣбе рѣзаше *Соф, 148*, в *Пл* вместо ж(д)рѣбе наскѣбе травѹ дааше кобыле пасти травѹ читается ворель наскѣбе травѹ хранеше кобылѹ;

видѣхъ старѹ кобылѹ са ждреветемъ и вораль наскѣбе травѹ и дааше пасти а ждреве хрѣжаше (!) *Хлуд, 29*;

видѣхъ кобылѹ съ жребѣ а ворьль беше наскоубѣль травѹ и даваше па(с)ти кобыла. кобыла падеше а жребѣ им рѣзеше *Вен, 158*;

видѣ(х) кобылоу жреветем(ъ). а (ворь(а)ъ [во?]) беше на(с)кѣб(а)ъ(а)ъ травѹ. и даваше па(с)ти [врѹхъ] кобыле. кобыла падеше а [ждрѣ]бѣ р[м?]заше в Бодлеянском списке [Miltanova 2011: 438].

С одной стороны, в русской редакции сохранилось исконное чтение ворь бронъ. Южнославянские писцы не понимали слова орь ‘конь, жеребец’ и заменяли его на орьль или жрѣва (*Соф*); прилагательное бронъ уцелело только в *Сав29*, в остальных списках было искажено или опущено. С другой стороны, русские книжники посчитали неуместным причастие наскоубѣ ‘нащипав’ от глагола наскоубѣти, наскоубѣж [Фасмер III: 660], хорошо засвидетельствованного в *Сав29* и *Хлуд*, и превратили его, по всей вероятности, сначала в наречие насъкоупъ ‘вместе’⁸, которое затем было преобразовано в более распространенное накоупъ ‘вместе’. А для передачи значения ‘щипать’ было добавлено причастие

⁸ Оно встречается в Лаврентьевской летописи [ПСРЛ I: 58, 182] и Выголексинском сборнике [Выг. сб.: 162].

тережа от глагола **търгати** ‘дергать, теревить’. Сохранение архаичного чередования в основах инфинитива и презенса **търгати**, **тережую** свидетельствует о древности русской редакции: она не могла возникнуть позже XIII в. Очевидно, и инфинитив глагола **лъзати**, с аналогичным чередованием в основах инфинитива и презенса, в протографе русской редакции тоже был употреблен в архаичной форме — в нулевой ступени, т. е. с редуцированным в корне. В таком случае он отличался лишь начальным согласным и качеством редуцированного от глагола **ръзати**, который, возможно, читался здесь в первоначальной версии «Сказания». Глагол со значением ‘ржать’ представлен и в румынской версии [Gaster 1900: 629, 633]. Впрочем, П. Потапов [1928: 122] считал первоначальным чтение не южнославянских, а русских списков, потому что жеребенок, лижущий коня, лучше соответствует толкованию 4-го сна, в котором говорится, что в последние времена мать сама отдаст свою дочь на блуд из корысти.

Наглядное представление о том, как прихотливо переплетены в русских и южнославянских списках исконные и вторичные чтения, дает фрагмент из толкования 1-го сна. Здесь существенно расходятся между собой даже русские списки:

кнѧзь бѹдѣтъ на кнѧзѧ и старѣишины и старѣици на точныѧ себѣ МДА162, 3;
кнѧ(з) боудѣ(т) на кнѧзѣ. и старѣишины тако(ж) Кир.-Бел., 5;
кнѧзѣ на кнѧзѧ. старецъ на хоуж(д)ьнишаѧ (!) себѣ Син368, 397.

Вероятно, к первоисточнику ближе всего МДА162, где соблюден параллелизм двух частей фразы: князь поднимется на князя, а старейшины — на равных себе. Кир.-Бел. перефразирует вторую часть, видимо, избегая прилагательного **тъчньи** ‘равный’, характерного главным образом для древнейших памятников южнославянского происхождения [Срз. III: 1059; СРЯ XI–XVII, 30: 83], так что относить его появление в МДА162 на счет древнерусского редактора или писца едва ли правомерно. Из сравнения с южнославянскими списками становится ясно, что в исходном тексте читалось **старѣици**, а вариант Кир.-Бел. **старѣишины** — его позднейшая трансформация, причем в МДА162 представлено контаминированное чтение. Син368, как и в других местах, отклоняется в сторону южнославянских списков, которые тоже демонстрируют в этом пассаже большое разнообразие вариантов:

цѣрь на цѣра встанѣтъ. старѣиць въ безоуми боудѣтъ себе Сав29, 6–7;
царь на цара встанѣтъ Пр, 188;
цѣрь на цѣра стане(т) плѣновати єдинь дрѣгого Соф, 113 об.;
цѣрь на цѣра стане(т). а тѣрьци на хоуждѣшее себѣ Пл, 125 (примеч. 22);

царь на цара встанеть и старци на ѿждшее (!) себе Хлуд, 29;
станеть царь на цара и село на село и братъ на брата Вен, 157.

Очевидно, **боудеть** в русской редакции заменило исходное **въста-
неть**, а **кнѧзь** — исходное **цѣсарь / царь** (такая замена часто встречается
в русских редакциях южнославянских текстов, см.: [Мушинская 2015:
275–280]). Первоначальное **старьци** из южнославянских списков отра-
жено в *Сав29*, *Хлуд* и — в искаженном виде — *Пл*, **сеѣѣ** тоже сохрани-
лось только в этих трех рукописях. Создается впечатление, что южно-
славянские писцы, как и русские, избегали прилагательного **тѣньныи**,
либо просто избавляясь от него, либо заменяя другими лексемами,
причем чтение *Сав29* **въ безоуми... сеѣѣ** утратило смысл. Румынская
версия ближе к *Пл*, *Хлуд* и *Син368* [Gaster 1900: 628, 633]. Сопоставляя
показания всех списков, рассматриваемую фразу можно предположи-
тельно реконструировать в следующем виде: * **цѣсарь / царь въстанеть
на цѣсара / цара и старьци на тѣньныѧ сеѣѣ**.

Представляется, что реконструкция текста «Сказания» может быть
довольно надежной там, где совпадают чтения хотя бы одного из древ-
нейших русских списков — *МДА162* или *Кир.-Бел.* — и хотя бы одно-
го южнославянского списка, поскольку восточнославянская и южно-
славянская ветви текстуальной традиции памятника рано разошлись.
Это произошло не позже XIII в.: русская редакция по лингвистическим
данным не может датироваться более поздним временем. Совпадения
Син368 с южнославянскими списками не информативны, потому что
этот список испытал влияние со стороны южнославянской традиции.
Если же ни *МДА162*, ни *Кир.-Бел.* не совпадают ни с одним южносла-
вянским списком, придется принимать решение об аутентичности того
или иного чтения — с большей или меньшей долей вероятности — на
основании критики текста, по крайней мере до тех пор, пока не будет
найден источник этого загадочного текста.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

Кир.-Бел. — Кирилло-Белозерское собрание Отдела рукописей Российской Национальной
библиотеки (С.-Петербург)

МДА — Собрание Московской духовной академии Отдела рукописей РГБ

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Библиография

Издания источников, описания рукописей и словари

Выг. сб.

Дубровина В. Ф., Бахтурина Р. В., Голышенко В. С., ред., *Выголексинский сборник*, Москва, 1977.

Леонид 1894

Леонид [Кавелин], архим., *Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, в четырех частях*, 4, Москва, 1894.

ПСРЛ I

Полное собрание русских летописей, I: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

РЭС 4

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, 4, Москва, 2011.

СДЯ XI–XIV 6

Крысько В. Б., ред., *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, 6, Москва, 2009.

СК XV

Турилов А. А., сост., *Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР*, Москва, 1986.

Срећковић 1892

Срећковић П., Неколико српских споменика, *Споменик Српске Краљевске академије*, 15, Београд, 1892, 28–30.

Срз. III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 3, С.-Петербург, 1912.

СРЯ XI–XVII, 30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 30, Москва, 2015.

Фасмер III

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 3, 2-е изд., под ред. О. Н. Трубачева, Москва, 1987.

ЭССЯ 25

Этимологический словарь славянских языков, 25, под ред. О. Н. Трубачева, Москва, 1999.

Литература

Ангелов 1958

Ангелов Б. Ст., Сказание за дванадесетте съня на цар Шахаиши, *Из старата българска, руска и сръбска литература*, 1, София, 1958, 145–151.

Варбот 2012

Варбот Ж. Ж., *Исследования по русской и славянской этимологии*, Москва, С.-Петербург, 2012.

Веселовский 1879

Веселовский А. Н., Слово о двенадцати снах Шахаиши: по ркп. XV в., *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 20/2, 1879, 4–10.

Кузнецов 1976

Кузнецов Б. И., «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 30, Ленинград, 1976, 272–278.

Милтенова 2013

Милтенова А., Сказание о двенадцати снах царя Шахиншахи: новые данные, *Християнскій Востокъ. Новая серия*, 6/12, С.-Петербург, Москва, 2013, 362–377.

Мушинская 2015

Мушинская М. С., *Изборник 1076 г.: текстология и язык*, Москва, С.-Петербург, 2015.

Николова 2009

Николова М., Рукопись № 217г из Университетской библиотеки в Софии и поздняя южнославянская традиция «Слова о двенадцати снах царя Шахиншаха», *Scripta & Scripta*, 7, 2009, 282–307.

Ольденбург 1892

Ольденбург С. Ф., К вопросу об источниках Слова о двенадцати снах Шахаиши, *Журнал министерства народного просвещения*, 1892, ноябрь, 135–140.

Ольденбург 1924

Ольденбург С. Ф., Сны Кейда, царя Канодожского и сны царя Шахаиши, *Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому*, Ленинград, 1924, 47–54.

Потапов 1928

Потапов П., К литературной истории Сказания о 12 снах царя Шахаиши, *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* (= Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского), 101/3, 1928, 120–129.

Рыстенко 1904

Рыстенко А. В., Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе, *Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете*, Одесса, 13, 1904, 23–134; Addenda к статье о 12 снах царя Мамера, 135–164.

Соболевский 1980

Соболевский А. И., *История русского литературного языка*, Ленинград, 1980.

Gaster 1900

Gaster M., The Twelve Dreams of Sehachi, *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, Oct., 1900, 623–635.

Lourie 2013

Lourie B., The Slavonic Apocalypse *The Twelve Dreams of Shahaisha*: An Iranian Syriac Reworking of a Second Temple Jewish Legend on Jambres, С. Р. Тохтасьев, П. Б. Лурье, ред., *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица*, С.-Петербург, 2013, 481–507.

Miltenova 2011

Miltenova A., Tale of The Twelve Dreams of King Shahinshahi, V. Tapkova-Zaimova, A. Miltenova, *Historical and Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria*, Sofia, 2011, 427–449.

Mitani 2018

Mitani K., The Twelve Dreams of King Shahaisha: Comparison of early Russian copies and the South Slavonic tradition, *Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures. Japanese Contributions to the XVI International Congress of Slavists*, Belgrade, August 20–27, 1, 2018, 1–29.

Polívka 1889

Polívka Gj., Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. 2. Dvanajest snova cara Šahinšaha, *Starine*, 21, 1889, 187–194.

Polívka 1891

Polívka Gj., Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. XIV. Jošte dvanajest snova cara Šahinšaha, *Starine*, 24, 1891, 155–160.

Shapira 2001

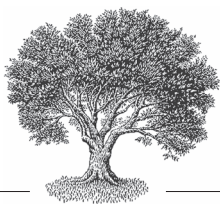
Shapira D., Irano-Slavono-Tibetica: Some Notes on Šaxaiša, Mithra, Lord Gshen-Rab, Bon, and a Modern Myth, *Христiанскiй Востокъ. Новая серия*, 3/9, С.-Петербург, Москва, 2001, 308–317.

References

- Angelov B. St., Skazanie za dvanadesette sania na tsar Shakhaisi, *Iz starata bulgarska, ruska i srbska literatura*, 1, Sofia, 1958, 145–151.
- Dubrovina V. F., Bakhturina R. V., Golyshenko V. S., eds., *Vygoleksinskii sbornik*, Moskva, 1977.
- Kuznetsov B. I., “Slovo o dvenadtsati snakh Shakhaisi” i ego sviazi s pamiatnikami literatury Vostoka, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 30, Leningrad, 1976, 272–278.
- Lourié B., The Slavonic Apocalypse *The Twelve Dreams of Shahaisha*: An Iranian Syriac Reworking of a Second Temple Jewish Legend on Jambres, S. R. Tokhtas'ev, P. B. Lourié, eds., *Commentationes Iranicae. Sbornik statei k 90-letiiu Vladimira Aronovicha Livshitsa*, St. Petersburg, 2013, 481–507.
- Miltenova A., Tale of The Twelve Dreams of King Shahinshahi, V. Tapkova-Zaimova, A. Miltenova, *Historical and Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria*, Sofia, 2011, 427–449.
- Miltenova A., Skazanie o dvenadtsati snakh tsaria Shakhinshakhi: novye dannye, *Christian East. New Series*, 6/12, St. Petersburg, Moscow, 2013, 362–377.
- Mitani K., The Twelve Dreams of King Shahaisha: Comparison of early Russian copies and the South Slavonic tradition, *Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures. Japanese Contributions to the XVI International Congress of Slavists*, Belgrade, August 20–27, 1, 2018, 1–29.
- Mushinskaia M. S., *Izbornik 1076 g.: tekstologiya i iazyk*, Moscow, St. Petersburg, 2015.
- Nikolova M., Rukopis' № 217 iz Universitetskoi biblioteki v Sofii i pozdniaia iuzhnoslavianskaia traditsiia “Slova o dvenadtsati snakh tsaria Shakhinshakha”, *Scripta & e-Scripta*, 7, 2009, 282–307.
- Oldenburg S. F., Sny Keida, tsaria Kanodozhskogo i sny tsaria Shakhaisi, *Istoriko-literaturnyi sbornik, posviashchennyi V. I. Sreznevskomu*, Leningrad, 1924, 47–54.
- Potapov P., K literaturnoi istorii Skazaniia o 12 snakh tsaria Shakhaisi, *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk* (= Sbornik statei v chest' akad. A. I. Sobolevskogo), 1928, 101/3, 120–129.
- Shapira D., Irano-Slavono-Tibetica: Some Notes on Šaxaiša, Mithra, Lord Gshen-Rab, Bon, and a Modern Myth, *Christian East. New Series*, 3/9, St. Petersburg, Moscow, 2001, 308–317.
- Sobolevskii A. I., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka*, Leningrad, 1980.
- Varbot Zh. Zh., *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii*, Moscow, St. Petersburg, 2012.

Анна Абрамовна Пичхадзе, доктор филологических наук,
 член-корреспондент РАН,
 главный научный сотрудник
 Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 119019, Москва, ул. Волхонка 18/2
 Россия / Russia
 rusyaz@yandex.ru

Received December 1, 2020

О греческом происхождении «тырновской» редакции Службы прп. Параскеве Эпиватской

A Greek Origin of the “Tarnovo” Version of the Hymnographic Office for St Paraskeva of the Balkans

Сергей Юрьевич Темчин

Институт литовского языка,
Вильнюс, Литва

Sergejus Temčinas

Institute of Lithuanian Language,
Vilnius, Lithuania

Резюме

Служба прп. Параскеве Эпиватской (Петке Тырновской) известна в нескольких редакциях, значительно различающихся составом и набором песнопений, прежде всего канонами. Одной из наиболее поздних считается «(новая, расширенная) тырновская» редакция, известная в полутора десятков списков, начиная с XV в., и содержащая два канона с инципитами *Ѡвръзи ми оусне...* (1-го гласа) и *Ѡъ свѣтъ невещьствни...* (8-го гласа), характерных для данной разновидности Службы.

Опубликовавший эту редакцию С. Кожухаров рассматривал вопрос о ее возможном переводном характере (с греческого), но не сомневался в ее славянском происхождении и датировал десятилетиями, непосредственно предшествовавшими османскому завоеванию Тырнова (1393 г.). Г. Попов установил переводной характер ее первого канона, основываясь на

Цитирование: Темчин С. Ю. О греческом происхождении «тырновской» редакции Службы прп.

Параскеве Эпиватской // *Slovëne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 57–71.

Citation: Temčinas S. (2021) A Greek Origin of the “Tarnovo” Version of the Hymnographic Office for St Paraskeva of the Balkans. *Slovëne*, Vol. 10, № 1, p. 57–71.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.4

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

сохранившемся в рукописях указании о наличии в нем азбучного акростиха и используя обратный перевод инципитов тропарей со славянского на греческий (им был опубликован лишь вывод, но не сама реконструкция).

Данная статья содержит реконструкцию исходного греческого акростиха первого канона и показывает, что второй канон той же редакции является вторичной переработкой византийского канона прп. Илариону Новому Далматскому (†845, поминается 6 июня), произведенной еще на греческой почве и лишь впоследствии переведенной на славянский язык. Хронологически эта переработка соотносится с переносом мощей Параскевы Эпиватской из Калликратии в Тырново, состоявшемся 26 июля 1231 г., и была выполнена ранее установления новой даты почитания этой святой (14 октября).

Ключевые слова

церковнославянская гимнография, переводы с греческого на славянский, азбучный акростих, прп. Параскева Эпиватская (Петка Тырновская), Иларион Новый Далматский

Abstract

The hymnographic office for St Paraskeva of the Balkans (Paraskeva of Epivates, Petka of Tarnovo) is known in several versions, significantly different in their composition and set of hymns, primarily in canons. One of the most recent is the "(new, expanded) Tarnovo" version, known at least in sixteen copies, starting from the 15th century, and containing two canons with incipits *Ѡвръзи ми оушнѣ...* (1st mode) and *Ѡъ свѣтъ невещьствъни...* (8th mode), which are characteristic of this version of the office.

It was published by S. Kozhukharov who discussed its possible translated character (from Greek), but did not doubt its Slavonic origin and dated it to the decades preceding the Ottoman conquest of Tarnovo (1393). G. Popov established the translated character of its first canon, guided by the indication of the presence of an alphabetic acrostic in it, preserved in the manuscript tradition, and using the reverse translation of the troparia incipits from Slavonic into Greek (he published merely his conclusion, but not the reconstruction itself).

This article presents a reconstruction of the original Greek acrostic of the first canon and demonstrates that the second canon of the same version is based on the Byzantine canon for St. Hilarion the New (†845, commemorated June 6). This reworking was made on Greek soil and only later translated into Slavonic. This version of the hymnographic office is chronologically associated with the transfer of St. Paraskeva's relics from Kallikrateia to Tarnovo, which took place on July 26, 1231, and is to be dated to a moment prior to the introduction of the new date for venerating this saint (October 14).

Keywords

Old Church Slavonic hymnography, Slavonic translations from Greek, alphabetic acrostic, St Paraskeva of the Balkans (Paraskeva of Epivates, Petka of Tarnovo), St Hilarion the New

Эта разновидность Службы прп. Параскеве Эпиватской (Петке Тырновской), известная по рукописям XV–XVII в., была названа ее издателем «тырновской» (современные исследователи иногда называют ее «расширенной тырновской» или «поздней тырновской») на основании упоминания болгарской столицы в некоторых ее списках (в иных оно уже устранено как неактуальное). При этом был рассмотрен вопрос о возможном греческом происхождении как всей Службы [Кожухаров 2004: 113–114, 118–119], так и ее 1-го канона *Ἐν ῥήξει μὴ οὐστῆς...* (1-го гласа), перед которым в одних списках указано по азбѣѣ, а в иных приводится акrostих Любоквию *ѣтъ мудрую Параскеву*, отсутствующий в самом тексте. Сославшись на традицию славянских псевдоакrostихов, издатель заключил, что болгарское авторство этого канона не может быть поставлено под сомнение, и предположительно связал данную редакцию Службы с деятельностью Евфимия Тырновского [Кожухаров 2004: 119–220].

Г. Попов уточнил, что определение по азбѣѣ имеет в виду азбучный акrostих, причем в данном случае не славянский, а греческий: он выявляется путем обратного перевода инципитов тропарей [Попов 2003: 38]. Несмотря на доказанный переводной характер этого канона (Г. Попов опубликовал лишь свой вывод, но не реконструкцию исходного греческого акrostиха), Евфимий Тырновский продолжает считаться вероятным или предполагаемым автором этой редакции Службы [Минева 2005: 122; Станкова 2012: 125; Чешмеджиев 2019: 59–60]. Более того, М. Йовчева [2009: 39–40] дополнительно развила беглое наблюдение С. Кожухарова [2004: 120] о стилистическом сходстве этой редакции Службы Параскеве Эпиватской с творчеством Евфимия Тырновского (Житием Параскевы Эпиватской и переработкой Службы императрице Феофано).

Недавно отмечено сходство того же переводного канона 1-го гласа (с азбучным акrostихом в греческом оригинале, который до сих пор не обнаружен в византийской рукописной традиции) с сохранившимся греческим азбучным канонам 8-го гласа (инципит: *Ἀνοίξωμεν στόμα εὐφημικὸν ᾧδαῖς ἀνυμνοῦντες...*»), который в списках XIV–XV вв. полагается под разными датами прп. Параскеве Эпиватской и мч. Кириакии Никомидийской [Йовчева 2019: 258–259], но это содержательно иное произведение.

Справедливость вывода Г. Попова об исходном греческом азбучном акrostихе (без богородичных, не участвующих в создании акrostиха) в предполагаемом оригинале 1-го канона «тырновской» редакции подтверждает выполненный мною обратный перевод на греческий инципитов ее рядовых тропарей (цитируются с введенной С. Кожухаровым нумерацией песнопений этой редакции):

1-я песнь	17. Ѡвръзи ми о҃уче...	*Ἀνοιξόν μου...
	18. Стрѣли лѣкакаго крага...	*Βέλ-
	19. Ѡ землѣ...	*Γῆθεν...
3-я песнь	25. Гредѣте...	*Δεῦτε...
	26. Ънѣтрѣ...	*Ἐνδον...
	27. Живѣши...	*Ζῆς...
4-я песнь	33. Ро҃ка твоѧ...	*Ἡ χεῖρ σου...
	34. Дверь ѿна...	*Θύρα...
	35. Ъ (вариант: ѿ) кѡпелѣ...	*Ἰδοῦ...
5-я песнь	41. Чистѣм҃у (вариант: Чиста мѣ)...	*Καθαρόν...
	42. Изѡбленіе...	*Λυτ-
	43. М҃ѣра бж҃твнаго...	*Μόρ-
6-я песнь	49. Дѣши въсѣмѣ...	*Νέμ-
	50. Странна <...> твоѧ ѿдѣса...	*Ξένα...
	51. Ъѡсѡѡтлаа...	*Ὅλο-
7-я песнь	58. Старици и юношѣ...	*Πρεσβ-
	59. Текѡщї въсѣ...	*Ρεόντων...
	60. Ты...	*Σύ...
8-я песнь	66. Тронци <...> прѣстонши...	*Τριάδι...
	67. Прѣсѡтлоу славою...	*Ὑπερ-
	68. Члѡкоубне прими...	*Φιλανθρώπως...
9-я песнь	74. Рѣчи се...	*Χαιρ-
	75. Пою...	*Ψάλλω...
	76. Ѡ Параскеви...	*Ὡ Παρασκευή...

Как видим, два тропаря (№ 35 и 41) списка *Рил2/8*, принятого С. Кожухаровым за основной, содержат уже измененные инципиты (как, впрочем, и во многих иных местах текста).

Переводной характер 1-го канона «тырновской» редакции Службы дополнительно подтверждается его типологическим сходством с греческим акростишным каноном 8-го гласа с инципитом «Ἀνοίξωμεν στόμα

εὐφημικὸν ᾠδαῖς ἀνυμνοῦντες...». Это в свою очередь вызывает вопрос о происхождении ее 2-го канона (8-го гласа), который, как будет показано ниже, является переработкой византийского канона прп. исп. Илариону Новому Далматскому (6 июня) вероятного авторства Игнатия с инципитом «Εὐ φωτὶ ἀύλῳ καὶ νοητῷ...» (не путать с его триодным канонам прп. Иоанну Лествичнику, положенным на 4-е воскресенье Великого поста и имеющим тот же инципит).

Канон Илариону Далматскому известен в нескольких славянских версиях, но ни одна из них не совпадает с положенной в основу 2-го канона «тырновской» редакции Службы Параскеве Эпиватской. Для сравнения привожу 1-й тропарь 1-й песни канона Илариону по трем известным мне рукописным версиям:

Син167 (л. 31), XII в.: Бѣ свѣтъ бесплѣтънѣдѣ. и мыслѣнѣдѣ. отъ скѣрби вѣщѣвѣны-
хѣ. вѣшѣдѣ иларионе прѣподобѣе. молтвами ти нже кѣ господоу ма просвѣти.

ТСЛ567 (л. 20об.), кон. XV — нач. XVI в.: Бѣ свѣте безвещнѣдѣ и мыслѣнѣдѣ, ѿ
скѣрбѣи и вѣществѣныхѣ вѣшѣдѣ, иларионе прѣбѣе, молтвами ти еже кѣ боу помани.

ТСЛ558 (л. 189об.), втор. пол. XV в.: свѣтѣ невѣществѣнѣи и развѣнѣнѣи. ѿ тѣмѣ свѣщѣи
вѣстѣкѣ. иларионе прѣбѣе. млтвами си нже кѣ боу ма просвѣти.

Этот тропарь «тырновской» редакции Службы Параскеве Эпиватской, дословно (лишь с опущением имени святого) повторяющий аналогичное песнопение Илариону Далматскому, известное в славянской традиции уже в XII в., был приведен С. Кожухаровым [2004: 120] в качестве примера исихастского понимания аскетического идеала. Это лишний раз показывает ненадежность выводов, основанных на результатах анализа стилистики гимнографических произведений.

Несовпадение языкового выражения заимствованных песнопений позволяет думать, что переработка канона Илариону в канон Параскеве была произведена на греческой почве и ее результат был самостоятельно переведен на славянский, без обращения к уже существующим славянским переводам исходного византийского песенного последования.

Ниже привожу 2-й канон «тырновской» редакции Службы Параскеве Эпиватской (14 октября) по изданию С. Кожухарова [2004: 124–139] параллельно с канонам Илариону Далматскому по московским обиходным «Кабинетным минеям» [КМ 1996–1997, Июнь: 73–82], воспроизводящим (с дополнениями) киево-печерское издание 1893 г. Надстрочные знаки не воспроизводятся, смысловые расхождения сопоставляемых версий выделены. Песнопения прп. Параскеве дополнительно выверены по первому изданию [Кожухаров 1971: 303–322].

**Канон 8-го гласа Параскеве
Эпиватской (14 октября)
по изданию С. Кожухарова**

Др҃ѣ канѡѣ ст҃ѣн. гла́ ѿ. Ірмѡ Бодѣ прошѣ
21. Въ свѣтѣ невестицѣнни и мисльнни.
ѿ помраченїа вѣшнаго встекши прїбѣла
мѣтвами си иже къ г҃ѣ мѣ просвети.
22. ѿ младенства съсала еси добродетель.
възрѣжанїа трѣди. и потоки постничьскыи.
въ граде ѡбита горнемѣ дх҃овнѣ ликующи.
23. Стр҃тен пачинѣ прѣшѣши. трѣвльненїа
вѣсовѣ избѣши. въ пристанище встѣми се
неошвержаемое. бестр҃тіа бж҃твное мѣти прѣтѣла.
24. Слово безмѣтрное ѿ ѡца. безъ ѡца же сѣ.
напослѣдокъ б҃гомѣжно. родила еси б҃гомѣти.
іако превнѣшнїа въсѣ тварен.
3-я песнь: Инѣ ірмѡ Ты еси ўтверждєніє
29. Попаала еси вг҃лемъ постничьства
славнаа стр҃тен трѣнїє. и прохлаждаешн вѣрнѣ
мѣдрованїа.
30. Стрѣлами изощренїи дх҃ѡ.
добродѣтельныи ѣстнаа. іако сила
вязахла еси ср҃це лютаго борца.
31. Оръжїемъ възрѣжанїа. и мѣтѣи
мнѡжествомъ въсѣтснаа. въорѣжнѣхъ
врагъ невидимѣи побѣдила еси плѣкы.
32. Вьсего лежєща въ сластѣ тѣла влѣще. и въ
сѣрнѣ ѿ нераденїа. нсхитивѣши сїси мѣ.

4-я песнь: Ин ірмѡ Оуслышѣ г҃и сѣм
37. Насаждѣ се при водахъ. възрѣжаныи
мѣти бѣгаа. лоза іавн се бѣгоцѣвѣтєшн.
бѣгоцѣстнїа грозды и злосищїа.
38. Вьсѣ изымлена бывши и дх҃оносна. вьсѣ
изьстѣпнѣши къ бж҃. Петко пребл҃женнаа.
тедѣже с аг҃ти ликѣствєши. вѣнѣ.

**Канон 8-го гласа Илариону
Далматскому (6 июня)
по московским обиходным минеям**

Ірмосъ: Бодѣ прошѣдѣ...
Въ свѣтѣ невестичьскыи и развѣнныи ѿ тѣмъ
свѣщнхъ вѣщен востекѣи, іларїѡнѣ преподобнѣ,
молитвами твоими къ бж҃ѣ мѣ просвети.
ѿ младенства ссавѣ добродѣтель, воздержанїа
болѣзньми и пѡты постныи въ мѣжа достигѣ
еси, и въ мѣрѣ дх҃овнѣю возраста х҃тѡва.
Страстен пачинѣ прѣшѣдѣ, и трѣколнѣи
делѡновѣ избѣгѣ, во пристанище оустремиласа
еси немолочно безстрастїа, бж҃е преподобнѣ.
Слово безъ матере изъ ѡца, безъ отца сего
напослѣдокъ б҃гомѣжно родила еси, єдина
б҃гомѣти, іако превнѣшнїа всѣхъ тварн.
Ірмосъ: Ты еси оутверждєніє...
Попаала еси оутѣмъ воздержанїа, преподобнѣ,
страстен тернїє, и прохлаждаешн вѣрнѣхъ
мѣдрованїа.
Стрѣлы изощренѣ добродѣтели стажаѣ
дх҃омъ, іако силєнъ, оуазвѣлѣ еси сердце лютаго
ратѡборца.
Оръжїемъ воздержанїа и молитвою, іако
бронѣи, преподобнѣ, воорѣжнѣсѣ, враговѣхъ
невидимыхъ побѣдилѣ еси полки.
Ὁλον με μολυσμένον. τοῖς πάθεσι τὴν
ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα. ἀμύλυντε παρθένε.
ἐκδυσωποῦσα μὴ παρίδῃς με. ἀλλὰ τῇ
μεσιτείᾳ σου. ἐναποπλύνουσα. καθαρὸν καὶ
σῶσόν με [RM14, f. 36v].
Ірмосъ: Оуслышахъ, г҃и...
Насаждѣнъ быхъ при водахъ воздержанїа,
бж҃е бл҃женне, лоза іавнласа еси благораслена,
благочестїа гроздїє предлагающаа.
Вьсѣ бж҃твенѣ быхъ и дх҃оносєнъ, вьсѣ изьшелъ
еси къ бж҃ѣ, іларїѡнѣ всебл҃женне: тѣмъже со аг҃тлы
ликѣши приносѡ.

**Канон 8-го гласа Параскеве
Эпиватской (14 октября)
по изданию С. Кожухарова**

39. БѢТѢВНИДѢ ДѢОМЪ ПРѢТѢАА. БНВЫШН О
ДѢО ВЪ БѢТѢВНИИ ДѢАНИ. НЕІНСТИИ ДѢИСТОВА
И ЛЮТІ БѢСОВЪ ШГНАЛА ЕСИ.

40. БѢ ХЕРВѢДѢ ПРЕКЫШШЕ ТѢ. И СЕРАФИДѢ
ВЫСПЕАЕМЪ ПРѢТѢАА. ЕГОЖЕ БО ТРЕПЕЩЕ ПОНЕСЛА
ЕСИ НА РЯКѢ СВОЕЮ ОТРОКОВИЦЕ ДѢО ДѢТИ.

5-я песнь: ННѢ ІРМОДѢ ОУТРЕНЮЩЕ

45. ОТИ СРѢДКНИИ НЕВЪСПНЕ. ВЪ БѢТѢВНИИ
ЗАПОВЕДѢ СЪБЛАЛА ЕСИ. НЕЗАЗОРНО ПРНОПОДНИЦАА.

46. БѢТѢВНИИ ТВОИ КОВЧЕГЪ ВЪСѢТНАА.
ИЩЕЛѢНІА ВЪСЕДѢ ПОДАЮЩИ. КРЕПОСТЬ
БЕСОВЪСКЪЮ ШГОННІТЪ.

47. МНОГОСТІННѢ РАСТОЧИЛА ЕСИ НИЩІИМЪ,
Ш СРЦА ВЪСѢ ШТЕШКВЫШИ. ПАРАСКЕВИ
ПРНОПОДНИЦАА.

48. БѢ СЛОВА КВЧЕГЪ ТѢ ПОКАЗА БѢЦЕ. ИЖЕ ЗАКОНЪ
ГДѢ. ВЪ НЕДЖЕ НЕСКАЗАНО ПОЖИ.

6-я песнь: ННѢ ІРМОДѢ ОЦЕСТИ МѢ СПѢ

53. БЕСОВЪСКАГО СТЪМЛЕННИА. И ТѢ
ПЛАКИ БГОДЪХНОВЕННАА. БЕЗЪОСЪЖНИИДѢ
СИ СЪПЛАТЕННЕДѢ. ВЕРНО ПОПРАЛА ЕСИ. И
СІИ НИЗЛОЖИВЫШИ. И СТРАШНАА ОРЪЖИА
ВЕЛЕХВАЛЕШІ СЕ СЪКРЪШИ.

54. ПАРАСКЕВИ ИЗЪБРАННАА. ВЕЛИКАА СЛАВО
ВѢРЕ. ЖИЗНИ ИСТИННИЕ ВѢНЦЪ И ПРАВЕДНІЕ
ПРІЕТЪ. Ш РЯКИ ПОДВИГОПОЛОЖНИКА ХА.

54б. НЕСКАЗАНО ЖИТІЕ. ИЗ' МЛАДА
ВЪЗЖЕЛѢВШИ. НЕВНДИМЫЕ ПЛЫТИ ВЪ ЗЕМЛИ
ПОТАЕНІЕ ВЪСХОТѢ ПРѢТѢНАА. НЪ ОУДИВЛЕНА БЫ
БѢОУ ТАВЛЪШМОУ ТѢ.

55. БѢ ВЪСПРИЕТЪ ВЪ ИСТИНѢ БЖІЕ СЛОВО ВЪ
ЧРѢКЕ СИ. И СЕ ПАЧЕ ЕСТѢА ПРЕНЕПОРОЧНАА РОДИЛА
ЕСИ. ЕГОЖЕ МОЛѢБАМЪ СИ ШМОЛ. О НЖЕ ВЪ
ИСТИНѢ БЦѢ ПОЧИТАЮЩІ ТѢ.

**Канон 8-го гласа Илариону
Далматскому (6 июня)
по московским обиходным минеям**

Божествыныи доухъмъ. ПРѢИСПОДЪНИИ
БЫВЪ БОГОПРИАТЪНЕ. БОЖЕСТВЫНЫИ ДѢАНИИ.
НЕІНСТОЮ ДѢТЕЛЪ. БѢСОВЪСКААГО НЕИСТОВЪСТА
ПРОГЪНАЛА ЕСИ [Син167, л. 31 об.–32].

Хервѣдѣ прекышшю та и серафидѣ поемъ,
прѣтѣаа: егоже бо трепещѣтъ, носила еси плотию
БГА НАШЕГО НА РЯКѢ ТВОЕЮ.

Ірмосъ: Оутренююще...

Око сердечное нехъспно въ бѣтѣвнныихъ
заповѣдехъ соблюлъ еси незазорно, славне.

см. выше соответствие тропарю № 39.

БЛЕН РАСТОЧИВЪ НИЩІИМЪ, Ш СЕРДЦА, ІЛАРИОНЕ
ПРЕПОДОБНЕ, БОГАТСТВО НЕБЕСНОЕ ПОЧЕРПЛА ЕСИ.

Слова ковчегъ та показа, бѣце, закона гдѣ, въ
онѣже нескъзанно вселѣса.

Ірмосъ: Очисти мѧ, спѣсе...

Мыслѣннаго голѣафа, СЛОБОЮ ВОЗНОСАЩАГОСА
БЕЗЪОСЪЖНИИДѢ ТВОИДѢ СПАТЕНІЕДѢ,
вѣрно ПРАЩЕЮ ОУБЛАЛА ЕСИ, И СЕГО ИСТОРИГЪ
ПОБѢДИТЕЛЬНАА ОРЪЖІА, ТАКО ВЕЛЫИ ХВАЛАЩАСА
ПОСѢКЛА ЕСИ.

источник не обнаружен

Нескъзанно житіе, измѣла възжѣлѣвшин.
некѣидѣе ПЛЫТИ ВЪ ЗЕМЛИ ПОТАЕНІЕ. ВЪСХОТЕ
ВЪСѢТѢАА. НЪ ОУДИВЛЕНА БЫ, БѢ ТАВЛЪШМОУ СЕ
[Станкова 2012: 244].

Зачала еси констиннѢ БЖІА СЛОВА ВО ОУТРОБѢ
ТВОЕИ, И СЕГО ПАЧЕ ЕСТЕСТВА, ВСЕНЕПОРОЧНАА, РОДИЛА
ЕСИ. ЕГОЖЕ МОЛІТВАМЪ ОУМОЛ, О НЖЕ КОНСТИННѢ
БЦѢ ВОСПѢВАЮЩИХЪ ТА.

**Канон 8-го гласа Параскеве
Эпиватской (14 октября)
по изданию С. Кожухова**

7-я песнь: Инѣ ірмѣ Иже ѿ ісѣден дошѣше
отроци

62. Бѣ вышнемѣ градѣ нѣнаго црѣва
наследствова. н бѣси ѿгониши прѣнаа ѿ
ілѣкъ. взыкающій вьсега. ѿцѣ нашѣ бѣ бѣвень.

63. Чюдѣ лѣте прострѣвши. ѿганаеши
недоугоующій мѣгъ. подаеши н днѣ зѣвниа
впниущимѣ. ѿцѣ нашѣ бѣ.

64. Бѣ вышнее вьниде трѣгожное вьселеніе
црѣ хѣ. вѣ одеждѣ ѿдѣянна достоннѣю
звѣвшомѣ. вѣ нѣнѣ н вьлѣжиши зове. ѿцѣ
нашѣ бѣ бѣкъ.

65. Бѣ Паче естѣва н слова. вѣкъ вьсѣ поносила
еси. н питала еси ѿ сьсѣцѣ своѣ. нже вьсемѣ
блѣгвременнѣю готовѣщаго трапезѣ. ѿцѣмѣ
бѣ н прѣпрославлѣнь.

8-я песнь: Инѣ ірмѣ Седмѣ сѣмницею пещь
70. Отъснѣи потоки. стѣнаа стрѣмленіа.
н неждѣржнѣи помисли заградѣла еѣ. н
пѣчинна бѣ дѣлготрѣпеніа прѣтѣнаа. кѣ
тишинѣ вѣдѣ блѣголеппа взыкающій. дѣти
блѣвите.

71. Іѣко ѿ твѣрдаго адаманта. н вѣ чюдесѣ
великаго. твѣоа исцеленіа блѣгопрѣбнтно
прѣмѣлемѣ. н любовнѣю молиа се. н ѿ дѣше
взыкаемѣ. нзбави ѿ стѣтѣн прикѣчающій
се прѣнаа. нѣ взыкающій. дѣти блѣвите
свѣщенници поѣ. людѣ прѣ.

72. Вьздѣржаннемѣ прѣнаа. телеснѣ стѣтѣи
здѣрѣтѣи поработѣла еси. н исплѣни дѣа
дѣшевное дѣнствіе. н кѣ бѣстѣтна стѣзамѣ
достѣнѣ зѣвщи дѣти блѣвите сѣщенници поѣ
люѣ.

**Канон 8-го гласа Илариону
Далматскому (6 июня)
по московским обиходным минеям**

Ірмосъ: ѿ ісѣден дошѣше, отроцы...

Бѣ слацѣ вышнаго црѣва стадо. бѣе, воспиталѣ
еси. н жезломѣ оученіи свѣтѣи ѿгнавѣ ерѣтѣскіа.
пѣлѣ еси: отецѣ нашихѣ бѣе, благословенѣ еси.

Чѣдѣ зарю простерѣ, разорѣеши неждѣржнѣи
мѣгъ, н здравіа лѣтѣ подаеши днѣсѣ, н цѣлѣбѣ
зѣвщимѣ: отецѣ нашихѣ бѣе, благословенѣ еси.

Бѣ вышнюю вшѣлѣ еси братнѣю трапезѣ црѣ
хрѣта, во одеждѣ ѿдѣанѣ, достоннѣю зѣвщимѣ.
тѣмѣ н возлѣгѣ еси вопѣа: отецѣ нашихѣ бѣе,
благословенѣ еси.

Паче естѣва н слова, вѣкъ вьсѣхѣ родила еси, н
питаеши ѿ сосѣзѣ твоею, вѣмѣ во благо времѣ
готовѣщаго трапезѣ: сѣгоже прилѣжнѣо, прѣтѣа.
ѿ насѣ моли.

Ірмосъ: Седмѣрицею пещь...

Слѣзнымѣи стѣрамѣи страстѣи взыграніа, н
неждѣвнѣа помыслѣи потопѣла еси, н пѣчинна
былѣ еси долготерпѣніа, преподѣвѣ, кѣ
тишинѣ вѣдынѣ тихостѣнѣи вопѣющѣа: отроцы,
благословѣте, свѣщенницы, воспѣнте, людѣ,
превозносѣте во всѣ вѣки.

Іѣкоже терпѣливѣа адаманта, воздѣржанію нѣмѣше
твоеа наказаніа, іларіѣо преподѣвѣ, сѣраца
оутѣрждаемѣ, н страстѣи полкѣ повѣждаемѣ.
азыкомѣ вѣрѣо вопѣюше: отроцы, благословѣте,
свѣщенницы, воспѣнте, людѣ, превозносѣте во
всѣ вѣки.

Воздѣржаніемѣ, преподѣвѣ, плѣтѣи благѣи
оудѣржаніемѣ нзырѣвъ, прѣмѣдрѣ, исполнилѣ еси
дѣа дѣшевное дѣнствѣ, н кѣ бѣзѣи стѣзамѣ
достѣнѣ еси, зѣвынѣ: отроцы, благословѣте,
сѣщенницы, воспѣнте, людѣ, превозносѣте во всѣ
вѣки.

**Канон 8-го гласа Параскеве
Эпиватской (14 октября)
по изданию С. Кожухарова**

73. Подъ кровь влѣще криль твоѣ, озлобленнѣи
принеѣгаемъ всѣи. бѣдѣ и скръбен и исквѣшенїа
избавляемъ се. тебе бо прѣстателниѣхъ
стежаѣи възываемъ. дѣти бѣвѣте.
ѣщенници.

9-я песнь: Ннѣ ірмѣ ѡудни се ѡ се нѣѡ
78. Источникъ те чюдѣи яко въ истинѣхъ
показавъ прѣславнаа. болѣзньныи скръни
ѡчищающѣи страстен нечистотѣ прѣмудраа.
тредѣи загражающѣи вѣдѣи. темѣже рѣкѣ
те дѣшамъ ѡчистиѣи. нарицаемъ всѣи
прѣчѣстнаа.

79. Процѣвѣишѣ яко финикъ дѣхѣи въ
домѣ бѣжѣи прѣнопоминнаа. плодоносѣ трѣдѣи
възрѣжанїа якоже сладѣи. въ нѣи нѣже дѣш
въсѣтѣнаа вѣслажаѣи стада своего словеснаго.
темѣже и венци нѣни славѣи. снѣ вѣзѣи
дѣлѣи снѣ.

80. Съврѣшила еси течѣнїе Параскевѣи. нѣже
верѣ съблѣде дѣшѣи соугрѣи же нѣи венци
испѣишѣи ти се въ истинѣхъ. нѣже бѣгѣи
прїетѣи съ пожнѣишии по бѣзе законно.
и въ вышнѣи покон наслажаѣи се съ
дѣлѣишии лнѣи.

81. Бѣ Те ѡрѣжѣи въ бѣдѣи и исквѣшенїѣ. и
прїстанищѣи и стѣнѣи въ пѣталѣи. и щнѣи въ
бранѣи нѣишии. и велнѣи ѡщѣишѣи
въ лютѣи съгрѣшенїѣи и нахѣи. темѣ те бѣи
яко вѣсѣи достоѣжно вѣлнѣи.

**Канон 8-го гласа Илариону
Далматскому (6 июня)
по московским обиходным минеям**

Подъ кровь, влѣще, ѣтѣи крнѣи твои
ѡзлобленнѣи всѣи принеѣгаемъ, лютѣи
согрѣшенїѣи, и напастѣи и скорѣи. та бо
прѣстателниѣхъ нѣишѣи копѣи: ѡтроци,
благословнѣи, свѣщеннѣи, воспонѣи, людѣи,
превозносите во всѣи вѣки.

Ірмосъ: Ѳгѣсѣи ѡ семѣи небо...
Источникъ та чѣдѣи, яко констнѣи
хѣтѣи показѣи, блѣженнѣи, болѣзньныи
сквернѣи ѡчищающѣи страстен, и недѣгѣи
болѣзньи потоплающѣи ѡудѣи. тѣмѣже и рѣкѣ
та дѣшѣи ѡчищенїѣи нарицаемъ всѣи,
прѣблѣженнѣи.

Процѣвѣи, яко финѣи, дѣхѣи, въ домѣ бѣжѣи,
прѣславнѣи, плодѣи приннѣи еси воздѣржанїа якоже
сладѣи, нѣишѣи сѣи, прѣмудрѣи, наслаѣи еси
стада твоѣи словеснаго. тѣмѣже и вѣнцы нѣишии
славѣи, ѣи, воспрїи еси, прѣнопоминѣи.

Τετέλεχος τὸν δρόμον ἀσκητικῶς, καὶ τὴν
πίστιν Θεόφρον ἐτήρησας· διπλοῦς τε νῦν,
στέφανος ἐπλάκη σοι ἀληθῶς, ὃν κατὰ τὴν
διάγνωσιν, τῶν βεβιωμένων παρὰ Θεοῦ,
νομίμως ἀπολήψῃ, καὶ εἰς τὴν ἄνω λήξῃ,
ἐναπολαύσεις σὺν Ἀγγέλων χοροῖς [ΜΙ 2006:
46].

Та ѡрѣжѣи въ бѣдѣи и напастѣи, прїстанищѣи и
стѣнѣи въ скорѣи, и щнѣи во бранѣи нѣишии
разнѣи, и велнѣи ѡчистиѣи въ лютѣи
согрѣшенїѣи и нахѣи. тѣмѣ та бѣи по
долѣи тѣи, и велнѣи рѣтѣи твоѣи.

Как видим, почти все тропари рассматриваемого канона Параскеве до-
вольно точно повторяют текст канона Илариону Далматскому (при том
же гласе и полном наборе ирмосов). Относительная языковая близость
сопоставляемых версий обусловлена относительной хронологической

близостью их перевода на славянский. Гимн № 46 не имеет собственного соответствия, разделяя его с тропарем № 39 из предыдущей песни.

Для одного песнопения (№ 39) соответствие нашлось в славянской рукописи XII в., где некоторые тропари содержательно отличаются от помещенных в современных обиходных «Кабинетных минеях», однако эта старая версия не могла служить основой для канона Параскеве из-за различия в составе гимнов (в ней отсутствуют соответствия тропарям № 32, 46–47, 54, 71, 80).

Гимн № 80 обнаружен в греческой печатной версии канона Илариону Далматскому, а богородичный № 32 заимствован из неопубликованного греческого анонимного канона 6-го гласа прп. Виссариону Египетскому (поминается 6 июня вместе с Иларионом Далматским) с инципитом «Χάριτος τῆς θείας / ῥανίδα μοι στάξον...». Этот канон представлен в списках, начиная с XIII в. [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996: 212, по. 645], но мне был доступен в рукописной версии XVI в. *RM14* (f. 35–44); его славянские переводы мне не известны. Оригинал тропаря № 54 не обнаружен.

Использование византийских песнопений, не известных в славянской традиции, делает еще более вероятным вывод о греческом происхождении рассматриваемой редакции Службы Параскеве Эпиватской.

При переработке канона Илариону в канон Параскеве формы мужского рода заменялись женскими, однако в нескольких местах сохранились исходные причастные формы муж. р.: възржнь сѣ (тропарь № 31); насаждь сѣ (№ 37); зове (№ 64); плодоносѣ (№ 79). Более или менее значимая содержательная адаптация гимнов производилась нечасто (см. тропари № 22, 46, 47, 53, 62, 71).

Один тропарь (№ 54б), обнаруженный С. Кожухаровым в единственном списке рассматриваемого канона, изначально не относился к нему, поскольку заимствован из церковнославянского переводного канона *Илѣкѹици мати на небесехъ...* (8-го гласа), присутствующего в иных редакциях Службы Параскеве Эпиватской.

Тот же единственный список содержит еще одну явно вторичную стихирѹ, заимствованную из Службы прпмц. Анастасии Римской (29 октября):

Стихира на Хвалите 8-го гласа Параскеве Эпиватской (14 окт.)

84б. Ѡ Параскеви прѣхвалнаа.
възржаниѣ стрѣти разроуши вражіе. и
страѣніѣ съмѣа оумръкнѹши. краѣѣланаго.
и аггѣа оудникла еси болѣзньми сконди.
и чѣлѣ възвеселила еси страѣниѣмъ ти.
иночѣствоꙋющій оꙋкрашеніѣ. дѣбства
скровнище. моли спѣти сѣ дѣшѣ нашиѣ.

Стихира на Господи, воззвах 8-го гласа Анастасии Римской (29 окт.)

Иѣнище стрѣотерпице всехвалнаа, воздержаниѣмъ
страсти низложивши плѣтскѣа, страданіѣмъ смѣа
оꙋмѣртвила еси врага, аггѣа оꙋднѣкнѹши болѣзньми
тконди, чѣловѣки ѡбвеселивши страданіи тконди,
монашествꙋющихъ оꙋдобрѣніѣ, дѣбства сосѣдѣ. моли
спасти и просвѣтити дѣшы наша [КМ 1996–
1997, Октябрь: 524].

Еще два песнопения (в обоих случаях это *слава*), присутствующие сразу в нескольких списках «тырновской» редакции Службы Параскеве Эпиватской, являются переработкой соответствующих гимнов Дмитрию Солунскому (26 октября) и свт. Николаю Мирликийскому (6 декабря), что вскользь отмечено С. Кожухаровым [2004: 123], ср.:

**Слава 6-го гласа Параскеве
Эпиватской (14 окт.)**

7. Дѣнь съзываетъ нѣ. прѣславное вселенное
трѣхъство. прїидѣте вѣоу прѣзновавци.
свѣтло прѣзнуица память еѣ глѣюще. рѣун
се. иже одеждѣ нетѣлннѣ постннѣствѣ
вясннѣшїа. и мѣжъствѣ. кери себѣ
одежавшїа. рѣун се, впрѣзннѣшїа къзни
тѣжѣаго, крѣпостию данною ти ѿ єдинаго
бѣа. рѣун се. сѣраспѣшїа себѣ гѣн своелѣз мѣти.
Параскеви Хѣн. иже пѣтнѣю, пострѣвшомѣ
нѣ радн. егже мѣлн добродѣтелѣ вкрашенне
всеславнаа. избавити нѣ виднѣи и
невиднѣи врагѣ. и спѣти дѣше наше.

**Слава на Хвалите 5-го гласа
Параскеве Эпиватской (14 окт.)**

87. Вѣстрѣвѣмъ трѣвою песнен.
ликовствѣмъ радоснаа. всплещемъ рѣкамн
вси. въ молебннѣ дѣнь прѣхвалннѣ мѣтрѣ.
царѣе и кнези да сътектѣ се. и еже въ
видени страшнѣмъ прѣстателѣство свое
являющн, въ немѣже место положена бѣ.
всѣтнѣ прѣбнѣю вѣспонѣмъ. старци съ
юнотамн. добрую дѣн свѣтлаа храброваннѣа.
въ песнѣ всѣхвалнѣмъ. недѣзгюшен вратѣ
иже въ бѣдѣ избавителннѣ. грешннн
прѣстателннѣ, нишнн богатителннѣ.
иже въ печалѣ оутѣшителннѣ. нѣчѣстнѣ
потребителннѣ. и црѣкѣю пособннѣ. вси
иже вѣсѣдоу прѣваряющѣю. славно прѣбнѣю
похвалнѣше тако рѣѣ. Параскеви великаа
прѣварнѣ. избавы настоещен бѣдн. и спѣн
градѣ свон мѣтѣвѣмъ си.

**Слава 6-го гласа, Византиево, Дмитрию
Солунскому (26 окт.)**

Днесь созываетъ насѣ страстотерпца всемїрное
торжество. прїиднѣте оубѣо, празднолюбцы, свѣтѣа
праздннѣмъ память егѣо, глаголюще: радѣнса,
рнзѣ нѣчѣстїа раздравѣ вѣрою, мѣжѣствѣмъ же
дѣха себе обложнѣвѣ. радѣнса, оупраздннѣвн
кознодѣнствѣ чѣждагѣо, крѣпостїю, данною тѣбѣ
ѿ єдинагѣо бѣа. радѣнса, иже прѣводеннѣмн
оудѣсы, блаженнѣмъ стѣртѣ хрѣтовѣ дѣховнѣ намѣ.
возжнѣопнсаѣвѣ. егже мѣлн страдалѣцѣвѣ
оудокренїѣ, аннѣнтрїѣ, избавнтнса намѣ внднѣмъ
и невнднѣмъ врагѣ, и спастнса дѣшамѣ
нашымъ [КМ 1996–1997, Октябрь: 449].

**Слава на Хвалите 5-го гласа свт. Николаю
Мирликийскому (6 дек.)**

Вострѣвѣмъ трѣвою пѣсенн, взыграемъ
празднѣственнаа, и ликовствѣемъ, радѣющѣса,
въ молебное торжество бѣгоноснагѣо отца. людѣ да
стекѣтѣса, и иже соннѣмъ страшнѣмъ явленїемъ
цара прѣпнрающѣа, неповнннѣо держнѣмъ трн
отпѣстнѣтн воеводѣ, да воспоютѣ. пастырїѣ и
оунтѣлѣ добрагѣ пастыра, подобнѣреннѣтельна
пастыра, сошѣдѣсѣа, восхвалнѣмъ. иже въ
недѣзѣхъ врата, и иже въ бѣдахъ избавнтѣла,
грѣшннн застѣпнннѣ, нишнн сокровннѣ, и иже въ
скорѣхъ оутѣшнтѣла, спѣтннѣа пѣтѣшѣствѣющн.
на мѣлн свѣшн правнтѣла, и всн вѣздѣ теплѣ
прѣдѣваряющѣа, великагѣо стнтѣла восхвалающѣ,
снѣ рѣѣмъ: прѣстѣн нїколаѣ, прѣдѣвн, и избавн
ны ѿ настоащїа бѣды, и спасн стадо твое
мѣлнтѣвѣмъ тѣомн [КМ 1996–1997, Декабрь: 96].

Эти гимны, скорее всего, внесены в рассматриваемую редакцию Службы вторично: по крайней мере последний из них присутствует также в иных редакциях [Кожухаров 2004: 118, 122; Радославова 2008: 129; Станкова 2012: 136].

Гимн *Востръвнѣтъ трѣбою пѣснен...* содержится также в древнерусской по происхождению Службе Перенесению мощей свт. Николая Мирликийского (9 мая), причем в современном издании [КМ 1996–1997] именно эта версия оказывается более близкой соответствующему тропарю из Службы Параскеве из-за варианта *цари и князи да стекътса* (вместо *людѣ да стекътса*). Однако тот же вариант содержится в рукописной версии декабрьской службы [GMD 1996: 316].

Вторично внесенным является также богородичен *Въ текѣ мѣти извѣсно...* (№ 12) после славы 6-го гласа на стиховне, являющийся переводом часто исполняемого тропаря *Ἐν σοί, Μῆτερ, ἀκριβῶς...* [Follieri 1960: 458]. Этот переводной гимн используется в разных редакциях Службы, включая «древнейшую» [Mineva 2018: 95].

Итак, «тырновская» редакция Службы прп. Параскеве Эпиватской является переводом с греческого, а отраженный в ней гимнографический образ святой во многом зависит от византийского образа преподобного исповедника Илариона Нового († 845), игумена Далматского монастыря в Константинополе и архимандрита (экзарха) константинопольских монастырей, память которого в византийской традиции отмечалась не только 5–6 июня, но и 5 июля [Сергий 1997: 169–170, 201].

Последняя дата позволяет думать, что рассматриваемая Служба Параскеве была составлена не в последние десятилетия перед османским завоеванием Тырнова (1393 г.), как предполагал С. Кожухаров [2004: 117–118], а значительно раньше — вскоре после перенесения в болгарскую столицу ее мощей, состоявшегося 26 июля 1231 г. Это летнее событие обусловило использование на первых порах для почитания прп. Параскевы Эпиватской богослужебных текстов июльских (точнее, июньско-июльских) святых: не только прпмц. Параскевы Римской (26 июля), но и, как теперь выясняется, также прп. Илариона Нового Далматского. Такая практика могла существовать до установления богослужебного поминовения Параскевы Эпиватской под новой датой — 14 октября [Кожухаров 2004: 322].

Но все же более вероятно, что песнопения Илариону Новому брались из службы на 6 июня, поскольку оттуда заимствован также богородичный канона Виссариону Египетскому. Однако июньская привязка использованных византийских песнопений не может служить аргументом против соотнесения данной редакции Службы с июльским перенесением мощей Параскевы в Тырново: их хронологическая связь

(соседние летние месяцы) все равно оказывается гораздо более тесной, чем с новой датой почитания преподобной (14 октября).

Вторичные же песнопения данной редакции, напротив, основаны на осенне-зимних гимнах (26 и 29 октября, 6 декабря) и, таким образом, хронологически связываются уже с октябрьской датой почитания этой святой.

Таким образом, корпус славянских переводных гимнов прп. Параскеве Эпиватской (Петке Тырновской) гораздо более обширен, чем это принято считать [Mineva 2018].

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

Библиография

Источники

Рукописи славянские

РМ2/8

Рильский монастырь (Болгария), рукопись № 2/8, сербская Миния праздничная третьей четверти XV в.

Син167

ГИМ, ф. 80370 (Синодальное собр.), № 167, восточнославянская Миния служебная на июнь, нотированная, XII в.

ТСЛ558

РГБ, ф. 304.I (главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 558, восточнославянская Служебная миния на май и июнь, втор. пол. XV в.

ТСЛ567

РГБ, ф. 304.I (главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 567, восточнославянская Служебная миния на июнь, кон. XV — нач. XVI в.

Рукопись греческая

РМ14

Метеоры (Греция), Монастырь Русану св. Варвары, рук. № 14, Служебная миния на июнь, XVI в.

Издания

КМ 1996–1997

Миния, 1–12, Москва, 1996–1997.

GMD 1996

Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts, 1: 1. bis 8. Dezember, Opladen, 1996 (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 98; Patristica Slavica, 2).

MI 2006

Μηναῖον τοῦ Ιουνίου, Ἀθήνα, 2006.

Литература

Йовчева 2009

Йовчева М., Новые тенденции в развитии болгарской переводной и оригинальной гимнографии, *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 4 (38), 2009, 36–43.

Йовчева 2019

Йовчева М., Търновските светци в българската и сръбската староизводна литургична книжнина от XIII–XIV век, *Международна научна конференция «Граници, култури, идентичност», посветена на 130 годишнината от създаването на Софийския университет «Св. Климент Охридски» и 110 години от установяването на дипломатически отношения между България и Франция (София, СУ «Св. Климент Охридски», 26–27 октомври 2018) (= Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев», 100 (19)), София, 2019, 248–277.*

Кожухаров 1971

Кожухаров С., Неизвестно произведение на старобългарската поезия, *Старобългарска литература*, 1, 1971, 289–322.

— — — 2004

Кожухаров С., *Проблеми на старобългарската поезия*, 1, София, 2004.

Минева 2005

Минева Е., *Пет химнографски творби за св. Петка Търновска*, София, 2005.

Попов 2003

Попов Г., Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия, *La poesia liturgica slava antica: XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003), Blocco tematico No 14: Relazioni*, Roma, Sofia, 2003, 30–55.

Радославова 2008

Радославова Д., Службата за преподобна Петка в българските ръкописи от XVII век, *Християнска агиология и народни вярвания: Сборник в чест на ст. н. с. Елена Коцева*, София, 2008, 123–133.

Сергий 1997

Сергий (Спаский), *Полный месяцеслов Востока*, 2: *Святой Восток*, 1, Москва, 1997 (репр.: Владимир, 1901).

Станкова 2012

Станкова Р., *Култ и химнография: Служби за местни южнославянски и балкански светци в ръкописи от XIII–XV в.*, София, 2012.

Чешмеджиев 2019

Чешмеджиев Д., *Етюди върху български средновековни култове*, Пловдив, 2019.

Mineva 2018

Mineva E., Процесс конструирования и композиции переводных славянских служб, *Fontes Slavicae Orthodoxae*, 2, 2018, 93–104.

Справочници

Παπαρηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996

Παπαρηλιοπούλου-Φωτοπούλου Ε., *Ταμεῖον ἀνεκδότων βυζαντινῶν ἁσματικῶν κανόνων seu Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Orientis Christiani*, 1: *Κανόνες Μηναίων, Ἀθῆναι*, 1996.

Follieri 1960

Follieri H., *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae*, 1, Città del Vaticano, 1960.

References

- Cheshmedzhiev D., *Etyudi varhu bulgarski sred-novekovni kultove*, Plovdiv, 2019.
- Follieri H., *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae*, 1, Città del Vaticano, 1960.
- Jovčeva M., Novye tendentsii v razvitii bolgarskoi perevodnoi i original'noi gimnografii, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4(38), 2009, 36–43.
- Jovčeva M., Tarnovskite svetsti v bulgarskata i srabskata staroizvodna liturgichna knizhnina ot XIII–XIV vek, *Mezhdunarodna nauchna konferentsiya "Granitsi, kulturi, identichnost"*, posvetena na 130 godishninata ot sazhdavane na Sofiyskiya universitet "Sv. Kliment Ohridski" i 110 godini ot ustanovyavane na diplomatičeski otnosheniya mezhdu Balgariya i Frantsiya (Sofiya, SU "Sv. Kliment Ohridski", 26–27 oktomvri 2018 (= Godishnik na Sofiyskiya universitet "Sv. Kliment Ohridski", Tsentar za slavyano-vizantiyski prouchvaniya "Ivan Duychev", 100 (19))), Sofia, 2019, 248–277.
- Kozhuharov S., Neizvestno proizvedenie na starobulgarskata poeziya, *Medieval Bulgarian Literature*, 1, 1971, 289–322.
- Kozhuharov S., *Problemi na starobulgarskata poeziya*, 1, Sofia, 2004.
- Mineva E., *Pet himnografski tvorbi za sv. Petka Tarnovska*, Sofia, 2005.
- Mineva E., Process of Construction and Composition of the Slavonic Services, Translated from Byzantine, *Fontes Slavicae Orthodoxae*, 2, 2018, 93–104.
- Papailiopoúlou-Photopoúlou E., *Tameion anek-dóton vizantinōn asmatikōn kanōnon seu Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Orientis Christiani*, 1: *Kanōnes Minaion*, Athens, 1996.
- Popov G., Akrostikh v gimnograficheskom tvorchestve uchenikov Kirilla i Mefodiia, *La poesia liturgica slava antica: XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003)*, Blocco tematico No 14: *Relazioni*, Roma, Sofia, 2003, 30–55.
- Radoslavova D., Sluzhbata za prepodobna Petka v bulgarskite rakopisi ot XVII vek, *Hristianska agiologiya i narodni vyarvaniya: Sbornik v chest na st. n. s. Elena Kotseva*, Sofia, 2008, 123–133.
- Stankova R., *Kult i himnografiya: Sluzhbi za mestni yuzhnoslavjanski i balkanski svetsti v rakopisi ot XIII–XV v.*, Sofia, 2012.

Sergejus Temčinas (Сергей Юрьевич Темчин),

хабилитированный доктор гуманитарных наук,

главный научный сотрудник

Института литовского языка (Вильнюс)

Lietuvių kalbos institutas

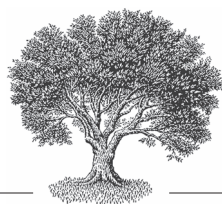
P. Vileišio g. 5

LT-20308 Vilnius

Lietuva / Lithuania

sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Received August 13, 2020

«Паралипомен» Иоанна Зонары и первое крещение Руси*

Paralipomenon by Joannes Zonaras and the First Baptism of Rus

**Дмитрий Михайлович
Буланин**

С.-Петербургский
государственный университет,
С.-Петербург, Россия

Dmitrii M. Bulanin

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Существуют разные мнения о том, когда и при каких обстоятельствах совершилось крещение Руси. Мнения разнились уже в XVI в., когда к бытующим по этому поводу предположениям и легендам добавилась версия, взятая из Хроники Иоанна Зонары. Согласно этой версии, в годы царствования императора Василия Македонянина на Русь отправился архиерей для обращения язычников. Но язычники стали выражать сомнения по поводу религии, которую им предлагали исповедовать, и архиерею по их требованию пришлось бросить в огонь Евангелие. Поскольку чудесным образом книга осталась невредимой, варвары приняли крещение. Версия Зонары проникла в московскую письменность по двум каналам — через выборку из перевода Хроники под названием «Паралипомен» и через переводы

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект РНФ № 20-18-00171.

Цитирование: Буланин Д. М. «Паралипомен» Иоанна Зонары и первое крещение Руси // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 72–93.

Citation: Bulanin D. M. (2021) *Paralipomenon* by Joannes Zonaras and the First Baptism of Rus. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 72–93.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.5

фрагментов Хроники, выполненные Максимом Греком. Ученый старец предлагал начинать историю русского христианства с чуда о Евангелии, а не со взятия Корсуни, о котором молчат греческие источники. Хотя эпатажное предложение Максима Грека не было принято, чудо о Евангелии стали включать отдельным номером в серию рассказов о нескольких этапах крещения Руси — сначала в московских исторических компиляциях, а потом, полемистами Западной Руси, в инвективах и трактатах антикатолической направленности. Многошаговый (до шести заходов) процесс христианизации, который в легендах растянулся на два века и который смущает человека модерна, видящего тут девальвацию таинства, воспринимался в древности как признак неистощимой милости Промысла к избранному народу.

Ключевые слова

обращение в христианство, многократное чудо, священное царство, хронограф, летопись, полемический трактат, девальвация

Abstract

There are different opinions about when and under which circumstances the baptism of Rus took place. Opinions were differing already in the sixteenth century, when a version extracted from the Chronicle by Joannes Zonaras has been added to the assumptions that existed on this point. According to Zonaras' version, during the reign of Emperor Vasily the Macedonian a bishop has been sent to Rus in order to convert the pagans. The pagans started to express doubts about the Christian faith, and the bishop, at their request, had to throw the Gospel into the fire. The book miraculously remained unharmed, and the barbarians adopted the Christianity. This story penetrated into the Moscow literary corpus through two channels — with a selection from the Chronicle's Serbian translation, this selection being called *Paralipomenon*, and with the translation of excerpts from the Chronicle that were made by Maxim the Greek. The learned abba suggested to start the history of Russian Christianity from the Gospel's Miracle, and not with the capture of Korsun, the event about which Greek sources say nothing. The shocking proposal of Maxim the Greek was not accepted. Still, the Miracle with the Gospel entered into the series of incidents, that were considered to constitute the long history of Rus baptism. The episode was regularly reproduced first in Muscovy historical compilations, and then in West Russian anti-Catholic polemical writings. The multi-steps (up to six stages) Christianization, stretched for two centuries and overwhelmed with different legends troubles the mind of historians who operate with the categories of modernism. From their point of view stretching of the kind is identical to a devaluation of the baptism sacrament. On the contrary, in the Middle Ages this situation was perceived as a sign of the inexhaustible mercy from the side of the Providence toward beloved nation.

Keywords

conversion to Christianity, missionary, multiple miracles, the holy kingdom, chronograph, chronicle, polemical treatise, devaluation

Русский Хронограф, старшую редакцию которого (условно именуемую редакцией 1512 г.) сейчас датируют 1516–1522 гг., открыл собой новую страницу не только в развитии исторической мысли Древней Руси, но и в организации повествования о событиях прошлого. Составители, мастерски соединив рассказ о судьбе народов мира и собственную историю, выступили также новаторами в обращении со своими источниками. Они отказались от механического соединения фрагментов, тексты, привлеченные к работе над Хронографом, почти никогда не воспроизводятся дословно. Литературные достоинства Хронографа создают одновременно неудобства для историков и филологов, которые занимаются поиском произведений, положенных в основание всемирно-исторического свода. И все-таки, трудами нескольких поколений, главнейшие из источников Хронографа были выявлены. Среди них одним из главных явился южнославянский перевод Хроники Иоанна Зонары, причем не в «полной» его версии (которая в действительности, по сравнению с оригиналом, далека от полноты), а в извлечениях оттуда, получивших название «Паралипомен». Этот последний сохранился в единственном списке, благополучно дожившем до нашего времени, его, кажется, и держали в руках составители Хронографа: *Иос.-Волок.-655* (л. 1–122об.). Новейшее издание списка осуществил О. В. Творогов [1975: 182–183; Idem 2010].

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, где, когда и кем была сделана выборка, названная в Волоколамской рукописи «Паралипоменом». Обнародованные соображения по этому поводу [Буланин 2018], наверное, удастся уточнить, когда будут получены более подробные данные о малодоступных списках «полной» версии переводной Хроники, о всех ее сокращениях и переделках [Бошков 1993]. Что касается «Паралипомена», помимо Хронографа в редакции 1512 г., следы его бытования на территории Московской Руси отыскились и в других памятниках письменности XVI в. — в русском списке Хроники Константина Манассии, в Хронографе Западнорусской редакции, в сборнике Волоколамского игумена Пимена Садыкова, а мелкие выписки — еще в нескольких волоколамских рукописях [Дианова et al. 1991: 290, 314, 383]. Более того, автор этих строк отметил некоторые факты, говорящие о том, что у русских книжников была возможность сверять выдержки из «Паралипомена» с каким-то списком «полной» версии перевода. Новых доказательств моего вывода пока не найдено, зато есть возможность подойти к Хронике Зонары с другого конца. Во-первых, достоин обсуждения еще один источник знакомства московских книжников с произведением, не получивший, однако, распространения. Во-вторых, представленное в этом источнике свидетельство о

христианизации Руси быстро попало, хотя и по другим каналам, в орбиту московской, а потом и западнорусской письменности. Дело в том, что в писаниях XVI–XVII вв. происходит накопление и даже конкуренция разных преданий, касающихся крещения Руси. В этом «соревновании» легенд восходящий к Хронике Зонары эпизод занял достойное место. Что касается южнославянских литератур, то ограничусь пока ссылкой на одно из последних исследований, где анализируются разделы Хроники, которые относятся к крещению Болгарии и Руси и которые получили самостоятельное развитие в балканской письменности [Petrova 2014].

Начнем с экстракта из Хроники Иоанна Зонары, оставшегося на обочине литературного процесса. Мы находим его в списке Кормчей Вассиана Патрикеева, отражающем поздний этап работы князя-инока над памятником, к созданию которого приложил руку и Максим Грек. Этот этап представлен списком ВСМЗ-5636/399, в котором гл. 34 целиком отведена переводным сочинениям, обсуждающим права и обязанности царя. Как доказывается в моей статье «Первые московские опыты в жанре *княжеского зеркала*», содержание гл. 34 составляют заготовки для собственно московского варианта «княжеского зеркала», заготовки, которые могут быть атрибутированы Максиму Греку [Буланин (в печати)]. Не задерживаясь сейчас на дальнейшей судьбе этой главы, отметим, что сама мысль приобщить к каноническому кодексу «княжеское зеркало» вполне соответствовала византийским воззрениям на природу императорской власти и на способы ее пропаганды. Император считался верховным главой церкви, а «княжеские зеркала» — традиционным выражением императорского культа. В Москве полноценное «княжеское зеркало» как средство пропаганды и как литературная форма стало востребованным именно в XVI в., когда тут развернулось идеологическое строительство собственной «империи».

Среди текстов, вошедших в состав гл. 34, нас будут занимать отрывки, находящиеся на л. 637об.–640 рукописи ВСМЗ-5636/399 и извлеченные из Хроники Зонары [Максим Грек 2008: 343–344, 486–488]. Это явствует из их заголовка: «От летописца Ивана Зонараса, толковника правилом, о крещении русскаго языка, бывшем при благоверном цари Василии Македонским и Фотии патриарсе, иже и Седьмаго събора утверди Вселенским собором и латинскую ересь проклинал есть». Отрывки иногда сопровождаются пояснениями переводчика. Статья открывается преданием, которому и посвящена настоящая работа. Оно гласит, что в годы царствования императора Василия посланный для обращения Руси архиерей по требованию сомневающихся бросил в огонь Евангелие. Поскольку чудесным образом книга осталась

невредимой, варвары приняли крещение. Далее выписано известие о крещении княгини Ольги, о балканских войнах Святослава, о военной помощи, предоставленной империи князем Владимиром. Завершаются отрывки констатацией того, что Хроника ни словом не обмолвилась о пленении Владимиром Корсуни и о его последующем крещении: «То-лико о Владимире въкратце пишет, ни яко крещение при нем бысть, ни яко Херсунъ пленен бысть им, яже не бы убо утаиль Зонарас акы досто-ина писанию сущу, иже и инаа меншаа деания греком и русом безсрам-но повествуеть». Мысль верная, она остается в силе и теперь, добавим только, что и другие византийские историки «не заметили» крещения Руси при Владимире.

Отрывки из гл. 34 позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего, ясно, что афонский старец не мог взять их из славянского перевода Хроники Иоанна Зонары — ни из «полной» версии перевода, ни из «Паралипомена»: первая пропустила разделы, которые отразились в отрывках, в «Паралипомене» изложение обрывается на более раннем периоде. Откуда следует, что у Максима Грека был под руками греческий оригинал Хроники. Далее. О приобщении Руси к христианству писатель, как видно, планировал сообщить в том «княжеском зеркале», для которого подбирались материалы в гл. 34 и которое так и не было тогда написано. Учтем, что рассказ о подобном событии считался вполне законным элементом Кормчей: мы можем прийти к этому заключению, экстраполировав на труд Вассиана и Максима состав более поздних русских редакций Кормчей. Ясно вместе с тем, что крещение Руси Максим ассоциировал с деятельностью патриарха Фотия, имя которого, не упоминаемое Зонарой в его рассказе о чуде с Евангелием, на свой страх и риск вставил в цитированное заглавие переводчик. Этот факт развеивает последние сомнения по поводу того, что именно афонский старец перевел тогда же два послания Фотия, касающиеся крещения болгар и русов, — Послание болгарскому царю Борису-Михаилу и «Окружное послание». Несложно понять, почему при выборе главного героя в акте обращения Руси писатель отдал предпочтение Фотию и почему он не признавал инициатором этого таинства князя Владимира, о заслуге которого в качестве крестителя дружно вещали русские летописи. Для православных Фотий олицетворял собой духовную силу Восточной церкви, отделившейся от погрязшей в заблуждениях Западной, а претензия московского великого князя на преемственную связь с византийскими императорами установилась, по понятиям Максима Грека, только через родство с Софьей Палеолог. Не зря Максим до конца своих дней настаивал на канонической зависимости Московской церкви от вселенского патриарха. Он же, кажется, единственный из

тогдашних авторов, в своем первом послании Василию III обращался к нему «Василие Иоаннович Палеологе». Генеалогия от Рюрика, столь важная для московских идеологов, которой мотивировалась ключевая позиция Владимира как просветителя идолопоклонников, сознательно игнорируется ученым старцем.

С Хроникой Зонары афонский переводчик работал таким же манером, как он привык это делать с другими своими источниками [Буланин 2019: 125–127]: сначала он выбрал у греческого историка все, какие нашел там упоминания о русских князьях (в том числе язычниках), чтобы впоследствии воспользоваться информацией, нужной ему в краткой справке о крещении Руси. И все-таки Максим Грек пропустил важнейшее для истории начальной Руси известие византийского автора. Хроника Зонары содержит лаконичную запись о случившемся в годы правления Михаила III первом нападении на Константинополь не известного прежде народа русов [Joannes Zonaras 4: 15]. Впрочем, недосмотр грека никак не отразился на осведомленности его современников-москвитов об этой «многообещающей» встрече жителей византийской столицы с их предками. С одной стороны, отрывки, переведенные афонским старцем из Хроники, не получили распространения за пределами *Владимирского списка* Кормчей. Не осталось также, помимо этих отрывков, никаких дополнительных следов бытования в московской книжности греческого списка, откуда они были извлечены. С другой стороны, достоверные или вымышленные сведения о русско-византийских отношениях 860-х гг., включая предание о крещении после чуда с Евангелием, став достоянием московской письменности XVI в. иными путями, сыграли первостепенную роль в программных книжных мероприятиях той эпохи¹. Прежде чем обратиться к этим мероприятиям, полезно будет перечислить источники, на которых строит свои выводы о событиях 860-х гг. современная историко-филологическая наука.

Список их, сравнительно с тем, каким располагали современники Максима Грека, не сильно расширился. Если говорить об одних только первичных источниках, набор их таков: 1) «Брюссельская хроника», единственное произведение, где указана точная дата появления русов у стен Константинополя — 18 июня 860 г., причем, не у всех специалистов вызывающая доверие; 2) две гомилии патриарха Фотия на «нашествие росов», имя которых фигурирует только в названии проповедей; в согласии с законами жанра, содержание гомилий лишено конкретных деталей и состоит из риторических клише, не датировано и то событие,

¹ Напротив, некоторые книжники на Балканах дали понять, что это предание их ничуть не интересует. Например, в Зографской переделке перевода Хроники рассказ о чуде сокращен до одного предложения [Лавров 1897: 454].

которое послужило поводом для выступления патриарха; 3) «Окружное послание» того же Фотия, написанное в конце 866 г. или в 867 г., в котором, между прочим, упоминается, что наводивший ужас на христиан народ «рос» был крещен и принял епископа; 4) дважды говорится о деяниях «росов» в Хронике «Продолжателя Феофана»: в первый раз, в книге IV, посвященной правлению Михаила III, сообщается, что, в то время как император находился в походе против исмаилитов, на город напал «дикий и грубый» народ «росов»; на счастье, варваров прогнал тогда гнев Божий, а некоторое время спустя от них даже прибыло посольство с просьбой о крещении; во второй раз, в книге V, повествующей о событиях времен Василия Македонянина, рассказано, как император сумел внушить «росам» мысль о спасительности крещения и они согласились принять архиепископа; далее следует история о несгоревшем Евангелии; некоторые историки полагают, что Константин VII, автор книги V и внук ее героя, приписал ему чужие миссионерские заслуги; 5) известие о неудачной экспедиции Руси против Царьграда, без указания даты и без указания на последующее обращение врагов в христианство, содержит так называемая Хроника Симеона Логофета, присоединявшаяся к Хронике Георгия Амартола; рассказ этот, как считают — через «Хронограф по великому изложению» и «Начальный свод», — проник на страницы «Повести временных лет»; главные отличия «Повести» от исходного текста сводятся к тому, что нападение датировано 866 г. и что предводителями русов названы Аскольд и Дир [Кузенков 2003: 15–84, 107–129, 155–157, 160–163]. Остальные источники либо не уточняют имя агрессора, либо производны от перечисленных, либо вовсе не заслуживают доверия. Столь разноречивые данные затрудняют ответ на вопрос, сколько раз в 860-е гг. Русь нападала на Константинополь и в какие годы это случилось. Тем более, нельзя сказать, увенчались ли частичным успехом попытки обратить врагов в христианство. При обсуждении последнего вопроса непозволительно игнорировать и смежные, не менее запутанные проблемы: в те же 860-е гг. Византия активно участвовала в крещении Болгарии и в отправке Моравской миссии (не говоря уже о Хазарской миссии, если она на самом деле имела место).

Ныне мы устранимся от споров о том, что в действительности происходило в IX в. Ибо не менее интересно то, как представляли себе первые шаги в распространении у них христианской религии восточные славяне несколько столетий спустя, когда они уже обрели свое законное место в лоне православной церкви. Однозначного мнения на сей счет не было уже у составителей «Повести временных лет». С одной стороны, там под 988 г. категорически заявлено, что Русь не знала апостольской проповеди («яко сде не суть ученья апостольска»), а это акцентировало

грандиозность апостольского подвига князя Владимира, продолжившего проповедь апостола Павла к язычникам. Позднее крещение Руси служило знаком особенного благоволения к ней Всевышнего, не попустившего гибели избранников. Вместе с тем, по поводу обстоятельств, сопутствовавших обращению Владимира, уже тогда циркулировали разные слухи (будто он крестился не в Корсуни, а в Киеве, или в Василеве, или еще где-то). С другой стороны, сами авторы «Повести» демонстрируют склонность расчленять операцию по просвещению Руси за счет приуготовительных эпизодов. Из-за таких эпизодов будущее действо князя Владимира утрачивало свою исключительность. Тут и благословение Киевских гор апостолом Андреем (пророчество о крещении), и крещение Ольги (незаконченный опыт), и (под 983 г.) мученичество варягов, которое можно рассматривать как заложенную в фундамент будущей русской церкви строительную жертву и одновременно как знамение о приближающейся миссии князя Владимира. Добавим, что в статье 898 г. («Сказание о переложении книг» Кириллом и Мефодием) «Повесть» опротестовывает мнение, будто народ приобщился к христианству без апостолов («...тем же и нам, руси, учитель есть Павел»). Попытки ученых распределить перечисленные рассказы по нескольким гипотетическим сводам, предшествующим «Повести временных лет», не решают вопроса о дискретности в предыстории всеобщего крещения. Ведь теми читателями, кто позднее обращался к летописному своду, он все равно воспринимался как единое целое. Важно, что фактические и хронологические нестыковки не обескураживали читателя, интересовавшегося лишь символической нагрузкой событий. Так, согласно «Повести», патриарх Фотий подвизался в Царьграде при нападении на город Аскольда и Дира, а более ста лет спустя, согласно Уставу князя Владимира, он же участвовал в крещении князя (деталь, не позднее XV в. перешедшая и в летописи). Смешение событий IX и X вв., касающихся крещения Руси, включая эпизод с несгоревшим Евангелием, отразилось, не без участия русского летописного источника, и в греческой историографии — в «Бандуриевой легенде».

Идея о поэтапной христианизации Руси вышла на новый уровень в памятниках XVI в. Тогда происходила кристаллизация концепции, задача которой заключалась в том, чтобы декларировать рождение новой православной «империи» или «священного царства» со столицей в Москве. В получившейся концепции не всегда сходились концы с концами, потому что само понятие «империи» очень долго оставалось чуждо русской культуре. К тому моменту, когда на повестку дня была вынесена задача осмыслить провиденциальную роль Московского государства, его предшественница — Византийская империя прекратила

свое существование. В итоге московская модель «священного царства» собиралась по частям, взятым из разных концов разобщенной восточно-христианской ойкумены. В московских символах царства и царского достоинства трансформировались реликты имперской идеологии, рассеянные по измельчавшим наследникам Византии. Закономерно, что у нас возникла собственная, мало походящая на образец, «доморощенная» идея русской православной «империи» [Буланин 2012]. Обоснование исключительной провиденциальной роли Москвы шло по трем пересекающимся направлениям. Первое из них представляло собой христианскую модификацию восходящего к языческой эпохе символа «вечного Рима» («Roma aeterna»), унаследованного Византийской империей. Византия, мыслившая себя наследницей Древнего Рима («Новый Рим»), соединила в своей политической мифологии античное понятие об универсальном царстве, которое лишь меняет носителя («translatio imperii»), с эсхатологическим пафосом иудейско-христианской традиции. Особенное значение придавалось пророчеству о четырех царствах из Книги пророка Даниила, а в христианскую эпоху на почве евангельской эсхатологии развилась мысль о постепенном распространении новозаветного учения по народам и странам. Это и есть условно выделяемое нами второе направление. Уникальность Московского царства обеспечивалась чистотой исповедуемого там православия. Особенно «неправильным», относительно имперской идеи в ее классической форме (т. е. «translatio imperii» и другие варианты «переноса», ср. [Буланин 1994]), было третье направление, продвигаясь по которому московские пропагандисты тщились закрепить эксклюзивный статус за своим «священным царством». Речь идет о генеалогических мифах (родословие от Августа) и о героизации представителей династии. Непременным условием избранничества Руси на всех трех направлениях оставалось крещение. Как же это центральное событие в истории «священного царства» трактовалось идеологически мотивированными памятниками XVI в.?

Первым в их ряду стоит «Русский хронограф», в статьях которого, как мы уже знаем, русское историческое повествование впервые воспользовалось Хроникой Иоанна Зонары, точнее, «Паралипоменом». С помощью взятых оттуда известий построена и глава «О князи рузstem», рассказывающая об одном из этапов крещения Руси [ПСРЛ 22/1: 352–353]. Чтобы понять оригинальность главы, надлежит учесть три нюанса: 1) Хроника Зонары в лаконичном рассказе о первом походе Руси на Царьград при Михаиле III (том самом рассказе, который пропустил Максим Грек), хотя и следует за «Продолжателем Феофана», в отличие от него умалчивает о крещении русов, 2) «Паралипомен» вставил в этот

рассказ из какого-то русского источника имени Аскольда и Дира, возглавлявших поход; 3) три сообщения, именно: о крещении Болгарии, о первом походе Руси на Царьград при Михаиле III, о чуде с Евангелием и крещении русов при Василии I, — которые далеко отстоят друг от друга в греческом оригинале Хроники и в «полной» версии перевода [Jacobs 1970: 200–201, 211, 233–234], оказались на страницах «Паралипомена» ближайшими соседями [Творогов 2010: 73–76]. Таковы предпосылки, позволившие составителям Хронографа создать из двух сообщений (о походе и о чуде), по принципу *post hoc ergo propter hoc*, неоригинальную по форме, но беспрецедентную по смыслу историю о том, как в результате неудачного похода Аскольда и Дира русы обещали принять христианство и как посланный к ним архиерей совершил чудо с Евангелием. Вторичное образование по воле случая частично совпало с «Продолжателем Феофана», где первое нападение русов тоже завершается их крещением. Авторы главы «О князи рузстем» не смутило ни то, что «Паралипомен» приурочивает каждое из двух событий к царствованию разных императоров, ни то, что сами авторы хронографического повествования уже написали чуть раньше о первом походе русов (правда, без указания имен предводителей), воспользовавшись другим источником — Хроникой Амартола [ПСРЛ 22/1: 348]. Как бы то ни было, текст, возникший в результате манипуляций с «Паралипоменом» Зонары, стал с тех пор канонической частью исторических сводов, которые рассказывали о поэтапном крещении Руси. В самом Хронографе операция по обращению народа в христианство не сводится к тому, о чем говорится в главе «О князи рузстем». В Хронографе воспроизведен почти полный набор известий, какие присутствовали в летописях, начиная с «Повести временных лет»: благословение апостола Андрея, крещение Ольги, сокращенный рассказ о крещении Владимира в Корсунь, с упоминанием патриарха Фотия [Ibid.: 346, 359, 367]. Назовем здесь же смежные по содержанию главы Хронографа — эпизод о крещении болгар (событие, которое неизменно связывалось в русской историографии с обращением Руси, поскольку оба народа получили вместе с христианством общее сокровище в виде церковно-славянской письменности), включающий пересказ одной и той же истории по «Паралипомену» и по Амартолу [Ibid.: 347–348], а также довольно сложную по составу главу 171 «О преложении книг от греческаго языка на словеньский» [Ibid.: 354], посвященную трудам Кирилла и Мефодия [Клосс 1971: 247].

Итак, ситуация с многочленной процедурой крещения не смущала сама по себе составителей Хронографа. Еще ярче вырисовывается картина в составленной вскоре после Хронографа Никоновской летописи, которую, с некоторыми оговорками, можно считать для XVI в.

официальной версией русской истории. Хронограф, а также несколько предыдущих летописных памятников, входили в число главных источников Никоновской летописи, в результате чего в этой последней сосредоточился известный уже нам набор свидетельств о всех этапах постепенного обращения Руси. Однако, в отличие от авторов Хронографа, летописца нельзя упрекнуть в чрезмерной литературной изощренности, поэтому слияние нескольких источников иногда производилось формально, например, взятая из Хронографа глава «О предложении книг...» разбивает надвое «Сказание о переложении книг» из «Повести временных лет», в чем-то его дублируя [ПСРЛ 9: 16–17], несвязный текст о крещении болгар, будучи разрезан на две части, безнадежно запутывает читателя [Ibid.: 7, 9]. О первом походе русов на Царьград сообщается — ни много, ни мало — четыре раза, включая тот вариант рассказа, который Хронограф позаимствовал из «Паралипомена» [Ibid.: 7, 8, 9, 13]; ср. [Творогов 1992]. Упоминания о всех остальных этапах в затянувшемся процессе крещения тоже присутствуют в Никоновской летописи. В том числе налицо путешествие апостола Андрея [ПСРЛ 9: 3–4], эпизод, смонтированный в Хронографе по тексту «Паралипомена», а в использовавшей его летописи названный «О князи русем Осколде» [Ibid.: 13], крещение княгини Ольги [Ibid.: 29–30], инцидент с варягами-мучениками, причем из проложной о них статьи взято имя младшего из героев Иван [Ibid.: 41–42], наконец, Корсунская эпопея князя Владимира [Ibid.: 53–54]. В отличие от Хронографа, летопись сосредоточена на рассказах о русской истории, поэтому, в сравнении со своим предшественником, уделяет несравненно больше внимания крещению Ольги и Владимира, причем связанный с княжением Владимира последний этап процедуры христианизации признается летописцем главным. Правда, и восходящая к «Паралипомену» глава о чуде с Евангелием переписана в полном объеме. Знаменательно вместе с тем, что книжника ничуть не смущает сам факт заторможенного обращения в веру его предков. Кажется, первым памятником историографии, в котором за чудом с Евангелием не объявляется о немедленном крещении русов, стал Хронограф Западнорусской редакции, составленный примерно тогда же, когда и Никоновская летопись, а по мнению Б. М. Клосса тем же автором — митрополитом Даниилом [Клосс 1980: 169–177]: «Сие же видевше руси, дивишася, чюдящесе силе Христове; но еще не у время бе прославится в них имени Господню» [ПСРЛ 22/2: 153–154]. Эпизод, скроенный из фрагментов «Паралипомена», остался в этой редакции Хронографа единственным из тех, на которые раздроблялось в других памятниках многосерийное обращение Руси. Недоверие составителей редакции к успеху миссии IX в. нет нужды трактовать как их

особенную историческую проницательность. Неудача миссии, постигшая ее согласно собственному умозаключению составителей рассказа, косвенно отражает общую тенденцию Западнорусского Хронографа устранять из текста все, что касается русской истории. В получившемся изложении инцидент с Евангелием вплетался уже в канву византийской, а не русской истории.

Никаких сомнений по поводу ситуации с многократным крещением не возникло при составлении более позднего произведения о русской истории — «Степенной книги», в числе источников которой были Никоновская и Воскресенская летописи. Понятно, что задачи «Степенной книги» существенно отличались от задач ее предшественников, ибо вся история Руси рисовалась тут как некие декорации, сопутствующие росту побегов на сакральном древе, династической череде поколений от Августа-кесаря до правителей Москвы, ставшей центром «священного царства». Сообразно поставленным задачам, главными героями в христианизации Руси стали княгиня Ольга и князь Владимир. В сочинении, структура которого предопределялась генеалогической схемой, они прямо проецировались на императора Константина и Елену. Житием Ольги открывается «Степенная книга», а Житие Владимира занимает ее первую грань. В действительности, термин «житие» в обоих случаях покрывает целый ансамбль самостоятельных глав, включающих и известия о более ранних попытках обращения русов. В Житии Ольги главы не нумерованы, но в завершении текста, с помощью повторного указания даты (11 июля), отделено Похвальное слово Ольге, в свою очередь, содержащее никак внешне не обособленные, но внутренне законченные сюжеты. Размах Жития Владимира больше — оно состоит из семидесяти пяти глав, некоторые историки признают его первоначальным вариантом «Степенной книги» как таковой [Сиренов 2010: 85–87]. Ряд рассказов, в том числе относящихся к нашей теме, в двух Житиях дублирует друг друга. Замечательно, что прославление главных участников крещения Руси (Ольги и Владимира) не помешало составителям учесть известные нам эпизоды, связанные с крещением, дополнив их и приобщив к делу новые.

Начать стоит с гл. 21–24 первой грани [СК 1: 237–245]. Гл. 21 занимает рассказ о варягах-мучениках (в Житии Ольги он пропущен), существенно отличающийся от летописного (см. [Введенский 2009]): начало составлено по летописному тексту, а концовка полностью заменена. Эта редакция, которая завершается указанием, что на месте дома мучеников стоит Десятинная церковь, переводит частный эпизод в разряд главных этапов в обращении страны. Эпизод служит мотивировкой для гл. 22, где указано, что «отселе» начинается история крещения Владимира. Но

хронология нарушена, потому что в гл. 23 воспроизведено предание об апостоле Андрее с дополнениями, в том числе об избранничестве Новгорода (то же коротко повторено в Житии Ольги). Андрей, «прообразивый» (по выражению Пролога) то, что свершится потом при князе Владимире, знаменует самостоятельный этап в процедуре крещения. Однако и следующая гл. 24, с предсказанием княгини Ольги, именем которой отмечен очередной этап в приобщении Руси к христианству, дана вопреки хронологии. Такое пренебрежение последовательностью событий отнюдь не случайно: для автора важнее расположить факты в порядке нарастания их функциональной значимости. Если вернуться ближе к началу Жития Владимира, в гл. 6 мы найдем извлечение из «Окружного послания» Фотия, включая пассаж об обращении русов, дополнивший традиционную серию сюжетов на эту тему, а в гл. 10 историю крещения болгар, по-прежнему комбинированную из трех частей, последняя из которых была отделена от прочих в Никоновской летописи (в Житии Ольги крещение болгар лишь упомянуто: [СК 1: 191]). Интереснее других следующая гл. 11 «О преложении книг, чюдо о святем Иеуангелии и о философех Коньстянине и Мефодии» [Ibid.: 228–230], в которой составленная по «Паралипомену» статья о первом походе русов (он кратко упоминался и раньше: [Ibid.: 223]) и о чуде с Евангелием вновь переделана. Здесь поход Аскольда и Дира вдругорядь обособился от эпизода с Евангелием, но сделано это по племенному признаку [Флоря 2019]: автор дает понять, что русы, которые крестились после чуда с Евангелием, хотя участвовали в походе, не тождественны воинству «Рюриковых мужей». Все же главная новация — то, что автор связывает сотворение славянского письма именно с русами, с их уверением после чуда. Пускай автор запутался в том, какой император царствовал за каким и, вслед за Никоновской летописью, не сообразил, откуда происходили правители, призвавшие Кирилла и Мефодия. Главное — он заявил, что Солунские братья создали «письмена», которые можно считать «русскими», и это изобретение допустимо внести дополнительным звеном в серию деяний по христианизации Руси (те же факты кратко, но с меньшим количеством ошибок, изложены в Житии Ольги [СК 1: 191–193], что, кстати, усиливает позиции ученых, признающих вторичность текста в Житии Владимира). Хотя традиция называть церковно-славянский язык «русским» имеет почтенный возраст [Буланин 2019a], в контексте «Степенной книги» данное определение несомненно наполняется новым — «имперским» — содержанием. Укажем еще, что добавление в историю IX в. фрагмента из «Окружного послания» Фотия никак не скомпрометировало упоминание того же патриарха в числе современников князя Владимира, значит, с интервалом в сто с лишним лет [СК 1: 224–225].

Как видим, рассказ из «Паралипомена», выбранный нами в качестве проводника по произведениям историографии XVI в., причем написанным в разных жанрах, закрепившись в серии преданий, из которых составлялась история крещения, не был пропущен ни одним из этих памятников. Мы видим одновременно, что, в «соревновании» по значимости с прочими преданиями на ту же тему, наш эпизод не вышел на первое место. У него и не было такого шанса, особенно в том столетии, когда одно из главных направлений в сакрализации царства шло по линии возвеличения конкретных правителей прошлого и настоящего. Аскольд и Дир к ним явно не относились. Нельзя не учитывать и того, что до сих пор к разбору привлекались одни только памятники исторического содержания. Между тем, эпоха оставила немало сочинений в других жанрах — агиографических, гомилетических, гимнографических и др. В панегириках, прославляющих князя Владимира и княгиню Ольгу, культ которых вылился в циклы разнокалиберных писаний, предыстория обращения Руси могла вовсе опускаться. Принципы предпочтения одних эпизодов из крестильной эпопеи и пренебрежения другими, какие наблюдаем в некоторых идеологически значимых памятниках, требуют дальнейших размышлений. Такова Кормчая, как показывает прецедент со сводом Вассиана Патрикеева, принимавшая в свой состав известия о крещении, хотя и поздно созревшая для этого решения. К примеру, во вторичных разновидностях Толстовской редакции отыскиваются взятые из Пролога статьи о хождении апостола Андрея и о князе Владимире [Корогодина 2017: 312, 313]. Сейчас предлагается оставить на время литературное наследие Московского царства и привлечь для сравнения произведения, созданные в иной культурной обстановке и с особыми целями — религиозно-полемическими.

Имеется в виду полемика, развернувшаяся в Западной Руси после Брестской унии 1594 г. между православными и униатами. Поскольку болезненным вопросом, провоцировавшим дебаты, являлось соответствие или несоответствие унии историческим традициям, которые были общими для Киева XVII в. и для Московского царства, постольку спор требовал экскурсов к истокам этих традиций, т. е. к обстоятельствам крещения Руси. Поскольку же экскурсии не касались непосредственно возвеличения представителей Московской династии, набор и иерархия эпизодов, складывавшихся в историю крещения, могли несколько отличаться от московских стереотипов. Спорили о том, из Рима или из Константинополя пришло на Русь христианство. При таких исходных позициях первым поднявший тему и защищавший унию Лев Кревза в «Obrona iedności cerkiewney» (1617) объявил о «тройном» крещении Руси, поставив на начальную позицию рассказ о чуде с

Евангелием (второе крещение связывалось с трудами Кирилла и Мефодия, третье вообще не было четко прописано). Упоминание в рассказе Аскольда и Дира, а также точная цитата из Хронографа Западнорусской редакции (констатация того, что не пришло еще время русам познать Бога) указывают на непосредственный источник публициста и одновременно на то, что он пересказал знакомый нам текст, генерированный из фрагментов «Паралипомена» (хотя автору были также знакомы, через западноевропейскую традицию, сама Хроника Иоанна Зонары, а также Хроника Георгия Кедрина). Опровергать Кревзу взялся Захарий Копыстенский в своем громоздком трактате «Палинодия», где он неоднократно возвращается к теме крещения. В его интерпретации чудо с Евангелием передвигалось на второе место, а обращение Руси в целом состояло из трех «уверений» (проповедь апостола Андрея, чудо с Евангелием, принятие христианства Ольгой) и окончательного «крещения» при князе Владимире [РИБ 4: 223–226, 965–984]. Не останавливаясь на общей концепции автора (в том числе о мудрости Промысла, синхронизировавшего крещение Руси и отпадение Рима), укажу, что эпизод с Евангелием, вариации которого от одного памятника к другому мы продолжаем фиксировать, воспроизведен сочинителем не по компиляции «Паралипомена», а непосредственно по тексту Хроники Иоанна Зонары (соответственно, не названы имена Аскольда и Дира). Тут же, для придания веса своим словам, автор «Палинодии» указывает на параллели в Хронике Иоанна Скилицы (в тексте — «Курополатес») и в «Церковных анналах» Цезаря Барония. Такое наукообразие не мешало автору украсить повествование новой порцией вымышленных подробностей: впервые названо имя митрополита Михаила, который возглавлял миссию, запомнившуюся чудом с Евангелием. По-видимому, перед нами результат регрессивной ассимиляции, потому что такое же имя присвоено первому митрополиту князя Владимира (дублировку воспроизводят Густынская летопись и «Синописис»).

Идея многоразового крещения прочно укоренилась в западнорусской литературе XVI в. [Синкевич 2012; Стефанович 2017; Опарина 2019]: в предисловии к переводу «Киево-Печерского патерика» Сильвестра Коссова (1635) и в Густынской летописи речь уже идет о пятикратном крещении: дополнительный номер, который присвоен крещению болгар и русов (со ссылкой на «Окружное послание» Фотия), а также трудам Солунских братьев, вставлен после первого, относящегося к Андрею Первозванному. Третьим номером идет чудо с Евангелием, рассказ о котором, как и в «Палинодии», взят из самой Хроники Зонары, следовательно, не соотносится со статьей русских памятников, базировавшейся на «Паралипомене». В тексте Сильвестра Коссова специально

подчеркнуто, что Хроника не указывает имени епископа, героя рассказа о чуде. С течением времени полемический антикатолический и антиуниатский напор исчезает из сюжета о многократном крещении Руси, так что он становится общепринятым элементом повествования о начальных страницах в ее исторической судьбе. Новый всплеск популярности тема получила после того, как она попала в «Синописис», первое издание которого вышло в 1674 г. (глава 44 «О сем, колькраты россы прежде Владимира даже до царствия его крестишася» [Мечта 2006: 106–107]). «Синописис» можно назвать первым нормообразующим изложением прошлого «славенороссийского народа». Памятник переиздавался бесчисленное множество раз и долго воспринимался в Западной Руси, в Москве и во всем мире как своего рода «учебник» по общей истории восточных славян. Термин нужно взять в кавычки, потому что книга предназначалась исключительно для индивидуального использования. Как установлено, «Синописис» ни в одном учебном заведении не входил в перечень обязательной литературы, а из записей на экземплярах книги следует, что она чаще служила не пищей для пытливых умов, но в качестве душеполезного, в том числе келейного чтения [Ткаченко 2018].

Между тем на очередном витке осмысления своего неповторимого пути в христианском мире, витке, пришедшемся на недолгие годы дуумвирата царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, в Московском государстве вновь возникла необходимость напомнить об эпизодах, с которых началось русское православие. Важным идеологическим памятником своего времени явилась первопечатная Кормчая, вышедшая при патриархе Иосифе, но продолжавшая дополняться при Никоне (1653). Представления Никона о тогдашней непростой политической и культурной ситуации, особенно во взаимоотношениях с Киевской церковью, нашли отражение в открывающем Кормчую концептуальном предисловии — «Сказании об учреждении патриаршества». Главным источником «Сказания» явилось, как показали новейшие исследования, «Известие об учреждении патриаршества», составленное еще при Филарете. «Известие» было дополнено извлечениями из других источников, в том числе из изданной недавно в Москве «Книги о вере» (1648), которая, в свою очередь, использовала «Палинодию» [Опарина 2012]. К этой последней восходит и находящийся в «Сказании» перечень эпизодов, приведших к установлению на Руси христианства. Перечень в Кормчей остался прежним, но функция эпизодов изменилась: в то время как Захарии Копыстенскому требовалось доказать, что обращение Руси было заслугой Константинополя, цель «Сказания» заключалась в том, чтобы установить связь между исконным благочестием русской церкви и началом Московской патриархии. Этапы крещения, как их

описывает «Сказание», мало отличаются от источника, изменена только номенклатура «Палинодии», где говорилось о трех «уверениях» и «крещении». В никоновской Кормчей «уверениями» стали все четыре эпизода [Белякова et al. 2017: 417–420], ср. [Ibid. 272–293]. Интересно, что в «Катехизисе» Лаврентия Зизания, тоже производном от «Палинодии», напротив, «уверения» преобразованы в «четверократное» крещение [Лаврентий Зизаний 1627: л. 27об.]. Выбранный нами в качестве индикатора второй эпизод (чудо с Евангелием) излагается в предисловии к Кормчей по Хронике Зонары (она упомянута как источник), но героем рассказа, как и в «Палинодии», сделан выдуманный митрополит Михаил. Как выясняется, пятью крещениями дело не ограничилось. В. Н. Татищев в своей многоученной «Истории», подвергнув критике доступные ему труды предшественников, довел количество крещений Руси до шести, отделив друг от друга как два самостоятельных этапа крещение Болгарии и создание славянской письменности [Татищев, 1: 104–106].

Если можно было бы задать вопрос москвиту или киевлянину XVI–XVII вв. по поводу события, вынесенного в заглавие настоящей статьи, как бы ответил респондент? Парадоксальным образом, универсального ответа о том, кто крестил Русь и когда это произошло, так и не было предложено. Заторможенность процесса христианизации, которую не могли не заметить в новейшее время многие историки академического склада, повергала их в изумление. В самом деле, коль скоро новую религию приходилось безрезультатно насаждать у нас на протяжении, по меньшей мере, полутора веков, нетрудно было сделать вывод, что предки восточных славян не испытывали к ней особенного влечения. Добро бы еще они, вроде саксов, активно противились обращению, тем самым обеспечивая катарсический эффект в сердцах потомков. Ничего подобного не отмечено в источниках (за вычетом, пожалуй, эпизода с мученичеством варягов): крещение Руси отмечено «пониженной драматичностью» [Панченко 1999], что, с точки зрения человека модерна, с которой не может расстаться не только массовая культура, но и строгие гуманитарные исследования, компрометировало значимость события. Мультипликация торжественного акта неминуемо ведет к его девальвации. Что же думали по этому поводу в древности? По-видимому, человек Древней Руси, начиная от авторов «Повести временных лет» и кончая составителями исторических компендиумов XVI в., руководствовался другой логикой и усматривал тут не изъян, а достоинство. По-видимому, многократные опыты христианизации, во-первых, не были равновеликими и, во-вторых, в любом случае воспринимались как признак неистощимой милости Промысла к избранному народу. Положение вещей изменилось в XVII в., когда, с присущим схоластической учености

педантизмом, западнорусские публицисты стали нумеровать крещения. Хотя крещение народа никто не решится отождествить с крещением отдельного человека и не решался этого делать прежде (ср. слова Спасителя в Мф 28:19: «Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа»), «второе», «третье», и т. д. крещения можно было, через синекдоху, понять как профанацию таинства. Особенно, если вспомнить деликатный вопрос о канонической силе обливательного крещения украинцев. Так или иначе, теперь приводящие соответствующий список крещений авторы считают нужным каждый раз сказать пару слов в оправдание «нерадивых» предков: кто-то (явно под впечатлением летописных рассказов) объясняет их нерадивость непрерывными войнами, кто-то считает, что за один присест приобщалась к религии лишь незначительная часть русов. Существовало и аллегорическое толкование — в предисловии к «Печерскому патерику», где пять крещений Руси уподобляются пяти ранам Христа [Тітов 1924: 388]. В Москве тоже не все готовы были смириться с отсутствием недвусмысленных указаний на время и место события и на бесконфликтность случившегося. На помощь приходили новые легенды².

Позволим себе в заключение вернуться к выпискам Максима Грека из Хроники Иоанна Зонары, в которых он фактически предлагает выбросить на свалку касающееся крещения Руси нагромождение вымыслов, в частности, миф о Корсунском походе, и принять за нулевую отметку в истории русского православия эпизод о несгоревшем Евангелии. Хотя выписки афонского переводчика не получили хождения в рукописях, московские книжники, как мы видели, тогда же самостоятельно освоили данный сюжет, создав соответствующий рассказ по тексту доступного им «Паралипомена». Как показывает представленный нами обзор памятников, с той поры в Москве, как и в соседней Литве, эпизод с Евангелием исправно включался в серию этапов, завершившихся христианизацией Руси. Однако главным инцидентом в этой серии он так и не стал, и нетрудно понять почему. Происшествие, как его живописуют источники, полностью лишено конкретики: имя епископа-миссионера не названо, неофиты предстают безликой массой, не указано и место действия. В такой форме чудо с Евангелием воспринималось как событие скорее византийской, нежели русской истории. Эпатажное предложение афонского старца забыть о Святом Владимире, вполне гармонирующее с его дерзким отношением к московским обычаям в целом, осталось на этот раз никем не учтенным.

² Ср. датировку крещения Владимира 1-м августа: *Син-561* (л. 465). Ср. также «миссионерское побоище» Путяты и Добрыни в Новгороде согласно описанию пресловутой Иоакимовской летописи.

Библиография

Рукописи

ВСМЗ-5636/399

Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник, № 5636/399. Кормчая (редакция Вассиана Патрикеева), 1520-е гг.

Син-561

Государственный исторический музей, Синодальное собр., № 561. Сборник, XV–XVI вв.

Иос.-Волок.-655

Российская государственная библиотека, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 655. Сборник (Хроника Иоанна Зонары и жития), XVI в.

Литература

Белякова et al. 2017

Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А., *Кормчая книга: От рукописной традиции к первому печатному изданию*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Бошков 1993

Бошков М., О словенској рецепцији Хронике Јована Зонаре: (О рукописима, редакцијама и именовању њеног жанра), *Прилози проучавању српско-руских књижевних веза: X–XX век*, Нови Сад, 1993, 105–132.

Буланин 1994

Буланин Д. М., *Translatio studii: Путь к русским Афинам, Пути и миражи русской культуры*, С.-Петербург, 1994, 87–154.

— 2012

Буланин Д. М., Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке), *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 2: Вторая половина XIV – XVI в., 3: Библиографические дополнения. Приложение*, С.-Петербург, 2012, 427–763.

— 2018

Буланин Д. М., «Сербская Александрия» и Русский Хронограф, *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*, 1–2 (16), 2018, 48–92.

— 2019

Буланин Д. М., «Полное собрание сочинений» Максима Грека: Начало работы и план ее завершения, *Studi Slavistici*, 16, Firenze, 2019, 2, 119–137.

— 2019a

Буланин Д. М., На пути к академической «Истории русской литературы»: (Оригинальные идеи из наследия В. М. Живова), *Русская литература*, 2019, 4, 16–28.

— (в печати)

Буланин Д. М., Первые московские опыты в жанре «княжеского зеркала», *Палеороссия. Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях* (в печати).

Введенский 2009

Введенский А. М., Житие варягов-мучеников (функционирование легенды в летописи и в Прологе), *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2009, 4 (38), 63–72.

Дианова et al. 1991

Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В., сост., Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ, *Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности*, Ленинград, 1991, 122–414.

Клосс 1971

Клосс Б. М., О времени создания Русского Хронографа, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 26, Ленинград, 1971, 244–255.

Клосс 1980

Клосс Б. М., *Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков*, Москва, 1980.

Корогодина 2017

Корогодина М. В., *Кормчие книги XIV — первой половины XVII века, 2: Описание редакций*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Кузенков 2003

Кузенков П. В., Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках, *Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год: Проблемы источниковедения*, Москва, 2003, 3–172.

Лаврентий Зизаний 1627

Книга, глаголемая греческим языком Катихисис, словенским же оглашение, Москва, 1627.

Лавров 1897

Лавров П. А., Югославянская переделка Зонары, *Византийский временник*, 4, С.-Петербург, 3–4, 1897, 452–460.

Максим Грек 2008

Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, 1, Москва, 2008.

Мечта 2006

Сапожников О. Я., Сапожникова И. Ю., ред., *Мечта о русском единстве: Киевский Синопис (1674)*, Москва, 2006.

Опарина 2012

Опарина Т. А., Украинский источник предисловия первопечатной Кормчей, *Религии мира: История и современность*, 2006–2010 гг., Москва, С.-Петербург, 2012, 133–161.

Опарина 2019

Опарина Т. А., Споры о крещении Руси и истинной вере в полемической и канонической литературе Речи Посполитой и Московского государства в 1-й половине XVII в., *«Места памяти» Руси конца XV — середины XVIII в.*, Москва, 2019, 204–232.

Панченко 1999

Панченко А. М., Красота православия и крещение Руси, *Idem, Русская история и культура: Работы разных лет*, С.-Петербург, 1999, 377–391.

ПСРЛ 22/1

Полное собрание русских летописей, 22, 1, С.-Петербург, 1911.

ПСРЛ 22/2

Полное собрание русских летописей, 22, 2, Петроград, 1914.

ПСРЛ 9

Полное собрание русских летописей, 9, С.-Петербург, 1862.

РИБ 4

Русская историческая библиотека, 4, С.-Петербург, 1878.

Синкевич 2012

Синкевич Н. А., «Повесть о поэтапном крещении Руси»: Возникновение, эволюция и интерпретация сюжета в православных сочинениях первой половины XVII в., *Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: Общее и различное*, Москва, 2012, 208–225.

Сиренов 2010

Сиренов А. В., *Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв.*, Москва, С.-Петербург, 2010.

СК 1

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам, 1, Москва, 2007.

Стефанович 2017

Стефанович П. С., Крещение Руси в исторических сочинениях XVI–XVII вв., *Нарративы Руси XV – середины XVIII вв.: В поисках своей истории*, Москва, 2017, 80–102.

Татищев 1

Татищев В. Н., *История Российская*, 1, Москва, Ленинград, 1962.

Творогов 1975

Творогов О. В., *Древнерусские хронографы*, Ленинград, 1975.

——— 1992

Творогов О. В., Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир?, *Славяноведение*, 1992, 2, 54–59.

——— 2010

Творогов О. В., Паралипомен Зонары: Текст и комментарий, *Летописи и хроники: Новые исследования*, 2009–2010 гг. Москва, С.-Петербург, 2010, 3–101.

Тітов 1924

Тітов Хв., *Матеріали для історії книжкової справи на Україні в XVI–XVIII вв.: Всьогобірка передмов до українських стародруків*, Київ, 1924.

Ткаченко 2018

Ткаченко В. В., «Синопис» и преподавание истории России в XVIII в.: Об одном историографическом мифе, *История России с древнейших времен до XXI века: Проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сб. статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.)*, Москва, 2018, 41–49.

Флоря 2019

Флоря Б. Н., «Степенная книга» о крещении «русов» в IX в., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1(75), 2019, 127–130.

Jacobs 1970

Jacobs A., *ΖΩΝΑΡΑ — ΖΟΝΑΡΑ: Die byzantinische Geschichte bei Johannes Zonaras in slavischer Übersetzung* (= Slavische Propyläen: Texte in Neu- und Nachdrucken, 98), München, 1970.

Joannes Zonaras 4

Dindorf L., ed., *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum*, 4, Lipsiae, 1871.

Petrova 2014

Petrova D., Stories from the Conversion of the Bulgarians and the Russians in the Annals of Sarandapor, *Scripta&e-Scripta*, 13, Sofia, 2014, 223–235.

References

Beliakova E. V., Moshkova L. V., Oparina T. A., *Kormchaia kniga: Ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniuu*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Boškov M., O slovenskoj recepciji Hronike Jovana Zonare: (O rukopisima, redakcijama i imenovanju njenog žanra), *Prilozi proučavanju srpsko-ruskih književnih veza: X–XX vek*, Novi Sad, 1993, 105–132.

Bulanin D. M., Opyt kompleksnogo opisaniia: Afon v drevnerusskoi pis'mennosti do kontsa XVI v.: (Iz istorii obraza po pamiatnikam, uchennym v "Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi", a takzhe propushchennym pri ego podgotovke), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: Vtoraia

polovina XIV — XVI v., 3: Bibliograficheskie dopolneniia. Prilozhenie, St. Petersburg, 2012, 427–763.

Bulanin D. M., "Serbskaia Aleksandriia" i Rus-skii Khronograf, *Rossica Antiqua: Issledovaniia i materialy*, 1–2 (16), 2018, 48–92.

Bulanin D. M., "Polnoe sobranie sochinenii" Maksima Greka: Nachalo raboty i plan ee zaversheniia, *Studi Slavistici*, 16, Firenze, 2019, 2, 119–137.

Bulanin D. M., Na puti k akademicheskoi "Istorii russkoi literatury": (Original'nye idei iz nasledii V. M. Zhivova), *Russkaia literatura*, 2019, 4, 16–28.

Dianova T. V., Kostiukhina L. M., Pozdeeva I. V., eds., Opisanie rukopisei biblioteki Iosifo-Voloko-

lamskogo monastyrja iz Eparkhial'nogo sobraniia GIM, *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*, Leningrad, 1991, 122–414.

Floria B. N., "Stepennaia kniga" o kreshchenii "rusov" v IX v., *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1(75), 2019, 127–130.

Jacobs A., *Zonarâs-Zonara: Die byzantinische Geschichte bei Johannes Zonaras in slavischer Übersetzung* (= Slavische Propyläen: Texte in Neu- und Nachdrucken, 98), Munich, 1970.

Kloss B. M., O vremeni sozdaniia Russkogo Khronografa, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 26, Leningrad, 1971, 244–255.

Kloss B. M., *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov*, Moscow, 1980.

Korogodina M. V., *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka, 2: Opisanie redaktsii*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Kuzenkov P. V., Pokhod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh, *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2000 god: Problemy istochnikovedeniia*, Moscow, 2003, 3–172.

Oparina T. A., Ukrainskii istochnik predisloviia pervopechatnoi Kormchei, *Religii mira: Istoriia i sovremennost'*, 2006–2010 gg., Moscow, St. Petersburg, 2012, 133–161.

Oparina T. A., Spory o kreshchenii Rusi i istinnoi vere v polemicheskoi i kanonicheskoi literature Rechi Pospolitoi i Moskovskogo gosudarstva v 1-i polovine XVII v., "Mesta pamiati" *Rusi kontsa XV – serediny XVIII v.*, Moscow, 2019, 204–232.

Panchenko A. M., Krasota pravoslavia i kreshchenie Rusi, Idem, *Russkaia istoriia i kul'tura: Raboty raznykh let*, St. Petersburg, 1999, 377–391.

Petrova D., Stories from the Conversion of the Bulgarians and the Russians in the Annals of Sarandapor, *Scripta&e-Scripta*, 13, Sofia, 2014, 223–235.

Sapozhnikov O. Ia, Sapozhnikova I. Ju., eds., *Mechta o russkom edinstve: Kievskii Sinopsis (1674)*, Moscow, 2006.

Sinkevich N. A., "Povest' o poetapnom kreshchenii Rusi": Vozniknovenie, evoliutsiia i interpretatsiia siuzheta v pravoslavnykh sochineniiakh pervoi poloviny XVII v., *Pravoslavie Ukrainy i Moskovskoi Rusi v XV–XVII vekakh: Obshchee i razlichnoe*, Moscow, 2012, 208–225.

Sirenov A. V., *Stepennaia kniga i russkaia istoricheskaia mysl' XVI–XVIII vv.*, Moscow, St. Petersburg, 2010.

Stefanovich P. S., Kreshchenie Rusi v istoricheskikh sochineniiakh XVI–XVII vv., *Narrativy Rusi XV – serediny XVIII vv.: V poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2017, 80–102.

Titov H., *Materialy dlja istorii knyzhkovoi spravy na Ukraini v XVI–XVIII v.v.: Vsezbirka peredmov do ukrains'kykh starodrukiv*, Kyiv, 1924.

Tkachenko V. V., "Sinopsis" i prepodavanie istorii Rossii v XVIII v.: Ob odnom istoriograficheskom mife, *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: Problemy, diskussii, novye vzgliady. Sbornik statei uchastnikov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (9 noiabria 2017 g.)*, Moscow, 2018, 41–49.

Tvorogov O. V., *Drevnerusskie khronografy*, Leningrad, 1975.

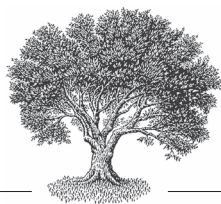
Tvorogov O. V., Skol'ko raz khodili na Konstantinopol' Askol'd i Dir?, *Slavianovedenie*, 1992, 2, 54–59.

Tvorogov O. V., Paralipomen Zonary: Tekst i kommentarii, *Letopisi i khroniki: Novye issledovaniia, 2009–2010 gg.*, Moscow, St. Petersburg, 2010, 3–101.

Vvedenskiy A. M., Zhitie variagov-muchenikov (funktsionirovanie legendy v letopisi i v Prologe), *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2009, 4 (38), 63–72.

Дмитрий Михайлович Буланин, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
С.-Петербургского государственного университета
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7–9
Россия / Russia
dmitriibulanin@yandex.ru

Received June 14, 2020

Из наблюдений над
ковчегом
князя Ивана
Хворостинина
(1605–1621 гг.)*

Some Observations
on the Reliquary
of Prince Ivan
Khvorostinin
(1605–1621)

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Anna F. Litvina

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

**Федор Борисович
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Fjodor B. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics /
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая работа посвящена анализу надписей и изображений, присутствующих на знаменитом артефакте, за которым закрепилось название «Ковчег князя Ивана Хворостинина». Нас будут интересовать как те тексты,

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Цитирование: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1605–1621 гг.) // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 94–112.

Citation: Litvina A. F., Uspenskij F. B. (2021) Some Observations on the Reliquary of Prince Ivan Khvorostinin (1605–1621). *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 94–112.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.6

которые непосредственно помещены на различных частях этого объекта, так и те, что могут быть потенциально связаны с различными его элементами. Вопреки сложившейся традиции, в статье предлагается взглянуть на ковчег не как на атрибут государственной власти, но как на семейную реликвию. В такой перспективе важными инструментами исследования оказываются история культа личных патрональных святых и светской христианской двуименности.

Ключевые слова

историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

The present paper offers a rethinking of inscriptions and images on the famous artifact known as “Prince Ivan Khvorostinin’s reliquary”. We are interested both in the texts inscribed directly on various parts of this objects and those potentially linked with some of its elements. Contrary to the widely accepted opinion, the article suggests seeing this reliquary not as an attribute of state power, but as a family relic of the Khvorostinins. From this perspective, the important tools of research are the history of the cult of personal saint patrons and the history of secular Christian binominality.

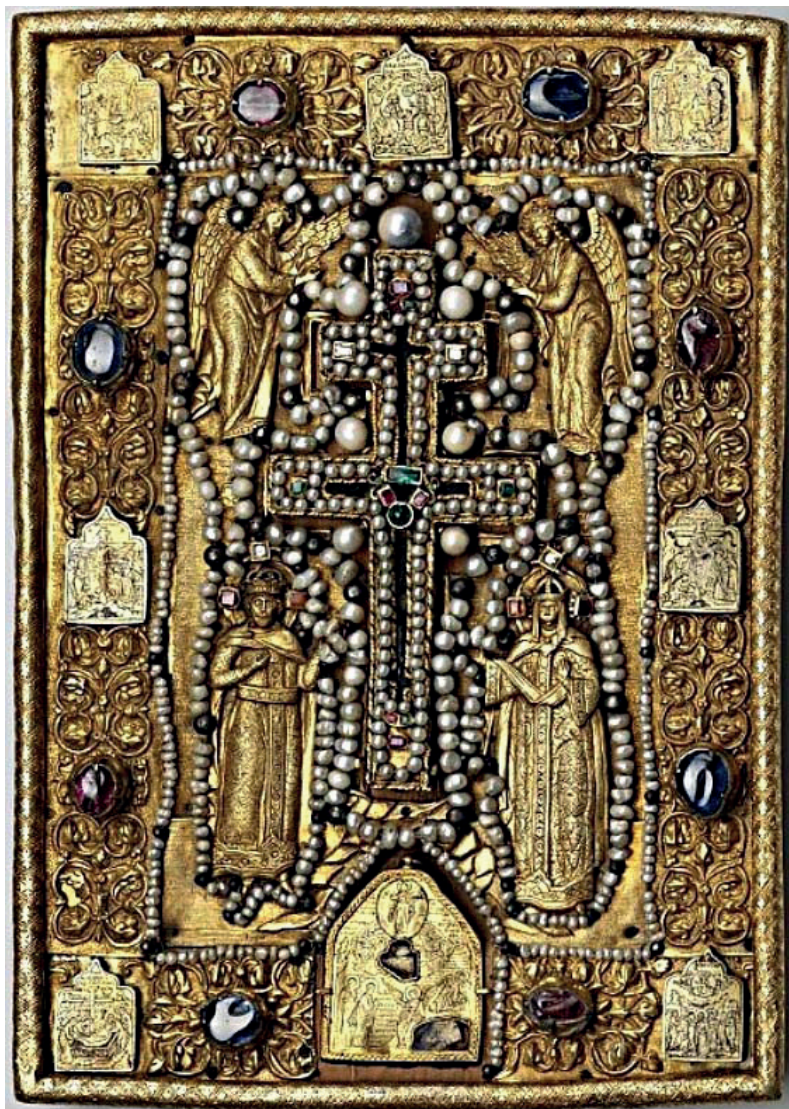
Keywords

onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus, Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, saints’ cult, Church calendar, holy patrons

Знаменитый ковчег Ивана Хворостинина, хранящийся в коллекции музеев Московского Кремля, является, быть может, одним из самых загадочных артефактов начала XVII в. Загадочности этой он в немалой степени обязан контрасту между тем высоким статусом, который придается ему в описаниях XIX столетия и исследованиях XX в., и существенным дефицитом данных о его происхождении и появлении среди сокровищ Благовещенского собора.

В самом деле, находящийся в ковчеге крест в описях XIX в. характеризуется как *Мономахов* и отождествляется напрямую с крестом, который, по легенде, был передан Владимиру Мономаху византийским императором Константином в числе других царских инсигний [Малиновский 1807: 54; Древности 1851: 67]. С другой стороны, в исследовательской литературе высказывались предположения, что он был изготовлен специально для помазания на царство Ивана Грозного. Утверждалось, что именно этим крестом пользовались при венчании на царство ранних Романовых, в частности, царя Федора Алексеевича ([Мартынова 2003], с указанием литературы). Считалось, кроме того,

что реликвии, содержащиеся в панагии, которая соседствует с крестом, — это не что иное, как тот самый камень от Гроба Господня, на котором, по повелению патриарха Гермогена, были надписаны царские имена Ивана Васильевича Грозного, его сына Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова [Муравьев 1858: 287].

Илл. Фрагмент ковчега с иконой. Без крышки
Опубл.: [Мартынова 2000; Eadem 2003]

Существенно, однако, что ни одно из этих допущений не подкрепляется письменными данными (а некоторые из них напрямую им противоречат), и, что для нас особенно важно, фигура князя Ивана Андреевича Хворостинина (†1625 г.) в качестве заказчика самого ковчега, вместилища столь значимых государственных инсигний, вызывала и продолжает вызывать немалое недоумение. Как случилось, что этот заказ не был сделан самими московскими государями и подобное предприятие было поручено лицу, не имевшему тесной связи с царским домом, да еще такому, как князь Хворостинин — сомнительному фавориту Лжедмитрия и вольнодумцу, подвергавшемуся ссылке и опале, напрямую обвинявшемуся в неправославии, чья карьера при Романовых и в лучшие периоды едва ли могла быть охарактеризована как первостатейная?

Если отвлечься от той государственной ценности, которую усматривают в данном предмете на протяжении двух последних столетий, то, как кажется, становится вполне объяснимым, почему «украшение и искание» князя Хворостинина могло выглядеть именно таким образом. В настоящей работе мы попытаемся взглянуть на историю создания этого предмета в филологической перспективе, опираясь, в первую очередь, на ономастические данные и тексты той эпохи, прибегая по мере необходимости к замечательным искусствоведческим описаниям, представленным в работах М. В. Мартыновой. При этом мы хотели бы отделить известия первой трети XVII в., времени создания ковчега, от позднейшей традиции их осмысления.

Надо сказать, что наш объект буквально подталкивает именно к такому подходу и, во всяком случае, сам по себе дает для него весьма обильный материал. Значительная часть компонентов, из которых эта реликвия состоит, несет на себе разнообразные тексты — от лаконичных подписей к образам святых до пространных евангельских цитат и, что для нас особенно интересно, комментариев, поясняющих собственное содержимое. В известном смысле, наш ковчег — сам себе опись, составленная его заказчиком¹.

¹ Перечислим здесь (предельно схематично) элементы, составляющие этот комплексный объект, отсылая читателя за детализированным описанием к работам М. В. Мартыновой [2000], [Eadem 2003]. Интересующий нас ковчег — это не что иное, как деревянный ящичек с крышкой, обитый золотыми и серебряными пластинами, причем и крышка, и окружающая ее рама изобилуют черневыми изображениями. На задней стороне ковчега есть три потайных ящичка, в которых сохранились два серебряных мощевика с резными изображениями св. Матфея, новомученика и чудотворца, и великомученицы Гликерии. Снаружи на нижней части крышки крепится пластина с надписью. Внутри самого ковчега находится серебряная золоченая икона, к которой прикреплен шестиконечный деревянный крест с золотой оправой, а в нижнюю ее часть вставлена своего рода панagia (так ее называют в описях; она же именуется

Наиболее пространный из этих текстов, надпись на нижней части крышки ковчега, был призван, по всей видимости, завершить процесс собирания реликвий — в нем явственно зафиксирован голос самого князя Хворостинина:

В семъ киоте крѣтъ сѣго и животворящаго древа на нем же ра(с)па(с)а Хѣъ бгъ а сии сѣи крѣтъ сѣтворенъ живатв(о)рящимъ сомосущнымъ древесем а сие стое древо ѡ(т) того крѣта иже бѣ присланъ ѡ(т) Константинополя в Киевъ великому кѣсю Владимиру Манамаху Константина Манамаха единоголасна нареченнаго шапку и диwdимоу и сѣрдоличноу чаркоу из неѣ же иногда веселѣса Августъ кесарь римскій еще же и тои сѣи крѣтъ тогда приѣ ѡ(т) митрополита Невѣита эфѣскаго и митоулиискаго и милитѣискаго и и прочих семъ оубо свидѣтельствуеъ во ѡсмой главѣ в степенной книгѣ. в том же киѡтѣ скрѣжалца имоуще камень живоноснаго гроба г(с)днѣ и ѡ(т)валенныи ѡ(т) гроба ихъ же Ѳсѡфан патрѣархъ иеросалимскій на своихъ персѣхъ носивъ да в том же киѡтѣ мощи мѣницы Гликеріи мощи прѣдныѣ Парасков(ы) ѣи во плоти мощи Матѣѣ новомученнаго во плоти. оукрашение сие и исцѣленіе кѣса Ѣвѣнна ѡндрѣевича Хворостинина начать же бысть оукрашати дѣло сие в почестъ Хѣа Бга ншего в лѣта „зргі <1605> а совершенно бысть в лѣта „зркѣ <1621> году [Мартинова 2000: 63; Eadem 2003: 97–98].

Попробуем приняться за чтение этой надписи с конца, вернее, с дат, маркирующих начало и завершение работы над предметом (1605 и 1621 гг.). Лежащий между ними промежуток, в значительной степени приходящийся на Смутное время, разумеется, не мог уйти на выполнение какого бы то ни было царского заказа. Очевидно, что Иван Хворостинин хотел подчеркнуть, сколь долго и тщательно — в сущности, на протяжении всей своей взрослой жизни — он занимался собиранием и оформлением этого комплексного объекта.

При этом указание на 1605 г. как нельзя лучше сочетается с теми возможностями коллекционирования ценных предметов, которые проистекают из общеизвестных особенностей биографии Хворостина. Именно в ту пору он оказался при дворе самозванца и, как упоминают современники, пользовался его незаурядным расположением. Характер милостей Лжедмитрия к 18-летнему юноше даже заставлял иностранных наблюдателей (например, Станислава Немоевского и Исаака Массу) предполагать или констатировать специфический характер их связи².

«скрѣжалъ» или «скрѣжалца» в текстах самого ковчега). Надписи присутствуют на всех элементах комплекса — на кресте, на иконе, на раме, на крышке, на пангии и мощевиках.

² Ср.: «...он <Лжедмитрий. — А. Л., Ф. У.> также растлил одного благородного юношу из дома Хворостининых, которые принадлежат к знатному роду, и держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе позволял» [Исаак Масс: 121].

Независимо от того, принимаем ли мы за чистую монету такого рода оценку их отношений, совершенно очевидно, что близость Хворостинина и Лжедмитрия производила впечатление на современников. Как известно, много позже сам князь возьмет на себя роль одного из историографов Смутного времени — именно его перу принадлежит сочинение «Словеса дней и царей и святителей московских». Повествуя о Лжедмитрии I, Хворостинин оказывается в весьма сложном положении, потому что он стремится, с одной стороны, обличить низвергнутого самозванца, а с другой — подчеркнуть собственную значимость во времена его правления. Последнее могло бы показаться риторическим самовосхвалением, набором готовых клише, но упомянутые показания внешних источников придают известный вес этой автохарактеристике: «юноша некий, иже ему любим бѣ, и печашася присно о его спасении паче же всех человек под областью его» [РИБ 13 (1892): 537].

Для нас же наиболее существенно, какие материальные перспективы открывались перед любимцем Лжедмитрия в тот краткий период, когда царские сокровищницы оказались в руках самозванца и были щедро раздаваемы и разграбляемы. Нам хотелось бы подчеркнуть, что у такого человека, как Иван Андреевич Хворостинин, была возможность не только получать щедрые дары, но и выбирать их согласно своим вкусам и предпочтениям. Почему же его выбор пал на крест, прикрепленный к иконе с изображением св. царицы Елены? Как кажется, ответ на этот вопрос кроется в том, с какими предметами он счел нужным соединить эту замечательную икону, создавая ковчег как целое³.

Более всего в этом отношении показательны сделанные на оборотной стороне ковчега три потайные ящичка, в каждом из которых храни-

³ Мы намеренно оставляем в стороне проблему изначального происхождения и предшествующей судьбы ключевых элементов этого артефакта — иконы и креста, созданных, по всей видимости, в XVI столетии. Укажем только, что утверждение, согласно которому прикрепленный к иконе крест некогда фигурировал в качестве наперсного креста при венчании Ивана Грозного на царство, не более чем допущение исследователей XIX в., прижившееся в историографии, а потому иногда повторяемое как установленный факт. Как отмечается в работе М. В. Мартыновой [2003], «некоторое недоумение вызывает то обстоятельство, что данный крест не только не имеет цепи, но и оглавия, к которому она могла бы крепиться, то есть его нельзя надеть на шею». Там же исследовательница вполне справедливо констатирует, что интересующий нас крест никак не соответствует изображениям 1551 г.: «в барельефах царского места (1551) в Успенском соборе Московского Кремля, посвященных венчанию Владимира Всеволодовича <Мономаха>, но фактически, как считают исследователи, отражающих венчание Ивана IV, на груди князя изображен большой крест на цепи, причем крест четырехконечный» [Ibid.]. С другой стороны, М. В. Мартынова, несколько неожиданным образом, здесь же допускает, что крест из ковчега Хворостинина — это тот самый наперсный крест, который возлагался на царя при венчании Федора Алексеевича Романова [Ibid.], что нам представляется решительно невозможным; никаких документальных подтверждений этому нет.

лось по одному мощевнику с изображениями св. Гликерии, св. Параскевы и св. Матфея Чудотворца. Как нетрудно убедиться, все эти реликвии, наряду с крестом и панагией⁴, по отдельности упомянуты в надписи Ивана Хворостинина (см. выше). Характерно, что изображения двух из этих святых, Параскевы и Гликерии, снабженные соответствующими подписями, появляются еще и на раме ковчега.

Вообще говоря, подобная репликация — это один из принципов устройства данного артефакта как сакрального предмета. Приведем некоторые примеры, демонстрирующие, как работает этот принцип повтора, призванный акцентировать наиболее значимые элементы как на уровне текста, так и на уровне изображения. Характерно, прежде всего, что евангельские сцены, изображенные на крышке ковчега, во многом воспроизводят именно те сюжеты из Священного писания, которые уже присутствуют на лицевой стороне панагии, вставленной в хранящуюся в нем икону. При этом надпись на оборотной стороне панагии, объясняя, в чем святость заключенных здесь трех камней, как бы задает те сюжеты, которые представлены на ее лицевой стороне⁵ и на крышке ковчега:

В сєи скрыжалє сѣѡє камєниє верхньєи малѣищїи камєнь глѣтєа марма(р) і то єсть кам(є)нь вє(р)хнїа цкї жївоно(є)на(г) гроба гнѣа другїи камє(н)ь по(дє) нимъ сєї є(є)ть самосущнаго гроба гнѣа на(д) нїми (ж) м Хвѣ обра(з) їзображєнь а нїжнє(и) трєтє(и) камєн(ь) иже єсть в оуглє на нє(м) жє анѣлъ начертанъ и то єсть ѡ(т)валеннѣ ѡ(т) двєрєи гроба гнѣа в в(о)скрес(є)ні(є) єгои сєдє аѣ-глѣ на немъ тогда и мироносицы пришє(д)шє и видѣша єг(о) сїю жє сѣбѣи свѣиши(и) патрєархъ Фєофанъ и(є)росалимѣскїи на своихъ персєхъ носї(л) глѣаста нѣкїи ѡ немъ когда диакономъ бѣ и приєдѣа гнѣю гробу архїєрѣимскїмъ повєлѣниє(м) и малу частѣѡ(т) нєго взѣа єжє єсть сїи [Мартынова 2003: 91].

Особенно наглядна перекличка между рассказом о третьем камне и сценой, расположенной на левой нижней части крышки ковчега, где изображены жены мироносицы у Гроба Господня и восседающий на камне ангел; очевидно, однако, что и два других камня также вовлечены в эту систему репликаций.

В соответствии с этим же принципом устроен и тот повтор, о котором мы говорили выше, касающийся святых мучениц Параскевы и Гликерии: их мощи вложены в ящички на нижней стороне ковчега, изображения этих святых появляются на раме и, наконец, о соответствующих

⁴ Как уже отмечалось выше, термин *панагия* применительно к этому вставленному в нижнюю часть иконы объекту используется исследователями. Сам Хворостинин называет его «скрыжалю» и «скрыжалцами».

⁵ Три сцены, изображенные на лицевой стороне панагии, посвящены Воскресению Христа, одна из них — «Восстание Христа из гроба».

реликвиях упоминается в финальной надписи, имеющейся на нижней части крышки. Подобная троекратная репрезентация несомненно свидетельствует об особом акценте, который был поставлен заказчиком на почитании этих мучениц. Иными словами, речь и в данном случае идет о целенаправленном подборе реликвий и изображений заказчиком, а не о спонтанном соединении как можно большего числа произвольных святынь.

Однако в рамках гипотетического царского поручения такой выбор святых оказывается практически необъяснимым. Так, св. Гликерия не была, насколько мы можем судить по всей совокупности дошедших до нас источников, личной покровительницей, небесной тезкой кого-либо из последних Рюриковичей или первых Романовых на престоле, не принадлежала она и к числу тех наиболее почитаемых династией святых, чьи изображения могли появляться на любых сакральных объектах вне зависимости от личного патроната. С другой стороны, в контексте семейной истории Хворостининых именно эта мученица занимает совершенно особое место.

Дело в том, что *Гликерией* была наречена в крещении родная мать князя Ивана Андреевича, которая в повседневной жизни была известна как *Елена*. Случай ее имянаречения являет собою, в сущности, классический образчик светской христианской двуименности.

Традиция наделения сразу двумя календарными именами просуществовала на Руси не одно столетие⁶. Она возникла не позднее рубежа XIII–XIV вв., была широко распространена вплоть до XVIII в., а в некоторых особых социальных группах не угасла полностью и донине. Однако своеобразный пик популярности этой практики приходится на XVI–XVII вв., т. е. именно на ту эпоху, когда княгиня Хворостинина родилась, выходила замуж и принимала постриг. На всем протяжении существования практики христианской двуименности она оставалась явлением хотя и нередким, но факультативным: в одном социальном слое, в одной семье обладатели двух календарных имен существовали бок о бок с теми, у кого никакого второго христианского имени не было. Среди женщин двуименность была распространена, по-видимому, в той же мере, что и у мужчин. Упомянем лишь нескольких современниц княгини Хворостининой, обладавших двумя светскими христианскими именами: соперничавших княгинь Марию / Евфимию Лыкову и Марию / Евфросинию Пожарскую, еще одну княгиню Пожарскую,

⁶ Исследователями существование этого явления так или иначе отмечалось с середины XIX в., но чаще всего речь шла о точечных фиксациях того или иного ономастического эпизода, когда конкретное историческое лицо оказывалось обладателем двух христианских имен, а не о целостном описании этой долгоживущей традиции.

которая была Екатериной / Марией, и царицу Марию / Екатерину Петровну Шуйскую (урожд. Буйносову-Ростовскую), а также царицу Феодосию / Пелагею Михайловну, сноху Грозного, вторую жену царевича Ивана Ивановича (урожд. Соловую), и холопку Ксению / Иулианию⁷, двух урожденных Едемских — Параскеву / Иулианию Щепеткин⁸ и жену Даниила Григорьевича Строганова Ольгу / Акилину⁹, крестьянку Пелагею / Акилину Григорьеву дочь¹⁰ и княгиню Ирину / Домнику Михайловну Мстиславскую (урожд. Темкину-Ростовскую), Марию / Агриппину Ершову (урожд. Гагарину)¹¹ и Феодосию / Марию Кукарину¹², Стефаниду / Матрону Яковлевну Хвостову (урожд. Путилову)¹³ и Стефаниду / Матрону Андреевну Годунову¹⁴.

Два мирских христианских имени этих и других носительниц двуименности иногда фигурируют рядом, в пределах одного текста (а порой здесь может появиться и третье христианское имя, которое они получили при постриге), но чаще в каждом конкретном документе зафиксировано лишь одно из них. В источниках сугубо светского содержания, таких, к примеру, как дворцовые разряды, мы обычно обнаруживаем лишь публичное имя того или иного лица. Что же касается записей, имеющих отношение к церковной жизни, то здесь имена одного и того же человека могут встречаться в самых разных комбинациях. Говорить о двух именах княгини Хворостининой мы можем благодаря следующим свидетельствам.

⁷ Ср.: «...а женать де онъ на старинной робѣ на Ульянке, прозвище Оксѣньице» [РИБ 17 (1898): 159 <№ 429>].

⁸ Ср.: «128-го <1619> году ноября въ 8 день преставися Оуліяна Петрова дочь Ёдемского пореклому Парасковья Нікітіна жена Щепеткіна» [Яцимирский 1897: 224].

⁹ Ср.: «146-го <1638> августа в 7 день преставися Акиліна, а во иноцехъ Антонида схимница Гаврилова дочь Ёдемского, пореклому Ольга Данилова жена Строганова; жила 80 лѣтъ» [Яцимирский 1897: 227 <л. 47>].

¹⁰ Ср.: «Се яз, вдова Окулина Григорьева дочь, прозвище Палагея, Федотовская жена Иванова, родиною Тверского уезда села Мигалове заняла есми <...> 2 руб. денег московских ходячих» [Вахрамеев 1896: 21].

¹¹ Ср.: «132-го <1624> году июля в 1 день дала вкладу Огрофена, прозвище Марья, князь Федорова дочь Гогарина Александровская жена Ершова вотчину мужа своего в Муромском уезде в Дубровском стану село Сельцо, а в нем храм чюдотворца Николы, да деревню Инюшино со крестьяны и со всеми угоды по цене 500 рублей» [Вкладная книга ТСМ: 143 <л. 549 об.>].

¹² Ср.: «120 (1611/12)-го году дал вкладу Офонасей Юрьевич Кукарин по жене своей Марье, прозвище Федосье <...> И за тот вклад жену ево Марью погребли в дому живоначальные Троицы и в сенадики написали» [Вкладная книга ТСМ: 137 <л. 526 об.>].

¹³ Ср. грамоту 1573 г., составленную от лица «Ивановой жены Никитина сына Хвостова, Матрены, а прозвище Стефаниды, Яковлевы дочери Путилова» [Шумаков & Шохин 2002: 39–40 <№ 90>].

¹⁴ См. о ней подробнее: [Литвина & Успенский 2018a].

В Кормовой книге Спасского Ярославского монастыря и во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря она фигурирует как княгиня Елена, во инокинях Геласия (Геласия):

Марта въ 10 день, кормъ кормити по князь Андреевъ Ивановича Хворостинина княгинѣ Еленѣ, во инокиняхъ Геласіи, да по сынѣ ея по князь Иванѣ Андреевичѣ, во иноцѣхъ Ионе... [Вахрамеев 1896: 27]; ср.: [Вкладная книга ТСМ: 47 <л. 136 об.>].

В свою очередь, во Вкладной книге ростовского Борисоглебского монастыря она же показана как княгиня Гликерия Васильевна:

Дала в домъ Пречистые Богородицы и великихъ страсотерпщевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба князя Ондрѣева княини Ивановича Хворостнина княгини Гликѣрьѣ Васильевна, да сынѣ еѣ князь Иванъ Ондрѣевичъ по отцѣ своемъ по князе Ондрѣе Ивановиче... [Титов 1881: 9].

Одно из этих имен, *Геласия*, очевидным образом, было монашеским именем княгини Хворостининой; под другим, *Елена*, она фигурировала в повседневной жизни. Статус же третьего имени, *Гликерия*, также не вызывает сомнений: на основании всех имеющихся данных о христианской двуименности той поры можно с уверенностью сказать, что оно было крестильным именем княгини — именно к нему по первой букве было подобрано иноческое *Геласия* [Литвина & Успенский 2018: 263–264]¹⁵.

Подобное сочетание этих женских имен — *Гликерия* и *Елена* — было, по-видимому, достаточно распространенным. Во всяком случае, при общем дефиците данных относительно женских имен среди женщин,

¹⁵ В чем-то казусу княгини Хворостининой «повезло», ибо он в свое время привлек внимание Н. П. Лихачева, одного из первых, кто заинтересовался светской христианской двуименностью как таковой. Однако здесь произошло недоразумение, вполне естественное для столь раннего этапа изучения этого ономастического феномена, масштабы и принципы функционирования которого стали видны отнюдь не сразу. В одной и той же тетради «Известий русского генеалогического общества» появились две маленькие заметки Н. П. Лихачева, в одной из которых он говорит о том, сколь много пользы может принести публикация и изучение синодиков для выявления двух светских христианских имен одного и того же человека, а в другой недоумевает по поводу того, что княгиня Хворостина в разных источниках упоминается под тремя разными именами [Лихачев 1900; Idem 1900a]. Он с большой долей неуверенности допускал, что имена *Гликерия* и *Геласия* могут относиться к двум ступеням монашеского пострига (постриг в мантию и в великую схиму) [Idem 1900a: 106]. Теперь, когда о возможностях перемены имени в монашестве мы знаем гораздо больше, правомерно говорить о том, что двукратная смена имени при постриге в тот период еще оставалась большой редкостью [Успенский & Успенский 2017: 40–81], тогда как мирская двуименность, напротив, была весьма широко распространена.

рожденных в XVI столетии, известны по крайней мере еще две знатные обладательницы этой антропонимической пары¹⁶.

Подобная распространенность сочетания *Елена / Гликерия* объясняется, вероятно, календарной близостью дней празднований двум соответствующим святым — память мученицы Гликерии (13 мая) отделена от памяти царицы Елены (21 мая) восьмидневным промежутком. Чаще всего, если у человека в ту эпоху было два христианских имени, крестильное и публичное, то первое из них давалось непосредственно в честь того святого, на день памяти которого он родился. Выбор же второго имени был в большей степени обусловлен пожеланием семьи, ее представлением о подходящих и неподходящих для новорожденного именах. Однако и здесь возможности выбора ограничивались известными календарными рамками — празднование святому тезке по публичному имени должно было не слишком далеко отстоять от дня поминаения святого тезки по имени крестильному.

¹⁶ Эти имена носила в миру современница княгини Хворостининой, дочь князя Ивана Самсоновича Туренина, выданная замуж за Ивана Семеновича Куракина. Весьма характерно, что в челобитной ее сестры Марии, где речь идет о наследстве скончавшейся княгини Куракиной, последняя в пределах одного текста называется то *Аленой (Еленой)*, то *Гликерией*: «в прошлом, государи, во 133 <1624/25> году Божиим судом сестры моей родной князь Ивановы жены Семеновича Куракина кнеини *А л е н ы* не стало <...> И какъ въ прошломъ во 133 <1624> году декабря въ 14 день судомъ Божиимъ его князь Ивановы княгини *Г л и к е р ь и* не стало, и тѣло свое велѣла погresti въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ, а въ духовной своей велѣла написать отцу своему духовному и отказала вотчину свою сельцо Богородицкое съ поустошными сестрѣ своей кнегинѣ *Марѣѣ* <...> Да въ томъ же во 133 <1624> году <...> прислалъ подѣ отпискою своею князя Ивана Куракина умершія княгини *Г л и к е р ь и* духовную, отца еѣ духовнаго Архангельскаго попа Гаврила рука писъмо, а въ духовной еѣ написано — отказываетъ она сестрѣ своей кнегинѣ *Марѣѣ* <...> вотчину свою приданую <...> и та духовная умершія княгини *Г л и к е р ь и* не свидѣтельствована потому, что въ той духовной приказъ писанъ мужу еѣ князь Ивану Куракину» [Георгиевский 1907: 317–318]. Вполне характерным образом, во вкладных монастырских записях, где речь идет о поминании княгини Куракиной, она именуется *Гликерией* [Леонид Кавелин 1879: 95; Вкладная книга ТСМ: 95 <л. 338 об.>, 96 <л. 339>], тогда как в таких светских источниках, как писцовые книги, она выступает под именем *Елена* [Холмогоров & Холмогоров 5 (1886): 146–147]. Подобное распределение сфер функционирования антропонимов выглядит вполне типичным для такой ситуации, когда княжну крестили бы *Гликерией*, а в качестве публичного и родового она получила бы имя *Елена*. Еще одна Елена / Гликерия, урожденная княжна Кубенская, выданная замуж за воеводу Петра Васильевича Морозова, появилась на свет заметно раньше, в первой половине XVI столетия. О наличии у нее двух этих имен мы знаем благодаря сопоставлению источников разного типа. В Синодике Новодевичьего монастыря дочь Михаила Кубенского фигурирует как *Елена*, однако поминать ее предписывается 13 мая, на память св. Гликерии, мученицы Траянопольской ([Павлов-Сильванский 1985: 196 <л. 304>]; ср.: [Ibid: 199 <л. 322>]). В свою очередь, на крышке саркофага этой княжны имеется надпись, где она названа *Гликерией*: «кнд^ж Михайлова до^а Кубе^бско^г Глик^бѣ^а Петрова жена Васи^бѣви^а Морозова» [Гиршберг 1960: 47 <№ 102>].

Таким образом, для девочки, появившейся на свет в знатной семье 13 мая, по календарю выпадало крестильное *Гликерия* — в подавляющем большинстве месяцевлов под этой датой попросту нет никаких других женских имен. *Елена* же было одним из самых популярных женских имен на Руси в целом и в элитарных кругах в особенности, да и календарный промежуток в восемь дней между празднованиями двум этим святым был более чем уместным. Все вышеизложенное, как кажется, позволяет говорить о случае Елены / Гликерии Хворостининой как о классическом образчике женской христианской двуименности, приходящимся вдобавок на столь же классическую эпоху бытования этой антропонимической традиции как таковой.

Вполне классическим можно счесть и тот способ репрезентации почитания личных небесных покровителей, который используется при создании ковчега. Как известно, обратная, задняя, обращенная вниз или вовнутрь сторона сакрального объекта — это более чем традиционное место для расположения образа святого, связанного с именем непубличным. Здесь достаточно вспомнить, к примеру, икону, пожертвованную в Макариев Желтоводский монастырь одним из самых знаменитых современников княгини Хворостининой, Дмитрием Михайловичем Пожарским.

На лицевой стороне вкладной иконы, вполне предсказуемым образом, изображен св. Дмитрий Солунский, небесный тезка князя, чья память празднуется 26 октября. На оборотной же стороне обнаруживается изображение врача-бессеребренника Космы¹⁷. В соответствующих текстах, с одной стороны, сообщается, что 1 ноября, на память Космы и Дамиана, Дмитрий Михайлович появился на свет, а с другой стороны, имя *Дмитрий* последовательно характеризуется здесь как «прозвище»¹⁸. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что именно *Космою* князь был крещен.

Следует отметить, что оба тезоименитых святых — тезка по публичному имени и тезка по имени крестильному — разумеется, почитались всеми носителями двуименности, однако, так сказать, материальное выражение этого почитания, когда поминальные и за здравные корма назначаются на праздники, связанные как с тем, так и с другим

¹⁷ В свое время это обстоятельство даже вызвало к жизни гипотезу, согласно которой князь, заказывая эту икону, пожелал вспомнить о своем сподвижнике Козьме Минине. Однако уже довольно давно, благодаря целому комплексу поминальных записей и найденному Ю. М. Эскиным [2000] завещанию князя, было установлено, что *Косма* — это не что иное, как второе имя самого Пожарского.

¹⁸ Ср.: «Того же дни <1 ноября> кормити по бояринѣ по Козмѣ, прозвище князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскомъ, на тотъ день рождение его, колачи, рыба, квась сыченъ» [Вахрамеев 1896: 21].

покровителем, когда заказываются иконы или драгоценные артефакты, несущие на себе образы обоих небесных тезок, было доступно далеко не каждому. В XVI в. подобный обычай внешней репрезентации культа сразу обоих тезоименных патронов связан, по преимуществу, с великокняжескими и царскими семьями. Лишь к началу XVII столетия аналогичная практика получает распространение и за пределами династии, в элитарных кругах. Кроме обсуждавшейся выше иконы, принадлежавшей Дмитрию / Косме Пожарскому, можно вспомнить, например, казус Бориса / Емелиана Лыкова, который учредил для себя заздравные корма не только на св. Емелиана (18 июля), его патрона по крестильному имени, но и на празднование свв. Борису и Глебу, 24 июля [Кормовая книга Новоспасского мон. 1903: 24, 27], которое отстояло от дня св. Емелиана Доростольского всего на несколько дней.

По-видимому, собрание и оформление драгоценных реликвий ковчега производилось семьей Хворостининых в полном соответствии с этой новой моделью подражания знати благочестивому обиходу царской семьи. Парадным, лицевым его содержимым становится драгоценная икона с изображением свв. Константина и Елены, тогда как на оборотной стороне размещаются потайные ящички, в один из которых попадает мощевик с реликвиями св. Гликерии; ее же образ появляется на нижней части рамы ковчега, месте вполне традиционном для размещения фигур личных святых покровителей донатора или заказчика драгоценного предмета.

Нет ничего удивительного и в том, что подбор реликвий был так тесно связан именно со святыми патронами матери Хворостинина. Княгиня прожила долгую жизнь, овдовела, вместе с сыном делала вклады на помин души покойного мужа и, по-видимому, попросту оставалась для Ивана Андреевича единственной ближайшей родственницей, своеобразным воплощением семейного и родительского благочестия, так что вполне ожидаемо, что, начав свое собрание реликвий еще юношей, он поставил во главу угла культ ее личных небесных покровителей. Из многочисленных сокровищ, доступных Хворостинину во времена правления самозванца, внутри ковчега оказалась замечательная и весьма ценная сама по себе икона царя Константина и царицы Елены, покровительницы его матери по публичному имени, а для оборотной стороны были раздобыты мощи св. Гликерии, покровительницы его матери по имени крестильному.

Итак, одна из сквозных сюжетных линий, вокруг которой формировалось пространство ковчега как целого, основывается, по всей видимости, на почитании личных патрональных святых матери Ивана Андреевича Хворостинина. Не исключено, что первоначально он именно

для матери, а быть может и вместе с ней, подбирали те реликвии, что стали частью ковчега. Прочие же сюжетные линии этого комплекса несут на себе несомненный отпечаток личности самого Ивана Андреевича — поэта, историографа, почитающего себя знатоком священных текстов, обрядов и канонов.

Обратим внимание, что в надписи на нижней части ковчега он не просто перечисляет вложенные реликвии, но стремится снабдить их своеобразным историческим контекстом, продемонстрировать собственную осведомленность и по возможности повысить статус своей коллекции, не выходя при этом за рамки правдоподобия. В отличие от сухого каталогизатора, князь упоминает не только то, что есть в самом ковчеге или используется в его оформлении, но и предметы, физически здесь отсутствующие. Так, в его тексте рядом с упоминанием креста, прикрепленного к хранящейся в ковчеге иконе, появляется шапка Мономаха, диадема и даже сердоликовая чарка, связанная с римской императорской древностью — князь использует довольно любопытную трактовку, согласно которой из этой чарки пил не кто иной, как император Август, к которому, как известно, возводил свой (а соответственно, и всех Рюриковичей) род Иван Грозный. С другой стороны, в отличие от некоторых историографов XIX столетия, описывавших содержимое ковчега, Иван Хворостинин отнюдь не пытается утверждать, что находящийся в ковчеге крест — это та самая реликвия, что была прислана Владимиру Мономаху из Византии. Он явно заботится о своей репутации знатока обрядов и церковных и светских древностей и говорит лишь о том, что его крест выполнен из дерева того креста, что привезли князю Владимиру Всеволодичу. При этом Хворостинин создает вокруг данного предмета такую нарядную и затейливую риторическую оболочку, где переплетены и «рифмуются» между собой чарка Августа, крест и шапка Мономаха, что лицо осведомленное должно восхититься образованностью создателя ковчега, а человек менее искушенный или стремящийся принять желаемое за действительное сочтет, что ковчег имеет большее отношение ко всем этим инсигниям, нежели это было на деле.

Очевидно, что стремление придать ковчегу некий общественно значимый статус и дополнить его соответствующими реликвиями проявляется у князя на финальных этапах создания этого артефакта. Так, панagia («скрыжальца») вне всякого сомнения была вставлена в икону позже, чем крест. Сделанная на ее оборотной стороне надпись, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что это было исполнено не только после воцарения Михаила Романова, но и после того, как Иерусалимский патриарх Феофан в 1619 г. поставил на патриарший престол Филарета

Никитича. В самом деле, стремясь подчеркнуть (а по возможности, и повысить) ценность того объекта, на который нанесен текст, князь Хворостинин не только описывает три заключенных в нем камня, но и сообщает, что эту святыню носил на своих персях патриарх Феофан, когда был дьяконом. Разумеется, упоминания такого рода повышали сакральность панагии именно с того времени, когда свершилось важное для Руси действие — поставление в патриархи Филарета Романова. Иными словами, едва ли такая надпись могла быть сделана в первое десятилетие XVII в., когда Феофан воспринимался лишь как дьякон, племянник Иерусалимского патриарха Софрония, приезжавший на Русь при Борисе Годунове в качестве посланника своего дяди¹⁹.

Таким образом, комплекс, который принято называть ковчегом Хворостинина, начинался, со всей очевидностью, как семейная реликвия, ориентированная в первую очередь на фигуру княгини Елены / Гликерии Васильевны, матери Ивана Андреевича. На поздних этапах ковчег был дополнен элементами, несколько меняющими его прагматику и превращающими его в своего рода историческую реликвию. Быть может, подобное перепрофилирование артефакта произошло в тот момент, когда княгини Елены / Гликерии не стало. Нельзя ли допустить, что Иван Андреевич решил преподнести изготовленный по его заказу ковчег в дар царскому дому в ту пору, когда он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь за свои вольнодумные речи (конец 1622 — начало 1624 г.)? Не могло ли, с другой стороны, такое подношение быть связано с его возвращением ко двору в 1624 г.?

Безоговорочно отвергнуть такие предположения невозможно, однако приходится признать, что ковчег к тому моменту представлял собой полностью завершенный комплекс. Трудно допустить, чтобы князь, столь тщательно запечатлевший в надписях такое количество подробностей о времени его собирания и составляющих его реликвиях, никак не отметил бы факта его дарения или передачи правящей семье. Еще труднее представить, чтобы он не счел возможным поместить на таком подношении хоть какие-то изображения небесных тезок членов царской семьи. Более того, самый характер надписи, где князь максимально развернуто и торжественно именуется *Иоанном Андреевичем Хворостининым*, а никакие иные вкладчики или заказчики не названы вовсе, этикетно абсолютно не соответствует идее подношения государю и, тем более, выполнения государева поручения. Скорее всего, в царскую казну ковчег попадает уже после смерти бездетного князя, из

¹⁹ М. В. Мартынова [2003], напротив, исходит из того, что панагия была врезана в икону между 1603 и 1606 гг., однако, как уже отмечалось, характер сделанной на ней надписи не вполне соответствует, на наш взгляд, такой датировке.

чужих рук²⁰, — не в последнюю очередь потому, что в своих пространственных поясняющих надписях на ковчеге Хворостинину удалось на редкость тонко уловить дух эпохи и вкусы царствующего дома.

В самом деле, начало правления династии Романовых ознаменовано стремлением продемонстрировать свою преемственность по отношению к древней династии Рюриковичей, причастность к событиям давней династической истории. Естественным образом, все предметы, так или иначе символизирующие старинные властные полномочия, а тем паче объекты, связывавшие прежнее с настоящим, к примеру, древнего митрополита Неофита, посылающего инсигнии Владимиру Мономаху, и еще живущего Иерусалимского патриарха Феофана, поставившего Филарета Романова, оказываются весьма востребованными. Самое перечисление реликвий и соответствующая расстановка акцентов в текстах ковчег отвечали этой востребованности в высшей степени. По-видимому, риторическое щегольство князя-историографа не пропало даром и произвело чаемое впечатление на современников — во всяком случае, описание креста и иконы из его ковчег присутствует в начальной части «Описи большому государеву наряду в государственной большой казне», составленной в 1642 г.²¹

В дальнейшем, когда необходимость демонстрировать властную преемственность по отношению к Рюриковичам у окрепшей династии Романовых на долгое время уходит на второй план, на второй план уходит и ковчег князя Хворостинина — нет никаких сведений о том, чтобы содержащиеся в нем предметы участвовали в каких-либо обрядах и церемониях, связанных с помазанием на царство или другими событиями государственной важности. Мы знаем только, что после смерти Михаила Федоровича в описях Большой казны этот предмет более не фигурирует, а в начале 80-х гг. XVII в. он появляется в

²⁰ Так распорядиться ковчегом (по собственной инициативе или выполняя волю умершего) мог, например, князь Алексей Михайлович Львов, чья головокружительная карьера при царском дворе в эти годы как раз начинала разворачиваться. Во всяком случае, мы знаем, что именно он, а не кто-то из родственников-Хворостининых, в 1625 г. дает по Ивану Андреевичу и его матери Елене / Гликерии огромный погребальный вклад в Троице-Сергиев монастырь [Вкладная книга ТСМ: 47 <л. 136 об.–137>]. Он же тремя годами позже выкупает у монастыря часть вотчинных земель Ивана Хворостинина около Переславля-Залесского. Еще одна часть была выкуплена кузеном Ивана Андреевича — Юрием Дмитриевичем Хворостинным. Строго говоря, ковчег мог попасть в государеву казну и от него, а также непосредственно из монастыря. Впрочем, все это не более чем догадки.

²¹ Опись 1642 г. отсылает к предшествующим, несохранившимся описям времен Михаила Федоровича, при этом ее собственная сохранность в той части, где говорится об интересующей нас реликвии, уже ко времени ее воспроизведения (1851 г.) была уже очень плохой [Древности 1851: 68–69], и, соответственно, это описание дошло до нас далеко не полностью.

так называемой переписной книге Благовещенского собора [Древности 1851: 68–69].

Лишь значительно позже, в XIX столетии, в свете уже совсем иного интереса к историческому прошлому, риторическая стратегия Ивана Андреевича в совокупности с различными факторами (пресловутая начальная позиция в весьма обветшалой Описи, несомненная художественная ценность, отличная сохранность) как бы срабатывают заново, заставляя вновь переоценить — во всех смыслах этого слова! — статус как всей реликвии, так и составляющих ее элементов.

Библиография

Вахрамеев 1896

Вахрамеев И. А., публ., *Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, 3: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая*, Москва, 1896.

Вкладная книга ТСМ

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева, подгот. изд.; отв. ред. Б. А. Рыбаков, Москва, 1987.

Георгиевский 1907

Георгиевский Г. П., вступ. ст., публ., Чаша Государева, слог Князя Ивана Семеновича Куракина, литературный памятник XVII века, *Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III*, 12, 1907, 307–319.

Гиршберг 1960

Гиршберг В. Б., Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVI вв. Часть I: Надписи XIV–XVI вв., *Нумизматика и эпиграфика*, 1, 1960, 3–77.

Древности 1851

Древности российского государства. Отделение II: Древний чин царский, царские утвари и одежды, Москва, 1851.

Кормовая книга Новоспасского мон. 1903

Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря, Москва, 1903.

Исаак Масса

Либерман А., сост., Шокарев С., послесловие, указатели, глоссарий, Исаак Масса, Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей, *О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса, Петр Петрей*, Москва, 1997, 13–150.

Леонид Кавелин 1879

Леонид (Кавелин), Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, А. В. Горский, *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида*, Москва, 1879 (= Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1879, 2).

Литвина & Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, *Средневековая Русь*, 13, А. А. Горский, отв. ред., Москва, 2018, 241–280.

- 2018a
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 4(74), 2018, 63–79.
- Лихачев 1900
Лихачев Н. П., Двойные имена, *Известия русского генеалогического общества*, 1, 1900, 126–128.
- 1900a
Лихачев Н. П., Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий, *Известия русского генеалогического общества*, 1, 1900, 70–113.
- Малиновский 1807
Малиновский А. Ф., *Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося*, Москва, 1807.
- Мартынова 2000
Мартынова М. В., Ковчег Ивана Хворостинина, *Христианские реликвии в Московском Кремле*, А. М. Лидов, ред.-сост., Москва, 2000, 63–66.
- 2003
Мартынова М. В., Ковчег Ивана Хворостинина, *Художественные памятники Московского Кремля: Материалы и исследования*, 16, Москва, 2003, 91–109.
- Муравьев 1858
Муравьев А. И., публ., *Сношения России с Востоком по делам церковным*, С.-Петербург, 1858.
- Павлов-Сильванский 1985
Павлов-Сильванский В. Б., подгот. текста и вступ. ст., Корецкий В. И., ред., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1985.
- РИБ 1–39
Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, 1–39, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.
- Титов 1881
Титов А. [А.], *Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях*, Ярославль, 1881.
- Успенский & Успенский 2017
Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.
- Холмогоров & Холмогоров 5 (1886)
Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И., сост., *Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVII ст., 5: Радонежская десятина (Московского уезда)*, Москва, 1886.
- Шумаков & Шохин 2002
Шумаков С. [А.], *Обзор «Грамот Коллегии Экономии»*, 5: Л. И. Шохин, сост., *Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде*, Москва, 2002.
- Эскин 2000
Эскин Ю. М., публ., *Завещание князя Дмитрия Пожарского, Отечественная история*, 1, 2000, 143–157.
- Яцимирский 1897
Яцимирский А. И., *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Шукина*, 2, Москва, 1897.

References

- Eskin Ju. M., publ., *Zaveshchanie kniazia Dmitriia Pozharskogo, Otechestvennaia istoriia*, 1, 2000, 143–157.
- Girshberg V. B., *Materialy dlia svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ia XIV–XVI vv. Chast' I: Nadpisi XIV–XVI vv., Numizmatika i epigrafika*, 1, 1960, 3–77.
- Liberman A., Shokarev S., eds., *Isaak Massa, Kratkoe izvestie o nachale i proiskhozhdenii sovremennykh voim i smut v Moskovii, sluchivshikhsia do 1610 goda za korotkoe vremia praveniia neskol'kikh gosudarei, O nachale voim i smut v Moskovii: Isaak Massa, Petr Petrei*, Moscow, 1997, 13–150.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi, Srednevekovaiia Rus'*, 13, A. A. Gorskii, ed., Moscow, 2018, 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Manifestatsiia sviazi s praviashchim domom v zhenskikh imenakh: Rannie Romanovy i sem'ia Dmitriia Godunova, Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4(74), 2018, 63–79.
- Martynova M. V., Kovcheg Ivana Khvorostinina, *Khristianskie relikvii v Moskovskom Kreml'e*, A. M. Lidov, ed., Moscow, 2000, 63–66.
- Martynova M. V., Kovcheg Ivana Khvorostinina, *Khudozhestvennye pamiatniki Moskovskogo Kremli: Materialy i issledovaniia*, 16, Moscow, 2003, 91–109.
- Pavlov-Silvansky V. B., Koretskii V. I., eds., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyria*, Moscow, 1985.
- Shumakov S., Shokhin L. I., eds., *Obzor "Gramot Kollegii Ekonomii", 5: Materialy po Vladimiru, Gorokhovtsu, Muromu, Suzdaliu, Jur'ev-Pol'skomu i Vologde*, Moscow, 2002.
- Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie ime-na na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Лаборатории лингвосомиотики Школы филологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
ведущий научный сотрудник
научно-учебной лаборатории медиевистических исследований
Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenskij@gmail.com

Received March 3, 2021

От герба к парсуне (Портрет царевны Софьи Алексеевны «в орле»)

From a Coat of Arms to a Parsuna (Portrait of Princess Sophia Alekseyevna “in the Eagle”)

Борис Андреевич Успенский

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»,
Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются портреты царевны Софьи Алексеевны, вписанные в изображение двуглавого орла (так называемые портреты “в орле”). Известны три картины такого рода, а также гравюра, до нас не дошедшая, созданная в Москве в 1689 г. Автором гравюры был Лев или Александр Тарасевич (не исключено, что Александр Тарасевич и Лев Тарасевич — это одно и то же лицо, выступавшее под двумя именами); картины, по-видимому, воспроизводили гравюру. Это композиция западного происхождения: образцом для нее явилось изображение Леопольда I, императора Священной Римской империи. Вместе с тем в русском контексте портрет царевны должен был восприниматься как модификация российского герба, где традиционно в центре двуглавого орла находилось изображение монарха. Есть основания предполагать, что эти портреты были предназначены для готовящейся коронации Софьи Алексеевны 1 сентября 1689 г.

Цитирование: Успенский Б. А. От герба к парсуне (Портрет царевны Софьи Алексеевны «в орле») // *Slovëne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 113–156.

Citation: Uspenskij B. A. (2021) From a Coat of Arms to a Parsuna (Portrait of Princess Sophia Alekseyevna “in the Eagle”). *Slovëne*, Vol. 10, № 1, p. 113–156.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.7

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Ключевые слова

Софья Алексеевна, парсуна, герб, геральдика, двуглавый орел, Тарасевич

Abstract

The article is devoted to the portraits of Princess Sophia Alekseyevna placed in the representation of the two-headed eagle (so-called portraits "in the eagle"). There are three paintings of this kind and an engraving (the latter has not survived). The engraving was made by Leon or Alexander Tarashevich in 1689 (it is not excluded that Alexander Tarashevich and Leon Tarashevich were one and the same person with a double name) while the portraits seem to have been modelled on the engraving. The composition in question has undoubtedly a Western prototype: the portraits of Sophia Alekseyevna imitated a portrait of Leopold I, the Holy Roman emperor. However in the Russian context the portraits of the Princess could be perceived as a modification of the Russian coat of arms where traditionally there was an image of the monarch within the two-headed eagle. There are grounds to believe that the portraits were intended for the coronation of Sophia Alekseyevna which seems to be planned on the 1st of September 1689.

Keywords

Sophia Alekseyevna, parsuna, coat of arms, two-headed eagle, heraldry, Tarashevich

1. Среди прижизненных изображений царевны-правительницы Софьи Алексеевны особое место принадлежит так называемым портретам «в орле»: портрет царевны в царских регалиях представлен в них на фоне двуглавого орла; иначе говоря, он вписан в изображение орла.

Известны три таких картины с одной и той же композицией, чрезвычайно схожие между собой; все они написаны на холсте масляными красками. Одна из них происходит из Новодевичьего монастыря и находится в настоящее время в Историческом музее (илл. I; [Рус. историч. портрет 2004: 135 (№ 44)])¹, другая из Строгановского собрания, ныне также в Историческом музее (илл. II; [Ibid.: 136 (№ 45)]), третья из Романовской галереи, ныне в Русском музее (илл. III; [Ibid.: 166–167 (№ 61)]). Первые две картины (илл. I и II) совпадают в деталях и, видимо, исполнены по одной прориси (см.: [Ibid.: 136 (№ 45)])²; при этом

¹ В Новодевичьем монастыре эта картина была известна под названием «Знамя царевны Софьи Алексеевны» [Антушев 1885: XLIV–LVII].

² Вторая из этих картин обрезана по краям, изображение орла на ней видно лишь частично.

картина из Новодевичьего монастыря принадлежала, по всей вероятности, самой царевне, которая после своего отстранения от власти оказалась в этом монастыре и прожила там до конца своих дней³. На всех трех картинах царевна изображена в царской мантии (порфире), с короной на голове, скипетром и державой в руках; орел, который окаймляет ее изображение, держит меч и пальмовую ветвь. Орел украшен тремя коронами, средняя из которых выделяется по своему размеру.

Поясной портрет Софьи Алексеевны окружают семь клейм (медальонов) с изображением добродетелей или дарований царевны; эти изображения сопровождаются пояснительными надписями. Шесть клейм расположены на крыльях орла, а одно, самое верхнее, — между его головами. Это верхнее клеймо изображает *мудрость*; аллегория мудрости, очевидно, соотносится с именем царевны Софьи; царевна была крещена в честь святой мученицы Софии (память 17 сентября)⁴, но ее имя ассоциировалось с наименованием Софии Премудрости Божией, и эта ассоциация в эпоху регентства обыгрывалась панегиристами (см.: [Богданов 1999]), в частности Сильвестром Медведевым (см. его стихотворную речь с ходатайством об открытии Академии 1685 г.: [Прозоровский 1896: 383–388])⁵. Изображение мудрости находится под большой царской

³ В годы правления Софьи Алексеевны (1682–1689 гг.) Новодевичий монастырь был ее загородной резиденцией; после отстранения от власти (7 сентября 1689 г.) она вскоре (не ранее 21 сентября 1689 г.) была помещена в этот монастырь, а затем (после стрелецкого восстания 1698 г.) приняла там постриг. Софья Алексеевна была пострижена 21 октября 1698 г. с именем *Сусанна*, но затем в великой схиме (3 июля 1703 г.) вернулась к прежнему имени *София* (см.: [Успенский и Успенский 2017: 124–125, 127, 146, 236]. О времени переселения ее в Новодевичий монастырь см.: [Устрялов II: 342 (примеч. 17)]).

⁴ Крестить могли вообще только в честь мученицы Софии, но не Софии Премудрости (см.: [Успенский 1969: 47]). Свое крестильное имя Софья Алексеевна получила по дню рождения: она родилась 17 сентября (1657 г.), в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софии; иначе говоря, именины царевны совпадали со днем ее рождения (см.: [Устрялов III: 408 (примеч. 14); Успенский и Успенский 2017: 125, 127]. Тем не менее, Игнатий Римский-Корсаков, архимандрит Новоспасского монастыря и будущий митрополит Тобольский, утверждал, что София Премудрость Божия является *ангелом* царевны Софьи Алексеевны («Свидетельство ко образу святых неизреченных Софии Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии», в издании: [Брюсова 2006: 157]).

⁵ Наряду с этимологией имени *София* (греч. *Σοφία* ‘мудрость’), этому способствовало то, что имена Софии Премудрости и святой мученицы перестали различаться в церковнославянском произношении. До середины XVII в. эти имена различались по ударению (говорили *Софія Премудрость Божія*, но мученица *Софія*), но после никоновских реформ это различие было утрачено: каноническая (церковнославянская) форма *Софія* стало общим обозначением как Премудрости (второй ипостаси Троицы), так и святой Софии (см.: [Успенский 1969: 47–51]).

Форма с ударением на первом слоге, *Со́фья*, как личное имя, соответствующее имени святой мученицы, сохраняется в русском языке, как литературном, так и просторечном. Поскольку в отношении Софии Премудрости уместна

коронай и как бы ею увенчано. Другие клейма — на крыльях орла — при последовательном чтении слева направо и сверху вниз изображают *благочестие* и *девство*, *милость* и *правосудие*, *крепость* и *кротость*.

Изображения и надписи на клеймах представлены лишь на картине из Романовской галереи (ныне в Русском музее); на двух других картинах с интересующей нас композицией (находящихся ныне в Историческом музее), т. е. на картинах из Новодевичьего монастыря и из Строгановского собрания, клейма ничем не заполнены; предполагается, что изображения и надписи на них скрыты под записью (см.: [Рус. историч. портрет 2004: 135 (№ 44)]).

На картине из Романовской галереи портрет царевны окружает овальная рамка с ее сокращенным титулом; на других картинах такая рамка оставлена без надписи: не исключено, однако, что надпись устроена (замазана). В нижних углах этой же картины (под лапами орла) находятся картуши с трудно читаемым текстом. Подробнее о титуле царевны и об этих картушах будет сказано ниже (см. § 2).

2. Существовали гравюры с подобной композицией, но они, насколько известно, не сохранились. В 1890 г. такая гравюра была в собрании А. Е. Пальчикова (илл. IV); ее описал и воспроизвел Д. А. Ровинский [1895, II: 987–988]⁶. Изображение на ней ближайшим образом соответствует картине из Новодевичьего монастыря (илл. I); вместе с тем, в отличие от этой картины, где клейма оставлены пустыми или же скрыты под записью, на гравюре они заполнены изображениями и сопровождающими их надписями — такими же, как на картине из Романовской галереи (илл. III). Равным образом овальная рамка, окружающая портрет царевны, содержит здесь надпись с ее сокращенным титулом: «Пресвѣтлейшая и державнѣйшая Б[о]жію м[и]л[о]стію великая Г[осу]-д[а]р[ы]ня бл[а]говѣрная Ц[а]р[е]вна и великая княжна Софія Алеѣевна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержица»; это опять-таки отвечает картине из Романовской галереи, но отличается от картины из Новодевичьего монастыря, где, как уже упоминалось, на рамке нет никакой надписи. Продолжение титула читается в скрижали, изображенной на гравюре под хвостом орла: «[Самодержица] Московская,

лишь церковнославянская форма, трехсложная форма *Софія* (с ударением на предпоследнем слоге) противопоставлена в русской речи двусложной форме *Сѡфѣя*. Таким образом, в русском языке наблюдается противопоставление *Софія* — *Сѡфѣя*, отражающее принятое некогда противопоставление соответствующих форм в церковнославянском.

⁶ Происхождение этой гравюры неизвестно, так же как неизвестно и ее теперешнее местонахождение; скорее всего, она не сохранилась. Некоторые сведения о Анатолии Евграфовиче Пальчикове см. у М. Н. Алексеевой [1976: 249, примеч.].

Кіевская, Владимірская, Новгородская, Ц[а]р[е]вна Казанская, Ц[а]р[е]вна Астраханская, Ц[а]р[е]вна Сибирская...» и т. д.; в целом это полный царский титул с заменой слов *царь* на *царевна*, *князь* на *княжна* и наименований мужского рода на соответствующие формы женского рода (*государь* на *государыня*, *самодержец* на *самодержица*, *повелитель* на *повелительница*, *наслѣдникъ* на *наслѣдница*, *обладатель* на *обладательница*, *отчичъ* и *дѣдичъ* на *от[и]ична* и *дѣдична*)⁷. Такая же надпись (продолжение титула), насколько можно судить, содержится в левом для зрителя картуше на картине из Романовской галереи (у правой лапы орла), едва поддающемуся прочтению. Слово *царевна*, скорее всего, здесь не ограничивается значением ‘дочь царя’, но выступает как женский эквивалент слова *царь*, т. е. в значении, отчасти соответствующем слову *царица*. Григорий Котошихин в своем описании Русского государства 1666–1667 гг. называет *царевной* невесту царя, т. е. будущую царицу (ср.: «...и нарекъ царевною» [Котошихин 1980: л. 7 об.], ср. [Ibid.: л. 10 об., 12] и др.); может быть, такое значение имеет это слово и в титуле Софьи Алексеевны⁸. *Самодержицей* Софья Алексеевна именуется с весны 1686 г. (см. указ от 22 апреля и трактат о вечном мире с Польшей от 26 апреля 1686 г.: [ПСЗ II: 769, 786 (№№ 1184, 1186)]); до этого с 1682 г. она называлась *великой государыней* (это название сохранялось за ней и позже)⁹. Наименование *самодержица* формально закрепляется

⁷ Приведем полный титул Софьи Алексеевны, как он читается на этой гравюре: «Пресвѣтлейшая и державнѣйшая Б[о]жію м[и]л[о]стію великая Г[осу]д[а]р[и]ня бл[а]говѣрная Ц[а]р[е]вна и великая княжна Софія Алеѣевна, вся великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержица Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Ц[а]р[е]вна Казанская, Ц[а]р[е]вна Астраханская, Ц[а]р[е]вна Сибирская; Г[осу]д[а]р[и]ня Псковская и Великая Княжна Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Г[осу]д[а]р[и]ня и Великая Княжна Новагорода Низовскія земли Чернігавская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдирская, Кондинская, и вся сѣверныя страны Повелительница и Г[осу]д[а]р[и]ня Иверскія земли, Карта Линскихъ и Грузинскихъ Ц[а]рей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Г[осу]д[а]р[и]цтвъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Отчна и Дѣдични [sic!], Наслѣдница и Г[осу]д[а]р[и]ня и Обладательница» [Ровинский 1895, II: 988, примеч.].

⁸ Слово *царевна* означало вообще как дочь царя, так и подобие царицы. Сходным образом слово *царевич* могло обозначать ‘подобие царя (татарского)’, т. е. царька, а выражение *сын боярский* — представителя служилого сословия, уподобляющегося по своему положению боярам. Одни и те же формы служат, таким образом, для выражения родственных и социальных отношений.

⁹ Ср. «Акт о совместном восшествии на Всероссийский престол государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и о вручении, за малолетством их, управления государственных дел сестре их царевне Софии Алексеевне» от 26–29 мая 1682 г. [ПСЗ II: 399–401 (№ 920)]. Софья Алексеевна впервые именуется здесь *великой государыней* (с. 401) — так же, как царица Наталия Кирилловна (с. 400). Фактически она начинает называться таким образом лишь с осени 1682 г., после казни князей Хованских (например, в именном указе от 25 октября 1682 г.: [ПСЗ II: 473 (№ 961)]). См. в этой связи: [Лавров 1999: 73–77].

за ней 6 января 1687 г. когда выходит именной указ «О писании жалованных грамот от имени Царей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Царевны Софии Алексеевны» [Ibid: 846–847 (№ 1231)]¹⁰.

Под окончанием титула на гравюре написаны в два столбца вирши, принадлежащие, как будет видно ниже, Сильвестру Медведеву (см. § 4); в них перечисляются семь добродетелей — они именуются здесь «святыми дарами», — которые изображены на клеймах (в том порядке, который образуется при чтении клейм на крыльях орла слева направо и сверху вниз):

Мудростію вт Б[о]га свыше наполненна
Бл[а]гочестіа, Д[ѣ]лства, вѣнцем украшенна,
Милость, Правосудіе истинное дѣет
Крѣпость со *Кротостію* дивную имѣет.

Сими Себе с[вя]тыми дары прославила
И ц[ар]ство аки седмы столпы укрѣпила
Сими во всей есть н[ы]нѣ вселеннѣй славима
ѣже и впредиудшій вѣкъ будетъ блажима.

Эти же вирши, по-видимому, были написаны в правом по отношению к зрителю картуше (у левой лапы орла) на картине из Романовской галереи (судя по отдельным буквам, которые можно различить на изображении).

¹⁰ Здесь говорится: «...и которая впредь будутъ за перемирныя лѣта с Польским Королемъ и с Турскимъ Султаномъ и съ Крымскимъ Ханомъ, и за Троицкой походъ и послушныхъ на ввозныхъ грамотахъ подписывать: по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великія Государыни благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ» [ПСЗ II: 846–847 (№ 1231)]; ср. перед тем указ от 26 мая 1682 г. о совокупном именовании *самодержцами* Ивана и Петра Алексеевичей: [Ibid.: 401–402 (№ 921)]. Иван, Петр и Софья объединяются при этом как названием *Самодержцы*, так и названием *Царское Величество*, относящимся ко всем трем лицам вместе (ср., например: *Великіе Государи и Великая Государыня, Ихъ Царское Величество*: [Ibid.: 871 (№ 1252)]). Ср. показания Федора Шакловитого: «какъ де были полскіе послы, въ то время какъ учинился вѣчной миръ, и великая государыня благовѣрная царевна приказывала ему Ѳедкѣ, чтобъ имя еѣ великія государыни писать обще съ великими государи [...]. И какъ, послѣ того, великая государыня благовѣрная царица [Наталья Кирилловна] была у болшихъ царевенъ [Анны Михайловны и Татьяны Михайловны] и изволила говорить: “Для чего учала она, великая государыня [Софья Алексеевна], съ великими государи обще писатца, — и у насъ де люди есть, и того дѣла не покинуть [т. е.: среди насъ есть люди, которые этого так не оставят]”. Отъ того и почало быть опасеніе» [Роз. дела I: 201].

Уже в 1686 г. имя Софьи Алексеевны провозглашается на многолетии с именами обоих царей (Ивана и Петра Алексеевичей), прежде цариц (Наталии Кирилловны, Марфы Матвеевны и Прасковьи Федоровны) и других царевен (Анны и Татьяны Михайловны, Евдокии, Марфы, Екатерины, Марии, Феодосии и Наталии Алексеевны): «въ многолѣтнемъ поздравленіи въ титулѣ Архидіаконъ кликалъ Государей и Царевну вмѣстѣ, и прочая по чину», «и нача Архидіаконъ многолѣтіе кликать Царей съ Царевною, и потомъ Царицы и Царевенъ по именамъ» [ДРВ X: 137, 140, 173; Устрялов I: 34 (примеч. 7)].

3. Гравюры с портретом Софьи Алексеевны «в орле» упоминаются в документах из розыскного дела Федора Шакловитого (1689 г.). Из дела следует, что Шакловитый напечатал две такие гравюры — одну без орла, другую с орлом.

Первая гравюра — с надписями на латинском языке (илл. V; [Ровинский 1886–1889, III: 1942–1944]) — была изготовлена и отпечатана в Амстердаме гравером Авраамом Блотелингом (Abraham Bloteling). Между 1 сентября 1686 г. и 31 августа 1687 г. по поручению самой Софьи Алексеевны Федор Шакловитый передал дьяку Андрею Андреевичу Виниусу рисунок с портретом царевны в царском чину для того, чтобы он был отгравирован и отпечатан в Голландии; Виниус отослал этот рисунок в Амстердам к бургомистру Николаасу Витсену, где гравюра была изготовлена и отпечатана; изготовление ее с вероятностью можно отнести к 1687 г. Ср.:

Въ прошломъ во 195-мъ году отдалъ ему Андрею Оедка Шакловитой листь, назнаменованной противъ того, каковъ напечатанъ, и сказалъ, указомъ великия государыни благовѣрной царевны и великия княжны Софіи Алексѣевны: чтобъ такую жъ персону за моремъ, въ Галанской землѣ велѣтъ напечатать [...]. И по тому его Оедкину приказу, тотъ обрасцовой листь послалъ за море, въ Галанскую землю, к бурмистру къ Николаю Витцину. А изъ за моря сколко числомъ тѣхъ листовъ къ нему прислано, — того онъ, Андрей, не вѣдаетъ потому, то тѣ листы отданы ему Оедкѣ за заморскою печатью. По связкѣ казалось — блиско ста. А кому тѣ листы роздаваны, — того онъ не вѣдаетъ.

Сказка дьяка Андрея Виниуса: [Роз. дела I: 655–656]¹¹.

Русский вариант этой гравюры известен по копии, выполненной в 1777 г. учеником Академии Художеств Афанасием Афанасьевым (илл. VI)¹² с какой-то гравюры, хранившейся в Академии художеств (см.: [Ровинский 1886–1889, III: 1941, примеч.; Idem 1895, I: 47])¹³. По предположению

¹¹ Слова «листь, назнаменованной противъ того, каковъ напечатанъ» означают: рисунок, соответствующий тому оттиску гравюры, который имелся в следственном деле.

¹² Ср. подпись: «Гравировалъ Пятова воз[раста] уче[никъ] А. Афанасьевъ». Афанасий Афанасьев был в Академии Художеств с 1764 по 1779 г.; в 1764 г. он числился воспитанником в академическом училище, в 1769 г. — учеником гравировального класса на меди. См.: [Ровинский 1895, I: 46–47; Петров I: 160, 219, 226].

¹³ Ср.: 9 апреля 1777 г. собрание Академии Художеств определило сообщить в Академию наук, «дабы благоволено было публиковать, о гравированном при сей Академии портрете Царевны Софии Алексеевны с точного подлинника ея времен, которой эстампу подканцеляристу Векшину и производить в продажу ценою по тридцать копеек» [Петров I: 221]. В екатерининскую эпоху наблюдается вообще определенный интерес к фигуре Софьи Алексеевны (ср. запрос Н. И. Панина в московский архив Коллегии иностранных дел 1766 г.: [Лермонтова 1912: 429–430]).

М. А. Алексеевой, образцом для Афанасьева послужила не оригинальная русская гравюра (как это считалось ранее), а гравюра Блотелинга (см.: [Алексеева 1976; Eadem 2013: 78–85]¹⁴).

Царевна изображена здесь на фоне Кремлевской стены. Портрет ее (в царском венце и порфире, со скипетром и державой в руках) — такой же, как на живописных картинах (илл. I–III)¹⁵; изображение орла при этом отсутствует. Портрет окружает овальная рамка с ее титулом; он соответствует полному царскому титулу с заменой слов *государь* на *государыня* (*domina*), *царь* на *царевна* (*carevna*), *князь* на *княжна* (*kniazna*), *самодержецъ* на *самодержица* (*autocratrix*), *повелитель* на *повелительница* (*imperatrix*), *наследникъ* на *наследница* (*successor*), *владатель* на *владательница* (*dominantrix*)¹⁶. Вокруг портрета изображены в медальонах семь добродетелей, которые отличаются от изображений на портретах в орле, т. е. на картине из Романовской галереи и соответствующей гравюре (илл. III, IV), при том что трактовка близких сюжетов часто оказывается схожей: сверху *разум* (*prudentia*), затем слева направо *благочестие* (*pietas*) и *целомудрие* (*prudicia*), *щедрота* (*liberalitas*) и *правда* (*justitia*), *великодушные* (*magnanimitas*) и *надежда божественная* (*spesdivina*)¹⁷.

Под портретом находятся вирши, посвященные перечисленным добродетелям; о *благочестии* царевны здесь говорится, между прочим, что Россия со всеми своими царствами уступает ей в этой добродетели. Ср.:

¹⁴ Д. А. Ровинский полагал, что гравюра Афанасьева воспроизводит недошедший до нас русский оригинал гравюры Блотелинга (см.: [Ровинский, 1886–1889, III: 1940–1942]); автором этой предполагаемой гравюры он считал Леонтия (Льва) Тарасевича (см. ниже, § 4).

¹⁵ Может быть, не случайно первая по времени гравюра с изображением Софьи Алексеевны в царском чине появилась в латиноязычной версии: корона царевны была изготовлена, по-видимому, для приема в кремлевской Золотой палате иностранных послов [Арх. Куракина 1890: 54; Шмурло 1896: 54]; ср. описание приема Софьей Алексеевной шведского посольства в 1684 г.: [Лермонтова 1912: 442; Sparwenfeld 2002: 173, 175]. По объяснению Федора Шакловитого, эта гравюра была изготовлена для того, «чтоб ей великой государыне слава [...] за морем была» (см. ниже, § 4).

¹⁶ Здесь и далее русский вариант в надписях дается по гравюре Афанасьева, латинский перевод или транскрипция — по гравюре Блотелинга. Клаузуле *отчичь* и *дѣдичь* в царском титуле соответствует на этих гравюрах *отечественныхъ дѣдичествъ государыня* (*paternarum haereditatum et [sic!] domina*); ср. в титуле Петра 1697 г.: *отечественный и дѣдичный дѣдичь* [Письма и бумаги Петра I: 125 (№ 134)].

¹⁷ *Разум* (*prudentia*) в гравюрах Блотелинга и Афанасьева, так же как и *мудрость* на портретах в орле, представлены в виде руки с горящей свечой, от которой исходит сияние; сходство в трактовке сюжета наблюдается также в изображениях *целомудрия* (*prudicia*) и *девства* (изображена дева с цветком), *щедроты* (*liberalitas*) и *милости* (изображены мать и сын), *правды* (*justitia*) и *правосудия* (изображена фигура с весами в одной руке и мечом в другой), *великодушия* (*magnanimitas*) и *крепостью* (изображено укрощение льва).

Какова в ц[а]рском лицѣ *прем[у]дрость* сияет
 Какова честь в вѣсѣхъ и в устѣхъ блистает.
 Та твоимъ ѿ Россіи ц[а]рствамъ обещанна,
 ѿ древнихъ дѣдовъ тебе защищать созданна.
 Та имени твоего крѣпкая защита,
 В невраждный варвару землѣ знакомита
 Клятвопрестѣпныхъ знаменъ полки преломивше
 И неукрощаемыхъ с[е]рдца умягчивша.
 В началѣ ея тріе монархи слѣзились
 С адриакимъ лвомъ в'крѣпки рати опол'чились.
Благочестье, надежда в' Б[о]жій десницы
 Тѣ крайне прославляютъ *д[н]вѣстїи* лица.
Правдодержанна с[е]рдцемъ великожеланна.
 И крѣпки рати в' полѣ вести немотчанна,
 Ибо ревнителенъ смыслъ, и побѣдоносенъ.
 Дарованьи своими зѣло чудоносенъ,
*Великодѣи*на тѣанья мраморы являютъ,
Щедрѣ рѣкѣ зданные храмы прославляютъ.
 Такова Семирамисъ ѿ Ефрата жила,
 Яже в' вѣки памятно дѣло сотворила,
 Елисаветѣ Британска скипетродержащи,
 Пѣлхеріа таковымъ умомъ бѣ смыслящи,
 Рѣсїю: Аще ц[а]рствы многими почтенна,
 Предъ бл[а]гочестивою еси умаленна¹⁸.

Здесь прославляются деяния царевны-правительницы: она усмирила стрелецкий мятеж (*Клятвопрестѣпныхъ знаменъ полки преломивше И неукрощаемыхъ сердца умягчивша*), вступила в Священную лигу (*В началѣ ея тріе монархи слѣзились С адриакимъ лвомъ в'крѣпки рати опол'чились*: три монарха соединились с Адриаком (Адриатическим) львом, т. е. Венецианской республикой, и ополчились против турок)¹⁹, она объявила войну крымскому хану (*...крѣпки рати в' поле вести немотчанна*)²⁰ и имя ее известно в дикой татарской стране (*В невраждный варвару землѣ знакомита*)²¹.

¹⁸ Отметим нестандартные формы предложного падежа: в ц[а]рском лицѣ, в' Б[о]жій десницы: они могут отражать рефлекс *ѣ > і в условиях нейтрализации противопоставления предшествующего согласного по твердости-мягкости. Подобные формы встречаются в великорусских текстах, ср., например, *при отцы моемъ* в Никаноровской летописи [ПСРЛ XXVII 1962: 129]; *в' вѣнцы* в Библии 1663 г. (Песн 3: 11) [Библия 1663: 265].

¹⁹ Россия присоединилась к Священной лиге в 1686 г. Три монарха, соединившиеся вместе с Венецианской республикой в борьбе против Османской империи, — это царица Софья Алексеевна, император Леопольд I и король Ян III Собеский.

²⁰ Ср. *мол(ѣ)чати* 'медлить'.

²¹ Разрыв с крымским ханом произошел в 1686 г.; тогда же началась подготовка к походу на Крым (см.: [Устрялов I: 172]).

По единодушному мнению исследователей, автором этих стихов был Сильвестр Медведев (см.: [Устрялов II: 47; Ровинский 1895, II: 982; Козловский 1895: 77–79; Шмурло 1896: 62; Вирши 1935: 136; Богословский I: 70; Панченко 1970: 201]); по-видимому, эти стихи хранились в Академии художеств вместе с гравюрой Блотелинга и таким образом оказались на гравюре Афанасьева. Считается также, что именно Сильвестр Медведев перевел эти вирши на латинский язык для амстердамской гравюры (см.: [Козловский 1895: 29; Панченко 1970: 380]). Можно думать, однако, что он был не переводчиком, а автором латинских стихов: он сочинил эти стихи на латыни, а затем перевел их на славянский²². Говоря о гравированном портрете царевны в орле, где он писал «именованіе [т. е. титул царевны] и вирши и семь добродѣтелей» (см. ниже, § 4), Медведев показывал:

...такъ же и другія латинскія вирши на другомъ листу переводилъ же на словенской языкъ...

Распрос старцу Сильвестру Медведеву: [Роз. дела I: 547, 677].

Под «другим листом» понимается, видимо, гравюра Блотелинга с соответствующими латинскими стихами.

Портрет Софьи Алексеевны на гравюрах Блотелинга и Афанасьева обнаруживает сходство с ее изображением на «золотом» (наградной медали), выпущенном в связи с первым Крымским походом князя Василия Васильевича Голицына (илл. VII; [Спаский 1961; Idem 2013: 236–237; Рус. историч. портрет 2004: 208 (№ 95); Лермонтова 1912: 427, 540–541; Роз. дела IV: 307]; ср.: [Арх. Куракина 1890: 54; Матвеев 1841: 48]): на лицевой стороне медали находится изображение братьев-государей в княжеских шапках, на другой стороне — более крупное изображение царевны в царском венце, мантии и со скипетром в правой руке (без державы). В августе 1687 г. такие медали раздавались участникам похода, возвращавшимся в Москву [Кохен 1878: 122; Невилль 1996: 80, 143; Гордон 2009: 152–153]; позднее они раздавались и участникам второго Крымского похода (1689 г.).

4. Другая гравюра была изготовлена весной или летом 1689 г. в загородном доме Шакловитого на Девичьем поле в Москве, и на ней царевна

²² О первичности латинских стихов по отношению к славянским может говорить то обстоятельство, что в них обыгрывается слово *prudentia* как наименование первой добродетели царевны: *Et victrix fati Prudentia, et aemula coelo // Dexterâ, muneribus prodigiosa suis...* Наименование *prudentia* было переведено (видимо, Сильвестром Медведевым) как *разум*, однако, вопреки ожиданию, слово *разум* в славянских стихах не встречается: вместо него употреблено слово *смысл* (*Ибо ревнительъ смыслъ, и побѣдоносенъ...*).

была изображена «в орле». Эту гравюру — «персону [...] Софии Алексеевны в орле» — делал украинский («черкасский») гравер Тарасевич с товарищами. Тарасевич был выписан из Чернигова в Ахтырку в 1688 г. казачьим полковником Иваном Перекрестом, который затем привез его с собой в Москву вместе со своими сыновьями и их учителем Богдановским (о них см. ниже, § 7)²³. Ср.:

Въ прошломъ во 197-мъ году, въ Великой постѣ, прїѣзжалъ къ Ѳедкѣ Шакловитому на дворъ ахтырской полковникъ Иванъ Перекрестъ, а с нимъ Черкасы два человѣка, одного называютъ Тарасѣвичемъ [...]. А послѣ того, въ Великой же постѣ, Иванъ Перекрестъ поѣхалъ домой, а Черкасы и Тарасѣвичъ съ товарищи остались на Москвѣ. И послѣ его, Ивана, сдѣлали двѣ цки [...] мѣдныя, и вырѣзали на тѣхъ цкахъ: на одной, персону великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны въ орлѣ, и похвалу ей великой государынѣ; и на той де цкѣ напечатаны листы на отласехъ и на тафтѣ и на листахъ, на Бѣлогородцкомъ подворьѣ [в Китай городе] и у него Ѳедки на загородномъ дворѣ, что подъ Дѣвичьимъ м[онасты]ремъ [...]. Да къ нему жъ Ѳедкѣ принесъ на дворъ дякъ Андрей Виніусъ листъ немѣцкой печати: въ орлѣ персона жъ великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны [...]. А послѣ де того листа онъ, Сенка [Сильвестр Медведев], у него Ѳедки видѣлъ такихъ де листовъ многое число. И роздовалъ тѣ листы онъ Ѳедка всякихъ чиновъ людемъ не втай.

Сказка подъячего Семена Надеина: [Роз. дела I: 656–658]²⁴.

[После того, как Иван Перекрест вернулся из Москвы в Ахтырку], Янъ Богдановскій и Тарасѣвичъ остались на Москвѣ [...] на томъ Бѣлогородцкомъ

²³ Имя Тарасевича в документах не называется. В рассматриваемый период известны граверы Александр Тарасевич и Лев Тарасевич (ошибочно называемый Леонтием). Как полагает М. А. Алексеева, в данном случае речь идет об Александре, а не о Льве или Леонтии Тарасевиче, как было принято думать ранее (см.: [Алексеева 1990; Eadem 2013: 66–77]). Не исключено, однако, что Александр и Лев Тарасевичи — это одно и то же лицо, выступавшее под двумя именами: двуименность в это время была широко распространена на Руси (см. вообще об этом явлении: [Литвина и Ф. Успенский 2020: 9–44]). Сказанному не противоречит то обстоятельство, что на гравюрах с подписью Тарасевича значится то одно, то другое имя (или же обозначены разные инициалы): так, например, Симон Ушаков подписывал свои иконы как именем Симон, так и именем Пимен, а иногда тем и другим именем вместе — Пимен, зовомый Симон (Ф. Б. Успенский, устное сообщение). Монографии Д. В. Степовика, посвященные Александру и Леонтию Тарасевичам (см.: [Степовик 1975; Idem 1986]), к сожалению, ненадежны как исторический источник.

²⁴ Возможно, здесь путаница: как кажется, сначала на Белгородском подворье были напечатаны гравюры с досок, изготовленных в Ахтырке и привезенных в Москву (см. ниже, § 7), после чего в загородном доме Шакловитого была изготовлена доска с изображением Софии Алексеевны в орле и там же с этой доски отпечатаны эстампы.

Не вполне понятно упоминание Виниуса. Должны ли мы думать, что гравюра с портретом царевны в орле был отпечатана также за границей, или же речь здесь идет о гравюре Блотелинга, которая ошибочно описывается как портрет в орле?

подворѣ [где останавливался Перекрест], и жили на Москвѣ многое время. А приѣхавъ въ Ахтырку, сказывали ему Ивану [Перекресту], что они жили у Ѳедки Шакловитого на дворѣ и печатали на листахъ персону великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, да гербъ Ѳедки Шакловитова [...]. А смотря онъ Иванъ персоны великія государыни, которая печатана на отласѣ въ орлѣ, сказалъ, что при немъ такихъ персонъ не печатано...

Распрос полковнику Ивану Перекрестову: [Ibid.: 662].

Ближайшее отношение к этой последней гравюре — гравюре с изображением Софьи Алексеевны «в орле» — имел Сильвестр Медведев, который сочинил названия семи добродетелей, окружавших портрет царевны, а также посвященные ей вирши (они были приведены выше, см. § 2). По его словам, Федор Шакловитый

...печаталъ орелъ на листахъ, и подписано было именованіе великой государыни благовѣрной царевны и семь добродѣтелей и вирши. А знаменили тотъ листъ украинцы, которых присылалъ ахтырской полковникъ Перехрестъ. А ему Ѳедка Шакловитой велѣлъ подписать именованіе и вирши и семь добродѣтелей...

Распрос старцу Сильвестру Медведеву: [Ibid.: 546–547]²⁵.

Он же показывал:

А два листа, что написана великая государыня благовѣрная царевна въ орлѣ, и подписано съ полнымъ именованіемъ, и тѣ листы печатаны у него жъ, Ѳедки, на загородномъ дворѣ; а печатали Черкасы тѣ, которые присланы [...] отъ Перекреста. А къ нему Сенкѣ онъ Ѳедка принесъ для того, чтобы на тѣхъ листахъ подписать полное именованіе титулу ей, великой государынѣ. И онъ де Сенка на тѣхъ листахъ полную титулу и вирши на добродѣтели и подписаль. А подписывалъ онъ для того, къ похвалѣ ей великой государынѣ, велѣлъ подписать онъ Ѳедка...

Распрос Семену[Сильвестру] Медведеву: [Ibid.: 595–596]²⁶.

О двух гравюрах с портретом Софьи Алексеевны Медведев говорил следующее:

А два де листа нѣмецкіе, печать и подпись латынская, принесъ онъ же Ѳедка [Шакловитый]; а подписано на нихъ такія жъ добродѣтели, что и въ орлахъ еѣ великія государыни именованіе полное [...]. И сказалъ онъ Ѳедка

²⁵ Ср.: «...печатавъ орелъ на листахъ, и подписано было именованіе великой государыни благовѣрной царевны и семь добродѣтелей и вирши; а знаменили тотъ листъ украинцы, которых присылалъ ахтырской полковникъ Перекрестъ; а ему Ѳедка Шакловитой велѣлъ подписать именованіе и вирши и семь добродѣтелей...» (Извест на Сеньку Медведева: [Роз. дела I: 677]).

²⁶ Во время розыска Сильвестр Медведев был расстрижен и стал называться не иноческим именем *Сильвестр*, а крестильным *Семен* (см. [Прозоровский 1896: 335]).

про тѣ листы: тѣ де листы печатаны за моремъ его, Оедкинымъ, промысломъ, чтобъ ей великой государынѣ слава и за моремъ была. По листамъ де, которые печатаны въ орлахъ, на его Оедкиномъ дворѣ, слава въ Московскомъ государствѣ; а по темъ де листамъ, что печатаны за моремъ, слава ей великой государынѣ въ иныхъ государствахъ.

Распрос Семену [Сильвестру] Медведеву: [Ibid.: 596–597].

Есть все основания думать, что гравюра, хранившаяся у А. Е. Пальчикова (илл. IV), — это именно тот лист «в орле», о котором идет речь в деле Шакловитого (см. [Алексеева 1976: 242]). Судя по всему, живописные портреты Софьи Алексеевны, вписанные в изображение двуглавого орла, относятся к тому же времени, что эта гравюра, т. е. к 1689 г. Фигура и облик царевны на всех этих портретах — на живописных картинах и на гравюре с орлом (илл. I–IV) — соответствуют ее изображению на гравюрах Блотелинга и Афанасьева (илл. V–VI) и, надо полагать, восходят к этому источнику. Равным образом добродетели, окружающие фигуру Софьи Алексеевны на портретах с орлом (живописных и гравированном), ближайшим образом напоминают изображения на этих гравюрах²⁷, хотя наименования добродетелей претерпели изменение, будучи заменены семантически близкими словами: так, *разум* заменен на *мудрость* (несомненно, в связи с Софией Премудростью), *целомудрие* на *девство* (конечно, в связи с девичеством Софьи Алексеевны), *щедрота* на *милость*, *правда* на *правосудие* (как милость, так и правосудие соответствуют образу государыни), *великодушие* на *крепость*, *надежда* на *кротость*; *благочестие* изменения не претерпело, т. е. в этом случае наименование осталось прежним. Эти изменения принадлежат Сильвестру Медведеву — автору виршей на гравюре «в орле» (см. § 2), который явно стремился сблизить наименования добродетелей Софьи Алексеевны с образом правящей монархини.

Вопреки укоренившемуся мнению, восходящему еще к середине XIX в. и повторяющемуся из работы в работу, нет никаких оснований приписывать Тарасевичу гравюру с изображением Софьи Алексеевны без орла (илл. V, VI), заказанную в 1686–1687 гг.: судя по всему, он появился в Москве после того, как эта гравюра была создана (не ранее 1688 г., см: [Роз. дела I: 660]). Вместе с тем Тарасевич был автором гравированного портрета Софьи Алексеевны «в орле» 1689 г. (илл. IV) и имел, видимо, самое непосредственное отношение к живописным портретам царевны (илл. I–III). При этом как в гравюре Тарасевича, так и

²⁷ Ср. цитированное выше показание Медведева: «А два де листа нѣмецкіе, печать и подпись латынская, принесъ онъ же Оедка; а подписано на нихъ такія жъ добродѣтели, что и въ орлехъ еѣ великія государыни именование полное» [Роз. дела I: 596].

в живописных портретах (1689 г.) было повторено изображение царевны, дошедшее до нас в исполнении Блотелинга и Афанасьева. Мы не знаем, кто был автором эскиза («назnamenованного листа»), который был передан Виниусу и отослан им в Амстердам (см. выше, § 3); именно этот эскиз лег в основу рассмотренных выше портретов Софьи Алексеевны, как гравированных, так и живописных.

5. Говоря о своем участии в изготовлении гравированного портрета Софьи Алексеевны *в орле*, Сильвестр Медведев показал на следствии, что он «подписывал» полный титул царевны и вирши по приказу Федора Шакловитого (см. выше, § 4):

А подписывалъ онѣ для того, къ похвалѣ ей великой государынѣ, велѣлъ подписать онѣ Ѳедка, и говорилъ ему Сенкѣ онѣ Ѳедка: *у цесаря де Римского седмь курфистровѣ въ орлехѣ*, и вместо де седми курфистровѣ велѣлъ подписать седмь даровѣ, сирѣчь добродетелей, ей великой государынѣ.

Распрос Семену[Сильвестру] Медведеву: [Роз. дела I: 595–596].

Как предположила М. А. Алексеева, «образцом для Шакловитого послужила какая-то западноевропейская гравюра — портрет императора» [Алексеева 1976: 241]. Недавно такая гравюра была обнаружена (см. [Вознесенская 2018: 65]): речь идет о портрете императора Леопольда I, гравированном Паулем Фюрстом (Paul Fürst). Император изображен здесь на фоне двуглавого орла, на крыльях которого расположены медальоны с портретами семи курфюрстов (илл. IX). Связь этих портретов не вызывает сомнения, однако представляется, что портрет Софьи Алексеевны в орле доступен и другому прочтению: за образец была взята, очевидно, гравюра с изображением императора Леопольда — и вместе с тем в русском контексте портрет царевны мог читаться, по-видимому, особым образом. Более того: эта двусмысленность могла, как кажется, специально обыгрываться.

Необходимо напомнить, что двуглавый орел является государственной эмблемой как Священной Римской империи, так и Московского царства²⁸, и это обстоятельство определяло, по-видимому, восприятие портрета Софьи Алексеевны в орле. Каково бы ни было происхождение

²⁸ Это отразилось в спорах о происхождении русского двуглавого орла. Со времен Карамзина утвердилось представление о его византийском происхождении; Карамзин (так же, как до него и Татищев) считал, что Иван III принял гербовую эмблему Византийской империи после женитьбы на Софии Палеолог (1472 г.), «по свойству с царями греческими» [Карамзин VI: 46]. Противники этого мнения указывали, что Византийская империя не знала эмблематики геральдического характера; в противовес мнению Карамзина, было выдвинуто предположение о том, что двуглавый орел был заимствован из символики Священной Римской империи [Alef 1966]; см. подробнее: [Агоштон 2005: 376–447; Eadem 2006]. Юрий

этого изображения, в русском контексте оно должно было восприниматься как портрет на фоне русского герба. При таком восприятии портрет в орле предстает как модификация герба Российского государства.

Российским государственным гербом со времени Ивана Грозного был двуглавый орел, с изображенным на груди его *ездцом* (всадником, обыкновенно попирающим змея), традиционной эмблемой московских великих князей (см. золотую буллу 1562 г.: [Снимки печатей 1880: № 12]; илл. VIII)²⁹. Ездец понимался при этом как изображение государя, причем не государя вообще, а конкретного человека — царствующего монарха.

Такое понимание имеет давнюю традицию (см.: [Лакиер 1855, 1: 128–131; Сонцов 1860: 70–73; Агоштон 2005: 318–322]; о предыстории этой традиции см.: [Молчанов 2008]). В «Хождении на восток» Василия Познякова рассказывается о приеме русских послов александрийским патриархом Иоакимом в 1559 г. (который перед тем обращался к царю с просьбой о материальной помощи). Патриарх, осмотрев печать Ивана Грозного, спросил, царь ли это изображен на печати; послы отвечали утвердительно:

И онъ возревъ на образъ, прѣкрестися и посмотревъ печати царьские и воспроси нас: «Благовѣрный, де, царь на сей печати на конѣ?». Мы же рекохомъ ему: «На кони государь». Он же воставъ с кресла и поклонися до земли Прѣчистые образу, ото очию же его слезы вельми течаху. И глаголюще: «Укрѣпи, Господи, православного царя!».

[Хождение Василия Познякова 2000: 50]³⁰.

Крижанич писал в этой связи: «Царь Иван [...] знаковиной своей сделал орла двуглавого — римский или, скорее, немецкий герб» [Крижанич 1965: 289, 627].

²⁹ Слово *ездец* как обозначение конного воина (позднее к нему прибавляется изображение змея и он становится воином-змееборцем) — термин, принятый в русской геральдике, см.: [Сл. цсл. и рус. яз. IV: 471] (s. v. *ъздець, -дца*). Ср. упоминание этого слова в указах «О государственных печатях и о перемене на оных царского имени» от 29 апреля 1682 г. [ПСЗ II: 388 (№ 915); СГГД IV: 414 (№ 133)] и «О сделании новой государственной печати» от 11 марта 1726 г. [ПСЗ VII: 584 (№ 4850)]. В современных работах по геральдике это слово нередко склоняется неправильно: *ездец, ездеца* вместо *ездец, ездца*.

³⁰ Ср. печати Ивана Грозного с изображением всадника-змееборца [Снимки печатей 1880: №№ 7, 9, 16]. На большой государственной печати Ивана Грозного такой всадник изображен на груди двуглавого орла [Ibid. №№ 12, 13, 18]. Именно при Иване Грозном появляются печати такого рода. Ср. в Никоновской летописи под 1561 г.: «Того же году [...], царь и великий князь [Иван IV] печать старую меншую, что была при отцѣ его великомѣ князѣ Василичѣ Ивановичѣ перемѣнилъ, а учинилъ печать новую складную: орель двоеглавной, а среди его человекъ на конѣ, а на другой сторонѣ орель же двоеглавной, а среди его инърогъ» [ПСРЛ XIII, 1904: 331].

Сто лет спустя, в 1659 г., тосканский герцог Фердинанд II Медичи спрашивал у русских послов (посланника Василия Богдановича Лихачева и дьяка Ивана Фомина):

Печать на грамотѣ, какову В[еликий] Г[осуда]рь вашъ, Е[го] Цар[ское] В[еличест]во, прислалъ с вами [...]: орелъ двоеглавой съ коруною, а в немъ на лошади которой святой напечатанъ, а подобенъ онъ святому Георгію?

И Цар[ского] В[еличест]ва посланники сказали: печать В[еликого] Г[осуда]ря нашего [...] орелъ двоеглавой, а в срединѣ В[еликий] Г[осуда]рь нашъ, Е[го] Цар[ское] В[еличест]во, а в рукахъ держитъ на непріятели своего копіе, а надъ нимъ [...] царскій венецъ, а около печати написано [sic!] ево В[еликого] Г[осуда]ря титла.

[ПДС X: 591–592]; ср.: [ДРВ IV: 349].

После этого на торжественном обеде, устроенном в честь русских послов, на столе красовался сделанный из сахара двуглавый орел, в середине которого был изображен царь на коне:

орелъ сделанъ на сахарѣ вышиною въ аршинъ, устроенъ жемчугомъ большимъ и каменіемъ драгимъ, в срединѣ онаго изображенъ великій Государь нашъ на армакѣ, въ рукѣ скипетръ держитъ.

[ДРВ IV: 349]³¹.

По словам Котошихина, именно изображение царя на коне, побеждающего змея, является и с т и н н ы м гербом московских государей. Двуглавый орел, который значится на царских печатях, таковым не является: это, говорит Котошихин, н е п р я м о й (заимствованный) герб. Ср.:

...сам ц[а]рь гербом своимъ московским печатаетца на грамотах в хр[и]стианские г[о]с[у]д[а]рства не истинным своимъ прямым, а печатаетца своимъ истинным гербом к крымскому хану...

[Котошихин 1980: л. 41]³².

Это сообщение дополняется замечанием о том, что на крымских грамотах ставится «самаа істиннаа московского кн[а]жения печать», где вырезано «царь на конѣ побѣдилъ змиа»:

А крымские [грамоты] печатают печатью, вырѣзано ц[а]рь на конѣ побѣдилъ змиа, около подпись ц[а]рская, титла самая малая по и *иныхъ*

³¹ В другом списке: «...в[еликий] Г[осуда]рь нашъ [...] на лошади, а въ рукахъ держитъ мечъ обнаженъ» [ПДС X: 592].

³² Двуглавый орел определенно ассоциировался при этом с византийским наследием: он понимался как герб константинопольского императора, унаследованный русскими великими князьями и затем царями. Котошихин противопоставляет его «истинному», природному гербу московских государей.

[т. е.: до слов *и иных* в царском титуле]. То есть самая истинная Московского князя печать, она же вырезана и на самой большой печати [...] в середине самого орла...

[Ibid.: л. 55]³³.

Котошихин описывает здесь большую и малую государственные печати: на малой печати был вырезан ездца, а на большой — государственный герб (орел с ездцом), как он описан в царском указе «О титуле Царском и Государственной Печати» 1667 г. [ПСЗ I: 737–738 (№ 421)].

Помещая ездца на грудь двуглавого орла, Иван Грозный соединял изображение государя с символом государства. Изображение ездца имело конкретный и индивидуальный характер, тогда как изображение орла выступало как обобщенный (абстрактный) символ.

Таким же образом мог восприниматься ездца на московских монетах. Так, по сообщению IV Новгородской летописи, в 1535 г.

Того же лета 7043 государь князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси, въ третье лето государства своего, по преставлени отца своего великого князя Василья Ивановича всеа Руси, повеле дѣлати денги серебряные новые на свое имя [...]. А при великомъ князе Василье Ивановиче бысть знамя на денгахъ: князь велики на коне, а имѣя мечъ въ руке; а князь велики Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгах: князь велики на конѣ, а имѣя копье въ руке, и оттолѣ прозвашеся денги копѣйные.

[ПСРЛ IV/1, вып. 3, 1929: 570; ПСРЛ, VI, 1853: 296;

Карамзин VIII: 14 (примеч. 67)]³⁴.

Соответственно, Котошихин, описывая серебряные копейки с изображением ездца, говорит:

на одной сторонѣ ц[а]рь на конѣ, а на другой сторонѣ подпись ѿ[а]рь і великии князь, имя ц[а]рское и титула самая короткая

[Котошихин 1980: л. 143]³⁵.

³³ Ср.: «А бывает та печать у думног[о] дьяка беспрестанно повѣшена на воротах в доме, а вырезано на той печати орелъ двоеглавой всередине ц[а]рь на конѣ побѣдилъ змия, около подписи ц[а]рская, титула самая короткая...» [Котошихин 1980: л. 168]. В описании «гербовного» знамени Алексея Михайловича говорится: «Знамя [...] в середине в клеймѣ орелъ двоеглавой с карунами; в правой ногѣ держитъ скипетръ, в лѣвой ногѣ держава с крестомъ; в середине орла Ц[а]рь на конѣ колетъ змия копиемъ» [Опись Оружейной палаты 1687 г., см.: Яковлев 1865, отд. II: 33 (№ 3583)].

³⁴ Изображение всадника с опущенным копьем, отвечающее названию копейка, впервые встречается на монетах и печатях Василия I (см.: [Федоров 1949: 170–171; Спасский 1955: 265]).

³⁵ В то же время, описывая полушки (полкопейки), Котошихин выражается иначе: «на одной сторонѣ ч[е]л[о]вѣкъ на конѣ с саблею, на другой подписи ц[а]рская такая же, что и на копейках» [Котошихин 1980: л. 143]. По-видимому, в данном случае — на полушках — не имеется в виду изображение царя, и

Ср. также описание серебряных монет у Я. Рейтенфельса:

на одной стороне [...] оттиснуто изображение царя, на другой — всадник с копьем.

[Рейтенфельс 1905: 135].

Изображение государя может выглядеть достаточно условным, но при этом имеется в виду вполне конкретное лицо³⁶. Иногда на этом изображении появляются отдельные признаки, позволяющие говорить о портретном сходстве: замечено, например, что на ранних монетах Ивана Грозного ездец изображается безбородым, впоследствии же у него появляется борода; изображение ездца меняется в соответствии с изменением облика государя (см.: [Булычев 1906: 35, 38, 42, 53; Спасский 1955: 266–268; Idem 1976]).

В некоторых случаях изображение ездца достигает полного сходства. Такова гравюра с гербом Российского государства в московской Библии 1663 г. (илл. X): в ездце на груди орла нетрудно узнать портрет самого Алексея Михайловича с бородой, в царственной шапке и в кафтане поверх лат, обнаруживающий разительное сходство с его парсунами (илл. XI; [Овчинникова 1955: 79]). На другом гербе, опубликованном в «Синописе» Иннокентия Гизеля 1680 г., в ездце, по-видимому, представлены черты Федора Алексеевича (илл. XII).

В указе «О титуле Царском и Государственной печати» 1667 г. Российский государственный герб описывается как двуглавый орел с изображением царя на груди: «на персѣхъ изображеніе *наслѣдника*» [ПСЗ I: 737–738 (№ 421)]; ср. то же: [СГД IV: 209 (№ 57); Титулярник 1672 г.: л. 70]. Слово *наследник* здесь — наименование царя, которое фигурирует в его полном титуле (ср. заключительную часть титула: ... *отчиць и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и облаадаватель*). Оно означает не того, кому предстоит наследовать престол (т. е. будущего царя), а того, кто его (престол) унаследовал (т. е. актуального царя).

При таком понимании портрет царевны Софьи Алексеевны в орле представляет собой не что иное, как преобразование государственного

«подпись царская» на оборотной стороне монеты не относится к изображению на ее лицевой стороне, но имеет самостоятельное значение (при том что в случае серебряных копеек надпись на реверсе соотносится с изображением на аверсе). Показательно в этом смысле, что в 1724 г. всадник на медных копейках называется «ездоком с копьем» [Спасский 1955: 266]. Похоже, что со временем ездец перестает считаться изображением государя на дешевых деньгах (мелкого номинала или сделанных из простого материала).

³⁶ Ср. наблюдения А. А. Молчанова над княжескими печатями XIII–XV вв. Изображение всадника без нимба на этих печатях соответствует столь же условному изображению с нимбом: в одном случае имеется в виду сам князь, в другом — его (или его рода) небесный покровитель [Молчанов 1908: 457–460].

герба: герб Российского государства преобразуется в парсуну, причем двуглавый орел становится ее обрамлением; в этом смысле портрет царевны восходит к всаднику на коне (ездцу) как изображению государя.

Нельзя не отметить в этой связи «золотой» (наградную медаль) Бориса Годунова с оплечным портретом царя на аверсе, при том что на реверсе представлен двуглавый орел без какого-либо изображения на груди (илл. XIII; [«Борис Годунов...» 2015: 246 (№ 90); Спасский 1978; Idem 2013: 279]). Две составляющие российского герба — двуглавый орел и изображение государя — оказываются в данном случае на разных сторонах медали. Прототипом этой медали может быть малая государственная печать, где на аверсе изображен ездец-змееборец (т. е., видимо, государь), на реверсе — двуглавый орел без ездца на груди (илл. XIV; [Снимки печатей 1880: № 30], ср. также [Ibid. № 27]); такого рода печати известны со времени Ивана III (см.: [Ibid. №№ 2–7, 9, 16, 22, 25; Агоштон 2005: илл. 4–10, 14]). Как в том, так и в другом случае на лицевой стороне (печати или медали) находится изображение царя, на оборотной стороне — изображение двуглавого орла³⁷.

6. Геральдическая составляющая портрета Софьи Алексеевны дает основание предположить, что портрет в орле был изготовлен (в 1689 г.) к готовящейся коронации (венчанию на царство). Уже первый портрет правительницы, заказанный в 1686–1687 гг. и известный по гравюрам Блотелинга и Афанасьева (илл. V, VI), где Софья Алексеевна впервые была изображена в царском чине и с полным царским титулом, представляет собой не что иное, как коронационный портрет: заказывая этот портрет, Софья Алексеевна, по существу, заявляла о своем намерении венчаться на царство³⁸. Вступление на престол первоначально должно было осуществиться 1 сентября 1687 г., в день новолетия, открывающего новый 6196 год от сотворения мира [Роз. дела I: 5, 14, 60, 79, 91–92, 101–102, 135–136, 166–167, 227–228, 240–241, 245–246,

³⁷ Ср. также рубль 1654 г. с портретом Алексея Михайловича на аверсе и двуглавым орлом на реверсе [Спасский 1982; Idem 2013: 309, илл. 10, 11]. И в этом случае портрет Алексея Михайловича близок к его парсунным изображениям.

³⁸ Известно, что царевна распорядилась изготовить список поставления на царство царя Алексея Михайловича (см.: [Леонид 1882: 3, примеч.]. Мы не знаем, когда именно было отдано это распоряжение, но можно предположить, что это случилось в 1687–1689 гг.

В 1688 г. Василий Васильевич Голицын наказывал афонскому архимандриту Исаею, чтобы тот «такую грамоту исходатайствовал у Вселенских патриархов для государыни Софии, чтобы могла государыня София носить царскую корону и во привилегиях церковных поминовение имети вкупе с великими государями»; патриарх Иоаким, который каким-то образом узнал об этой затее, заклинал Исаию не хлопотать перед патриархами по этому делу [Каптерев 2008: 617], ср. [Ibid: 616–618].

253–254, 547, 562, 677–678], ср. [Ibid.: 19, 117–118, 138, 173, 203, 208, 219, 224, 240, 274, 637, 717]: начало нового года должно было ознаменовать начало новой эры и нового Российского царства. Федор Шакловитый говорил своим сообщникам:

в день де нового лѣта, на великую государыню благовѣрную царевну и великую княжну Софію Алексѣевну положить царской вѣнецъ.

Допрос пятидесятнику Афанасию [Ларионову]:
[Роз. дела I: 79; аналогично: [Ibid.: 254]³⁹.

Храните вы царство тайно [т. е. храните втайне намерение Софьи Алексеевны венчаться на царство], чтобъ намъ нынѣ на Семень день [1 сентября 7196 г.], какъ будетъ государемъ выходъ на новую землю, и въ то де время вамъ бы государыню вѣнчать царскимъ вѣнцомъ...

Сказка пристава Кондратия Сафонова и пятидесятника
Данилы Артемьева: [Ibid.: 135].

А какъ де выдутъ великіе государи на новую землю, Сентября въ 1-й день, во 196-мъ году, и подать бы имъ великимъ государемъ челобитную о томъ, чтобъ благовѣрную царевну и великую княжну Софію Алексѣевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ для того: будетъ де они великіе государи поволѣть свое государство и къ раздѣленію, ино де ему государю царю Іоанну Алексѣевичу и государынѣ двѣ доли, а ему государю царю Петру Алексѣевичу третья доля.

Изветы слободчиков Василия Загудаева
и Михаила Данилова: [Ibid.: 91–92].

...въ прошломъ во 195 году, Августа въ послѣднихъ числахъ, Ѳедка Шакловитой призывалъ [...] написать челобитная, чтобъ и премудрой великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ вѣнчатца царскимъ вѣнцомъ [...]. А бить челомъ де имъ онъ велѣлъ въ то время, какъ великіе государи выдутъ во Обновленіе новаго лѣта къ дѣйству.

Распросы пятидесятнику Юрию Леснику и пятисотному Ивану Муромцеву:
[Ibid.: 101–102]; аналогично: [Ibid.: 227–228, 245].

...и призвавъ ихъ, онъ Ѳедка Шакловитой казалъ имъ челобитную, чтобъ ей великой государынѣ благовѣрной царевнѣ вѣнчатца царскимъ вѣнцомъ [...]. А бить челомъ было имъ, и тое челобитную подавать на Семеновъ день 196-го году.

Допрос пристава Обросиму Петрову: [Ibid.: 117].

А в прошломъ де во 195-мъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, [...] изволила великая государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, призвавъ его Ѳедку [Шакловитого] приказывать: если она государыня изволитъ вѣнчатца царскимъ вѣнцомъ, чтобъ провѣдать въ стрѣльцахъ, что отъ нихъ въ томъ будетъ, какая отвѣдь? [...] И послѣ де того, дня три спустя, тѣ стрѣльцы, пришедъ сказали, что они тому дѣлу ради помогать и готовы, чтобъ имъ написать че-

³⁹ В издании Афанасий Ларионов ошибочно назван Афанасием Медведевым.

лобитную, какъ къ тому дѣлу прилично, и они съ тою челобитное стануть просить милости у великихъ государей въ то время, какъ они великіе гоудари будутъ у дѣйства [Обновления нового лета].

Распрос окольничему Федору Шакловитому: [Ibid.: 166–167].

Да онъ же Ѳедка [Шакловитый] ему жъ, Селиверстку [Медведеву], сказываль у себя въ дому, канонъ Семенова дни, тому другой или третей год [имеется в виду 31 августа 1687 г.]: завтра де великую государыню благовѣрную царевну короновать. — И онъ де, Селиверстко, ему Ѳедкѣ сказалъ: святѣйшій де патріархъ того дѣлать не станеть — И онъ Ѳедка ему Селиверстку, сказалъ: станеть де патріархъ короновать и заневолю.

Распрос старцу Сильвестру Медведеву: [Ibid.: 547],
ср. [Ibid.: 677–678]; аналогично: [Ibid.: 637, 717].

Слова Шакловитого о выходе государей в *новое лето на новую землю* отсылают к Откровению Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю...» (Откр 21: 1); новолетие воспринимается как глобальное обновление, в рамках которого должно совершиться и обновление царства. Характерным образом Борис Годунов выбрал для своей коронации день 1 сентября: он был избран на царство 21 февраля 1598 г. и отложил свое венчание на царство на целых полгода, чтобы венчаться именно в этот день. Точно так же и Лжедмитрий, по некоторым сведениям, хотел короноваться 1 сентября и лишь под давлением обстоятельств должен был перенести коронацию на более ранний срок (см.: [Успенский 1998: 139])⁴⁰.

Появление портретов Софьи Алексеевны в орле (живописных и гравированного) говорит о том, что попытка возвести ее на престол должна была повториться в 1689 г.; по всей вероятности, это ожидалось именно в день Обновления нового лета, на Семенов день 7698 г., т. е. 1 сентября 1689 г. По-видимому, не случайно Петр предупредил эти события, бежав из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь⁴¹. Ср. приговор Федору Шакловитому 12 сентября 1689 г.:

⁴⁰ Соответственно, во время стрелецкого мятежа 1698 г. стрельцы говорили об исходе восстания: «Посмотрим, что здесь Семен день покажет, а даром не пройдет» [Устрялов III: 234]. День новолетия воспринимался как решающий день в историческом процессе.

⁴¹ 1 сентября 1689 г. Софья Алексеевна приводила стрельцов к крестному целованию [Роз. дела I: 100–101, 126–127, 137–138] и пыталась обратиться с воззванием к «всяких чинов людям» [Ibid.: 152, 177–178; Устрялов II: 77]. О контрмерах Петра в этот день см.: [Богословский I: 85]; ср.: [Гордон 2009: 204–205; Роз. дела I: 85, 191].

Ср. письмо Петра брату Ивану в дни, когда происходило отстранение Софьи Алексеевны от власти (от 8–12 сентября 1689 г.): «Учила она [...] въ титлах писаться собою безъ нашего изволения, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчатца» [Письма и бумаги Петра I: 13 (№ 10)]. См. также: [Арх. Куракина 1890: 58].

И про бунты ты, воръ, со стрѣльцами говорилъ, и во время дѣйства, во Обновленіе новаго лѣта, его великого государя остановить и боярь одержать приказывалъ...

[Роз. дела I: 274]

7. С предстоящей коронацией могут быть связаны и клейма с аллегорическими изображениями добродетелей царевны. Они обозначают не только добродетели как таковые, но также и дары святого Духа, которые должны быть запечатлены на Софье Алексеевне при помазании на царство: дары, в отличие от добродетелей, прямо указывают на действия святого Духа; ср. слова, произносимые при совершении таинства миропомазания и повторяемые при помазании на царство: «Печать дара Духа Святаго» (см.: [Успенский 1998: 16–20])⁴². С определенного времени добродетели царевны начинают последовательно именоваться *дарами* или *дарами Святого Духа*. Сильвестр Медведев в виршах на портрете в орле, которые мы приводили выше (см. § 2), называет их *святыми дарами*:

Сими Себе с[вя]тыми дарах прославила
И ц[а]рство аки седми столпы укрѣпила⁴³.

Здесь очевидная аллюзия к Библии, очередной раз обыгрывающая ассоциацию имени царевны с Софией Премудростью, ср.: «Премудрость созда себѣ домъ и оутверди столповъ седмъ» (Притч 9: 1).

Упоминание даров святого Духа применительно к образу Софьи Алексеевны наблюдается с 1688 г., и именно в этом контексте в розыске о Федоре Шакловитом появляется имя Тарасевича. Осенью 1687 г. (7196 г. от сотворения мира) после первого Крымского похода Иван Перекрест вместе с другими казацкими полковниками был вызван в Москву⁴⁴; он взял с собой своих сыновей Данилу и Якова, которые приехали в сопровождении своего учителя Ивана (?) Богдановского⁴⁵.

⁴² Обряд помазания на царство представляет собой не что иное, как повторение обряда миропомазания, совершаемого над каждым православным человеком после крещения. См.: [Успенский 1998: 16–21].

⁴³ Ср. также цитированные выше показания Медведева: «велѣлъ подписать [Шакловитый ему, Медведеву] семь даровъ, сирѣчь добродетелей, ей великой государынѣ» [Роз. дела I: 596].

⁴⁴ Первый Крымский поход князя Василия Васильевича Голицына закончился 24 августа 1687 г. Говорим об осени 1687 г., так как после поездки Перекреста в Москву последовали хлопоты об издании книги, которая вышла в свет 1 февраля 1688 г. (см. ниже).

⁴⁵ В документах его имя называется по-разному: Иван, Ян, Иосиф, Яков [Роз. дела I: 659–662]. Чередование форм *Иван* и *Ян* заставляет предположить, что он был Иваном.

Сыновья Перекреста говорили рацею (приветственное слово) перед царями; Шакловитый спросил о рацее царевне и, узнав, что таковой нет, предложил ее изготовить; она была изготовлена и прочитана и, по-видимому, имела успех, поскольку Шакловитый велел Богдановскому написать книгу и изготовить лист (гравюру) «к похвале великой государыне». На вопрос Богдановского о содержании похвалы, Шакловитый отвечал:

похвалу такую написать — она де великая государыня бунтъ утишила, и монастыри строить, и къ людямъ милостива и премудра.

Распрос полковнику Ивану Пересвету:

[Роз. дела I: 659–660].

Так появилась книга под названием «Дары Духа Святого», которая была напечатана в Чернигове 1 февраля 1688 г.⁴⁶ Царевна названа в ней «сокровищем даров Духа Святаго» (с. 1). Добродетели царевны — они прямо именуются здесь *дарами святого Духа* — отчасти соответствуют тем, которые указаны на гравюрах Блотелинга и Афанасьева, отчасти же — тем, что поименованы на портретах с ее изображением в орле: здесь называются *мудрость, разум, совет, крепость, благочестие, видение в законе Господнем* и *страх Господень*. Эти названия взяты также из Библии — в частности, из пророчества книги пророка Исаии, ср.: «И почтѣтъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крепости, Духъ вѣдѣнія и благочестія. Исполнить Его Духъ страха Божія» (Ис 11: 2–3). Дары святого Духа, излившиеся на Софью Алексеевну, толкуются здесь применительно, так сказать, к злобе дня⁴⁷. По стилю это типичный образец школьной риторики.

⁴⁶ Книга вышла под именами Данилы и Якова Перекрестов. Ср.: «А что на тѣхъ листахъ подписано тѣмъ дѣтей его [Ивана Перекреста], Данила да Якова Перекрестовъ, — и то де велѣлъ подписать Ѳедка Шакловитой. А онъ де Иванъ говорилъ, что де тѣ труды и тѣмъ дѣтей его Ивановыхъ, и дѣти его того дѣлать не умѣютъ, и подпишетъ де тотъ учитель Іосифъ [sic!] Богдановскій, которой тѣ листы выдавалъ къ печати. И Ѳедка ему сказалъ, что тому учителю того листа подписать ненадобно для того, что онъ человекъ не знатной; а дѣти де его, хотя и не умѣютъ, только де имъ пристойно подписать для того, что де они по немъ Иванъ знатны» [Роз. дела I: 661]. В книге встречаются формы 1-го лица единственного числа (например, *возмогахъ* и т. п.), которые, очевидно, не могут относиться к Даниле и Якову Пересветам и выдают авторство Богдановского. Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность А. А. Булычеву за помощь в ознакомлении с этим редким изданием.

⁴⁷ Так, *мудрость* правительницы, говорится в этой книге, проявилась в утишении народного мятежа, *разум* — в отправлении князя Василия Васильевича Голицына на борьбу с татарами, *совет* — во вступлении в Священную лигу и заключении вечного мира с Польшей, *крепость* — в защите православия в Польской земле, *благочестие* — в строительстве церквей и монастырей, *видение в законе Господне* — в борьбе с ересями, *страх Господень* — в соблюдении Божественных заповедей. Ср.: [Каменева 1959: 267].

Наряду с книгой, изданной в Чернигове, в Ахтырке была изготовлена гравюрная доска с изображениями царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны с изливающимися на нее дарами святого Духа. Доску эту делал Тарасевич, специально для этого вызванный в Ахтырку из Чернигова. Эта гравюра была напечатана весной 1689 г. в Москве (на Белгородском дворе в Китай городе), куда в Великий пост снова приезжал полковник Иван Перекрест вместе со своими сыновьями; их сопровождали Богдановский и Тарасевич⁴⁸. Тогда же книга и гравюра были поднесены Софье Алексеевне. Ср.:

И онъ Иванъ [Перекрест] того учителя Якова [sic!] Богдановскаго посылалъ въ Кіевъ и въ Черниговъ, чтобъ ему сыскать такихъ людей, которые бы напечатали. И онъ Яковъ изъ Чернигова привезъ Черкешенина Тарасевича; а какъ имя ему, — того не упомянуть. И тотъ де Черкешенин сдѣлалъ у него въ Ахтыркѣ двѣ доски мѣдныя, и вырѣзалъ на тѣхъ доскахъ персоны великихъ государей царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, и сестры ихъ великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, и надъ ихъ государскими персонами написано было отечество [т. е. изображение Бога Отца, Сына и Святого Духа]; а надъ персоною жъ еѣ великой государыни изліяніе седмъ даровъ Духа Святого [...]. И тѣ доски тотъ учитель и Тарасѣвичъ привезли съ нимъ Иваномъ къ Москвѣ. И теми досками печатали листы на Бѣлгородскомъ подворьѣ, что въ Китаѣ, гдѣ онъ Иванъ стоялъ [...]. А [...] дѣти его, Данило да Яковъ, въ то время, какъ онъ Иванъ былъ у руки, и на тѣ листы книжку [т. е. книгу, которая была вместе с гравюрой] поднесли великой государынѣ благовѣрной царевне

[Ibid.: 660].

Об этой гравюре говорится в показаниях Семена Надеина и Сильвестра Медведева:

А на тѣхъ де доскахъ вырѣзано: на первой, в началѣ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, а ниже того персоны великихъ государей царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, и сестры ихъ великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, а ниже того персоны жъ многихъ людей; а чьи — того не подписано.

Сказка подъячего Семена Надеина: [Ibid.: 655–656].

А принесъ ему тотъ листъ онъ, Ѳедка [Шакловитый], показать, и говорилъ ему: «какая де похвала написана великой государынѣ благовѣрной царевнѣ».

⁴⁸ Известен гравированный портрет полковника Перекреста, подписанный Александром Тарасевичем и датированный 1689 г.; судя по всему, он был сделан в Москве в Великий пост 1689 г. (см.: [Алексеева 1990: 256–257; Eadem 2013: 72]).

И онъ Сенка, смотря на тотъ листъ: похвала вся и честь написана великой государынѣ болшая, и седмь даровъ Духа Святаго написано на нее на одну.

Распрос Семену [Сильвестру] Медведеву: [Ibid.: 595]⁴⁹.

Тарасевич остался в Москве и здесь весной или летом 1689 г. изготовил гравюру с портретом Софьи Алексеевны в орле; печатал он ее на этот раз не на Белгородском подворье в Китай городе, а в загородном доме Шакловитого на Девичьем поле (см. выше, § 4). Добродетели царевны на этой гравюре, как мы отмечали, также названы *дарами Святого Духа*. Если этот портрет (и связанные с ним живописные портреты) готовился, как мы думаем, к ее коронации, то указания на дары святого Духа должны были представлять собой нечто большее, чем риторический прием. В контексте помазания на царство они приобретали, так сказать, институциональное значение: это были дары, которыми была отмечена Софья Алексеевна и которым предстояло быть вновь запечатленным при ее помазании на царство. Вероятно, не случайно на живописных портретах царевны из Новодевичьего монастыря и Строгановского собрания (илл. I, II) отсутствуют изображения и надписи на клеймах (см. выше, § 1). В Новодевичьем монастыре, куда была помещена Софья Алексеевна и где вместе с ней оказался ее портрет, трактовка этих символов могла быть известна и указания на связь их со святым Духом должны были считаться опасными.

8. Портрет Софьи Алексеевны в орле представляет собой беспрецедентное явление: предположение о том, что этот портрет продолжает традицию царских портретов в орле («композиционно представляет тип царского портрета “в орлах”» [Рус. историч. портрет 2004: 135]), лишено оснований — ранее таких портретов на Руси не было. Портрет в орле был создан (в 1689 г.) именно для Софьи Алексеевны: уникальность подобной композиции отвечает уникальному положению самой правительницы. Вместе с тем мы можем указать на более поздние изображение такого рода: таково прежде всего изображение «гнезда князя Владимира» в верхней части гравюры Иннокентия (в миру Ивана) Щирского, сделанной в Киеве в 1691 г. и иллюстрирующей так называемый «тезис Обедовского» (илл. XV; см.: [Ровинский 1886–1889, III: 1531; Idem 1895,

⁴⁹ Эта гравюра до нас не дошла; предполагается, что после падения Софьи Алексеевны она подлежала изъятию и уничтожению. Предположение о том, что одна из досок, сделанных Тарасевичем в Ахтырке, послужила прототипом для иконы Азовской Божьей матери (см.: [Борин 1915; Вознесенская 2018: 70, примеч. 5]), не кажется убедительным.

II: 1233; Попов 1926: 128–138; Алексеева 1977; Eadem 2013: 40])⁵⁰. Князь Владимир Святославич изображен здесь на груди двуглавого орла; справа и слева от него, на крыльях орла, — шесть клейм с именами великих князей и царей (без их изображений): 1) Всеволода Ярославича и Владимира Всеволодовича Мономаха, 2) Изяслава и Святослава Ярославичей, 3) Ярослава Владимировича, 4) Ивана Васильевича (Грозного), 5) Федора Ивановича и Василия Ивановича (Шуйского), 6) Михаила Федоровича⁵¹. Портрет князя Владимира сопровождается цитатой из Второй песни Моисея: «яко врелъ покры Гнѣздо свое и на Птенцы свои вожделѣ. Простеръ крылѣ свои прїять ихъ и поять на Раму свою» (Втор 32: 11). Тарасевич и Щирский вышли, по-видимому, из одной художественной школы (см.: [Алексеева 2013: 67]), что и может объяснять сходство изображений. В любом случае геральдическая основа композиции Щирского — связь ее с гербом Российского государства — кажется вполне вероятной.

Библиография

Агоштон 2005

Агоштон М., *Великокняжеская печать 1497 г.: к истории формирования русской государственной символики*, Москва, 2005.

——— 2006

Агоштон М., К проблеме происхождения русского двуглавого орла, *Труды кафедры истории России [Санкт-Петербургского гос. университета] с древнейших времен до XX в.*, 1, С.-Петербург, 2006, 87–94.

Алексеева 1976

Алексеева М. А., Портрет царевны Софьи гравера Тарасевича, *Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1975*, Москва, 1976, 240–249 [переизд.: Алексеева 2013: 78–85].

——— 1977

Алексеева М. А., Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII века, *Русское искусство барокко: Материалы и исследования*, Москва, 1977, 7–29 [переизд.: Алексеева 2013: 35–65].

——— 1990

Алексеева М. А., Гравер Тарасевич в Москве в 1689 году, *Панорама искусств, Сборник 13*, Москва, 1990, 250–262.

⁵⁰ Программа диспута в Киевской академии, снабженная развернутым посвящением стольника Ивана Обедовского (Обидовского), племянника гетмана Мазепы. Летом 1691 г. гравюра была привезена в Москву депутацией Киевской академии и поднесена царям Ивану и Петру Алексеевичам (см.: [Алексеева 1977; Eadem 2013: 38–39; Титов 1924: 102–105]). См. вообще о Щирском: [Ровинский 1895, II: 1232–1236; Попов 1926: 128–138].

⁵¹ На правом крыле орла значатся имена великих князей, на левом — царей. Как те, так и другие расположены в хронологической последовательности от центра к периферии.

——— 2013

Алексеева М. А., *Из истории русской гравюры XVII — начала XIX века*, Москва, С.-Петербург, 2013.

Антушев 1885

Антушев Н., *Историческое описание московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1885.

Арх. Куракина 1890

Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцию М. И. Семевского, издателя-редактора «Русской старины», 1: Записки князя Бориса Ивановича Куракина, 1676–1726, Москва, С.-Петербург, 1890.

Библия 1663 г.

Библия, Москва, 1663.

Богданов 1999

Богданов А. П., Царевна Софья Алексеевна в современных поэтических образах, Л. А. Беляев, Т. И. Макарова, С. З. Чернов, ред., *Культура средневековой Москвы: XVII век*, Москва, 1999, 305–325.

Богословский I–V

Богословский М. М., *Петр I: Материалы для биографии*, 1–5, Ленинград, 1940–1948.

Борин 1914

Борин В., Два памятника иконографии XVII и XVIII веков, *Светильник*, 1914, 8, 3–12.

«Борис Годунов...» 2015

Бобровницкая И. А., Цицинова О. А., сост., *Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси*, Москва, 2015 [Каталог выставки Музеев Московского Кремля, 14 октября 2015 г. — 25 января 2016 г.].

Брюсова 2006

Брюсова В. Г., *София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве*, Москва, 2006.

Булычев 1906

Булычев Н. И., *Именные серебряные копейки и денежки Ивана IV (1533–1584)*, С.-Петербург, 1906.

Вирши 1935

Берков П. Н., ред., *Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков* (= Библиотека поэта. Малая серия, 3), Ленинград, 1935.

Вознесенская 2018

Вознесенская И. А., Еще раз о гравированном портрете Софьи Алексеевны, *Петербургская библиотечная школа*, 1(68), 2018, 63–70.

Гизель 1680

[Иннокентий Гизель], *Синописис*, Киев, 1680.

Гордон 2009

Патрик Гордон, *Дневник: 1684–1689* [22.], Д. Г. Федосов, перев. с англ., примеч., Москва, 2009.

Дары Духа Святого 1618 г.

Дары Духа Святаго, Чернигов, 1618.

ДРВ I–XX

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, 2-е изд., вновь испр., 1–20, Москва, 1788–1791.

Каменева 1959

Каменева Т. Н., Черниговская типография, ее деятели и издания, *Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина*, 3, Москва, 1959, 224–384.

Каптерев 2008

Каптерев Н. Ф., Приезд в Москву павловского афонского монастыря архимандрита Исаии в 1688 году с грамотами от прежде бывшего константинопольского патриарха Дионисия, сербского патриарха Арсения и валашского государя Щербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкого ига, *Собрание сочинений*, 2, Москва, 2008, 588–627.

Карамзин I–XII

Карамзин Н. М., *История государства российского*, 5-е изд., 1–12, С.-Петербург, 1842–1843. [Репринт с приложением «Ключа, или Алфавитного указателя», составленного П. М. Строевым: Москва, 1988.]

Козловский 1895

Козловский И., *Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века*, Киев, 1895.

Котошихин 1980

Pennington A. E., ed., *Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary*, Oxford, 1980 [Ссылаемся на листы издаваемой рукописи, а не на страницы издания.].

Кохен 1878

[Христоф фон Кохен,] Москва в 1687–1688 гг. (перевод с немецкого), К. А. Висковатов [публ.], *Русская старина*, 23, 1878 (сентябрь), 121–129.

Крижанич 1965

Юрий Крижанич, *Политика*, В. В. Зеленин, подг. к печати, перев. и коммент. Д. Л. Гольберг, Москва, 1965.

Лавров 1999

Лавров А. С., *Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг.*, Москва, 1999.

Лакиер 1855

Лакиер А., *Русская геральдика*, 1–2, С.-Петербург, 1855.

Леонид 1882

Чин поставления на царство царя и великаго князя Алексея Михайловича, Сообщено [...] архимандритом Леонидом [Кавелиным] (= Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности, 7), С.-Петербург, 1882.

Лермонтова 1912

Лермонтова Е. [Д.], Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным), *Русская старина*, 149, 1912, 2 (февраль), 425–445; 3 (март), 539–547.

Литвина и Ф. Успенский 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...»: Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, Москва, 2020.

Матвеев 1841

Сахаров И. П., [ред.], Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева, *Записки русских людей: События времен Петра Великого*, С.-Петербург, 1841, I–VIII, 1–94.

Молчанов 2008

Молчанов А. А., Предыстория московского герба, *Древнейшие государства Восточной Европы: 2005 год. Юриковичи и российская государственность*, Москва, 2008, 457–464.

Невилль 1996

[Фуа] де ла Невилль, *Записки о Московии*, А. С. Лавров, предисл., подг. текста, перев. и коммент., Москва, 1996.

Овчинникова 1955

Овчинникова Е. С., *Портрет в русском искусстве XVII века: Материалы и исследования*, Москва, 1955.

Панченко 1970

Панченко А. М., вступ. статья, подг. текста и примеч., Адрианова-Перетц В. П., ред., *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII веков*, Ленинград, 1970.

ПДС I–X

Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, 1–10, С.-Петербург, 1851–1871.

Петров I–III

Петров Д. Н., ред., *Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии Художеств за 100 лет существования*, 1–3, С.-Петербург, 1864–1866.

Письма и бумаги Петра I–XIII

Письма и бумаги императора Петра Великого, 1–13, С.-Петербург, Москва, 1887–2003.

Попов 1926

Попов П., *Матеріяли до словника українських граверів*, Київ, 1926.

Прозоровский 1896

Прозоровский А., *Сильвестр Медведев: его жизнь и деятельность* (= Чтения в обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете, 1896, 2–4), Москва, 1896.

ПСЗ I–XLV

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года [Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.], I–XLV, С.-Петербург, 1830.

ПСРЛ I–XLIII

Полное собрание русских летописей, I–XLIII, С.-Петербург (Петроград, Ленинград, Москва), 1841–2004.

Рейтенфельс 1905

Якоб Рейтенфельс, *Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа, 1680. Изданием книгопродавца Петра Мария Фрамботти. С разрешения старших* (= Чтения в обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете, 1906, 3), Москва, 1905.

Ровинский 1886–1889, I–IV

Ровинский Д. А., сост., *Подробный словарь русских гравированных портретов*, 1–4, С.-Петербург, 1886–1889.

— 1895, I–II

Ровинский Д. А., сост., *Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.*, 1–2, С.-Петербург, 1895.

Роз. дела I–IV

Труворов А. [Н.], ред., *Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии*, 1–4, С.-Петербург, 1884–1893.

Рус. историч. портрет 2004

Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. Издание к выставке Государственного Исторического музея, 26 декабря 2003 г. — 31 мая 2004 г.: (Альбом-каталог), Москва, 2004.

СГГД I–V

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, 1–5, Москва, 1813–1894.

Сл. цсл. и рус. яз. I–IV

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, 1–4, С.-Петербург, 1847.

Снимки печатей 1880

Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц, 1, Москва, 1880.

Сонцов 1860

Сонцов Д. П., *Деньги и пулы Древней Руси великокняжеские и удельные*, Москва, 1860.

Спасский 1955

Спасский И. Г., Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.: Историко-нумизматическое исследование, *Материалы и исследования по археологии СССР*, 3/44, Москва, 1955, 214–363 [переизд.: Спасский 2013: 187–251].

— 1961

Спасский И. Г., «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси, *Нумизматика*, 4 (= Труды Государственного Эрмитажа), Ленинград, 1961, 92–134.

— 1976

Спасский И. Г., К прижизненной иконографии Ивана Грозного, *Сообщения Государственного Эрмитажа*, 41, Ленинград, 1976, 49–53.

— 1978

Спасский И. Г., Золотой с парсуной Бориса Годунова, *Сообщения Государственного Эрмитажа*, 43, Ленинград, 1978, 55–57 [переизд.: Спасский 2013: 278–281].

— 1982

Спасский И. Г., «Византийский» золотой царя Алексея Михайловича, *Византийский временник*, 43, 1982, 191–200.

— 2013

Спасский И. Г., *Русское золото*, С.-Петербург, 2013.

Степовик 1975

Степовик Д., *Олександр Тарасевич*, Київ, 1975.

— 1986

Степовик Д., *Леонтій Тарасевич і українське мистецтво барокко*, Київ, 1986.

Титов 1924

Тітов Хв., *Стара вища освіта в Київській Україні XV — поч. XIX в.* (= Українська академія наук. Збірник Історично-філологічного відділу, 20), Київ, 1924.

Титулярник 1672 г.

Царский титулярник, 1, *Титулярник 1672 г.*, Москва, 2007 [факсимильное воспроизведение].

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

— 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

Успенский и Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Устрялов I–VI

Устрялов Н. Г., *История царствования Петра Великого*, 1–4, 6, С.-Петербург, 1858–1864.

Федоров 1949

Федоров Г. Б., Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425), *Материалы и исследования по археологии СССР*, 12, *Материалы и исследования по археологии Москвы*, 2, Москва, Ленинград, 1949, 144–185.

Хождение Василия Позняка 2000

Белоброва О. А., подг. текста, перевод и комментарии, *Хождение на восток гостя Василия Позняка с товарищи* (= Библиотека литературы Древней Руси, 10 (XVI век)), С.-Петербург, 2000, 48–93, 569–578.

Шмурло 1896

Шмурло Е. Ф., Падение царевны Софьи, *Журнал Министерства народного просвещения*, 303, 1896, январь, 38–95.

Яковлев 1865

Яковлев Л., сост., Русские старинные знамена (= Древности Российского государства. Дополнение к III Отделению), Москва, 1865.

Alef 1966

Alef G., The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View, *Speculum*, 1/41, 1966, 1–21.

Sparwenfeld 2002

Birgegård U., ed., transl. and comment., *J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687* (= Slavica Suecana, series A: publications, 1), Stockholm, 2002.

References

Agoshton M., *Velikokniazheskaia pechat' 1497 g.: k istorii formirovaniia russkoi gosudarstvennoi simvoliki*, Moscow, 2005.

Agoshton M., K probleme proiskhozhdeniia russkogo dvuglavogo orla, *Trudy kafedry istorii Rossii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta s drevneishikh vremen do XX v.*, 1, St. Petersburg, 2006, 87–94.

Alef G., The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View, *Speculum*, 1/41, 1966, 1–21.

Alekseeva M. A., Portret tsarevny Sof'i gravera Tarasevicha, *Pamiatniki kul'tury: Nove otkrytiia. Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 1975*, Moscow, 1976, 240–249.

Alekseeva M. A., Zhanr konkluzii v russkom iskusstve kontsa XVII — nachala XVIII veka, *Russkoe iskusstvo barokko: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1977, 7–29.

Alekseeva M. A., Graver Tarasevich v Moskve v 1689 godu, *Panorama iskusstv*, Sbornik 13, Moscow, 1990, 250–262.

Alekseeva M. A., *Iz istorii russkoi graviury XVII — nachala XIX veka*, Moscow, St. Petersburg, 2013.

Belobrova O. A., ed., *Khozhdenie na vostok gostia Vasilii Pozniakova s tovarishchi* (= Biblioteka literatury Drevnei Rusi, 10 (XVI vek)), St. Petersburg, 2000, 48–93, 569–578.

Berkov P. N., ed., *Virshi. Sillabicheskai poeziia XVII–XVIII vekov* (= Biblioteka poeta. Malaia seriia, 3), Leningrad, 1935.

Birgegård U., ed., transl. and comment., *J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687* (= Slavica Suecana, series A: publications, 1), Stockholm, 2002.

Bobrovnikskaia I. A., Tsitsinova O. A., eds., *Boris Godunov: Ot sluzi do gosudaria vseia Rusi*, Moscow, 2015.

Bogdanov A. P., Tsarevna Sof'ia Alekseevna v sovremennykh poeticheskikh obrazakh, L. A. Beliaev, T. I. Makarova, S. Z. Chernov, eds., *Kul'tura srednevekovoi Moskvy: XVII vek*, Moscow, 1999, 305–325.

Briusova V. G., *Sofiia Premudrost' Bozhii v drevnerusskoi literature i iskusstve*, Moscow, 2006.

Fedorov G. B., Den'gi Moskovskogo kniazhestva vremeni Dmitriia Donskogo i Vasilii I (1359–1425), *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 12, *Materialy i issledovaniia po arkheologii Moskvy*, 2, Moscow, Leningrad, 1949, 144–185.

Kameneva T. N., Chernigovskaia tipografiia, ee deiateli i izdaniia, *Trudy Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina*, 3, Moscow, 1959, 224–384.

Lavrov A. S., *Regentstvo tsarevny Sof'i Alekseevny: Sluzhiloe obshchestvo i bor'ba za vlast' v verkhakh Russkogo gosudarstva v 1682–1689 gg.*, Moscow, 1999.

Litvina A. F., Uspenskii F. B., "Se iaz rab Bozhii...": *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, Moscow, 2020.

Molchanov A. A., Predystoriia moskovskogo gerba, *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2005 god. Riurikovichi i rossiiskaia gosudarstvennost'*, Moscow, 2008, 457–464.

Ovchinnikova E. S., *Portret v russkom iskusstve XVII veka: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1955.

Panchenko A. M., Adrianova-Peretts V. P., eds., *Russkaia sillabicheskai poeziia XVII–XVIII vekov*, Leningrad, 1970.

Pennington A. E., ed., *Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary*, Oxford, 1980.

Popov P., *Materijaly do slovnyka ukrains'kyh gra-veriv*, Kyiv, 1926.

Spasskii I. G., Denezhnoe obrashchenie v Moskovskom gosudarstve s 1533 po 1617 g.: Istorikoznumizmaticheskoe issledovanie, *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 3/44, Moscow, 1955, 214–363.

Spasskii I. G., "Zoloty" — voinskie nagrody v dopetrovskoi Rusi, *Numizmatika*, 4 (= Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha), Leningrad, 1961, 92–134.

Spasskii I. G., K prizhiznennoi ikonografii Ivana Groznogo, *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, 41, Leningrad, 1976, 49–53.

Spasskii I. G., Zolotoi s parsunoi Borisa Godunova, *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, 43, Leningrad, 1978, 55–57.

Spasskii I. G., "Vizantiiskii" zolotoi tsaria Alekseia Mikhailovicha, *Vizantiiskii vremennik*, 43, 1982, 191–200.

Spasskii I. G., *Russkoe zoloto*, St. Petersburg, 2013.

Stepovyk D., *Oleksandr Tarasevych*, Kyiv, 1975.

Stepovyk D., *Leontij Tarasevych i ukrains'ke mystectvo barokko*, Kyiv, 1986.

Titov Hv., *Stara vyshha osvita v Kyivs'kij Ukraini XV — poch. XIX v.* (= Ukrains'ka akademija nauk. Zbirnyk Istorychno-filologichnogo viddilu, 20), Kyiv, 1924.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)*, Moscow, 1998.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Voznesenskaia I. A., Eshche raz o gravirovannom portrete Sof'i Alekseevny, *Peterburgskaia biblioteknaia shkola*, 1(68), 2018, 63–70.

Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук, профессор,
заведующий Лабораторией лингвосемиотических исследований
Школы филологии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
Россия / Russia
borisusp@gmail.com

Received November 15, 2020

Илл. I. Софья Алексеевна. Портрет из Новодевичьего монастыря
(холст, масло)

Илл. II. Софья Алексеевна. Портрет из Строгановского собрания
(холст, масло)

Илл. III. Софья Алексеевна. Портрет из Романовской галереи
(холст, масло)

Илл. IV. Софья Алексеевна. Гравюра из собр. А. Е. Пальчикова

Илл. V. Софья Алексеевна. Гравюра А. Блотелинга

Портрет царевны Софьи

Илл. VI. Софья Алексеевна. Гравюра А. Афанасьева

Илл. VII. «Золотой» Ивана и Петра Алексеевичей и Софьи Алексеевны
(1687 г.)

Илл. VIII. Большая государственная печать Ивана Грозного
(1562 г.)

Du bist der Heil'gen Reich, in welchem Deutschland pranget
 Daran dein Vaterland sein Glück und Wohlstand hanget
 Das Land ist dich und treu, das diesen Reich macht fest
 Und durch das Teutsche Reich erhalten wird aufs best
 Des Lande Blumenkranz trägt nicht geringe Namen
 Die stammen hoch dabei, aus Teutschen Fürsten Samen

Und braten ihren glanz durch alle Länder aus
 Gleich wie der Sonnenschein am hohen Himmel haust
 Hoff da durch Reich gemacht das Deutschland mit wehret
 Erhalt auch seine Thron ins Aufrichtig unerschret
 Er laß nicht fort thun vertreiben dieses Land
 So steht es wohl um dich du Liebes Teutsches Land

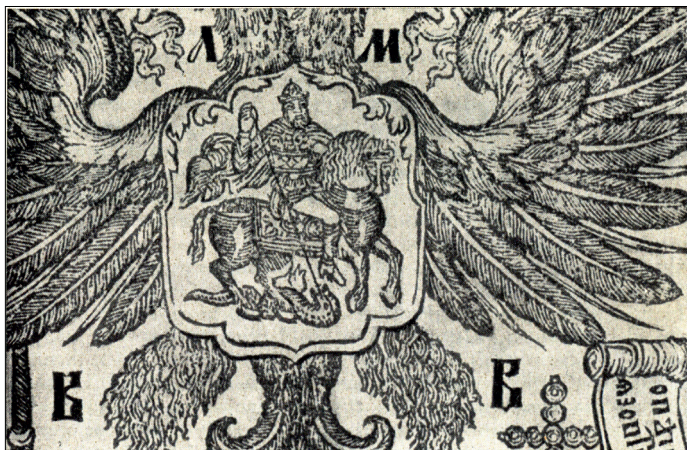
Paulus Furst Grav.

Österreichische Nationalbibliothek

Илл. IX. Леопольд I. Гравюра П. Фюрста

Илл. X. Герб Российского государства (Библия. Москва, 1663 г.)

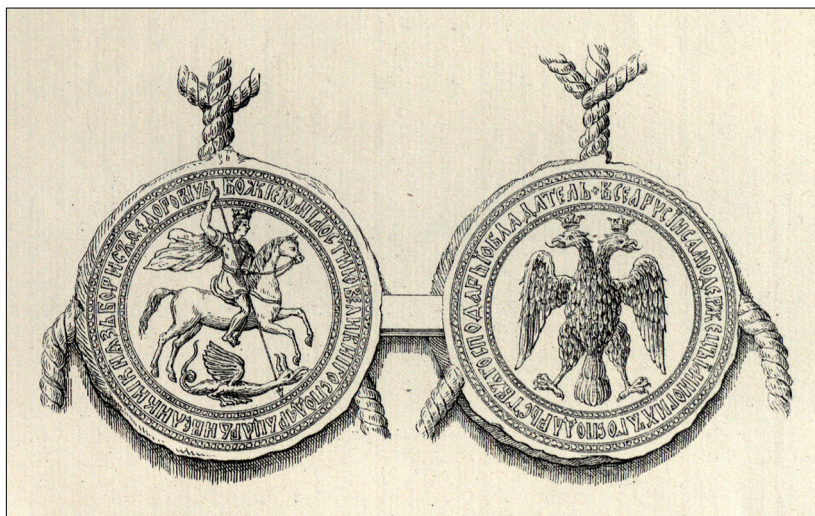
Илл. XI. Ездец (Библия. Москва, 1663 г.)

Илл. XII.
Герб Российского государства
([Инокентий Гизель].
Синописис. Киев, 1680)

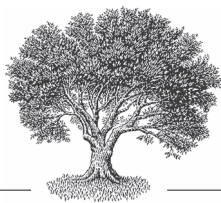
Илл. XIII. «Золотой» Бориса Годунова

Илл. XIV. Малая государственная печать Бориса Годунова

Илл. XV. Гнездо князя Владимира. Гравюра И. Щирского 1691 г.
(фрагмент)

Восточнославянские
источники первого
сербского букваря
Гавриила
Стефановича
Венцловича (1717 г.)

East Slavonic
Sources of the First
Serbian Primer
Composed by
Gabriel Stefanović
Venclović (1717)

**Дмитрий Георгиевич
Полонский**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Dmitri G. Polonski

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

**Джамиля Нуровна
Рамазанова**

Российская государственная библиотека /
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

**Dzhamilia N.
Ramazanova**

Russian State Library /
Russian State University for the
Humanities,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена выявлению текстовых и изобразительных источников, послуживших знаменитому сербскому книжнику Гавриилу Стефановичу Венцловичу (ок. 1680 — ок. 1749) для составления в 1717 г. рукописного учебника, содержащего свод начальных знаний о славянском языке, грамматике и основах православного вероучения. В статье показано, что Гавриил привлек

Цитирование: Полонский Д. Г., Рамазанова Д. Н. Восточнославянские источники первого сербского букваря Гавриила Стефановича Венцловича (1717 г.) // *Slověne*. 2021. Vol.10, № 1. С. 157–185.

Citation: Polonski D. G., Ramazanova D. N. (2021) East Slavonic Sources of the First Serbian Primer Composed by Gabriel Stefanović Venclović (1717). *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 157–185.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.8

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

для своего Букваря несколько учебных и богослужебных книг, изданных в Киеве, Львове и Москве. В частности, удалось установить, что в основной части содержания Букваря Венцловича использован учебник, вышедший из типографии Киево-Печерской Лавры в 1705 г. Также мы проанализировали особенности рецепции Гавриилом силлабических виршей Кариона Истомина, содержащих назидательные примеры на разные буквы алфавита. По мнению авторов статьи, именно компилятивный учебник Венцловича, а не известное венецианское издание 1597 г. следует классифицировать как первый сербский Букварь.

Ключевые слова

славянские рукописи, сербская книжная культура, старопечатные кириллические издания, буквари, начальное образование, рукописные источники, Гавриил Стефанович Венцлович, Карион Истомин, межславянские книжные связи

Abstract

The article discusses the identification of textual and pictorial sources that were used in 1717 by the famous Serbian writer Gabriel Stefanović Venclović (c. 1680 — c. 1749) to compile a handwritten textbook containing a collection of elementary knowledge on the Slavonic language, grammar, and the basics of the Orthodox faith. According to our study, Gabriel used several educational and liturgical books published in Kiev, Lvov, and Moscow. In particular, we conclude that the school book issued from the Kiev-Pechersk Lavra printing office in 1705 served as the primary source for Venclović's Primer. We also analyzed how Gabriel adapted the syllabic verses written by the poet Karion Istomin from Moscow, containing sententious examples for different Slavic letters. In our opinion, it is Venclović's handwritten textbook, but not the famous Venetian edition of 1597, that should be interpreted as the first Serbian Primer.

Keywords

Slavic manuscripts, Serbian book culture, Old printed Cyrillic editions, Primers, primary education, handwritten sources, Gabriel Stefanović Venclović, Karion Istomin, Serbian manuscripts, Interslavic book relations

С конца XIX в. без упоминания имени и трудов Гавриила Стефановича Венцловича (ок. 1680 — ок. 1749) не обходится ни одна обобщающая работа по истории сербской литературы XVIII столетия (см., например, [Новаковић 1871: 182–183; Остоић 1905: 36–38; Скерлић 1923: 168–172]). Хотя весьма обширное книгописное наследие Венцловича, содержащееся в переведенных, переписанных и иллюминированных им рукописях, совокупный объем которых оценивается в 20 тыс. листов [Шкорић 1996: 29], не позволяет считать Гавриила оригинальным

писателем¹, его многочисленные переводы с церковнославянского и западнорусской «простой мовы» на сербский язык продолжают привлекать внимание литературоведов и лингвистов. Для творчества Венцловича было характерно осознанное разграничение славянских идиомов, которые он, по-видимому, воспринимал как разные языки (согласно Н. И. Толстому, как сербский «простой» и древнеславянский «сербульского» и «московского» типов), что сближает его лингвистические воззрения с представлениями украинско-белорусских книжников XVII в. [Толстой 1998: 248]; ср. [Турилов, Тымынька 2005: 229]. Переводам и переработкам Венцловича, отличающимся богатством лексики, посвящены недавние исследования И. В. Гучковой [2013, 2014, 2016], отмечающей, что

[...] фигура Венцловича уникальна во многих отношениях. Единственный среди писателей того периода, он использует для написания текстов два языка — церковнославянский язык сербской редакции [...] и сербский народный диалект, при этом четко разделяя эти языки, в том числе графически: проповеди на народном языке написаны в основном скорописью или полууставом, тогда как украшенные богатыми инициалами и иллюстрациями тексты сакрального характера на «священном» церковном языке — уставным торжественным письмом [Гучкова 2014: 96].

Вместе с тем биография Гавриила Венцловича остается во многом загадочной: основными источниками сведений о его происхождении, жизни и деятельности являются послесловия к переписанным им книгам [Синдик et al. 1991: 4; Турилов, Тымынька 2005: 229]. Благодаря этим сведениям известно, что Венцлович был выходцем из сербской семьи², обосновавшейся после 1690 г. в венгерских владениях Австрийского

¹ Противоположная позиция отстаивалась в книгах и статьях писателя и литературоведа М. Павича; его основные сочинения о Венцловиче: [Павић 1972; Idem 1983: 213–236]. Тем не менее ныне исследователями признано, что «значение лит[ературного] творчества и личности Г[авриила] было преувеличено в работах 60–70-х гг. XX в., в эпоху увлечения исследователей национальными и региональными вариантами барокко как лит[ературного] стиля, прежде всего в мистификаторских по своей сути сочинениях и публикациях [...] М. Павича, необоснованно превратившего этого позднесредневеков[ого] книжника в отца и родоначальника новой (барочной) серб[ской] лит[ературы], церковного поэта и драматурга. Тексты, изданные Павичем как оригинальные сочинения Г[авриила], представляют собой переводы и переработки памятников, традиц[ионных] для средневеков[овой] правосл[авной] слав[янской] лит[ературы] и приписываемых известным ранним авторам» [Турилов, Тымынька 2005] (с указанием критических исследований). См. подробнее: [Трифуновић 2009: 66–74].

² Он называл себя «Гаврил Венцлович, сиречь Стефанов сын», производя псевдоним от греч. *Στέφανος* (венек, венец). Ср. [Скерлић 1923: 168; Павић 1972: 7–8, примеч. 2]. Таким образом, принятое в сербской историографии именование «Гаврил Стефановић Венцловић» сочетает личное, фамильное имя (или, возможно, отчество) и псевдоним.

королевского дома вследствие великого переселения сербов под предводительством патриарха Арсения III Черноевича³. Молодость Гавриила и, по-видимому, значительная часть его зрелых лет прошла близ Буды в городе Сентендре, где находилась сербская община и располагалась резиденция патриарха Арсения⁴. Там Венцлович стал учеником выдающегося книгописца и каллиграфа, иеромонаха Киприана Рачанина (выходца из монастыря Рача на Дрине), имевшего у местных сербов репутацию «общего духовника будимского предела» [Шкорић 1996: 20–21]⁵. Там же, в Сентендре, Гавриил Венцлович около 1711–1716 гг. был поставлен в сан священника в церкви св. апостола Луки [Скерлић 1923: 168–169; Павић 1983: 216]. Самая ранняя из известных датированных рукописей Венцловича — Служебник *Рум401*, переписанный Гавриилом, согласно его выходной записи, «без(ъ) мѣста, въ чуждих(ъ) домех(ъ), из(ъ) чуждих(ъ) книгъ въ ѡскудены тѣлесных(ъ) потреб(ъ)» (л. 529об.). Этот труд он завершил в 1716 г. уже в сане иеромонаха⁶. Позже Гавриил, продолжив переводческую и книгописную деятельность⁷, жил в различных центрах расселения сербов на территории северо-западной Венгрии, в том числе в Комароме, где в 1740-х гг., подобно своему учителю Киприану, стал «иереем комаромских христиан» [Давидов 1990: 323].

Важное место в истории развития пособий для начального образования в сербском обществе XVIII в. занимает составленный Венцловичем в Сентендре рукописный букварь, датированный 1717 г. Рукопись этого труда, ныне хранящаяся в Архиве Сербской Академии наук и искусств в Белграде (№ 141), помещена на первых 53 листах обширного сборника, в основном содержащего выписки из книг Ветхого Завета⁸. Букварь 1717 г. является первой учебной книгой, составленной сербом в XVIII в. По содержанию он существенно отличается от букварей, изданных сербскими печатниками в последующие десятилетия (об этих книгах: [Грбић 2010]).

³ Об этих событиях см., напр., вкратце: [Костяшов 1997: 18–26]; подробно: [Чакић 1990: 113–263].

⁴ О сербском населении Сентендре в XVIII–XIX вв. и истории памятников сербской культуры в этом городе: [Давидов 1990: 352–368].

⁵ Подробнее о Киприане Рачанине и его книгописных трудах: [Скерлић 1923: 161–165; Васиљев 1996a; Eadem 1996b].

⁶ Описание кодекса *Рум401* и публикация полного текста выходной записи: [Востоков 1842: 606–607].

⁷ О других рукописях, атрибутируемых Венцловичу: [Скерлић 1923: 169–171; Павић 1983: 227–229; Синдик et al. 1991: 4–7; Стефановић 2013: 308–309].

⁸ В целом кодекс составляет более 630 листов. Постатейное описание содержания: [Витковић 1887: 364–368; Стојановић 1901: 1–4]. Кодикологическое описание Букваря 1717 г., сопровождаемое подробной характеристикой орфографических особенностей письма Венцловича, выполнено Д. Е. Стефановичем [2013: 311–326].

Отметим, что статус первого сербского букваря в историографии традиционно относится к другому учебнику, отпечатанному в мае 1597 г. двумя изданиями (на двух и четырех листах соответственно) иноком Дечанского монастыря Саввой в венецианской типографии Дж. А. Рампацетто⁹. Это учебное пособие, вышедшее форматом в восьмую долю листа, характеризуется как «први штампани узорак из периода употребе српскословенског језика» [Чигоја 2010а: 543]¹⁰. Четырехлистное издание, не имевшее титульного листа, включало два азбучных ряда, двухбуквенные слоги, молитвы «Цароу небеснын утѣшителю», «Њче нашъ», «Прїидѣте поклонимсе» и завершалось числовым рядом (цифирной азбукой).

Однако в современной исследовательской литературе принято подразделять пособия для начального обучения чтению на буквари и азбуки. Исследователи по-разному интерпретируют содержание понятий «азбука» и «букварь» применительно к типологии книг для начального обучения указанного времени. Тем не менее буквари, в отличие от азбук, включали не только азбучные ряды, слоги и основные молитвы, но также элементарные сведения о грамматике, и, помимо молитв, назидательные тексты — как правило, катехетического содержания [Рамазанова, Шустова 2018: 14–16]. В соответствии с классификацией А. А. Круминга сербское учебное издание 1597 г. было бы правильнее называть не Букварем, но Азбукой [Круминг 1983: 74]¹¹. Именно так труд инок Саввы охарактеризован Е. Л. Немировским [1993: 81–82], то же определение приведено и в современном библиографическом своде кириллических азбук и букварей XVI–XVIII вв. [Немировский, Шустова 2015: 210–211 (№ 15)]. Поэтому, не умаляя исторического значения венецианского издания инок Саввы, полагаем, что статус первого сербского букваря все же должен принадлежать рукописному Букварю 1717 г., который является предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

⁹ Последнее известное нам фототипическое переиздание: [Буквар 1597]; наборное и фототипическое переиздание азбуки и колофона печатника Саввы: [Kemprgen 2016: 8–11], см. также библиографию: [Јовановић 2013: 329–330]. Основные исследования памятника, где он охарактеризован как букварь: [Кићовић 1952; Мано-Зиси 2010]. Особо см. замечания об азбучных рядах в издании 1597 г. в сопоставлении с хорватскими алфавитами: [Шустова 2010: 425, 428–429].

¹⁰ Повторное издание этой же статьи с несколько иными иллюстрациями: [Чигоја 2010b].

¹¹ Ср. замечание М. А. Корзо, которая тоже придерживалась классификации А. А. Круминга, об аналогичных славянских изданиях этого времени: «элементарные пособия для освоения навыков чтения украинско-белорусские книжники рубежа XVI–XVII вв. чаще всего именовали “азбуками”, название “букварь” впервые появляется на титульном листе издания виленского православного братства (Евье, 24. VII. 1618)» [Корзо 2007: 504].

Долгое время вслед за работой Стояна Новаковича [1872], открывшего манускрипт в XIX в. и издавшего текст Букваря 1717 г., считалось, что эта учебная книга была составлена наставником Гавриила Киприаном Рачанином. Такое мнение, основанное на палеографических заключениях первооткрывателя [Новаковић 1872: 59], а также Г. Витковича, описавшего целостный кодекс как «Букварь и Библию» [Витковић 1887: 364], было поддержано классиком сербской археографии Л. Стояновичем [Стојановић 1901: 1]; оно закрепилось в истории сербского языкознания [Ивић 2014: 106] и в известном пособии по сербской палеографии П. Джорджича [Ђорђевић 1990: 126–129]. Также ошибочные сведения о принадлежности букваря 1717 г. перу Киприана были включены в историю сербской педагогики [Станисављевић 1992: 26–27]¹². Только в конце 1990-х гг. благодаря обстоятельному палеографическому исследованию Люпки Васильев было убедительно доказано, что рукописный букварь представляет собой труд не Киприана Рачанина, а его ученика Гавриила Стефановича Венцловича [Васильев 1997]. Атрибуция Л. Васильев ныне является общепринятой (см., например, [Чигоја 2010b: 111; Павловић 2015: 41; Раковић 2019: 152]); она отражена и в заголовке издания Букваря 1717 г., — [Венцловићев Буквар]¹³ — вышедшем под редакцией Т. Йовановича и Д. Е. Стефановича, где содержится фототипическое воспроизведение рукописи в сопровождении наборного варианта и современного сербского перевода текста.

Вместе с тем источники Букваря 1717 г. долго оставались невыявленными. Так, С. Новакович, полагая, что по составу этот учебник схож с «Букварем языка славенска» Симеона Полоцкого 1679 г.¹⁴, предположительно писал, что содержание сербского кодекса могло быть основано на русских изданиях букварей XVII в., но оставил этот вопрос открытым [Новаковић 1872: 56, 59–60]. Напротив, Д. Руварац усматривал сходство Букваря 1717 г. с неким изданием учебного пособия, датированным октябрем 1699 г., а также Букварем Федора Поликарпова, изданным в Москве в 1701 г.¹⁵ (подробнее о заключении Рувараца:

¹² Подробнее об истории изучения рукописи: [Јовановић 2013: 329–330]. Обстоятельный библиографический перечень работ, касающихся исследований Букваря 1717 г.: [Стефановић 2013: 309–310, 326–328].

¹³ Сердечно благодарим коллег Снежану Елесевич, Мирослава Лазича и Жарко Войновича за помощь в работе с этим и другими труднодоступными в России сербскими изданиями.

¹⁴ Описание Букваря 1679 г., библиография исследований и сведения о сохранившихся экземплярах: [Немировский, Шустова 2015: 244–246 (№ 78)].

¹⁵ Остается неясным, какое издание букваря 1699 г. имел в виду Д. Руварац (ср. сведения об учебных пособиях, опубликованных в этот год: [Немировский, Шустова 2015: 263–264 (№ 115–116)]). Что касается Славяно-греко-латинского Букваря Федора Поликарпова (Москва, 1701), то, действительно, в Букваре

[Јовановић 2013: 324–336]). Касаясь проблемы выявления источников Букваря Венцловича на основе восточнославянских изданий, Т. Йо-ванович справедливо отверг последнюю версию, но, как и предше-ственники, он полагал несомненным, что Гавриил использовал некий «русский букварь» [Ibid.: 336] (те же соображения: [Стефановић 2013: 310]). Затруднения исследователей в отношении идентификации книг, послуживших Гавриилу Венцловичу источниками в работе над Букварем 1717 г., объяснимы: многие учебные пособия для начального обу-чения дошли до настоящего времени только в одном или нескольких экземплярах, хранящихся в библиотечных собраниях разных стран¹⁶, и потому ученые не имели возможности для их полноценного сопоста-вительного изучения.

В последние годы в изучении этой темы произошло существенное продвижение благодаря работам Александры Павлович [Павловић 2015; Eadem 2016]. Исследовательница установила, что в заключительной ча-сти Букваря 1717 г. Венцловичем использованы силлабические вирши Кариона Истомина¹⁷, содержащие поучения на разные буквы алфавита [Павловић 2015]. Эти стихи Истомина были опубликованы в составе цельногравированного издания «Букваря славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских, со обра-зованными вещами, и со нравоучительными стихами», отпечатанного на Московском Печатном дворе в 1694 г. (далее — [Букварь 1694])¹⁸. До ра-боты А. Павлович о проникновении каких-либо сочинений Кариона к его сербским современникам не было известно. Тем самым благодаря наблюдению исследовательницы имя Кариона Истомина может быть поставлено в один ряд с именами тех восточнославянских писателей второй половины XVII в. (Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, Ди-митрия Ростовского), на чьи сочинения в известной мере опирались сербские книжники следующего столетия, создавая собственную лите-ратуру новой эпохи.

Однако к виршам Кариона Истомина не сводится содержание со-ставленного Гавриилом Венцловичем Букваря 1717 г. В другой работе

Венцловича можно обнаружить отдельные текстовые пересечения с ним, однако соответствующие элементы содержания были общими для многих учебных пособий того времени (например, некоторые составляющие букварного катехизиса, в том числе молитвы). По-видимому, и заключение Д. Руvaraца о заимствованиях у Венцловича из Букваря Поликарпова было основано только на том, что этот учебник был доступен исследователю.

¹⁶ Об этой проблеме: [Рамазанова, Шустова 2018: 19–20].

¹⁷ Основные сведения о жизни и трудах Кариона Истомина (с указаниями литературы): [Сазонова 1993].

¹⁸ См. описание издания, обширную библиографию исследований и сведения о сохранившихся экземплярах: [Немировский, Шустова 2015: 254–258 (№ 105)].

А. Павлович предложила на роль пособия, из которого Венцлович заимствовал толковую азбуку¹⁹, «Букварь языка славенских писаний», изданный типографией Киево-Печерской Лавры, как считала исследовательница, в 1664 г. [Павловић 2016]. Эта датировка неверна: киевский учебник сохранился в единственном экземпляре²⁰, где частично утрачен оригинальный титульный лист, включая дату, которая вписана от руки: «~~1664~~» (1664). Результаты изучения гравюр издания свидетельствуют, что его следует датировать 1697–1698 гг. (об этом: [Немировский, Шустова 2015: 263 (№ 114)]; далее мы упоминаем издание как *Букварь 1697/98*). Вместе с тем верным было направление поисков А. Павлович: Гавриил Венцлович действительно пользовался одним из киевских букварей, но выпущенным в другое время.

Наше исследование Букваря 1717 г. показало, что его структура неоднородна и многослойна: в ней выделяются по меньшей мере четыре части, восходящие к разным источникам²¹. Первая часть представляет собой самостоятельный букварь, традиционный по составу для восточнославянских учебных книг такого типа: подобно более ранним украинским и белорусским изданиям²², он открывается толковой азбукой; затем следует пространный букварный катехизис, по завершении которого приведено описание цифирного ряда [*Венцловићев Букварь*: 8–141 (л. 1–346)]. Вся эта часть содержит целиком заимствованный Гавриилом букварь, опубликованный типографией Киево-Печерской Лавры 1 августа 1705 г. [*Букварь 1705*]²³.

Далее во второй, небольшой по объему части Букваря 1717 г., Венцлович вновь обращается к основам изучения славянского языка, перечисляя диакритические и пунктуационные знаки, используемые при письме; затем приводит молитву, которую полагалось повторять ученикам за учителем, приступая к занятиям; после этого в рукописи следует изложение символа веры, приписываемого Амвросию Медиоланскому

¹⁹ «Толковая азбука (также могла называться азбучной молитвой или азбучным акростихом) состояла из изречений Священного Писания и нравственно-поучительных высказываний, подобранных к каждой букве алфавита; она организовывалась в форме акростиха, начальные буквы строк которого и образуют азбуку. Толковая азбука использовалась в качестве вспомогательного мнемотехнического средства для запоминания алфавита» [Корзо 2007: 505–506].

²⁰ РНБ. ОРК. IV.5.9, инв. № 1353.

²¹ Эти части (также их можно определить как фрагменты), не выделены Венцловичем в структуре рукописи его Букваря. Далее мы характеризуем соответствующие блоки текста рукописи как «части» в соответствии с различными источниками их происхождения.

²² О них: [Корзо 2007: 504–538].

²³ В описании [Немировский, Шустова 2015: 268–269 (№ 120)] киевское учебное издание 1705 г. определено как «Букварь», в дальнейшем изложении мы будем использовать это название.

и Блаженному Августину [*Венцловићев Буквар*: 142–148 (л. 35а–36б)]. Три текста, составляющие эту часть, как мы полагаем, извлечены из «Букваря языка славенска», изданного во Львове в типографии Ставропигийского братства, — в содержательном отношении они идентичны текстам в львовских изданиях букварей 1671 и 1710 гг. [*Букварь 1671*; *Букварь 1710*]²⁴.

Третья и четвертая части Букваря 1717 г. представляют собой извлечения уже из московских, но не украинских книг. Третья часть содержит два небольших текста — вопросоответное «Изложение вкратце о вере», приписанное патриархам «Афанасию» Антиохийскому и Кириллу Александрийскому, и сочинение Максима Исповедника с аналогичным названием [*Венцловићев Буквар*: 148–169 (л. 36б–41б)]. Эту третью (по нашему условному счету) часть Гавриил привел в редакции, опубликованной в московском издании «Кирилловой книги» [*Книга 1644*: л. 549–552]²⁵. Однако он ошибся в имени первого упомянутого иерарха, написав «Афанасия» вместо правильного «Анастасия». По-видимому, путаница у Венцловича обусловлена тем, что в указанном московском издании (как и в других, о них ниже) формулировка символа веры по Афанасию Великому непосредственно предшествует «Изложению вкратце о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского²⁶.

Наконец, как ранее верно заметила А. Павлович [2015], четвертая часть Букваря 1717 г., имеющая подзаголовок «Букварь словенских писмен уставных и скорописных» [*Венцловићев Буквар*: 168–216 (л. 41б–53а)], представляет собой текст, заимствованный из лицевого Букваря Кариона Истомина [*Букварь 1694*].

Переходя к обоснованиям наших заключений и характеристикам особенностей работы Венцловича с источниками Букваря 1717 г., заметим, что ключевым признаком, позволившим установить первую и наиболее объемную из этих учебных книг — киевское издание [*Букварь 1705*]²⁷, — является близкое сходство названий и иллюстраций. Руко-

²⁴ См. об этих изданиях: [Немировский, Шустова 2015: 243–244 (№ 74); Ibid.: 270–271 (№ 123)].

²⁵ Подробно об истории издания «Кирилловой книги» и ее источниках см. в работе Т. А. Опариной [1998: 102–142, 212–284]. Как указывает исследовательница, «Изложение» вошло в первый вариант дополнений к рукописному сборнику «Просветитель Литовский», легшего в основу «Кирилловой книги» [Ibid.: 114].

²⁶ Возможно, Венцлович ошибся и потому, что для православного книжника имена патриархов Афанасия и Кирилла объединены общей датой: их память празднуется 18 января. Благодарим Ф. Б. Успенского, обратившего наше внимание на это обстоятельство.

²⁷ В настоящее время известно лишь о двух сохранившихся экземплярах этого букваря, находящихся в собраниях Германии и Швеции. Судя по сведениям, приведенным в описании [Немировский, Шустова 2015: 269 (№ 120)], можно было бы думать, что третий экземпляр Букваря 1705 г. сохранился в книжном

Илл. 1. Букварь 1705 (титульный лист)

пись Венцловича озаглавлена «**ГРАМАТИКА или УЧЕНІЙ ПИСМЕНИ КНИЖНОГО**», и такое же название фигурирует на титульном листе киевского учебника (илл. 1).

Также в рукописи Венцловича под заголовком в обрамлении вводного текста («**Начинаей отрѣче Ѹчитисѣ ѿ знаменіа крѣга ѿ имени Бжїаго...**») помещена миниатюра, изображающая руку в крестном знаменіи [Венцловићев Буквар: 6 (л. 1а)]. Этот вводный текст вместе с гравюрой аналогичного содержания тоже соответствует киевскому букварю 1705 г. (илл. 2).

собрании РНБ (С.-Петербург), но это не так: в отделе редких книг этой библиотеки находится не оригинал издания, а его фотокопия, которой мы пользовались в настоящем исследовании. Благодарим Н. В. Николаева, А. В. Вознесенского, Е. М. Медведеву и Т. В. Костину за помощь в работе с этим и другими источниками, хранящимися в РНБ. Также мы использовали микрофильм издания Букваря 1705 г., хранящийся в НИО редких книг РГБ (Москва), но его качество не позволяет передать всех нужных для изучения особенностей книги.

Сопоставительное изучение двух памятников позволяет удостовериться, что Гавриил с высокой вероятностью пользовался именно изданием киевского Букваря 1705 г.: на начальных листах совпадают не только названия и содержание рисунков, но и способ организации текста вокруг овальной рамки с изображением руки. В верхней части начального листа рукописи Венцлович поместил заставку с растительным и орнитоморфным орнаментами, характерную для художественной манеры Рачанской книгописной школы²⁸, однако изображение троеруки постарался воспроизвести как можно более тщательно.

Букварь 1705: (тит. л., об.)

Венцловићев Буквар: 6 (л. 1а)

Илл. 2. Начальные листы киевского издания и рукописи Букваря 1717 г.

Как видим на рисунке, Гавриилом скопирован даже орнамент на рукаве одеяния. Вместе с тем различаются надписи в рамке по контуру изображения троеруки — в Букваре 1705 г.: «Рѣки стго Первозванаго Апѣстола

²⁸ Ср. примеры миниатюр, выполненных старшими современниками Гавриила, принадлежавшими к этой школе: [Ракић 2012: 178–185]. Регулярно встречающимся элементом орнитоморфного орнамента здесь является изображаемая в профиль птица — так же, как и на заставке в рукописи Венцловича.

Андреа десныя подовіе, Іаже нетлѣнна вѣ црѣтвующемъ Градѣ Москвѣ вѣрѣтається»; в Букваре же Венцловича написано скорописью: «Ѹказъ рѸки стго апѣтола прѣвозваннаго Андреа. такоже подобаетъ. знаменати се».

Несмотря на эту вариацию, принадлежащую, по-видимому, самому Венцловичу, близость содержания назидательных текстов вокруг рисунка и сходство самих изображений не оставляет сомнений в том, что Гавриил пользовался киевским Букварем 1705 г. Важно отметить, что гравюра с троеперстием уникальна в ряду изображений, которыми открываются другие известные издания учебных пособий, вышедшие из украинских типографий в конце XVII в. — начале XVIII в. Так, изданные ранее в Киеве *Букварь 1686* и *Букварь 1697/98*, тексты которых идентичны киевскому Букварю 1705 г., содержат на оборотах титульных листов не изображение троеперстия, а гравюру с крестом на Голгофе²⁹; голгофский крест изображен и в «Букваре языка славенскаго, учиться хотящим» (Унев, 1698)³⁰. Поэтому гравюра с крестным знаменем, воспроизведенная Венцловичем в рукописи, оказывается надежным идентифицирующим признаком, однозначно определяющим источник труда сербского книжника³¹.

Факт использования Венцловичем книги, выпущенной типографией Киево-Печерской Лавры, не удивителен. Гавриилу были известны другие, более ранние киевские издания, — например, сборник поучений Лазаря Барановича «Меч духовный» (1666), который он усердно переписывал [Скерлић 1923: 169–170; Павић 1983: 228]. Вместе с тем украинские издания букварей, по-видимому, целенаправленно использовались сербским духовенством для начального обучения паствы: в описи имущества Белградской митрополии, составленной 1 марта 1733 г., среди книг значатся «17 букварей малых киевских» [Грујић 1914: 116].

Гавриил Венцлович воспроизвел в своей рукописи не только название киевского издания, иллюстрацию с троеперстием и распределение назидательного текста вокруг нее, но и в целом Букварь 1705 г., последовательно повторив его структуру и включенные в эту книгу произведения. Тем не менее труд Венцловича в этой части, как и в последующих,

²⁹ Ранее М. А. Корзо отмечала [2007: 534, примеч. 1], что гравюра с крестным знаменем присутствует в киевском Букваре 1697/98 г., однако это противоречит как описанию [Немировский, Шустова 2015: 263 (№ 114)], так и нашим наблюдениям над единственным сохранившимся экземпляром (РНБ. ОРК. IV.5.9, инв. № 1353): в этом издании на обороте титульного листа изображен голгофский крест.

³⁰ Описание: [Немировский, Шустова 2015: 261–262 (№ 111)].

³¹ Здесь мы подразумеваем источник, известный в настоящее время: некоторые учебные издания украинской печати конца XVII — начала XVIII в., состав которых остается неизвестным, до нас не дошли, сведения о них можно почерпнуть только из архивных документов. Таковы, например, львовские буквари 1698 и 1701 гг.; о них: [Немировский, Шустова 2015: 262–263 (№ 113); Ibid. 267–268 (№ 118)].

был не заурядным копированием, но переработкой. Помимо орфографических особенностей рукописи Букваря 1717 г., охарактеризованных в вышеуказанных статьях Л. Васильев, Д. Е. Стефановича и Т. Йовановича, отличия от киевского Букваря 1705 г. обнаруживаются в некоторых фрагментах изложения: так, в алфавите Гавриил произвел перестановку ряда букв, устранил **ж** и **л**, но добавил **к** и **ћ**; а также в иной по сравнению с оригиналом последовательности выписал двух- и трехбуквенные слоги.

Кроме того, в отличие от киевского Букваря 1705 г., изложение Никео-Константинопольского символа веры Венцлович разделил на 12 пунктов, пронумеровав их на полях рукописи [*Венцловићев Буквар*: 56–61 (л. 136–146)]. Еще одним существенным отличием от оригинала является перечень семи смертных грехов: в киевском издании этот раздел назван **Грѣхѡвъ началнѣйшихъ, или тѣжчайшихъ седемъ**, у Гавриила — **Седамъ смъртнихъ(ъ) грѣховъ лютеѣйшихъ(ъ)**. Характеристика главных смертных грехов как «лютейших» не встретила в других известных нам букварях. Следует отметить, что в киевском издании 1705 г. и рукописи сербского книжника различаются их последовательность и отчасти наименования:

<i>Букварь 1705: л. [38]</i>	<i>Венцловићев Буквар: 116–117 (л. 286)</i>
гордость	гдо(с)[тѣ]
сребролюбіе, или лакомствѡ	завистѣ
нечистота, или блѣдѣ	лакомство
завистѣ	блѣдѣ
вѣдѣніе	вѣдѣніе
гнѣвъ	гнѣваніе
лѣность	лѣность

Различия как в классификациях, так и в последовательностях перечисления смертных грехов, восходящих либо к схеме Евагрия Понтийского, либо к принятой в римско-католической Церкви схеме папы Григория Великого, встречаются и в украинско-белорусских катехизисах XVII–XVIII вв. [Корзо 2007: 523–524]. Перечень грехов, приведенный в Букваре 1717 г., позволяет заключить, что и в среде сербского духовенства начала XVIII в. не существовало единого общего руководства, которому могли следовать православные книжники в классификации недостойных христианина чувств и деяний. Это показывает пример современника Гавриила Венцловича — книгописца Велько Поповича, жившего в соседней с Сентендре Буде, и в конце 1690-х — начале 1700-х гг. служив-

шего писцом в канцелярии патриарха Арсения III, а затем у митрополита Крушедольского Исаии Джаковича [Полонский 2019: 142–144]. В составленном Поповичем рукописном сборнике *БСПЗ6* (1704–1706 г.)³², предназначавшемся, по-видимому, для других писцов в качестве справочного пособия, приведен перечень смертных грехов, отличный от содержащегося в букварном катехизисе Венцловича³³.

Наконец, наиболее самостоятельный фрагмент первой части Букваря 1717 г. имеет подзаголовок **Приказани црковныѣ(ѣ), ѿ, како хрѣтїаном(ѣ). а житиѣ, трѣбѣ(ѣ)** [Венцловићев Буквар: 120–139 (л. 29б–34а)]. В своей основе у Гавриила этот раздел из семи пунктов, содержащий требования слушать церковные проповеди, соблюдать посты, не читать еретических книг и тому подобные, восходит к разделу **Приказани црковныѣ** киевского Букваря 1705 г. Отклонения Венцловича от источника в этом фрагменте состоят не только в правке орфографии и отдельных лексических заменах, но и в значительном расширении содержания некоторых наставлений: так, в оригинале второй и третий разделы «Приказаний», посвященные соблюдению постов и почитанию лиц духовного звания, составляют по шесть строк печатного текста; Гавриил же пересказал и интерпретировал их, распространив каждое из этих назиданий на 2–3 листа рукописи (по 20 строк на листе).

Еще одно отличие Букваря 1717 г. от киевского учебника, выпущенного 12 годами ранее, состоит в особенностях работы Гавриила с иллюстрациями источника. Помимо гравюры с троеперстием, в издании типографии Киево-Печерской Лавры присутствуют еще два изображения. Во-первых, это гравюра, изображающая занятия в школе: на ней изображен сидящий в кресле на возвышении наставник, слушающий отвечающего по книге ученика; сидящие вокруг стола дети с раскрытыми учебниками; помощник учителя, секущий розгой нерадивого школьника (*Букварь 1705*: л. [2об.])³⁴. Этот рисунок Венцлович не стал воспроизводить в своей рукописи, опустив его, по-видимому, либо из-за жанровой сложности изображения, либо из-за несоответствия сюжета на гравюре собственному опыту. Во-вторых, в киевском Букваре помещена заставка с двух досок (илл. 3), изображающая Богородицу с Младенцем-Христом на троне, и отдельно самого Иисуса (Спаса Эммануила).

³² Описание рукописи: [Харисијадис 1975].

³³ Перечень смертных грехов в сборнике Велько Поповича: **грьднина. лаживствѣ. нечистота. гнѣвъ. црѣковѣбѣдѣнїе. ненависть. лѣнѣвость** (*БСПЗ6*: л. 43).

³⁴ Идентичная гравюра присутствует на том же месте и в более ранних киевских учебниках, например, Букваре 1686 г. Сюжетно схожая, но иная гравюра под названием «Училище» была напечатана и в московском Букваре Василия Бурцова 1637 г.; также подобная гравюра находится и на титульных листах виленских учебных изданий XVII в. [Корзо 2007: 545–548].

Илл. 3. Букварь 1705: л. [11] (фрагмент). Заставка, гравюра с двух досок

В рукописи Гавриила повторена такая же в тематическом отношении заставка [Венцловићев Буквар: 42 (л. 10а)], но отличия состоят в перемещении мест изображений Спаса Эммануила и Богородицы, а также в отсутствии корон на головах Богоматери и Младенца. По-видимому, Венцлович решил заменить соответствующий рисунок, используя более близкий православной изобразительной традиции образ Богородицы Одигитрии. Такое же, как и в сербском кодексе, изображение Богоматери и Младенца, выполненное украинским гравером Илией, впервые было напечатано в сборнике акафистов, изданных в Киеве во второй половине XVII в. [Акафисты 1663: л. 180б.]³⁵ (илл. 4).

На гравюре мастера Илии и миниатюре Венцловича совпадает множество деталей, от композиции расположения и жестов персонажей до звезд на мафории Богородицы. Поэтому можно думать, что Венцлович имел возможность пользоваться либо книгой [Акафисты 1663], либо одним из более поздних киевских изданий, в котором воспроизводилась та же гравюра³⁶.

³⁵ Описание издания: [Гусева et al. 1981: 14].

³⁶ Схожие изображения Богородицы Одигитрии, по-видимому, восходящие к гравюре мастера Илии, присутствуют и на гравюрах более поздних изданий типографии Киево-Печерской лавры. Среди них: сборник проповедей Лазаря Барановича «Трубы словес проповедных» (1674) [Гусева et al. 1981: 19–20 (№ 126)]; сборник «Акафисты всеедмичныя» (1677) [Ibid.: 22 (№ 132)]; сборник канонов Иоанна Дамаскина Пресвятой Богородице (1697) [Ibid.: 32–33 (№ 166)].

Венцловићев Буквар: 6 (л. 1а)

Акафисты 1663: л. 180б

Илл. 4. Заставки в рукописи Букваря 1717 г. и киевском издании

Тем не менее, за исключением указанных выше отличий, не приходится сомневаться, что именно киевский Букварь 1705 г. послужил Гавриилу Венцловичу главным источником, на основе которого он дополнял свой учебник не только изображениями, но и текстами, почерпнутыми из других восточнославянских книг.

Два из трех входящих во вторую часть Букваря 1717 г. текста [Венцловићев Буквар: 140–148 (л. 346–366)] являются типичными для букварей XVII–XVIII вв., хотя не всегда присутствуют вместе в одних и тех же изданиях³⁷. Это краткое описание диакритических и пунктуационных знаков под названием «Имена просодиям» и исповедание веры Амвросия-Августина (Амвросия Медиоланского и Августина Гипонского). Второй из этих текстов, составленный, согласно легенде, в IV в. Амвросием в качестве краткого изложения вероучения, чтобы подготовить Блаженного Августина к принятию таинства крещения, как показала М. А. Корзо, восходит к католической традиции, где исполнялся как латинский гимн; также он является «неотъемлемой составляющей практически всех польских протестантских канционалов XVI в.» [Корзо 2007: 517–518]. По заключению исследовательницы, во второй половине XVII в. переведенное на церковнославянский язык исповедание Амвросия-Августина, ставшее к этому времени «типичным для украинско-белорусских учебников», проникает и в пособия для начального обучения, издававшиеся на Московском Печатном дворе, впервые появившись в Букваре 1657 г. [Ibid.: 548]. Поэтому, казалось бы,

³⁷ Примеры: [Рамазанова, Шустова 2018: 41–43 (№ 2), 46–47 (№ 3), 71 (№ 9), 73 (№ 10), 82 (№ 13), 93–94 (№ 16), 120 (№ 18), 123 (№ 19), 183–184 (№ 37), 211–214 (№ 47)].

в качестве источника второй части Букваря 1717 г. Гавриил Венцлович мог использовать любой восточнославянский букварь второй половины XVII — начала XVIII в., содержащий соответствующие тексты.

Однако факт наличия в этой части Букваря 1717 г. третьего текста, расположенного между описанием славянской просодии и исповеданием Амвросия-Августина, оказывается определяющим для установления источника заимствования. Это «**М(о)л(и)тва дѣтемъ(ъ) въ началѣ хотѣющимъ Ѹчитисѣ**» [Венцловићев Буквар: 142–143 (л. 35a)]. Наряду с «Именами просодиям» и исповеданием веры Амвросия-Августина такая молитва обнаруживается только в львовских изданиях книг для начального обучения (*Букварь 1671* и *Букварь 1710*: л. [8]). Все три вышеназванных текста Венцлович выписал из львовского букваря почти дословно, но исправив, как и на других листах Букваря 1717 г., орфографию. Стоит заметить, что порядок расположения текстов в львовских букварях отличается от их композиции в Букваре Венцловича: в львовских учебниках после этой молитвы, но перед исповеданием веры Амвросия-Августина помещены молитвы утренние, Никео-Константинопольский символ веры, затем символ веры Афанасия Александрийского. Однако все эти произведения, как и декалог, следующий в львовских изданиях после исповедания Амвросия-Августина, Венцлович уже заимствовал в первой части своего Букваря из киевского издания 1705 г., поэтому не стал их повторять. Также Гавриил оставил без внимания характерную особенность львовских букварей — молитвы на греческом языке, напечатанные славянскими буквами (*Букварь 1671* и *Букварь 1710*: л. [30об.]). В Букварь Венцловича эти тексты, отражающие специфическую этноконфессиональную ситуацию во Львове второй половины XVII — начала XVIII в., не были включены составителем, вероятно, ввиду отсутствия в Сентендере того времени подходящей аудитории учащихся.

Что касается третьей части Букваря 1717 г., которую составляют два кратких «изложения» православной веры: первое — патриархов Анастасия Антиохийского (у Венцловича, как отмечено выше, ошибочно написано «Афанасия») и Кирилла Александрийского, второе — Максима Исповедника, то их происхождение в учебнике Венцловича тоже прослеживается довольно отчетливо. Помимо «Кирилловой книги» [*Книга 1644*: л. 549–552], эти же два «изложения» одно за другим были включены, по выражению А. В. Вознесенского, «в предисловную часть» не менее чем 25 московских изданий простых Псалтирей, вышедших с 1647 г. до конца XVII в.³⁸ Кроме того, «изложения» Анастасия-Кирилла и Максима в том

³⁸ См. [Вознесенский 2010: 146, 156]. Постатейные описания московских изданий Псалтирей 1647 — второй половины 1690-х гг., включающих «изложения» Анастасия-Кирилла и Максима Исповедника: [Ibid. : 302–363].

же порядке вошли и в «Собрание краткое об артикулах веры», изданное при патриархе Иосифе тоже в Москве [*Собрание 1649*: л. 4об.–8об. (1-го сч.)]. Поскольку на протяжении второй половины XVII — начала XVIII в. сербские монахи неоднократно получали от российских властей издания Московского Печатного двора³⁹, любая из вышеуказанных книг могла послужить источником Венцловичу для этой части Букваря 1717 г. Вероятнее всего, это была одна из Псалтирей.

Примечательно, что «изложение» Анастасия-Кирилла было известно сербским книжникам начала XVIII в. как минимум в двух вариантах, отличающихся богословской терминологией. Вариант, представленный в Букваре 1717 г., подобно московским изданиям, содержит «изложение» Анастасия-Кирилла [*Венцловићев Буквар*: 148–156 (л. 36б–38б)], где нет понятия «ипостась» в истолковании отличий Бога-Отца от Бога-Сына и объяснении сущности св. Троицы. Вместо этого в ответах используется слово **съставъ**. Другой же вариант входил в упоминавшийся выше сборник Велько Поповича 1704–1706 гг.: в нем, в отличие от Букваря 1717 г., верно приведено имя Анастасия Антиохийского, однако фигурирует термин **ѣпостась** (*БСПЗ6*: л. 43об.–44)⁴⁰.

Четвертая (заключительная) часть учебного пособия Венцловича при последовательном чтении рукописи может показаться неожиданной с точки зрения композиционного решения составителя. Изложив первые три части Букваря 1717 г., охватывающие основы изучения славянского языка от алфавита до главных православных догматов, Венцлович как будто забывает об этом и, переходя к четвертой части своего труда, фактически начинает новую учебную книгу под названием **Бѹкваръ словенских писменъ оуставныхъ и скорописныхъ** [*Венцловићев Буквар*: 168–169 (л. 41б.)]. Верно установив, что для своей рукописи Гавриил заимствовал эту часть текста из отдельного и самостоятельного учебного сочинения, принадлежащего авторству Кариона Истомина, А. Павлович, однако, не касалась вопроса о том, каким мог быть тот непосредственный источник, с которым работал Венцлович (ср. [Павловић 2015: 42–47]).

Изданный в Москве целногравированный Букварь 1694 г., для которого Карион написал двустрочные нравоучительные вирши с приме-

³⁹ См. [Каптерев 1891; Димитријевић 1922]; особо о влиянии этих книг на сербскую культуру: [Бошков 1973].

⁴⁰ В старших известных нам южнославянских рукописях, содержащих вопросыответы Анастасия-Кирилла, так же, как и в поздних восточнославянских списках и московских печатных изданиях, употребляется слово **съставъ**. Таковы тексты в списке начала XV в. *Погод1054* (л. 342об.), где «изложение» Анастасия-Кирилла представляет собой одно из дополнений к сборнику с Лествицей Иоанна Синайского и Поучениями Аввы Дорофея [СК XIV-1: 528–529 (№ 365), 673], а также в загребском сборнике Владислава Грамматика 1469 г. (*HAZU47*: л. 564об.–565); описание: [Христова 1996: 37]. Благодарим Ж. Л. Левшину за помощь в работе с первой из указанных рукописей.

рами слов на каждую букву алфавита, представлял собой издание, уникальное в ряду букварей московской и украинско-белорусской печати. Необычными были листовой формат, способ представления учебного материала в изобразительной и стихотворной форме, а также количество и разнообразие иллюстраций, выполненных одним из наиболее искусных столичных гравёров своего времени Леонтием Буниным⁴¹. «Исследователи, занимавшиеся гравированным букварем, были практически единодушны в одном — они признавали его фантастическую, небывалую оригинальность», — справедливо отмечала Л. В. Мошкова [2013: 59–61], подчеркнувшая, что эту сложную для детского восприятия книгу было трудно использовать как учебник из-за избыточности графем трех алфавитов (славянского, греческого и латинского), чрезмерной нагрузки на зрительную память ученика и в целом «абсурдной» методики обучения. В работе Л. В. Мошковой убедительно аргументированы мотивы появления лицевого Букваря: наиболее вероятной целью Кариона, служившего в то время справщиком Московского Печатного двора, была не педагогическая новация, а создание «шедевра», где доходчивость изложения учебного материала принесено в угоду красоте изобразительной формы. Такая книга делалась не ради практического обучения, а «для привлечения к себе внимания царской семьи», и усилия Истомина были «направлены в первую очередь на достижение более высокого социального статуса» [Ibid.: 62–63].

В отличие от других вышеупомянутых учебных книг, издание труда Кариона Истомина и Леонтия Бунина сохранилось более чем в 20 экземплярах, находящихся в библиотеках России и Украины. Несмотря на относительно неплохую сохранность книги, вряд ли возможно полагать, что именно печатное издание [*Букварь 1694*], оказавшееся в Сентендре, могло послужить Гавриилу Венцловичу непосредственным источником заимствований.

В четвертой части рукописи Венцловича изменено название московского учебника: в нем опущено упоминание графем других языков, помимо славянского, — греческого, латинского и польского — фигурирующее в заголовке [*Букварь 1694*]. Также Гавриил существенно сократил предисловие Кариона, убрав имя автора, а в конце своего вводного текста поместил нравоучительные вирши, взятые с титульного листа московского издания. При этом Венцлович не перерисовал ни одного антропоморфного инициала, ни одного предмета или животного, изображения которых в изобилии встречаются на 38 листах основного содержания Букваря 1694 г., сопровождая примеры слов и понятий на каждую букву алфавита. Эти примеры Гавриил тоже опустил,

⁴¹ О нем и его работах: [Ровинский 1895: 86–88].

заимствовав только соответствующие буквам алфавита вирши Кариона Истомина.

Поскольку в большинстве других известных нам случаев Венцлович старательно, хотя и не вполне умело воспроизводил в своих рукописях иллюстрации из тех изданий, с которыми работал, то вряд ли он мог избежать соблазна скопировать хотя бы одну или несколько из множества гравюр Букваря 1694 г. Конечно, нельзя полностью исключить, что Гавриил, все же имевший в руках оригинал московского издания, счел его избыточно перегруженной рисунками, и потому не стал их заимствовать. Однако более вероятным представляется, что в руках Венцловича находилось не само издание Букваря 1694 г., а это был список с печатной книги, содержащий только вирши Истомина без иллюстраций Бунина. Помимо черновых и подносных рукописей, созданных Карионом в преддверии появления издания Букваря 1694 г.⁴², известен пример списка в четвертую часть листа, сделанного уже с печатного издания, который, по свидетельству изучавшего этот манускрипт И. М. Тарабрина [1916: 15], не содержит никаких рисунков⁴³. С другой стороны, известно, что в 1696 г. Карион Истомин ездил в Киев и демонстрировал там издание своего Букваря 1694 г. [Тарабрин 1916: 16–17], с которого местные книжники могли сделать списки, опустив иллюстрации. Один из подобных списков спустя 20 с небольшим лет, по-видимому, оказался в руках Гавриила Венцловича.

При заимствовании виршей Кариона, как и в других случаях работы с восточнославянскими источниками, Гавриил часто исправлял орфографию. Также он нередко заменял лексемы, пропускал строфы и менял порядок слов, не всегда соблюдал согласования. Так, например, в виршах на букву **С** вместо исходного двустипшия **Сѣѣзда влѣстаетъ / въ своей мѣрѣ всака, сѣѣздо законникъ / смотри(тъ) въ нѣѣ знака** (Букварь 1694: л. [24]), у Гавриила в Букваре 1717 г. повторена первая строфа, а во второй написано: **сѣѣздо чацѣ смотри(тъ) въ нѣѣ знака** [Венцловићев Буквар: 180 (л. 446)]. Некоторые вирши Венцлович переписывал без существенных изменений; другие, напротив, подверг значительной правке, причем, как правило, пропускал те строфы, где Истомин писал о предметах и понятиях, изображенных на иллюстрациях. Этот факт может быть еще одним аргументом в пользу того, что гравюры Букваря 1694 г. остались Гавриилу неизвестными и он имел перед глазами только список, содержащий тексты виршей Кариона

⁴² Об этих рукописях: [Иванова 1987].

⁴³ Этот список, как указывал И. М. Тарабрин, хранится в собрании Е. В. Барсова в Государственном историческом музее в Москве. На момент подготовки настоящей статьи нам не удалось ознакомиться с рукописью; по-видимому, приведенные исследователем начала XX в. поисковые данные устарели.

(возможно, неполных). Приведем пример одной из правок в Букваре Венцловича, относящийся к рифмованным поучениям на букву **І**, где сербский книжник исключил вирши об изображенных на гравюре «граде Иерусалиме» и «звере иппокентавре»:

Букварь 1694: л. [28]

Правѣ писати / писмено ї нѣжднѣ,
повѣстописцевѣ / сѣбшай нѣтрѣжднѣ.
Іурданѣ рѣка, / градѣ іеросалимѣ,
вписаны сѣтъ / и ты бѣдѣ хвалимѣ.
Добродѣтель бо хвалы / вѣсѣхѣ доводитѣ,
ѣ члѣсѣхѣ смыслѣ / чистѣ ѣ вѣсѣхѣ
породи^т(ѣ).
Звѣрь иппокентаврѣ / создано животно,
ѿ твари творца / слави всакѣ вѣхотно.
Новое лѣто / индиктѣ вѣращеши,
ѣ нѣѣ по смерти / зѣдѣшнѣ(ѣ) не
вѣзѣлѣши.

**Венцловићев Буквар:
182–184 (л. 45а–45б)**

Іже прѣво писати. Нѣжѣно повѣстѣ ѿ
писцѣ^а(ѣ) сѣбшай нѣтрѣжднѣ.
(пропуск двух строф)
Добродѣтель бо хвалы вѣсѣхѣ(ѣ) доводитѣ.
ѣ члѣсѣхѣ(ѣ) сѣмысалѣ / чистѣ вѣ вѣсѣхѣ
породи^т(ѣ).
(пропуск двух строф)
Новое лѣто индиктѣ^а(ѣ) вѣрещеши,
вѣ нѣѣ по сѣмрти / зѣдѣшнѣ(ѣ) не
вѣзѣлѣши.

Также в рукописи Венцловича несколько изменен алфавитный порядок виршей по сравнению с Букварем 1694 г.: так, поменяны местами вирши на буквы **С** и **З**, **И** и **І**. Некоторые буквы Гавриил называл иначе, чем Карион: например, **Ы** у Истомина — **ерь с іѡтою**, у Венцловича — **ерь с іжем**(ѣ). При этом в четвертой части Букваря 1717 г. отсутствуют стихотворные примеры на употребление букв, которыми Гавриил в первой части своего труда дополнял алфавит киевского Букваря 1705 г. — **Ю** и **Ѳ**. Собственных поучительных виршей на эти буквы по образцам Истомина Венцлович сочинять не стал.

Итак, рукописный Букварь, составленный Гавриилом Венцловичем в 1717 г. в Сентендре, представлял собой комплексный компилятивный труд, содержание которого составитель почерпнул из нескольких источников. Ими были учебные и богослужебные книги, выпущенные в предыдущие десятилетия типографами Киево-Печерской Лавры, Львовского Ставропигийского братства и Московского Печатного двора. Благодаря соотнесению содержания и иллюстраций в рукописи Венцловича и исследованных нами украинских изданиях, сохранившихся в единичных экземплярах, удастся узнать о бытовании в сербском обществе начала XVIII в. таких пособий для начального образования, как киевский Букварь 1705 г. и львовский Букварь 1710 г. (либо, что менее вероятно, идентичное по содержанию львовское издание 1671 г.) Это

позволяет с достаточной определенностью очертить круг книг для первоначального обучения, благодаря которым сербы в первой четверти XVIII в. постигали и усваивали основы «рускословенского языка», владение которым, по выражению П. Ивича, открыло двери «русскому влиянию» на сербскую культуру [Ивић 2014: 126]. Здесь нужно уточнить, что влияние было обусловлено книжными трудами не только московских, но в значительной мере и украинских клириков.

По-видимому, киевский, а не львовский букварь был использован Венцловичем в качестве первой и наиболее объемной части его рукописного учебника в том числе и потому, что издание типографии Киево-Печерской Лавры открывалось изображением руки апостола Андрея — покровителя города, где жил и трудился сербский книжник. Вместе с тем у нас нет оснований полагать, что экземпляры упомянутых изданий принадлежали самому Гавриилу: более вероятным представляется, что он переписывал и перерисовывал материалы из разных букварей так же, как и случае упоминавшегося выше Служебника Рум401, «в чуждих домах, из чуждих книг». При этом рукопись Букваря 1717 г., с одной стороны, содержит минимальное количество поправок писца, а с другой, как мы отмечали выше, является частью гораздо более пространного кодекса.

Уникальный характер этого труда подчеркивает послесловие составителя, в котором объясняется осознанное намерение объединить в одной книге пособие для начального обучения и библейские сказания [Стојановић 1901: 3–4; *Венцловићев Буквар*: 218–225 (л. 615а–616б.)]. Оставшись единичным опытом, Букварь Гавриила не получил распространения в списках. Поэтому можно думать, что целью Венцловича при работе с различными восточнославянскими букварями было не составление книги, предназначенной для непосредственных занятий с учениками, а создание своеобразного компендиума в области начального образования. В этом смысле, как представляется, в рукописи Гавриила Стефановича Венцловича было бы правильно видеть не плод занятий практикующего учителя, но памятник истории межславянских книжных связей и труд хранителя знаний о педагогической культуре своего времени.

Сокращения

БСП — Библиотека Српске Патријаршије, Београд

НИО — Научно-исследовательский отдел

ОРК — Отдел редких книг

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва

РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург

HAZU — Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Загреб

Библиография

Источники

Рукописи

БСПЗ6

БСП, Рс. 36. Сборник богословский и исторический, 1704–1706 гг., писец Велько Попович

Погод1054

РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина), № 1054. Лествица Иоанна Синайского и Поучения Аввы Дорофея с дополнениями, сер. XIV и нач. XV в.

Рум401

РГБ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 401. Служебник, 1711–1716 гг., писец Гавриил Венцлович

HAZU47

Arhiv HAZU, III.a.47. Сборник житий, полемических статей и богословских сочинений, 1469 г., писец Владислав Грамматик

Издания

Акафисты 1663

Акафисты, Киев, 21.V.1663.

Буквар 1597

Буквар инока Саве Дечанца и игумана Стефана од Паитровића из 1597. године, Буљарица, 2016.

Букварь 1671

Букварь языка славенска, писании чтения учитися хотящим, в полезное руковож(д)ение, Львов, 1671.

Букварь 1686

Букварь языка славенского, писании чтения учитися хотящим, в полезное руководство, Киев, 1686.

Букварь 1694

Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских, со образованми вещей, и со нравоучительными стихами, Москва, 1694.

Букварь 1697/98

Букварь языка сла[вянских] писании человеком учитися хотящим в полезное руково[ждение], Киев, [ок. 1697–1698].

Букварь 1705

[Букварь] Граматика, или Учение писмени книжного, Киев, 1.VIII.1705 г.

Букварь 1710

Букварь языка славенска, писании, чтения учитися хотящим, в полезное руковож(д)ение, Львов, 1710.

Венцловићев Буквар

Венцловићев сентандрејски буквар 1717, фототипско изд. са рашчитаним текстом и савременим преводом, Т. Јовановић, Д. Е. Стефановић, уред., Будимпешта, Београд, 2013, 5–226.

Книга 1644

Сборник «Кириллова книга», Москва, 21.IV.1644

Собрание 1649

Сборник «Собрание краткия науки об артикулах веры», Москва, 20.I.1649.

Исследования

Бошков 1973

Бошков М., Руска штампана књига у нашем XVIII веку, *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, 16/2, Нови Сад, 1973, 527–567.

Васиљев 1996a

Васиљев Љ., Нови подаци о познатим и непознатим рукописима Кипријана Рачанина, *Археографски прилози*, 18, 1996, 149–206.

Васиљев 1996b

Васиљев Љ., Нови подаци о рукописима Кипријана Рачанина, *Ђирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске*, 6: *Стихологија Кипријана Рачанина*, Нови Сад, 1996, 35–50.

Васиљев 1997

Васиљев Љ., Буквар из 1717. године — дело Гаврила Стефановића Венцловића, *Археографски прилози*, 19, 1997, 217–232.

Витковић 1887

Витковић Г., Прошлост, установа и споменици угарских краљевих Шајкаша, *Гласник Српског научног друштва*, 67, Београд, 1887, 1–450.

Вознесенский 2010

Вознесенский А. В., *К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь*, Москва, С.-Петербург, 2010.

Востоков 1842

Востоков А. Х., *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея*, С.-Петербург, 1842.

Грбић 2010

Грбић Д., Буквари за Србе у XVIII веку, *Буквари и букварска настава код Срба : зборник радова*, Б. Јордановић, уред., Београд, 2010, 43–54.

Грујић 1914

Грујић Р., Прилози за историју Србије у доба аустријске окупације : (1718–1739), *Споменик Српске краљевске академије*, 52, 1914, 84–208.

Гусева et. al. 1981

Гусева А. А., Каменева Т. Н., Полонская И. М., *Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина*, 2/1, Киевские издания 2-й половины XVII в., Москва, 1981.

Гучкова 2013

Гучкова И. В., Сложные слова в языке Г. С. Венцловича — словотворчество и библейский стиль, *Вестник Санкт-петербургского университета, серия 9: филология. востоковедение. журналистика*, 3, 2013, 47–54.

Гучкова 2014

Гучкова И. В., К истории становления сербского литературного языка: неологизмы в проповедях Гаврилы Стефановича Венцловича, *Slavistica Vilnensis*, 59, 2014, 95–104.

Гучкова 2016

Гучкова И. В., Заимствования в языке проповедей Гаврилы Стефановича-Венцловича как отражение народной языковой стихии (на материале неизданной рукописи 1732 г.), *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4(58)/1, 2016, 79–81.

Давидов 1990

Давидов Д., *Споменици Будимске епархије*, Београд, Нови Сад, 1990.

Димитријевић 1922

Димитријевић Ст. М., Грађа за српску историју из руских архива и библиотека. Трећа збирка, *Споменик Српске краљевске академије*, 53, Сарајево, 1922, I–XVII, 1–329.

Борђић 1990

Борђић П., *Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози*, 3-е изд., Београд, 1990.

Иванова 1987

Иванова Ж. Н., Автографы Кариона Истомина в списках первого русского иллюстрированного букваря, *Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики*, Москва, 1987, 41–45.

Ивић 2014

Ивић П., *Преглед историје српског језика* (= Целокупна дела Павле Ивића, 8), А. Младеновић, уред., Сремски Карловци, Нови Сад, 2014.

Јовановић 2013

Јовановић Т., Сентандрејски буквар на размеђи епоха, *Венцловићев сентандрејски буквар 1717*, Т. Јовановић, Д.Е. Стефановић, уред., Будимпешта, Београд, 2013, 329–340.

Каптерев 1891

Каптерев Н. Ф., Приезд в Москву за милостыней сербских иерархов разных кафедр и настоятелей разных сербских монастырей в XVI, XVII и в начале XVIII столетий, *Прибавления к Творениям св. Отцов*, 1891, 48/2, 461–576.

Кићовић 1952

Кићовић М., Први српски буквар, *Библиотекар*, 3–4, 1952, 87–98.

Корзо 2007

Корзо М. А., *Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований*, Москва, 2007.

Костяшов 1997

Костяшов Ю. В., *Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке*, Калининград, 1997.

Крумлинг 1983

Крумлинг А. А., Первопечатные славянские буквари, *Федоровские чтения. 1983*, Москва, 1987, 73–110.

Мано-Зиси 2010

Мано-Зиси К., Први штампани српски буквар из 1597. године, *Буквари и букварска настава код Срба : зборник радова*, Б. Јордановић, уред., Београд, 2010, 13–25.

Мошкова 2013

Мошкова Л. В., Букварь Кариона Истомина 1694 г. как «шедевр» автора, *Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI веков* [Сборник статей], Москва, 2013, 58–67.

Немировский 1993

Немировский Е. Л., Первые славянские миниатюрные издания, *Книга. Исследования и материалы*, 65, Москва, 1993, 67–82.

Немировский, Шустова 2015

Немировский Е. Л., Шустова Ю. Э., Кириллические Азбуки и Буквари XVI–XVIII вв.: библиографический свод изданий, «В России надо жить по книге»: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.). *Сборник научных статей и материалов*, М. В. Тендрякова, В. Г. Безрогов, ред., Москва, 2015, 185–337.

Новаковић 1871

Новаковић С., *Историја српске књижевности*, Београд, 1871.

Новаковић 1872

Новаковић С., Стари српско-словенски буквар с неколиким белешкама за историју буквара у опште, *Гласник Српског ученог друштва*, 34, Београд, 1872, 53–85.

Опарина 1998

Опарина Т. А., *Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии*, Новосибирск, 1998.

Остојић 1905

Остојић Т., *Српска књижевност од Велике сеобе до Доситеја Обрадовића*, Сремски Карловци, 1905.

Павић 1972

Павић М., *Гаврил Стефановић Венцловић*, Београд, 1972.

Павић 1983

Павић М., *Рађање нове српске књижевности*, Београд, 1983.

Павловић 2015

Павловић А., Рускословенски узор српског рукописног Буквара из 1717: јеромонах и песник Карион Истомин у Сентандрејској традицији, *Зборник Матице српске за славистику*, 88, Нови Сад, 2015, 41–48.

Павловић 2016

Павловић А., Кијевска «Христова азбука» у српској поезији XVIII века, *Зборник Матице српске за славистику*, 89, Нови Сад, 2016, 47–56.

Полонский 2019

Полонский Д. Г., Новые данные о сербском книжнике конца XVII — начала XVIII в. Велько Поповиче, *Тринадцатые Загребинские чтения: сборник статей по итогам международной научной конференции (3–4 октября 2018 г.)*, С.-Петербург, 2019, 136–144.

Ракић 2012

Ракић З., *Српска минијатура XVI и XVII века*, Београд, 2012.

Раковић 2019

Раковић М. С., Венцловићев Сентандрејски буквар из 1717. године – филолошки аспект и методички потенцијал, *Узданица*, 16/2, Крагујевац, 2019, 149–158.

Рамазанова, Шустова 2018

Рамазанова Д. Н., Шустова Ю. Э., *Кириллические Буквари из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг РГБ: описание изданий и экземпляров*, Москва, 2018.

Ровинский 1895

Ровинский Д. А., *Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.*, С.-Петербург, 1895.

Стојановић 1901

Стојановић Љ., *Каталог рукописа и старих штампана књига. Збирка Српске краљевске академије*, Београд, 1901.

Сазонова 1993

Сазонова Л. И., Карион Истомин, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/2, С.-Петербург, 140–152.

Синдик et al. 1991

Синдик Н. Р., Гроздановић-Пајић М., Мано-Зиси К., *Опис рукописа и старих штампаних књига библиотеке Српске православне епархије Будимске у Сентандреји*, Београд; Нови Сад, 1991.

СК XIV-1

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская), А. А. Турилов, ответ. ред., Москва, 2002.

Скерлић 1923

Скерлић Ј., *Стара српска књижевност у XVIII веку*, Београд, 1923.

Станисављевић 1992

Станисављевић В., *Два века српских уџбеника: Сентандреја, 1717 — Крф, 1918*, Београд, 1992.

Стефановић 2013

Стефановић Д. Е., Венцловићев сентандрејски буквар из 1717. године, *Венцловићев сентандрејски буквар 1717*, Т. Јовановић, Д. Е. Стефановић, уред., Будимпешта, Београд, 2013, 307–328.

Тарабрин 1916

Тарабрин И., *Лицевой Букварь Кариона Истомина*, Москва, 1916 (= *Древности. Труды Московского археологического Общества*, 25, Москва, 1916, 249–331).

Толстой 1998

Толстой Н. И., Литературный язык сербов в XVIII — начале XIX в., *Избранные труды*, 2: *Славянская литературно-языковая ситуация*, Москва, 1998, 239–344.

Трифуновић 2009

Трифуновић Б., *Стара српска књижевност : основи*, 3-е проширено изд., Београд, 2009.

Турилов, Тымынька 2005

Турилов А. А., Тымынька А. В., Гавриил (Стефанович Венцелович), *Православная энциклопедия*, 10, Москва, 2005, 229–230.

Харисијадис 1975

Харисијадис М., *Зборник Патријаршијске библиотеке у Београду бр. 36, Зборник за ликовне уметности*, 11, Нови Сад, 1975, 99–112.

Христова 1996

Христова Б., *Опис на рѣкописите на Владислав Граматик*, Велико Търново, 1996.

Чакић 1990

Чакић С., *Велика сеоба Срба и патријарх Арсеније III Црнојевић*, Нови Сад, 1990.

Чигоја 2010a

Чигоја Б., *Кратак преглед првих српских буквара*, *Јужнословенски филолог*, 66, 2010, 513–545.

Чигоја 2010b

Чигоја Б., *Кратак преглед првих српских буквара, њиховог језика и писма којим су штампани, Буквари и букварска настава код Срба: зборник радова*, Б. Јордановић, уред., Београд, 2010, 103–134.

Шкорић 1996

Шкорић К., *О Рачи и Рачанима, Тирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске*, 6: *Стихологија Кипријана Рачанина*, Нови Сад, 1996, 11–33.

Шустова 2010

Шустова Ю. Э., *Азбука в печатных кириллических букварях южнославянской и восточнославянской традиции в XVI — начале XVIII в.*, *Очерки феодальной России*, 14, Москва, 2010, 402–496.

Kempgen 2016

Kempgen S., ed., *Slavic Alphabet Tables, 3: Odds and Ends (1530–1963)*, Bamberg, 2016.

References

Boškov M., *Ruska štampana knjiga u našem XVIII veku, Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*, 16/2, Novi Sad, 1973, 527–567.

Čakić S., *Velika seoba Srba i patrijarh Arsenije III Crnojević*, Novi Sad, 1990.

Čigoja B., *Kратак преглед првих српских буквара*, *Јужнословенски филолог*, 66, 2010, 513–545.

Čigoja B., *Kратак преглед првих српских буквара, њиховог језика и писма којим су штампани*, B. Jordanović, ed., *Bukvari i bukvarska nastava kod Srba: zbornik radova*, Belgrade, 2010, 103–134.

Davidov D., *Spomenici Budimske eparhije*, Belgrade, Novi Sad, 1990.

Djordjić P., *Istorija srpske ćirilice. Paleografsko-filološki prilozi*, 3th ed., Belgrade, 1990.

Grbić D., Bukvari za Srbe u XVIII veku, B. Jordanović, ed., *Bukvari i bukvarska nastava kod Srba: zbornik radova*, Belgrade, 2010, 43–54.

Guchkova I. V., Slozhnye slova v iazyke G. S. Ventslovicha – slovotvorchestvo i bibleiskii stil', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, serija 9: filologija. vostokovedenie. zhurnalistika*, 3, 2013, 47–54.

Guchkova I. V., K istorii stanovleniia serbskogo literaturnogo iazyka: neologizmy v propovediakh Gavriily Stefanovicha Ventslovicha, *Slavistica Vilnensis*, 59, 2014, 95–104.

Guchkova I. V., Zaimstvovaniia v iazyke propovedei Gavriily Stefanovicha-Ventslovicha kak otkazhenie narodnoi iazykovoi stikhii (na materiale neizdannoi rukopisi 1732 g.), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 4(58)/1, 2016, 79–81.

Guseva A. A., Kameneva T. N., and Polonskaia I. M., *Ukrainskie knigi kirillovskoi pečati XVI–XVIII vv. Katalog izdaniĭ, khраниashchikhsia v Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina*, 2/1, *Kievskie izdaniia 2-i poloviny XVII v.*, Moscow, 1981.

Harisijadis M., Zbornik Patrijaršijske biblioteke u Beogradu br. 36, *Zbornik za likovne umetnosti*, 11, Novi Sad, 1975, 99–112.

Hristova B., *Opis na rakopisite na Vladislav Gramatik*, Veliko Tarnovo, 1996.

Ivanova Zh. N., Avtografy Kariona Istomina v spiskakh pervogo russkogo illiustrirovannogo bukvaria, *Voprosy slaviano-russkoi paleografii, kodikologii, epigrafiki*, Moscow, 1987, 41–45.

Ivić P., *Pregled istorije srpskog jezika* (= Celokupna dela Pavle Ivića, 8), A. Mladenović, ed., Sremski Karlovci, Novi Sad, 2014.

Jovanović T., Sentandrejski bukvar na razmedji epoha, T. Jovanović, D. E. Stefanović, eds., *Venclovićev sentandrejski bukvar 1717*, Budapest, Belgrade, 2013, 329–340.

Kempen S., ed., *Slavic Alphabet Tables*, 3: *Odds and Ends (1530–1963)*, Bamberg, 2016.

Kičović M., Prvi srpski bukvar, *Bibliotekar*, 3–4, 1952, 87–98.

Korzo M. A., *Ukrainskaia i beloruskaia kateheticheskaia traditsiia kontsa XVI – XVIII vv.: stanovlenie, evolutsiia i problema zaimstvovaniia*, Moscow, 2007.

Kostiashov Ju. V., *Serby v Avstriiskoi monarkhii v XVIII veke*, Kaliningrad, 1997.

Kruming A. A., Pervopechatnye slavianskie bukvari, *Fedorovskie chteniia*, 1983, Moscow, 1987, 73–110.

Mano-Zisi K., Prvi štampani srpski bukvar iz 1597. godine, B. Jordanović, ed., *Bukvari i bukvarska nastava kod Srba: zbornik radova*, Belgrade, 2010, 13–25.

Moshkova L. V., Bukvar' Kariona Istomina 1694 g. kak "shchedevr" avtora, *Uchebniki detstva. Iz istorii škol'noi knigi VII–XXI vekov [Sbornik statei]*, Moscow, 2013, 58–67.

Nemirovskii E. L., Pervye slavianskie miniaturnye izdaniia, *Kniga. Issledovaniia i materialy*, 65, Moscow, 1993, 67–82.

Nemirovskii E. L., Shustova Ju. E., Kirillicheskie Azbuki i Bukvari XVI–XVIII vv.: bibliograficheskii svod izdaniĭ, "V Rossii nado zhit' po knige": nachal'noe obuchenie chteniiu i pis'mu (stanovlenie uchebnoi knigi v XVI–XIX vv.). *Sbornik nauchnykh statei i materialov*, M. V. Tendriakova, V. G. Bezrogov, eds., Moscow, 2015, 185–337.

Oparina T. A., *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii*, Novosibirsk, 1998.

Pavić M., *Gavril Stefanović Venclović*, Belgrade, 1972.

Pavić M., *Radjanje nove srpske književnosti*, Belgrade, 1983.

Pavlović A., Ruskoslovenski uzor srpskog rukopisnog Bukvara iz 1717: jeromonah i pesnik Karion Istomin u Sentandrejskoj tradiciji, *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 88, Novi Sad, 2015, 41–48.

Pavlović A., Kijevska "Hristova azbuka" u srpskoj poeziji XVIII veka, *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 89, Novi Sad, 2016, 47–56.

Polonski D. G., Novye dannye o serbskom knizhnikе kontsa XVII – nachala XVIII v. Veljko Popović, *Trinadtsatye Zagrebinskie chteniia: sbornik statei po itogam mezhduнародnoi nauchnoi konferentsii (3–4 oktiabria 2018 g.)*, St. Petersburg, 2019, 136–144.

Ramazanov D. N., Shustova Ju. E., *Kirillicheskie Bukvari iz sobraniia Nauchno-issledovatel'skogo otdela redkikh knig RGB: opisaniie izdaniĭ i ekzempliarov*, Moscow, 2018.

Rakić Z., *Srpska minijatura XVI i XVII veka*, Belgrade, 2012.

Raković M. S., Venclovićev Sentandrejski bukvar iz 1717. godine – filološki aspekt i metodički potencijal, *Uzdania*, 16/2, Kragujevac, 2019, 149–158.

Sazonova L. I., Karion Istomin, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/2, St. Petersburg, 140–152.

Sindik N. R., Grozdanović-Pajić M., Mano-Zisi K., *Opis rukopisa i starih štampanih knjiga biblioteke Srpske pravoslavne eparhije Budimske u Sentandreji*, Belgrade, Novi Sad, 1991.

Shkorić K., O Rači i Račanima, *Ćirilske rukopisne knjige Biblioteke Matice srpske*, 6: *Stihologija Kiprijana Račanina*, Novi Sad, 1996, 11–33.

Shustova Ju. E., Azbuka v pečatnykh kirillicheskih bukvariakh iuzhnoslavianskoi i vostochnoslavianskoi traditsii v XVI – nachale XVIII v., *Ocherki feodal'noi Rossii*, 14, Moscow, 2010, 402–496.

Skerlić J., *Stara srpska književnost u XVIII veku*, Belgrade, 1923.

Stanisavljević V., *Dva veka srpskih udžbenika: Sentandreja, 1717 – Krk, 1918*, Belgrade, 1992.

Stefanović D. E., Venclovićev sentandrejski bukvar iz 1717. godine, T. Jovanović, D. E. Stefanović, eds., *Venclovićev sentandrejski bukvar 1717*, Budapest, Belgrade, 2013, 307–328.

Tolstoy N. I., *Literaturnyi iazyk serbov v XVIII — nachale XIX v., Izbrannye trudy*, 2: *Slavianskaia literaturno-iazykovaia situatsiia*, Moscow, 1998, 239–344.

Trifunović Dj., *Stara srpska književnost : osnovi*, 3th ed., Belgrade, 2009.

Turilov A. A., Тумин'ка А. В., Gavril (Stefanović Vencelović), *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 10, Moscow, 2005, 229–230.

Vasiljev Lj., Novi podaci o poznatim i nepoznatim rukopisima Kiprijana Račanina, *Arheografski prilozi*, 18, 1996, 149–206.

Vasiljev Lj., Novi podaci o rukopisima Kiprijana Račanina, *Ćirilske rukopisne knjige Biblioteke Matice srpske*, 6: *Stihologija Kiprijana Račanina*, Novi Sad, 1996, 35–50.

Vasiljev Lj., Bukvar iz 1717. godine — delo Gavril Stefanića Venclovića, *Arheografski prilozi*, 19, 1997, 217–232.

Voznesenskii A. V., *K istorii slavianskoi pechatnoi Psaltiri. Moskovskaia traditsiia XVI–XVII vekov. Prostaia Psaltir'*, Moscow, St. Petersburg, 2010.

Дмитрий Георгиевич Полонский, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук
119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Россия / Russia
dpolon@gmail.com

Джамилia Нуровна Рамазанова, кандидат исторических наук, доцент, зав. НИО редких книг (Музеем книги) Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
доцент кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археографии ИАИ РГГУ
103012, ул. Никольская, д. 15, к. 34
Россия / Russia
jamiliara@gmail.com

Received March 5, 2021

The Slavic Rendition
of Greek Speech
Reporting Verbs in
Chrysostom's
Homilies in the
Codex Suprasliensis:
A Case Study into
the Transmission of
Diatribal Discourse
Organization*

Simeon Dekker

University of Bern,
Bern, Switzerland

Славянский перевод
греческих глаголов
речи в гомилиях
Златоуста в
«Супрасльском
сборнике»:
исследование
по передаче
диатрибической
организации дискурса

Симеон Деккер

Бернский университет,
Берн, Швейцария

Abstract

Chrysostom's homilies are characterized by a high degree of dialogicality. Multiple voices are not only expressed in lively quotes, but in enacted confrontations with fictitious opponents, such as Biblical characters, Jews or heretics. Chrysostom 'plays' both his own part and the opponents' voices, who are

* This article has been written with the support of the Swiss National Science Foundation (SNF).

Citation: Dekker S. (2021) The Slavic Rendition of Greek Speech Reporting Verbs in Chrysostom's Homilies in the *Codex Suprasliensis*: A Case Study into the Transmission of Diatribal Discourse Organization. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 186–216.

Цитирование: Деккер С. Славянский перевод греческих глаголов речи в гомилиях Златоуста в «Супрасльском сборнике»: исследование по передаче диатрибической организации дискурса // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 186–216.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.9

thus not just quoted, but 'enacted'. In order to demarcate the different voices, linguistic means can be employed; these are often fixed formulae that have occurred in Greek since the Hellenistic period as part of the 'diatribal' style.

This article identifies a number of Greek diatribal formulae that were taken over into an Old Church Slavonic translation in the *Codex Suprasliensis*. The main focus of the article is on the function of *verba dicendi* in the 'assignment' of the different voices in the discourse. The distribution of *verba dicendi* is presented quantitatively, but also analysed qualitatively. The present study allows us to evaluate the extent to which the dialogical features of the diatribe have been preserved in translated Old Church Slavonic texts. This, in turn, serves as a starting point for a further assessment of diatribal influences in other translated and original Slavic texts.

Keywords

Diatribе, *verba dicendi*, translation, Old Church Slavonic, *Codex Suprasliensis*

Резюме

Гомилии Златоуста характеризуются особым богатством диалогических дискурсивных построений. Разные голоса не только выражаются оживленным способом цитирования, но и оформляются в виде споров с воображаемыми оппонентами, такими как, например, библейские персонажи, иудеи и еретики. Златоуст выступает не только в собственной роли, но и в роли оппонентов, которые не просто цитируются, но «исполняются» им. Для разделения разных персонажей употребляются языковые элементы: чаще всего это касается устойчивых выражений, которые в греческом языке употреблялись с эллинистических времен в рамках так называемого «диатрибического» стиля.

В данной статье выявляется несколько главных греческих диатрибических формул, перенесенных в старославянский перевод, который вошел в состав «Супрасльского сборника». Основное внимание сосредоточено на функции глаголов речи при разделении различных персонажей в дискурсе. В работе не только представляется количественное распределение глаголов речи, но и проводится их качественный анализ. Настоящее исследование позволяет нам оценить, в какой мере диалогические элементы диатрибы сохранились в старославянском переводном тексте. Это, в свою очередь, послужит отправной точкой для дальнейшего рассмотрения различных диатрибических влияний в других славянских источниках (как переводных, так и оригинальных).

Ключевые слова

Диатриба, глаголы речи, перевод, старославянский язык, «Супрасльский сборник»

Preliminary remarks

This article is devoted to the reception of Greek dialogical strategies in the orthodox Slavic realm, exemplified by a number of Chrysostom's homilies in the *Codex Suprasliensis* (henceforth: *Supr.*). More specifically, these dialogical strategies can be classified under the umbrella of the 'diatribe', i.e. a dialogical

mode of exposition consisting of a set of rhetorical devices used mainly in polemical and didactical texts from the Hellenistic period onwards. The reception of diatribal strategies translated from Greek in medieval Slavic sources has not, to this day, been sufficiently investigated. The present article serves as a case study into the viability of conducting a textual analysis along the lines of diatribal influence, using methodology in the field of historical pragmatics.

This article consists of two main parts. In the first part, the phenomenon of the diatribe and some of its most salient features (diatribal formulae) are introduced and illustrated (§§1–3). In the second part, I shall investigate one specific feature of the diatribe in some of Chrysostom's homilies contained in *Supr.*, viz. the use of speech reporting verbs (§4). More specifically, I shall investigate the correspondence between the Greek verbs and their Old Church Slavonic (henceforth: OCS) translation. This is a first step initiating a line of research that will provide us with more insights into the reception of diatribal formulae in medieval Slavic literature. In order to gain an insight into the extent to which diatribal strategies of formulation have taken root in medieval Slavic *original* texts, it is imperative to first of all gain a clear vision of the way in which diatribal features are transmitted in *translated* texts. This article serves as a first step on this road. *Supr.* shows us *one* outcome of this transmission in a set of translated texts, viz. the extent to which diatribal features had been integrated into the manuscript tradition of the homilies in question.

The field in which the present study is to be situated is that of historical pragmatics. Благова [1966: 77] already notes that researchers' interest in the *Uspenskij sbornik* has largely been limited to its graphical, orthographical, phonetic and, to some extent, morphological peculiarities. The same could be said about *Supr.*, and not much has changed in the meantime. Just as a historical-pragmatic perspective is rare in Slavic linguistics as a whole, this void applies even more blatantly to sources of the canon of OCS literature.¹ Within historical pragmatics, a philological method is used: the quantitative analysis of diatribal features is supplemented by an equally important qualitative analysis on the basis of close reading.

1. Introduction

The diatribe is a dialogical mode of exposition that emerged in the works of Hellenistic philosophers, most notably Teles, and became increasingly popular in Roman times, most notably through the works of Epictetus. In the New

¹ The only extensive studies that have appeared so far, i.e. Collins [2001], Lazar [2014] and Dekker [2018], largely deal with Old Russian data. A pragmatic investigation of 'low' language use in this medieval vernacular was certainly imperative and has been fruitful, but the general focus on 'language from below' in historical pragmatics should not be taken to imply that the investigation of texts from the 'higher' domains could not meaningfully contribute to the development of this field within Slavic studies.

Testament, it is mainly used by the apostle Paul; besides that, it is strongly attested in works belonging to the Second Sophistic. These are the strands of influence that continue to the Church fathers, who on the one hand heavily leaned on Paul, while at the same time being reared in the aftermath of the Second Sophistic.

The specific context in which diatribal strategies occur tends to be a fictitious polemic within a didactical genre. Therefore, other voices enter the discourse. This is witnessed by an abundance of reported speech, but, importantly, the other voices in the discourse are not just *reported*, but *acted out*. The speaker (preacher) takes upon himself several roles or voices.

A fundamental study of the diatribe in Paul's epistles, laying the groundwork for further investigations, was conducted by Bultmann [1910]. He drew attention to the similarities between Hellenistic philosophers and Paul's epistles in terms of their rhetorical use of dialogical exchanges with a fictitious opponent. The first really in-depth follow-up study of the diatribe was conducted by Stowers [1981] and is concerned specifically with Paul's letter to the Romans. Although he builds on Bultmann's [1910] work, he also added some necessary corrections. For instance, Bultmann did not attach much importance to the strategy of addressing an imaginary interlocutor [Stowers 1981: 115–116]; this is an important feature of the diatribe that Stowers draws attention to and that we shall indeed encounter in many of our examples from Chrysostom's homilies below. For further details about the diatribe in Greek sources generally, the reader is referred to the overview article by Capelle and Marrou [1957]. More recently, especially Paul's epistles have been at the forefront of attention, e.g. in monographs by Song [2004] and King [2018].

Many of Chrysostom's homilies have long been recognized to contain a heavy load of diatribal features. As some of his homilies are the main topic of the second part of this article, a number of diatribal strategies will first be illustrated using examples from the same set of homilies that will be investigated below.

Chrysostom's homilies are widely recognized to have been delivered extemporaneously and recorded tachygraphically [Goodall 1979: 66]. This is to be maintained contra Baur [1929: 222–223], who claims that Chrysostom's works are rather of a written origin. Thus, Baur exaggerated the extent to which Chrysostom employed conscious strategies of creating rhetorical means of persuasion. These features were rather woven into the discourse as the homily unfolded spontaneously. Of course, Chrysostom's classical education ensured that he was well-versed in rhetoric and, therefore, his use of diatribal strategies cannot be considered coincidental, either.²

² As will become clear below, among the investigated homilies is also a Pseudo-Chrysostomic one. However, this homily was regarded in the Middle Ages as a genuine Chrysostomic one, and therefore treated with the same respect and, accordingly, translated using the same principles as in the case of the real Chrysostomic homilies.

Nor is it a coincidence that diatribal features can be found so abundantly in *homilies*; they constitute a genre in which the diatribe could typically flourish. In fact, Bultmann [1910] almost conflated diatribe and preaching (cf. Stowers [1981: 25]), so that diatribe and preaching are very compatible categories, taking into account that both are meant to “generate a calculated change in the audience for the better, at least as the speaker envisioned it” [King 2018: 106]. Nevertheless, homilies (sermons) are not typically associated with dialogicality. Koch and Oesterreicher [1985] regard a sermon as one of the most prototypically “distant”, and therefore monological, text types. As will be shown in the examples in §2, diatribal structuring of sermons can very well result in a variety of voices to be enacted in one and the same sermon.

One of the problems in considering diatribal techniques in Slavic translations from Greek is that not much preparatory work has been conducted on the Greek originals of Chrysostom's homilies and other patristic writings (i.e. in terms of their diatribal features). However, as the present study focuses on Slavic, it can provide no more than a cursory glance at the specific issues in Greek linguistics. A second problem, viz. the absence of a truly critical edition for the Greek source material, cannot be taken as an argument against undertaking a comparative study of the Greek original and the Slavic translation, either. If one version of the Greek material is taken and compared to one version of an OCS translation, this provides a basis to assess the diatribe in both traditions, as well as their relation to each other; we can determine whether the general characteristics of the diatribe have been transferred into Slavic and have been preserved in the Slavic discourse tradition, of which *Supr.* is one manifestation. The focus of the further studies can subsequently be broadened into a wider array of texts and, thus, contribute towards an overview of the extent to which the diatribe flourished in the Orthodox Slavic realm. Thus, I do not exactly investigate the translation technique of one specific translator, but I make a comparison between a Greek and Slavic textual tradition insofar as it has come down to us in a specific manuscript. Possible manuscript variation, especially in Greek, but perhaps also in Slavic, always remains a caveat. Differences between Greek and Slavic may originate in the translator's choice, but they may also be due to manuscript variation in either language. In spite of this caveat, *Supr.* provides a first reference point against which the influence of the diatribe in the Slavic realm can be measured. It exemplifies the diatribe as it had crystallised into this manuscript witness, and as such shows us the specific manifestation of the diatribe with which its Slavic readership was confronted.

Supr. is the largest codex of texts from the Old Church Slavonic ‘canon’ (containing 285 parchment leaves); it is a so-called March *menologion*, containing a

It also exhibits the same principle of diatribal discourse organisation as the genuine Chrysostomic homilies under consideration. The present investigation concerns the diatribe, not Chrysostom as such.

collection of saints' lives and homilies (sermons) to be read in church services during the month of March (cf. Вечерка [1994: 22]). There are various opinions about the date of *Supr.* Some Bulgarian scholars link it to the 'Golden age of Bulgarian literacy' during the reign of Tsar Simeon (893–927) [Займов 1982: 5], but this probably refers to the initial translation (protograph), not to *Supr.* as a manuscript copy (cf. Marguliés [1927: 4]; Krustev, Boyadjiev [2012: 18]). In any case, we should distinguish between the origin of the protograph and the one specific copy of a possibly heterogeneous group of translations that has come down to us. *Supr.* as a manuscript has often been dated around the turn of the 10th and 11th centuries. In more recent articles, e.g. Kotseva [2013: 25, 37] and Мирчева [2019: 13], a slightly earlier timeframe is assumed: the writing and composition of *Supr.* is now related to the middle of the 10th century, up to the 970s. All scholars agree that *Supr.* was written in the Preslav literary centre of Northeastern Bulgaria [Krustev, Boyadjiev 2012: 18]. The manuscript was largely written by one scribe, a certain Retko, who mentions his name in a note in the margin [*Supr.* 207], but about whom no additional information is available [cf. Marguliés 1927: 10]. *Supr.* is certainly a copy of an earlier Cyrillic manuscript [Ibid.: 149], and at any rate the homiletic part was probably recopied at several removes from at least two different sources [Ibid.: 151–152, 205–206, 212ff.]. A further discussion of the Greek textual transmission and the various translation layers in *Supr.* would go beyond the confines of the present investigation, as we are presently concerned with the final result of the transmission of diatribal elements as preserved in one particular textual monument.³

English translations of the examples given below have been prepared by the present author, with due attention to existing translations by Prevost, Riddle [1888], Lysaght [1988], Malingrey [1994] and Papadopoulos [2015]. The translations are based on the Greek version; in cases where the OCS translation differs substantially from the Greek original, the OCS variant is added to the translation in square brackets. References refer to the edition of *Supr.* by Займов, Капалдо [1982–1983].⁴

2. Speaker metalepsis as a feature of the diatribe in Chrysostom's homilies

A helpful tool for analysing dialogical features of the diatribe is the concept of metalepsis, which is here used in the sense of Genette [2004]. His term was originally meant to function in a rhetorical framework but has over time been

³ See Keipert [1980] for a possible approach to the contamination of multiple OCS translations in one section of *Supr.* Similar investigations would be desirable for the whole of *Supr.*

⁴ Compare also the electronic editions made available on-line by David Birnbaum at <http://suprasliensis.obdurodon.org/> and Jouko Lindstedt / Jost Gippert at <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aksl/suprasl/supra.htm>.

'annexed' by narratology [Ibid.: 7]. In Genette's original concept, metalepsis refers to a communicative constellation in which the narrator traverses the boundary of his narrative and starts interacting with his characters. In the context of Chrysostom's homilies, this can mean that the preacher recounts e.g. a Biblical narrative and then suddenly steps into this narrated world by addressing one of the characters.

Genette's theory of metalepsis finally becomes a grotesque caricature of itself, as at the end of the day he views *any* kind of utterance phrased in the first person as metaleptic [Ibid.: 110], thus stretching the definition so far that it ultimately becomes meaningless. The term 'metalepsis' is, therefore, useful for our purposes only in its primordial meaning of "l'auteur s'ingérant dans sa fiction (comme figure de sa capacité créatrice)" [Ibid.: 27].

The term 'speaker metalepsis' is useful for present purposes insofar as it elucidates the various roles one and the same speaker can assume. The author enters into the fictitious world created by his own discourse. This implies that the author displaces himself: although maintaining his own deictic origo (in other words, the 'I' still refers to the speaker, i.e. Chrysostom), he envisages himself in a fictitious encounter with persons from salvation history, Biblical authors, Jews, heretics, etc. This displaced discourse can also be addressed to an abstract (and therefore fictitious) generalisation of the hearers of the sermon into one individualized specimen.

One important class of speaker metalepsis is addressed to characters from the Biblical narrative, also known as persons from salvation history. I provide one example:

- (1) Ὁ δὲ Νάθαν αὖθις· Καὶ Κύριος ἀφεῖλε τὸ ἁμάρτημά σου, οὐ μὴ ἀποθάνῃς. ὦ Νάθαν, τί ἐτόλμησας ἀποφήνασθαι; Μέλλεις γὰρ ὑπὸ Ναυατοῦ ἐγκαλεῖσθαι ... Τῷ Θεῷ ἡμαρτεν ὁ Δαυὶδ, αὐτῷ καὶ ἐξωμολογήσατο· πόθεν οἶδας, εἰ συνεχώρησε; Πρῶτον μάθε, καὶ τότε μετάδος. Ὁ δὲ Νάθαν φησὶν· Ἐμοὶ ἐνεχείρισεν ὁ Θεὸς τελεῖαν τὴν τοῦ Δαυὶδ περιοδείαν.

И НАДАНЪ ТОУ АБИЕ РЕЧЕ· ГОСПОДЪ ОСТАВИ СЪГРѢШЕНИЕ ТВОЕ НЕ ИМАШИ ОУМРѢТИ· ὦ НАДАНЕ УИМЪ ДРЪЗНѢВЪ· ОΥΤΩΣΨΑΤΑΙ ΧΩΨΕΨΙ· НАВАТОМЪ ПОΙΕΜ'ΙΕΜЪ· КЪ БОГОУ СЪГРѢШИ ДАΥΙΔЪ· ТОМОУ СΑ ΙΠΟΒΕΒΔΑ· УИМЪ ВЪСИ ПРОСТИ ЛИ ΙΕГО ИЛИ НЕ ПРОСТИ· ΠΡΕЖДЕ· ВЪΙΚНИ· ТИ ΤΥΓΔΑ ΟΥΓΗ· И НАДАНЪ РЕЧЕ· ΜΗΝΕ ΠΟΡΨΗΙ ΕΞ· ΟΥΓΟΥΡΕΒ ΔΑΥΙΔΟΕΒ ΠΑΤΕ·

But Nathan said immediately: "The Lord has also taken away your sin; you shall not die."⁵ O, Nathan! What have you dared to declare? You are about to be accused by Novatian. David sinned towards God and to Him he confessed; whence do you know that He forgave [him] [OCS adds: or did not forgive]? First learn, and then pass on [OCS: teach/impart]. And Nathan said: God entrusted me with the entire way of David.

[Supr. 360, 26–30; 361, 1–4]

⁵ 2 Sm 12:13.

This is a prime example of a lengthy stretch of displaced discourse addressed to the Biblical character Nathan, as well as Nathan's fictional reply. The main point here is that the utterances of both parties in a fictitious dialogue with a Biblical character are enacted in the homily for rhetorical ends, viz., in this case, to prove that forgiveness of sins should be obtained by confessing to a priest (as follows from the wider context not quoted here). By addressing Nathan, the preacher enters into the world of his (Chrysostom's) own discourse; the primary function of this type of speaker metalepsis is to draw out a reply from the (fictitious) character, so that a dialogue ensues. At the end of our example, after Chrysostom's speaker metalepsis, Nathan's reply is acted out. His reply is marked in Greek by the *verbum dicendi* φησίν, which is rendered in Slavic by ꙗ҃ѣ, which is the most common translation of φησίν.⁶ We shall come back to the role and translation of φησίν in the second part of this article.

The next category of individuals addressed by speaker metalepsis concerns the authors of Biblical books. The preacher addresses, e.g., the evangelist Matthew, in response to a quote from Matthew's gospel [*Supr.* 410, 6–16]. Another category of address that can be classified as speaker metalepsis concerns personifications, i.e. non-living objects, phenomena or vices that are addressed as though they were persons, who are subsequently enacted as answering the preacher's address. Thus, for instance, envy or materialism can be addressed as vices, or death as an evil power. In his homily on the raising of Lazarus (cf. John 11), Chrysostom discusses the question whether Lazarus was raised because Jesus prayed to the Father, or rather because He cried 'Lazarus, come forth!' In this context, he acts out a dialogue with death, which is presented as a power that only cedes its influence when ordered to do so [*Supr.* 310, 16–24].

Most instances of speaker metalepsis in Chrysostom's homilies concern stretches of discourse that are addressed to heretics (or rather, to an abstracted, fictitious heretic). Their deviant theological positions provide Chrysostom with a fitting framework for enacting a polemical encounter with a fictitious heretic, which is used in the homily for didactic purposes, i.e. to instruct the hearers in church. Although they are not strictly speaking heretics, among the most prominent opponents Chrysostom takes issue with are the Jews. Thus, in example (2), he contests the celebration of the Old Testament Passover, again displacing himself, no longer speaking to his congregation, but addressing a fictitious Jew who is singularized, i.e. singled out as an abstract individual, who is taken to represent the whole of his nation:

- (2) Πῶς, εἰπέ μοι, τὸ Πάσχα ἐπιτελεῖς, ὦ Ἰουδαῖε; Ὁ ναὸς κατέσκαπται, ὁ βωμὸς ἀνήρηται, τὰ Ἅγια τῶν ἁγίων πεπάτηται, πάσης θυσίας εἶδος λέλυται· τίνας οὖν

⁶ We can note in passing that in the first phrase of this example, OCS ꙗ҃ѣ is also used to quote Nathan's words, but in this case, it does not have a Greek precedent, at least not in the printed edition. Thus, the OCS version is more explicit than the Greek one.

ἔνεκεν ταῦτα τολμᾷς τὰ παράνομα πράττειν πράγματα; [...] Τί λέγεις; τὴν ὥδην Κυρίου οὐκ ᾄδεις ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας, καὶ τὸ Πάσχα Κυρίου ἐπιτελεῖς ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας; Εἶδες τὴν ἀγνωμοσύνην· εἶδες τὴν παρανομίαν;

КАКО ПОВѢЖДЪ МИ ПАСХЪ ТВОРИШИ· ѿ ЖИДОВИНЕ· ЦРЬКЪЗІ РАСКОПАНА· ТРѢБИШТА РАЗМѢТАНА· СВАТАТА СВАТЪІНІХЪ ЗАПЪРАНА· ВѢСѢКОА ТРѢБИ ЖРЪТВА ПРѢТЪРЪЖЕ СѦ· ЧО ДѢЛАМА Ѧ СІХЪ ДРЪЗДІЕШИ БЕЗАКОНѢНІИХЪ ДѢЛЕСЕХЪ· [...] Ὑπο γλαгоλεши πѣсни ли господѣна не ποιѣши· на земји штоуждеи· ѧ ли пасхъ господѣнѣ твориши на земји штоуждеи· видѣ ли ꙗкоудѣство видѣ ли безаконіе·

Tell me, o Jew, how do you celebrate Passover? The temple has been wrecked, the altar destroyed, the holy of holies trampled, sacrifices of every kind have been abolished; why then do you dare to carry out these lawless acts? [...] What do you say? You do not sing the Lord's song in a strange land, but you celebrate the Lord's Passover in a strange land? Do you see the folly? Do you see the lawlessness?

[*Supr.* 418, 12–17; 419, 1–4]

The quoted passage begins with two questions addressed to a fictitious Jew. Importantly, it should be noted that the Jew is addressed in 2sg forms, which underlines that it is not a real-life, but a fictitious character that is addressed. The Jew's argument is then rephrased as a question, which is a very common rhetorical strategy in diatribal discourse. In this way, the author does not take responsibility for the utterance, which is already questioned. He then goes on to dismiss this point of view by two more questions that are meant to reprimand the Jew; ultimately, however, these questions are addressed to the hearers of the sermon and are meant to ensure a didactic outcome from the preceding enacted dialogue. They are also phrased in 2sg forms, because Chrysostom addresses a prototypical, abstracted hearer (see below). The different addressees of the questions in this example show how context-dependent the interpretation of this lively discourse is, and how easily a switch can be made from a fictitious opponent to an abstracted hearer of the sermon.

This observation leads us to our final category of speaker metalepsis, which is also the subtlest one. It concerns cases where Chrysostom addresses a singularised specimen of the hearers of his sermon. The hearers are usually addressed in 2pl forms, i.e. viewed collectively in their real-life context, as the congregation to which the sermon is delivered:

- (3) Ὀλίγα ἀνάγκη σήμερον πρὸς τὴν ὑμετέραν ἀγάπην εἰπεῖν· ὀλίγα δὲ ἀνάγκη εἰπεῖν, οὐκ ἐπειδὴ τῷ πλήθει τῶν λεγομένων ὑμεῖς βαρύνεσθε· οὐδὲ γὰρ ἔστιν ἑτέραν πόλιν εὐρεῖν οὕτως ἐρωτικῶς πρὸς τὴν ἀκρόασιν τῶν πνευματικῶν λογίων διακειμένην [...]

МАЛА НОУЖДА ДЪНЕСЪ КЪ ВАШЕИ ЛЮБВЕИ СЪВѢШТАТИ· МАЛА ЖЕ НОУЖДА СЪВѢШТАТИ· НЕ ПОНЕЖЕ МНОЖЕСТВО ГЛАГОЛЕМЪІНІХЪ ВЪЗІ ѦТАЖЪАВАІЕТЕ СІ· НЕ БО ІЕСТЪ ІНО^{го} ГРАДА ѦРЪВІТИ· СІЦЕ ЛЮБѢЗНѢ· НА ПОСЛОУШАНИЕ ДОУХОВѢНІИХЪ СЛОВЕСЪ ПРИЛЕЖАШІТЪ·

‘Today I must say a little to *your* love.⁷ I must say a little, not because *you* would be wearied by the multitude of what is said; for there is no other town to be found that is so lovingly disposed towards hearing spiritual words.’

[*Supr.* 405, 7–13]

What our discussion of speaker metalepsis has shown us is that there are two levels on which the communication in the homily proceeds. Clark [1996: 354, 390] calls this “layers of action”, each of which occurs in its own “domain of action” [Ibid.: 355]. Thus, layer 1 represents the actual situation in which the sermon is delivered: Chrysostom is preaching to an actual audience in an actual church. Layer 2 concerns the imagined situation in which Chrysostom enacts a fictitious discussion with a fictitious participant in a fictitious domain of action. Thus, on layer 1, Chrysostom is speaking to his congregation; on layer 2, he is addressing e.g. Nathan, Matthew, death, a fictitious Jew, or an abstracted hearer in church. In the latter case, he enacts a dialogue that might have occurred with any one individual from among his audience. However, it does not actually occur, but it is construed by Chrysostom. Therefore, it is to be situated on Clark’s layer 2. I shall clarify the distinction between the layers by the two following examples.

- (4) Ἀκούσατε δὲ αὐτοῦ καὶ τὴν ἄλλην πραγματείαν. Ἵστε γὰρ πάντες σαφῶς, ὅτι συκοφαντία τῆς Αἰγυπτίας τὴν φυλακὴν οἰκήσας [...]

НЗ ꙗко ꙗкошѣте ꙗко дѣлаєт ѡчѣвѣ. вѣсте бо всѣи дѣтѣ ꙗко ѡбачденіиꙋмъ господѣ си вѣ тѣмницѣхъ вѣрѣженъ бѣхъ.

‘Hear, too, his other activity. For you all know clearly that by the slander of the Egyptian woman, having lived in prison, [...]’

[OCS: ‘Hear, too, his other deeds. For you all know clearly that by the slander of his mistress he was thrown into prison.’]

[*Supr.* 367, 6–9]

The imperative ἀκούσατε / ποσλογισάτε is plural, indicating that Chrysostom addresses all his hearers in church (i.e. on layer 1). This is reinforced by the following phrase (‘for you all know’), which can only refer to the hearers of the sermon. The whole passage is to be located on layer 1. The issue is somewhat different in the following exchange:

- (5) Ἴν’ οὖν μάθῃς ὅτι οὐ μαθητὴς ἀπλὸς αὐτὸν προῦδωκεν, ἀλλὰ τῆς δοκιμωτάτης τάξεως εἷς, διὰ τοῦτό φησιν· Εἷς τῶν δώδεκα. Καὶ οὐκ αἰσχύνεται ὁ ταῦτα γράψας Ματθαῖος. Τίνος ἕνεκεν οὐκ αἰσχύνεται; Ἵνα μάθῃς, ὅτι πανταχοῦ μετὰ ἀληθείας πάντα φθέγγονται, καὶ οὐδὲν ἀποκρύπτονται.

НЗ да навѣкинешѣ ꙗко не прѣтѣши ꙗко ѡчѣвѣниꙋмъ прѣдѣ. НЗ ѡтѣ ѡчѣвѣнаго рѣдоꙋ ꙗдинъ. сего дѣлаꙋа рече ꙗдинъ ѡтѣ двоѣ на дѣсѣте ꙗко не стѣидитъ сѣ матѣи сѣ пиша.

⁷ ‘Your love’ is to be understood metonymically, i.e. as ‘beloved ones’.

ΥΟΟ Δ'ΕΛΑΜΑ ΝΕ Τ'ΖΙΔΗΤ'Σ ΣΑ· ΔΑ ΝΑΒΖΙΚΝΕШИ ΙΑΚΟ Β'ΣΕΒЖДЕ ЙСТИНЖ В'СЕ ГЛАГОΛЖ'Т'Σ· Δ' ΝΗΥСОЖЕ НЕ ПОТАА'Т'Σ·

'But in order that you (sg) should learn that not just a simple disciple betrayed him, but one from the most excellent [OCS: chosen] rank, for this reason he says: "One of the twelve." Neither was Matthew ashamed to write this. Why was he not ashamed? So that you (sg) should learn that everywhere all [i.e. all evangelists] speak the truth and hide nothing.'

[*Supr.* 409, 12–19]

In this example, an individual is addressed by means of 2sg forms (μάθης / НАВΖИКНЕСИ). This fictitious individual is to be distinguished from the actual hearers of the sermon, not only because of the singular forms, but also because he is enacted as asking a question ('why was he not ashamed?'). This does not really happen on layer 1: in other words, a hearer of the sermon does not actually stand up and ask Chrysostom a question. It is only enacted on layer 2, in the same way as when the objection of a fictitious opponent is rendered. Thus, we can have a singularisation not only of heretics, but also of the hearers (cf. §3 on vocatives). In this way, the distinction between a fictitious opponent and an abstracted hearer can sometimes become blurred, because both function on the fictitious layer 2.

3. Rhetorical means of the diatribe as expressed by linguistic features

Having illustrated some typical examples of speaker metalepsis in a diatribal context, we can now proceed to some of the main expressions by means of which a diatribal dialogue is formulated. Five main linguistic elements of diatribe (or diatribal formulae) can be distinguished (some of which we have already encountered in the examples above), each of them with its own specific function:

Table 1. **Diatribal formulae**

<i>Greek</i>	<i>Slavic</i>	<i>Function</i>
ἀλλά 'but...'	НЪ	(as part of a 'contradictio', the objection of the imaginary opponent)
τί οὖν 'what then?'	ЧТО ОУБО	(to introduce a false conclusion)
μὴ γένοιτο 'far be it from me'	НЕ БѢДИ	(to rebut a false conclusion)
ὁρᾷς 'don't you see?'	ВИДѢ ЛИ	(addressed to the imaginary opponent)
parenthetical φησί 'says (he)'	рече	(as part of a 'contradictio')

Of these elements, the last one is of predominant interest for the present investigation. It will be dealt with in more detail in the second half of this

article. The other four elements certainly also occur in our sample of homilies; some representative examples will be presented below.

A prominent feature of the diatribe is the use of the question ὁρᾷς / видиши ли / видиши ли ‘do you see’, used reprovably in the sense of ‘don’t you see?’. Alternatively, the verb ὁράω can occur as an imperative (ὁρα), on its own or in combination with other imperatives. Bultmann [1910: 86] already notes that only those imperatives belong to the diatribal repertoire that have a rhetorical colour to them (“wenn sie irgendwie rhetorisch gefärbt sind”). His somewhat imprecise formulation can be specified as follows: only those imperatives are relevant which are directed at a fictitious opponent in a metaleptic mode of address. So, whether we see the imperative ὁρα or the question ὁρᾷς (or εἶδες), in the diatribe both are addressed either to a fictitious opponent or to an abstracted, singularised hearer.

- (6) Ὁρᾷς πῶς τὸ κακῶς παθεῖν ἔχει μισθὸν καὶ ἑπαθλον τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν; Ἀκουσον πῶς τὸ κακῶς ποιῆσαι κόλασιν φέρει καὶ τιμωρίαν. Εἰπὼν γὰρ ὁ Παῦλος περὶ τῶν Ἰουδαίων, ὅτι Τὸν Κύριον ἀπέκτειναν, καὶ τοὺς προφῆτας ἐδίωξαν, ἐπήγαγεν· Ὡν τὸ τέλος ἔσται κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν. Εἶδες πῶς οἱ μὲν διωκόμενοι τὴν βασιλείαν λαμβάνουσιν, οἱ δὲ διώκοντες τὴν ὀργὴν κληρονομοῦσι;

ВИДИШИ ЛИ ІАКО ІЄЖЕ ЗЪЛО СТРАДАТИ· НІМАТЪ МЪЗДАЖ І ДАРЪ ЦЪСАРЬСТВЕНІА НЕВЕСЬНААГО· СЛЪШИ ІАКО ІЄЖЕ ЗЪЛО СЪТВОРИТИ МЪКЪЖ ПРИНОСИТЪ І СТРАСТІ· РЕКЪ ВО ПАУЛЪ ὁ ЖИДОВѢХЪ ІАКО ГОСПОДА ὀΥΜΟΡΙША· І ПРОРОКЪ ДІТЪГНАША· ПРИЛОЖИ НХЪ КОНЦІ· ВЪДѢТЪ ПО ДѢЛЕСЕМЪ НХЪ· ВИДЪ ЛИ КОЛИКО НХЪ ГОНИМИ ЦРЬСТВЕНІЕ ВЪЗЕМЪЖЪ· А ГОНАШІИ ГНѢВЪ ПРИЕМЪЖЪ·

Do you see how suffering evil has a reward and a prize — the kingdom of heaven? *Hear* how doing evil carries punishment and vengeance. Paul, having said of the Jews that they “killed the Lord and persecuted [OCS: drove out] the prophets,”⁸ adduced [OCS: added] “whose end shall be according to their works.”⁹ *Do you see* that the persecuted receive the kingdom [OCS: Do you see how many of them¹⁰ receive the kingdom, being persecuted], but the persecutors inherit wrath?

[Supr. 406, 14–22]

We see a question here (‘do you see’), reinforced by an imperative (‘hear’); then evidence is provided by means of a Biblical quote; again we see a question (‘do you see’). Two different verbs are used in Greek: ὁρᾷς corresponds to the present tense видиши ли, whereas εἶδες was translated by the aorist види ли.¹¹

⁸ 1 Thes 2:15.

⁹ 2 Cor 11:15.

¹⁰ This rendition is due to the translator’s confusion of πῶς οἱ ‘how the’ with πόσοι ‘how many’.

¹¹ We encounter the same distribution a bit later on in the same homily no. 36 [Supr. 419, 3–9]. However, in homily no. 39, we find a different distribution, where εἶδες translates

These questions are enacted to show that the heretics are to be brought to their senses, while at the same time they are meant to strengthen the hearers of the sermon in the rightness of their convictions. In the same homily (36), this feature (видиши ли) occurs frequently, in one passage even three times within three lines [Supr. 410, 8–10].

A second important rhetorical strategy that belongs to the spectrum of diatribal features is the use of vocatives. Especially the vocative *ἄνθρωπε* can be called a typical diatribal formula, which has been recognised in Paul and Epictetus since Bultmann (cf. Stowers [1981: 81]); it is used to characterise an abstracted, fictitious opponent before engaging in a debate with him. In this way, the vocative functions as an important clue to signal the presence of a diatribal dialogue. If this vocative is misunderstood, then probably the whole section is misconstrued.¹² In some instances, the use of the vocative *ἄνθρωπε* occurs in the rather mild context of protreptic (cf. King [2018]), where the fictitious addressee is gently instructed in order to be persuaded:

- (7) Χρησώμεθα δὲ καὶ μετρίῳ ὑποδείγματι πρὸς σαφήνειαν τῶν λεγομένων· Ὑπόθου μοι, ὦ ἄνθρωπε, ὁ τῆς μετανοίας ἀντίπαλος, τίνα ἄνθρωπον σφαλέντα καὶ καταδίκην ὑπὸ ἄρχοντος βληθέντα καὶ μέλλοντα αὐτὸν ἢ ἐν ἐξορίᾳ, ἢ ἐν ἄλλῃ τινὶ τιμωρίᾳ παραπέμπεσθαι· μὴ ... δι' ἑαυτοῦ πρόσεισι, καὶ τὸν ἄρχοντα παρακαλεῖ τῆς συμφορᾶς ἀπαλλαγῆναι;

Възъмъ же ѿ маломъ съказаниѣмъ· на іавѣіеніи глаголемъиимъ· съкажи ми ѡ чловѣчѣ· іеже сѧ твориши покаданію спротивѣникъ· Съкажи ми кого чловѣка съгрѣшивъша· ѿ въ тѣмницѣ въеръженоу· въивъшоу старѣишинуиѣ· ѿ хоташаа іего ѿли камо іспосѣтити· ѿли въ кѣиъ мѣкѣ прѣдати· дѣвши ли приходитъ самъ къ старѣишинуиѣ ти молитъ сѧ· да въи напастъ ѿзъвиъ·

Let us use a small example to clarify what is said. Suggest to me [OCS: Tell me], *o man*, [you who are] opposed to repentance—mention [to me] some man who has committed some offence, and has been thrown into prison and who is about to be sent into exile or to be subjected to some other punishment; does he approach by himself, and call upon the authorities to be released from the disaster?

[Supr. 361, 9–18]

In other cases, the element of censure is more prominent, in which case the translator could decide to use a singulative suffix. Цейтлин et al. [1999: 782] characterise the lemma ‘чловѣчинъ’ as “уничижительное”, which supposes

as видиши ли [Supr. 441, 9]. This kind of variation would provide interesting material for another case study into the translation of diatribal formulae.

¹² Cf. Supr. 358, 25, for which Lysaght [1988] provides a defective translation, not recognising *ἄνθρωπε* / чловѣчине as part of a diatribal structure: “But a man who deludes himself with haughty and false words and grieves God with his folly and his conceit: do you really go to such a man (to confess your sins) or do you receive remission of your sins from such a man?”

a pejorative connotation. This would be in accord with Stowers's [1981: 79, 87] notion of "indictment", where the fictitious opponent is repudiated rather more brusquely and roughly:

- (8) Διὸ περιττολογεῖς, ἄνθρωπε, οὐ δικαιολογεῖς, ὁ λέγων ὅτι ὁ Ἰωσήφ ἀπὸ ἀνάγκης ὑπῆρχεν εὐλαβῆς καὶ ἀνεξίκακος.

ДА БЕЗ ОУМА ДУБО ОБИЛИНІЕМЪ БЕСѢДОУІШИ Ѡ ЧЛОВѢЧИНЕ· А НЕ ПРАВѢДОУЖ· ГЛАГОΛΑΪ
ΙΑΚΟ ΙΩΝΕΦЪ НΟΥΔΥΜΑ БѢ ДОБРЪ Н БѢ ЗЪЛОБИ·

For this reason you speak superfluously, *man*, you do not speak rightly, saying that Joseph was cautious and patient [OCS: good and guileless] out of necessity.

[*Supr.* 365, 12–15]

The use of a singulative suffix to attain a pejorative connotation is not explicitly discussed in any OCS grammar. Accordingly, it is probable that the pejorative connotation is not due to the singulative suffix as such. Instead, there is a better way in which the singulative can be connected to the diatribe, viz. to the strategy of categorising a fictitious opponent by singling him out from the whole of the group to which he belongs. This is a prime function of the singulative. Nevertheless, the use of the singulative suffix –инъ attached to the lemma ЧЛОВѢКЪ is a rarity in OCS: it occurs only twice in *Supr.*, and nowhere else (cf. Hauptová et al. [1997: 881]: "occurrit in *Supr.*"). The vocative singular ЧЛОВѢЧЕ is the far more normal form (which occurs 9 times in *Supr.*, cf. Meyer [1935: 286], as Vaillant [1948: 163] also observes: "de ЧЛОВѢЦИ "hommes", le Suprasliensis tire un singulier voc. ЧЛОВѢЧИНЕ 358²⁵, 365¹³, pour l'usuel ЧЛОВѢЧЕ." Thus, ЧЛОВѢЧИНЕ is to be treated as an exceptional form.¹³ Bräuer [1969: 126–130] discusses singulative forms extensively but does not mention ЧЛОВѢЧИНЪ. The lemma ЧЛОВѢКЪ does not necessitate the use of a singulative suffix from a purely morphological point of view, as an ordinary singular form ЧЛОВѢКЪ is already available. This situation suggests that an explanation is to be sought in terms of its pragmatic relevance, rather than its grammatical expediency.

A similarly pejorative nuance can be remarked in the vocative ЖИДОВИНЕ 'Jew'. We have already encountered one instance in our example (2) above; an even more vividly diatribal context emerges in the following example:

- (9) Ὅρᾱς, ᾧ ἀνόητε Ἰουδαῖε, πῶς ἐκ προοιμίων τοῦ λόγου αἰσχύνῃν ὑμῖν προκαταγγέλλει ὁ προφήτης διὰ τὴν ἀπειθείαν ὑμῶν;

Видиши ли невѣрѣнзиин Ѡ ЖИДОВИНЕ· КАКО НС ПРѢВА СЛОВЕСЕ· СЪЗІДѢНИІЕ ВАМЪ ПРѢЖДЕ
ПОВѢДОУІЕ ПРОРОКЪ· ѠСЛОУШАНИІА ДѢЛА ВАШЕГО·

¹³ Cf. Diels [1963: 166], who calls it a 'very rare' form: "zu ЧЛОВѢЦИ 'Menschen' (von ЧЛОВѢКЪ 'Mensch') wird ein neuer vsг. gebildet, doch sehr selten: ЧЛОВѢЧИНЕ *Supr.* 358, 25f. 365, 13."

‘Do you see, o foolish [OCS: unbelieving] Jew, how from the opening of [his] word the prophet announces beforehand shame for you because of your disobedience?’

[*Supr.* 325, 25–28]¹⁴

The pejorative element is unmistakably evident here. However, the difference with $\Upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\epsilon\upsilon\iota\eta\iota\epsilon$ is that the lemma жидовинъ does not have a primary singular form. Thus, in this case, the pejorative colour certainly does not reside in the singulative suffix as such, but rather in the general polemical context of the diatribe in which the vocative occurs. On the other hand, we cannot assume that the use of the singulative suffix in $\Upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\epsilon\upsilon\iota\eta\iota\epsilon$ is haphazard; its presence must be explained. The most fruitful approach may be to analyse the singulative suffix in $\Upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\epsilon\upsilon\iota\eta\iota\epsilon$ through the lens of the characterizing function of vocatives in diatribal discourse (i.e. to single out an abstract specimen of a heretical opponent). This is in line with Stowers's notion of indictment. Thus, the idea of one (abstract) specimen of the heretics is enhanced by the use of a morphologically redundant singulative form. The result is a very emphatic singularisation: from among the whole of mankind, one specimen is singled out.¹⁵ The author then engages in a polemical exchange with this fictitious individual. The same way of reasoning can be applied to the hearers in church. They are sometimes addressed collectively (e.g. as ‘beloved’), but they can also be generalized into one abstract specimen, as was indicated already above.

4. *Verba dicendi*: $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ against the background of its alternatives

The next part of this study is devoted to the question to what extent the switch into displaced discourse is marked explicitly by means of speech reporting verbs (*verba dicendi*). More specifically, we shall investigate the distribution of some Greek speech reporting verbs and their OCS correspondences. The Greek verb lemmata chosen for this investigation are $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$, $\acute{\epsilon}\rho\tilde{\omega}$, $\acute{\epsilon}\tilde{\iota}\pi\omicron\nu$ and $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$.¹⁶ Some marginal Greek *verba dicendi* have not been taken into consideration; the amount of material would have to be much larger to bring these into the discussion as well.¹⁷ The main focus of interest is on the parenthetical, diatribal use of $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ as a quotative marker. The question is: how is it rendered in Slavic? To answer this question, we need to consider some other background

¹⁴ This example has been taken from Homily 28 ‘On Palm Sunday’, which falls outside the scope of the rest of this article.

¹⁵ Ефимова [2006: 91–92], mentioning the two instances in *Supr.*, considers the suffix “избыточным”, which is true from a purely morphological point of view, but, as I have shown, the suffix is not superfluous when viewed from a pragmatic perspective.

¹⁶ The first three of these are sometimes joined into one lemma, viz. $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$. I have chosen here to keep them apart for the sake of clarity.

¹⁷ This concerns, e.g., the verb forms of $\varphi\theta\acute{\epsilon}\gamma\gamma\omicron\mu\alpha\iota$ ‘to utter’, which occurs only 5 times in our sample of five homilies, and is translated there with a form of глаголати . I do not intend to draw any conclusions from the use of such weakly attested verbs.

parameters, e.g. how $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ is rendered generally, and how this relates to the rendition of $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$.

The five homilies that have been selected for this investigation belong to Chrysostom's most pronouncedly diatribal homilies in *Supr.* The numbering of the homilies refers to the sequence in which they occur in *Supr.*:

- a. Homily 26: On Lazarus dead for four days
- b. Homily 30: On the parable about the fig tree (by Pseudo-Chrysostom)
- c. Homily 31: On fasting, on David, on priests, on Joseph and against

Novatian

- d. Homily 36: On the treachery of Judas
- e. Homily 39: On Mt 27:62–64

The five homilies show a total number of 262 *verba dicendi* pertaining to the abovementioned four lemmata. I have divided them into five types, according to the 'provenance' of the reported speech that is introduced by these verbs.¹⁸ The number of tokens for each category is indicated as well.

1. Bibl. = Biblical quote (24 verbs). These do not necessarily concern us in the present investigation, as they occur *within* quotes from sacred texts, so that the author does not necessarily choose a certain verb here, but rather leans on an already existing text.¹⁹

2. Quote (136 verbs). This means that a *verbum dicendi* is used to introduce a (Biblical) quote. It can also be that the author does not quote an actually existing text but produces a fictitious quote that he attributes to one of the Biblical characters. Both types of quotation are subsumed under the same category.

3. Opp. = Opponent(s) (35 verbs). This is the most interesting category for present purposes, as it concerns *verba dicendi* that are used to introduce the (heretical) opponents' point of view, which, as we have seen above, is a cardinal feature of the fictitious dialogue that is so typical of diatribal texts.

4. Self-ref. = Self-reference (15 verbs). Here the author (preacher) refers to his own utterances in the sermon. This type is not particularly relevant for our purposes.

¹⁸ Какридис [2019: 143] distinguishes two categories of $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$, viz. quotative and diatribal. Quotative has to be understood in a narrow sense here, as in principle any stretch of reported speech can be introduced by a quotative marker. The definition leans on the question as to what the origin of the report is: is it a (Biblical) quote or is it a fictitious opponent's utterance? These two categories correspond to my categories of 'Quote' and 'Opponent'. The other categories I have distinguished ('Biblical', 'Self-reference' and 'Other') serve to exclude irrelevant data from the present analysis.

¹⁹ This does not mean that the author always reproduces Biblical quotes verbatim, though (cf. Заимов [1982: 8], who states that Biblical quotes are often rendered from memory and are, therefore, not necessarily an adequate reproduction of the original texts). Moszyński [1980: 50] proposes that the translator(s) used an OCS version of the Scriptures that has not survived until our time. In any case, the degree of 'verbatimness' of Biblical quotes, both in the Greek originals and in the OCS translation of *Supr.* is a subject that is too vast to be treated in this article.

5. Other (46 verbs). This concerns all other instances of *verba dicendi* that cannot be incorporated into any of the aforementioned categories.

Before we proceed to a quantitative analysis of the data, one more terminological distinction needs to be made at this point; it concerns the difference between parenthetical and non-parenthetical verbs. A definition of parenthesis can be given in two ways. One is of a syntactic nature, i.e. the parenthetical element (such as a *verbum dicendi*) is deemed to lie outside of the syntactic unit of the sentence. Non-parenthetical *verba dicendi*, on the other hand, are embedded into the grammatical structure of the sentence; this usually means that the quote is a “clausal constituent” that functions as a direct object (cf. Verhagen [2005, 78ff.]). In ordinary quotes, this syntactic criterion is the only one that can be used. However, when the other voice is not just quoted, but *enacted*, as is so typical for the diatribe, we can also use another criterion, which is not of a grammatical, but of a pragmatic nature. This distinction can best be explained—once again—with reference to Clark's layers of action, as discussed in §2 above. A *verbum dicendi* belongs to layer 1, whereas the enacted quote belongs to layer 2. A parenthetical *verbum dicendi* is inserted in the middle of an enacted quote, so that layer 2 is ‘interrupted’ by an element of layer 1. The author uses the parenthetical verb to indicate (a) that he is performing another voice than his own and (b) that he distances himself from the contents of the enacted quote. Thus, the parenthetical verb functions as a “pragmatic marker”, which does not affect the propositional meaning of the sentence but serves to organize and structure the discourse and indicate the speaker's attitude [Fraser 1996: 168]. I shall illustrate this distinction by discussing the following examples (10–13) below.

We start from the hypothesis that the most typical Slavic correspondence of diatribal $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ is the 3sg.aor form $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$. This hypothesis comes true in *Supr.* (see Table 3), and its validity has been demonstrated for other medieval sources, too (cf. Какридис [2019, 2020], Dekker [forthc.]). Accordingly, there is no urgent need to take variant readings in other manuscripts into account, as it concerns an already well-established hypothesis. However, deviations from this general rule are more interesting from a pragmatic point of view; they need an explanation. The deviations that will be discussed in examples below will, therefore, be checked against two other Slavic manuscripts containing the same homilies, so that we can establish with a higher degree of certainty that the translations that deviate from the norm $\varphi\eta\sigma\acute{\iota} \rightarrow \rho\epsilon\upsilon\epsilon$ are really a result of the translator's choice, and not due to incidental changes over the course of Slavic manuscript transmission.

As shown in the list of categories given above, the category of Quotes (136 verbs) vastly outnumbers the other categories. Chrysostom's extensive use of quotes (largely of Biblical provenance) shows many other voices entering the

discourse, though these are not enacted (as in diatribal dialogue), but merely quoted. Although the *verba dicendi* used in this category show a great deal of variation, Greek *φησί* is the most common one (37 out of 136), usually translated as *ρεγε* (33 out of 37). This shows clearly that the use of *φησί* as such is not restricted to diatribal discourse. Greek *φησί* as well as OCS *реге* can be used either parenthetically or non-parenthetically. I provide an example of both.

- (10) Λέγει αὐτῷ· Κύριε, εἰ ἦς ὧδε, οὐκ ἂν ἀπέθανέ μου ὁ ἀδελφός. Καὶ νῦν, φησὶν, οἶδα ὅτι ὅσα ἂν αἰτήσῃ τὸν Θεόν, δώσει σοι.

ГЛАГОЛА́ШЕ І́МОУ· Г҃И Ḃ БЗІ БЗІЛЪ СЪДЕ НЕ БЗІ ОУМРЪЛЪ МИ БРАТЪ· ꙗ́ко ѿ҃на рече вѣдѣ
і́ако і́еже просиши оу́гдѣца даѣтъ ти·

‘[She] (i.e. Martha) says [OCS: said] to Him: “Lord, if You had been here, my brother would not have died. And now,” she says [OCS: said], “I know that whatever You will ask God [OCS: the Father], He will give to You.”²⁰

[Supr. 306, 23–26]

The quote is initiated by what I propose to call a *primary* (i.e. non-parenthetical) speech reporting verb (λέγει / глаголаше); *φησὶν* / *реге* then serves to reinforce the continuance of the quote, and hence is a *secondary* speech reporting verb, used parenthetically. The verb is not part of the syntactic structure and is inserted in the middle of the quote. Hence, the parenthetical 3sg verb form is on its way to becoming a quotative particle, which is further demonstrated by its numerical non-congruence with plural referents, as evidenced by other examples, such as (14), (17) and (18) below. In the following example, the same verb (*φησὶν* / *реге*) is used, but now in a non-parenthetical position:

- (11) Ἴδοὺ καθίστημί σε σήμερον ... μὴ ἐν ὥρισμένῃ ἡμέρᾳ λάμβανε, ἀλλὰ τὸ εἰς αἰεὶ καὶ πάντοτε, καθὼς φησιν ὁ μακάριος Παῦλος· Σήμερον ἐὰν τῆς φωνῆς αὐτοῦ ἀκούσητε, μὴ σκληρύνητε τὰς καρδίας ὑμῶν, ὥς ἐν τῷ παραπικρασμῷ, [...]

Се поста́вляю́ те́ днѣсь· не въ оу́рече́нзѣ днѣ рѣзоумѣа́· нъ вѣ́нѣ ꙗ́коже рече́ свѣтѣ́ннѣ па́улъ· днѣсь ѡ́ште глаго́лю оу́слѣшѣте· не ѡ́жестѣте́ срѣ́дѣцѣ́ ва́шихъ· і́ако въ прогнѣ́вани·

“See, I have set you today.”²¹ Do not understand [this] as a particular day, but as ever and always, as also the blessed Paul says [OCS: said]: “Today, if you hear His voice, do not harden you hearts, as in the provocation.”²²

[Supr. 357, 20–24]

²⁰ Jn 11:21–22.

²¹ Jer 1:10.

²² Heb 3:8.

The verb has an explicit subject and is syntactically embedded in a full sentence. It functions, therefore, as a fully fledged verb, just like so many others. There are indeed other *verba dicendi*, such as εἶπεν, that can only be used as primary speech act verbs, i.e. never parenthetically.

- (12) Ἄξιον δὲ κάκεῖνο ζητῆσαι, ποῦ εἶπεν, ὅτι· Μετὰ τρεῖς ἡμέρας ἐγείρομαι.

ДОСТ҃ННЗНО ЖЕ Ї ОНОГО ВЪЗІСКАТИ· КДЕ ГЛАГОЛА ПО ТРЕХЪ ДН҃ЕХЪ ВЪСТАТИ·

'It is due then to inquire into that [point], where [He] said: "After three days I [will] rise again."²³

[Supr. 440, 18–20]

The parenthetical use of a speech reporting verb is, thus, limited to φησὶν / ρεε; it is justified to consider this a Greek convention that was imported into Slavic.

As I indicated already, in the context of its diatribal use, the parenthetical nature of φησὶν / ρεε can be analysed on a pragmatic level, too. I shall illustrate this with the following example:

- (13) Κάκεῖνος μὲν οὐδ' ἀποθανεῖν ὑπὲρ σοῦ παρητήσατο· σὺ δὲ οὐδὲ ὀργὴν ἀφεῖναι τῷ συνδούλῳ σου [...] οὐκ ἀνέχῃ; Ἐπηρέασέ με γὰρ, φησί, καὶ τὰ μέγιστα μὲ ἐπλεονέκτησε. Καὶ τί τοῦτο; Εἰς χρήματα πάντως ἡ ζημία·

ОУМР҃ѢТИ ЗА ТА НЕ ОУТВЕРЖЕ СѦ· А ТЪИ НИ ГН҃ѢВА ОСТАВИТИ КЛЕВР҃ѢТОУ СВОЕОМУ· ХОШТЕШИ ПАКОСТЬ БО МИ РЕЕЕ СѢТВОРИ ВЕЛИК҃· Ї З҃ЛО МА ПР҃ВІЗНОУРИ· ДА ЧТО ТОУ· АШТЕ Ї З҃ЛО ІМАНІИ ЖЛАД҃БА·

A: 'He did not refuse even to die for you. But you do not want to remit anger to your fellow-slave?'

B: 'He has done me great harm, *he says* [OCS: *he said*], and defrauded me greatly.'

A: 'So what? The loss is only material.'

[Supr. 422, 9–14]

The preacher (A) is enacting a dialogue with a fictitious opponent or an abstracted hearer (B). The whole dialogical exchange is to be situated at layer 2, with the exception of the parenthetical verb φησί / ρεε. The latter indicates that segment B is not part of the preacher's own voice. It is a clarification that is made to the actual hearers of the sermon (layer 1), in order to make the enactment of the dialogue (layer 2) felicitous. The preacher uses it to separate the voices from each other and to distance himself from the contents of segment B. At the same time, the main disambiguating burden rests on the enactment of the different voices in their logical sequence. In other words, the segments A—B—A follow each other in a logical sequence, so that the question

²³ Mt 27:63.

as to who is the speaker of which segment is solved by the principle of consecutive turn-taking. Simultaneously, $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ / $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ serves as a supporting element, used to underscore the ‘otherness’ of segment B.

Having clarified some necessary terminological issues, we can now proceed to a quantitative overview of the *verba dicendi* in Greek and OCS in our five homilies. Koch [1989: 99] already indicates that the correlation between Greek verbs in the *Vorlage* and Slavic verbs in *Supr.* is weaker and less predictable than in the OCS gospel texts²⁴. Nevertheless, there are some general rules to which the majority of tokens adhere. I shall first provide a general overview of the lemmata in Table 2:

Table 2. Correspondence of Greek and OCS verba dicendi (lemmata)

	решти	глаголати	Other	Total
$\varphi\eta\mu\acute{\iota}$	46	1	2	49
$\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$	17	98	14	129
$\epsilon\acute{\iota}\pi\omicron\nu$	46	5	17	68
$\epsilon\rho\tilde{\omega}$	10	1	5	16

This distribution is largely in accordance with the traditional division of labour of aspectual functions between $\rho\epsilon\sigma\tau\iota$ and $\gamma\lambda\alpha\gamma\omicron\lambda\alpha\tau\iota$. We do need to be careful with this type of verbs, though, as Kamphuis [2020: 194] remarks that “*verba dicendi* have some specialised aspectual functions.” What is more, the aspectual system was not yet so fully fledged in OCS as it is in the modern Slavic languages; this realisation precludes strong statements. Traditionally, $\rho\epsilon\sigma\tau\iota$ and $\gamma\lambda\alpha\gamma\omicron\lambda\alpha\tau\iota$ have been considered a suppletive aspectual pair (respectively perfective and imperfective) [cf. Vaillant 1948; Eckhoff, Janda 2014: 243]. Alternatively, $\rho\epsilon\sigma\tau\iota$ can be considered a perfective tantum verb [cf. Koch 1988: 274]. More recently, Kamphuis [2020: 159] has classified both verbs as anaspectual (i.e. neither perfective nor imperfective), although he concedes that their “division of labour [...] is equal to that of an aspect pair” [Ibid.: 161].

As we move on to some of the most frequent individual verb forms (Table 3), we shall restrict ourselves to 3sg forms.

²⁴ It should be borne in mind that his main object of study concerns narrative gospel texts [Koch 1988, 1989]. The same is true for Caro’s [1995] study on *verba dicendi*; he does not take the main diatribal verb form $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ into account, simply because it rarely occurs in the text of the canonical gospels.

Table 3: Correspondence of individual 3sg verb forms

	ρερε (aorist)	ΓΛΑΓΟΛΑ (aorist)	ΓΛΑΓΟΛΑΔΙΗ (imperfect)	ΓΛΑΓΟΛΕΤЪ (present)	Other	Total
φησί(ν) (present)	41	0	0	0	5	46
λέγει (present)	6	0	1	5	0	12
ἔλεγε(ν) (imperfect)	2	2	17	0	1	22
εἶπεν (aorist)	26	4	0	0	4	34
Other	5	0	0	3	0	8
Total	80	6	18	8	10	122

Quantitatively speaking, the most typical correspondences are εἶπεν = ρερε, ἔλεγε(ν) = ΓΛΑΓΟΛΑΔΙΗ and λέγει = ΓΛΑΓΟΛΕΤЪ. In these cases, unsurprisingly, the Greek tenses are ‘mechanically’ reproduced in OCS. The most notable exception is the present tense form φησί(ν), rendered almost exclusively by the aorist form ρερε. This demands an explanation, be it in grammatical terms (tense-aspect), or in pragmatic terms.

We have to conclude that quotative ρερε is used not because of its aspectual characteristics that would link it with φησί, but because of the function it had developed (or was in the process of developing) as a quotative particle. The aspectual discrepancy can thus be dismissed because particles do not have aspectual features. But the question remains: why did exactly *this* verb develop into a particle? And why its aorist form? Theoretically, ΓΛΑΓΟΛΕΤЪ could have developed into a quotative particle. That would have made the tense-aspect features coincide with Greek φησί. The fact that this did not happen may be traced back to two motives. Firstly, although it is debatable whether diatribal φησί is, strictly speaking, a historical present, the translator may have perceived a similarity with the historical present, which is usually rendered by an aorist in OCS [Kamphuis 2020: 191].²⁵ A second, more mundane reason may be connected to the four-syllable length of ΓΛΑΓΟΛΕΤЪ. ρερε is conveniently short, just like φησί. It corresponds prosodically to the Greek form.

What does not follow from Table 3 is that ρερε occurs in all 5 categories defined above, and that the 80 instances of ρερε are a possible OCS rendition of

²⁵ According to Koch [1989: 83], the rendition of the historical present λέγει by the aorist ρερε is extremely rare in the gospel texts, but surprisingly frequent in *Supr.*, which he considers to be an anomaly, as opposed to the expected rendition ΓΛΑΓΟΛΑ [Ibid.: 100]. This discrepancy may first of all have to do with the difference in genre. In addition, the scribe of *Supr.* might have been biased towards ρερε because of the diatribal character of many of the homilies.

9 different Greek verb forms (though predominantly $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}(\nu)$, viz. 41 out of 80, and $\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon(\nu)$, viz. 26 out of 80)²⁶. Thus, $\rho\epsilon\gamma\epsilon$ is far broader in its range of usages than the Greek verb form $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}(\nu)$, which occurs exclusively in our categories Quote and Opp.

As follows from Table 3, the OCS verb form corresponding to $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}(\nu)$ turns out to be almost invariably the 3sg.aor $\rho\epsilon\gamma\epsilon$. The few exceptions to this rule (five tokens, four of which occur in the same homily no. 39) are interesting enough to warrant a discussion. The first two occur in one stretch of discourse:

- (14) Ἐμνήσθημεν, $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$, ὅτι, εἶπεν ὁ πλάνος ἐκεῖνος ἔτι ζῶν· Μετὰ τρεῖς ἡμέρας ἐγείρομαι.” Καὶ εἰ πλάνος ᾔν, καὶ ψευδῆ ἐκόμπαζε, τί δεδοίκατε καὶ περιτρέχετε, καὶ τοσαύτη κέχρησθε σπουδῇ; “Δεδοίκαμεν, $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$, μήποτε κλέψωσιν αὐτὸν οἱ μαθηταί, καὶ ἀπατήσωσι τοὺς πολλούς.”

ПОМАНѦХОМЪ $\rho\tau\psi\lambda$ ІАКО ГЛАГОЛА ЛѢСТѢЦЪ ОНЪ ІЕШТЕ ЖИВЪ СЪІ· ПО ТРЕХЪ ДѢНЕХЪ ВЪСТАНѦ· ДА АШТЕ ЛѢСТѢЦЪ БѢ НЪ ЛЪЖЕИѦ ПРѢЛИШТАДѦШЕ· ЧТО СД БОИТЕ НЪ РИШТЕТЕ· НЪ ТОЛИКО СПѢШЕНИЕ ТВОРИТЕ· БОИМЪ СД $\rho\tau\psi\lambda$ · ІЕДА КАКО ОΥΚΡΑΔЖТЪІ И ОΥΓΕΝІЦІ ІЕГО· НЪ ПРѢЛѢСТАТЪ МНОГЪІА·

“We remember,” *he says* [OCS: *they said*], “that that deceiver said, while he was yet alive, After three days I [will] rise again.”²⁷ Yet if he were a deceiver, and boasted of a falsehood, why are you afraid and run around, and use so much diligence? “We are afraid,” *he says* [OCS: *they said*], “in case perhaps the disciples steal Him away, and deceive the multitude.”²⁸

[*Supr.* 443, 8–14]

This is not an individualised, abstract, fictitious opponent who is quoted. These instances of $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}(\nu)$ identify quotes from actual personages from one of the gospels. This may be a reason why the more abstract and depersonalised $\rho\epsilon\gamma\epsilon$ was considered less appropriate (where the person-number is not taken into account). It also shows that the highly formulaic $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ had not yet become equally formulaic in Slavic. Over the course of the Middle Ages, it is to be expected that $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ was translated ever more faithfully with the formulaic $\rho\epsilon\gamma\epsilon$, but this is a hypothesis that needs to be tested by further research that the present author is currently conducting. First observations on some other texts have recently been made by Какридис [2019]. The rendition by $\rho\tau\psi\lambda$ is not an exceptional feature of *Supr.* only, as it also occurs in two other manuscripts that contain the same homily in Slavic (*Tr.* 9, fol. 64v, and *Usp.* 214a-6).

The third example of $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$ not being rendered by $\rho\epsilon\gamma\epsilon$ occurs in the following passage:

²⁶ The other verb forms are $\epsilon\rho\omega$, $\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\acute{\iota}\nu$, $\epsilon\acute{\iota}\pi\eta$, $\epsilon\lambda\epsilon\gamma\epsilon$ and $\epsilon\varphi\eta$.

²⁷ Mt 27:63.

²⁸ Mt 27:64.

- (15) Τί τὸ ὄφελος, εἶπέ μοι, τῶν λίθων τῶν τιμίων τούτων, καὶ τῶν χρυσοπάστων ἱματίων; Χαίρει τούτοις, φησὶν, ἡ ψυχὴ, καὶ εὐφραίνεται. Ἐγὼ σε τὸ κέρδος ἠρώτησα· σὺ δέ μοι τὸ βλάβος εἶπες.

КЪИИ ОУСПЕХЪ ПОВѢДЪ МИ ЧѢСТНААГО КАМЕНИА СЕГО· И ЗЛАТОМЪ ШЬВЕННИИХЪ РИЗЪ·
РАДОУЕТЕСЯ СЯ ГЛАГОЛЕШИ О СИХЪ ДѢЛА И ВЕСЕЛИТЕСЯ СЯ· АЗЪ ТЕБЕ О ПРИОБРѢТЕНИИ
ВЪПРАШАХЪ· ТЫ ЖЕ МИ ВРѢДЪ ПОВѢДАЕШИ·

What is the profit, tell me, of these precious stones and these gold-spangled garments? [My] soul is pleased with them, *(s)he says* [OCS: *you say*], and rejoices in them. I asked you the profit; but you have told me the harm.

[*Supr.* 447, 8–12]

In this passage, $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$ (3sg) is translated as $\gamma\lambda\alpha\gamma\omicron\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota$ (2sg). In our sample of homilies, this is the only time $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$ is translated with a 2sg form; it is, therefore, not to be taken as a typical OCS variant of a diatribal formula. Nevertheless, its occurrence here needs to be explained. It is likely to be attributed to the initial translator, as two other manuscripts containing the same homily also show the form $\gamma\lambda[\alpha\gamma\omicron\lambda]\epsilon\upsilon\sigma\iota$ (*Tr.* 9, fol. 67r, and *Usp.* 216a). The reason for this specific translation might be that the 2sg makes clearer that this is not just a quote, like so many instances of 3sg forms, such as $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$, are. The 2sg indicates that the phrase functions in a dialogical exchange with the fictitious interlocutor. This translation, therefore, results in a somewhat greater explicitness to ensure a correct interpretation. A “formulaic cliché” (i.e. $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$) is replaced by a more explicit variant.²⁹ This shows that the translator was aware, at least to some extent, of the way in which diatribal strategies were employed in the Greek original. He is able to use this formulation without infringing the principles of the diatribe, as 2sg forms do tend to occur to introduce the opponent’s objection (e.g. the pair $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\varsigma$ / $\gamma\lambda\alpha\gamma\omicron\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota$ occurs three times in our sample of texts). In this particular case, the use of the 2sg $\gamma\lambda\alpha\gamma\omicron\lambda\epsilon\upsilon\sigma\iota$ may also have been influenced by the presence of another 2sg form ($\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\varsigma$) a little bit later on, at the end of our example, where the imaginary opponent is addressed again, and her fictitious utterance is quoted as a narrative report of a speech act.³⁰

There are two instances in our sub-corpus where a *verbum dicendi* is absent in Slavic, although *φησί* is present in the Greek text provided by the

²⁹ In the context of a different text corpus, Stern [2018: 244] asks the legitimate question: “[w]hy would the translator violate his leading principle of literalism if nothing is gained in return?” This implies that a non-literal rendition or an additional explication must be accounted for in terms of its pragmatic function. Stern [Ibid.: 244–245] connects changes that result in a “pragmatic over-explicitness” to the use of “formulaic clichés” that serve to provide “ease of perception” for the audience. In our case, however, the situation seems to be the reverse, i.e. an ambiguous but fixed formula (σηστίν) is changed into a more explicit but less common form (γαλαλαῖσιν).

³⁰ Cf. Dekker [2018: 82–85] for a discussion of this speech reporting strategy in Old Russian.

editors. This does not necessarily mean that the translator chose to ignore the verb and omit it in the translation; it can also be due to Greek manuscript variation. Both cases concern Biblical or fictitious quotes.

- (16) Ἠγέρθη. Πόθεν δῆλον; Καθὼς εἶπεν. Ὡστε καὶ ἐμοί, φησί, διαπιστῆτε, τῶν ἐκείνου μνήσθητε ῥημάτων, καὶ οὐδὲ ἐμοὶ διαπιστήσετε.

ВЗСТА· ОΥΤΩΚΑΠΔΟΥ· ΙΑΚΩΚΕ ΡΕΥΕ· ΑΣΗΤΕ Η ΜΗΤ ΝΕ ВЪΡΟΥΙΕΤΑ· ΤΟ ΤΟΓΟ СЛОВЕСΑ ПОМЪНѢΤА· ДА Η ΜΗΤ ΝΕ ΝΕ ВЪΡΟΥΙΕΤБ·

“He is risen.” Whence is it evident? “As He *said*.” So that even though you disbelieve me, *he says* [*absent in OCS*], remember His words, and neither will you disbelieve me.

[*Supr.* 445, 15–17]

In this instance, the εἶπεν is part of a Biblical quote (Mt 28:6), where an angel is speaking, which then immediately merges into a fictitious quote, i.e. a fictitious extension of the words of the angel. The repetition of yet another *verbum dicendi* may therefore have been deemed superfluous, either by a Greek copyist or by the Slavic translator or copyist. In any case, the OCS version is less explicit, i.e. a higher interpretative burden is left to be resolved by the context.

A large amount of quantitative data alone does not tell us very much about the quality of the translator’s correct interpretation and OCS rendition of diatribal strategies. Each instance of each speech reporting verb has to be investigated in its own right, in order to see whether it forms part of the inventory of strategies that belong to the diatribal tradition. This implies that the traditional philological labour cannot be made redundant by methods of quantitative corpus linguistics. Having reviewed all occurrences qualitatively in this light, it turns out that we have 7 cases of parenthetical φησί(ν) ‘says (he)’ as part of a ‘contradictio’, as mentioned above. Of these, 6 are translated with ρευε, thus corresponding to the hypothesis in Table 1.³¹ The remaining one has been discussed already as example (15) above.

It is timely now to say a few words about the way φησί functions in combination with the other *verba dicendi*, most importantly λέγει (3sg) and other forms of the lemma λέγω. One observation to be made is that parenthetical φησί can be used to supplement other, non-parenthetical *verba dicendi*, as can be seen in the following example:

- (17) Πολλοὶ μὲν γὰρ τῶν αἰρετικῶν λέγουσιν, ὅτι οὐχ ὁμοίος ὁ Υἱὸς τῷ Πατρί. Διὰ τί; Ὅτι ἐδεήθη [...] ³²προσευχῆς ὁ Χριστὸς εἰς τὸ ἐγεῖραι τὸν Λάζαρον· εἰ μὴ γὰρ προσηύξατο, οὐκ ἂν ἤγειρε τὸν νεκρόν. Καὶ πῶς ἔστι, φησὶν, ὁμοίος

³¹ Viz. *Supr.* 303, 13; 304, 10; 310, 1; 346, 15; 407, 8; 422, 12.

³² Φησὶν is found in at least one Greek manuscript, viz. *BAV Ott.gr.14*. We cannot tell whether the translator chose to leave its OCS equivalent out or whether he had a Greek version without φησὶν. The last option seems more probable.

ὁ προσευξάμενος τῷ δεξαμένῳ τὴν ἰκεσίαν; ὁ μὲν γὰρ προσεύχεται, ὁ δὲ τὴν προσευχὴν παρὰ τοῦ ἰκετεύοντος ἐδέξατο. Βλασφημοῦσι δὲ μὴ νοοῦντες [...]

МНОЗИ БО ОΥΤΩ ΙΗΝΟΥΕΥΡΙΖΗΝΧΩ ΓΛΑΓΟΛΨΤΩ· ΙΑΚΟ НЕ ΤΩΥΕΝΩ ΣΩΙΝΩ ΟΥΒΩΟΥ· ΠΟΥΤΟ· ΙΑΚΟ ΤΡΕΒОВА ΜΟΛΗΤΕΒΙ ΧΕ ΒΣΕΤΑΒΗΤΗ ΛΑΖΑΡΑ· Α ΒΖΙ БО НЕ ΜΟΛΗΛΩ ΣΑ НЕ ΒΖΙ ΒΣΕΤΑΒΗΛΩ ΜΡΩΤΒΑΛΓΟ· ΤΟ ΚΑΚΟ ΙΕΤΩ ΡΕΥΕ ΤΩΥΕΝΩ ΜΟΛΗΕΒΙΗ ΣΑ ΠΗΝΙΜΩΟΥΟΥΜΟΥ ΜΟΛΗΤΕΒ· ΣΗΗ БО ΜΟΛΗ ΣΑ· Α ΟΗΩ ΜΟΛΗΤΕΒ ΟΥΤΩ ΜΟΛΑШТАГО СΑ ΠΗΛ· ΒΛΑΖΗΛΑΤΩ ЖЕ СΑ НЕ ΡΑΖΟΥΜΒΙΨΩΠΤΕ·

For many of the heretics actually *say* that the Son is not equal to the Father. Why? Because [...] Christ needed to pray in order to raise Lazarus; for if he had not prayed, he would not have raised the dead one. And how, *he says* [OCS: *he said*], is the one who prayed equal to the one who receives the prayer? For the one prays, but the other received the prayer of the one who approaches in prayer. But they blaspheme, not knowing [...].

[Supr. 303, 9–17]

A question is put into the mouths of the fictitious opponents, which is indicated by a parenthetical φησίν. This does not happen, however, until after the opponents have been explicitly introduced and characterised and another statement has been attributed to them using the more explicit, primary speech act verb λέγουσιν / ΓΛΑΓΟΛΨΤΩ (which is more explicit in the sense that it is not parenthetical and corresponds grammatically to the person and number of the referents).

In the next example, a stretch of displaced discourse is first introduced by a 3pl verb form, then reinforced by the 3sg φησί / ρεε.

- (18) Ταύτην τὴν συκῆν οἱ πολλοὶ τῶν ἐρμηνέων εἰρήκασιν τῇ τῶν Ἰουδαίων συναγωγῇ παρεικασμένην εἶναι, ἐφ' ἣν ἦλθε, φησίν, ὁ Κύριος, ζητῶν ἐν αὐτῇ καρπὸν πίστεως·

Сей смовки МНОЗИ СКАЗАТЕЛЕ РѢША О ЖИДОВѢСѢ СЕБОРѢ ПРИЛОЖЕНѢ БЗІТН· КЪ НЕЙЖЕ ΡΕΥΕ ПРИДЕ ГОСПОДѢ ИШТА НА НЕЙ ПЛОДА ВЪРЗИ·

Many of the interpreters *have said* this fig tree is to be likened to the synagogue of the Jews, to which the Lord went, *he says* [OCS: *he said*], seeking the fruit of faith in it.

[Supr. 346, 13–16]

This is a typical example of how parenthetical φησί functions as a secondary speech reporting verb. The primary ones are those non-parenthetical verbs that explicitly introduce quotes or opponents' voices, while they are syntactically integrated and correspond in person and number to the quoted referents (e.g. εἰρήκασιν / РѢША is a 3pl form, in accordance with the main clause's syntactic subject οἱ πολλοὶ τῶν ἐρμηνέων / ΜНОЗИ СКАЗАТЕЛЕ). A secondary speech reporting verb, on the other hand, is parenthetical, i.e. it does not conform to the person/number of its referent, as can be seen from our example, where the second clause still represents the point of view of the 'interpreters' (pl), whereas the 3sg

form $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}\nu$ / $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is used. Its function is that of a quotative marker, used to reinforce the continuity of the enacted opponents' point of view. Thus, the preacher distances himself from the contents of the reported phrase. This is a disambiguation strategy to delimit the others' point of view from his own discourse.

5. Concluding remarks

The first half of this investigation has allowed us to underpin the dialogical and diatribal character of Chrysostom's homilies under consideration, by identifying some of its iconic markers. The notion of speaker metalepsis and the ensuing dialogical exchanges have shown the diversity of voices that are enacted in these homilies. The Slavic rendition of a number of typical diatribal formulae in *Supr.* has been outlined. This has led us to the second part of the article, where the different voices have been linked to the use of *verba dicendi*.

The OCS *verbum dicendi* that stands out as a parenthetical quotative marker is $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$, which in many respects corresponds to Greek $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$. We have to conclude that the use of and correspondence between $\varphi\eta\sigma\acute{\iota}$ and $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is not as uniform as expected, though. The functional spectrum of use of $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is broader than that of any Greek *verbum dicendi*. Although $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is indeed one of the main Slavic diatribal formulae, its use is not limited to the diatribe: it also occurs in 'ordinary' quotes and narrated reports. Its mere occurrence can, therefore, not serve as an unmistakable sign of the presence of diatribal discourse. The classification of a text as diatribal should always be supplemented by other markers, such as those identified in the first part of this article.

What is more, although $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is the most common OCS quotative marker in general, the spectrum of verbs used to introduce the opponents' point of view has turned out to be far more diverse than just $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$. In fact, $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is far from dominant in the context of quoting or enacting an opponent's point of view. Most strategies (e.g. the use of primary speech-reporting verbs, vocatives, characterization of the opponents) are more explicit than just a parenthetical $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$. Once these more explicit strategies have been employed, though, $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ can be used as an additional marker of 'otherness', by which the author distances himself subjectively from the contents of the opponents' objections. In this way, $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ serves to reinforce the disambiguation of the different voices in the discourse on a pragmatic level.

At the same time, the meaning and usage of $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is broad enough to leave much of the interpretative burden to be derived from the context. Thus, $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$ is a supporting element, often a parenthetical, secondary speech reporting verb, used to characterise the enacted segments as such, but rarely providing an explicit clue as to whose voice is enacted. This is in accordance with its broad meaning and the non-propositional nature of pragmatic markers. It functions most felicitously in interaction with turn-taking strategies.

In sum, diatribal ρερε can only be analyzed in the context of the other parameters we have identified in the first part of this article; otherwise, the manifold other functions of ρερε would overshadow its diatribal function. For a further assessment of the presence and scope of the diatribe in the Orthodox Slavic realm, the results of the present investigation are to be embedded in a broader range of texts to be investigated, both translated and original.

Bibliography

Greek Manuscripts

BAV Ott.gr.14

Bibliotheca Apostolica Vaticana, Ott.gr.14

Slavic Manuscripts

Eg. 833

Russian State Library (РГБ), собрание Е. Е. Егорова, фонд 98, № 833 Синаксарь и Торжественник, 15th c.

Tr. 9

Russian State Library (РГБ), собрание Троице-Сергиевой лавры, фонд 304.I, № 9. Триодный четий сборник, late 14th c.

Editions

Supr.

Codex Suprasliensis, according to the ed.: [Заимов, Капалдо 1982–1983].

Usp.

Успенский сборник, according to the ed.: [Котков 1971].

Literature

Baur 1929

Baur C., *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*, 1, München, 1929.

Bräuer 1969

Bräuer H., *Slavische Sprachwissenschaft*, 3: *Formenlehre*, 2, Berlin, 1969.

Bultmann 1910

Bultmann R., *Der Stil der paulinischen Predigt und die kynisch-stoische Diatribe*, Göttingen, 1910 [reprint: Göttingen, 1984].

Capelle, Marrou 1957

Capelle W., Marrou H. I., Diatribe, Th. Klauser, ed., *Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt*, 3, Stuttgart, 1957, 990–1009.

Clark 1996

Clark H. H., *Using Language*, Cambridge, 1996.

Collins 2001

Collins D. E., *Reanimated Voices: Speech Reporting in a Historical-Pragmatic Perspective* (= *Pragmatics & Beyond New Series*, 85), Amsterdam, 2001.

Dekker 2018

Dekker S., *Old Russian Birchbark Letters: A Pragmatic Approach* (= Studies in Slavic and General Linguistics, 42), Leiden, 2018.

Dekker forthc.

Dekker S., Parenthetical verbs as elements of diatribe in John the Exarch's Hexaemeron: Greek continuities and Slavic innovations, *Die Welt der Slaven*, 2021, (in progress).

Diels 1963

Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik: Mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, 1: *Grammatik*, 2nd ed., Heidelberg, 1963.

Eckhoff, Janda 2014

Eckhoff H. M., Janda L. A., Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic, *Transactions of the Philological Society*, 112/2, 2014, 231–258.

Fraser 1996

Fraser B., Pragmatic markers, *Pragmatics*, 6/2, 1996, 167–190.

Genette 2004

Genette G., *Métalepse: De la figure à la fiction*, Paris, 2004.

Goodall 1979

Goodall B., *The Homilies of St. John Chrysostom on the Letters of St. Paul to Titus and Philemon: Prolegomena to an Edition* (= Classical Studies, 20), Berkeley, 1979.

Hauptová et al. 1997

Hauptová Z. et al., eds., *Slovník jazyka staroslověnského*, 4, Praha, 1997.

House 2018

House J., Translation studies and pragmatics, C. Ilie, N. R. Norrick, eds., *Pragmatics and its Interfaces* (= Pragmatics & Beyond New Series, 294), Amsterdam, 2018, 143–162.

Kamphuis 2020

Kamphuis J., *Verbal Aspect in Old Church Slavonic: A Corpus-Based Approach* (= Studies in Slavic and General Linguistics, 45), Leiden, 2020.

Keipert 1980

Keipert H., Eine Übersetzungskontamination im „Codex Suprasliensis“, Й. Заимов, ред., *Проучвания върху Супрасълския сборник: Старобългарски паметник от X век*, София, 1980, 18–35.

King 2018

King J., *Speech-in-character, Diatribe, and Romans 3:1–9: Who's Speaking When and Why It Matters* (= Biblical Interpretation Series, 163), Leiden, 2018.

Koch 1988

Koch C., Zum Aspekt des Paradigmas aksl. *rekъ rešti*, *Die Welt der Slaven*, 23, 1988, 248–282.

——— 1989

Koch C., Zur Kritik des aksl. Evangelientextes: Der Wechsel der Paradigmen *rešti* und *glagolati*, *Anzeiger für slavische Philologie*, 19, 1989, 63–107.

Koch, Oesterreicher 1985

Koch P., Oesterreicher W., Sprache der Nähe—Sprache der Distanz: Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte, D. Jacob et al., eds., *Romanistisches Jahrbuch*, 1985, 15–43.

Kotseva 2013

Kotseva E., Notes on the date of the tenth-century *Codex Suprasliensis*, *Scripta & e-scripta*, 12, 2013, 25–40.

Krustev, Boyadjiev 2012

Krustev G., Boyadjiev A., On the dating of *Codex Suprasliensis*, A. Miltenova, ed.,
*Преткриване: Супрасълски сборник старобългарски паметник от X век = Rediscovery:
 Bulgarian Codex Suprasliensis of 10th century*, Sofia, 2012, 17–23.

Lazar 2014

Lazar M., *Von Geld und guten Worten: Entwicklung des russischen Geschäftsbriefes als Textsorte*
 (= Slavolinguistica, 19), München, 2014.

Lysaght 1988

Lysaght T. A., *English translation of Greek and Latin Source Material Used in the Compilation of
 Codex Suprasliensis*, n.p., 1988.

Malingrey 1994

Malingrey A.-M., ed., *Jean Chrysostome. Sur l'égalité du Père et du Fils: homélies VII–XII*
 (= Sources chrétiennes, 396), Paris, 1994.

Marguliés 1927

Marguliés A., *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis*, Heidelberg, 1927.

Meyer 1935

Meyer K. H., *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*, Glückstadt, 1935.

Moszyński 1980

Moszyński L., Cytaty ewangelijne w tekście kodeksu supraskiego, Й. Заимов, ред., *Проучвания
 върху Супрасълския сборник: Старобългарски паметник от X век*, София, 1980, 43–50.

Papadopoulos 2015

Papadopoulos K., Ps.-Chrysostom *In parabolam de ficu* (PG 59: 585–590 = CPG 4588): Draft
 translation, (cited according to: https://www.academia.edu/32022846/Ps_Chrysostom_In_Parabolam_De_Ficu_PG_59_585_590_CPG_4588_Draft_Translation).

Prevost, Riddle 1888

Prevost G., Riddle M. B., eds., *The Homilies of St. John Chrysostom, Archbishop of Constantinople,
 on the Gospel of St. Matthew*. Transl. by Rev. Sir G. Prevost, Baronet, M. A., [etc.] (= A Select
 Library of the Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church, 10), Edinburgh, 1885
 [reprint 1978].

Song 2004

Song C., *Reading Romans as a Diatribe* (= Studies in Biblical Literature, 59), New York, 2004.

Stern 2018

Stern D., Copying Greek into Slavonic? The Slavonic branch of the Greek tradition of the *Life of
 Abraham of Qidun*, L. Sels, J. Fuchsbauer, V. Tomelleri, I. de Vos, eds., *Editing Mediaeval Texts
 from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions, Together with Francis J. Thomson's
 Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Bibliothèque de Byzantion, 19), Leuven,
 2018, 225–250.

Stowers 1981

Stowers S. K., *The Diatribe and Paul's Letter to the Romans*, (= Society of Biblical Literature:
 Dissertation series, 57), Chico, 1981.

Vaillant 1948

Vaillant A., *Manuel du vieux slave*, 1: *Grammaire*, Paris, 1948.

Verhagen 2005

Verhagen A., *Constructions of Intersubjectivity: Discourse, Syntax, and Cognition*, Oxford, 2005.

Благова 1966

Благова Э., Гомилии Супрасълского и Успенского сборников, Л. П. Жуковская,
 Н. И. Тарабасова, ред., *Исследования источников по истории русского языка и
 письменности*, Москва, 1966, 77–87.

Вечерка 1994

Вечерка Р., Описание старославянских рукописей, Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова, ред., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994, 13–25.

Ефимова 2006

Ефимова В. С., *Старославянская словообразовательная морфемика*, Москва, 2006.

Заимов 1982

Заимов Й., Предговор, Й. Заимов, М. Капалдо, ред., *Супрасълски или Ретков сборник: В два тома*, 2, София, 1982, 5–8.

Заимов, Капалдо 1982–1983

Заимов Й., Капалдо М., ред., *Супрасълски или Ретков сборник: В два тома*, София, 1982–1983.

Какридис 2019

Какридис Ј., *Аргументација код православних словена у Средњем веку*, Ниш, 2019.

——— 2020

Какридис Ј., Кто говорит? Цитативное и диатрибическое φησι(ν) в Изборнике 1073 г., *Црквене студије*, 17, 2020, 257–266.

Котков 1971

Котков С. И., ред., *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва, 1971.

Мирчева 2019

Мирчева Е., Супрасълският сборник и старобългарските чети-минеи, *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 43/3, 2019, 13–44.

Сато 1995

Сато А., *Глагола и рече в старославянском языке, Japanese Slavic and East European Studies*, 16, 1995, 47–93.

Цейтлин et al. 1999

Цейтлин Р. М., Вечерка Р., Благова Э., ред., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, 2-е изд., Москва, 1999.

References

Baur C., *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*, 1, München, 1929.

Blagova E., Gomilii Suprasl'skogo i Uspenskogo sbornikov, L. P. Zhukovskaia, N. I. Tarabasova, eds., *Issledovaniia istochnikov po istorii russkogo iazyka i pis'mennosti*, Moscow, 1966, 77–87.

Bräuer H., *Slavische Sprachwissenschaft*, 3: *Formenlehre*, 2, Berlin, 1969.

Capelle W., Marrou H. I., Diatribe, Th. Klauser, ed., *Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt*, 3, Stuttgart, 1957, 990–1009.

Clark H. H., *Using Language*, Cambridge, 1996.

Collins D. E., *Reanimated Voices: Speech Reporting in a Historical-Pragmatic Perspective* (= *Pragmatics & Beyond New Series*, 85), Amsterdam, 2001.

Dekker S., *Old Russian Birchbark Letters: A Pragmatic Approach* (= *Studies in Slavic and General Linguistics*, 42), Leiden, 2018.

Dekker S., Parenthetical verbs as elements of diatribe in John the Exarch's Hexaemeron: Greek con-

tinuities and Slavic innovations, *Die Welt der Slaven*, 2021, (in progress).

Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik: Mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, 1: *Grammatik*, 2nd ed., Heidelberg, 1963.

Eckhoff H. M., Janda L. A., Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic, *Transactions of the Philological Society*, 112/2, 2014, 231–258.

Efimova V. Staroslavianskaia slovoobrazovatel'naiia morfemika, Moscow, 2006.

Fraser B., Pragmatic markers, *Pragmatics*, 6/2, 1996, 167–190.

Genette G., *Métalepse: De la figure à la fiction*, Paris, 2004.

Goodall B., *The Homilies of St. John Chrysostom on the Letters of St. Paul to Titus and Philemon: Prolegomena to an Edition* (= *Classical Studies*, 20), Berkeley, 1979.

House J., Translation studies and pragmatics, C. Ilie, N. R. Norrick, eds., *Pragmatics and its Interfaces* (= *Pragmatics & Beyond New Series*, 294), Amsterdam, 2018, 143–162.

Kakridis J., *Argumentacija kod pravoslavnih slovena u Srednjem veku*, Niš, 2019.

Kakridis Ya., Kto govorit? Tsitativnoe i diatribicheskoje fesi(n) v Izbornike 1073 g., *Church Studies*, 17, 2020, 257–266.

Kamphuis J., *Verbal Aspect in Old Church Slavonic: A Corpus-Based Approach* (= *Studies in Slavic and General Linguistics*, 45), Leiden, 2020.

Keipert H., Eine Übersetzungskontamination im „Codex Suprasliensis“, I. Zaimov, ed., *Proučvaniiia vvrkhu Cuprasulskiia sbornik: Starobulgarski pametnik ot X vek*, Sofia, 1980, 18–35.

King J., *Speech-in-character, Diatribe, and Romans 3: 1–9: Who's Speaking When and Why It Matters* (= *Biblical Interpretation Series*, 163), Leiden, 2018.

Koch C., Zum Aspekt des Paradigmas aksl. *reko* *rešti*, *Die Welt der Slaven*, 23, 1988, 248–282.

Koch C., Zur Kritik des aksl. Evangelientextes: Der Wechsel der Paradigmen *rešti* und *glagolati*, *Anzeiger für slavische Philologie*, 19, 1989, 63–107.

Anzeiger für slavische Philologie, 19, 1989, 63–107.
 Koch P., Oesterreicher W., Sprache der Nähe – Sprache der Distanz: Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte, D. Jacob et al., eds., *Romanistisches Jahrbuch*, 1985, 15–43.

Kotkov S. I., ed., *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.*, Moscow, 1971.

Kotseva E., Notes on the date of the tenth-century *Codex Suprasliensis*, *Scripta & e-scripta*, 12, 2013, 25–40.

Krustev G., Boyadjiev A., On the dating of *Codex Suprasliensis*, A. Miltenova, ed., *Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis of 10th century*, Sofia, 2012, 17–23.

Lazar M., *Von Geld und guten Worten: Entwicklung des russischen Geschäftsbriefes als Textsorte* (= *Slavolinguistica*, 19), München, 2014.

Lysaght T. A., *English translation of Greek and Latin Source Material Used in the Compilation of Codex Suprasliensis*, n.p., 1988.

Malingrey A.-M., ed., *Jean Chrysostome. Sur l'égalité du Père et du Fils: homélies VII–XII* (= *Sources chrétiennes*, 396), Paris, 1994.

Marguliés A., *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis*, Heidelberg, 1927.

Meyer K. H., *Alt kirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*, Glückstadt, 1935.

Mircheva E., *Codex Suprasliensis and the Old Bulgarian Menologion*, *Palaeobulgarica*, 43/3, 2019, 13–44.

Moszyński L., Cytaty ewangelijne w tekście kodeksu supraskiego, I. Zaimov, ed., *Proučvaniiia vvrkhu Cuprasulskiia sbornik: Starobulgarski pametnik ot X vek*, Sofia, 1980, 43–50.

Sato A., Glagola and reče in Old Church Slavonic, *Japanese Slavic and East European Studies*, 16, 1995, 47–93.

Song C., *Reading Romans as a Diatribe* (= *Studies in Biblical Literature*, 59), New York, 2004.

Stern D., Copying Greek into Slavonic? The Slavonic branch of the Greek tradition of the *Life of Abraham of Qidun*, L. Sels, J. Fuchsbaauer, V. Tomelleri, I. de Vos, eds., *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions, Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= *Bibliothèque de Byzantion*, 19), Leuven, 2018, 225–250.

Stowers S. K., *The Diatribe and Paul's Letter to the Romans* (= *Society of Biblical Literature: Dissertation series*, 57), Chico, 1981.

Vaillant A., *Manuel du vieux slave*, 1: *Grammaire*, Paris, 1948.

Večerka R., Opisane staroslavianskikh rukopisei, R. M. Tseitlin, R. Večerka, E. Blagova, eds., *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov)*, Moscow, 1994, 13–25.

Verhagen A., *Constructions of Intersubjectivity: Discourse, Syntax, and Cognition*, Oxford, 2005.

Zaimov I., Kapaldo M., eds., *Suprasulski ili Retkov sbornik: V dva toma*, 2, Sofia, 1982–1983.

Zaimov I., Predgovor, I. Zaimov, M. Kapaldo, eds., *Suprasulski ili Retkov sbornik: V dva toma*, 2, Sofia, 1982, 5–8.

Simeon Dekker, PhD

Universität Bern

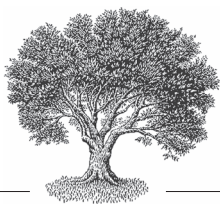
Institut für Slavische Sprachen und Literaturen

Länggassstrasse 49, 3012 Bern

Schweiz / Switzerland

simeon.dekker@issl.unibe.ch

Received November 8, 2019

On the Supposed Abridged Redaction of Anthony of Novgorod's *Kniga Palomnik*

Anna Jouravel

The Institute for Byzantine Studies of the
Serbian Academy of Sciences and Arts,
Belgrade, Serbia

К предполагаемой сокращенной редакции «Книги паломник» Антония Новгородского

Анна Журавель

Институт византологии
Сербской академии наук и искусств,
Белград, Сербия

Abstract

This paper is focused on one of ten extant copies, which, to varying degrees, transmit Anthony of Novgorod's thirteenth-century travel account, *Kniga palomnik*. This copy was previously thought to have been an otherwise unknown redaction of the work, owing to the copyist's supposed intention to compile a list of sacred sites devoid of narrative flair. By examining the textual transmission, with reference to three specific examples, this article reveals the abridgement to be mechanical rather than deliberate, rendering a damaged version of the original which cannot be considered an intentional redaction.

Keywords

Early Rus, medieval Constantinople, travel accounts, pilgrim tales, sacred topography, sanctuaries, relics, textual criticism, text redactions

Citation: Jouravel A. (2021) On the Supposed Abridged Redaction of Anthony of Novgorod's *Kniga Palomnik*. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 217–229.

Цитирование: Журавель А. К предполагаемой сокращенной редакции «Книги паломник» Антония Новгородского // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 217–229.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

Статья посвящена одному из десяти известных списков «Книги паломник» — путевых заметок Антония Новгородского, созданных на рубеже XIII века. Данный список ранее считался представителем нигде более не сохранившейся редакции этого произведения, целью которой являлось устранение повествовательных элементов текста и составление перечня константинопольских реалий. На трех примерах будет, однако, показано, что сокращения исключительно механические, и данный список не является умышленной редакцией текста.

Ключевые слова

Паломничество на Руси, хождения, средневековый Константинополь, сакральная топография, святыни, реликвии, текстология, редакция текста

The *Kniga palomnik* is as well known in Byzantine studies as it is in Christian archaeology because it provides one of the most detailed, albeit oftentimes confusing description of Constantinople on the eve of its sack in 1204. The text is an Old Russian pilgrimage account, written by the Novgorodian traveller Dobrynja Jadrejkovič in 1200. Though he later became the Archbishop of Novgorod, he was still a layman when he travelled to the Emperor's City and composed the *Kniga palomnik*—The Pilgrim's Book. The text was discovered in Russia in the first half of the 19th century [Строев 1834: 155], and its first critical edition was published by the Russian Byzantinist Chr. M. Loparev [Лопарев 1899]. To Western readers it had only been available in Sofia de Khitrowo's [1889] defective translation into French, which was completed a few years before the first critical edition was released, and was based on the publication of the only manuscript known at the time [Савваитов 1872]).¹ Since then, Anthony's account has often been consulted, especially for the reconstruction of medieval Constantinople's sacred topography [Janin 1969; Majeska 1984; Berger 1988; Mango 1998; Effenberger 2015]. The text has more recently also been referenced in works pertaining to ecclesiastical architecture [Лидов 2009 or Marinis, Ousterhout 2015], different cultural-historical questions [Garzaniti 2013; Vukovic 2015], art history [Конявская 2011; Kriza 2018], and to Constantinople's mediaeval soundscape [Torres 2020]. When cited in these various contexts, however, the reliability of Anthony's account is questioned due to the text's ambiguous construction. Instead of introducing the individual edifices one after another in a consistent

¹ Recent works, however, referred to a later, slightly more accurate translation by Ehrhard (1932), which is based on Loparev's edition. Other translations, like the excellent one by [Müller 1986], or those which are based on Khitrowo's translation, like [Lethaby, Swainson 1894; Richter 1897] or, more recently, [Márquez Gémár 2014], have received little attention. I am grateful to César Barta for pointing the latter work out to me.

topographical order, the text seems to adhere to a confused presentation. Previous research has thus suggested that the extant description is based on a later transcript of the text, and the failure to locate similarly named churches and monasteries arises from the author's fading memory. Both the examination of unpublished material and the discovery of a new text fragment has allowed for a more precise reading of some of the text's passages, which has resulted in a different interpretation of the text (see a new critical edition in: [Jouravel 2019]). This article, however, is solely concerned with its textual transmission, particularly, with scrutinising the claim of a "third", "second-hand" or "abbreviated" redaction.²

The Russian philologist O. A. Belobrova initially proposed the idea in the 1970s that the text was edited at some later date by another scribe [Белоброва 1974: 182, 185; Eadem 1977: 227]. The basis for her hypothesis was a complete, but highly condensed copy of the text³ which, having been uncovered in the 1920s [Сперанский 1926: 16], was unknown to Loparev. This manuscript, which shall henceforth be referred to as copy 3 (*Забелинский список*), can be dated to the 16th century [Jouravel 2019: 50–54], meaning that it is significantly older than the two fragments dated to the 17th and 18th centuries that arguably rendered the "first-hand" redaction. Belobrova concluded that as copy 3 rendered the same text as found in the earlier surviving copy Я (*Яцимирский список*),⁴ albeit in an abridged form, this copy must be the work of a younger scribe who intended to create a simple list of sanctuaries and relics, and therefore omitted all narrative elements from the text. This approach to redaction can be seen in the following passage from the text:

	Я	З
1, 2)	а ѿтолѣ сѣго агафони́ка цркъѣ . и мо́щи	а ѿтолѣ сѣго агафо́ника цркъѣ
3)	его тоу . банзъ же плакоти́ цркъѣ в	велика́го а́какіа . ю́же постави́
	манасти́ри . сѣго прѣрка ильи́ . в тойже	ко́станти́нѣ црѣ . тѣ и мо́щи его
4)	цркви́ множество мо́щей сѣѣ . по всеи́	за прѣроу́емъ же цркви́ сѣѣ . се́ргіа
	цркви́ . ѿколо поставляю́тъ столбы́ . на	и ва́кха . и гла́вы и тѣ лѣжа́ . и
	празни́къ полны́ мо́щей сѣхъ . развѣе во	роу́ка се́ргіа и ва́кха . и крѣ сѣго
5)	троандофилицѣ манасти́ри такѣ много	ѣпима́ха . тѣ за прѣроу́емъ цркъѣ
6)	и ѣ же цркъѣ велика сѣго а́какии́а . ю́	сѣѣи́ еоу́фрѣми . тоу́ и грѣбъ ѣи́ тоу́
	поставилъ ко́статинъ црѣ . тоу́же соу́тъ	сре́бръ ѡ́кова . в тои́ цркви́ сѣѣи́ ѡ́цѣ

² For the discussion on the so-called "first-hand" or "extended" redaction assumed by Loparev see: [Jouravel 2019: 106–117], and, more detailed: [Журавель 2021].

³ Belobrova published the text in [1977: 228–235], it was recently reproduced by [Лидов 2006: 197–205].

⁴ On the manuscript descriptions, the *stemma codicum* and the examination of the whole textual transmission see: [Jouravel 2019]. I sincerely apologise for the error in stating the signature (p. XVI). The correct signature is "RGB, Muzejn. sobr., f. 178, Nr. 10261"!

	Я	З
7)	й моци его . и за ѿлатаремъ той цркѣи	гѣдргѣи в телѣ лѣжѣ . в' цркѣи сѣго
8)	сѣго митрофана гробъ . перваго патриарха	самсона [...] (З 443r 18 — 443v 11)
9)	цѣго рѣскаго и тоу патриархиль его . и	
10, 11)	глава а тѣла его бивъ батоги . и сжегъ	
	коупронимъ поганѣи црь . За поромнѣ же	
12, 13)	цркѣ . сѣго сергиѣ . и ѿвахка . и главы	
14)	тоу тѣ лежата . и роука сергиѣва и кровь .	
15)	и сѣго епимаха кровь тоже в рацѣ . оу	
16)	подромниаѣ же цркѣ сѣѣ ѿоуфимѣи .	
17)	тоу и гробъ ѿѣ тоцѣ сревромъ ѿкованъ .	
18)	в тойже цркѣ сѣѣи гевдргѣи лежить .	
19)	сторонѣ же ѿ безъкоймитами . сѣѣ мѣнѣ	
20)	ѿоулыѣна в тѣлѣ лежить . Въ возници же	
	сѣго самсона [...] (Я 179r 2 — 179v 11)	

When compared with the full text of the oldest copy Я, copy 3 does seem, at first glance, to be an abridgement of the text, in which descriptive or explanatory elements have been omitted. A closer examination of excerpts which appear in both copy Я and copy 3 reveals that the scribe did not copy all the lemmas consecutively but did so selectively. This style of abridgement is found throughout the entire text. The previously cited passage opens with a description of the church of St Agathonikos (1), which is also present in copy 3. Copy Я then continues by describing the relics of St. Agathonikos (2), the “Plakota”,⁵ “near which—in a monastery—a church was located, dedicated to St. Prophet Elijah” (3), in which such an amazing number of relics (4) were stored, that “tables full of relics of saints were placed throughout the church on the occasion of a holiday. Such a number of relics,” Anthony adds, “is only to be found in the Triantaphyllos monastery”⁶ (5). None of this information appears in copy 3 until the next sacred site, the “big church of St. Akakios” (6), is introduced, “which was erected by emperor Constantine”, and “in which the relics of this saint are stored (7)”. The scribe of 3 considered that this church was worth mentioning, but again failed to include the following information, featured in copy Я: “Behind the altar of this church the coffin of St. Metrophanes (8), the first patriarch of Constantinople, is stored, and there is also his stole (9) and his head (10). But his body the heathen emperor Kopronymos (i.e. Constantine V, A. J.) ordered to beat with lashes and to burn” (11). Copy 3 again

⁵ This is to be read as “Platea”, a district of mediaeval Constantinople. See the explanation in: [Ibid.: 157–159].

⁶ I.e. the Peribleptos monastery, dedicated to the Theotokos and located in the south-western part of the city, see: [Özgümüş 2000].

directly resembles copy Я when it is mentioned that “behind the Hippodrome the church of St. Sergius and Bacchus (12)” is located, and that this is where the heads of the two saints are kept (13), as well as “St. Sergius’ hand and blood” (14), and “St. Epimachos’ blood, stored in a shrine” (15). Copy 3 also includes the details that “at the Hippodrome, however, there is a church dedicated to St. Euthymia (16), in which her empty coffin is stored, forged in silver (17), and in which also lies St. George” (18), before omitting that “beside” or “opposite” an unclear entity (there seems to be a small lacuna), and “above” or “behind” “the *БЕЗКОНИТЫ*⁷ lies the holy martyr Iuliana, unscathed” (19). Copy 3 re-joins copy Я when it is mentioned that “in the church dedicated to St. Samson” (20) various other noteworthy things can be found.

Based on an initial reading, it is difficult to understand why the scribe of copy 3 decides to include some elements while omitting others. According to Belobrova, he is accurately copying all the churches and relics to compile an “outline of entities” (конспект реаний), and therefore omits any additional information regarding these entities and their associated legends. This claim, however, does not withstand criticism, when the elements are categorised as follows:

1) church	11) legend/add. inform.
2) relics	12) church
3) church	13) relics
4) relics	14) relics
5) legend/add. inform.	15) relics
6) church	16) church
7) legend/add. inform.	17) relics
8) relics	18) relics
9) relics	19) relics
10) relics	20) church

If the scribe’s true intention was to concentrate on “entities” alone, then presumably he would have also included numbers 2–4, 8–10 and 19, which contain only basic information about churches and relics; however, he does not. Only the numbers 5, 7, and 11 contain additional information, but the scribe, nevertheless, has only copied out the items marked bold in the list above (i.e., numbers 1, 6–7, 12–18 and 20, incidentally including the additional information in number 7). In the first two cases (numbers 2–4 and 8–10), the omission may have been motivated by the subsequent information (numbers 5 and 11), but in the third case the decision to leave out St. Juliana (number 19) is entirely incomprehensible, even if the scribe’s omission of the *БЕЗКОНИТЫ* is explained by the failure to understand this part of the text. After a preliminary examination

⁷ See Gr. *ἀκοίμητοι* ‘the sleepless’, i.e. “behind the monastery of the sleepless monks”.

of this short passage, it therefore becomes obvious that the scribe's suggested *modus operandi* is inaccurate.

In order to understand why the text has been treated in this way, scribal craft must be considered rather than a wilful interpretation of the *vorlage*. By considering the process of copying it becomes clear that the reason for the selection is not the scribe's bias for key information over supplementary clarification, but merely trivial leaps *du même au même*. In the text passage cited above, these leaps from one lexeme to the exact same lexeme later in the text pertain to the words **црѣвь** in line 1 and 7, **за** in l. 9 and 13, and **лежить** in l. 18 and 20, which are marked in bold below and are made additionally visible by splitting 3's text according to Я:

Я

а ѿтолѣ сѣго агафоника **црѣвь** . и моци его
тоу . близъ же плакотѣи **црѣвь** в манастири .
сѣго прѣрка ильи . в тойже **црѣви** множество
моцей сѣи . по всей **црѣви** . ѿколо поставляютъ
5 столы . на празѣникъ полныи моцей сѣхъ . развѣ
во трюандофилицѣ манастири тако много и ѣ
же **црѣвь** велика сѣго акакиа . ѿ поставилъ
костатинъ **црѣ** . тоуже соуѣтъ и моци его .
и **за** ѿлтаремъ той **црѣви** сѣго митрофана
10 гровъ . перваго патриарха црѣгородскаго и тоу
патрахиль его . и глава а тѣла его бивъ
батогѣ . и сжегъ коупронимъ поганый **црѣ** .
За подомиѣ же **црѣвь** . сѣго сергиа . и ивахѣ .
и главы тоу тѣла лежата . и роука сергиева и
15 кровь . и сѣго епимаха кровь тоже в рацѣ . оу
подромниаѣ же **црѣвь** сѣи ѡуфимѣи . тоу и
гровъ ѣа тоу сребромъ ѡкованъ . в тойже
црѣви сѣи геѡргий лежитъ . сторонѣ же ѡ
безъкоймитами . сѣа мѣнѣа ѡулыаѣна в тѣлѣ
20 **лежить** . Въ возници же сѣго самсона [...]

(Я 179r 2 – 179v 11)

З

а ѿтолѣ сѣго агафоника **црѣвь**

великаго акакиа . ѿже постави
костанти **црѣ** . тж и моци его

за пороуѣмъ же **црѣви** сѣи . сергиа и
вахѣ . и главы и тж лѣжа . и роука
сергиа и вахѣ . и крѣ сѣго епимаха .
тж **за** пороуѣмъ **црѣвь** сѣи ѡуфимѣи .
тоу и гровъ ѣи тоу среброу ѡкова . в той
црѣви сѣи ѡу геѡргѣи в телѣ лежи .

в **црѣви** сѣго самсона [...]

(З 443r 18 – 443v 11)

This mechanical practice results in the omission not only of legends but also of a significant number of relics in copy 3. For example, in the following passage from copy Я, which is also incompletely rendered in copy 3, no legends or additional information are mentioned. Instead, the relics which were stored “in a side chapel, behind the great altar of the Hagia Sophia” are

listed consecutively. Anthony describes how “embedded in the wall” were “the cover plate of the Lord’s coffin (1), the iron staff (2), the drills and the saws, with which the Lord’s cross has been manufactured (3), the iron chain on Petrus’ prison doors (4) and the wood which was on the Lord’s neck under the iron and which was embedded into an icon”, namely, “in the shape of a cross” (5):

Я	З
[...] и горѣ на полатѣхъ стоить патриѣрхъ . коли слоужать во притворѣ же за великимъ 1) ѿлтаремъ . вчинеѣ во стѣнѣ . гроба гѣа 2) верхѣнаѣ доска . и посохъ желѣзенъ тоуже . и 3) свердѣльѣ и пиѣѣ . ѿмиже чиненъ крѣтъ гѣнъ . и 4) оуже желѣзно во двѣрѣхъ петровѣѣ темница . 5) и древо ѿже на ши оу хѣа пѣ желѣзомъ бѣло . тоже вчинено во ѿконоуѣ крѣтомъ . в томъже притворѣ на двѣрѣми горѣ . написанъ стефанъ первомучѣкъ [...] (Я 165v 17 – 166r 10)	[...] и горѣ на полатѣ стоить патриѣрхъ коли слоужѣ . в тоже притворѣ на двѣрѣми горѣ . написѣ стефа мѣкъ [...] (З 436v 12–15)

This passage clearly lists only relics, which, according to Belobrova’s hypothesis, the scribe of copy 3 should have replicated given their importance to pilgrims, especially as some of them are associated with the Lord. But, as was the case in the previous example, the decision to omit these details was not dependent on content but was rather the result of a mechanical lapse. In this case, the clue to this lies in the word **притворѣ** (l. 2 and 8, marked bold) from which and to which the scribe’s eye appears to have leapt:

Я	З
[...] и горѣ на полатѣхъ стоить патриѣрхъ . коли слоужать во притворѣ же за великимъ ѿлтаремъ . вчинеѣ во стѣнѣ . гроба гѣа верхѣнаѣ доска . и посохъ желѣзенъ тоуже . и 5 свердѣльѣ и пиѣѣ . ѿмиже чиненъ крѣтъ гѣнъ . и оуже желѣзно во двѣрѣхъ петровѣѣ темница . и древо ѿже на ши оу хѣа пѣ желѣзомъ бѣло . тоже вчинено во ѿконоуѣ крѣтомъ . в томъже притворѣ на двѣрѣми горѣ . написанъ 10 стефанъ первомучѣкъ [...] (Я 165v 17 – 166r 10)	[...] и горѣ на полатѣ стоить патриѣрхъ коли слоужѣ . в тоже притворѣ на двѣрѣми горѣ . написѣ стефа мѣкъ [...] (З 436v 12–15)

These two examples sufficiently demonstrate that copy 3 is not an intentional redaction but rather the work of either an incompetent or perhaps inexperienced copyist. This means that copy 3 renders essentially the same text found in all extant copies.

It is worth asking, however, why the impression remains that the scribe of copy 3 is adhering to a secret method that determines which passages he includes and which he omits, especially when, despite the radical abridgement, his text does not appear to be at all incomplete. It, after all, displays no sign of textual damage. It is legible and it is expressed in complete and mostly consistent sentences. When examining the more elaborate passage, quoted above (on p. 219 sq and 222), it seems as though he intentionally copied five out of seven churches mentioned in copy Я, while omitting additional information about when churches were built or about the saint whose relics were stored there.

In our opinion, the reason for this approach lies in the monotony of the text. Since most sequences, excluding narrative elements, start with the words а оттолѣ 'and from there' or other prepositions of place like сторонѣ же (...) 'beside/opposite the (...)', and end with the phrase свѣтѣи (...) лежитѣ 'saint (...) lies here' or и мощи его ту(же), 'and his relics (also) lie here' (see, for instance, the first two lines of the above-cited text on p. 219/222), the leap *du même au même* implicitly means a leap from one (geographical) sequence to another. Therefore, it seems that a text that is abridged exclusively mechanically lacks entire lemmas. It was apparently this observation that gave rise to the impression that this text was abridged intentionally.

Yet, passages such as the following one remain that "unmask" the copyist's practice:

	Я	З
	[...] и ѿтолѣ ѿ цркъвѣ стѣи ѿ иринѣ велика тоу же и мощи еѣ лежатѣ . а ѿтолѣ же в женскомѣ манастирѣ . иринѣина глава . а во троудоватицѣ за испигасомѣ на горѣ . стѣи зотикѣ лежитѣ .	[...] А ѿтолѣ стѣи ѿ иринѣ цркъвѣ . и мощи еѣ тоу лежатѣ . ѿтолѣ в жескѣ манастири ѿ иринѣ голова лежитѣ .
5	томоу бо зотикоу повелѣа црѣ полатѣ злати . и ѿ же возма злато . и раздалѣ ѿ ницемѣ . црѣ же повелѣа ѿ привапати ко хвостомѣ двѣма конема да его разнесоу . ѿна же разоумѣа по полю . и пришеше стага на единомѣ мѣстѣ в лѣсѣ . тоу же	
10	и положенѣ бы . и цркъвѣ оучиниша троудоватицѣ и хромѣицѣ . тоу же и храмѣ поставиша даюу маѣноу хрѣтѣне и црѣвѣ . ѿ негоже лазарѣ писецѣ иконный [...] (Я 181r 20 – 181v 20)	ѿ него лазарѣ писецѣ и иконный лежитѣ [...] (З 444r 14–19)

In this passage, the scribe fails to mention the legend behind why “the relics of St. Zotikos” are stored “in a hospital on a hill behind Ispigas” (l. 3sq.). The legend tells of how St. Zotikos was “instructed by the Tsar to build a palace” (l. 5), but instead of spending the money he was given for the intended purpose, “he spread it among the poor” (l. 5sq), and for this was publicly punished (l. 6–8). The reason behind the church’s location is also missing, namely, that the two horses to whose tails the saint was then bound “stood still in a certain place in the forest, where he was buried afterwards (l. 8–10). And here the church was built for the sick and the weak. And there were also constructed accommodations”—which became places for “charity for Christians and emperors” (l. 10–12).

By omitting this legend, the scribe of copy 3 also removes any reference to Zotikos’ relics, as well as their location, giving the impression that he considered this information superfluous. However, the reason for leaving out all of these details seems obscure, especially when equally important information is included, namely the “big church of St. Irene”, in which “her relics lie” (l. 1sq.) and the “female monastery”, in which, “on the contrary, her head is stored” (l. 2sq.). The mechanical nature of the work is revealed in this case by the incongruent use of the masculine personal pronoun *него* in copy 3, (l. 12), which refers to Zotikos rather than Irene(’s head), despite the latter directly preceding the pronoun. The appearance of this pronoun clearly demonstrates that the scribe of copy 3 originally intended to mention the relics of Zotikos, perhaps hearing about them in his inner dictation. His inattentiveness or carelessness, however, resulted in him mechanically completing the sequence *а ѿтолѣ же в женскомъ манастирь . иринѣина глава* with the otherwise frequently used verb *лежитъ*. When he returned to his work, he found the last word *лежитъ* within the Zotikos sequence *а во троѿдоватицѣ за испигасомъ на горѣ . сѣтый зотикъ лежитъ* and realised that he had already copied it out. Whether the scribe intended to exclude the legend, or he simply believed that he had already copied it, is unclear. However, the incongruity of the masculine personal pronoun reveals that he proceeded to the next textual sequence with Zotikos in mind. This is unlikely to have occurred if the scribe had intended to omit all the information regarding this saint. It can therefore be concluded that if the copyist had only meant to compile a list of sanctuaries, he would have done it correctly, at least as regards the grammar. And thus, it is more than likely that the so-called third “abridged” redaction, as well as the second “extended” one, never existed.

This evidence clarifies the textual transmission both disproving the conventional assumptions and allowing for the account to be reliably dated. As all additional elements, like the mention of the Sack of Constantinople in a seventeenth-century copy as well as all omissions like those in copy 3, can be dated to a later time (in the case of 3, to the 16th century), the original text of the

Kniga palomnik was unequivocally written before the Sack of Constantinople in 1204, an assessment which corresponds well with Anthony's silence about this event.

This article has shown that the text in copy 3 has not been purposefully edited, and that there is no evidence to substantiate the claim that the author or a later scribe glossed or abridged the text to preserve the memory of Constantinople's treasures, or even to stake the city's claim to potentially stolen or destroyed relics. Moreover, by identifying all possible interpolations and lacunae, a text can be delineated which henceforth should serve as the basis for future examination—it is, in topographical terms, the more accurate localisation of sanctuaries; and in philological terms, the text's context within the Rus-Byzantine medieval literary tradition.

Bibliography

Sources

Ms. Я

РГБ, ф.178 (Музейное собрание), № 10261, л. 156–185, XVI в.

Ms. 3

ГИМ, ОПИ, ф. 440 (Собр. И. Е. Забелина), № 416, л. 434об.–445об., сер. XVI в.

Literature

Berger 1988

Berger A., *Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos* (= Poikila Byzantina, 8), Bonn, 1988.

Effenberger 2015

Effenberger A., Zur „Reliquientopographie“ von Konstantinopel in mittelbyzantinischer Zeit, *Millennium*, 12/1, 2015, 265–327.

Ehrhard 1932

Ehrhard M., Le livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod. *Romania*, 58, 1932, 44–65.

Garzaniti 2013

Garzaniti M., Le Livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod: Constantinople dans le premier témoignage d'un récit de voyage russe, *Slavica Occitania*, 36, 2013, 25–45.

Janin 1969

Janin R., La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. 1: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. 3: Les églises et les monastères, Paris, 1969.

Jouravel 2019

Jouravel A., *Die ‚Kniga palomnik‘ des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar* (= *Imagines Medii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung*, 47), Wiesbaden, 2019.

de Khitrowo 1889

Khitrowo S., de, Antoine, archevêque de Novgorod. Description des lieux-saints de Constantinople (1200), Idem, ed., *Itinéraires russes en Orient* (= Publications de la Société de l'Orient Latin. Itinéraires1), Genève, 85–111.

Kriza 2018

Kriza Á., *Depicting orthodoxy. The Novgorod Sophia icon reconsidered* (Doctoral thesis, University of Cambridge), 2018.

Lethaby, Swainson 1894

Lethaby W. R., Swainson H., *The Church of Sancta Sophia Constantinople. A study of Byzantine building*, London, 1894.

Majeska 1984

Majeska G. P., *Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries* (= Dumbarton Oaks studies, 19), Washington DC, 1984.

Mango 1998

Mango C. A., Where at Constantinople was the Monastery of Christos Pantepoptes? *Δελτίον ΧΑΕ, Περίοδος Δ'.* Στη μνήμη του Δημητρίου Ι. Πάλλα (1907–1995), 20, 1998, 87–88.

Marinis, Ousterhout 2015

Marinis V., Ousterhout R. 'Grant Us to Share a Place and Lot with Them.' Relics and the Byzantine Church Building, C. J. Hahn, H. A. Klein, eds., *Saints and sacred matter* (= Dumbarton Oaks Byzantine symposia and colloquia), Washington D.C., 153–172.

Márquez Gémár 2014

Márquez Gémár J., *Peregrinos Rusos en los siglos XII–XVI*, Málaga, 2014.

Müller 1986

Müller K., Die Pilgerreise des Dobrynja Jadrejkovič, *Itineraria rossica. Altrussische Wallfahrtsliteratur*, Leipzig, 100–124.

Özgümüş 2000

Özgümüş F., Peribleptos (Sulu') monastery in Istanbul, *Byzantinische Zeitschrift*, 93, 2000, 508–520.

Richter 1897

Richter J. P., ed., *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel* (= Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit N.F., 8), Wien, 1897.

Torres 2020

Torres M.-E., Echoes of Constantinople: Rewriting the Byzantine Soundscape in Travel Accounts, B. Stojkovski, ed., *Voyages and Travel Accounts in Historiography and Literature. Voyages and Travelogues from Antiquity to the Late Middle Ages*, Budapest, 2020, 193–213.

Vukovic 2015

Vukovic A., *The Ritualisation of Political Power in Early Rus' (10th–12th centuries)* (PhD thesis, Cambridge, 2015).

Белоброва 1974

Белоброва О. А., «Книга паломник» Антония Новгородского (К изучению текста), *Труды отдела древнерусской литературы*, 29, Ленинград, 1974, 178–185.

— 1977

Белоброва О. А., О «Книге паломник» Антония Новгородского, З. В. Удальцова, отв. ред., *Византийские очерки. Труды советских ученых к XV Международному Конгрессу Византистов*, Москва, 1977, 225–235.

Журавель 2021

Журавель А. Р., Кем и когда редактировался текст «Книги Паломник» Антония Новгородского? *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*, 2021, 1, 116–141.

Конявская 2011

Конявская Е. Л., Византийская живопись и живописцы в «Паломнике» Антония Новгородского, П. А. Смирнов, А. А. Пауткин и др., отв. ред., *Литература древней Руси*, Москва, 2011, 44–57.

Лидов 2006

Лидов А. М., Антоний Новгородский. Описание святынь Константинополя, Idem, отв. ред., *Реликвии Византии и Древней Руси. Письменные источники*, Москва, 2006, 197–205.

— 2009

Лидов А. М., Катапетасма Софии Константинопольской, Idem, *Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре*, Москва, 2009, 209–223.

Лопарев 1899

Лопарев Хр. М., *Книга Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 году* (= Православный Палестинский сборник, 17/3 (51)), С.-Петербург, 1899.

Савваитов 1872

Савваитов П. И., *Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями*, С.-Петербург, 1872.

Сперанский 1926

Сперанский М. Н., *Собрание рукописей И. Е. Забелина, Старая традиция*, Отчет Государственного Исторического Музея за 1916–1926 гг., Приложение 2, Москва, 1926, 1–27.

Строев 1834

Строев П. М., Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения, до начала XVIII столетия, *Журнал Министерства народного просвещения*, 1/2, 1834, 152–188.

References

Belobrova O. A., “Kniga palomnik” Antoniiia Novgorodskogo (K izucheniiu teksta), *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury*, 29, Leningrad, 1974, 178–185.

Belobrova O. A., O “Knige palomnik” Antoniiia Novgorodskogo, Z. V. Udaltsova, ed., *Vizantiiskie ocherki. Trudy sovetskikh uchenykh k XV Mezhdunarodnomu Kongressu Vizantinistov*, Moscow, 1977, 225–235.

Berger A., *Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos* (= Poikila Byzantina, 8), Bonn, 1988.

Effenberger A., Zur „Reliquientopographie“ von Konstantinopel in mittelbyzantinischer Zeit, *Millennium*, 12/1, 2015, 265–327.

Ehrhard M., trans., Le livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod, *Romania*, 58, 1932, 44–65.

Garzaniti M., Le Livre du Pèlerin d'Antoine de Novgorod: Constantinople dans le premier témoignage d'un récit de voyage russe, *Slavica Occitania*, 36, 2013, 25–45.

Janin R., *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin*, 1/3: *Le siège de Constantinople et le patriarcat occuménique. Les églises et les monastères*, Paris, 1969.

Jouravel A., *Die „Kniga palomnik“ des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar* (= *Imagines Medii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung*, 47), Wiesbaden, 2019.

Konyavskaya E. L., Vizantiiskaia zhivopis' i zhivopisty v «Palomnike» Antoniiia Novgorodskogo, P. A. Smirnov, A. A. Pautkin et al., eds., *The Literature of Medieval Russia: a collective monograph*, Moscow, 2011, 44–57.

Lidov A. M., Antonii Novgorodskii. Opisanie sviatyn' Konstantinopolia, Idem, ed., *Relics in Byzantium and Medieval Russia. Written sources*, Moscow, 2006, 197–205.

Lidov A. M., The Catapetasma of Hagia Sophia. Byzantine Installationa and an Image-Paradigm of the Temple Veil, Idem, *Hierotopy. Spatial Icons and Image. Paradigms in Byzantine Culture*, Moscow, 2009, 209–223.

Majeska G. P., *Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries* (= *Dumbarton Oaks studies*, 19), Washington DC, 1984.

Mango C. A., Where at Constantinople was the Monastery of Christos Pantepoptes? *Deletion of the Christian Archaeological Society, Periodos Delta. Stē mnēmē tou Demētriou I. Palla (1907–1995)*, 20, 1998, 87–88.

Marinis V., Ousterhout R. ‘Grant Us to Share a Place and Lot with Them.’ Relics and the Byzantine Church Building, C. J. Hahn, H. A. Klein, eds., *Saints and sacred matter* (= *Dumbarton Oaks Byzantine symposia and colloquia*), Washington D.C., 153–172.

Márquez Gémár J., *Peregrinos Rusos en los siglos XII-XVI*, Málaga, 2014.

Müller K., Die Pilgerreise des Dobrynja Jadrevkovič, *Itineraria rossica. Altrussische Wallfahrtsliteratur*, Leipzig, 1986, 100–124.

Özgümüş F., Peribleptos ('Sulu') monastery in Istanbul, *Byzantinische Zeitschrift*, 93, 2000, 508–520.

Speranskii M. N., *Sobranie rukopisei I. E. Zabelina. Staraia traditsiia*, Otchet Gosudarstvennogo

Istoricheskogo Muzeia za 1916–1926 gg. Prilozhenie 2, Moscow, 1926, 1–27.

Torres M.-E., Echoes of Constantinople: Rewriting the Byzantine Soundscape in Travel Accounts, B. Stojkovski, ed., *Voyages and Travel Accounts in Historiography and Literature. Voyages and Travelogues from Antiquity to the Late Middle Ages*, Budapest, 2020, 193–213.

Анна Журавель, PhD,

стипендиста „Александар фон Хумболт“ фондације

у оквиру постдокторског програма „Феодор Линен“

Византолошки Институт

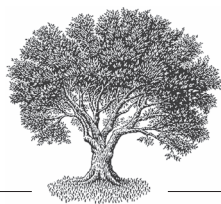
Српске академије наука и уметности (САНУ)

11 000, Београд, Кнеза Михаила 35

Србија / Србија

jouravel.anna@gmail.com

Received November 25, 2020

Изобличение вора
на Руси: от
постановления
Новгородского
архиепископа
Иоанна III до
низовой рукописной
книжности*

The Ritual of
“Exposing the Thief”
in Old Rus: From
the Enactment by
the Archbishop of
Novgorod Ioann III
to Apocryphal
Manuscript Culture

Алина Сергеевна Алексеева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук /
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Россия

Alina S. Alekseeva

V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences /
Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90061. Приношу благодарность Т. И. Афанасьевой, А. А. Гиппиусу, М. О. Новак, Т. В. Пентковской и А. Л. Топоркову за ценные советы и комментарии при работе с материалом и анонимным рецензентам журнала за замечания и предложения, в особенности за указание на еще один список молитвы (*Tr*) и цитату Пс 34:6 в Триоди XII в.

Цитирование: Алексеева А. С. Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до нисовой рукописной книжности // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 230–261.

Citation: Alekseeva A. S. (2021) The Ritual of “Exposing the Thief” in Old Rus: From the Enactment by the Archbishop of Novgorod Ioann III to Apocryphal Manuscript Culture. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 230–261.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.11

Резюме

Составление обряда для изобличения вора, т. н. «Указа о проскурмисании святым трем исповедником: Гурию, Самону и Авибу» связывают с деятельностью архиепископа Новгородского Иоанна III. Как считается, текст появился на свет после знамения от иконы свв. исповедников, произошедшего 24 декабря 1410 г. в Софийском соборе. «Указ...» состоит из молитвы и описания действий на проскомидии, которые предписывается исполнять священнику. Полный текст дошел в двух списках XVI–XVII вв., а молитва до недавнего времени была известна в двух списках не ранее XVII в. Корпус списков молитвы был пополнен двумя списками: рукописи кон. XIV — нач. XV вв. и XVIII в. Обнаружение первого позволяет поставить вопрос о том, что именно создал архиепископ Иоанн: весь текст «Указа...» или же только прескриптивную часть, добавив к ней известную ранее молитву, и сопутствующее послание? Текстологическое исследование дошедших списков «Указа...», новонайденного списка и поздних древнерусских редакций молитвы позволило, во-первых, заключить, что архетип содержал и молитвенную, и прескриптивную части, и во-вторых, описать историю развития текста. Выдвигается гипотеза о том, что авторство обеих частей «Указа...» принадлежит архиепископу Иоанну, однако молитва представляет собой неоднородное образование. Сопоставление с другими славянскими молитвами показало, что фрагмент про праотцов, восходящий к греческой традиции, был заимствован Иоанном из южнославянского источника, в то время как первая часть текста, про свв. исповедников, была составлена самим архиепископом в контексте особого отношения новгородцев к культу свв. Гурия, Самона и Авива.

Ключевые слова

Свв. Гурий, Самон и Авив, Древняя Русь, Великий Новгород, Византия, русский фольклор, апокрифическая молитва, заговор, эпиграфика, литургика

Abstract

The Old Russian ritual of “Exposing the Thief” (“The Decree on the Proskomedion to the Holy Three Confessors Gurias, Samonas and Abibus”) was written by the Archbishop of Novgorod, Ioann III. The creation of the text was inspired by the sign from the icon of the confessors on December 24, 1410 in St. Sophia Cathedral. The full text of the “Decree...” is preserved in two copies from the 16th–17th centuries, whereas the prayer alone until recently was known in two copies not earlier than the 17th century. The corpus of copies of the prayer was replenished with two copies in manuscripts from the end of the 14th or the beginning of the 15th century and from the 18th century, respectively. The discovery of the first copy raised the question about the original text written by Archbishop Ioann: did he write the prescriptive part for a previously known prayer only or the full text? A textual study of the “Decree...” and the copies of the prayer allows to reconstruct the history of the text and conclude that the archetype contained both the prayer and the prescriptive part. Thus, it could be confirmed that the author of both parts of the “Decree...” is Archbishop Ioann, but the prayer is a less uniform formation. The comparison with Slavic prayers showed that the fragment about the forefathers, going back to a Greek

tradition, was borrowed by Ioann from a South Slavic manuscript, while the first part of the text about the three confessors was compiled by the archbishop himself in the context of the special attitude of Novgorod to the cult of St. Gurias, Samonas and Abibus.

Keywords

St. Gurias, Samonas and Abibus, Old Rus, Novgorod the Great, Byzantine Empire, Russian folklore, apocryphal prayer, charm, epigraphy, liturgics

Одним из средств, направленных на изобличение вора, в Античности и Средневековье был так наз. «Божий суд» — практика, порицавшаяся церковью, но тем не менее нашедшая широкий круг почитателей. Проанализировавший корпус греческих текстов А. И. Алмазов выделяет два типа подобных предписаний: а) содержащие словесную формулу, и б) дополняющие ее ритуальным употреблением какого-либо материального предмета (хлеб, сыр, лист бумаги и пр.) [Алмазов 1904: 4–5]. Использование пищи в данной ситуации, как считает исследователь, может быть обусловлено как чисто психологическими причинами (своровавший, к примеру, не сможет съесть что-либо спокойно), так и религиозными (согласно Евангелию от Иоанна (13, 21–30), Иуда был обличен при помощи куска хлеба).

Используемые в обряде формулы, как считал А. И. Алмазов, сосредоточены вокруг библейских сюжетов. Однако А. Ю. Виноградову и М. С. Желтову удалось установить, что византийские формуляры на изобличение и/или проклятие вора в действительности восходят к позднеантичной магическо-герметической традиции [Виноградов и др. 2015]. Исследователи существенно расширяют список известных формуляров «Божьего суда» (в т. ч. из стран Западной Европы) и предлагают классифицировать тексты по магическому инструментарию, использованному в обряде (хлеб и сыр или один хлеб, лавровый лист или бумага, изображение глаза, обращение к потусторонним существам) [Ibid.: 58].

В процессе эволюции обряд утрачивает упоминания о языческих божествах и приобретает отдельные черты богослужебного чина: так, заговорный хлеб заменяется просфорой или антидором Великого четверга, складывается квазилитургическое чинопоследование и т. д. [Ibid.: 62, 65]. Магические формулы замещают канонические и неканонические молитвы и цитаты из Священного Писания, в число которых чаще всего входят стихи Пс. 9:28, Пс. 34:6, а также целые псалмы 24 и 96. В некоторых случаях использовалась даже литургисованная просфора, и следовательно, действие мог совершить только служитель церкви (обряд при этом походил на каноническую исповедь, поскольку священник

с каждым подозреваемым разговаривал наедине и не разглашал подробностей беседы) [Алмазов 1904: 5–6]. Употребление нелитургической просфоры также было возможно и означало, как предполагают А. Ю. Виноградов и М. С. Желтов, стремление не осквернить святыню и избежать священнику извержения из сана [Виноградов et al. 2015: 64].

Разнообразные средства для изобличения вора вышли далеко за пределы Византии. К примеру, в 1976 г. на городище Мангуп (п-в Крым) был найден круглый штамп из известняка, содержащий первую половину стиха Пс. 9:28 на греческом языке [Ibid.: 54–55, 65–66]. Датированный X–XII вв. штамп, как считают А. Ю. Виноградов и М. С. Желтов, использовался для механизации процесса печати на просфорах, и следовательно, Крым мог служить проводником для проникновения одного из обрядов в Древнюю Русь. Кроме того, источники древнерусского обряда, на котором мы сосредоточимся в данной работе, могли быть и иными, хотя общая зависимость его от византийской письменной традиции представляется несомненной.

1. Постановление Иоанна, архиепископа Новгородского

В Древней Руси выяснение Божьей воли применялось не только для поиска вора, но и, например, при решении судебных споров (см. в [Успенский 2010: 195–197]). Что касается расследования краж, то появление этого обряда обычно связывают с именем Новгородского архиепископа Иоанна III, во время святительства которого (1389–1415 гг.), 24 декабря 1410 г., в новгородском Софийском соборе произошло знамение от иконы свв. мчч. Гурия, Самона и Авива. Сведения об этом событии читаются в нескольких новгородских летописях, начиная с Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Л мл.): *В лѣто 6918... Створися знамение въ святѣи Софѣи от иконы святых мученикѣхъ Гурѣя и Самона и Авива, мѣсяца декабря въ 21* [ПСРЛ, 3: 402]. В Новгородской четвертой летописи (Н4Л) и позднейших летописях появляется интересное добавление: *В лѣто 6918... Сътворися знаменіе въ святѣи Съфѣи отъ иконы святыхъ мученикѣхъ Гуріа и Самона и Авва о соудѣхъ церковныхъ, мѣсяца декабря 21* [ПСРЛ, 4/2: 409–410]. В Академическом списке Н4Л (первая треть XVI в.) вместо Самона ошибочно фигурирует Самуил, а вместо *соудѣхъ* записано *сосоудѣхъ*, что митр. Макарий (Булгаков) предлагал считать обличением похитителей церковных сосудов [Макарий (Булгаков) 1994/1996: 177]. В агиографической традиции, как считают авторы Православной энциклопедии, святые обычно связываются с правосудием [ПЭ, 13: 485–488], однако эта трактовка может быть вторичной, возникшей после чудесного знамения, связанного с кражей церковной утвари.

Возведение сооружений в честь какого-либо события или чуда было известной практикой во время святительства архиепископа Иоанна (см. подробнее [Смирнова et al. 1982]), поэтому и данное знамение не было обойдено вниманием. По приказанию владыки в 1411 г. в память об этом событии был построен западный придел Софийского собора, освященный во имя свв. мчч. Гурия, Самона и Авива и выполнявший функцию реликвария для их чудотворной иконы (утрачена во время Второй мировой войны) [ПСРЛ, 3: 253; ПЭ, 13: 485–488; Антипов 2015: 51].

Принято считать, что в связи с произошедшим знамением архиепископ Иоанн написал два текста, известных в настоящее время под названиями «Благословение архиепископа Новгородского Иоанна к христианом святыа Софии» и «Указ о проскурмисании святым трем исповедником: Гурию, Самону и Авиву». Оба текста дошли до нас в новгородско-софийском служебнике нач. XVI в. (*Соф*), по которому они и были впервые опубликованы митр. Макарием (Булгаковым) и кратко прокомментированы [Макарий (Булгаков)]. Митрополит считал, что обличение похитителей церковных сосудов произошло благодаря иконе свв. исповедников (в т. ч. рассматривается предположение о признании ворами своей вины), поэтому «Указ...» вводился для того, чтобы новгородцы «в случаях разных покраж и пропаж обращались для обличения виновных не ко кресту или присяге, а к чудотворной иконе святых мучеников Гурия, Самона и Авива и чтобы приготавливали особую просфору, из которой за литургиею следовало вынимать четыре частицы, предназначавшиеся для указания невинных и виновных». Текст «Указа...» — в измененном виде — также сохранился в Олонецком сборнике заговоров (ОС) XVII в. Епископский указ, включенный в состав рукописи с отреченными текстами, — уникальное в допетровской словесности свидетельство бытования текста одновременно в литургической книжности и магической практике, требующее особого исследования.

Если сам «Указ...», состоящий из молитвы и записи действий, производимых во время проскомидии, представляет собой разновидность «Божьего суда», то «Благословение...» разъясняет причины его издания:

Боуді ва(м) вѣдѣмо. Слышу з(д)ѣ што ѿ васъ ѿ великои и о малои¹ гибѣ-
ли ходать къ кр(ѣ)тѣ ино то дѣете не по бжїю закѣноу... а што ходите къ
кр(ѣ)тѣ ино то в ва(ѣ) ѿнимае(м)ѣ но хв(ди)те къ знаменію божїихъ сѣхъ
исповѣ(д)ни(ѣ)² (*Соф*, 114–114об.).

¹ Три слова приписаны на полях.

² Здесь и далее текст по рукописи передается в упрощенной орфографии: отсутствующие или неоднозначно читающиеся буквы даются в [], выносные в () скобках; инициалы отмечены при помощи заглавных букв, ударения и придыхания не обозначаются.

Положение было адресовано к *хр(с̄)тіанw(м) с̄тыа со(ѿ)и*, что, по мнению митр. Макария (Булгакова), следует воспринимать буквально — эта точка зрения получает развитие в последующем издании текста в «Русской исторической библиотеке»: «Под “христианами св. Софии” едва ли можно здесь разумеать новгородцев вообще. Содержание грамоты скорее идет к софийским крестьянам (тяглым людям), которым владыка, конечно, имел полное право давать наказы, подобные настоящему. Но сам господин Великий Новгород знал только свои — вечевые законы» [РИБ, 1908/6: 305].

С этим мнением, как кажется, нельзя согласиться, поскольку Софийский собор является олицетворением всего Новгорода (см., например, в *НІЛ мл.* слова князей Мстислава Мстиславича и Ярослава Всеволодовича в статьях 1216 г. и 1234 г. соответственно: *нь гдѣ святая Софѣя, и ту и Новѣгород* [ПСРЛ, 3: 254], *покои господи душа их въ царствии небесномѣ, проливших крови своя за святую Софѣю и за кровь крестіаньскую* [ПСРЛ, 3: 284] — про новгородцев, павших в сражении на Омовже). Предпочтительнее думать, что распоряжение было обращено именно ко всем новгородцам и являлось, как верно отмечали А. И. Алмазов, А. Ю. Виноградов и М. С. Желтов, попыткой установить рассматриваемую разновидность «Божьего суда» в качестве церковно-правовой нормы [Алмазов 1904: 7; Виноградов et al. 2015: 64].

Ввиду того, что летописи и другие памятники никак не отражают длительное использование постановления даже в самом Новгороде, митр. Макарий (Булгаков) высказывает сомнение в широте использования обряда [Макарий (Булгаков)]. Однако направление указа из Новгорода на периферию Новгородской земли подтверждает следующий фрагмент:

з(д)ѣ намѣ да(л̄) бгѣ знаменіе с̄тхъ исповѣ(д)никѣ. гдѣа и самона и авива дѣакона ... и мы к ва(м) послали иконѣ с̄ты(х) исповѣ(д)никѣ. въ цр̄квѣ бж̄ію. а што ходите кр(с̄)тѣ ино то в ва(с̄) ѿнимае(м)ѣ. но хв(ди)те кр̄ знаменію божіихъ с̄тхъ исповѣ(д)ни(к̄).

О множественности же храмов епархии, вовлеченных в новую практику, говорит уже упомянутое обращение к христианам св. Софии, т. е. ко всем новгородцам, и слова *Вы же с̄ц̄нници* в самом «Указе...», типичные для окружных посланий иерархов.

В этой цитате также вызывает интерес лексема *знамение*. Если в первом случае речь идет о чуде (это значение известно уже в ранних памятниках [СлДРЯ XI–XIV вв., 3: 396]), то далее имеется в виду материальный предмет (скорее всего икона), воспроизводящий облик святых. В этом позволяет убедиться упомянутое далее в том же значении со-

четание *икона святыхъ исповѣдникъ*. Значение 'изображение, начертание, рисунок чего-л.' слова *знамение* фиксируется в [СлРЯ XI–XVII вв., 6: 43] цитатами из Лаврентьевской летописи (статья 1028 г.) и Великих Миней Четыхъ митрополита Макария. Однако первый пример: *Знаменье явися на нбси, яко видѣти всеи земли* — представляется недостаточно показательным, так как, скорее всего, здесь речь идет не об изображении, как в Минее (*Бъсь рече: идѣже нѣсть знамениа распятого, ту все наше есть; а идѣже образъ креста, ту не можемъ приити: огнь бо есть попаляя ны*), а о природном явлении, которое что-л. предзнаменует (ср.: [СлДРЯ XI–XIV вв., 3: 396]). Таким образом, возможны две интерпретации данного фрагмента: либо текст архиепископа Иоанна фиксирует наиболее раннее употребление лексемы в значении 'изображение', либо здесь имеется в виду наименование иконы по событию, произошедшему чуду в соборе св. Софии. Механизм, представленный во втором варианте, не нов: следует упомянуть икону «Богоматерь Знамение», которая получила широкую известность под соответствующим названием после события 1169/1170 г. [ПЭ, 20: 271–277].

Вопрос об источниках постановления архиепископа Иоанна затрагивал уже А. И. Алмазов, сделавший несколько важных наблюдений о тексте и обряде. Во-первых, фрагмент молитвы из «Указа...» имеет параллель с одним из византийских текстов, предназначенных для обнаружения вора, что рассматривается исследователем в качестве аргумента в пользу переводного характера молитвы. Этот фрагмент будет подробно рассмотрен ниже.

Во-вторых, к грецизмам А. И. Алмазов относит и слово *непоть*, которое, по его мнению, восходит к гр. ὑποπτον 'подозрение'. Соглашаясь с толкованием лексемы, мы, однако, не можем принять гипотезу о ее происхождении, так как придыхание едва ли может быть передано через *-н-* (ср., например, *иматизмъ* < ἱματισμός). Скорее всего, здесь зафиксировано собственно славянское образование, связанное, согласно ЭССЯ, с *рѣвати 'полагаться, надеяться', *рѣта / *рѣтја / *рѣть 'надежда, вера' [ЭССЯ, 24: 225]; ср. с однокоренными словами, также имеющими префикс *не-*: *непѣщати* 'сомневаться', *непѣщевание* '1. повод, 2. мнение, 3. высокомерие, 4. подозрение, 5. репутация, 6. рассуждение', *непѣщеванныи* 'внушающий подозрение', *непѣщевательныи* 'имеющий какую-л. репутацию', *непѣщевати* '1. думать, 2. воспринимать, 3. ссылаться на что-л., 4. сомневаться' и *непѣщеватися* '1. считаться, 2. казаться, 3. безл. быть предметом размышлений', *непѣщь* 'мнение, подозрение' [СлРЯ XI–XVII вв., 21: 80–81]. В ОС, отметим, вместо *непоть* записано *непуть*: возможно, под влиянием слова *непутныи* [Алексеева 2020: 133]. Можно отметить и употребление в славянском переводе Пандектов Антиоха

близко звучащей лексемы в контексте, также предполагающем наличие тягостного состояния:

[об имеющих власть] Велика дѣшевнаѣ бѣда. велико же си(х) брѣма. страшенъ си(х) сѣдѣ. и многимъ наптоу мѣрите. Ѡ себе скоро оуслышите ꙗкоже Ѡ бѣ тыщитеса да вы оуслыши(т) (*Тр*757, л. 129об.) —

наптоу является переводом греч. ἐπιχίνδυνον ‘опасность, опасное положение’.

В-третьих, с греческой практикой связано, по мнению А. И. Алмазова, и использование при обряде четырехкрестной просфоры [Алмазов 1904: 9]. Таким образом, заключает исследователь, «[...] если не в целом, то по крайней мере в значительной и собственно существенной части, устав архиепископа Иоанна есть сколок, переложение соответствующего греческого документа» [Алмазов 1904: 9–10].

Содержательно «Указ...» распадается на две части: описание действий, совершаемых при обряде, и текст молитвы. До настоящего времени было известно о двух списках «Указа...» — *Соф* и *ОС*³ и двух отдельных списках молитвы *Сол* и *Арх*. В настоящее время обнаружен новый список молитвы в служебнике со статьями требника *Tun*⁴, который датируется А. А. Туриловым концом XIV — началом XV в. Поскольку *Tun* не содержит прескриптивной части, данная находка заставляет сформулировать новый вопрос о происхождении текста. Так, если рукопись действительно может быть старше даты знамения от иконы, необходимо выяснить, что же написал архиепископ Иоанн: весь текст «Указа...» или только его часть, использовав известное ранее моление? Еще один список молитвы, будучи частью другого текста, находится в сборнике XVIII в. — *Тр*.

Культ свв. исповедников Гурия, Самона и Авира существовал в Новгороде и до святительства архиепископа Иоанна: об этом свидетельствует граффито № 250, расположенное на стене ризницы Софийского собора и датированное кон. XIII — нач. XIV в. [Медынцева 1978: 175, 302]:

стаѣ бѣ[а] [п]ом(о)зи ми
грѣшѣномуу припа-
да(ю)щомуу къ тебѣ
подъ кровъ тв(ои) сѣты
гоурие с(а)моне и авиве⁵.

³ Поправки к изданию текста в [РЗРИ 2010] см. в [Алексеева et al. 2019: 149].

⁴ Сердечно благодарю Т. И. Афанасьеву, указавшую мне на этот список.

⁵ В издании набор неточен, поэтому приводим текст по фотографии на с. 302. В связи с культом свв. Гурия, Самона и Авира надпись приводится в [Смирнова et al. 1982: 21]. После верстки статьи в устной беседе с С. М. Михеевым стало известно об уточненной им орфографии и новой датировке граффито, которое следует относить к концу XI — началу XII вв.

Таким образом, ничто не противоречит гипотезе о первичности молитвы. Ответ на вопрос, однако, требует подробного текстологического исследования «Указа...» и его дошедших до нашего времени модификаций.

2. Молитва свв. исповедникам

Границы между двумя частями «Указа...», обрядом и молитвой, в публикациях Соф и ОС [РИБ 1908/6: 307–308, РЗРИ: 117] выделены неверно: представляется, что текст для произнесения начинается со слов *стїи бжїи исповѣдници*, в то время как *мѣтвѣ сїю*. Молите — это слова, обращенные к священнику. Ср. с близкой *figura etymologica* *молитися мольбою* (*мольбу*) 'давать обет' [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 246].

Центральная часть «Указа...» — молитва свв. Гурию, Самону и Авию — сохранилась не только в Соф и ОС, но и в четырех отдельных списках: *Тип* (кон. XIV — нач. XV в.), *Арх* (XVI в.), *Сол* (XVII в.⁶) и *Тр* (XVIII в.)⁷. Список *Арх*, опубликованный ранее без шифра, был отождествлен с рукописью из Архангельского собрания БАН Д.193 (описание см. в [Амосов 1989]), список *Сол* остается в настоящее время невыявленным, поэтому мы будем обращаться к публикации А. П. Шапова⁸. В трех последних списках полностью отсутствует связь с проскомидией и четырехкрестной просфорой (по списку *Арх* произносить молитву может даже сам потерпевший, не прибегая к помощи священника); в *Сол* и *Арх* также скорректировано назначение: если первый текст используется для поиска пропавшего человека (... *такѡ и сего возвратите погнбшаго имрекѣ*), то второй — для обретения утраченного имущества (*Какою вещью изгине(т) или вкраде(н) бѣде(т). і в(н) помолитсѣ глѣ сїи сти(х)*). Список *Тр*, представляя собой почти точную копию *Сол*, завершает собой текст, известный под названием «Имена ангелов» (см. публ. Н. С. Тихонравова в [ПОРЛ 1863: 345–346]). С. Е. Соколов отмечает, что список «Имен...», включающий *Тр*, заметно отличается от найденных ранее [Соколов 1905: 330] — и одной из его особенностей является именно молитва свв. исповедникам.

Основной гипотезой нашего исследования является существование двух ветвей списков молитвы: *Арх*, *Сол* и *Тр*, утративших связь с

⁶ Датировка А. П. Шапова [Шапов 1859].

⁷ В НИОР РГБ сообщили, что рукопись в собрание не поступала, и ее местонахождение неизвестно (опись сделана до поступления в фонды РГБ).

⁸ А. П. Шапов отмечает, что молитва содержится в сборнике № 889 Соловецкой библиотеки, поэтому, скорее всего, его следует искать в Соловецком собрании РНБ. Однако, просмотрев рукописи с цифрами «889» в верхнем и нижнем чине, молитву мы не обнаружили. При этом следует отметить, что рукопись 889/999 имеет на форзаце запись «Изъ Соловецкаго монастыря № 889», а значит, в XIX в., до перешифровки, числилась в каталоге как № 889. Вероятнее всего, в издании А. П. Шапова указан неверный шифр — остается надеяться, что в будущем эта рукопись будет обнаружена.

церковным обрядом, и *Соф*, *ОС* и *Тин*, которые сохраняют исконную прагматику (в случае *Тин* это предположение базируется на характере рукописи — служебнике, предназначенном для священнослужителя). Дальнейшее изучение текстологии молитвы позволит подтвердить или опровергнуть нашу точку зрения. Приведем тексты молитв.

Тин: Сѣи исповѣдници бѣи г[ури]и . самонѣ . и авивѣ [ѣкоже] възростисте дѣцю [та]коже възростисте [гра]дѣ с[вои] едесѣ сѣи Авидане . и авраме . пож[ен]и . исаче . сважи Іаковѣ [за]мати путь а б[у]де(т)ь (п)уть ихъ тменѣ [и] по[лзѣ]кѣ . ангѣль [г]нѣ поганаѣть и .

Соф: сѣи бѣи исповѣдници Гоуріе самоне і авивѣ діакѣне ѣко (ж) естѣ мл(с)рдіемъ божіи(м) възвратили дѣцю . въ гра(дѣ) свои едесѣ . тако и нѣѣ сѣи тріи исповѣ(д)ници . гѣріе самоне авиво . и авидане . и аврааме . и аѣеніи . чю(до) свое сѣтворите к ва(м) с вѣроу приходящи(м) . гибѣлникѣ(м) помозите . виноваты(х) ѡбличите . гортани шко(д)никѣмъ затворите . исаче сважи и . іаковѣ и пѣти и(х) загра(ди) и на вси стороны темны сотвори да бѣдоу(т) пѣти и(х) ползкы . и аггѣль гнѣ поганаѣ и(х) .

Арх: Сѣи тріе исповѣ(д)ници . едестіи застѣпници . гѣріи . и самонѣ . и авивѣ ѣко(ж) есте възвратили дѣцѣ . въ гра(д) свои едесѣ . тако възвратите погібшее сіе . авраамѣ сважи . ісаакѣ пожени . іако(вѣ) запни и(м) . и аггѣль г(с)нѣ . пѣ(т) имѣ замати . бѣди пѣ(т) ихъ . тма и ползѣокѣ .

ОС: сѣи(и) бѣи(і) исповѣдници [гу]раю самоне і авивѣ діакѣне а(кѣ) же възвратіи[ш]а дѣцу во гра(д) еѣс во сво(і) . сѣи(і) авида(н)нѣ [а]враамѣ и аѣиніи исаче сважи іаковѣ пу(т) и(х) загра(ди) б(т) пу(т) ихъ темѣ(н) и по(л)зо(к) аггѣль [господе]нѣ поганаѣ и(х) .

Сол: Свѣтіи божіи исповѣдници Гуріе и Самонѣ и Иавивѣ ѣкоже есте възвратили дѣвицу погібшую въ градѣ свой во Едесѣ , тако и сего възвратите погібшаго имрекѣ . Авраамѣ , сважи , Ісааче , пожени , Іаковѣ , путь ему замети и путь ему сотвори темень , ангѣль , пожени .

Тр: Свѣтіи божіи исповѣдници Гуриі и Самоне и Авивѣ , ѣкоже есте възвратили дѣвицу погібшую во граде Ефесе , тако и сего възвратити погібшаго имркѣ , Аврама скорбяще , Ісааче пожени , Іаковѣ путь ему замети и путь ему сотвори темень , ангѣль Господень пожени і [в изд.: поженіи] , во имя Отца и Сына и св. Духа , нынѣ и присно и во вѣки .

Для начала сопоставим списки и попытаемся определить первоначальные и вторичные чтения. Текст начинается с обращения к трем святым. В *Соф*, *Сол*, *Тр* и *ОС*, как видно, употреблена Зв. ф., а в *Тин* и *Арх* — И. ед. Здесь следует отметить, что утрата Зв. ф. существительных *о-склонения в новгородских берестяных грамотах зафиксирована не ранее 2 пол. XIV в. [Зализняк 2004: 105], поэтому употребление И. ед. в

Тип представляется яркой новацией. В *Арх* эта форма в функции обращения отражает давно прошедший процесс, отголосок которого обнаруживается и в расположенном ниже фрагменте *Соф*, где неверно образована форма от имени *авивъ*, и в *ОС* и *Тр*, в которых имя *гурии* представлено с ошибкой в образовании Зв. ф. (*гураю*) или же в И. ед. на фоне других имен, еще сохранивших реликтовое обращение. Ввиду того, что Зв. ф. отражается в несвязанных списках (*Соф*, *ОС* / *Сол*, *Тр*), можно предположить, что она была и в архетипе. Наличие или отсутствие в архетипе числа *трие* и определения *едестіи застѣпниці*, сохранившихся только в *Арх*, возможно, удастся определить после построения стеммы.

Далее находится центр молитвы — конструкция *іако... тако...*, выстраивающая параллель между агиографической ситуацией и действием, которое адресаты молитвы призывают совершить. Два списка в этом месте повреждены: так, в *Тип* информация из первого члена конструкции повторяется дважды, а в *ОС* вторая часть практически полностью отсутствует. В обоих списках в первом члене используется аорист, что кажется вторичным, потому что в предложении представлено чисто перфектное значение (девушку вернули в Эдессу, и она там находится); в *ОС* *възвратити* стоит в форме 3 л. мн. ч., что может отражать смешение личных форм аориста, частотное в позднерусской письменности, или же утрату семантики обращения. В архетипе, на наш взгляд, находилась форма перфекта, как в *Соф*, *Арх*, *Сол* и *Тр*, а изменения в *Тип* и *ОС* носят вторичный характер. Неисходными являются переосмысление формы *ефесъ* в м. *едесъ* в *ОС* (подробнее см. [Алексеева et al. 2019: 149]) и *Тр*, а также обращения к праотцам, вторгшиеся в слова свв. исповедникам в *Соф* (см. ниже).

Любопытное чтение: *погибшую* — содержат лишь *Сол* и *Тр*, однако, скорее всего, оно находилось и в протографе *Арх* и в целом в начале второй ветви, поскольку на употреблении этой лексемы строится языковая игра: святых просят вернуть *погибшего* 'потерявшегося человека' (*Сол*, *Тр*), или *погибшее* 'потерянную вещь' (*Арх*) как *погибшую* девицу. Это определение, явно вторичное, искусственно возвращает к смыслу ключевого эпизода чуда свв. исповедников (см. подробнее в [ПЭ, 13: 485–488]), т. е. к спасению девушки от гибели и ее возвращении к матери (ср. с другим значением глагола *погибнути*: 'оказаться в трудном, бедственном положении, ведущем к гибели' [СлРЯ XI–XVII вв., 15: 185]).

Внимание привлекает слово *авидане* (*Тип*, *Соф*, *ОС*), которое издатель *Соф* расценивает как имя [РИБ, 1908/6: 307–308] и которое действительно имеет параллель с Библией, где упоминается Авидан, сын Гидеония. Однако это образование представляется вторичным: скорее всего, *авидане* — результат неправильного прочтения Зв. ф. *авиве*

диако́не [Алексеева et al. 2019: 149], поэтому можно предполагать наличие в архетипе после *так*о второго обращения к святым, которое сохранилось в редуцированном виде в *Тип* и *ОС*, а в более полном, но с вторгшимся в синтагму фрагментом обращения к праотцам — в *Соф*.

Далее в *Соф* читается пространная просьба к святым, которая включает в себе лексему *шкодьникъ*, истолкованную И. И. Срезневским как ‘хули́тель’ и зафиксированную только в *Соф* [МСлДРЯ, 3: 1596–1597], где она выделяется на фоне книжной лексики молитвы. Однокоренная лексема *школа*, будучи заимствованной из польского языка, обнаруживается в западнорусских памятниках не ранее кон. XV в. [Фасмер, 4: 449; МСлДРЯ, 3: 1596–1597], поэтому есть все основания предполагать, что *шкодьникъ* появился на Руси в это же время — эта гипотеза удовлетворяет датировке списка 1514 г.

Восстановить чтение архетипа во второй части конструкции проблематично, поскольку *Тип* и *ОС* ее утратили, а *Соф* и *Арх* довольно сильно разнятся с *Сол* и *Тр*. Вариант *Арх* привлекателен тем, что в нем нет более позднего, судя по другим источникам, заимствования *шкодьникъ* и в целом ему свойственна лаконичность, характерная для всего текста молитвы. Однако *Соф* гораздо лучше передает прагматику молитвы, так как имеет в своем составе отсылку к чуду и, что важнее, направлен именно на поиск вора, а не на возвращение пропавшего имущества (*Арх*), что представляется явно вторичным. Полагаем, что в архетипе находился фрагмент, близкий *Соф*, но в несколько измененном виде.

Ввиду того, что *шкодьникъ* имеет происхождение гораздо более позднее, нежели молитва, можно предположить, что в этом месте читалось другое слово: например, *обидьникъ* ‘обидчик, оскорбитель, обманщик’ [СлДРЯ XI–XIV вв., 5: 475] или *обадьникъ* ‘клеветник’ [Ibid., 5: 469]. Ср. в Пандектах Никона Черногорца (XIV в.):

да вѣдоми боудоуть тѣхъ приношенья еп(с)поу. тать и мытарь небрези же и воина обидника и клеветника. не сыта своими. но оу(бо)гыми потрѣсающа. оубилица же и обидника. и соудья законопр(е)стоупна. и всако има ѿко глѣть писанье ненавидимомъ быти [так!] ꙗко ба всѣмъ таковымъ —

как и *шкодьникъ* в *Соф*, *обидьникъ* употребляется здесь в ряду наименований преступников. Необходимо подчеркнуть, что значение ‘оскорбитель’ или ‘клеветник’ как нельзя лучше дополняет сочетание *гортани... затворите*, поскольку оскорбление и клевета — это речевой акт. В этом фрагменте наблюдается явная параллель с Пс 62:12, ср. с РГАДА29: *похвалитсѣ всако кльныисѣ имѣ ѿко заградишасѣ оуста ихъ глѣцимъ неправдоу* — форма *заградишасѣ* при этом перекликается со следующим

ниже императивом *загради* по отношению к пути (то же чтение присутствует и в Геннадиевской Библии).

В целом здесь выстраивается интересная последовательность просьб: помочь обокраденным (*гибльникъ*, зафиксированный только в *Соф* — 'потерпевший убыток', но однокоренное *гибльщикъ*, с тем же значением, встречается уже в памятнике XII–XIII вв. [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 19]), выявить виновных и запретить словесное поношение провинившихся или оклеветание невинных — неслучайно, как кажется, обряд производится в церкви и соотносится с исповедью. С точки зрения палеографии предпочтительнее замещение лексемы именно лексемой *обадьникомъ*, поскольку написание *w*, благодаря трем ножкам, отдаленно напоминает *ш*, *б* в полууставе, так же как и *к*, имеет левую мачту, а нижняя округлая часть похожа на фрагмент *к*, а буквы *а* и *о* объединяет написание в виде круга.

Вторая часть молитвы⁹, как отмечает А. И. Алмазов, восходит к греческому заговору на обличение вора: «Ἀβραάμ σε καταδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει. γενηθήτω ἡ ὁδὸς αὐτοῦ σκοτός καὶ ὀλισθηρὰ» 'Авраам тебя преследует, Исаак тебя настигает, Иаков тебя опережает; да будет путь их темен и скользок'¹⁰. Здесь следует обратить внимание на то, что в начале употреблено местоимение ед. ч. и речь обращена, таким образом, к одному виновному, а в продолжении, в цитате Пс 34:6 сохраняется исконное мн. ч. — в древнерусском же тексте и в начале, и в конце фрагмента сообщается о нескольких людях, т. е. ситуация приобретает бо́льшую симметрию.

Слово *авении* (*авинии* в *ОС*) издатель *Соф* тоже, как и *авидане*, принимает за оним [РИБ, 1908/6: 307–308], однако человек с таким именем библейской истории неизвестен. Поскольку в *Сол*, *Тр* и *Арх* по именам названы лишь исповедники, а в *Соф* и начале *Арх* к тому же находится числительное *трие*, можно не сомневаться в том, что это не имя собственное. На месте последовательности *и аврааме* . *и авении* в протографе *Соф* и *ОС*, скорее всего, читалось *аврааме пажени* и 'догони его': писец неправильно прочел текст, спутав *и* и *п*, *ж* и *ѳ*, которые могут иметь похожие написания в полууставе [Алексеева et al. 2019: 149]. Слова к Аврааму, таким образом, должны были находиться после императива *затворите*, в цепочке действий, направленных на имярека, но переместились вперед, нарушив композицию молитвы.

Далее, списки расходятся в обращенных к праотцам словах, причем перевод не всегда дословно следует источнику: так, формы презенса 3 л.

⁹ В настоящей работе освещение данной проблемы, рассматривавшейся нами в тезисах [Алексеева 2018], публикуется с исправлениями.

¹⁰ Перевод А. Ю. Виноградова и М. С. Желтова [Виноградов и др. 2015: 76].

ед. во всех списках, за исключением *Тр*, заменены на императивы. Согласно Быт. 14: 14–16, вооружив 318 рабов, Авраам преследовал неприятеля, чтобы освободить Лота, — в записи на греческом соответствующим образом употреблен глагол *καταδιώκει* ‘преследует’ (ср. с чтением Септуагинты *κατεδίωξεν* ‘преследовал’), а в русской традиции — *пожени* от *погнати* ‘погнаться, отправиться вдогонку за кем-л.’. В *Тр* после имени в В.=Р. ед. находится причастие: *сего возвратити погибшаго имркѣ Аврама скорбяще*. Этому способствовало, во-первых, расположенная ранее форма *имярекѣ* (обращение *аврааме* было воспринято как имя субъекта, которого надо разыскать), и во-вторых, набор букв, совпадающий в словах *связаи* и *скорбяще* (если антиграф *Тр* писан полууставом, в копилку предпосылок ошибки можно отнести близкие начертания *в* и *б* или *к*).

Ниже, согласно греческому источнику, Исаак настигает свою цель (гр. *καταφάγει*), но в древнерусских текстах обнаруживается либо императив *связаи* (*Тип*, *Соф*, *ОС*), либо *пожени* (*Арх*, *Сол*, *Тр*). Представляется, что в архетипе Исаака просили именно связать вора — по аналогии с жертвоприношением (Быт. 22: 9), во время которого Авраам связал Исаака и положил его на жертвенник для всесожжения. Второй вариант в таком случае мог возникнуть в результате смешения с соседним высказыванием.

Далее можно обнаружить еще одно несоответствие между двумя традициями: гр. *ἀνατρέχει* ‘опережает’ по отношению к Иакову заменяется просьбой воспрепятствовать вору: *(за)мати путь* (*Тип*), *пѣти и(х) загра(ди) и на вси стороны темны сотвори* (*Соф*), *пу(т) и(х) загра(ди)* (*ОС*), *запни и(м)* (*Арх*), *путь ему замети и путь ему сотвори темень* (*Сол*, *Тр*). В этом контексте можно предполагать параллель с историей о полученном Иаковом благословении умирающего Исаака при помощи обмана (Быт. 27), т. е. *преграждении его жизненного пути*. В славянской традиции, если гипотеза верна, праотцу присваивается более активная роль при взаимодействии с преступником.

Исходное чтение архетипа — *замати* (*Тип*, *Сол*, *Тр*) или *загради* (*Соф*, *ОС*), в то время как *запни* появляется на этапе *Арх*. Можем предположить, что первоначальным вариантом был императив *загради* (эта лексема к тому же наиболее близка библейскому рассказу об Иакове и Исаве, к которому апеллирует молитва): сочетание *възградити путь / заградити стезю* в целом известно по Плачу Иеремии (3:9); ср. в Геннадиевской Библии: *възгради пѣти моа. загради стезя моа*. Поскольку в Елизаветинской Библии в словах Исава об Иакове употребляется глагол *запяти* (Быт. 27:36: *запя бо мя се уже вторицею*), было бы соблазнительно предположить, что *Арх* отражает исправление под влиянием

Библии, однако в Геннадиевской Библии читается аорист *прелѣкова*, который в Острожской и затем Московской Библиях заменяется на *прелѣсти*. Глагол *замясти* в словаре древнерусского языка истолкован как ‘внести замешательство’ [СлДРЯ XI–XIV вв., 3: 328], и единственный пример из Ипатьевской летописи (1281 г.) довольно близок ситуации в молитве: *такѡ ти молвить братъ твой Володимѣръ. радъ ти быхъ помоглъ. за твою сорому. но нѣ лѣзъ мѣ замѣля нами Татаровѣ*¹¹. Имеющаяся во всех списках лексема *путь*, как кажется, была вставлена уже в архетипе под влиянием следующей далее цитаты из Библии. К такому заключению приводит нарушение симметрии в обращении ко всем протцам, поскольку дополнение присоединяется к использованной дважды конструкции *Зв. ф. + императив*. Первоначальным кажется порядок *существительное + императив*, как в *Соф*, поскольку глагол в постпозиции поддерживается расположенным выше сочетанием *гортани... за-творите*.

Цитата Пс 34:6 различается по спискам в двух точках: описании пути и действии ангела. Так, в *Тип*, *Соф* и *ОС* представлены прилагательные *тъмнѣ* и *пѣлзѣкъ* ‘скользок’ (в *Сол*, *Тр* — только *тъмнѣ*); в *Арх* — *тма* и *ползѡкъ*. Можно предположить, что в архетипе первым определением пути была лексема *тъмнѣ*, которая обнаруживается не только в *Тип*, *Соф* и *ОС*, имеющих общий протограф, но и в *Сол*, *Тр*. Особо внимания требует прилагательное *пѣлзѣкъ*: откуда книжник мог заимствовать эту лексему?

В первую очередь необходимо посмотреть на псалтири, написанные незадолго до и во время владычества архиепископа Иоанна — например, *РГАДА28* (сер. XIV) и *РГАДА29* (кон. XIV — нач. XV в.). В соответствующем стихе 34 псалма в этих рукописях читаются существительные *тъма* и *сѣблзѣнѣ*: *Буди путь ихъ тъма и сѣблзѣнѣ а́нѣлъ г(с)нѣ поганѣа ѿ* (*РГАДА28*) и *Боуди поуть ихъ тма и соблазнѣ И а́нѣлъ гнѣ поганѣа ѿ* (*РГАДА29*). Искомое чтение — *пѣлзѣкъ* — обнаруживается в синхронной тексту архиепископа Иоанна псалтири Чуд.177, которая происходит из Новгорода (см. подробнее [Николова 2017: 162]): *Буди путь и(х) тма и ползѡкъ . и а́нѣлъ г(с)нѣ поганѣа ѿ*. Однако, в отличие от *РГАДА29*, Пс 62:12 в Чуд.177 содержит форму *зѣаѣшасѣ*, что не поддержит другое чтение молитвы. Не исключено, что автор обращался к разным рукописям, однако можно поискать и источник, содержащий оба чтения. Так, например, в южнославянской Норовской псалтири XIV в.

¹¹ Толкование ‘расстроить, возмутить кого-л.’ в отношении той же цитаты в [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 248–249] нам кажется неудачным, поскольку речь идет именно о том, что татары смешали планы Владимира, а возмущение — это вторичная реакция.

можно увидеть не только форму прилагательного в Пс 34:6: *бѣди путь ихъ тьма и плъзкъ. и аггелъ ѡнь поганъхъ ихъ* [Чешко et al. 1989: 323] — но и форму аориста от глагола *заградитисѧ* в Пс 62:12. Таким образом, если рассматривать в качестве источника заимствований псалтирь, то следует предполагать скорее южнославянскую традицию, которая, по-видимому, нашла отражение в более поздней псалтири Чуд.177 и Геннадиевской Библии, в то время как *тьма* в *Арх* — позднейшее исправление под влиянием библейского (уже, по-видимому, древнерусского) текста. С другой стороны, искомое прилагательное встречается и в славянской Триоди XII в. из собрания ГИМ: *Боуди поуть ихъ тьма и пълзкъ. и аѣлъ господень поганѧ ѧ* (Воскр, 32 об.) — но, во-первых, цитата из Пс 62: 12 в ней не упоминается, а во-вторых, составы и переводы ранних древнерусских Триодей были настолько разнообразны по сравнению с более консервативной псалтирью, что это чтение может оказаться уникальным. К тому же эта Триодь, принадлежащая к так наз. Гимовской редакции по определению М. Моминой, имеет связь и с южнославянской богослужебной традицией (см. [Борисова 2019]).

Интересна и форма глагола, употребленного по отношению к пути. В *Соф* при обозначении их множества используется книжная конструкция *да* + презенс, в то время как в *Тип* и *ОС* находится презенс 3 л. ед., а в *Арх* используется императив *буди*. Вероятнее всего, в архетипе находилась форма *да будетъ*, поскольку она присутствует в *Соф* и проглядывает в *ОС* (без союза) и в *Тип*, где перед глаголом располагается союз *а*, который мог образоваться в результате утраты первого согласного. В таком случае *буди* в *Арх* — инновация списка в соответствии с Псалтирью.

Далее, если в *Тип* употребляется презенс глагола *поганѧти*, то в *Соф* и *ОС* читается действительное причастие настоящего времени. Поскольку в *Сол*, *Тр* и *Арх* глагол утрачен, реконструкция чтения архетипа возможна только при сопоставлении цитаты с Пс 34:6. Ввиду того, что во всех рукописях находится форма *поганѧѧ*, можно предположить, что она же была и в архетипе, а презенс в *Тип* — это инновация по образцу соседствующей формы *будеть*.

Списки молитвы различаются и в употреблении местоимений. В *Тип* имеется в виду путь множества человек (*ихъ*), но ангел погоняет одного (*и*), в *Соф* и *ОС* — в обоих случаях множество (*ихъ*), в *Арх* проникает Д. мн. (*имъ*), а в *Сол* и *Тр* два раза встречается местоимение Д. ед. (*ему*). Как кажется, изначально речь шла о нескольких людях (*Соф*¹², *Ос*, *Арх* и частично *Тип*), в то время как ед. ч. в *Сол* и *Тр* соотносится с целью текста, поиском одного человека. Не нарушает предположение *и*

¹² Неслучайно в инструкции *Соф* речь идет о множестве виноватых.

в *Тип*, поскольку писец мог попросту не дописать конечный согласный и, таким образом, форма В. мн. = Р. мн. превратилась в более архаичную форму В. ед. По-видимому, местоимение *ихъ* развивается в молитве вне ориентации на библейский текст, под влиянием живой речи — позднее эта норма, так же как и лексема *пѣлзѣкъ*, закрепится в Геннадиевской Библии: *бѣди пѣтъ ихъ тма и ползѣкъ . и аггль поганла ихъ*. Воззвание *ангелъ*, *пожени* в *Сол* и *Тр* определенно появляется в результате ошибки: этот императив был перенесен из обращения к праотцу, расположенного выше.

Проведенное исследование, как кажется, делает возможным восстановление архетипа молитвы. Приводим текст в упрощенной орфографии с внесением пунктуации и расстановкой заглавных букв:

Сѣи три исповѣдници Бѣи Гуріе, Самоне и Авиве диаcone, аже есте возвратили двѣю въ градъ свои Едесъ, такоже и ныне, сѣи исповѣдници Гуріе, Самоне и Авиве диаcone, чюдо свое сотворите къ вамъ съ вѣроу приходящимъ: гибѣлникомъ помозите, виноватыхъ обличите, гортани обадникомъ затворите. Аврааме, пожени. Исаче, сважи. Иакове, путь загради. Да будетъ путь ихъ темень и ползокъ, и англь Гнь поганла ихъ.

От архетипа спускаются две ветви (см. стемму в конце раздела): к первой (А) принадлежат *Тип*, *Соф* и *ОС*, причем *Тип* и *ОС* имеют общий несохранившийся этап (С); вторую ветвь образуют *Сол*, *Тр* и *Арх*, отделившиеся от протографа (В).

Протограф (А) представлял собой наиболее близкий к архетипу, но и довольно сильно поврежденный текст. На этом этапе появляется порча *авидане авраме иаовѣни* — вопросом, однако, остается причина этого предвосхищения в *Соф*. Другим важным отличием *Соф* от (А) является трансформация части цитаты из Псалтири. Начало Пс 34:6, про темный путь, переосмысливается как еще одна просьба к Иакову: *иаковъ и пѣти и(х) загра(ди) и на вси стороны темны сотвори да бждоу(т) пѣти и(х) ползкы*. Как было отмечено выше, один путь превращается во множество, а форма *да* + *презент* подчеркивает книжный стиль текста.

Далее выделяется протограф *ОС* и *Тип* (С), который отражает существенно большее повреждение текста. В нем исчезает вторая часть конструкции *яко... тако...*, за исключением слов *исповѣдници гуріе самоне* и, ниже, *аврааме*, поэтому порча в протографе интерпретирована писцом как имена: *сѣи авидане авраме и аовѣни пожени*. Прилагательное И. мн., как видно из реконструкции, замещает форма И. ед. *святый* (здесь надо упомянуть, что писец *ОС* часто использует адъективное окончание И. мн. *-и*, поэтому в его списке речь скорее идет о восприятии нескольких персон как святых), а перфект *есте возвратили* — аорист

возвратисте. Если пропуски отдельных слов и замены грамматических форм могли быть результатом сознательной правки писца, то почти полное отсутствие ключевой формулы, по-видимому, следует считать ошибкой: возможно, антиграф в этом месте был поврежден?

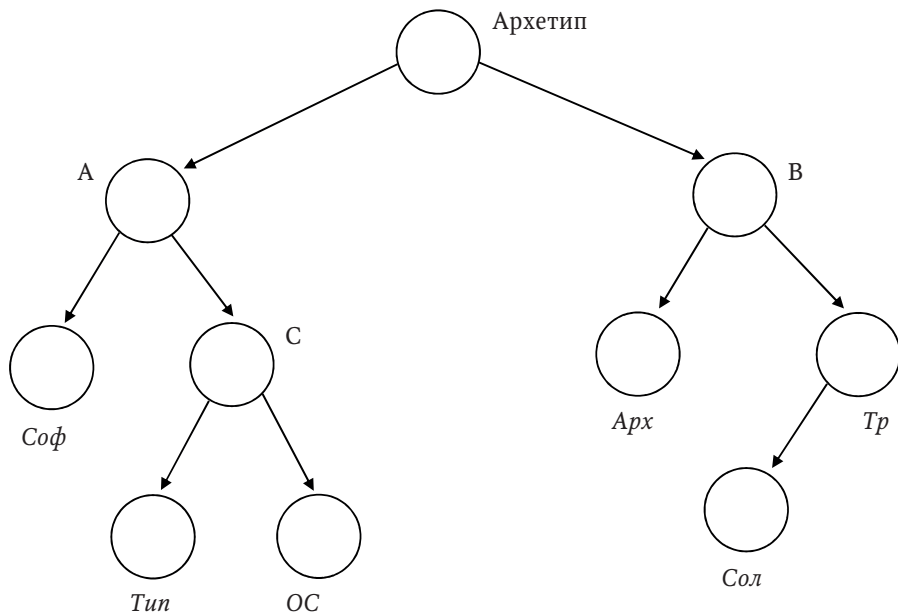
Список *Тип* еще более поврежден: исчезает компонент обращения *диаконе*, предлог *въ* и «имя» *иавеніи*. Второй член конструкции *ако... тако...* вновь появляется, однако, содержит ошибочное написание аориста из первой части: *такоже бѣзрастисте*. Императив *загради* замещен формой *замати*, а причастие — презенсом. Что касается ОС, этот список, довольно близкий *Тип*, сохраняет одно чтение (С), которое позволяет сделать вывод о восхождении к нему напрямую, без посредства *Тип*: ошибочное чтение *иавеніи*. В этом списке осуществляется также перемещение атрибутов *божии* и *во свои* из постпозицию в препозицию и из препозицию в постпозицию соответственно, аорист 2 л. мн. *возвратисте* заменяется на форму 3 л. мн. *возвратиша*, нарушая коммуникативную структуру молитвы, а Эдесса превращается в Эфес в результате ошибки чтения.

Сохранившиеся тексты второй ветви имеют разные назначения, однако, скорее всего, функцией (В) был именно поиск пропавшей вещи. К такому заключению позволяют прийти два факта. Во-первых, в *Арх* обнаруживается инструкция, которая частично соотносится с прагматикой «Указа...» (кража) и повторяет ее структуру. Ср.: *Аще которой члѣкъ . Какою вещью изгине(т) или вкраде(н) бѣде(т) . і ѿ(н) помолитсѧ гл҃а сии сти(х) (Арх)* и *Егда оу кого что боуде(т) ѡкрадено или на кого ти бѣдетъ непоть (Соф)*. Назначение *Арх*, отдалившееся от первоначальной функции обряда архиепископа Иоанна, тем не менее находится в русле общей тенденции — борьбы с воровством. Близкую прагматику и организацию имеет и прескрипция в *Тр*: *аще кто кого обижетъ или украдетъ, молитва святымъ тремъ исповедникомъ*.

Во-вторых, продолжение молитвы в *Сол* категорически противоречит ее общему смыслу: праотцов умоляют преградить дорогу и сделать ее темной для человека, которого разыскивают при помощи этого текста (*возвратите погибшаго имрекъ... Іакове, путь ему замети и путь ему сотвори темень*). Подобная оплошность может быть только результатом некачественной переработки, в процессе которой прагматика текста (этому способствовала многозначность корня *-гиб-*) была скорректирована, но заключительная часть осталась без намеренных изменений. В *Арх*, *Сол* и *Тр* в конце текста обнаруживается местоимение не в В. п., а в Д. п., но изначально мн. ч. заменяется на ед. ч. в *Сол* и *Тр* (в *Арх* — *имъ*). Интерпретировать коррекцию числа можно следующим образом: в *Сол* и *Тр* описано средство для поиска одного человека, не-

смотря на то, что в последнем списке цель текста не совпадает с предписанием. Список *Тр*, таким образом, отражает промежуточный этап формирования текста, направленного на розыск персоны. Эпитет *погибший* по отношению к девушке появляется исключительно в *Сол* и *Тр*, как кажется, для уравнивания обеих частей прошения: *погибшая дѣвица — погибшии человекъ* (восстановление атрибута в заклании на имущество было бы упрощением и снижением сопоставления).

В списке *Арх* появляется уточнение *едестіи застѣпници*, отсутствующее в других списках, но восстановленное либо по контексту, так как ниже упоминается Эдесса, либо на основании истории о чуде, а глагол *заградити* уступает место глаголу *запнути*. Ввиду того, что последний имеет значение 'чинить препятствия, мешать, отвлекать' [СлДРЯ XI–XIV вв., 3: 334], 'помешать, воспрепятствовать' [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 270], можно заключить, что *Арх*, как и (С), отражает стремление к выполнению более активного действия. Важное изменение обнаруживается также и в *Сол* и *Тр*: глагол *заградити* изменяется на *замясти* — как в *Тин*. Учитывая комплекс общих изменений *Тин* и *ОС*, а также их близкое родство с *Соф*, приходится предполагать, что в *Тин*, *Сол* и *Тр* инновация проходит параллельно.

3. Прескриптивная часть «Указа...»

В списках «Указ...» имеет два разных заглавия: *оуказъ ѿ проскоурмисаниѿ . стѣ(м) тр(и)емъ исповѣ(д)никѡ(м) . гоуриѡ самоноу авивоу (Соф)* и *...[испо]-вѣдни[к] гуриѡ [самон]а і авива (ОС)* — при этом в ОС над сохранившейся частью заглавия располагается еще одна строка, в настоящее время не читающаяся. Следующая задача — восстановление архетипа инструкции к молитве. Чтобы проанализировать сходства и различия указаний в Соф и ОС, мы разбили тексты на сегменты и присвоили им номера.

Соф	ОС
(1) Егда оу кого что боуде(т) ѡкрадено или на кого ти бѡдетъ непоть .	(1) [егда] что у кого б ¹³ укра(де)но и на ко(ѣ) б непу(т)
(2) Вы же сѣнници проскѡроу велите (ис)печи кр(ѣ)таѡбразѡ . и оукажите ѡѡбразити на неи чотыри кр(ѣ)ты .	(3) [сѡв]ще(н)ницы входяще во цр(ѣ)к(ѡ)
(3) а сѣнници . вѡходяще во црѣкѡ .	(4) глѣте мо(ли)[тву]
(4) [первое] глѣте мѣтѡѡ стѣ(м) исповѣдникѡ(м) . и молебѣнъ пои .	(5) пре(д) иконоу стѣ(х) трие(х) исповѣдникъ
(5) а ѡдрѡгое вше(д)ше въ црѣкѡ . пре(д) иконоу стѣ(х) исповѣ(д)никъ . (и молебѣнъ пои) ¹⁴	(6) третіе вы(и)маѡ просвиру
(6) а третѣе . и на проскѡмидіѿ . глѣте . выимаѡ просфѣрѡ .	(2) а на про[сви]ри велите печи кр(ѣ)то-ѡ(б)разно и выѡ(б)разиті вели четьре кр(ѣ)ты
(7) мѣтѡѡ . сію . Молите	(10) а выимаѡ просвиру глѣ
(8) <i>текст молитвы</i>	(12) а се има бжїе пише[тс]ѡ на хлѣбци мѣтѡѡми стѣ(х) бжїи(х) [ис]повѣдни(к)
(9) та(ж) глѣ помилѡи . бѣ .	(7) молитѣ
(10) и пото(м) . выимаѡ проскоуроу .	(8) <i>текст молитвы</i>
(11) первыи кр(ѣ)тъ выима(и) . глѣ .	(9) та(ж)
(12) се има бжїе пишѣтсѡ на хлѣбци мѣтѡѡми стѣ(х) бжїи(х) исповѣ(д)никъ .	(10) вы(и)ма(ті) просвиру
(13) в честь и сла(ѣ)у стѣмѡ гоуриѡ .	(11+13) [п]е(р)вы(и) кр(ѣ)тъ вы(и)ма(ті) стѣму гуриѡ в че(ѣ)тъ

¹³ Здесь и далее писец таким образом сокращает написание формы *будетъ*.

¹⁴ Добавлено на полях.

Соф	ОС
(14) а вторыи кр(с̑)тъ выимаа г̑ли . в честь и сла(в̑)у с̑тм̑ самон̑ .	(14) а вторы(i) кр(с̑)тъ вы(i)ма(т) с̑тому самону в че(с̑)тъ
(15) а третii кр(с̑)тъ выимаа г̑ли . в честь и сла(в̑)у с̑тм̑ авив̑ д̑аконоу.	(15) а трете(i) кр(с̑)тъ вы(i)ма(тi) с̑тому авиву д̑акону в че(с̑)
(16) а четвертыи кр(с̑)тъ выимаа г̑ли поминаа ты(х) по имени которы(м) исти . виноваты(м) на вбл̑ченіе	(16) а че(т)ве(р)ты(i) кр(с̑)тъ вы(i)ма(т) на ко(т̑) б̑ непу(т) по имени т̑в̑(х) пом̑на(тi) которы(м) ас̑тi просвира виноватому на в(б)лице(н)е

Начало «Указа...» в *Соф* (и, вероятно, в протографе *ОС*), вводящееся посредством книжного союза *егда*, близко юридическим текстам, отдельные статьи которых начинаются с обозначения проблемы. Различается, однако, порядок слов: если в *Соф* вначале говорится о пострадавшем, то в *ОС* на первый план выходит утраченный предмет; ср. *Егда оу кого что боуде(т) ѡкрадено* (*Соф*) и *[егда] что у кого б укра(де)но* (*ОС*).

Наиболее полно обряд передает *Соф*. Согласно этому списку, по приказанию священника испекается просфора с печатью в виде крестов (*проск̑роу... кр(с̑)тав̑бразн̑. и оукажите вов̑бразити на неи чотыри кр(с̑)ты*). А. И. Алмазов замечает, что в «Благословении...» речь идет не о просфоре: «[...] для трактуемой цели рекомендуется приготовить не просфору собственно, а особый хлебец» [Алмазов 1904: 9], однако *хльб̑ць* — это синоним просфоры, поэтому никакого противоречия нет; ср. с примерами в статьях *хльб̑ъ*, *хльб̑ць* [МСлДРЯ, 3: 1373–1374]. Далее священник при входе в церковь (причастие наст. вр. *в̑ходяще*) читает молитву свв. исповедникам, затем, уже войдя в церковь (причастие прош. вр. *в̑ше(д)ше*), снова читает молитву перед иконой свв. Гурия, Самона и Авива (вероятно, именно поэтому текст постановления отправляется вместе с иконой). Судя по тому, что далее следует наречие *третье*, молитва свв. исповедникам должна быть прочитана третий раз непосредственно на проскомидии.

Ниже сообщается о процедуре изъятия частиц, во время которой необходимо произнести определенные слова. Однако они будут приведены далее, потому что после указания *м̑тв̑с̑ . с̑ю . Молите* находится тот самый текст молитвы свв. исповедникам, который священник должен трижды прочесть и который завершается двенадцатикратным произнесением «Господи, помилуй».

После молитвы находятся слова, которые священник читает, вынимая частицы. Глагол *выимати* находится сначала в форме причастия, затем императива, а затем снова причастия: *и пото(м) . выи ма а*

проскоуроу . первыи кр(с)тъ выима(и) . глѣи . се има бжѣе пишется на хлѣбци мѣтвами стѣх' бжѣи(х) исповѣ(д)никъ . в честь и сла(в)у стѣмѣ гоурью . а вторыи кр(с)тъ выи ма а глѣи . в честь и сла(в)у стѣмѣ самонѣ. Вероятно, это связано с тем, что изначально речь идет о процессе в общем, вынимании частиц, затем акцентируется внимание на конкретном действии священника (выньте частицу и скажите), а далее, на втором, третьем и четвертом кругах поминания святых на первый план выходит императив *глаголи*, который указывает на произнесение определенных слов во время совершения (*выимаа*) тех или иных действий. Глагол *пишется* А. И. Алмазов понимает буквально: «[...] на этом хлебце должно быть написано имя Божие» [Алмазов 1904: 9] — и здесь, как кажется, надо уточнить, что речь идет о печати при выпекании, соответственно, физические надписи на священном предмете уже есть до обряда.

Обращение в начале текста направлено к нескольким лицам, что соотносится с формой местоимения и причастия во мн. ч.: *Вы же сѣнници... велите... оукажите... сѣнници . вѣходяще... глѣте... вше(д)ше... (молебень пои) глѣте... Молите* — в конце же, после молитвы, речь идет об одном человеке: *глѣи... глѣи... глѣи... глѣи*, как и в приписке о молебне. Любопытно, что изменяется также число у причастий: если до молитвы употребляются формы мн. ч., за исключением единственного примера *выимаа просфврѣ*, то после нее причастия подстраиваются под императивы и находятся в ед. ч. Вероятно, исключительное написание ед. ч. попадает в этот фрагмент по ошибке, будучи перенесенным из окончания прескрипции, так как книжник строго соблюдает грамматическую норму.

Таким образом, этот фрагмент мог выглядеть в начале рукописной традиции следующим образом: *а третье и на проскѣмидиѣ глѣте . мѣтвѣ сѣю молите...;* ср. с [первое] *глѣте мѣтвѣ стѣ(м) исповѣдникѣ(м)*. Причиной изменения числа во второй части, возможно, является желание усилить акцент на совершении обряда в реальном времени одним из священнослужителей, в то время как изначально представлены общие сведения о предназначении текста, его адресации людям, имеющим священный сан. Судя по тому, что в приписке о молебне также употребляется форма императива ед. ч., можно предположить, что эта запись переместилась в начало обряда, который в действительности требовал пения молебна во второй части. Таким образом, слова *и молебень пои* были перенесены по ошибке в начало и соединились с первым чтением молитвы при входе в храм, однако, поскольку молебен совершается непосредственно внутри, описка была замечена и соответствующее указание было восстановлено ниже, как книжнику показалось более логичным, при втором чтении молитвы.

Структура инструкции в ОС разительным образом отличается от Соф. Так, начало текста в этом списке содержит пропуск: [сва]ще(н)ницы входяще во црко(ѿ) глѣте мо(ли)[тву] пре(д) иконою стѣ(х) трие(х) исповѣдникъ третіе вы(и)маа просвиру. Если в Соф четко отмечено: [первьѣ¹⁵] — *ѿдругое — третье*, — то в ОС сохраняется только последний член, поэтому первая молитва читается перед иконой свв. исповедников и второе действие, осуществляемое непосредственно в церкви, в ОС становится первым. Скорее всего, книжник, записав (4) глѣте мо(ли)[тву], перескочил на строку ниже, где упоминается икона свв. исповедникам, и продолжил копировать текст уже с этой строки.

Необходимость отслужить молебен перед иконой исповедников в ОС также не отмечается, хотя эта информация могла присутствовать и в архетипе, поскольку ее сохраняет Соф. Элемент (12) перемещается в первую часть инструкции, однако на аномальность этой позиции указывает вторжение чтения молитвы свв. исповедникам в процесс изъятия частиц: наиболее вероятно, что следовало прочесть молитву три раза один за другим, и лишь потом переходить к поминовению. К тому же, сочетание *выимати просвиру* обозначает только процесс изъятия частиц, а изъятие первой частицы *въ има божіе* автоматически делает первый крест в честь св. Гурия вторым. Перенос (12) вверх приводит к тому, что фраза *первыи крестъ* сливается со словами о св. Гурии, рождая симметрию, имеющую вторичный характер.

Судя по тому, что причастный оборот *выимая просфѣру* в ОС, так же как и в Соф, находится до молитвы, можно предположить, что это ошибка протографа. Указание на приготовление просфоры мигрирует из начала текста в середину. Ввиду подобной перестановки обращение к священникам (Соф: *Вы же сѣнници проскѣроу велите (ис)печи кр(ѿ)та-вбразнѣ . и оукажите вовбразити на ней чотыри кр(ѿ)ты*) выглядит как пояснение (ОС: *а на про[сви]ри велите печи кр(ѿ)тов(б)разно и выв(б)-разити вели четыре кр(ѿ)ты*). В ОС, как видно, смешиваются формы императива мн. и ед. ч.: не исключено, что на эту особенность повлияла коммуникативная организация инструкций к соседним заговорам, в которых обычно используется императив ед. ч. Начало инструктивной части в целом заметно сокращено вследствие ошибки, вызвавшей переосмысление обрядовых действий.

Далее, в ОС опущена рекомендация прочесть 12 раз «Господи, помилуй», однако «повисшее» *таже* указывает на случайный пропуск. В окончании прескриптивного текста появляются некнижные конструкции: прямая речь (*глаголи: въ честь и славу кому-то*) заменяется

¹⁵ Вероятно, пропущено по ошибке, так как далее находятся два других наречия, говорящие о наличии некоторой последовательности.

на Д. + инфинитив (*выимати кому-то в честь*), что ослабляет личное обращение к проводящему обряд; глагол *асти* приобретает дополнение в И. ед., образуя конструкцию типа *вода пити (асти просвира)*, а также появляется добавление *вы(і)ма(т) на ко(ѣ) б непу(т)*, имеющее некнижное управление. И в *Соф*, и в *ОС* сообщено о множестве подозреваемых, в то время как виноватыми оказываются либо несколько человек (*Соф*: *ѣли поминаа ты(х) по имени которы(м) асти . виноваты(м) на вблїченїе*), либо один (*ОС*: *по имени тѣ(х) помїна(тї) которы(м) асти просвира виноватому на ѡ(б)лице(н)е*). Оба текста тем не менее намекают на возможность множественного использования обряда: несколько подозреваемых — несколько виновников (*Соф*) или несколько подозреваемых — один виновник (*ОС*) во время разных краж.

Если сопоставить оба списка, можно заметить, что создатель редакции, отраженной в *ОС*, был человеком менее искушенным в церковной службе, чем его предшественник. Это естественно, учитывая назначение дошедшей до нашего времени рукописи: фиксацию магических текстов.

Итак, можно заключить, что в архетипе инструкции присутствовали следующие предписания для священника: (а) приказать испечь просфору, (б) прочесть молитву свв. исповедникам при входе в церковь, (в) прочесть молитву перед иконой свв. исповедников, (г) вынуть частицы из просфоры в честь свв. исповедников, (д): вынуть частицы для определения подозреваемого, (е) отслужить молебен. Поскольку действия священника перед чтением молитвы дважды пронумерованы в *Соф* (*8другое*), и один раз в *ОС* (*третье*), наличие в архетипе наречия *първѣ*, как восстанавливают издатели *Соф* [РИБ, 1908/6: 307], представляется более чем вероятным.

Ввиду того, что прескриптивная часть *Соф* очень близка к архетипу, приводить полную реконструкцию текста не будем, указав только, что до молитвы предписание *выимати просвиру* отсутствует: *А сѣщенници, входяще во црковь, първѣ ѣлите мѣтву стѣмъ исповѣдникомъ, а у вѣдругое вшедше въ црковь предъ иконою стѣхъ исповѣдникъ, а третье и на проскумидии ѣлите. Мѣтву сию молитѣ: [молитва свв. исповедникам].*

3. Предварительные выводы о сочинении арх. Иоанна

Сопутствующий «Указу...» текст послания упоминает о знамении 1410 г., поэтому датировка самого обряда не подлежит сомнению. Ключевая проблема — в том случае, если список *Тип* действительно датируется кон. XIV в. — состоит в авторстве молитвы. Текстологическое исследование этого памятника новгородской письменности, как кажется, позволяет выдвинуть следующее предположение.

Прескриптивная часть, почти полностью дошедшая до нашего времени в *Соф* и *ОС*, находит частичное отражение в списках другой ветви *Арх* и *Тр*, что говорит о единовременном составлении инструкции и молитвенного текста. Некоторые сведения о появлении молитвы свв. исповедникам содержит процитированный автором стих Пс 34:6. Как показало сопоставление со списками славянских переводов Библии, прилагательное *пѣлзѣкъ* обнаруживается в южнославянских рукописях, а также в древнерусских рукописях с нач. XV в., причем и привлеченные для обзора псалтирь из Чудовского собрания ГИМ, и Геннадиевская Библия связаны по происхождению именно с Великим Новгородом (в более ранних восточнославянских источниках вместо прилагательного — лексема *сѣблазнь*). Прилагательное *пѣлзѣкъ* обнаруживается и в «Гимовской» Триоди XII в., однако, во-первых, не исключено, что эта рукопись имеет пересечения с южнославянской традицией, и, во-вторых, вероятность использования автором молитвы Триоди — по сравнению с псалтирью — чрезвычайно мала. Следовательно, в настоящее время нет достаточных данных отрицать авторство молитвы архиепископом Великого Новгорода.

Еще один текст, который необходимо привлечь для данного исследования, — это средство для поимки убегающих людей или слуг в южнославянской традиции. Нам известны два списка: в Ходошском сборнике перв. тр. XV в. (*Ход*) [Катић 1990: 66 и вклейка]¹⁶ и в рукописи, принадлежавшей В. И. Григоровичу (*Григ*) [Буслаев 1854: 50]. К сожалению, в настоящий момент последняя рукопись остается невыявленной, однако в ее происхождении сомневаться не приходится, так как писец использует одноеровую орфографию (буква *ѣ* в некоторых случаях восстанавливается публикатором), а бывший носовой переходит в [е]. Судя по характеристике почерка публикатором, этот источник позднее *Ход*: «Рукопись, в которой находятся эти заговоры, есть сборник, написанный полууставом, переходящим в скоропись, в 16-ю долю л.».

Ход: О(т) о(т)бегаючи(х). напиши сице.
Боуди поу(т) его т'ма. и плъзение. и
аггль гнь поже(т) его. михаиль вежет'
те. рафаи(л) гонить те. исаакъ сvezоует'
те. Скорѡ, скорѡ, скорѡ.

Григ: Отъ одьбегающихъ рабѣ, напиши
сицѣ: Буди пут его тма и плъзени;
Анггелъ да поженеть его, Михаилъ ве-
жетъ, Рафаиль гонить, Исакъ svezоуетъ.

Подробное изучение данного памятника не входит в цели настоящей работы, однако, нельзя не подчеркнуть некоторые сходства с молитвой свв. исповедникам. Несмотря на иную социальную прагматику, с

¹⁶ Приношу благодарность проф. Л. Раденковичу за указание на эту рукопись.

рассмотренной молитвой его объединяет задача поймать неких людей (в южнославянской версии — буквально, догнать, в древнерусской — метафорически, обличить), цитата Пс 34:6 и апелляция к библейским персонажам. Здесь хочется вспомнить ближайший контекст *Тр*: молитва свв. исповедникам замыкает так наз. текст «Имена ангелов», в котором перечислены ситуации и события и покровительствующие им ангелы. Приведем небольшой фрагмент (полный текст см. в [Соколов 1905: 330–331]):

Се азъ Григорій приидохъ ко ангелу и рече ему: скажи Господень ангеле, како избавлены быхомъ вами, онъ же рече ему: аще плывеши въ лодіи, помяни святаго ангела Гавриіла, избавить тя отъ всякаго зла... воставы (?) [так в изд. — А. А.] сызбранные (?) [так в изд. — А. А.] помяни святаго ангела Михаила, тогда имаши день веселья; егда начнеши [так в изд. — А. А.] пити или хлѣбъ ясти, помяни святаго ангела Рафаила, спорости будетъ... аще кто кого обижеть или украдетъ, — молитва святымъ тремъ исповедникомъ и т. д.

Судя по другому списку текста после второй пол. XVII в. в [ПОРЛ, 2: 346]: *Аще возстанешъ рано, помяни ангела Михаила* — сочетание *воставы сызбранные*, возможно, следует читать как *восставъ сызрани* (?). Бывший «Указ...» вживляется в список «Имен ангелов», несмотря на то, что свв. исповедники единственные не являются ангелами в этом перечне: по-видимому, это обусловлено не только структурой (прескрипция + молитва, т. е. *поминание*), хотя и отдаленно напоминающей нарратив памятника, но и внутренней связью между деятелями.

Главной особенностью сербского текста в *Ход* и *Григ* является совмещение двух пар сакральных персонажей, которые совершают близкие действия, выраженные глаголами *погънати* — *вазати*; *гонити* — *съвазывати*. Важно и то, что в отличие от греческого источника в тексте появляется ангел, а Исаак связывает человека — все, как в древнерусском варианте. Цитата из псалма, таким образом, расширена до полного стиха (в *Григ* описание действия ангела превращается в пожелание: причастие заменяет форма *да* + презенс), а дальнейшее повествование об архангелах и Исааке логически его продолжает. Вопрос вызывает выбор персонажей и формирование пар, однако разрешение этой загадки остается за пределами настоящей статьи.

Еще одна пока не нашедшая объяснение особенность данного текста — употребление в цитате из псалма существительного *плъзение*: Норовская псалтирь, как и другие более ранние тексты (например, Синайская псалтирь XI в.) имеет в этом стихе чтение *плъзѣкъ*. Возможно, здесь отражается другая редакция псалтири, в то время как источником молитвы архиепископа Иоанна послужила иная версия южнославянского текста.

Фрагмент про праотцов, определенно заимствованный из иноязычной традиции, существовал параллельно с другими текстами, предназначенными для поимки вора. Как минимум еще один магический источник перешел от греков к славянам: «Мануил, Рафаил, Андраил, сошедшие в ров с пророком и запечатавшие и связавшие и заградившие уста львов, чтобы те не пожрали святого пророка Даниила, вы свяжите и заградите уста, глотку и гортань того самого вора, кто украл такую-то вещь у такого-то, и не позволяйте ему проглотить хлеб с сыром, виноватому такому. Аминь» (перевод А. Ю. Виноградова, М. С. Желтова) [Виноградов et al. 2015: 79]. Эти слова требовалось произносить, когда подозреваемые едят кусочек сыра и просфоры с цитатой из Пс 9:28. Приведем перевод из двух старорусских источников: опубликованной рукописи *Алм* [Алмазов 1904: 3–4], наиболее близкой греческому тексту, и лечебника XVII в. *Унд.*, л. 76.

Алм: Аще кто что оу тебе ѡкрадетъ, и ты напиши на сыри козии или на хлѣбе на ѡчнем и се ꙗзѣ: «Манои(л). Рафаи(л). Анодрѣло. еже ест' ше(л)ко пофи(т) (sic). Анодрѣ(л). Адуил. сеи бо агради ѡста и связал лво(м). да не и(з)ѡдя(т) Дани(л) про-ка (так в изд.). ты свяжи и загради и затисни оуста татію моемѡ. да не даси емѡ по(ж)рети хлѣба и сыра»

Унд: Аще хто что ѡкраде(т) и ты напиши на ко(з)е сыре да на хлѣбе пше-нично(м) а са(м) ꙗзѣ мануи(л) рафаи(л) еже еси шо(л)коѡите и адуиль гибель гибе(л) закрадишася и такъ заградите(сѣ) и затесните(сѣ) ѡста татю сему мое(му) и дава(и) асти на ково дума есть

Как видно, с молитвой Иоанна его также роднят несколько деталей. В первую очередь это упоминание высших сил, параллель с библейским событием, создание преграды в устах вора для воспрепятствования глотательному рефлексу (особенно отметим наличие в переводе императивов *свяжи* и *загради*), а также введение в ритуал имен подозреваемых (они, однако, пишутся на сыре и произносятся, в то время как в новгородском тексте виноватые называются по именам лишь при получении ими частиц). Параллелью к «Указу...» является употребление невынутой просфоры (хлеба в русской традиции) и в целом общее назначение обряда, описание которого открывается с придаточного условия.

Таким образом, у православных славян существовали как минимум два текста, восходящие к двум разным греческим источникам для обличения вора, которые были контаминированы в протографе рукописей *Ход* и *Григ*. В одном из них функцию сакральных преследователей вора/беглеца выполняли библейские праотцы, в другой — архангелы. В молитве, использованной в «Указе...», первый из этих вариантов отразился в чистом виде, вне контаминации со вторым. Однако тот факт, что в южнославянских текстах выступают те же глаголы *погнати* и

связати, что и в древнерусской молитве, свидетельствует о том, что замена представленного в греческом оригинале ряда глаголов, выстроенных по степени направленности к результату (*преследовать* — *настигать* — *опережать*), была осуществлена уже в архетипе самого перевода, а не на русской почве.

Композиционная вторичность южнославянского текста обнаруживается не только в соединении двух схем — с праотцами и с архангелами, но и в перемещении псалтырной цитаты из заключительного положения, какое она занимает в греческом тексте, в начальное. Оказавшись в этом начальном положении, ангел приобретает более активную роль, вытесняя из текста выполняющего то же действие (*поженеть* / *пожени*) Авраама. Эта перестановка, по всей вероятности, привела к контаминации с «архангельской» версией: ангел из Пс. 34:6 способствовал появлению в тексте Михаила и Рафаила, поэтому из праотцов остался один Исаак. Что же касается обряда, то предположение А. И. Алмазова о его связи с греческой практикой косвенно подтверждает бытование второго текста, в котором действуют архангелы.

Подводя общий итог, повторим, что древнейший список молитвы *Тип*, не являясь, несмотря на свой возраст, свидетельством ее самостоятельного бытования независимо от текста «Указа...». Он был создан не ранее 1410 г. и представляет собой не самую качественную выписку из «Указа...». Судя по тому, что *Тип* и ОС имеют общий протограф, а *Тип* датируется нач. XV в., логично предположить, что «Указ...» вместе с включенной в него молитвой практически сразу после его издания подвергся довольно спешной переписке (вероятно, для как можно более быстрого и массового распространения). Попытка пропаганды, судя по всему, потерпела неудачу — возможно, именно вследствие грубых ошибок, допущенных при копировании.

История же самого «Указа...», текст которого довольно точно сохраняет *Соф*, может быть предположительно реконструирована следующим образом. После «знамения» от иконы свв. Гурия, Самона и Авива, связанного с пропажей и последующим обретением церковного имущества, архиепископом Иоанном была, на основе южнославянского источника, представлявшего собой переведенный с греческого магический текст на обличение вора, написана молитва, включившая этот источник в контекст уже распространенного к тому времени в Новгороде культа трех святых исповедников. Составленная молитва была, также с опорой на византийскую практику, включена в обряд «Божьего суда», проводившийся в форме специальным образом совершаемой проскомидии.

Нельзя не отметить определенную трансформацию жанра: если греческий источник связан с магической практикой, то древнерусский

в том виде, в котором он существует в архетипе, ближе находится к неканоническим молитвам. Это подчеркивает и изменение ситуации, в которой употребляется текст: вместо магического ритуала, совершаемого мирянином, формируется обряд, предназначенный для исполнения в церкви. Далее в процессе развития традиции прагматика текста приближается к насущным проблемам народа: поиску пропавшей вещи и пропавшего человека — т. е. акцент на наказании виновного исчезает. Подобная новация, вероятно, появляется под влиянием рукописных заговоров, которые приобретают популярность в словесности раннего Нового времени. Таким образом, вобрав в себя новые детали, изначально магический греческий текст на новом витке своей истории возвращается в магическую среду уже на русской почве.

Библиография

Источники

Алм

Местонахождение неизвестно. *Изд.*: [Алмазов 1904: 3–4].

Арх

НИОР БАН. Арханг.Д.193. Сборник смешанного содержания. XVI в. *Изд.*: [Марков 1912: 214].

Григ

Местонахождение неизвестно. *Изд.*: [Буслаев 1854: 50].

Воскр

ГИМ. Воскр. собр., № 27. Триодь цветная. Кон. XII — нач. XIII в.

ОС

НИОР БАН. 21.9.10. Сборник заговоров. Первая пол. XVII в. *Изд.*: [РЗРИ: 117].

РГАДА28

РГАДА. ф. 381 (Тип.). оп. 1. ед. хр. 28. Псалтирь с добавлениями. Втор. четв. (?) — сер. XIV в.

РГАДА29

РГАДА. ф. 381 (Тип.). оп. 1. ед. хр. 29. Псалтирь с гадательными приписками и добавлениями. Кон. XIV — нач. XV в.

Тип

РГАДА. ф. 381 (Тип.). оп. 1. ед. хр. 43. Служебник со статьями требника. Кон. XIV в.

Тр

РГБ. ф. 205. № 453. Сборник. XVIII в. *Изд.*: [Соколов 1905: 330–331].

Тр757

РГБ. ф. 304/1. № 757. Сборник. XV в.

Сол

Не отождествлена, *по изд.* [Щапов 1859: 152], *то же* [Яцимирский 1913: 82–83].

Соф

РНБ. Софийское собр. № 836. Служебник с требником. 1514 г. *Изд.*: [РИБ 1908/6: 307–308].

Унд

РГБ. ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 696. Лечебник. 1670-е гг. *Изд.*: [РЗРИ: 324–330].

Ход

Прага, Национальный музей (Národní muzeum).а, F10. Сборник. Перв. тр. XV в. Изд.: [Катић 1990].

Чуд.177

ГИМ. Чудов. собр., № 177. Псалтирь. Нач. XV в.

Литература

Алексеева 2018

Алексеева А. С., О переводе «Ἀβραάμ σε καταδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...» в русских неканонических молитвах, *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г.*, Москва, 2018, 170–173.

—— et al. 2019

Алексеева А. С., Гиппиус А. А., Наблюдения над текстом Олонецкого сборника, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (76), 141–157.

—— 2020

Алексеева А. С., Русскоязычные тексты Олонецкого сборника: фонетика и грамматика, *Русский язык в научном освещении*, 2 (40), 128–150.

Алмазов 1904

Алмазов А. И., *Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения вора). Греческий устав совершения его по рукописи XVII в., с кратким историческим очерком*, Одесса, 1904.

Амосов 1989

Амосов А. А., Описание Рукописного отдела БАН СССР, А. А. Амосов, Л. Б. Белова, М. В. Кукушкина, сост., 1: *Рукописи Архангельского собрания*, Ленинград, 1989, 8.

Антипов 2015

Антипов И. В., Новгородский Владычный двор в XIV–XV вв. Новые данные и перспективы изучения, *Новгородский исторический сборник: сборник научных трактатов*, Великий Новгород, 2015, 15 (25), 45–57.

Борисова 2019

Борисова Т. С., К вопросу о существовании древнерусской редакции славянских богослужбных книг (на материале восточнославянских списков Антифонов Великой Пятницы XI–XIV веков), *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, 2019, 2 (18), 15–30.

Буслаев 1854

Буслаев Ф. И., Два заговора (Из рукописи профессора В. И. Григоровича), *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым*, 2, 2, 50.

Виноградов et al. 2015

Виноградов А. Ю., Желтов М. С., «Апокрифическая» надпись с Мангупа и обряды «изобличения вора»: магия и право между Античностью и Средневековьем, *Slověne*, 2015, 4/1–2, 50–91.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

Катић 1990

Катић Р. В., *Медицински списи Ходошког зборника. Избор*, Београд, 1990.

Корогодина 2006

Корогодина М. В., *Исповедь в России в XIV–XIX веках*, С.-Петербург, 2006.

Макарий (Булгаков) 1994/1996

Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский, *История Русской Церкви*, Москва, 1994–1996.

Марков 1912

Марков А., Несколько народных молитв, *Этнографическое обозрение*, 1912, 1/2, 213–218.

Медынцева 1978

Медынцева А. А., *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора*, Москва, 1978.

МСлДРЯ 1–3

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского, С.-Петербург, 1893.

Николова 2017

Николова С., Болгарская катена XIII/XIV века на Псалтырь и ее источники, *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика*, Москва, 2017, 156–224.

ПОРЛ 1–2

Памятники отреченной русской литературы, 1–2, Тихонравов Н. С., сост., С.-Петербург, 1863.

ПСРЛ 1–43–

Полное собрание русских летописей, 1–43–, С.-Петербург (Петроград, Ленинград) – Москва, 1841–2004–.

ПЭ 1–57–

Православная энциклопедия. 1–57–, Москва, 2000–2019–.

РЗРИ

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в., Топорков А. Л., сост., подгот. текстов, статьи, коммент., Москва, 2010.

РИБ 1–39

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, С.-Петербург, 1872–1927.

СлДРЯ XI–XIV вв. 1–12–

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–12–, Москва, 1988–2019–.

СлРЯ XI–XVII вв. 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Смирнова et al. 1982

Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А., *Живопись Великого Новгорода. XV век*. Москва, 1982.

Соколов 1905

Соколов Е. И., *Библиотека ОИДР 1846–1902 г.*, 2, Москва, 1905.

Успенский 2010

Успенский Б. А., Право и религия в Московской Руси, *Россика / Русистика / Россияведение. 1: Язык / История / Культура*, Москва, 2010, 194–286.

Фасмер 1–4

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. Москва, 1986.

Чешко et al. 1989

Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века: в 2-х чч., Чешко Е. В., Бунина И. К., Дыбо В. А., Князевская О. А., Науменко Л. А., подг., София, 1989.

Щапов 1859

Щапов А. П., *Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и в первой половине XVIII вв.*

Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола, Казань, 1859.

ЭССЯ, 1–41–

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, 1–41–, Москва, 1974–2018–.

Яцимирский 1913

Яцимирский А. И., К истории ложных молитв в южнославянской письменности, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 1913, 18 (№ 4), 16–126.

SSp, 1–11

Słownik staropolski, 1–11, Kraków, 1953–2003.

References

Alekseeva A. S., About Translation “Abraam sē katadiōkei, o Isaak sē katapsthanēi Iakōb sē avatrē-ksēi...” in Russian Apocryphal Prayers, *Slavianskii mir: obshhnost' i mnogoobrazie. Tezisy molodezhnoi nauchnoi konferencii v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 22–23 maja 2018 g.*, Moscow, 2018, 170–173.

Alekseeva A. S., The Russian Texts of Olonetskii Sbornik: Phonetics and Grammar, *Russkii jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2 (40), 128–150.

Alekseeva A. S., Gippius A. A., Some Observations on Text of Olonetskii Sbornik, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2 (76), 141–157.

Amosov A. A., Opisanie Rukopisnogo otdela BAN SSSR, A. A. Amosov, L. B. Belova, M. V. Kukushkina, comp., 1: *Rukopisi Arhangel'skogo sobraniia*, Leningrad, 1989, 8.

Antipov I. V., Novgorodskii Vladychnyi dvor v XIV–XV vv. Novye dannye i perspektivy izucheniia, *Novgorodskii istoricheskii sbornik: sbornik nauchnykh traktatov*, Veliky Novgorod, 2015, 15 (25), 45–57.

Borisova T. S., On the Problem of the Old Russian Version of the Slavonic Liturgical Books (Based on the East Slavonic Scripts of the Great and Holy Friday Antiphons of 11th – 14th Centuries), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, 18, 15–30.

Katić R. V., *Medicinski spisi Hodoškog zbornika. Izbor*, Belgrade, 1990.

Korogodina M. V., *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vekakh*, St. Petersburg, 2006.

Makarij (Bulgakov) Mitropolit Moskovskii i Kolomenskii, *Istoriia Russkoi Cerkvi*, Moscow, 1994–1996.

Medynceva A. A., *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofijskogo sobora*, Moscow, 1978.

Nikolova S., Bolgarskaia katena XIII/XIV veka na Psaltyr' i ee istochniki, *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika*, Moscow, 2017, 156–224.

Smirnova Je. S., Laurina V. K., Gordienko Je. A., *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV vek*, Moscow, 1982.

Sokolov E. I., *Biblioteka OJDR 1846–1902 g.*, 2, Moscow, 1905.

Uspenskij B. A., *Pravo i religiiia v Moskovskoi Rusi, Rossika / Rusistika / Rossievedenie*, 1: *Jazyk / Istoriia / Kul'tura*, Moscow, 2010, 194–286.

Vinogradov A. Yu., Zheltov M. S., Annalistic Writing and the Development of Written Culture (Novgorod of the 11th and the First Half of the 12th Centuries), *Slověne*, 2015, 4/1–2, 50–91.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004.

Алина Сергеевна Алексеева, младший научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;

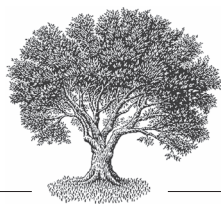
Институт славяноведения Российской академии наук

119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Россия / Russia

alevtina.sergeevna@gmail.com

Received July 26, 2020

Casus belli.
Грамота Ивана III
об объявлении
войны Александру
Ягеллону от 24 июня
1500 г.*

Сергей Владимирович
Полехов

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия /
С.-Петербургский государственный
университет, С.-Петербург, Россия

Екатерина Ричардовна
Сквайрс

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова /
Российская государственная библиотека,
Москва, Россия

Casus belli.
Ivan the Third's
Declaration of War
to Aleksander
Jagiellończyk,
June 24th, 1500

Sergey V. Polekhov

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia /
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Catherine R. Squires

Lomonosov Moscow State University /
Russian State Library,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)», руководитель А. Л. Корзинин.

За консультации, замечания и снабжение копиями архивных источников и труднодоступной литературы благодарим Д. Антанавичюса (Вильнюс), Й. Гётца (Берлин), И. Гралю (Варшава), А. И. Грушу (Минск), Э. Гудаса (Вильнюс), С. Г. Жемайтиса (Санкт-Петербург), М. М. Крома (Санкт-Петербург), К. Петкевича (Познань), Г. Стришку (Вильнюс), А. Шведу (Торунь), С. Шибковского (Гданьск), а также московских коллег Т. А. Матасову, В. Д. Назарова и О. В. Русаковского.

Резюме

В статье публикуется послание великого князя московского Ивана III великому князю литовскому Александру Ягеллону об объявлении войны от 24 июня 1500 г., сохранившееся в средненижненемецком переводе в Архиве ганзейского города Любека и до сих пор не учтенное исследователями. В качестве основания приводятся несправедливости Александра по отношению к Ивану III, его подданным и его дочери Елене, жене Александра. Диалектные особенности нижненемецкого списка указывают на его создание в Любеке. Выявленный в результате языкового анализа буквализм перевода позволяет опираться на него в выводах об оригинале послания, его содержании и лежащих в его основе источниках. Так, выяснено, что объявление войны составлено из жалоб, предъявлявшихся московскими дипломатами литовской стороне после заключения «вечного мира» 1494 г., на переговорах начиная с 1495 г. По сравнению с имевшимися до сих пор косвенными и краткими свидетельствами этот документ дает более полную картину событий, в том числе уточняет сведения источников о начале московско-литовской войны 1500–1503 гг.: эти данные, взятые вместе, показывают, что Иван III объявил войну Александру Ягеллону с большим запозданием, спустя несколько месяцев после начала военных действий. Найденный источник также свидетельствует о характере использования делопроизводственных материалов и участии формирующейся бюрократии во внешней политике Русского государства в конце XV в. Публикация документа сопровождается его переводом на современный русский язык.

Ключевые слова

Иван III, Александр Ягеллон, Елена Ивановна, Русское государство, Великое княжество Литовское, московско-литовские войны, объявление войны, средневековая дипломатика, средненижненемецкий язык, узус канцелярии Любека, Любекский городской архив

Abstract

The paper presents a missive from the Grand Duke of Moscow Ivan III declaring war to the Grand Duke of Lithuania Aleksander Jagiellończyk on June the 24th, 1500. The missive, so far unaccounted in scientific publications, survives in a Middle Low German translation kept in the archive of the Hanseatic City of Lübeck. The declaration of war is motivated by alleged injustices done to Ivan III, to his subjects and to his daughter Elena Ivanovna, who was Aleksander's wife. Judging by the particular dialect of Low German, the translation was made in Lübeck. Its literality allows conclusions about the content of the original missive and the sources on which it was based. Analysis shows that the arguments included complaints formulated by Muscovite diplomats after the conclusion of the 'eternal peace' of 1494, beginning with the negotiations in 1495. Compared to indirect and short textual evidence available so far, this document gives a fuller picture of the events, including a more precise date of the beginning of the Muscovite-Lithuanian War of 1500–1503: brought together, all sources show that the declaration was made by Ivan III with considerable delay, months after warfare had begun. The document also demonstrates how the 15th-century Russian state used official documentation in its foreign policy and which role the emerging bureaucratic class played in it. The published document is accompanied by a Russian translation.

Keywords

Ivan III, Aleksander Jagiellończyk, Elena Ivanovna, Russian state, Grand Duchy of Lithuania, Muscovite-Lithuanian wars, declaration of war, medieval diplomatics, Middle Low German, language usage of the Lübeck chancery, city archive of Lübeck

1. Введение: Грамота Ивана III — малоизвестный источник по истории московско-литовских взаимоотношений

В Архиве ганзейского города Любека хранится средненижненемецкий перевод грамоты великого князя московского Ивана III об объявлении войны великому князю литовскому Александру Ягеллону. Хотя этот источник в архивной описи правильно назван и датирован (24 июня 1500 г.), до сих пор он не привлекал внимания исследователей. Нам не удалось выявить его публикации, не отмечены они и в архивной описи, а ссылок на него нет в обширной литературе, посвященной московско-литовским отношениям рубежа XV–XVI вв. Причину этого следует искать в том, что грамота сохранилась в переводе на средненижненемецкий язык, довольно специфический и непростой для понимания; к тому же лист бумаги, на котором написан этот перевод, поврежден (согласно нашим наблюдениям, немецкие публикаторы многотомных изданий источников XIX — начала XX в. старались избегать таких текстов, установление которых было сопряжено с трудностями)¹. Оригинальный текст грамоты был записан в древнейшую московскую посольскую книгу по сношениям с Великим княжеством Литовским, но две тетради этой книги, в которых находилась грамота, утрачены². Из опубликованных материалов можно было заключить, что Иван III объявил войну Александру значительно позже начала военных действий, а обосновывался этот шаг нарушениями московско-литовского мирного договора, якобы имевшими место со стороны Александра, в сфере профессиональной политики, — принуждением Елены и «князей и панов русских... к римскому закону»³. Но даже эти моменты оставались в тени

¹ На любекском переводе имеется пометка хорошо узнаваемым почерком рижского архивиста Германа Гильдебранда (1843–1890), собравшего в европейских архивах огромное количество источников по истории Ливонии и подготовившего несколько томов «Ливонских грамот» («Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch»).

² Публикация: [Сб. РИО 35]. Рукопись книги к настоящему времени разделена на две части: первая, до 45-й тетради включительно (до 1500 г.), хранится в РГАДА, а вторая, начиная с 48-й тетради и 1500 г. — в ОР РНБ [Мошкова 2017: 238].

³ Свидетельства источников об объявлении войны см. ниже.

других аспектов московско-литовской войны 1500–1503 гг. — перехода «украинных» князей на службу к Ивану III и битвы на р. Ведроше 14 июля 1500 г. [Papée 1999: 35–45, 67–75; Каштанов 1967: 155–165; Зимин 1982: 178–188; Błaszczuk 2002: 26–34; Kwiatkowski 2002; Алексеев 2009: 371–431; Кром 2019: 107–116]⁴. Подобные грамоты были известны в науке, но главным образом по кратким упоминаниям, в меньшей степени — по переводам на языки получателей, как в случае послания Ивана IV в Ливонию 1557 г., недавно опубликованного по русскому оригиналу [Попов, Филюшкин 2011]. Все это делает необходимым введение в научный оборот малоизвестного источника.

2. Происхождение и особенности любекского перевода грамоты Ивана III

Местонахождение письма в любекском архиве на первый взгляд кажется неожиданным. Однако обращение к источникам конца XV в. показывает, что в городе, возглавлявшем Ганзейский союз, внимательно следили за происходящим на Руси. И Любек, и Великое княжество Литовское участвовали в событиях, развернувшихся после закрытия московскими властями ганзейского двора в Новгороде в 1494 г., тем более что среди арестованных тогда купцов оказались и любечане. Любек координировал переговоры о возобновлении запрещенной после этого торговли с русскими купцами и об освобождении ганзейских купцов; об этом дважды, в 1495 и 1497 г., ходатайствовал перед Иваном III великий князь Александр. Уже летом 1498 г. он предложил Ганзе заключить союз о взаимопомощи на случай войны [Казакова 1975: 261–295; Selart 2003]. Все это объясняет судьбу дошедшего до нас текста, более того — позволяет предположить, что именно в Любеке сделан немецкий перевод письма.

Анализ диалектных особенностей в языке немецкого списка показывает, что его любекское происхождение очень вероятно. Язык этого переводчика в целом соответствует узусу, принятому в Любеке в данную эпоху. К его чертам можно отнести наблюдаемые в послании случаи с фонетическим переходом *ald > old* (в слове *stadholder*), форму единственного окончания множественного числа *-en* (*hebben* ‘имеете’/‘имеют’), огласовку *-o-* и начальный шипящий в формах модального глагола (в прошедшем времени *scholdest*, *scholde*, *scholden*; в настоящем *schal*), форму суффикса абстрактных существительных *-inge*, характерные для Любека

⁴ Исключение составляет разве что книга Феликса Конечного, который достаточно много внимания уделил началу военных действий и объявлению войны [Kopieczny 1984: 115–120]. Однако он опирался лишь на опубликованные источники и не знал публикуемой ниже грамоты Ивана III, а его книга, изданная посмертно в Лондоне, практически прошла мимо внимания ученых. За указание на нее и присылку копии соответствующего фрагмента искренне благодарим проф. И. Грало (Варшава).

варианты отдельных лексем, как *frund* 'друг' / *frundschoop* 'дружба' и *darsulves* 'там же' с корневым *-u-*, местоимение *wu* 'мы' и др. [Peters 2012: 52, 57, 70, 82, 87]. В перечисленных случаях другие части нижненемецкого региона представлены иными, чем в любекском канцелярском узусе и в послании 1500 г., вариантами. Например, в (южно)вестфальском сохраняется *-ald* (ср. в слове *sakewalde* 'истец') и суффикс абстрактных существительных имеет форму *-unge*, а в остфальском регулярно удваиваются *-mm-*, *-nn-* в таких словах, как *gekommen*, *genommen*. Ряд черт, напротив, является общим для всего средненижненемецкого и не выделяет язык послания на этом общем фоне; таковы, например, стяженные формы 2 лица ед. ч. глагола 'иметь' *hefftu/hesstu* и колебание в лексеме 'сегодня' *huten/hute* [Ibid.: 45, 56, 68, 103; Sarauw 1924: 206].

Эту ровную, умеренно ограниченную любекским картину диалектного происхождения послания 1500 г. нарушают единичные отклонения, например, огласовка *o-* в формах личных и притяжательных местоимений *mit one* 'с ними', *by ore* 'с ней', *ore* 'ее', *van oren...* 'от их...', которая считается стойкой характеристикой остфальского, в отличие от обычных средненижненемецких форм на *e-* (*ene*, *ere*, *enen*) или на *i-* (*ine*, *ire*, *inen*) [Peters 2012: 84–85]. Эти черты не имеют однозначного объяснения, однако понятно, что они не означают, что происхождение немецкого перевода должно быть связано с канцелярией из какого-либо остфальского центра; напротив, выше было показано, что язык документа лишен важных характеристик остфальского диалекта.

Уже первоначальный анализ средненижненемецкого перевода грамоты показал его близость к претензиям, выдвигавшимся на московско-литовских переговорах в 1494–1500 гг.⁵ Их сравнение позволило оценить перевод на средненижненемецкий язык как весьма точный (ряд неточностей будет отмечен ниже). В некоторых местах есть даже свидетельства излишнего буквализма. Например, так можно объяснить непонятное построение предложения *darumme wy van Godes gnaden vor de cristenheit des Grekesschen gelouven willen wy stan, so verne uns God helpet...*, где одно из двух *wu* 'мы' является лишним. К дублированию лексемы *wu* 'мы' привел, по всей вероятности, неудачный, пожалуй, даже неправильный порядок слов в переводе. Очевидно, переводчик начал предложение, воспроизводя русское построение предложения оригинала (*«поэтому мы Божьей милостью за христиан и греческий закон... желаем стоять»), однако, дойдя до глагола, подчинился немецкому синтаксису, который в данном случае (в предложении, начинающемся с «поэтому») требует инверсии, то есть обратного порядка подлежащего и сказуемого (*willen wy*). В результате немецкий писец

⁵ Соответствующие места отмечены ниже в публикации текста.

поставил после глагола «хотим» вторично подлежащее «мы». Перевод правовых текстов, для которых характерен сложный синтаксис, с длинными вставными периодами, разделяющими части главного предложения, представляет большие трудности, если речь идет о двух языках с различающимися правилами порядка слов. Такая работа требует в первую очередь опыта работы именно с данными двумя языками, которого, видимо, переводчику послания в данном случае не хватило.

Примером такого же буквализма может служить выражение *an deme ummegange* ‘на переходах’. Значение существительного *ummegank* в средненижненемецком языке характеризуют как ‘обход, хождение или процессия вокруг чего-л., круг’ [Köbler 2014; Schiller, Lübben V: 6], что не позволяет составить представление о задуманной постройке. Конкретные контексты из других средненижненемецких текстов — в основном описания мест погребения, — показывают, что так могут называться различного рода обходные сооружения, галереи внутри храмового пространства, в том числе и находящиеся на возвышении, например: *in unser vrouwen kerken boven umme dat koer, under dem welfte bi dem ummegange* ‘в храме Пресвятой Богородицы, над хорами, под сводом, на галерее’ (из завещания 1416 г.); *in den ummegange gegen den pilre, daran gebildet is wo S. Oleff uppen stole sittet* ‘в галерее напротив столба, на котором изображен св. Олаф, сидящий на престоле’ (описание 1432 г.) [Jensen 2004: 40; Jahnke 2003: 16, Anm. 63]⁶.

Ясно, что в письме 1500 г. речь не может идти о внутренней галерее в церкви; напротив, церковь должна была строиться при этой галерее, быть с ней соединенной («на переходах»). Встречаются, хотя и реже, контексты, указывающие на окружные сооружения, расположенные вне церкви. Например, в следующем описании монастыря тамплиеров снем. *vmteganck* употреблено параллельно с латинским названием, как его пояснение: *oer wuninge hadden se in dem portico, dat is vmteganck des tempels* ‘их жилые помещения находились *in portico*, то есть в галерее храма’ (цит. по: [Schiller, Lübben V: 6]). Находящаяся вне основного церковного объема, но соединенная с ним круговая галерея — по всей видимости то, что по-немецки сегодня называется *Kreuzgang* (клуáтр, по-французски *cloître*). Характерно, что у него нет русского соответствия; тем не менее этот контекст приближает нас к пониманию, что в письме имеется в виду галерея, которая должна была соединять новую церковь с великокняжеским дворцом.

Это понимание подтверждается изложением требований Ивана III к Александру Ягеллону в посольской книге и их историческим контекстом.

⁶ Многочисленные круговые хоры внутри храмов Германии описаны в: [Badstübner, Schumann 2000].

Уже на переговорах с римским королем Максимилианом и его послом Георгом фон Турном в 1490 г. московский правитель требовал поставить церковь для дочери, выдаваемой замуж за правителя-католика [ПДС 1: 30–33, 44–45]⁷. В литовском же контексте это требование могло конкретизироваться благодаря сведениям о строительных работах в Вильне, доходившим, судя по всему, до Москвы. Единственное известное упоминание об этом сохранилось в распоряжении великого князя литовского виленским «врадникам» 1493 или 1494 г. увеличить обеспечение продуктами городенских каменщиков («муралей»), выполняющих какую-то работу на господаря в Вильне [АЗР 2018: № I-165]. Александр, в отличие от отца, занимал лишь литовский престол, придворная жизнь с его вокняжением оживилась, и он, возможно, уже тогда задумался над реконструкцией резиденции по последней моде. В Москве ссылались на то, что великой княгине далеко ходить на богослужение в одну из церквей «русского конца» Вильны, расположенных, действительно, на изрядном отдалении от замка [Jonaitis 2011].

Бысказывания московских дипломатов локализуют церковь «на переходех у двора», но установить их местоположение трудно. Согласно данным раскопок виленского Нижнего замка, в его дворе Александр мог застать деревянные межэтажные галереи [Kitkauskas 2012: 119]. Как бы то ни было, церковь предлагалось вписать в комплекс построек замка, подобно кафедральному собору Св. Станислава и Владислава.

Еще один яркий пример дословного перевода, искадившего смысл текста, — фраза *vele unser koplude in dynen landen sin berovet unde vorkofft*, которую мы переводим «купцов наших было много в твоих землях ограблено и продано». Немецкий переводчик, по-видимому, не знал характерного для московской деловой письменности значения, в котором здесь был употреблен глагол *продавать* — ‘штрафовать’ [СДРЯ 9: 36, 44–45; СлРЯ 20: 115–116]. Между тем в тексте жалоб московских дипломатов от имени Ивана III, переданных его дочери Елене, жене Александра Ягеллона, в марте 1498 г., эта претензия изложена более развернуто, что и позволяет точнее понять ее смысл: «А гостей нашихъ и купцовъ въ его [Александра. — П. С., Е. С.] землѣ грабятъ и лишние пошлины на нихъ емлють и продають безлѣпъ» [Сб. РИО 35: 255].

Дословность перевода наиболее ярко проявилась в завершающей части послания:

Unde so up uns is gewest de crutzkussinge, unde de crutzkussinge sy van uns dy affge-secht. Ock sch[al] God myt dy darumme richten unde de uthewelde Godes thelerinne unde de vorlosinge des Cru[tzes].

⁷ Этот брак так и не состоялся. См.: [Бойцов 2017].

‘И какое было на нас крестное целование, то крестное целование к тебе с нас долой. И пусть с тобой Бог о том управит и Пречистая Матерь Божья и сила [животворящего] Креста’.

Пояснений здесь требует не совсем обычное для текстов западной традиции словоупотребление.

В контексте послания *Godes thelerinne* — обозначение Девы Марии как Матери Божьей, где *telerinne* — семантический эквивалент латинского *genitrix* ‘родительница’. Это существительное встречается в средненижненемецких текстах, например, в грамоте из Мекленбурга 1430 г.: *der hilgen drewaldicheit vnde der Juncfrowen Marien, telerinne godes, vnde alle godes hilgen* ‘святой Троице, Деве Марии Матери Божьей, и всем Божиим святым’. В отличие от текста латинской традиции, в переводе русского текста — очевидно, в полном соответствии с оригиналом — Богородица не названа Девой Марией.

Определение *uterwelde* представляет собой причастие от глагола *ut-er-welen* ‘выбирать’, часто в контексте «богом избранный»; его можно встретить в зачине богородичной молитвы ср.: *Wes ghegrot oenbeveleckede juncvrouwe, uterwelde moder godes* ‘Будь благословенна, непорочная Дева, избранная Матерь Божья’ [Stahl 2004: 416]. Значение русского прилагательного Пресвятая — в усилении обозначения качества, ср. использование превосходной степени прилагательных в формуле, выражающей высокую степень восхваления Богоматери: «Из всего доброго — Она лучшая, из всего святого — Она святейшая, из всего чистого — Она чистейшая, из всего чудесного — Она чудеснейшая... После Господа Христа — Она совершеннейшая Вседобродетель в роде человеческом» [Преп. Иустин Попович 2007: 419–420]. Этот усилительный элемент, заключенный в приставке *пре-*, очевидно, и должен был передать немецкий эпитет *uterwelde* ‘избранный’. Его употребление, хотя и допустимое для обозначений Богородицы, все же не характерно для заключительных формул официальных писем, а потому оно тоже может свидетельствовать о влиянии русского образца.

Необычна формула *de vorlosinge des Cruftzes* ‘сила животворящего креста’. Средненижненемецкая лексема *vorlosinge* ‘избавление, освобождение, спасение’ логично связывается с второй частью, *des Cruftzes* ‘Креста’ (род. п.), которая несет символический смысл Древа Жизни, свидетельства человеческого спасения (ср. лат. *salutem humani generis in ligno crucis constituisti*). Однако в качестве заключительной формулы письма или послания аналогичные выражения нами в немецких текстах не встречены. По-видимому, образцом для него все же послужило русское выражение: в конструкции *vorlosinge* с зависимым от него генитивом слова *Крест* соединены, хотя и другим, чем в русском,

синтаксическим способом, те же смысловые элементы: *vorlosinge* 'спасение', как свойство Креста, то есть животворящая сила.

Калька с русского прослеживается не только в лексике, но и в синтаксисе перевода:

Ock sch[al] God myt dy darumme richten.

'И пусть с тобой Бог о том управит'.

В средневековом немецком языке глагол *richten* 'судить' является одним из важнейших юридических терминов, он встречается в многочисленных синтаксических конструкциях, соответствующих разнообразным правовым, а также переносным контекстным значениям. Однако синтаксическая модель, представленная в документе (*sch[al] God darumme richten*), с глаголом *richten* + 1) *myt dy* и 2) *darumme/umme* с существительным, и в отношении Бога, не встречена нами в немецких текстах [DRW].

В большом корпусе контекстов, собранном в Немецком юридическом словаре Гейдельбергского университета, есть конструкция *rihten* + *myt* + дательный падеж, однако глагол имеет в ней возвратную форму (с местоимением *sich*) и общий смысл совершенно другой: 'примириться, прийти к соглашению', например: *sich mit dem abte rihten* 'примириться с аббатом'. Точно так же и конструкция с предлогом *umme* при дополнении в винительном падеже имеет смысл, далекий от контекста письма 1500 г.: *richten vmb thodschleg, diebstal* 'судить за убийство, кражу' [DRW]. Не подходят и контексты, сочетающие обе эти валентности, например: *sich mit yn vmb schaden oder schulden zu richten* 'прийти с ним к соглашению насчет ущерба или долгов' [Ibid.].

Поэтому логично предположить, что отклоняющийся от немецкого узуса синтаксис формулы в переводе послания Ивана III свидетельствует о попытке переводчика передать смысл русского выражения, и потому правомерен перевод немецкой формулы, близкий к русскому: «с тобой Бог о том управит».

Возможно, канцеляристу, которому был поручен перевод, не был привычен деловой язык Московской Руси, или же он, занимаясь контактами с Великим княжеством Литовским, имел дело преимущественно с латинскими текстами. На это указывает сохранение латинских падежных окончаний при упоминании имен и титулов официальных лиц — ср.: *Deme grothfo[rsten] Allexandro tho Lettowen*; ниже *myt forsten Allexandro*. Этим можно объяснить и проявление буквализма в передаче русских выражений, которые легко «просматриваются» в его переводе: *dat crucze hefftu darup gekusset, dat du scholdest wesen unsen frunden eyn frund unde unsen vyen[den] eyn vyent* «ты крест целовал на том, что нашим

друзьям быть тебе другом, а нашим недругам быть тебе недругом»; *unde leydest se up uns* «и наводишь их на нас».

На основании замеченной у писца тенденции к отражению в немецком тексте латинских окончаний в формах имен возможна реконструкция окончаний, утраченных в результате повреждений или сокращенных писцом. При этом, как правило, и падежное управление оформляется в соответствии с латинской грамматикой: *hefft nicht laten ... Macharium* (прямое дополнение, в винительном падеже); *effte de abbet Mach[arius]* (подлежащее, в именительном падеже). С учетом этой тактики переводчика возможны реконструкции в неоднозначных случаях: *eyn stadholder des metropolitan(i)*, с отражением латинского генетива, или *metropolitan(us)*, адаптированное к немецкому узусу.

В весьма точном переводе можно отметить лишь некоторые неточности. Так, в грамоте говорится о сношениях Александра с Ахматом и его детьми. Однако хан Большой Орды Ахмат погиб еще в 1481 г. [Трепавлов 2010: 74–75], и в Москве об этом прекрасно знали; в грамоте наверняка стояло «с Ахматовыми детьми», как в литовской и крымской посольских книгах. Здесь же переводчик не понял оборот «в Орду», который перевел словами *in dat heer*, т. е. «в войско». Впрочем, не исключено, что дело в другом: переводчик не располагал специфическим эквивалентом для перевода этой реалии. В обычном для московской (как, впрочем, и для литовской) дипломатики выражении в дате — «писана... лета 7008», переданном как «des sommers VII^m des VIII», — переводчик не понял, что «лето» означает «год», а не «время года» (тем более что 24 июня — это и правда лето).

Поскольку правый край листа значительно поврежден по всей длине, имеются утраты текста, коснувшиеся концов почти всех строк текста. На эти утраченные места в некоторых случаях приходится слова, важные с точки зрения понимания текста. Для восстановления этих утрат был применен счет количества знаков в строке, который позволял выяснить, сколько знаков могло быть утрачено на конце. Исходя из полученного числа подбирался вариант окончания строки. Например, на конце предпоследней строки видны последние буквы *Cru[...]*, что могло бы быть началом слов *crucekussinge* ‘крестоцелование’, *crucebref* ‘крестная грамота’ или *cruce* ‘крест’. Однако, поскольку методом счета знаков было установлено, что на конце этой строки утрачено не более трех–четырёх букв, возможен был только последний вариант. Таким образом слово реконструировано как *Cruces/Crutzes*, а вся фраза прочитывается *unde de vorlosinge des Cru[tzes]*.

Определенные сложности представляло различие глагольных форм *hefftu* и *hesstu*, очень похожих в манере любекского писца. Для

средненижненемецкого характерны вариантные формы глагола *hebben* 'иметь', во 2 л. ед. ч. презенса 'ты имеешь' (также в качестве вспомогательного глагола, как в нашем случае) встречаются как (*du*) *hevest*, так и различные варианты стяжения: *hest*, *hefst*, *heft* [Sarauw 1924: 205–206]. Поэтому, с учетом манеры писца удваивать написания согласных букв, равно возможны прочтения форм с суффиксированным (присоединенным на конце) местоимением 2 л. как *hefftu*, так и *hesstu*.

Пояснения требует также место *du sodane dinck dryft*: глагол *drivan* значит 'приводить в движение', но встречается и в переносном значении 'делать, поступать; учинить что-л.'; в этом смысле он встречается и с существительным *ding*, *dink*, например: *Ik hebbe juw en dink gedreuen* 'я кое-что устроил, совершил для вас' [St. Anselmi Fragen, 234r, 18]. Встречающееся в послании 1500 г. *dryft* является формой 2 л. ед. ч. наст. вр. этого глагола, по поводу утраты -s- в флексии 2 лица -st, ср. сказанное выше по поводу форм *hefftu*, *hesstu*, *heft*.

3. Война, «вечный мир» и опять война (1492–1500).

Предыстория грамоты Ивана III

Чтобы понять происхождение публикуемой грамоты, необходимо напомнить события, которые предшествовали московско-литовской войне 1500–1503 гг. и привели к ней. Соперничество двух Великих княжеств — Литовского и Московского — переросло в полномасштабную войну к концу правления Казимира Ягеллона (1440–1492). Как показал В. Н. Темушев, ее начало следует датировать 1486 г. [Цемушаў 2014]. Новый великий князь Александр, заняв виленский престол летом 1492 г.⁸, начал искать примирения с Иваном III. «Вечный мир» было решено скрепить женитьбой Александра на дочери московского правителя Елене: такие перспективы рассматривались еще при Казимире. После нескольких месяцев переговоров «вечный мир» был заключен 5 февраля 1494 г. Выдавая Елену замуж за набожного католика Александра, Иван III настоял на письменных гарантиях того, что тот не будет принуждать ее к «римскому закону» и она останется в православной вере. 4 февраля в Москве состоялось заочное обручение, но из-за задержки с грамотой Александра⁹ Елена отправилась в путь почти через год,

⁸ Его правлению в Великом княжестве Литовском посвящены специальные работы: [Parée 1999; Pietkiewicz 1995; Idem 1997; Idem 2016; Petrauskas 2015].

⁹ Она была выдана 26 октября 1494 г. [Сб. РИО 35: 159]. Этому предшествовали долгие переговоры: Иван III настаивал на выдаче грамоты согласно проекту, врученному литовским послам, и отказывался принять предложенный Александром вариант, в котором вероисповедание Елены оставлялось на ее усмотрение [Сб. РИО 35: 124–125, 133, 143, 158; LM 5 (1993): 88–89, 193].

15 января 1495 г. Спустя ровно месяц в Вильне состоялось венчание¹⁰. Отпуская Елену в Литву, Иван III выдвинул условие сохранения ею православной веры — строительство церкви на территории виленского нижнего замка [Сб. РИО 35: 162].

Попав в Вильну, Елена практически сразу оказалась между двух огней: семья Александра и католическое духовенство Польши и Литвы настаивали на ее обращении в католицизм, а Иван III — на сохранении ею «греческой веры». Особенно непросто в этой ситуации приходилось Александру: его попытки найти решение, приемлемое для обеих сторон, не устраивали ни одну из них. Великий князь московский не упускал случая указать ему на случаи действительных или мнимых нарушений им соглашений с Москвой. Так, венчал Александра и Елену не православный епископ, не нареченный митрополит Макарий и не поп Фома, прибывший с московской княжной, а виленский католический епископ Войтех Табор в кафедральном соборе Св. Станислава и Владислава. Иван уже в мае 1495 г. выражал недовольство высылкой московской свиты великой княгини [Сб. РИО 35: 191–192], а его дипломаты жаловались, что Александр приставил к ней католиков или велел перекрестить членов ее свиты, тогда как расходные книги приводят русские имена ее придворных [AJDSK: по указ.], а в ее верительной грамоте еще в ноябре 1496 г. употребляется оборот, характерный для делового языка Московской Руси [Сб. РИО 35: 227; Циммерлинг 2020: 357–358]¹¹, а значит, к этому времени члены ее московской свиты оставались при ней. Великий князь московский настаивал на строительстве православной церкви для Елены близ господарского дворца и отвергал ссылки Александра на установления его предшественников, запрещающие строительство таких церквей в Литве. К этому добавлялись жалобы московской стороны на то, что Александр в своих грамотах пишет титул («имя») Ивана III не так, как предусмотрено dokonчанием [Сб. РИО 35: 193, 207–208], на контакты с противниками великого князя московского и на притеснения его подданными купцов, едущих в Московское государство¹².

¹⁰ Подробнее о биографии Елены см. специальные работы последних лет [Mickūnaitė 2017; Rutkowska 2020] и статьи в справочных изданиях [Garbacik 1961; Хорошкевич 2007; Флоря 2008]. Отдельная исследовательская тема — эпистография Елены Ивановны [Лурье 1979; Keršienė 2017]. В этих работах указаны источники и литература.

¹¹ У Циммерлинга ошибочно датировано январем 1497 г., однако это — дата получения писем Александра и Елены в Москве. Датируем верительную грамоту по доставленному вместе с ней письму Александра от 18 ноября 1496 г.

¹² О московско-литовских дипломатических контактах в этот период см.: [Białowiejska 1930; Fennell 1961; Хорошкевич 1980: 101–102, 105–107, 114–118; Banionis 1998: 123–124, 205–209, 270–286]. Отголосок другого, позитивного образа Александра Казимировича на Руси можно видеть в замечании псковского летописца: «а называли его милостивым» [ПЛ 1: 84].

Роковым оказалось решение Александра реанимировать церковную унию. После Флорентийской унии 1439 г. такие попытки несколько раз предпринимались в Великом княжестве Литовском. Они в очередной раз активизировались в конце 90-х гг. XV в. [Флоря 2007: 257–265; Pietkiewicz 1995: 165–168; см. также: Rowell 2013, в этих работах прочая литература]. Одним из проявлений этого стало основание в Полоцке в 1498 г. монастыря бернардинов, задачей которых было обращение православных. При этом в 1499 г. Александр Ягеллон сделал шаги навстречу православному духовенству, дополнив «Свиток Ярославль» статьями о его прерогативах в судебной сфере, и православным князьям восточных регионов Великого княжества Литовского, подтвердив специальными привилегиями их права на владения [Флоря 2007: 260; Pietkiewicz 1995: 107–108]. Это указывает на то, что с православными подданными Александра велись какие-то консультации: как предполагают исследователи, возможно, готовилось обращение к папе римскому наподобие «послания Мисаила» 1476 г. Но в Москве, где церковную унию отождествляли с «латынством», тогда же заявляли о гонениях на православие. Кульминации эти заявления достигли на переговорах с литовскими послами в апреле 1500 г.

Создается впечатление, что Александр Ягеллон, видя, что дело идет к войне, пытался ответить на претензии московской стороны действиями. Так, 3 января 1500 г. он расширил владения Елены, придав к ее двору Пенянкам людей Шевенян и Вялевичей со всеми их угодьями и податями [LMAVB RS, F 16–22, l. 4]. 20 марта 1500 г. Александр пожаловал игумену гродненского Коложского монастыря (при знаменитой церкви Св. Бориса и Глеба) близлежащий сад. Это произошло при участии великой княгини, которая «правила» документ [АСД 9: 416]¹³. Тем не менее переговоры между великим князем, его светскими подданными, митрополитом Иосифом, православным и католическим духовенством, константинопольским патриархом и папой римским продолжались даже после начала военных действий. Важное дополнение к данным об этом [Флоря 2007: 264–266] содержит одна из расходных книг великокняжеского двора. Из ее записей выясняется, что 7 сентября 1500 г. Александру в Черсвяты доставил 140 коп¹⁴ широких грошей от митрополита Киевского и всея Руси трокский воевода Ян Юрьевич Забerezинский, а 10 октября — 29 с половиной коп «dominus notarius Sapyha» [AJDSK: 242, 244, 254], то есть писарь великокняжеской канцелярии Иван Семенович Сопега, активный участник переговоров о церковной унии, вскоре после этого отправившийся в Рим. Поскольку Ян

¹³ О значении формулы «правил» см.: [Груша 2019: 355–370].

¹⁴ Коп — счетная единица, равная 60 шт.

Юрьевич Заберезинский после этого отправился в посольство к Ивану III [ВПК: 77], можно заключить, что переговорам с великим князем московским, представлявшим себя защитником православия в Великом княжестве Литовском, предшествовали консультации с митрополитом Киевским и всея Руси Иосифом.

4. Начало военных действий и объявление войны (1500)

Начиная с конца 1499 г. контакты Ивана III с «украинными» православными князьями Великого княжества Литовского тесно переплетались с военными действиями на восточных окраинах этого государства. Вероятно, уже осенью 1499 г. к Ивану просился в службу князь Семен Иванович Бельский; при этом он отправил Александру «отказную» грамоту, ссылаясь на немилость великого князя литовского к нему и намерение «привести в римский закон». К февралю 1500 г. «люди» великого князя московского захватили Мценск, Серпейск и Мосальск, и уже в конце апреля он заявлял литовским послам о переходе на его службу князей Мосальских и Хотетовских. В апреле 1500 г. к Ивану прислали бить челом о приеме в службу князя Семен Можайский и Василий Шемячич, ссылаясь опять-таки на конфессиональные притеснения (и захватив несколько стратегически важных северских крепостей). Однако М. М. Кром вполне убедительно заключил, что эти князья перешли под власть Ивана III не из-за гонений в Литве, а из-за стремления повысить собственный статус и приумножить владения и из-за давления из Москвы [Кром 2019: 107–116; см. также: Цемушаў 2010]. При этом уже зимой (то есть не позднее марта) 1500 г. великий князь московский приказал псковичам готовиться к войне [ПЛ 1: 84]. В апреле — мае московские войска выступили на юго-запад (в северские земли, где делали наибольшие успехи) и на запад (на Смоленск); чуть позже к этим направлениям добавилось северо-западное: 9 августа под натиском войска, выступившего из Великих Лук, пал Торопец.

Реакция Александра на московское нападение выглядит растерянной и хаотичной. К очередной войне в Великом княжестве Литовском не готовились, а когда она началась, Александр судорожно пытался найти выход из сложившейся ситуации. В конце первой декады июня великий князь литовский покинул Вильну и выехал в Полоцк, где пробыл до 17 октября¹⁵. Еще в августе Александр заявлял о намерении отправить посла к Ивану III, чтобы уладить все спорные вопросы. При этом уже 5 июня он просил у данцигских и других купцов, прибывших в Ковно, внушительную сумму в 1000 коп грошей деньгами или

¹⁵ Оттуда Александр через Браслав и Дрисвяты к началу ноября вернулся в Вильну [Pietkiewicz 2016: 77–82].

сукном¹⁶, а в июле заботился о выплатах пушкарям и вербовке наемников [AJDSK: 184]. 2 июля в письме европейским правителям, городам и ротмистрам наемников великий князь литовский заявлял о намерении учредить рыцарский орден для защиты от «князя московского и других неверных» [GStAPK, OBA 18294; публ.: Caro 1888: 1022–1024; регест: LUB II.1: № 1001], что для 1500 года выглядит уже довольно анахронично [Petrauskas 2008: 103]. Отвечая на претензии Ивана III, который на переговорах в августе 1499 г. отверг требование Александра выдать специальную грамоту с отказом от Киева и его пригородов и волостей [Сб. РИО 35: 282, 284–285], Александр модифицировал свой титул, начав именоваться — во всяком случае, в посланиях западным адресатам — «великим князем литовским и земель Жомойтской, Русской и Киевской» (такая титулатура в разных вариантах сохранялась в практике литовской великокняжеской канцелярии вплоть до избрания Александра на польский престол после смерти короля Яна Ольбрахта)¹⁷. К концу июня о начавшейся войне с Москвой и неблагоприятном для литовской стороны ходе событий знали в Польше, с которой в 1499 г. Александру не удалось возобновить унию. Уже 29 июня о московских успехах писал из Кракова флорентиец Октавиано де Гуччи [Sanuto 3: 548]¹⁸, а 4 сентября — и сам король Ян Ольбрахт и его секретарь Мацей Джевицкий [CESXV 3: № 462; ASPK III.2: № 476]. Тем же летом Александр отправил посольство в Венгрию к своему брату, чешскому и венгерскому королю Владиславу (Уласло) II, который затем предпринял попытку посредничества в московско-литовском конфликте [AJDSK: 148, 224; LM 5 (1993): № 110, 111, 112.1, 112.2; Baczkowski 1992]. Очевидно, еще находясь в Вильне, великий князь литовский выслал войска под Смоленск (об этом говорит их состав). Но 14 июля они потерпели поражение на р. Ведроше под Смоленском, а гетман Константин Острожский попал в московский плен.

Неудачи Литвы в начавшейся войне с Москвой были вызваны целым рядом факторов: это и слабость литовского войска, и позиция литовских панов, экономические интересы которых были связаны с другими регионами Великого княжества Литовского, и просчеты литовской разведки, а возможно, и нерешительность Александра Ягеллона (впрочем, историки уже не склонны безоговорочно доверять оценке, данной ему

¹⁶ Письмо Александра опубликовано в выдержках и пересказах: [HUB 11: № 1206; Katalog 2016: № 126; Szybkowski 2017: 116].

¹⁷ Помимо уже упоминавшегося послания от 2 июля 1500 г. [Caro 1888: 1022], см. письма великому магистру Тевтонского ордена 1500–1501 гг.: [GStAPK, OBA 18310, 18361, 18491, 18704] и ряд других примеров, собранных в работах: [Halecki 1916: 224–225, przym. 4; Хорошкевич 1980: 106, прим. 160].

¹⁸ За перевод этого фрагмента благодарим Т. А. Матасову.

современниками, — сколь негативной, столь же и тенденциозной) [Pietkiewicz 1995; Idem 2007]. Растерянность Александра можно в какой-то степени объяснить тем, что он не получал официального объявления войны. Во всяком случае это подчеркивали литовский господарь и его дипломаты в контактах с соседями, снимая с себя часть ответственности: Александр, его советники, информаторы и подданные могли бы вспомнить события 14-летней давности, ведь война 1486–1494 гг. также начиналась без объявления [Цемушаў 2014]. Поскольку мир 1494 г. заключался как «вечный», то процедура расторжения договора в нем не прописана и вообще не предусмотрена, в отличие от перемирий, в которых оговаривался порядок действий сторон по истечении срока их действия. Но объявление войны предусматривалось неписаными нормами, характерными и для латинского мира [Szweda 2009: 281–292; Idem 2010; Idem 2019], и для Руси (во взаимоотношениях русских земель как между собой, так и с западными соседями), где такая грамота называлась «взметной», «разметной» или «складной»¹⁹. Иногда в мирном соглашении специально оговаривалось, что о предстоящем расторжении мира противоположную сторону следовало оповестить заранее, с указанием этого срока. Так, в 1500 г. Александр жаловался ливонскому магистру Вольтеру фон Плеттенбергу, что Иван III напал «неотъповедне» [LM 5 (1993): № 89], т. е. без объявления войны²⁰. Эту жалобу повторяли и сам Александр в уже упоминавшемся послании от 2 июля 1500 г., и его маршалок и наместник витебский, посол к великому магистру Тевтонского ордена Станислав Глебович в начале 1501 г. [Caro 1888: 1023; LUB, II.2, nr 8, S. 4].

Согласно «Хронике Быховца», автор которой был достаточно хорошо осведомлен о действиях Александра, тот получил «одповедные грамоты» Ивана в Оболяцах, где провел вторую половину 20-х чисел июля и первую декаду августа [ПСРЛ 17: 561; Pietkiewicz 2016: 79–80].

¹⁹ Как правило, такие грамоты известны лишь по упоминаниям [НПЛ: 421; ПСРЛ 16: 182; ПЛ 2: 210; ГВНП: 42]. Ср. упоминание о такой грамоте Ивана III, адресованной, очевидно, Новгороду в 1477 г.: «1477. Schreiben die von Darpt, das der Moscowiter seinen entsagbrieff nach Nawgarten und Pleßkow geschikht hab» (LVVA, f. 673, apg. 4, k. 19, l. 258, lp. 4). До наших дней сохранилось послание Ивана IV об объявлении войны ливонскому магистру, рижскому архиепископу, ливонским епископам и «всемъ людям» [Попов, Филюшкин 2011: 199–201] (интересно, что эта грамота датирована ноябрем 1557 г., то есть временем до начала боевых действий, но была доставлена в Нарву лишь в конце января 1558 г.).

²⁰ Ср. старопольск. *odpowiedzieć* ‘объявить войну’, *list odpowiedni* ‘послание об объявлении войны’ [Szweda 2019: 108] и ранний пример фиксации однокоренных слов в древнерусском языке — в перемирной грамоте литовских князей с польским королем Казимиром Великим 1352 г.: «А коли будетъ по миру, кто не оусхочеть далѣи миру держати, тотъ ѡтповѣсть, а по ѡтповѣдѣннѣи стояти миру за мѣсць» [Розов 1928: № 3].

Известно, что Александр, уже получив грамоту Ивана III, писал ему из Оболец 26 июля, прося опасную грамоту на свое посольство (во главе с Яном Забрезинским); это послание доставил в Москву дворянин господарский Мацко Кунцевич [Сб. РИО 35: 301, прим.]²¹. Согласно «Выписке из посольских книг», грамоту об объявлении войны доставил Александру посол великого князя московского Иван Телешов [ВПК: 77]²². Уже 11 августа 1500 г. Иван III предписывал своим послам заявить крымскому хану Менгли-Гирею: «А что межы насъ съ нимъ [Александром Ягеллоном. — П. С., Е. С.] правда была, и мы ему ту свою правду сложили и ратны есми съ нимъ учинились» [Сб. РИО 41: 316]. Формально говоря, здесь Иван III не погрешил против истины, но деликатно умолчал о том, что объявил войну зятю с серьезным запозданием.

Судя по всему, Иван пользовался этой неопределенностью и вместе с тем пытался сыграть на «самостоятельности» своих новых подданных, которые ему активно подыгрывали. Благодаря этому он смог затянуть официальное объявление войны до конца июня 1500 г., когда ситуация уже сложилась в пользу московской стороны. Поскольку и в Москве, и в Литве об этом прекрасно знали, то напрашивается предположение, что день 24 июня был выбран не случайно, а как день памяти Иоанна Предтечи, который мог рассматриваться как святой покровитель Ивана III (крещенного, впрочем, в честь св. Иоанна Златоуста) [Литвина, Успенский 2006: 218].

²¹ Публикатор опустил имя «с Мацком с Кунцовымъ», которое восстановлено по рукописи: ОР РНБ, Q. IV. 70, ч. 2, л. 93. Ср.: [ВПК: 77].

²² Несколько иначе расставляет акценты летописный свод 1518 г.: Иван III «послал о них [кн. Семене Можайском и Василии Шемячиче. — П. С., Е. С.] с отказом Ивана Телешова, а с розметною послал к великому князю Александру Афонасия Шеенка вязмитина» [ПСРЛ 28: 333]. Последний упоминался и в древнейшей московской посольской книге по сношениям с Литвой. Издатели приводят слова, которые удалось разобрать в поврежденной части: «[...] а которой <вя>[...] Офонасий Шеенок <съя и> х королю з гр[амо]тою съ складною, и того у Ивана взяли въ Смоленск[у] тайно да утопили» [Сб. РИО 35: 301, прим.; уточнено по рукописи: ОР РНБ, Q. IV. 70, ч. 2, л. 93об.; буквы, заключенные в угловые скобки, читаются неуверенно]. Существительное «король» здесь явно относится к Александру Казимировичу, но для 1500 г. оно анахронично, поскольку он стал королем польским лишь в 1501 г., после смерти своего брата Яна Ольбрахта. Это указывает на позднейшее составление или редактирование данной записи. Ср. именование Александра «королем» в записи псковской летописи о событиях 1500 г.: [ПЛ 1: 84]. Из приведенного известия московской посольской книги Ф. Конечный делал далеко идущий вывод о московской оппозиции Ивану, которая противодействовала формальному объявлению войны Александру [Konieczny 1984: 119]. Не исключено, что задержка московского гонца, добравшегося из Москвы в Оболец, также была частью тактики Ивана III; менее вероятным представляется предположение, что сам Александр медлил с его приемом.

5. Как составлена грамота Ивана III?

О содержании грамоты до сих пор приходилось судить лишь по заметке в «Выписке из посольских книг» второй половины XVI в.: «Того же лета посылал князь великий Иван Васильевич к великому князю Олександру Литовскому Ивана Телешова... Да с ним же князь великий послал грамоту складную о том, что Олександр по докончанью ни в чом не правит, великую княгиню Елену и князей и панов русских нудит к римскому закону. И государь за христьянство хочет стояти, колько Бог поможет, а крестное целованье и докончанье долов» [ВПК: 77]. Теперь этот краткий пересказ можно сопоставить с полным текстом послания.

В дошедшем до нас переводе довольно точно передан титул Ивана III [Хорошкевич 2004: 108–111]²³, однако здесь вместо «пермский» написано «перемышльский» (путаница с коронным Перемышлем?). Титул же Александра передан чрезвычайно кратко: «Великому князю Александру литовскому». На мысль о том, что это не случайность и не сокращение переводчика, а намеренное сокращение титула московской стороной, наводит пересказ аналогичной грамоты Василия III Сигизмунду Старому 1512 г. в «Выписке из посольских книг»: «Да послал х королю [с] складною грамотою подьячего Васюка Всесвятцкого. А в грамоте писал свое имя с титлы, а королево без титлы» [Сб. РИО 35: 498–499; ВПК: 123].

В Новое время декларации об объявлении войны превратились в особый жанр. В них не просто объявлялось об отказе от мира, но и приводились аргументы в пользу такого решения, а благодаря печатному станку они становились достоянием широкой общественности [Klesmann 2007; Tischer 2012; там же указана прочая литература]. Расторжение «вечного мира» было очень серьезным шагом, который требовал столь же серьезного обоснования. Какие же аргументы были использованы для объявления войны Иваном III, его приближенными и канцеляристами?²⁴

Прежде всего обращает на себя внимание некоторая хаотичность аргументации. Начинается грамота с обвинения в адрес Александра в контактах с врагами Ивана III — «Ахматовыми детьми», т. е. Большой Ордой,

²³ Точно такой же титул употреблен в опасной грамоте Ивана III для послов Александра, выданной по просьбе последнего после получения им складной грамоты [Сб. РИО 35: 301, прим.; уточнено по рукописи: ОР РНБ, Q. IV. 70, ч. 2, л. 93] (в публикации титулатура сокращена).

²⁴ Не беремся судить, кто из них занимался составлением грамоты. Дьяк Федор Васильевич Курицын, игравший ключевую роль в формировании и осуществлении внешней политики Ивана III начиная с 80-х гг., к лету 1500 г. перестает упоминаться, а его место занимают другие дьяки. Скорее всего, к этому времени он уже умер [Назаров 2010]. Благодарим за консультацию по этому вопросу В. Д. Назарова.

и ливонским отделением Ордена. С Шейх-Ахмедом (Шиг-Ахматом), ханом Большой Орды, и его братьями («Ахматовыми детьми») Александр обменивался посольствами достаточно регулярно начиная с 1495 г., но до заключения договора с ним при участии польского короля Яна Ольбрахта дело дошло лишь в январе 1501 г. [Варонін 2011: 128–130]. Еще менее активными были контакты с ливонским магистром Вольтером фон Плеттенбергом: тот, несмотря на все просьбы Александра помочь против России (даже после начала московско-литовской войны), занимал выжидательную позицию, и лишь в 1501 г. был заключен договор [Varakauskas 1982: 128–131; Дзярновіч 2003: 227–248]. Для расторжения «вечного мира» этого было мало. Поэтому далее в послании Ивана III великий князь литовский обвиняется в том, что не соблюдал «утвержденной грамоты» о «греческом законе» Елены, не велел ее венчать по православному обряду, не поставил ей церковь и приставил к ней придворных «римского закона». От Елены грамота внезапно переходит к «обидам» купцов, едущих в Россию через Литву. После этого изложение возвращается к тому, что Александр не выполняет требований, переданных ему Иваном. Почти все эти обвинения московская сторона высказывала начиная с 1495 г., но здесь их изложение ближе всего к речам великокняжеских послов 1498 г. и к ответам литовскому посольству 1500 г.²⁵ Кульминации обвинения достигают к концу письма, где говорится, что Александр требует от Елены принять католицизм, велит ставить «божницы», т. е. костелы²⁶, в Полоцке и других городах Литовской Руси, и силой обращает русь в «римский закон», разлучая семьи. Эта часть дословно повторяет претензии, высказанные на переговорах в Москве в апреле 1500 г.

Стоит обратить внимание не только на то, что есть в грамоте Ивана III, но и на то, чего в ней нет. А нет в ней упоминаний о действиях северских князей — вчерашних подданных Александра Ягеллона — и вообще конкретики, которая подтверждала бы факт широких притеснений православных жителей Великого княжества Литовского. При всей хаотичности грамоты центральное место в ней занимают заявления о притеснениях Елены Ивановны. В этом плане публикуемую грамоту можно сопоставить с посланием, которое сохранилось в архиве великих магистров Тевтонского ордена и по описанным в нем событиям датируется 1500 г. Сообщив о своем здоровье и приеме нового брата в Орден, а затем перейдя к международным новостям, неизвестный автор послания счел нужным подчеркнуть династический момент — что ве-

²⁵ Соответствующие места отмечены ниже, в публикации источника.

²⁶ Утверждение Г. Мицкунайте [Mickūnaitė 2017: 186], будто «божница» в сообщениях московской посольской книги означает синагогу, неточно. В древнерусском языке это слово означало «помещение для богослужения, церковь» (в том числе и православную). См.: [СДРЯ 1: 279].

ликий князь литовский, на которого напал великий князь московский, женат на его дочери²⁷.

Но этим династический аспект в истории объявления войны Александру Ягеллону не ограничивается. Изучение дипломатической документации Великого княжества Литовского 1500 г. показывает, что весьма подробный пересказ грамоты Ивана III содержится в посольстве молдавского воеводы Стефана Великого к Александру Казимировичу. Это вполне объяснимо: еще в начале 1483 г. была сыграна свадьба Елены Стефановны (Волошанки) и Ивана Ивановича (Молодого), сына Ивана III. Несмотря на смерть Ивана Молодого в 1490 г., Москва и Молдавия поддерживали дружественные отношения, а в начале 1498 г. сын Ивана Молодого и Елены Волошанки, Дмитрий-внук, был провозглашен соправителем и наследником Ивана III: в Успенском соборе Московского Кремля состоялось торжественное венчание Дмитрия «на великое княжение владимирское, московское, новгородское и всяя Руси». В 1499–1502 гг. при дворе Ивана III шла политическая борьба, завершившаяся падением и заточением Дмитрия-внука и переходом статуса соправителя и наследника к Василию Ивановичу (будущему Василию III), что вызвало негативную реакцию в Молдавии [Хорошкевич 1980: 89–92, 99–101, 106–108, 113–115]. Однако к лету 1500 г. эта борьба была далека от завершения [Каштанов 1967: 102–155, 170–186; Казакова 1976: 148–156; Зимин 1982: 160–177, 181–182, 197–199; Назаров 2013]. В 1499 г. Стефан Великий заключил договоры с Яном Ольбрахтом и Александром Ягеллоном. Молдавский господарь был заинтересован в совместном противостоянии османской угрозе, тогда как московский правитель — в борьбе с Ягеллонами. В связи с этим можно говорить о некотором охлаждении московско-молдавских отношений. Тем не менее в 1500 г. у Ивана III побывали молдавские послы — хотинский наместник Федор Исаевич и дьяк Шандр. Они прибыли в Москву весной (в апреле или мае), а покинули ее вместе с дьяком московского великого князя Микитой незадолго до 11 августа, когда Иван просил Менгли-Гирея проводить их к Стефану [ПСРЛ 8: 238; Сб. РИО 41: 316]. После их прибытия Стефан послал своего дьяка Константина к Александру, от которого он должен был направиться напрямую к Ивану [LM 5 (1993): 166–168]²⁸.

²⁷ «Item der großfurste von Muschkow hoth dem von Littauwenn, der seyne tochter hot, merglichenn schadenn gethan, sloß und stete angewunnen, und ist widderumb czurück gezogen. Der grosfurste von Littauwenn bearbeit sich umb hulff und beistandt, versammelt ouch vil folkes in meynung, dem von der Musschkow wedirstandt zcu thun. Was doruß werdenn wil, wirt man nach der zzeit vernehmen» [GStAPK, OBA 18332].

²⁸ Очевидно, благодаря этому маршруту текст посольства Стефана к Ивану и оказался в составе Литовской метрики. О литовско-молдавских дипломатических контактах см.: [Banionis 1988].

Этот посол и пересказал Александру «обиды» Ивана, о которых литовский правитель к тому времени уже узнал из грамоты своего тестя.

Объявление войны Александру Ягеллону имело и другой аспект, связанный с делопроизводством и зарождающейся бюрократией Московского государства. Как показала Л. В. Мошкова, посольских книг в их нынешнем виде в конце XV в. еще не было, сама форма книги лишь утверждалась в московском делопроизводстве (так же обстояло дело и в Литве). Материалы будущих посольских книг существовали в какой-то другой форме — тетрадей, столбцов, листов²⁹. Древнейшая посольская книга по связям с Литвой была составлена лишь после 1505 г., при новом великом князе Василии III — как предполагает Л. В. Мошкова, в процессе разборки накопившейся документации в ее первоначальной форме [Мошкова 2017]. К сожалению, сохранившиеся материалы — не только сама посольская книга, но и материалы тех же сношений в книгах Литовской метрики — практически не позволяют выяснить, насколько полно при этом был воспроизведен накопившийся к тому времени комплекс. Но исследование языка посольских книг показывает, что писцы отнеслись к нему достаточно бережно [Циммерлинг 2020]. Публикуемая грамота свидетельствует, что эта «докнижная» документация использовалась в политике, притом весьма активно³⁰. Так на рубеже Средневековья и Нового времени к традиционным династическим взаимоотношениям как фактору «большой политики» и борьбы за господство в Восточной Европе добавлялись формирующиеся бюрократия и делопроизводство.

Приложение

Текст грамоты Ивана III передается согласно правилам, принятым историками для публикации немецкоязычных актов и эпистолярных источников эпохи позднего Средневековья, в частности современными издателями «Ливонских грамот» [Thumser 2008]: в согласной позиции печатается *v*, в гласной — *u*, сокращения раскрываются без оговорок, исправления в тексте и необычные чтения оговариваются, концы строк не отмечаются, текст разбивается на предложения и абзацы по смыслу, вводится современная пунктуация. Имена собственные, названия стран и народов и производные от них прилагательные, *nomina sacra*

²⁹ Примером может служить подлинная вестовая грамота от февраля 1496 г. со следами стибов, вплетенная в посольскую книгу [РГАДА, ф. 79, оп. 1, № 1, л. 197; публ.: Сб. РИО 35: 171–172, прим.]. Она датируется по упоминанию о приеме Александром Ягеллоном в Городне московского посла Третьяка Долматова, который от имени Ивана III просил пропустить к нему посольство «турецкого царя» [LM 5 (2012): № 340, 341; ср. Сб. РИО 35: 213–215].

³⁰ На то, что она была каким-то образом упорядочена еще до создания книг, указывают случаи совпадения почерков, которыми в этих книгах написаны материалы за одни и те же годы [Мошкова 2017: 241].

печатаются с прописной буквы. Утраченные фрагменты отмечаются квадратными скобками и по возможности восстанавливаются по смыслу и сохранившимся фрагментам букв.

Перевод выполнен с учетом близких по содержанию и форме текстов, сохранившихся в московской посольской книге по сношениям с Великим княжеством Литовским и в 5-й книге записей Литовской метрики. Ссылки на соответствующие места приводятся в примечаниях к переводу. Это призвано облегчить сравнение средненижненемецкого перевода с материалами дипломатических сношений конца XV в. При этом допущена незначительная модернизация, цель которой — облегчить понимание текста.

*1500 г. июня 24. Москва. — Великий князь московский Иван III
объявляет войну великому князю литовскому Александру.*

Перевод: *Archiv der Hansestadt Lübeck, Altes Senatsarchiv, Externa, Ruthenica (01.1–03.17), Nr. 19. Бумага, 22×29,5 см, правый край потрепан (утрачено от 9 до 17 мм). В левом верхнем углу: Iwani imperatoris Russorum declaratio belli contra Allexandrum magnum ducem Lithuaniae. Вдоль верхнего края: 1500 Juni 24 (поч. Германа Гильдебранда, вторая пол. XIX в.). Вдоль нижнего края: Vol. 1. Misc. Russ. 1. (поч. Карла Дрейера, синдика г. Любека в 1752–1802 гг.). На обороте в левом нижнем углу: Russen (XVI в.).*

Iwan, van Godes gnaden eyn here aller Rusßen, eyn grotforste to Wolodimar unde Moskow, Nowgar[den], Ploskow, Otfyren, Iwelhorst^a, Peremißel-sky^a, Bulbarsky^a etc. unde anderer landt.

Deme grothfo[rsten] Allexandro tho Lettowen.

So wy mit dy hebben gemaket eyne frundschoop unde eyne voreyninge u[nde] dat cruce hefttu darup gekusset, dat du scholdest wesen unsen frunden eyn frund unde unsen vyen[den] eyn vyent; unde doch na der voreyninge nicht recht doest na dyner krutzkussinge. To velen malen heff[tu] gesant in dat heer to unsen vienden, to deme Taterschen keyßer Achmat unde synen kindern, u[nde] huten noch sendest to en, unde leydest se up uns, unde wilt syn myt den boßen mennē tegen de cristenh[eit]. Unde ock besendestu dy myt unsen vienden to Lifflande unde voreynigest dy mit one up uns, quad[es]^b dōnde. Unde ock unsen namen hefttu geschreven to uns in dynen breven nicht sodaner wise, also in u[nser] eyninge myt dy geschreven steet. Unde als denne dyne heren myt unser dochter van uns genom[en] hebben eyne uthschriff, wu id in dynem bevestigeden breve to uns stan schal umme den Grekessch[en] geloven, darinne hestu nicht recht gedan na der voreyninge. Unde wowol wy hebben to dy laten th[en] unse dochter unde unse byaren myt dynen heren, myt forsten Allexandro unde heren Johanne, unde [he]bb[en] gelaten, dat unse dochter eyn bisschopp unses Grekesschen geloven scholde echtigen effte de abbet Mach[arius], de dar is eyn stadholder des metropolitani, unde eyne

kerke Godes unses Grekesschen gelovens schold[estu] setten unser dochter an deme ummegange dynes hoves Grekessche kerken, unde heren, junckfrowen un[de] frowen des Grekesschen geloven scholden by ore sin unde nicht van deme Romisschen geloven. Unde als denne unse dochter to dy is gekomen to der Ville, darsulves hefftu tegen dyne bevestigede breve geda[n] unde hefft begunt to reyßende unse dochter to deme Romisschen geloven, unde hefft nicht laten echtig[en] eynen bisschopp unses geloven noch Macharium. Ock hefftu nicht bevolen to settende de kerke Godes de[s] Grekesschen geloven beth an disse tyd; besunderen hesst to ore gesatt heren unde fruwen alle van deme R[o]messchen geloven. Unsen boden, gesten unde kopluden, to uns komende, hestu dorch dine lande th[o] theende nicht togelaten. Unde war de koplude to uns voren up unsen namen, bevelest du van on bynnen [dynem lande] to diner behoff behalven, wo vele unser koplude in dynen landen sin berovet unde vorkofft umme s[...], unde hefft overigen tolln van one genomen unde in velen anderen saken hestu uns nicht is recht geda[n]. Unde wy] hebben dy umme der sake willen nicht to eynem male unse boden gesant; besunderen ock by dinen boden hebben wy to dy laten werven, du uns scholdest recht don na der voreyninge unde crutzkussinge, un[de] hestu uns nicht recht gedan. To unser dochter hestu gesant den bisschopp van Smolensk[e], afftreder des Grekesschen geloven, unde ock dynen bisschopp van der Ville unde de monneke de Berna[r]dinen], dat se insampt myt den Russchen hertogen unde heren unde ock myt den borgeren to Ville u[nde allen] Russen scholden to deme Romisschen geloven treden. Unde hute hestu noch unrecht gedan den Russen, sodans dat hyr to voren nicht gewesen is, by dines vaders tyden unde by sinen vorvaderen, wo vele hefftu laten setten des Romisschen geloven in der Russchen stad to Ploskow unde ock in anderen st[eden], hefft ock de wivere van oren mannen unde de kindere van oren elderen unde van oren guderen myt [gewalt] gedrunge in den Romisschen geloven.

Unde so du sodane dinck dryft boven de eyndracht unde cru[tzkussinge] unde boven dat, dat unse dochter unde alle den Grekesschen geloven wult maken to deme Latine, da[rumme] wy^a van Godes gnaden vor de cristenheit des Grekesschen geloven willen wy^a stan, so verne uns God he[lpet]. Unde so up uns is gewest de crutzkussinge, unde de crutzkussinge sy van uns dy affgesecht. Ock sch[al] God myt dy daromme richten unde de utherwelde Godes thelerinne unde de vorlosinge des Cru[tzes]. Geschreven tor^c Moskow, des sommers VII^m des VIII, manthes Junii des XXIII dages.

Auschultata ex originalo.

^a Так! ^b Восстановлено предположительно. ^c Далее зачеркнута неудачно написанная М и еще одна буква.

Перевод

Иван, Божьей милостью государь³¹ всея Руси, великий князь владимирский и московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский и проч. и иных земель.

Великому князю Александру литовскому.

Как мы с тобой взяли дружбу и докончанье, и ты крест целовал на том, что нашим друзьям быть тебе другом, а нашим недругам быть тебе недругом; и ты неправо чинишь по докончанию, по твоему крестному целованию, много раз ты посылал в войско [*должно быть*: в Орду] к нашим недругам, к татарскому царю Ахмату и его детям [*должно быть*: к татарского царя Ахматовым детям], и ныне еще посылаешь к ним, и наводишь их на нас, и хочешь быть со злыми людьми против христиан³²; и ссылаешься с нашими недругами в Ливонской земле и одиначишься с ними на нас, зло творя. И наше имя ты писал к нам в своих грамотах не так, как написано в нашем докончанье с тобою³³. А что твои паны с нашей дочерью [*возможно, должно быть*: о нашей дочери] взяли у нас список, каковой твоей грамоте утвержденной быть у нас о греческом законе, и ты тому право не учинил по докончанию³⁴. И как мы отпустили к тебе нашу дочь и наших бояр с твоими панами, с князем Александром и с паном Яном, и приказали, что венчать нашу дочь епископу нашего греческого закона или архимандриту Макарию, который там на митрополичьем месте, и церковь Божью нашего греческого закона было тебе поставить нашей дочери на переходах у своего двора, греческую церковь, и панам, девицам и паням греческого закона было у ней быть, а не римского закона; и как приехала наша дочь к тебе в Вильню, ты вместо этого учинил против твоих укрепленных грамот, и начал принуждать нашу дочь к римскому закону, и не велел ее венчать ни епископу нашего закона, ни Макарию. И ты до сих пор не велел поставить церковь греческого закона, а еще панов и паней приставил ты к ней всех римского закона³⁵. А послам нашим, гостям и купцам, к нам едущим, ты не дал проезда через свои земли. А как купцы едут к нам на наше имя, то в [твоих землях] ты велишь их по твоему слову окружать, и купцов наших было много в твоих землях ограблено и продано [*утрата текста; возможно, должно быть*:

³¹ О полной форме см.: [Бачинский et al. 2018: 111–112].

³² [Сб. РИО 35: 256–257, 269, 286, 290 (март 1498 г., июль, август, декабрь 1499 г.); LM 5 (1993): 167].

³³ [Сб. РИО 35: 252, 256, 285, 298 (май и август 1498 г., апрель 1500 г.); LM 5 (1993): 167].

³⁴ [Сб. РИО 35: 252 (март 1498 г.); LM 5 (1993): 167].

³⁵ [Сб. РИО 35: 191, 206, 252, 255 (май и август 1495 г., март 1498 г.)].

без вины], и ты брал на них лишние пошлины³⁶. И во многих иных делах ты не чинил нам право. И мы из-за такого дела не единожды посылали к тебе своих послов, и еще с твоими послами к тебе приказывали, чтобы тебе чинить нам право по dokonчанию и крестному целованию; и ты нам право не чинил³⁷. К дочери к нашей посылал ты владыку смоленского, отметника греческого закона, да бискупа своего виленского и чернецов бернардинов, чтобы она вместе с князьями русскими и панами и местичами виленскими и [всей] русью приступила к римскому закону³⁸. А ныне еще неправо учинил руси, чего наперед того при твоём отце и при его предках не бывало: сколько велел поставлять [божниц] римского закона в русском городе в Полоцке и в иных городах, да жен от их мужей и детей от их отцов [досл. родителей] и от их животов отнимая, силой принуждают к римскому закону³⁹.

И как ты такие дела творишь вопреки одиначеству и [крестному целованию], и ты нашу дочь и весь греческий закон хочешь обратить в латинский, — мы Божьей милостью хотим стоять за христианскую веру греческого закона, сколько нам Бог поможет; и какое было на нас крестное целование, и то крестное целование к тебе с нас долой. И пусть с тобой Бог о том управит и Пречистая Матерь Божья и сила [животворящего] Креста.

Писана на Москве, в лето 7008-е, месяца июня 24 дня.

Переведено с оригинала.

Сокращенные названия архивов, библиотек и их фондов

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, С.-Петербург

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

GStAPK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin

LMAVB RS — Lietuvos Mokslų akademijos bibliotekos Rankraščių skyrius, Vilnius

LVVA — Latvijas valsts vēstures arhīvs, Rīga

OBA — Ordensbriefarchiv

Библиография

Источники

АЗР 2018

Акты, относящиеся к истории Западной России, 2: 18-я и 32-я книги записей Литовской метрики. Метрика королевы Боны, Москва, 2018.

³⁶ [Сб. РИО 35: 244, 255, 263 (март и август 1498 г.).]

³⁷ [Сб. РИО 35: 252 (март 1498 г.).]

³⁸ [Сб. РИО 35: 292, 294, 299 (декабрь 1499 г., апрель 1500 г.); LM 5 (1993): 167].

³⁹ [Сб. РИО 35: 299 (апрель 1500 г.); LM 5 (1993): 167].

АСД 9

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, 9, Вильна, 1870.

ВПК

«Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг., сост. Б. Н. Морозов, ред. тома С. О. Шмидт, (= Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв., 2) Москва, Варшава, 1997.

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, Москва, Ленинград, 1949.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, подг. А. Н. Насонов, Москва, Ленинград, 1950.

ПДС 1

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, 1: Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою, 1 (с 1488 по 1594 год), С.-Петербург, 1851.

ПЛ 1–2

Псковские летописи, 1–2, подг. А. Н. Насонов, Москва, Ленинград, 1941–1955.

ПСРЛ 8

Полное собрание русских летописей, 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку, С.-Петербург, 1859.

ПСРЛ 16

Полное собрание русских летописей, 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки, Санкт-Петербург, 1889.

ПСРЛ 17

Полное собрание русских летописей, 17: Западнорусские летописи, С.-Петербург, 1907.

ПСРЛ 28

Полное собрание русских летописей, 28: Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись), Москва, Ленинград, 1963.

Розов 1928

Розов В., *Українські грамоти, 1: XIV і перша половина XV в.*, Київ, 1928.

Сб. РИО 35

Сборник Императорского Русского исторического общества, 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1, С.-Петербург, 1882.

Сб. РИО 41

Сборник Императорского Русского исторического общества, 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией, 1, С.-Петербург, 1884.

AJDSK

Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494–1504), par. D. Antanavičius ir R. Petrauskas, Vilnius, 2007.

ASPK III.2

Akta stanów Prus Królewskich, III, 2 (1498–1501), wyd. K. Górski, M. Biskup (Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 54), Toruń, 1963.

CESXV 3

Lewicki A., ed., *Codex epistolaris saeculi XV, 3* (= Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 14), Cracoviae, 1894.

HUB 11

Hansisches Urkundenbuch, 11 (1486 bis 1500), bearb. von W. Stein, München, Leipzig, 1916.

Katalog 2016

Katalog dokumentów i listów królów polskich z Archiwum Państwowego w Gdańsku (Jan Olbracht i Aleksander Jagiellończyk), oprac. S. Szybkowski, Gdańsk, 2016.

LM 5 (1993)

Lietuvos Metrika. Užrašymų knyga 5, 5: 1427–1506, par. E. Banionis, Vilnius, 1993.

LM 5 (2012)

Lietuvos Metrika. Užrašymų knyga 5, 5: 1427–1506, par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius, Vilnius, 2012.

LUB II.1

Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch, 2, 1: 1494 Ende Mai — 1500, Hrsg. von L. Arbusow, Riga, Moskau, 1900.

Sanuto 3

I diarii di Marino Sanuto, 3, Venezia, 1880.

Stahl 2004

Stahl I., *Katalog der mittelalterlichen Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Bremen*, Wiesbaden, 2004.

St. Anselmi Fragen

St. Anselmi Fragen an Maria, Det Kongelige Bibliotek København, Cod. Thott. 109,4°, fol. 232r-252r (https://www.ruhr-uni-bochum.de/wege/Kh_Kopenhagen_Cod.Thott.109,4.pdf)

Література

Алексеев 2009

Алексеев Ю. Г., *Походы русских войск при Иване III*, 2-е изд., С.-Петербург, 2009.

Бачинский et al. 2018

Бачинский А., Ерусалимский К., Кочекская Н., Моисеев М., Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования, *Российская история*, 2018, 2, 111–129.

Бойцов 2017

Бойцов М. А., Что знали при дворе Ивана III о «конституции» Священной Римской империи?, *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга)*, Калуга, 2017, 65–85.

Варонін 2011

Варонін В. А., 3 гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі ў канцы XV — першай трэці XVI стст.: Хан Шыг-Ахмат, *Studia historica Europae Orientalis*, 4, Минск, 2011, 127–149.

Варонін 2019

Варонін В. А., Полацк на мяжы XV і XVI стагоддзяў: падзеі, працэсы, рысы штодзённасці, *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 1–2 лістапада 2017 г.)*, уклад. Т. У. Явіч, Полацк, 2019, 33–40.

Груша 2019

Груша А. И., *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV — первая треть XVI в.)*, Москва, С.-Петербург, 2019.

Дзярновіч 2003

Дзярновіч А. І., «...in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін паў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй ў канцы XV — першай палове

- XVI стст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз, 1 (= Athenaeum. Commentarii historiae et culturae, 7), Мінск, 2003.
- Зимин 1982
Зимин А. А., *Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории)*, Москва, 1982.
- Казакова 1975
Казакова Н. А., *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XV в.*, Ленинград, 1975.
- Казакова 1976
Казакова Н. А., Ливонские и ганзейские источники о внутривосточной истории России в конце XV — начале XVI в., *Вспомогательные исторические дисциплины*, 7, Ленинград, 1976, 148–166.
- Каштанов 1967
Каштанов С. М., *Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в.*, Москва, 1967.
- Кром 2019
Кром М. М., *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.*, 3-е изд., испр. и доп., Москва, 2019.
- Литвина, Успенский 2006
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники*, Москва, 2006.
- Лурье 1979
Лурье Я. С., Елена Ивановна, королева Польская и великая княгиня Литовская, как писатель-публицист, *Canadian-American Slavic Studies*, 1979, 13, 1–2, 111–120.
- Мошкова 2017
Мошкова Л. В., Русские посольские книги: начало формирования, *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга)*, Калуга, 2017, 232–250.
- Назаров 2010
Назаров В. Д., Курицын Фёдор Васильевич, *Большая российская энциклопедия*, 16, Москва, 2010, 414.
- Назаров 2013
Назаров В. Д., Софья Палеолог, князь Василий и князь Патрикеевы (заметки о политической борьбе в России в конце XV — начале XVI в.), *Проблемы истории России*, 10: *Исторический источник и исторический контекст*, Екатеринбург, 2013, 73–81.
- Попов, Филюшкин 2011
Попов В. Е., Филюшкин А. И., Как начиналась Ливонская война?, *Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*, 2, Москва, 2011, 192–201.
- Преп. Иустин Попович 2007
Преп. Иустин Попович, *Догматика Православной Церкви. Пневматология*, 2007.
- СДРЯ 1
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1, Москва, 1988.
- СДРЯ 9
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 9, Москва, 2012.
- СЛРЯ 20
Словарь русского языка XI–XVII вв., 20: *Присвоение — Прочнутися*, Москва, 1995.

Трепавлов 2010

Трепавлов В. В., *Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории*, Тула, 2010.

Флоря 2007

Флоря Б. Н., Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI в., Idem. *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье*, Москва, 2007, 233–285.

Флоря 2008

Флоря Б. Н., Елена Иоанновна, *Православная энциклопедия*, 18, Москва, 2008, 307–309.

Хорошкевич 1980

Хорошкевич А. Л. *Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в.*, Москва, 1980.

Хорошкевич 2004

Хорошкевич А. Л., Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской литературе XVI в., *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 63), Wiesbaden, 2004, 102–127.

Хорошкевич 2007

Хорошкевич А. Л., Елена Ивановна, *Большая российская энциклопедия*, 9, Москва, 2007, 645–646.

Цемушаў 2010

Цемушаў В. М., Шляхі і сродкі далучэння тэрыторый да Вялікага княства Маскоўскага падчас войнаў з ВКЛ у канцы XV — першай трэці XVI ст., *Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.)*, Мінск, 2010, 11–17.

Цемушаў 2014

Цемушаў В. М., *На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.)*, Смаленск, 2014.

Циммерлинг 2020

Циммерлинг А. В., Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Ивана III, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*, 2020, 1/23, Москва, 2019, 326–372.

Baczkowski 1992

Baczkowski K., Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku, *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, pod red. Z. H. Nowaka, Toruń, 1992, 37–47.

Badstübner, Schumann 2000

Badstübner E., Schumann D., *Hallenumgangschöre in Brandenburg*, Berlin, 2000.

Banionis 1988

Banionis E., Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diplomatiniai ryšiai su Moldavijos Kunigaikštyste 1492–1501 metais, *Lietuvos istorijos metraštis*, 1987 metai, Vilnius, 1988, 23–40.

Banionis 1998

Banionis E., *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV–XVI amžiais*, Vilnius, 1998.

Białowiejska 1930

Białowiejska W., Stosunki Litwy z Moskwą w 1. połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka, *Ateneum Wileńskie*, 1930, 7, 59–110, 726–785.

Błaszczuk 2002

Błaszczuk G., *Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności, 1492–1569*, Poznań, 2002.

Caro 1888

Caro J., *Geschichte Polens*, Bd. 5, Hbd. 2, Gotha, 1888.

DRW

Deutsches Rechtswörterbuch. Heidelberger Akademie der Wissenschaften. 15.08.2021 (<https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige?term=richten&index=lemmata>)

Fennell 1961

Fennell J. L. I., *Ivan the Great of Moscow*, London, 1961.

Garbacik 1961

Garbacik J., Helena (1476–1513), żona Aleksandra Jagiellonczyka, *Polski słownik biograficzny*, 9, Wrocław i in., 1961, 359–362.

Halecki 1916

Halecki O., Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego, *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny*, 59 (= Ser. 2., T. 34.), Kraków, 1916, 214–254.

Jahnke 2003

Jahnke C., *Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute. Habilitationsschrift der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel*, Kiel, 2003.

Jensen 2004

Jensen C. S., Remembering the Dead and Caring for the Poor. Aspects of the religious life among the people of late medieval Lübeck, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*, 84/2004, 35–52.

Jonaitis 2011

Jonaitis R., Orthodox churches in the Civitas Rutenica area of Vilnius: the question of location, *Archaeologia Baltica*, 2011, 16, 110–128.

Keršienė 2017

Keršienė D., Ultima serva: Lietuvos didžiosios kunigaikštienės Elenos Aleksandrienės epistolika, *Senoji Lietuvos literatūra*, 43, 2017, 73–117.

Kitkauskas 2012

Kitkauskas N., *Vilniaus pilys: istorija, statyba, architektūra. 2 pataisyta ir papildyta laida*, Vilnius, 2012.

Klesmann 2007

Klesmann B., *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegserklärungen des 17. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz), Mainz, 2007.

Köbler 2014

Köbler G., *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, 3. A. 2014 (<https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html>).

Koneczny 1984

Koneczny F., *Dzieje Rosji, 3: Schyłek Iwana III, 1492–1505*, Londyn, 1984.

Kwiatkowski 2002

Kwiatkowski K., Bitwa nad rzeką Wiedroszą i jej znaczenie dla kampanii moskiewsko-litewskiej 1500 roku, *Czasy Nowożytne*, 2002, 13, 9–95.

Mickūnaitė 2017

Mickūnaitė G., United in blood, divided by faith: Elena Ivanovna and Aleksander Jagiellończyk, *Frictions and Failures. Cultural Encounters in Crisis*, ed. by Almut Bues, Wiesbaden, 2017, 181–200.

Papée 1999

Papée F., *Aleksander Jagiellończyk*, 2, Kraków, 1999.

Peters 2012

Peters R., Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen, Teil 1: 39–65; Teil 2: 65–95; Teil 3: 96–114, Idem. *Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*, hrsg. von Robert Langhanke, Bielefeld, 2012.

Petrauskas 2015

Petrauskas R., Litewski Jagiellończyk? Rządy Aleksandra Jagiellończyka w Wielkim Księstwie Litewskim, *Jagiellonowie i ich świat. Dynastia królewska w drugiej połowie XV i w XVI wieku* (= Studia Jagiellonica), B. Czwojdrak, J. Sperki, P. Węcowskiego, eds., 2, Kraków, 2015, 197–209.

Petrauskas 2008

Petrauskas R., Riteriai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje, *Istorijos šaltinių tyrimai*, 1, Vilnius, 2008, 91–113.

Pietkiewicz 1997

Pietkiewicz K., Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka, *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.*, Vilnius, 1997, 75–131.

——— 2016

Pietkiewicz K., *Itinerarium króla Aleksandra Jagiellończyka 1492–1506* (= Itineraria Jagiellonów, 3), Warszawa, 2016.

——— 2007

Pietkiewicz K., Spór wokół osoby Aleksandra Jagiellończyka (1461–1506), *Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Mokslinių straipsnių rinkinys*, Vilnius, 2007, 16–24.

——— 1995

Pietkiewicz K., *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku* (= Historia), Poznań, 1995.

Rowell 2013

Rowell S. C., Whatever kind of pagan the bearer might be, the letter is valid. A sketch of Catholic-Orthodox relations in the late-medieval Grand Duchy of Lithuania, *Lithuanian Historical Studies*, 18, Vilnius, 2013, 47–65.

Rutkowska 2020

Rutkowska G., Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka, *Średniowiecze Polskie i Powszechne*, 12 (16), Katowice, 2020, 261–307.

Sarauw 1924

Sarauw C., *Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache*, Kopenhagen, 1924.

Schiller, Lübben V

Schiller K., Lübben A., *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, Bd. V. Bremen, 1880.

Selart 2003

Selart A., Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende der 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofs in Novgorod im Jahre 1494, *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* (= Schriftenreihe Baltische Seminare, 10), Lüneburg, 2003, 177–210.

Szweda 2019

Szweda A., Die polnischen Absagebriefe während der Kriege mit dem Deutschen Orden, *Studia historica Brunensia*, 2019, 66/1, 107–119.

——— 2009

Szweda A., *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń, 2009.

——— 2010

Szweda A., Prawna forma rozpoczynania wojny w późnym Średniowieczu na przykładzie listów

wypowiednich wielkich mistrzów zakonu krzyżackiego, *Kwartalnik Prawa Publicznego*, 2010, 10, 1–2, 173–188.

Szybkowski 2017

Szybkowski S., Kontakty wielkiego księcia litewskiego Aleksandra Jagiellończyka z Gdańskiem w latach 1492–1501, *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура*, 1, Мінск, 2017, 106–119.

Thumser 2008

Thumser M., Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert), *Editionswissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik – Amtsbücher – Digitale Edition – Projekte*, Hg. v. M. Thumser, J. Tandecki u. a. Toruń, 2008, 13–19.

Tischer 2012

Tischer A., *Offizielle Kriegsbegründungen in der Frühen Neuzeit. Herrscherkommunikation in Europa zwischen Souveränität und korporativem Selbstverständnis* (= Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit, 12.), Berlin, 2012.

Varakauskas 1982

Varakauskas R., *Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a.*, Vilnius, 1982.

References

Alekseev Yu. G., Pokhody russkikh voisk pri Ivane III, 2nd ed., St. Petersburg, 2009.

Bachinskiy A., Erusalimskiy K., Kochekovskaya N., Moiseyev M., Diplomatic correspondence of Ivan the Terrible: problems of authorship, storage and existence, *Rossiiskaia Istorija*, 2018, 2, 111–129.

Baczkowski K., Węgierskie pośrednictwo pokojowe w konflikcie litewsko-moskiewskim w początkach XVI wieku, *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin*, Z. H. Nowaka, ed., Toruń, 1992, 37–47.

Badstübner E., Schumann D., *Hallenungangschöre in Brandenburg*, Berlin, 2000.

Banionis E., Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diplomatiniai ryšiai su Moldavijos Kunigaikštyste 1492–1501 metais, *Lietuvos istorijos metraštis*, 1987 metai, Vilnius, 1988, 23–40.

Banionis E., *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV–XVI amžiais*, Vilnius, 1998.

Białowiejska W., Stosunki Litwy z Moskwą w 1. połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka, *Ate-neum Wileńskie*, 1930, 7, 59–110, 726–785.

Błaszczak G., *Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności, 1492–1569*, Poznań, 2002.

Boyrtsov M. A., Chto znali pri dvore Ivana III o «konstitutsii» Sviashchennoi Rimskei imperii?, *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii* (30 marta – 1 apre-lia 2017 g., Kaluga), Kaluga, 2017, 65–85.

Ciemuś V. M., *Na ūschodniaj miazhy Vialikaha Kniastva Litoŭskaha (siaredzina XIV – pieršaja palo-va XVI st.)*, Smolensk, 2014.

Ciemuś V. M., Šliachi i srodki dalučennia ter-rytorij da Vialikaha kniastva Maskoŭskaha padčas vojnaŭ z VKL u kancy XV – pieršaj treći XVI st., *Prabliemy intehracyi i inkarparycy ŭ razvici Centralnaj i Ūschodniaj Jeŭropy ŭ pierjad ranniaha Novaha času. Materyjaly mižnarodnaj navukovaj kanferencyi, prysviečanaj 440-hoddzii Liublinskaj unii* (Minsk, 15–17 kastyryčnika 2009 h.), Minsk, 2010, 11–17.

Dziarnovič A. I., «...in nostra Livonia». Da-kumiental'naja krynica pa historyi palatyčnych adnosi-naŭ pamiž Vialikim Kniastvam Litoŭskim i Livonijaj ŭ kancy XV – pieršaj palovie XVI st.: Sistematyzacyja i aktavy analiz, 1, (= Athenaeum. Commentarii histo-riae et culturae, 7), Minsk, 2003.

Fennell J. L. I., *Ivan the Great of Moscow*, Lon-don, 1961.

Floria B. N., Popytka osushchestvleniia tserkov-noi unii v Velikom kniazhestve Litovskom v posle-dnei chetverti XV – nachale XVI v., Idem. *Issledo-vaniia po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavianskoe Srednevekov'e*, Moscow, 2007, 233–285.

Grusha A. I., *Krizis doveriia? Poiavlenie i utverzh-denie pravovogo dokumenta v Velikom Kniazhestve Li-tovskom (konets XIV – pervaja tret' XVI v.)*, Moscow, St. Petersburg, 2019.

Jahnke C., *Netzwerke in Handel und Kommu-nikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute. Habilitationss-chrift der Philosophischen Fakultät der Christian-Al-brechts-Universität zu Kiel*, Kiel, 2003.

Jensen C. S., Remembering the Dead and Car-ing for the Poor. Aspects of the religious life among the people of late medieval Lübeck, *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertum-skunde*, 84/2004, 35–52.

Jonaitis R., Orthodox churches in the Civitas Rutenica area of Vilnius: the question of location, *Archaeologia Baltica*, 2011, 16, 110–128.

Kashtanov S. M., *Sotsial'no-politicheskaia istoriia Rossii kontsa XV – pervoi poloviny XVI v.*, Moscow, 1967.

Kazakova N. A., Livonskie i ganzeiskie istochniki o vnutripoliticheskoi istorii Rossii v kontse XV – nachale XVI v., *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 7, Leningrad, 1976, 148–166.

Kazakova N. A., *Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniia. Konets XIV – nachalo XV v.*, Leningrad, 1975.

Keršienė D., Ultima serva: the Letters of Helena of Moscow, *Senoji Lietuvos literatūra*, 43, 2017, 73–117.

Khoroshkevich A. L., Otrazhenie predstavlenii o regionakh Gosudarstva vseia Rusi i Rossiiskogo tsarstva v velikokniazheskoi i tsarskoi literature XVI v., *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 63.), Wiesbaden, 2004, 102–127.

Khoroshkevich A. L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV – nachala XVI v., Moscow, 1980.

Kitkauskas N., *Vilniaus pilys: istorija, statyba, architektūra. 2 pataisyta ir papildyta laida*, Vilnius, 2012.

Klesmann B., *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegserklärungen des 17. Jahrhunderts*, (= Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz), Mainz, 2007.

Koneczny F., *Dzieje Rosji*, 3: *Schylek Iwana III*, 1492–1505, London, 1984.

Krom M. M., *Between Rus' and Lithuania. Borderlands in the system of the Russian Lithuanian relations from the end of the 15th to the 1st third of the 16th century*, 3rd ed., rev. and enl., Moscow, 2019.

Kwiatkowski K., Bitwa nad rzeką Wiedroszą i jej znaczenie dla kampanii moskiewsko-litewskiej 1500 roku, *Czasy Nowożytnie*, 2002, 13, 9–95.

Litvina A. F., Uspensky F. I., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Lurje J. S., Elena Ivanovna, koroleva Pol'skaia i velikaia kniaginia Litovskaia, kak pisatel'-publitsist, *Canadian-American Slavic Studies*, 1979, 13, 1–2, 111–120.

Mickūnaitė G., United in blood, divided by faith: Elena Ivanovna and Aleksander Jagiellończyk, *Frictions and Failures. Cultural Encounters in Crisis*, ed. by Almut Bues, Wiesbaden, 2017, 181–200.

Moshkova L. V., Russkie posol'skie knigi: nachalo formirovaniia, *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii* (30 marta – 1 aprelia 2017 g., Kaluga), Kaluga, 2017, 232–250.

Nazarov V. D., Sofiia Paleolog, kniaz' Vasiliu i kniaz'ia Patrikeevy (zametki o politicheskoi bor'be

v Rossii v kontse XV – nachale XVI v.), *Problemy istorii Rossii*, 10: *Istoricheskii istochnik i istoricheskii kontekst*, Ekaterinburg, 2013, 73–81.

Papee F., *Aleksander Jagiellończyk*, 2nd ed., Krakow, 1999.

Peters R., Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen, Teil 1: 39–65; Teil 2: 65–95; Teil 3: 96–114, Idem. *Mittelniederdeutsche Studien. Gesamelte Schriften 1974 bis 2003*, ed. von Robert Langhans, Bielefeld, 2012.

Petrauskas R., Litewski Jagiellończyk? Rządy Aleksandra Jagiellończyka w Wielkim Księstwie Litewskim, *Jagiellonowie i ich świat. Dynastia królewska w drugiej połowie XV i w XVI wieku* (= Studia Jagiellonica), B. Czwojdrak, J. Sperki, P. Węcowski, eds., 2, Krakow, 2015, 197–209.

Petrauskas R., Riteriai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje, *Istorijos šaltinių tyrinėjimai*, 1, Vilnius, 2008, 91–113.

Pietkiewicz K., Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka, *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.*, Vilnius, 1997, 75–131.

Pietkiewicz K., *Grand Duchy of Lithuania under the rule of Alexander Jagiellon. Studies on the history of the state and society at the turn of the fifteenth and sixteenth centuries* (= Historia), Poznań, 1995.

Pietkiewicz K., *Itinerarium króla Aleksandra Jagiellończyka 1492–1506* (= *Itineraria Jagiellonów*, 3), Warszawa, 2016.

Pietkiewicz K., Spór wokół osoby Aleksandra Jagiellończyka (1461–1506), *Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Mokslinių straipsnių rinkinys*, Vilnius, 2007, 16–24.

Popov V. E., Filiushkin A. I., Kak nachinalas' Livonskaia voina?, *Edinorog*. *Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy epokhi Srednikh vekov i Ranego Novogo vremeni*, 2, Moscow, 2011, 192–201.

Prep. Iustin Popovich, *Dogmatika Pravoslavno Tserkvi. Pneumatologii*, 2007.

Rowell S. C., Whatever kind of pagan the bearer might be, the letter is valid. A sketch of Catholic-Orthodox relations in the late-medieval Grand Duchy of Lithuania, *Lithuanian Historical Studies*, 18, Vilnius, 2013, 47–65.

Rutkowska G., Church in the Life of Helen of Moscow, the Wife of Alexander the Jagiellonian, *Sredniowiecze Polskie i Powszechnie*, 12 (16), Katowice, 2020, 261–307.

Sarauw C., *Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache*, Kopenhagen, 1924.

Selart A., Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende der 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofs in Novgorod im Jahre 1494, *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar* (= Schriftenreihe Baltische Seminare, 10), Lüneburg, 2003, 177–210.

Szweda A., *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń, 2009.

Szweda A., Prawna forma rozpoczynania wojny w późnym Średniowieczu na przykładzie listów wypowiednich wielkich mistrzów zakonu krzyżackiego, *Kwartalnik Prawa Publicznego*, 2010, 10, 1–2, 173–188.

Szweda A., The Polish Letters of Feud Declaration during the Wars with the Teutonic Order, *Studia historica Brunensia*, 2019, 66/1, 107–119.

Szybkowski S., Kontakty wielkiego księcia litewskiego Aleksandra Jagiellończyka z Gdańskiem w latach 1492–1501, *Vialikaje Kniastva Litoŭskaje: palityka, ekanomika, kultura*, 1, Minsk, 2017, 106–119.

Thumser M., Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert), *Editionswissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik – Amtsbücher – Digitale Edition – Projekte*, ed. M. Thumser, J. Tandecki u. a. Toruń, 2008, 13–19.

Tischer A., *Offizielle Kriegsbegründungen in der Frühen Neuzeit. Herrscherkommunikation in Europa zwischen Souveränität und korporativem Selbstver-*

ständnis (= Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit, 12), Berlin, 2012.

Trepavlov V. V., *Bol'shaia Orda – Takht eli. Ocherk istorii*, Tula, 2010.

Varakauskas R., *Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a.*, Vilnius, 1982.

Varonin V. A., Z historyi ūzajemaadnosin Vialikaha Kniastva Litoŭskaha z tatarami ū kancy XV – pieršaj terci XVI st.: Chan Šyh-Achmat, *Studia historica Europae Orientalis*, 4, Minsk, 2011, 127–149.

Varonin V. A., Polack na miaży XV i XVI stahodziaŭ: padziei, pracesy, rysy štodzionnasci, *Historyja i archiealohija Polacka i Polackaj ziamli: materyjaly VII Mižnarodnaj navukovaj kanfierencyi (Polack, 1–2 listapada 201 h.)*, T. U. Javič, ed., Polotsk, 2019, 33–40.

Zimin A. A., Rossiia na rubezhe XV–XVI stoletii (očerki sotsial'no-politicheskoi istorii), Moscow, 1982.

Zimmerling A. V., East is East? Translated and Original Letters in the Embassy Books of Ivan III, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2020, 1, 23, Moscow, 2019, 326–372.

Сергей Владимирович Полехов, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Школы актуальных гуманитарных исследований

Института общественных наук

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

119606, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 9;

доцент Института истории

С.-Петербургского государственного университета

199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Россия / Russia

sergey.polekhov@gmail.com

Екатерина Ричардовна Сквайрс, доктор филологических наук,

профессор кафедры германской и кельтской филологии

филологического факультета

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1 корпус гуманитарных факультетов;

главный научный сотрудник

Научно-исследовательского отдела редких книг

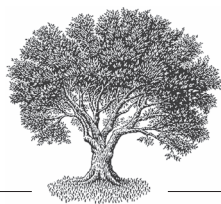
Российской государственной библиотеки

119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5

Россия / Russia

skvayrs@gmail.com

Received July 18, 2020

Латинское
стихотворение
в русском переводе
1670 г.: похвала
королю Людовику
XIII из книги Антуана
де Плювинеля
«*Maneige Royal*»*

Ингрид Майер, Олена Янссон

Уппсальский университет,
Уппсала, Швеция

**Олег Владимирович
Русаковский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

A Latin Poem
Translated into
Russian in 1670:
A Panegyric in Praise
of King Louis XIII
from Antoine de
Pluvinel's Book
Maneige Royal

Ingrid Maier, Olena Jansson

Uppsala University,
Uppsala, Sweden

Oleg V. Rusakovskiy

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

* Мы сердечно благодарим Ольгу Львовну Новикову за многостороннюю помощь, оказанную во время наших командировок в Санкт-Петербург для непосредственной работы с рукописью в Российской национальной библиотеке. Илье Игоревичу Аникьеву (Москва), Винфриду Шумахеру (Кельн), Хансу Хеландеру и Марианне Вифstrand Шибе (Уппсала) мы выражаем искреннюю благодарность за обсуждение латинского стихотворения. За ценные замечания авторы также признательны Сергею Ивановичу Николаеву и Екатерине Евгеньевне Флоринской, за работу с фотографиями — Ларсу Бруселиусу (Уппсала).

Цитирование: Майер И., Янссон О., Русаковский О. В. Латинское стихотворение в русском переводе 1670 г.: похвала королю Людовику XIII из книги Антуана де Плювинеля *Maneige Royal* // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 296–321.

Citation: Maier I., Jansson O., Rusakovskiy O. V. (2021) A Latin Poem Translated into Russian in 1670: A Panegyric in Praise of King Louis XIII from Antoine de Pluvinel's Book *Maneige Royal*, *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 296–321.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.13

Резюме

В статье анализируется ранний прозаический перевод на русский язык латинского панегирика «*In laudem Lvdovici XIII*», сочиненного Петром Валенсом не позднее 1623 г. Стихотворение вошло в состав книги «*Maneige Royal*» (вышедшей впервые в 1623 г.), автором которой считается А. де Плювинель, учивший юного короля Людовика XIII верховой езде. На русский эта книга была переведена в 1670 г., но не с французского, а с немецкого языка. Источником послужило двуязычное издание «*Maneige Royal / Königliche Reitschul*», напечатанное в 1626 г. в Брауншвейге. Русское название книги дословно отражает немецкое: «Королевская ездная школа». Перевод известен в двух списках — РНБ, *F.XI.1* (Санкт-Петербург) и в составе *Cod. AD 10* (Вестерос, Швеция). Анализ списков дает основания предполагать, что перевод был выполнен в Посольском приказе (как и, по всей вероятности, оба списка). В переводе латинского панегирика отражено вполне уверенное понимание переводчиком основного содержания, хотя и не без отдельных погрешностей. При этом некоторые ошибки в переводе, как нам кажется, спровоцированы опечатками немецкого источника или привнесены в процессе копирования. По всей вероятности, русский перевод латинского стихотворения, как и всей книги Плювинеля, был выполнен переводчиком Иваном Тяжкогорским, знавшим все три использованные в книге языка (немецкий, латынь и французский). Несмотря на то что Тяжкогорский большей частью выполнял переводы с родного немецкого языка, он неплохо переводил также с латыни и французского, но исторические, политические и, главным образом, мифологические аллюзии вызвали у него некоторые трудности.

Ключевые слова

Антуан де Плювинель, *Maneige Royal*, Королевская ездная школа, Петр Валенс (Peter / Petrus / Pierre Valens), латинская поэзия, перевод с латыни на русский, Посольский приказ, Иван Тяжкогорский

Abstract

This paper offers an analysis of an early prose translation of a Latin panegyric poem into Russian. The poem, *In laudem Lvdovici XIII* was written by Peter / Petrus / Pierre Valens in 1623 or earlier. It was included in the book *Maneige Royal*, first published in 1623 under the name of A. de Pluvinel, who was the riding teacher of the young King Louis XIII. The book was translated into Russian in 1670, albeit not from the original French edition, but from the German version in the bilingual edition *Maneige Royal / Königliche Reitschul*, published in Braunschweig, 1626. The book's Russian title is a verbatim translation of the German one, *Korolevskaia ezdnaia shkola*. The translation is known from two copies: RNB, *F.XI.1* (Saint Petersburg), and as one of the texts in the *Codex AD 10* (Västerås, Sweden). Our analysis leads to the conclusion that both the translation itself and the two copies most probably were made at the Ambassadorial Chancery (Posol'skii prikaz). The translation of the Latin panegyric poem shows that the translator understood the Latin text quite well, although it contains a few isolated errors. At the same time, some of these mistakes might have been the result of misprints in the German original, or they may have been caused by the copyist who produced the fair copy. It seems very likely that the translation

of the Latin poem (as well as of the entire book) was made by the translator Ivan Tiazhkogorskii, who knew all three languages used in the book (German, Latin, and French). Although Tiazhkogorskii for the most part translated texts from his native language, German, he was able to make decent translations also from Latin and French; however, historical, political and above all mythological allusions caused a few difficulties.

Keywords

Antoine de Pluvinel, *Maneige Royal* / Königliche Reitschul, Peter / Petrus / Pierre Valens, Latin poetry, Latin-Russian translation, Ambassadorial Chancery, Ivan Tiazhkogorskii

1. Введение

Вторая половина XVII в. стала временем активного проникновения в Россию и адаптации там произведений европейской барочной культуры. Процесс этот затронул изобразительное, музыкальное и театральное искусство¹ и особенно ярко проявился в освоении европейских литературных жанров и стилистических приемов, переводах и переложениях отдельных текстов [Сазонова 2006; Николаев 2008]. Объектами этих переводов становились сочинения не только на современных европейских языках, но и на латыни, сохранявшей в Европе значение в образовании и интеллектуальной культуре, а также свою роль международного языка в области науки и дипломатии. В частности, московская политическая и культурная элита имела возможность познакомиться с классической и новолатинской поэзией как в оригинале (в тех редких случаях, когда ее представители владели этим языком), так и в переводах. Такие переводы создавались прежде всего в интеллектуальном кружке, сформировавшемся вокруг Симеона Полоцкого и его молодых последователей, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина [Панченко 1973: 121; Хипписли 2001]. Здесь же еще в 1680-х гг. появились и первые поэтические тексты на латинском языке, написанные русскими авторами [Панченко 1973: 149].

Не остался в стороне от процесса освоения латинской поэзии и Посольский приказ — один из главных центров московской переводческой культуры допетровского времени, в стенах которого трудились знатоки большинства важнейших европейских и восточных языков, а также древнегреческого и латыни. Переводчики — специалисты приказа по западным языкам (как правило, выходцы из Европы в первом, втором или третьем поколении [Беляков 2017: 97]) — работали с текстами самых

¹ См. примеры в исследованиях последних лет, в частности, работы [Jensen 2009; Дженсен, Майер 2016; Чинякова et al. 2017; Jensen et al. 2021].

разных жанров, от дипломатической переписки и европейских газет до публицистических или литературных сочинений и даже сложных естественнонаучных, философских и технических трактатов [Соболевский 1903; Шамин 2011; Переводчики и переводы 2019]. Со стихотворными же текстами, тем более латинскими, переводчикам Посольского приказа приходилось сталкиваться относительно редко — обычно когда такие тексты входили в состав переводимых ими книг или памфлетов. К этим случаям можно также отнести перевод латинских четверостиший (гексаметров) на серии фламандских гравюр XVI в. «Equile Ioannis Austriaci...», выполненный в 1677 г. Семеном Лаврецким [Майер 2021]. Начиная с 1670-х гг., в Приказе предпринимались относительно успешные попытки прозаического перевода отдельных панегирических новолатинских стихотворений, преимущественно написанных в Речи Посполитой по случаю недавних политических событий [Николаев 1989: 36–37; Николаев 2008: 215]. Позднее, в годы Великого Посольства 1697–1698 гг., переводы — в том числе сохранявшие хотя бы отчасти поэтическую форму оригинала — делались с латинских стихов, посвященных русскому государю [Алпатов, Шамин 2014; Кузнецова et al. 2016].

Илл. 1. Гравированная титульная страница книги
«Maneige Royal / Königl. Reitschule» (Брауншвейг, 1626 г.)²

² Экземпляр из Библиотеки замка Скуклостер (Skoklosters slotts bibliotek), Carl Gustaf Wrangels bibliotek.

2. Иностранный источник перевода

В настоящей статье мы остановимся на одном из ранних прозаических переводов латинского поэтического текста, предположительно созданном в Посольском приказе и не введенном донныне в научный оборот. Интересующий нас латинский текст входит в состав исключительно важной и известной в то время книги французского мастера верховой езды Антуана де Плювинеля (ок. 1552–1620), который в последние годы жизни был учителем юного короля Людовика XIII. Книги Плювинеля, в том числе «*Maneige Royal*» (первое издание вышло в Париже в 1623 г.), стали очень популярными в Европе XVII в. Они издавались много раз в течение всего столетия и продолжают выходить в виде факсимильных изданий по сей день³. Уже через три года после парижского издания «*Maneige Royal*» появился перевод на немецкий язык — в 1626 г. в городе Брауншвейг (расположенном в нынешней земле Нижняя Саксония)⁴. Титульные листы книги, введение, посвящения, а также вся «учебная» часть напечатаны как на французском, так и на немецком языках (см. гравированный титульный лист на ил. 1). Как первое издание, так и брауншвейгское вышли продолговатым (горизонтальным) форматом в лист, с тем же количеством иллюстраций, что и парижское, причем гравюры были заново выполнены уже в Германии [Platte 2000: 214; Майер, в печати]. В работе [Майер, Русаковский 2019: 71–73] было доказано, что брауншвейгское издание 1626 г. было использовано для русского перевода 1670 г. и что перевод основной части книги был сделан с немецкой версии⁵.

Неясно, в какой степени Плювинеля можно считать истинным автором книги «*Maneige Royal*», изданной через несколько лет после смер-

³ В 1970 г. вышел репринт брауншвейгского издания «*Maneige Royal* / Königliche Reitschul» 1626 г. (в Лейпциге), в 1989 г. — франкфуртского издания «*L'Instruction du Roy / Reitkunst*» 1670 г. (Hildesheim / Zürich / New York). Английский перевод брауншвейгского издания «*Maneige Royal*», со всеми иллюстрациями, вышел в свет в 1989 г. [Nelson 1989]. В 2017 г. в Париже появилось факсимиле первого издания «*L'Instruction du Roy*», 1625 г.

⁴ В наших цитатах из этого издания мы пользовались экземпляром университетской библиотеки города Галле (Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt). Книга доступна на электронном ресурсе <http://www.vd17.de/>, № 39:1261155).

⁵ Еще А. И. Соболевский сообщал, что перевод сделан с немецкого языка, но никак это не аргументировал [Соболевский 1903: 114]. Имело смысл проверить эту информацию, ведь у великого ученого нередко обнаруживаются ошибки и неточности, что и не должно нас удивлять ввиду огромного количества переводов, кратко им описанных. Ошибочный год оригинала брауншвейгского издания — 1653 вместо действительного 1626 — у Соболевского объясняется тем, что исследователь указывает дату по исправлению, выполненному от руки на гравированном титуле, вклеенном в русскую рукопись. Эта же дата фигурирует в обоих списках перевода (см. ил. 2).

ти этого известного деятеля французской культуры и политики; то же самое касается также и следующей книги, вышедшей под именем Плювинеля, «L'Instruction du Roy» (первое издание вышло из печати в Париже, в 1625 г.)⁶. Представляется более вероятным, что настоящим автором первой книги был бывший камердинер Плювинеля, Ж. Д. Пейроль (J. D. Peyrol), написавший для нее длинное предисловие⁷, а второй — Рене де Мену (René de Menou) [Platte 2000: 51–55], автор пространного вступления к книге «L'Instruction du Roy». Однако поскольку «Maneige Royal» и другая книга, «L'Instruction du Roy», во всех библиотеках мира фигурируют именно под фамилией Плювинеля, мы тоже будем в дальнейшем пользоваться обозначением «книга Плювинеля» без оговорок.

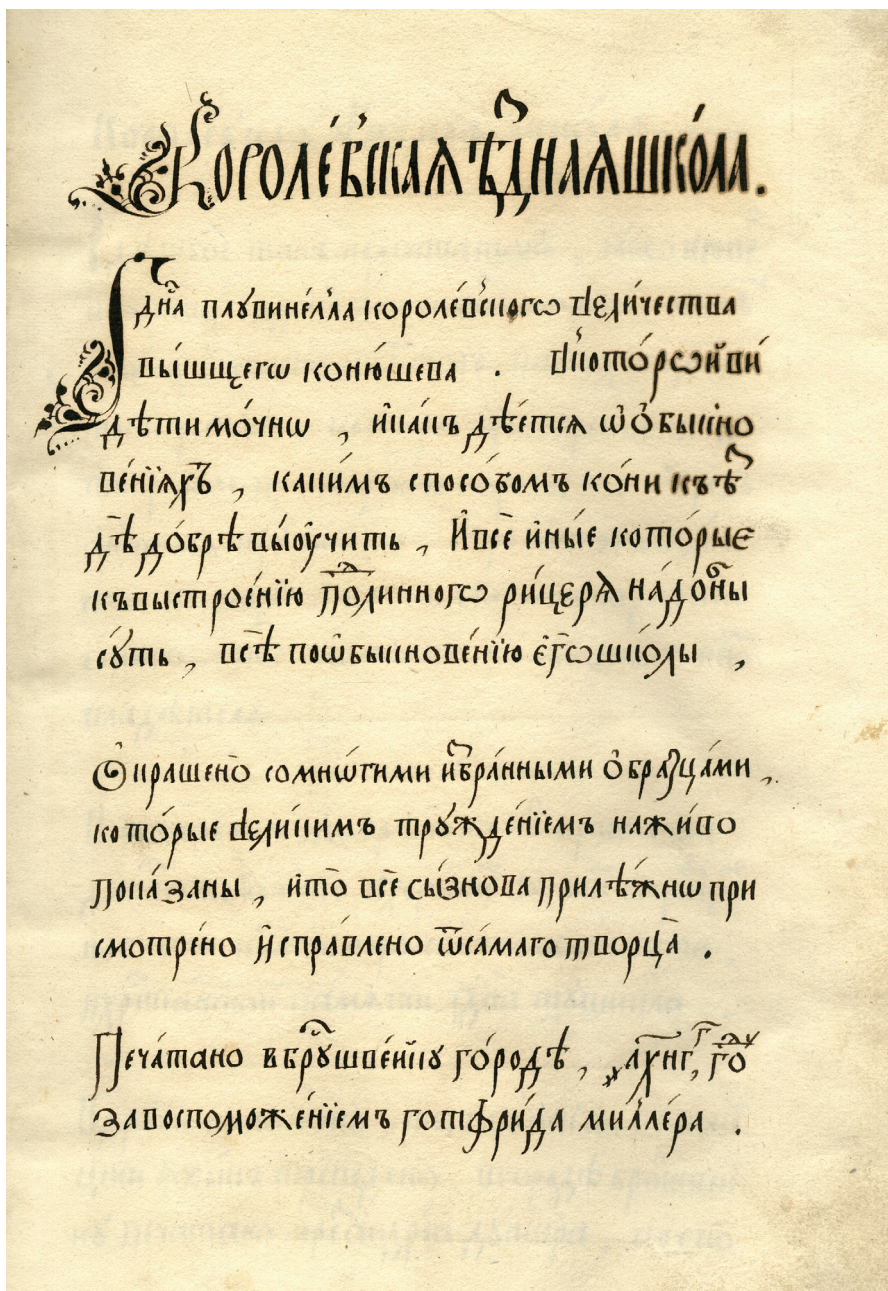
3. История возникновения русского перевода «Maneige Royal»

На сегодня известно только два списка перевода 1670 г. под названием «Королевская ездная школа»⁸ — в рукописи *F.XI.1*, хранящейся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), и в конволюте *Cod. AD 10* из городской библиотеки Вестероса (Швеция). *Cod. AD 10* — один из четырех сборников, привезенных в Швецию из России в 1687 г. шведским славистом Юханом Габриэлем Спарвенфельдом (см. подробнее [Dahl 1949; Черепнин 1957: 472–477]). А. И. Соболевский, которому был известен только петербургский список «в переплете с позолотой», был уверен, что он «несомненно» принадлежал царской библиотеке [Соболевский 1903: 113–114]. Соболевский никак не аргументировал это высказывание, и нам тоже, к сожалению, не удалось обнаружить прямых доказательств этого факта. До сих пор не найдено никаких приказных документов, подтверждающих существование подобного царского указа, а в самой рукописи *F.XI.1* отмечено только, что книга «была переведена» 20 декабря 1670 г. Эту информацию можно понять по-разному: либо в этот конкретный день был закончен черновой вариант перевода, либо к указанной дате уже был готов беловой список со всеми иллюстрациями. Когда переводчик — или переводчики — приступили к работе, неизвестно.

⁶ См. об этом [Mennessier de la Lance 1917: 327–333; Platte 2000: 209–215].

⁷ См. его предисловие в оригинале (без пагинации в этой части книги) или русский перевод на л. 9об., 12, 13 в списке РНБ.

⁸ Название «Книга лошадиного учения» в начале обоих списков, не соответствующее заглавию оригинала «Maneige Royal / Königliche Reitschul», было не взято из перевода, а, очевидно, вставлено позже переписчиком или кем-то из организаторов работ по переводу и составлению книги (подробнее см. [Майер, Янссон, в печати]). В данной и будущих публикациях мы пользуемся названием-переводом «Королевская ездная школа», надеясь закрепить его в научном обороте.

Илл. 2. Перевод гравированной титульной страницы «Королевской ездной школы» в списке РНБ, F.XI.1 (л. 4); см. также изображение № XLI в альбоме [Соболевский 1901]. Указанный АХНГ [1653] год ошибочен (см. примеч. 6)

Однако можно привести ряд косвенных аргументов в пользу выполнения данного перевода в Посольском приказе, и не исключено, что указ исходил лично от царя. Возможно, что главными адресатами русского перевода были царевицы Алексей (1654–1670)⁹ и Федор Алексеевич (1661–1682), взошедший на престол в 1676 г. Сохранился документ, согласно которому Федор, будучи уже царем (его отец, царь Алексей Михайлович, умер в январе 1676 г.), 9 марта 1677 г. отдал в Посольский приказ распоряжение о переводе книги «конского учения»¹⁰ [см. Лаврентьев, Матвеева 1992: 242; Майер, в печати]. В этом случае имела в виду другая книга Плювинеля («L'Instruction du Roy / Reitkunst»). Возможно, именно из-за существования перевода другой книги Плювинеля и возникла идея о принадлежности обеих к царской библиотеке.

Более значительными аргументами в пользу создания книги 1670 г. в стенах Посольского приказа, по нашему мнению, являются следующие. Во-первых, именно там существовала практика вклеивания иллюстраций из оригиналов в беловики переводов, так что готовая рукописная книга максимально отражала достоинства и красоту оригинала¹¹. Во-вторых, список, привезенный Спарвенфельдом, по всей вероятности, был сделан непосредственно в Посольском приказе (впрочем, почти все произведения из *Cod. AD 10* связаны своим происхождением с этим приказом: большинство написано приказной скорописью одной и той же руки)¹². У шведского слависта в начале пребывания в Москве (примерно в 1684–1685 гг.) были очень тесные связи с главой приказа В. В. Голицыным, занимавшим этот пост в 1682–1689 гг.; кроме того, в 1685 г. переводчик приказа Стахий Годзаловский начал обучать Спарвенфельда русскому языку [Birgegård 2002: 209]¹³. В-третьих, при пере-

⁹ Царевич Алексей Алексеевич, правда, умер в январе 1670 г., но мы не знаем, когда точно был начат перевод.

¹⁰ РГАДА. Ф.159. Оп. 2. Ч. 1. № 1735. Л. 1–4.

¹¹ Ср., напр., перевод книги Плювинеля «L'Instruction du Roy / Reitkunst» 1677 г., содержащий вклеенные из оригинала гравюры, а также более поздние рукописи военно-технических трактатов — «Художества огненные» англичанина Джона Бабингтона, переведенный с нидерландского языка (предположительно, в 1693 г.), и «Дела Марсовы» француза Аллена Манессона-Малле (оригиналом для русского перевода 1696 г. тоже послужило нидерландское издание) [Русаковский 2021].

¹² С уверенностью можно утверждать, что список в *AD 10* был сделан непосредственно со списка в РНБ: они удивительно похожи, вплоть до графического оформления (см. подробнее [Майер, Янссон, в печати]). В то же время можно целиком исключить возможность обратной зависимости, так как только в петербургском списке имеются редкие гравюры из оригинального издания.

¹³ Интересно в связи с этим, что в 1685 г. в Посольском приказе был сделан еще один перевод книги о лошадях, а именно польскоязычного издания «Hirpika abo nauka o koniach» Кшиштофа Дорогостайского; переводчиком в тот раз был именно

воде был точно скопирован титульный лист оригинала, что характерно для Посольского приказа. В данном случае были точно переведены даже две титульных страницы — гравированная и наборная (подробнее см. [Майер, Янссон, в печати], где имеется сопоставление немецких и русских версий обеих титульных страниц).

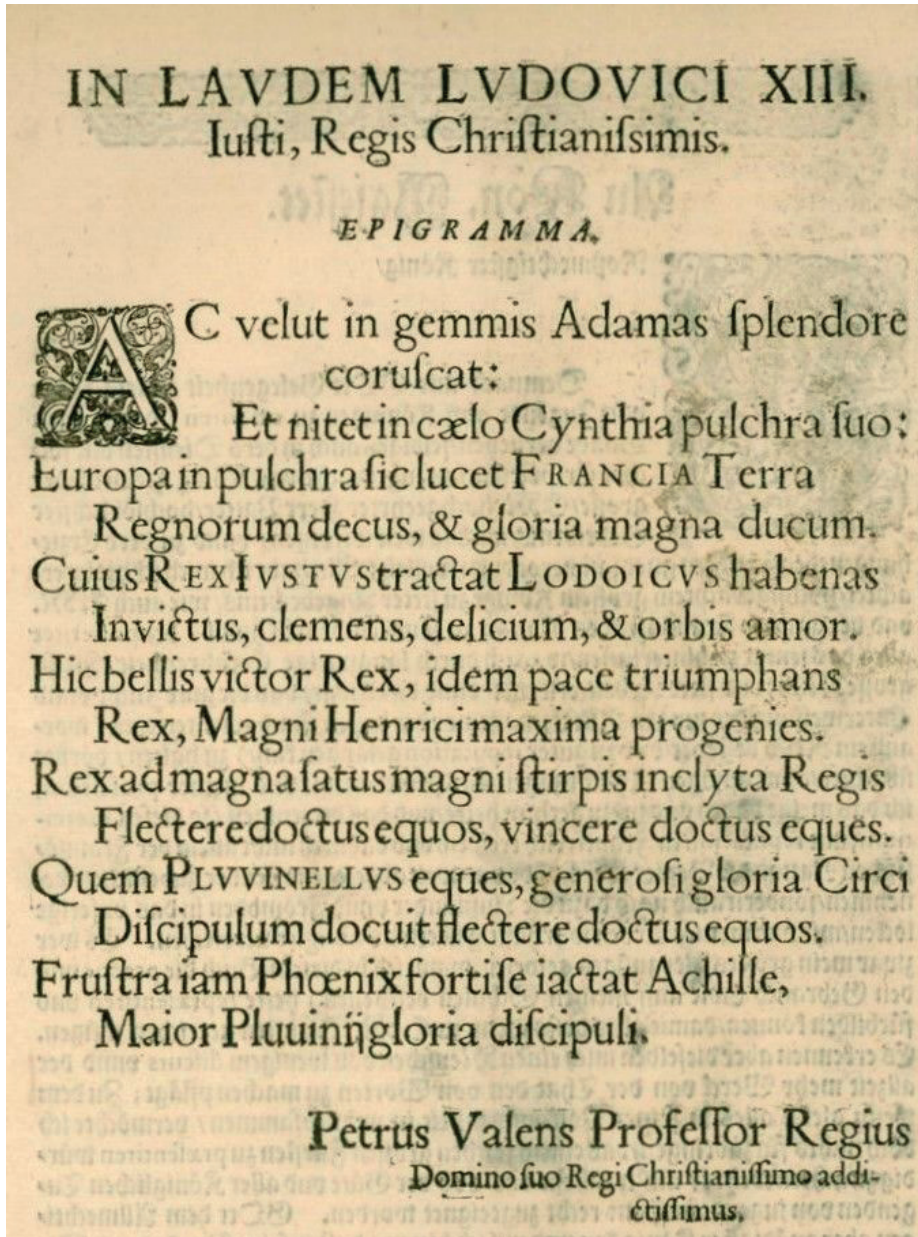
Таким образом, можно утверждать, что перевод книги Плювинеля «*Maneige Royal / Königliche Reitschul*» положил начало практике перевода иностранных книг о конской езде в Посольском приказе последней трети XVII в. О том, что перевод был выполнен кем-то из приказных переводчиков, свидетельствует главным образом оформление петербургского списка, со многими вклейками из оригинала, а также высокая вероятность того, что «шведский список» в *Cod. AD 10* был сделан одним из подъячих Посольского приказа. Кроме того, хорошая языковая подготовка переводчика (или переводчиков), который, помимо немецкого, как мы увидим, знал латынь и в некоторой степени владел французским, также указывает на Посольский приказ как на наиболее вероятное место возникновения перевода 1670 г.

4. Латинская эпиграмма в составе книги «*Maneige Royal*»

В центре нашего внимания в данной статье находится эпиграмма, похвала молодому королю Людовику XIII (1601–1643), которому к моменту появления первого — парижского — издания «*Maneige Royal*» было 22 года (стихотворение входило уже в первое издание)¹⁴. «*In laudem Lvdovici XIII*» напечатано среди прочих вводных текстов — прежде всего, посвящений — в самом начале (в этой части книги нет пагинации). Из подписи под стихотворением следует, что оно было сочинено Петром Валенсом, «королевским учения явителем» (*Professor Regius*; см. ил. 3).

упомянутый выше Стахий Годзаловский [Соболевский 1903: 112; Николаев 2008: 60–61]. Неизвестно, кто был заказчиком перевода этого произведения, но рукопись впоследствии находилась в Архангельской библиотеке Д. М. Голицына [Калайдович, Строев 1825: 127].

¹⁴ См., например, библиографическое описание в каталоге Моравской Национальной Библиотеки: <https://www.historickefondy.cz/Record/stt.stt20010000295/ТОС>. На нескольких иллюстрациях в оригинальной книге (а также в ее издании 1626 г.), изображающих короля вместе с его учителем Плювинелем, помечено, что королю 16 лет («*Le Roy a l'age de 16 ans*»). Это объясняется тем, что большая часть иллюстраций были изготовлены задолго до выхода книги и даже за несколько лет до смерти Плювинеля. На основе этих указаний гравюры работы фламандца Кристиана де Паса-младшего можно датировать довольно точно — 1617 г. На новых гравюрах, сделанных в Брауншвейге, эти короткие подписи были сохранены.

Илл. 3. Стихотворение П. Валенса из книги «Maneige Royal / Königliche Reitschul»
(Брауншвейг, 1626 г.; нумерованная страница)

Петр Валенс (Peter / Petrus / Pierre Valens, первоначально Sterck, ок. 1570–1641), уроженец нидерландского Гронингена, учился и провел всю свою последующую жизнь в Париже. Валенс преподавал древнегреческий язык и латынь в разных парижских коллигиумах, а в 1619 г. стал профессором древнегреческого языка в известном Collège Royal. Это место он занимал в течение 22 лет, вплоть до своей смерти. Таким образом, Валенс жил во французской столице в тот период, когда Плювинель задумывал свою книгу (а также когда она была впервые напечатана, в 1623 г.). Валенс снискал славу как автор многих произведений (почти исключительно на латыни), в т. ч. поэтических, а также был плодовитым оратором¹⁵. В списке его печатных работ имеется немало панегирических стихов, посвященных как королям Генриху IV и юному Людовику XIII, так и коллегам-ученым, деятелям культуры и др.

Стихотворение Валенса написано на безупречном латинском языке¹⁶. Оно состоит из семи элегических дистихов, т. е. следует одной из традиционных форм латинского стихосложения. В новолатинской поэзии XVI–XVII вв. элегический дистих пользовался большой популярностью, в частности, в подобных панегирических эпиграммах.

5. Русский перевод латинской эпиграммы в сопоставлении с оригиналом

Ниже приводится полный текст эпиграммы параллельно с русским переводом. В основу транскрипции латинского текста положено брауншвейгское издание 1626 г. (ср. ил. 3). Строки латинского текста пронумерованы для удобства читателя. Русский текст цитируется по списку из собрания РНБ (*F.IX.1. Л. 70б.–8*); конец строки указывается знаком «|», конец абзаца — знаком «||» При передаче русского перевода мы в основном следуем принципам издания, принятым в последнем томе «Вестей-Курантов» [Вести-Куранты 2017], т. е. сохраняем все буквы оригинала, а также пунктуацию и акцентуацию¹⁷.

¹⁵ Полный список его печатных работ (объемом от нескольких страниц до 50–60) включает несколько десятков изданий. В Библиографическом словаре Нидерландов указывается 26 печатных работ Петра Валенса; см. [Van der Aa 1876: 27–28]. Весь словарь доступен онлайн; см. статью о Валенсе на сайте <http://resources.huygens.knaw.nl/retroboeken/vdaa/>. В современных электронных библиотечных каталогах (в частности, Bibliothèque Nationale в Париже) можно найти еще примерно десяток дополнительных названий.

¹⁶ Немногочисленные опечатки, несомненно, появились по вине не автора, а брауншвейгского наборщика, который, возможно, не был знатоком латыни.

¹⁷ В отличие от издания «Вестей-Курантов», сохраняется различие *i* и *ī*.

IN LAVDEM LVDOVICI XIII.
Iusti, Regis Christianissimis.
[sic, = Christianissimi]

EPIGRAMMA.

Къ сла́въ Лѣдѣовика .ГІ. [13] святого
христіа́нѣй|шимъ короле́мъ; |
НАДПИСА́НІЕ.|

1 AC velut in gemmis Adamas splendore coruscat: 2 Et nitet in caelo Cynthia pulchra suo, 3 Europa in pulchra sic lucet FRANCIA Terra: 4 Regnorum decus, & gloria magna ducum. 5 Cuius REX IVSTVS tractat LODOICVS habenas 6 Invictus, clemens, delictum, & orbis amor. 7 Hic bellis victor Rex, idem pace triumphans 8 Rex, Magni Henrici maxima progenies. 9 Rex ad magna satus magni stirpis [sic! = stirps¹⁸] incluta Regis 10 Flectere doctus equos, vincere doctus eques. 11 Quem PLVVINELLVS eques, generosi gloria Circi 12 Discipulum docuit flectere doctus equos. 13 Frustra iam Phoenix forti se iactat Achille, 14 Maior Pluuij¹⁹ gloria discipuli.	И ка́къ ме́жъ за́паны алма́з я́сностію свѣ тить, и яснѣть въ нѣбе сво́емъ хороша́ Цын тиа, во Еро́пе та́къ свѣтитъ хорошѣ́ земля фра́нцѣйскаа короле́вствъ красота́, и сла́ва вели́ка кнѣзей, ко́торый коро́ль пра́ведный употребля́етъ Лѣдѣови́къ узды́, непобѣ́димый, милосе́рдый, оутѣ́ха, и гсд́рствъ́ любѣ́вь. Се́й коро́ль во́инъ, побѣ́дитель, той же покѣ́ам побѣ́жда тель, коро́ль вели́кого Ге́ндрика́ бо́льшій наслѣ́дникъ. Коро́ль къ вели́кимъ сѣ́аніемъ вели́кого роду́ синклити́цкого коро́ля оуче́ныи ко́ни наклонáти, побѣ́жда́ти оуче́ныи ко́нникъ, ко́торого́ Плѣ́винеллѣ́с ко́нникъ шлахѣ́тного цы́рцыго́ сла́ва, оучени́ка оучи́тъ наклонáти оуче́ны ко́ни, напрáсно ꙗ́же Фѣ́иниꙗ́ мочно́мъ кида́етѣа́ Архѣ́ лѣ́, бо́льшаа́ сла́ва оучи́ка, не́жели Плѣ́виви лла; Пѣ́тръ Ва́ленсъ коро́левской оуче́нїа я́витель, госуда́рю свое́мъ коро́лю христіа́нѣйшемъ пра́данствѣ́

Petrus Valens Professor Regius
Domino suo Regi Christianissimo
addictissimus.

¹⁸ Форма *stirpis* упоминается в некоторых латинских словарях как редкий вариант к основной форме *stirps*; см., например, [Дворецкий 1976: 955]. Однако данный гекзаметр исключает форму *stirpis*, ее надо рассматривать как ошибку.

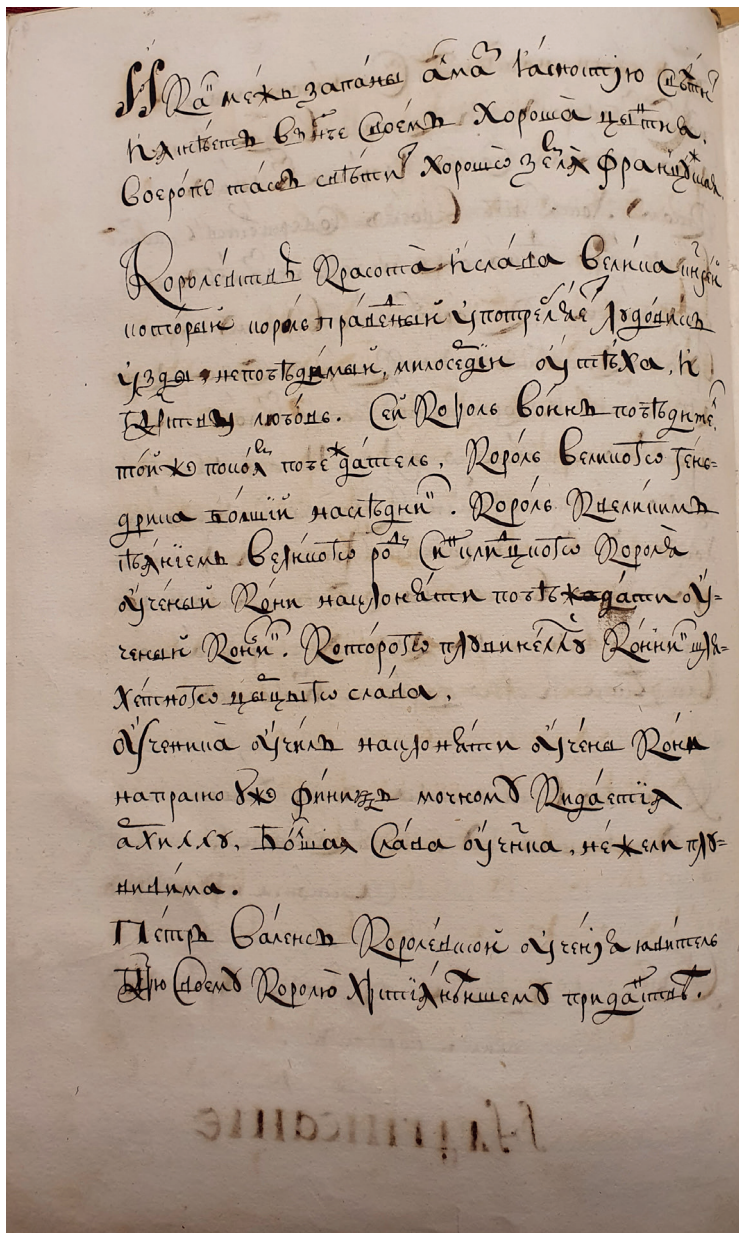
¹⁹ В печатный текст внесена корректура: Pluuijn a.

6. Комментарий

В исследуемом нами главном списке из собрания РНБ (равно как и в списке из Вестероса, где повторяется оформление петербургской рукописи; ср. ил. 4) русский перевод разделен на три неравных абзаца: первый соответствует первым трем строкам оригинала, второй — строкам с четвертой по одиннадцатую, третий — с двенадцатой по четырнадцатую. Поскольку черновик перевода еще не выявлен (и, скорее всего, не дошел до нас), трудно сказать, отражает ли это разделение первоначальный замысел переводчика или оно было сделано по каким-либо иным причинам писцом данной белой копии. Однако представляется наиболее вероятным, что переводчик с самого начала отказался от идеи оформлять перевод в виде стихотворения с сохранением деления на строки и стремился к передаче содержания в прозаической форме. Такую форму нужно признать обычной в практике Посольского приказа XVII в., несмотря на то что переводы с латыни в стихотворной форме известны на Руси с 1650–1660-х гг. [Николаев 1996]. Посольские переводы с латинского осуществляются преимущественно в прозаической форме даже в самом конце XVII в., в 1697–1698 гг. [Алпатов, Шамин 2014], хотя есть и примеры переводов, в которых сохраняется стихотворное оформление латинского текста и появляются «черты изосиллабизма» [Кузнецова et al. 2016: 119].

Сопоставляя латинский оригинал с русским переводом, легко убедиться, что переводчик в общих чертах передал латинский текст довольно близко к оригиналу, местами почти дословно, даже с сохранением порядка слов своего источника — за исключением тех латинских строк, которые не до конца понял.

Перевод, конечно, не свободен от частных ошибок, допущенных из-за разного типа недоразумений. О таких случаях речь пойдет ниже, но сначала хочется подчеркнуть важный факт: в то время как мы, современные исследователи, вооруженные словарями и другими справочными изданиями, можем посвятить анализу такого стихотворения несколько недель или месяцев рабочего времени, можно с уверенностью сказать, что у переводчика сроки были гораздо более сжатыми. На этой основе могли проскользнуть ошибки по невнимательности (или в связи с отсутствием времени для вычитки). К таким ошибкам, по нашему мнению, относится перевод латинского слова *iustus* 'справедливый' русским «эквивалентом» *святой* в заглавии стихотворения: «Къ славе Людовика .ГП. [13] Святого». Это типичный случай недосмотра со стороны переводчика, так как в самом стихотворении слово *iustus* правильно передано прилагательным *праведный*. Ошибка в заглавии могла быть вызвана, в частности, и тем, что в другом стихотворении — а именно панегирическом

Илл. 4. Русский текст латинской эпиграммы в списке *Cod. AD 10* (Вестерос), ок. 1685 г.²⁰

²⁰ Список в *Cod. AD 10* аккуратно следует списку *F.XI.1*, копируя орфографию большинства слов, в том числе использование графем *ou*, *i*, *8* и др., а также

четверостишии на французском языке из той же книги Плювинеля (выполненном, как представляется, тем же переводчиком) — в качестве исторического примера для молодого короля упомянут именно Людовик Святой. (Имеется в виду Людовик IX, причисленный к лику святых католической церковью в 1297 г.) Людовик XIII имел прозвище «Справедливый» (*Louis le Juste*), по крайней мере начиная с 1617 г. (см. название брошюры, напечатанной в этом году: «*Les merveilles et coup d'essai de Louys le Juste*» [Moote 1989: 363])²¹. Однако русскому переводчику 1670 г. наверняка не было известно прозвище французского монарха.

В русской версии заглавия также обращает на себя внимание употребление творительного падежа «Християнейшим королем», ведь здесь, конечно, ожидается родительный падеж: «Християнейшего короля». Трудно сказать с полной уверенностью, что имел в виду переводчик, но нам представляется, что этот неожиданный синтаксис каким-то образом связан с (ошибочной!) латинской формой «*Christianissimis*» (дательный падеж — или же отложительный — множественного числа) в оригинале. Наверное, переводчику не пришла на ум мысль, что в роскошных книгах, напечатанных в Германии, могут встретиться такие ошибки, и он пытался каким-то образом передать бессмысленную латинскую падежную форму.

Рассмотрим теперь основной текст стихотворения. В первых двух латинских дистихах (строки 1–4) автор сравнивает блеск алмаза на украшениях, а также луны (Цинтии), блистающей в небесах, с подобным же блеском прекрасной страны — Франции. По нашему мнению, переводчик

пунктуацию. Вариативность наблюдается в написании *на/а/я* и *о/ω* с нерегулярными заменами *на* → *а* (яснѣть → аснѣть; но ясностью сохранено), *а* → *я* (Цынтіа → Цынтія), *о* → *ω* (хорошѡ → хорошѡ); заменены также некоторые другие графемы (гсдрѣствѣ → гдѣрству; синклиитического → синклидикого). Легко объяснима ошибка в написании «Плѣвивима» в Cod. AD 10 вместо «Плѣвивилла» в F.XI.1, где двойное *л* немного сливается и в спешке может быть прочтено как *м*. Писец вестеросского списка также использует больше выносных букв (например, Архѣллѣ → Архѣллѣ). Как кажется, он также попытался отразить деление стихотворения на строки в его начальной части (строки 1–4), но далее бросил эту идею и переписывал все сплошным текстом — так же, как было в рукописи перед ним.

²¹ Ср. также «*Le Combat de David, contre Goliath. Au roy tres-chrestien Louis le Juste*» (1618). Кроме того, имеются многие десятки печатных изданий XVII в. на латыни с названиями типа «*Ludovico Justo XIII regi christianissimo ... dedicat Fr. Thomas Campanella...*» (Париж, 1636 г.). К сожалению, они большей частью вышли без указания года печати (например, «*Justo Borbonio Ludovico XIII. Galliae et Navarrae regi christianissimo, veritatis amatori*»), так что трудно сказать, когда точно стал применяться эпитет *iustus*. Но характерно, что второе издание книги «*Sibylla Gallica seu felicitas saeculi iusto regnante Ludovico ...*» (1624 г.) содержит эпитет *iustus* (см. также внутри книги, с. 42, над аллегорическим портретом короля: «*O Rex iuste! os dulce!*...»), в то время как в первом издании 1616 г. его еще нет (и самого портрета тоже еще нет; см. [Bardon 1974: 147, примеч. 5]). Однако не подлежит сомнению, что эпитет стал употребляться в середине 1610-х гг., ср. [Moote 1989: 73].

в общих чертах справился с этими четырьмя строками. Передача латинского слова *adamas* русским *алмаз* превосходна²²: в классический период у слова *adamas* было два значения, ‘твердый металл’ и ‘алмаз’, но в неолатинских текстах доминирует именно второе из них [Helander 2004: 81–82]. С другой стороны, из версии переводчика не явствует, понял ли он, что Цинтия — прозвище Дианы, которая считалась также богиней луны. Луна в русской версии вовсе не упоминается; переводчик ограничился транслитерацией имени: просто «сияет [...] Цынтия», которую он также мог представить в виде, например, звезды. В любом случае сравнение между, с одной стороны, алмазом, сверкающим среди украшений из ценных камней («меж запаны»²³) и «Цинтией» на небесах и блеском французского государства, с другой, в переводе вполне отражено. Переводчику также удалось передать латинские синонимы *niteo* (nitet... Cynthia) и *luceo* (lucet Francia Terra) разными русскими глаголами: *насиять...* Цынтия; *свѣтитъ...* земля французская.

В следующем дистихе (строки 5–6) бросается в глаза местоимение в именительном падеже *который* (в оригинале *cuius* ‘которой / которого’; в данном случае местоимение относится к Франции), не поддающееся разумному синтаксическому толкованию. Возможно, конечно, что оно появилось по ошибке переписчика вместо понятной формы *которой*, относящейся к *земле французской*. Что касается оборота *orbis amor*, то переводчик совершенно справедливо передал слово *orbis* в значении ‘государство, земля, край’, а не в более распространенном ‘земной шар / круг’ [Дворецкий 1976: 710]. Однако он понял *orbis* в обороте *orbis amor* как форму родительного объективного, а не субъективного. Такое понимание не исключено с точки зрения латинского синтаксиса (см. примеры из современной грамматики латинского языка: *metus hostium* ‘боязнь врага’, либо в значении ‘metuimus hostem’, т. е. родительный объективный, либо ‘hostes metuunt’ — родительный субъективный [Woodcock 1959: 52]), но автор стихотворения вряд ли хотел сказать ‘монарх любит [свое] государство’, а почти наверняка имел в виду ‘государство полно любви к монарху’, т. е. все любят монарха. (В нашем переводе латинской фразы на современный русский язык: «непобедимый, снисходительный, отрада и любовь земли».) В остальном же весь дистих переведен довольно понятно.

Более серьезные проблемы у переводчика возникли в четвертом дистихе (строки 7–8). Латинский текст прост и понятен: ‘Этот король —

²² У переводчика был выбор, *алмаз* или *адамант*, причем оба слова восходят к греческому *ἀδάμας*, *ἀδάμαντος*, но *алмаз* русским языком был заимствован через посредство тюрских языков; см. [Фасмер 1986: 1, 71].

²³ См. [СлРЯ XI–XVII: 4, 258], под леммой *запана*: «Запонка, бляха, пряжка, застежка, служащая украшением».

величайший наследник великого Генриха — победитель в войнах, а также и в мире'. Однако на основе русской версии очень трудно понять, что имел в виду переводчик. Представляется, что в черновике могло быть что-то типа «войнъ побѣдитель» (как эквивалент латинскому обороту *bellis victor*) без запятой между этими словами, в то время как переписчик объединил слова *король* и *воинъ*, поставив запятую после второго слова. В результате получается примерно 'этот король — воин, победитель' со смыслом вполне понятным, однако сильно отличающимся от оригинала, в котором речь совершенно недвусмысленно идет о войнах (*bellis*). В пользу того, что переписчик думал об именительном падеже слова *воин*, а не родительном множественного числа *войн*, говорит тот факт, что в основном в этом тексте довольно последовательно различаются современные буквы *и* и *й*, поэтому чтение 'войн победитель' — не самое вероятное толкование. Можно предположить, что переписчику оборот *войн победитель* показался бессмысленным, и он решил дать более понятный вариант, а именно именительный падеж *воинъ* вместо родительного множественного числа слова *война*; таким образом, смысл понятен, но связь с латинским *bellis victor* потеряна. Помимо этого, некоторую критику вызывает употребление дательного падежа в обороте «покоюм побѣждатель» и, возможно, также сам факт образования отглагольного существительного от глагола несовершенного вида *побеждать*²⁴. Зато восьмую строку переводчик явно понял и сумел адекватно передать по-русски.

В то время как неудовлетворительный перевод седьмой строки мог оказаться следствием вмешательства переписчика, в пятом дистихе (строки 9–10) несомненно сам переводчик в недостаточной мере понял латинский текст. Вероятно, серьезная ошибка с его стороны частично вызвана опечаткой в слове *stirpis* 'отпрыск, потомок', которое он явно не узнал (тем более в ошибочной — или хотя бы крайне редкой — форме *stirpis* для именительного падежа единственного числа). Более того, переводчик, очевидно, не обратил внимания на (очень маленький!) пробел между последней буквой в слове *stirpis* и следующим словом, *inckyta* (лат. *inclutus* 'знаменитый, славный'). Вместо *inckyta* переводчик прочитал *sinckyta* и передал это (неизвестное ему?) слово русским «эквивалентом» *синклитцкый*: «синклитцкого короля». Результатом стало известное по другим русским источникам XVI–XVII вв. прилагательное от

²⁴ В [СлРЯ XI–XVII вв.] и [СлРЯ XVIII в.] форма *побеждатель* не фигурирует; в словаре Даля [Даль 1882: 137] она приводится, но без конкретных примеров. Попутно упомянем, что в своем переводе элогиума Борнманна Петру Великому (1697 г.) Иван Тяжкогорский перевел латинское слово *victor* другой необычной русской формой — «побеждитель» (см. [Кузнецова et al. 2016: 155]), т. е. формой уже окончательно неправильной.

слова *синклит*, обладавшего во второй половине XVII в. значением ‘совокупность сановников или советников правителя’ [СлРЯ XI–XVII вв.: 24, 152]. Не поняв оборот *stirps inclita* — ‘славный отпрыск, потомок’, переводчик потерял смысл всего предложения. Девятую строку — которую следует понимать как ‘Король, рожденный для великих деяний [дословно — ‘для великого’], славный потомок великого короля’ — он перевести не смог, выдав бессмыслицу, далекую от латинского оригинала: «Король к великимъ сѣаніемъ | великого роду синклитцкого корола».

В пятом дистихе (строки 11–12) русский перевод в целом соответствует оригиналу, но и здесь возникают вопросы о синтаксисе. В латинском тексте присутствует конструкция с двойным винительным падежом — «quem Pluvinnellus [...] discipulum docuit» (‘которого Плювинель [...] учил как своего ученика’). Она вполне уместна, в то время как русское выражение «которого [...] ученика училъ» с трудом поддается толкованию. Возможно, переводчик не опознал слово *circus* (‘круг’, здесь в значении ‘круглый манеж для конных упражнений’)²⁵ — выбранный оборот «цирцыго слава» непонятен. Кроме того, необычна краткая форма «оучены» вместо обычного в тексте «оученыи». Впрочем, эту ошибку можно отнести и на счет переписчика.

В последнем дистихе (строки 13–14) мы встречаем еще одну ошибку. В латинском оригинале речь идет о том, что ‘Феникс уже напрасно гордится (хвалится) [своим учеником] могучим Ахиллом, [так как] слава ученика Плювинеля превышает славу ученика Феникса’, т. е. Ахилла. Очевидно, переводчик, написавший «Финикс мочному кидается Архиллу», не знал переносного значения глагола *iacto* в сочетании с возвратной частицей *se* ‘хвастаться’ и перевел его в соответствии с прямым значением ‘бросать’. Скорее всего, ему также не было известно место в Илиаде (песнь 9, начиная со стиха 432), где Феникс назван воспитателем Ахилла. Вместо сравнения Людовика XIII с греческим героем (причем сравнения в пользу молодого короля) переводчик сравнивает славу ученика — т. е., французского монарха — со славой его учителя, Плювинеля! Сами по себе сюжеты Троянского цикла, несомненно, должны были быть знакомы переводчикам Посольского приказа (по крайней мере специалистам по западным языкам), но уровень их знаний

²⁵ По всей вероятности, слова, однокоренные современному *цирк*, не встречаются в русских текстах XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв.: 7, 134] содержит лишь единичное указание на существительное *киркисий* в значении ‘ипподром’ (в рукописи XV в.). При московском дворе выступления «потешников», сходные в некоторых чертах с нынешними цирковыми представлениями, проводились еще в 1630-х гг., но современники, насколько можно судить, не употребляли слово *цирк* для их описания. См. подробнее [Шамин 2016].

оценить сложно. В любом случае из написания «Архиллу» не следует делать вывод о том, что переводчик здесь впервые встретил имя греческого героя; эту форму скорее всего следует считать погрешностью переписчика (который написал с ошибкой незнакомое ему имя), а не ошибкой переводчика. Интересно, что при передаче имени 'Феникс' (древнегреч. Φοῖνιξ) в основу было положено именно греческое, а не латинское произношение «Финикс»²⁶, в то время как современная русская форма *Феникс* скорее напоминает средневековое европейское произношение латинской формы *Phoenix*. Разумеется, из этого не следует, что переводчик непременно знал греческий²⁷, так как в русском языке XVII в. регулярно встречалась именно форма *Финикс* — например, в *Космографии* 1670 г. [Космография 1670: 19], где, впрочем, фигурируют также и другие слова, произведенные от греческого имени или названия Φοῖνιξ: *земля финическая, финиково лиственное* [Ibid.: 23, 364].

Наконец, в подписи почти все переведено правильно и понятно, за исключением формы местного падежа без предлога (последнее слово в нашей цитате): «приданствѣ» (вместо ожидаемого «въ приданствѣ»). Однако, как всегда в таких случаях, когда нет доступа к черновику переводчика, нельзя с уверенностью утверждать, что это именно его ошибка; невнимательность переписчика тоже могла стать причиной подобного пропуса.

7. Попытка определить автора перевода

Можно ли выдвинуть гипотезу о том, кто переводил эпиграмму? Исходя из предположения о Посольском приказе как месте создания перевода и учитывая набор языков, необходимых для этой работы, мы рискуем предположить, что ее мог выполнить Иван Тяжкогорский, числившийся в Посольском приказе переводчиком с нескольких языков, в частности с представленных в издании Плювинеля немецкого, французского и латыни²⁸. Родным языком Тяжкогорского при этом был немецкий, если верна гипотеза о том, что он происходил из немецкоязычного населения Венгерского королевства [Майер 2019; Гуськов, Майер 2019]. На протяжении всей своей карьеры в приказе Тяжкогорский занимался прежде всего переводами с немецкого. Тяжкогорский также переводил иные стихотворные тексты: с большой вероятностью можно утверждать, что

²⁶ Древнегреческий дифтонг «οι» еще в эллинистический период перешел в монофтонг и произносился как [и] (см. [Allen 1987: 80–81]).

²⁷ С другой стороны, если верна наша гипотеза о том, что переводчиком был Иван Тяжкогорский, то вполне возможно, что он на родине изучал также и греческий язык (см. [Гуськов, Майер 2019: 72–73]).

²⁸ См. об этом коротко в статье [Майер, Русаковский 2019: 74–75], подробно [Гуськов, Майер 2019].

он был переводчиком с немецкого и латыни элогиума Христиана Борнманна 1697 г., посвященного Петру I. Из опубликованных в статье [Кузнецова et al. 2016: 114–115] переводов Тяжкогорского (или одного перевода в двух редакциях) еще раз явствует, что он не обладал глубокими познаниями в античной мифологии, так как не понял, что «Меркурий» и «посол / посланец богов» является одним и тем же существом (в строке «Ihr habet / Was Merkur / den Götter-Bohten zieret» ‘У вас есть то, что украшает Меркурия, посланца богов’)²⁹; в версии Тяжкогорского: «Вы имѣте чего Меркуриус бозиго посла украшаетъ» [Ibid.: 124], т. е. у него Меркурий украшает посла! В немецкоговорящем мире понятие «Götter-Both Mercurius» стало хорошо известно в последней четверти XVII в.: так назывался первый политический журнал на немецком языке, созданный ок. 1674 г. (см. [Weber 1994]).

Как уже упоминалось, лишь два весьма коротких текста из книги «Maneige Royal / Königliche Reitschul» были переведены не с немецкого языка. Первый из них — французское четверостишие, гравированное под портретом юного короля Людовика XIII — уже рассматривалось подробно в работе [Майер, Русаковский 2019: 74–75]. Переводчик показал, что в принципе в состоянии переводить с французского языка, но он также допустил серьезные ошибки, вызванные недостаточным знанием французской фразеологии и истории. На этом фоне не очень удивительно, что шесть других французских стихотворений и одно четверостишие на латыни (гравированное под портретом Плювинеля) из брауншвейгского издания «Maneige Royal» 1626 г. остались непереуведенными.

Итак, наш переводчик из семи стихотворений на французском языке решил перевести одно, причем самое короткое; из двух латинских он выбрал более длинную эпиграмму, оставив в стороне сверхкраткое гравированное четверостишие. Все это прекрасно сочетается с нашей гипотезой об авторе данного перевода — Иване Тяжкогорском, который немецким языком владел в совершенстве, а латинский и французский понимал весьма хорошо, по крайней мере если оригинал не содержал никаких исторических, политических или мифологических аллюзий.

8. Итоги

Подведем некоторые итоги. Анализ перевода стихотворения Петра Валенса свидетельствует о том, что переводчик (вероятнее всего, Иван Тяжкогорский) в целом справился со своей задачей и продемонстрировал вполне уверенное понимание основного содержания латинского

²⁹ Для первого переводчика этого элогиума П. П. Шафирова эта фраза не представляла никаких трудностей. Он написал «Вы имѣте то еже Меркурия гонца богов украшает».

текста. В то же время он далеко не всегда понимал латинский текст, а местами столкнулся с непреодолимыми трудностями. При этом следует оговориться, что в наборе латинского текста пробелы между словами порою очень мелкие, что легко может привести к ошибочному чтению (ср. ил. 3). Кроме того, некоторые недоразумения могли быть спровоцированы опечатками немецких наборщиков текста в использованном в Москве брауншвейгском издании 1626 г. К числу таких погрешностей переводчика мы относим, например, неподходящий и трудно объяснимый творительный падеж в заголовке «Християнейшим королем», где переводчик, скорее всего, пытался передать ошибочный латинский оборот *Regis Christianissimis*, а также русскую бессмыслицу в девятой строке, вызванную словосочетанием *stirpis inclyta*.

Что касается владения русским языком, то без наличия переводческого автографа нам трудно окончательно решить вопрос, насколько правильно и понятно переводчик сумел передать смысл стихотворения по-русски. Если он допускал какие-то ошибки на уровне фонетики, фонологии или орфографии, то они, очевидно, были по умолчанию исправлены писцом беловика (см. о таких ошибках в черновиках Тяжкогорского в работе [Гуськов, Майер 2019]). С уверенностью можно сказать, однако, что его познания в латинской лексике и русской грамматике были вполне достаточны для решения стоявших перед ним задач.

Сокращения

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

Библиография

Источники

Рукописи

РГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 1, № 1735

РГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2, ч. 1, № 1735. 1677 г. марта 9 — ноября 11.

F.XI.1

РНБ, F.XI.1, Книга лошадиного учения, 1670 г.

Cod. AD 10

Городская библиотека Вестероса (Västerås Stadsbibliotek), Codex AD 10 (ок. 1685 г.)

Издания

Вести-Куранты 2017

Принципы воспроизведения и комментирования текста. Передача акцентных и прочих диакритических знаков. Передача знаков пунктуации, *Вести-Куранты, 1671–1672 гг., подготовка текстов, исслед., коммент., указ. И. Майер et al.*, под ред. В. Б. Крысько, И. Майер, Москва, 2017, 30–48.

Космография 1670

Космография 1670 г. Книга, глаголемая Космография, сиречь описание всего света земель и городов великих, С.-Петербург, 1878–1881, 21, 57, 68.

Birgegård 2002

J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia, ed. and tr. by U. Birgegård, Stockholm, 2002.

Maneige Royal / Königliche Reitschul

Maneige Royal Ou Lon Peut Remarquer Le Defaut Et La Perfection Du Chevalier ... / Königliche Reitschul, Da beydes der Mangel und Volkommenheit eines Reuters zu vermercken... Braunschweig, 1626.

Instruction du Roy / Reitkunst

Instruction du Roy En L'Exercice De Monter A Cheval ... / Reitkunst ... Paris, 1629.

Литература

Алпатов, Шамин 2014

Алпатов С. В., Шамин С. М., Элогиум митавских иезуитов в документах великого посольства 1697, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 58, 4, 2014, 96–110.

Беляков 2017

Беляков А. В., *Служащие Посольского приказа 1645–168 гг.*, С.-Петербург, 2017.

Гуськов, Майер 2019

Гуськов А. Г., Майер И., Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (78), 2019, 62–81.

Дженсен, Майер 2016

Дженсен К., Майер И., *Придворный театр в России XVII века*, Москва, 2016.

Калайдович, Строев 1825

Калайдович К. Ф., Строев П. М. *Обстоятельное описание славянорусских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого*, Москва, 1825.

Кузнецова et al. 2016

Кузнецова О. А., Ченцова В. Г., Шамин С. М. Русские переводы элогиума Христиана Борнманна. Великое посольство Петра I и литература, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 64, 2, 2016, 111–125.

Лаврентьев, Матвеева 1992

Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н., Гросс Леонтий, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3, 1, С.-Петербург, 1992, 241–244.

Майер 2019

Майер И., Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы, *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф.*, Москва, 2019, 76–82.

— 2021

Майер И., Латинские стихотворения из «Equile Ioannis Austriaci» в русском переводе 1677 г., И. М. Ладыженский, М. А. Пузина, ред., *Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*, Москва, 2021, 626–653.

———, в печати

Майер И., *Русский перевод книги Антуана де Плювинеля L'Instruction du Roy / Reitkunst с немецкого языка*, в печати.

Майер, Русаковский 2019

Майер И., Русаковский О. В., «Книга лошадиного учения» Антуана де Плювинеля в русском переводе 1670 г., *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф.*, Москва, 2019, 70–76.

Майер, Янссон, в печати

Майер И., Янссон О., *Перевод книги Антуана де Плювинеля Le Maneige Royal с немецкого языка (1670 г.)*, в печати.

Николаев 1989

Николаев С. И., *Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII — первая треть XVIII в.*, Ленинград, 1989.

——— 1996

Николаев С. И., Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в., *ТОДРЛ*, 49, 1996, 224–236.

——— 2008

Николаев С. И., *Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы*, С.-Петербург, 2008.

Панченко 1973

Панченко А. М., *Русская стихотворная культура XVII в.*, Ленинград, 1973.

Переводчики и переводы 2019

Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф., Москва, 2019.

Русаковский 2021

Русаковский О. В., *Московские фейерверки 1682–1697 гг. Военная технология на службе придворного зрелища*, в печати.

Сазонова 2006

Сазонова Л. И., *Литературная культура России. Раннее Новое время*, Москва, 2006.

Соболевский 1901

Соболевский А. И., *Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII веков*, С.-Петербург, 1901.

——— 1903

Соболевский А. И., *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы*, С.-Петербург, 1903.

Хипписли 2001

Хипписли А., Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого, *ТОДРЛ*, 52, 2001, 695–708.

Черепнин 1957

Черепнин Л. В., Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции, *ТОДРЛ*, 17, 1957, 454–481.

Чинякова et al. 2017

Чинякова Г. П., Епископ Николай (Погребняк), Гамалицкий А. В., *Древняя Русь и Запад. Русский лицевой Апокалипсис XVI–XVII веков. Миниатюра, гравюра, икона, стенопись. Альбом-каталог*, Москва, 2017.

Шамин 2011

Шамин С. М., *Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*, С.-Петербург, 2011.

——— 2016

Шамин С. М., Цирк царевича Алексея Михайловича, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2, 2016, 136–151.

van der Aa et al. 1876

van der Aa A. J., Harddeerwijk K. J. R., Schotel G. D. J., *Biographisch Woordenboek der Nederlanden*, 19, Haarlem, 1876.

Allen 1987

Allen S. W., *Vox Graeca*, 3rd ed., Cambridge, 1987.

Bardon 1974

Bardon F., *Le portrait mythologique à la cour de France sous Henri IV et Louis XIII: mythologie et politique*, Paris, 1974.

Dahl 1949

Dahl S., *Codex AD 10 der Västeråser Gymnasialbibliothek* (= Publications de l'Institut slave d'Upsal II), Uppsala, 1949.

Helander 2004

Helander H., *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas* (= Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Latina Upsaliensia, 29), Uppsala, 2004.

Jensen 2009

Jensen C. R., *Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia*, Bloomington (In.), 2009.

Jensen et al. 2021

Jensen C. R., Maier I., Shamin S., with D. C. Waugh. *Russia's Theatrical Past. Court Entertainment in the Seventeenth Century*, Bloomington (In.), 2021.

Mennessier de La Lance 1917

Mennessier de La Lance G.-R., *Essai de bibliographie hippique donnant la description détaillée des ouvrages publiés ou traduits en latin et en français sur le cheval et la cavalerie avec de nombreuses biographies d'auteurs hippiques...*, 2: L à Z, Paris, 1917.

Moote 1989

Moote A. L., *Louis XIII, the Just*, Berkeley, 1989.

Nelson 1989

Nelson H., *The Maneige Royal*, London, 1989.

Platte 2000

Platte M., Die "Maneige royal" des Antoine de Pluvinel (= Wolfenbütteler Forschungen, 89), Wiesbaden, 2000.

Weber 1994

Weber J., *Götter-Both Mercurius. Die Urgeschichte der politischen Zeitschrift in Deutschland*, Bremen, 1994.

Woodcock 1959

Woodcock E. C., *A New Latin Syntax*, Cambridge (Mass.), 1959.

Словари и справочники

Даль 1882

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 3 (П), Москва, 1882.

Дворецкий 1976

Дворецкий И. Х., *Латинско-русский словарь*, Москва, 1976.

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–31–, Москва, 1975–2019–.

СлРЯ XVIII в.

Словарь русского языка XVIII в., 1–22–, Москва, 1984–2019–.

Фасмер 1986

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 1–4, Москва, 1986.

References

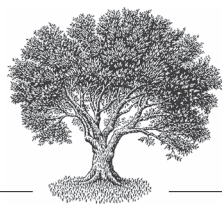
- Allen S. W., *Vox Graeca*, 3rd ed., Cambridge, 1987.
- Alpatov S. V., Shamin S. M., Elogium mitavskikh iezuitov v dokumentakh velikogo posol'stva 1697, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 58, 4, 2014, 96–110.
- Bardon F., *Le portrait mythologique à la cour de France sous Henri IV et Louis XIII: mythologie et politique*, Paris, 1974.
- Beliakov A. V., *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–168 gg.*, St. Petersburg, 2017.
- Cherepnin L. V., Materialy po istorii russkoi kul'tury i russko-shvedskikh kul'turnykh svyazei XVII v. v arkhivakh Shvetsii, *TODRL*, 17, 1957, 454–481.
- Chiniakova G. P., Episkop Nikolai (Pogrebniak), Gamalitskii A. V., *Drevniaia Rus' i Zapad. Russkii listevoi Apokalipsis XVI–XVII vekov. Miniatiura, graviura, ikona, stenopis'*. Al'bom-katalog, Moscow, 2017.
- Dahl S., *Codex AD 10 der Västeråser Gymnasialbibliothek* (= Publications de l'Institut slave d'Upsal II), Uppsala, 1949.
- Dzhensen K., Maier I., *Pridvornyi teatr v Rossii XVII veka*, Moscow, 2016.
- Guskov A. G., Maier I., Languages and Translators: on the Life and Work of Ivan Tyazhkovskii, One of the Ambassadorial Chancery's Greatest Polyglots, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (78), 2019, 62–81.
- Helander H., *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas* (= Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Latina Upsaliensis, 29), Uppsala, 2004.
- Jensen C. R., *Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia*, Bloomington (In.), 2009.
- Jensen C. R., Maier I., Shamin S., with D. C. Waugh. *Russia's Theatrical Past. Court Entertainment in the Seventeenth Century*, Bloomington (In.), 2021.
- Khippisli A., Zapadnoe vliianie na «Vertograd mnogotsvetnyi» Simeona Polotskogo, *TODRL*, 52, 2001, 695–708.
- Kuznetsova O. A., Chentsova V. G., Shamin S. M. Russian Translations of the Christian Bornmann's Elogium: The Great Embassy of Peter I and Literature, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 64, 2, 2016, 111–125.
- Lavrentev A. V., Matveeva E. N., Gross Leontii, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3, 1, St. Petersburg, 1992, 241–244.
- Maier I., Latin Poems from *Equile Ioannis Austriaci* in a Russian Translation of the Year 1677, I. M. Ladyzhenskii, M. A. Puzina, eds., *Sub specie aeternitatis. Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Krysko*, Moscow, 2021, 626–653.
- Maier I., Otkuda byl rodom perevodchik Ivan Tiazhkovskii? Istoriograficheskie i lingvisticheskie argumenty, *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy mezhdunar. nauch. konf.*, Moscow, 2019, 76–82.
- Maier I., Rusakovskiy O. V., *The Book of Horse Training* by Antoine de Pluvinel in a Russian Translation of 1670, *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy mezhdunar. nauch. konf.*, Moscow, 2019, 70–76.
- Moote A. L., *Louis XIII, the Just*, Berkeley, 1989.
- Nelson H., *The Maneige Royal*, London, 1989.
- Nikolaev S. I., *Pol'skaia poezii v russkikh perevodakh. Vtoraia polovina XVII – pervaaia tret' XVIII v.*, Leningrad, 1989.
- Nikolaev S. I., *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy*, St. Petersburg, 2008.
- Nikolaev S. I., Stikhotvorenie Iakopone da Todi «O suete mira» v russkikh perevodakh XVII v., *TODRL*, 49, 1996, 224–236.
- Panchenko A. M., *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII v.*, Leningrad, 1973.
- Platte M., Die "Maneige royal" des Antoine de Pluvinel (= Wolfenbütteler Forschungen, 89), Wiesbaden, 2000.
- Sazonova L. I., *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia*, Moscow, 2006.
- Shamin S. M., *Kuranty XVII stoletii. Evropeiskaia pressa v Rossii i vozniknovenie russkoi periodicheskoi pechati*, St. Petersburg, 2011.
- Shamin S. M., Circus of Tsarevich Aleksei Mikhailovich, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2, 2016, 136–151.
- Weber J., *Götter-Both Mercurius. Die Urgeschichte der politischen Zeitschrift in Deutschland*, Bremen, 1994.
- Woodcock E. C., *A New Latin Syntax*, Cambridge (Mass.), 1959.

Ingrid Maier, professor emer. i ryska
Uppsala universitet, Institutionen för moderna språk
Box 636, SE — 751 26 Uppsala
Sverige / Sweden
Ingrid.Maier@moderna.uu.se

Olena Jansson, doktorand i slaviska språk
Uppsala universitet, Institutionen för moderna språk
Box 636, SE — 751 26 Uppsala
Sverige / Sweden
Olena.Jansson@moderna.uu.se

Олег Владимирович Русаковский, Dr. des.,
старший научный сотрудник
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, каб. Л-412
Россия / Russia
orusakovskij@hse.ru, ruso0504@hse.ru

Received August 27, 2020

Языковые созвучия как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах*

**Александр Викторович
Гура**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Linguistic Harmony as a Means of Symbolization in Folklore and Poetic Texts

Alexander V. Gura

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается использование в традиционной культуре языковых созвучий как средства символизации. В фольклорных текстах фонетическое сходство слов актуализирует смысловые связи между ними. Это происходит при соположении в тексте омонимов, паронимов и прочих сходных по звучанию слов; при анаграмматическом кодировании смысла текста (например, загадки); путем словослияния, совмещения двух слов в одном гибридном, созвучном им обоим; посредством звукописи, сложной звуковой организации целого текста, чаще всего стихотворного, и т. д. Символические корреляции на основе словесных созвучий возникают обычно в заклинаниях, заговорах, снотолкованиях, приметах, ритуальных действиях, обладающих магической функцией (прогностической, лечебной и т. п.). В архаических образцах поэзии созвучия слов совмещают эстетическую

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01373).

Цитирование: Гура А. В. Языковые созвучия как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 322–346.

Citation: Gura A. V. (2021) Linguistic Harmony as a Means of Symbolization in Folklore and Poetic Texts. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 322–346.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.14

функцию с магической (со временем все более сливающейся с эстетической), что позволяет говорить об их исконном синкретизме и о магических истоках поэзии. Звуковой и логико-понятийный способы символизации часто взаимодействуют друг с другом. Символика, порождаемая созвучием слов, вписывается в широкий культурный контекст, открывая глубинно-смысловые культурные параллели из разных эпох и сообществ, поскольку действующая в культуре надындивидуальная память способна хранить и вызывать к жизни накопленные смыслы. Подобная символика обладает свойством оживлять в культурных контекстах стертую этимологическую память слова. В некоторых архаических славянских зонах символика на основе созвучий до сих пор сохраняет свою продуктивность. В символическом языке культуры она выполняет также структурирующую функцию, участвует в образовании связей и отношений между отдельными элементами традиционной картины мира, задавая ей определенные параметры, например, образует в народной зоологии параллели в зверином и птичьем кодах, вычленяет отдельные группы персонажей.

Ключевые слова

символизация, язык культуры, языковые созвучия, архаика, магия, поэзия, этимология, языковая память

Abstract

The article discusses the use of linguistic harmony in traditional culture as a means of symbolisation. In folklore texts, the phonetic similarity of the words heightens the semantic connections between them. This happens when homonyms, paronyms, and other similar-sounding words in the text along with anagrammatic coding of the meaning of the text (for example, riddles) merge, combining two words in one hybrid word paronymous with both of them; by means of phonetic strengthening, complex sound compilation of the text as a whole, as frequently seen in poetry, etc. Symbolic correlations based on verbal consonances usually occur in spells, conjurations, dream interpretations, superstitions, and rituals that have a magical function (prognostic, healing, etc.). In archaic elements of the poetry, the harmony of the words combines an aesthetic function with a magical one (merging more and more with the aesthetic one over time), which allows us to talk about their true syncretism and the magical origins of poetry. Sound and logical-conceptual methods of symbolisation often interact with each other. The symbolism generated by the harmony of words fits into a wide cultural context, revealing deep-semantic cultural parallels from different eras and communities, since the supraindividual memory operating in culture is able to store and bring to life the accumulated connotations. Symbolism arising from the consonances of words has the property of reviving the etymological memory of a word in cultural contexts. In some archaic Slavic zones, symbolism, based on consonant words, still retains its productivity. In the symbolic language of the culture, it also performs a structuring function, takes part in the formation of connections and relationships between the single elements of the traditional picture of the world setting up certain parameters for it, for example, it forms parallels in folk zoology in animal and bird codes, isolating single groups of characters.

Keywords

symbolisation, language of culture, linguistic harmony, archaism, magic, poetry, etymology, linguistic memory

Проблема языковых созвучий является предметом изучения в лингвистике прежде всего в плане народной (фонической) этимологии и ее теоретического осмысления, паронимической аттракции, мотивации слов, языковой игры, фоносемантики и гораздо реже — в более широком культурном контексте. В первую очередь следует упомянуть работы С. М. и Н. И. Толстых о способности сходно звучащих слов оживлять в культурных контекстах свои этимологические связи, о народной этимологии и этимологической магии в фольклорных и ритуальных текстах, В. Н. Топорова — о магической и поэтической роли созвучий и связи магии и поэзии, о влиянии языкового и культурно-поэтического контекста на круг значений слова и соотношении мифопоэтических и этимологических связей слов, С. Е. Никитиной — о влиянии звукового сближения слов на религиозное сознание и построении культурно-религиозной модели мира на основе паронимической аттракции и народной этимологии. В данной статье мы с этнолингвистических позиций рассматриваем языковые созвучия как средство символизации, которое несет в себе следы глубокой архаики, имеет магическую направленность и отражает синкретизм слова и действия. Символика на основе созвучий представлена в традиционной культуре, в древнейшей и в современной поэзии. В разных жанрах фольклорных и поэтических текстов демонстрируются разные возможности звукового сближения: от формально-поэтических эффектов, чисто орнаментальных, эвфонических, каламбурных или звукоизобразительных, до зашифровки смысла текста и мотивации смысловых отношений (атрибутивных, причинно-следственных и т. п.), в том числе отношений собственно символических, основанных на приравнивании того, что обозначается сходными по звучанию словами.

Иногда символические связи, возникшие на основе звуковой близости слов, так глубоко проникают в культуру и массовое сознание, что начинают заслонять собой отношения этимологического родства. Приведем такой пример: в традиционном народном и в обыденном сознании присутствует устойчивая ассоциация свадьбы с дракой, ссорой. Она оставила свой отпечаток в языке: выражение «Какая (Что за) свадьба без драки» закрепилось в нем как фразеологизм. Известна примета «Свадьба без драки — счастья не будет». Имеется также ритуальное воплощение этой ассоциации: например, у польских пастухов в предгорьях Западных Бескид кульминационный эпизод игры «в свадьбу» — заключительная драка в корчме, где участники крушили столы, контрабасы, трактирную

стойку, а бабы на улице вопили «караул!» (р-н Велички, Серч [Мlynек 1902: 144–145]). В разном ракурсе соединение ссоры, драки или битвы с темой брака и свадьбы содержится в библейских и летописных текстах, в древней эпической и классической поэзии, в народном свадебном обряде и фольклоре (см., например: [Топоров 1987: 125–129; Новичкова 1987: 11–13; Хлебников 1985: 252; Гура 2012: 645–649]). Почему эти понятия так связаны со свадьбой? Возможно, потому что в конце свадьбы допускаются разгул и бесчинства? Или оттого, что на свадьбе много пьют, из-за чего возникают пьяные ссоры? Попытки дать ответ на этот вопрос предлагались разные. Так, А. А. Потебня отмечал символическую связь женитьбы и пира с битвой, приводя в подтверждение примеры из летописных источников, «Слова о полку Игореве», языка и народной поэзии (в частности, сопоставляя частое рифмованное сближение созвучных слов *пить* и *бить* с символикой пира как битвы) [Потебня 2000:12–13]. Другие видели в имитации драки или в ее реальном провоцировании на свадьбе реликт насильственного брака-умыкания [Подюков et al. 2004: 225–226]. Но ни одна из этих трактовок не выглядит полной. В подобном восприятии свадьбы, как нам кажется, не учитывается один важный аспект: в данном случае оно не только отталкивается от реальных особенностей обряда, но и определяется чисто внешним, фонетическим созвучием слов. Акустическая близость слов формирует символическую связь стоящих за ними понятий, высвечивая глубинный смысл обряда бракосочетания как противопоставления и соперничества двух родов, по-своему подчеркивая, дополняя и подтверждая его. Названиям свадьбы *свад(ь)ба* и *свар(ь)ба* созвучны слова, обозначающие ссору, распрю, вражду, драку. Такие анафорические созвучия лучше всего представлены в жанре снотолкований: «Свадьба (*свабда*) приснится — будет драка (*свада*)» (у болгар Баната [Телбизови 1963: 191]); «Свадьба (*свабда*) — означает ссору (*свађу*)» (у сербов южной Шумадии [Ст. М. М. 1903: 121]); «Свадьбу видеть — [...] жонка з мужиком (т. е. мужем) *повад*ютца (поссорятся)» (у белорусов Минской губ. [Ляцкий 1898: 142]); «*Сварь*-ба — к *сваре*» (в Ярославской губ. [Русские крестьяне 2006: 224]). Ср. также у чехов: «Поссориться (*znesvářit se*) с кем-нибудь — обручение и свадьба (*svatba*)», при чеш. диал. *svarba*, *svarby* 'свадьба' [Český snář]. Аналогичные по смыслу снотолкования, но без фонетически мотивированной символики распространены шире, в том числе там, где названия свадьбы другие¹. Любопытно, что даже там, где взаимосвязь свадьбы и ссоры присутствует в культурно-языковом сознании при отсутствии в

¹ О них и о фиксируемых в некоторых архаических славянских зонах снотолкованиях, оживляющих древние лексико-семантические и этимологические связи слов со значениями брака и огня в поле *свар*-, см.: [Гура 2018: 376–377].

языке фонетического созвучия соответствующих слов, она может поддерживаться языковой мотивацией, хотя и иного рода. Ср. в польской традиции пример индивидуально-каламбурного употребления слова *wesele* и как 'свадьба', и как 'веселье' в переносном ироническом значении 'ссора': «Если снится свадьба (*wesele*), то будет и дома какое-то «веселье» (*wesele*), какая-то ссора (*kłótnia*), какой-то бедлам (*bałagan*)» (Замойское воев., Крынице [Bartmiński, Bączkowska 1988: 167; Niebrzegowska 1996: 217]).

Пример соотнесенности свадьбы со ссорой демонстрирует основные положения, которые будут затронуты в дальнейшем при рассмотрении языковых созвучий как средства символизации. Эти положения касаются соотношения внешних фонических сходств между словами (разного рода созвучий, звуковых повторов), их внутренних смысловых и символических связей и наличия магической функции (впоследствии слившейся с эстетической и отчасти растворявшейся в ней), наряду с широким культурным контекстом, охватывающим самые разные формы и жанры культуры, и с так называемой этимологической памятью слова.

1. Фонетические созвучия — рифма, ассонансы, аллитерация и т. п. — широко используются в народной поэтической речи, где они выполняют прежде всего формальную, орнаментальную роль (ритмическую, эвфоническую и т. п.). Б. М. Эйхенбаум отмечал, что стих отличается от не-стиха прежде всего особенностями звукового порядка, а не смыслового. Произносительные и звуковые представления играют первостепенную роль в образовании стихотворной речи [Эйхенбаум 1987: 335]. Особенно характерны звуковые корреляции для малых фольклорных жанров — паремий, примет, дразнилок и т. п., так как в коротком тексте уловить стихотворную форму можно лишь по насыщенности однородными звуками, а не по ритму; он обрывается, едва успевая возникнуть [Гаспаров 2003: 31].

Созвучные слова в таких текстах далеко не всегда соотносятся между собой символически. Например, в пословице «В **дороге** и **ворога** назовешь батюшкой» [Снегирев 1999: 71], в считалке «**Родивон. Поди вон!**», в дразнилках «Мита сана **пергала** / За веревку **дергала**» (р-н Царского Села [Татаринов 2019]; соб. зап.)², «Любопытной **Варваре** нос **оторвали**», в скороговорках «Сунул **грека руку** в **реку, рак** за **руку греку** цап!», «Пришел **Прокоп** — кипит **укроп**» между парами слов, объединенных паронимией, аллитерацией, анаграммой или рифмой, не возникает смысловой, символической взаимосвязи, звуковые повторы создают лишь чисто поэтический, эвфонический эффект.

² *Пергала* — из фин. *perkele* 'черт' (букв. «что говорит черт»).

Рифма *вода* — *беда* часто встречается в белорусских толкованиях снов, например: «Як *вада*, [...] то кажуць, *беда* будзе» [Federowski 1897: 212]. Между водой и бедой никакой внутренней логической связи нет, приравнивание одного к другому обусловлено исключительно внешним созвучием; вода в данном случае — знак и символ беды и по законам жанра, занимая позицию и выполняя роль сновидения, является причиной беды, а беда, выступая в функции прогноза, — следствие видения воды во сне. Та же рифма задействована в загадке про глаза: «По краям волоса, / В середине чудеса: / Как случится *беда* — / Потечет *вода*» [Загадки: 377]. Здесь (если учитывать основной смысл и отбросить вторичный, эротический) беда и вода (метафора слез) связаны не только рифмой, но и смысловыми причинно-следственными отношениями, однако, в отличие от предыдущего примера, символической соотнесенности (приравнивания) на основе созвучия слов нет.

Фонетические созвучия в текстах загадок чаще используются не столько в целях символизации, сколько для фонического (анаграмматического, аллитерационного, паронимического, рифмового) кодирования отгадки, зашифрованной в самом тексте. Например, в самой известной, ярославской «*Черный конь* / *Прыгат* в огонь. — *Кочерга*» или в самарских «Что в избе *любо*? — *Блюдо*», «Под палатами — / *Растаки* матери. — *Тараканы*» [Садовников 1901: 29, 45, 178].

2. В языке поэзии из соположения сходных звуковых форм возникает поэтический образ, их сближение в поэтическом тексте имеет прежде всего эстетическую, а не магическую функцию [Толстой, Толстая 2013: 192]. Однако архаические образцы как устной, так и книжной поэзии порой совмещают в словесных созвучиях внешнюю эстетическую функцию со смысловой, магической таким особым образом, что в этом сочетании проглядывает глубокая древность, свидетельствующая об исконном синкретизме этих функций и о магических истоках поэзии. В «Слове о полку Игореве» А. Ю. Чернов и С. Л. Николаев убедительно показали систему созвучий и внутренних рифм, подобных хендингам в скальдической поэзии, и обнаружили ряд смысловых рифм, в которых проявляется в буквальном смысле магия слова, восходящая, возможно, к древнему наследию волхвов. Так, бегущий из плена горностаем князь Игорь — это не просто метафора, а пример архаического синкретизма магии (магического действия, в данном случае оборотничества) и слова. Герой обращается в горностаю по вербальному созвучию, сближающему человека с животным: «а *Игорь* князь поскочи *горнастаем* к тростію» [Николаев 2020: 133]. И такой пример в «Слове» не единственный, аллитерации используются для передачи обращения в волка полоцкого князя-двоедушника Всеслава Брючиславича («Всеславъ

князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь **влѣкомъ** рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, **великому** Хрьсови **влѣкомъ** путь прерыскаше») и половца Овлура, бежавшего с князем Игорем из плена на Русь («**Влуръ влѣкомъ** потече»³).

3. Магия языковых созвучий не ограничивается чисто вербальной сферой, она часто взаимодействует с акциональными средствами магии, определяет их, влияет на них и т. д. Как пишут Н. И. и С. М. Толстые,

[...] принцип семантического притяжения (аттракции) созвучных слов (независимо от их этимологического родства) [...] составляет одну из важнейших особенностей ряда архаических фольклорных и ритуально-магических текстов, которую можно назвать этимологической магией, смыкающейся с другими, неязыковыми (ритуальными, мифологическими) видами магии [Толстой, Толстая 2013: 182].

К жанрам с ярко выраженной магической функцией речи и действенным механизмом символизации на основе созвучий относятся заклинания. Одним из показателей архаики заклинательных формул может служить синкретическое, нерасчленимое слияние слова и магического действия, когда заклинание представляет собой перформатив, самостоятельный вербальный ритуал. Этимологическую связь слов **змија** и **земља** воскрешают и наглядно демонстрируют южнославянские заклинательные формулы от змеиногo укуса. Их произносят, прикладывая землю к месту змеиногo укуса, соединяя воедино вербальный код с акциональным: «Земља земљу љуби!» — «Земля землю целует!» (Герцеговина; Сербия, Левач), «Земља земљу пољубила» — «Земля землю (пусть) поцелует!» (Сербия, Косово), «Земља земљу јела» — «Земля землю (пусть) ест!» (Сербия, р-н Златибора) [Ђорђевић 1958: 153, 154]. Созвучие актуализирует смысловое родство слов (этимологически **zmbja* — табуистическое название от **zemja* [Фасмер 2: 93, 100]), а также символическую связь между соответствующими реалиями — змеей и землей по локативному признаку (отражение хтонической символики змеи в названии).

В заговорах, как и в заклинаниях, слово и звучащая речь обладают особой силой воздействия. О перформативности заговорного слова писал В. Н. Топоров: «Слово в заговоре, понимаемом как один из видов “индивидуального” ритуала, т. е. действие по преимуществу, само этим действием и является. Слово заговора есть действие, и уже в силу этого оно перформативно: [...] сказать значит сделать (слово = дело)» [Топоров 2006: 400]. Магическое воздействие заговаривания,

³ Возможно, именно звуковым сближением с **влѣкъ** объясняется отсутствие в этом случае начального **О** в имени **Овлур**.

даже если произносимый текст непонятен по смыслу, достигается формальными средствами: ритмизацией речи, словесными созвучиями, манерой произношения, уровнем громкости речи, темпом говорения и прочими речевыми и шумовыми эффектами. Звуковые повторы в заговорах нередко не только не порождают символических связей и значений, но и не несут подчас вообще никакой смысловой нагрузки. Например, в заговоре от кашля «На болотной кочке / Говорит жаба дочке: / “Ты моя дочь, здесь квакаешь, / А раб Божий (имярек) там кашляет. / *Квашню, кашель* и *квакшу* перемешаю, / Раба Божиего (имярек) от кашля освобождаю»» [Будур 2008: 368–369] между квашней, кашлем и жабой нет никакой связи ни в смысловом, ни в символическом отношении, хотя обозначающие их слова в тексте объединены анаграммой, и только кашель метафорически сближается с кваканьем, но не на основе языкового созвучия соответствующих слов, а по акустическому сходству самих этих действий.

Созвучия часто используются в магических целях в заговорах, где символическим значением наделяются личные имена, созвучные названиям того, на что направлена магическая сила заклинания, например, в болгарских, использующих имя *Стоян* для остановки кровотечения [Топоров 2004: 755], или в сербских, использующих имя *Вида* или *Видан* для лишения зрения, способности видеть дневной свет (*видело*): «*Видо, видело да не видиш!*» [Ђаповић 2009: 17].

Можно привести немало примеров ритуально-магических действий и запретов, где фонетические ассоциации слов задействуют механизмы символизации. Так, в результате народно-этимологического сближения на звуковой основе определенную оценку и символическое значение получают дни недели. В Севлиевском окр. Болгарии четверг наделяется символикой прочности, здоровья: в четверг (*четвъртък*) на основе анафонического созвучия с прилагательным *чевръст* ‘прочный’ раздают хлеб при рождении ребенка, чтобы ребенок был физически крепким (*чевръст*) [Седакова 2018: 155]. А у словенцев восточной Штирии негативную символику имеет вторник (*torek, -rka*), созвучный названию опасного демонического существа *torklja* или *torka*. Невесте, переходящей на житье в дом жениха во вторник, она приносит несчастье, пряхе, прядущей вечером в этот день, она спутывает мотки пряжи, наказывает ее за неснятый шнур прядильного колеса [Orel 1942: 110].

Символика, вызванная фонетическим созвучием слов, может присутствовать в магическом и обрядовом действии или поверье и определять их смысл в неявном виде, без вербальной экспликации (см.: [Толстой, Толстая 2013: 193]). Так, на звуковой омонимии *почка* ‘орган мочевыделения’ и *почка* ‘зачаток побега растения’ основано лечение

болеи в почках, когда по пояснице больного водили веточкой вербы, сохраненной с Вербного воскресенья и крестили его ею [Будур 2008: 370]. Словесным созвучием определяется лечение золотухи золотом, например, когда давали страдающему золотухой носить какую-нибудь золотую вещь (Череповецкий у., [Русские крестьяне 2009: 260]). Магическую силу каламбура демонстрирует заонежский обычай осыпать невесту пухом, чтобы ее *пушило*, т. е. чтобы она толстела [Певин 1893:245]. На омонимии *сито* 'сито' и *сит* 'сыт' основывается сербский обычай дележа обрядового (рождественского и т. п.) хлеба, когда половину или четверть его откладывали в сито, чтобы год был сытным [Милићевић 1985: 105, 112; Влаховић 1985: 143; Кулишић et al. 1970: 45], а также болгарский обычай подавать с той же целью в сите муку, одаривая ею участниц обряда вызывания дождя (Плевенская обл.) [Узенева, Усачева 2004: 333].

Фонетические корреляции в п р и м е т а х, особенно в календарных, часто участвуют в символических отношениях. Приметы связывают явления таким образом, что одно из них выступает как знамение другого, толкующего его как предвестие, прогноз на будущее. Предсказательная, магическая функция примет роднит их с другими прогностическими жанрами, в частности снотолкованиями и гаданиями. Так, день памяти свв. Бориса и Глеба 24 июля / 6 августа соотносится с выгодной торговлей по созвучию с именем первого святого («Св. **Бориса** и Глеба — **барыш**-день»), по созвучию с именем второго — с созревшим хлебом («Борис и **Глеб** — поспел **хлеб**»), а по созвучию с именами обоих — с преждевременностью жатвы («На **Глеба** и **Бориса** за **хлеб** не **берис**я») [Грищенко 2005: 155, 161]. День памяти преподобного Тихона 16/29 июня по анафорическому созвучию с именем символически связан с умолканием певчих птиц: «На **Тихона** певчие птицы **затихают**» [Ibid.: 158], а день св. Феодора Студита 11/24 ноября по омоформному созвучию — с зимними холодами: «Феодор **Студит** землю **студит**» [Ibid.: 168]. Теплая погода на Богоявление обещает обильный урожай хлеба на основе звукового (анафорического) сближения языковых характеристик погоды и хлебных знаков: «На Богоявленье день **тёплый**, хлеб будет **тёмный** (т. е. густой)» [Ibid.: 149]. Символика, порождаемая звуковым сходством слов, присутствует во множестве народных примет, традиционных обычаев и поверий, и возможности ее ограничиваются обычно рамками одного языка.

Символика на основе созвучий во всех своих разновидностях наиболее характерна для устной традиции толкования снов, где она присутствует в наиболее «чистом» виде, прямо приравнивая одно понятие к другому. Созвучия в снотолкованиях играют, помимо формально-поэтической, смыслообразующую роль, порождая символические значения, обладающие магической (прогностической) функцией,

поскольку толкование сновидений (онейромантика), как и гадания, по сути представляет собой способ предсказания будущего. Паронимия, анаграмма, омофония (полисемия или омонимия) использовались для истолкования сновидений с глубокой древности. Подобные примеры можно видеть в Ассирийской книге сновидений и в древнеегипетских сонниках. Артемидор Далдианский, автор знаменитого античного сонника II в., советовал широко использовать анаграммы для прояснения смысла сновидений, чтобы достичь славы искусного толкователя [Артемидор 1999: 349–350]. Паронимические толкования имеются в византийских сонниках, например, в соннике патриарха Германа: «Церковь (ἐκκλησία) стоящая — подвергнуться обвинению (ἐγκλήσεις)» [Drexl 1923: 436].

Примером мотивировки сновидческой символики разными видами созвучий в народной традиции может служить сон о корове. В Полесье корова во сне получает паронимические толкования **корова — корогва** (хоругвь) как знак болезни или смерти или, шире, **корова — хвороба**, **krowa — churoba** как предвестие болезни. Изредка отмечено аллитерационное толкование **корова — на кровь**. У русских, особенно на Севере, символическая связь коровы с плачем обусловлена рифмой: [видеть] **корову** — к **рёву** (ср. рус. *рёва-корова* ‘плакса’ и детскую дразнилку «Рёва-корова, дай молока! Сколько стоит? Три пятака»); на Русском Севере в соседстве с прибалтийско-финскими народами **корова** на основе анаграммы (точнее, анафонии) толкуется как напоминание об **обрёке** («обрёк: обрела себя вроде, например, обещала справить годовщину смерти отца и не сделала») или получает обусловленное паронимией **корова — кóрованьё** значение неприятных разговоров, т. е. слухов, услышанных наговоров (ср. фин. *korva*, карел. *korva*, *korvu* ‘ухо; слух’). А у украинцев Подолии и Волыни и в прилегающих к Волыни районах Польши в основе толкования коровы во сне как предвестника врага лежит анаграмма и почти палиндром: **корова — ворог** или **корови — вороги**, **krowy — wrogi** [Гура 2018: 375, 381–382; Якушкина 1999: 30; Bartmiński, Bączkowska 1988: 157; ПА].

4. Чаще всего звуковой (фонетический) и логико-понятийный (основанный на реальных свойствах денотата) способы символизации действуют совместно. Например, апотропейная символика бороны в ее ритуально-магическом применении мотивируется не только ее решетчатостью (подобно берду, решету), наличием у нее ячеек и переплетений (плетеных узлов, как у сети), крестообразной основы и острых зубьев, но и сближением омонимов **borna* — как ‘борона’ и как ‘оборона, защита, преграда’ — возможно, сближением вторичным, поскольку разошедшиеся значения, скорее всего, восходят к семантически единому слову [ЭССЯ 2: 204–206]. В других случаях фонетическая

мотивировка выступает в этом процессе как вторичная и играет вспомогательную роль. Символическая связь св. Нестора Солунского с мышами, которым посвящен день этого святого 27 октября (согласно легенде, они выскочили и расползлись из распоротого брюха змеиногудовища или безбожника, побежденного Нестором), усиливается языковыми средствами — путем словослияния, совмещения элементов двух слов в одном, частично созвучном тому и другому. В данном случае это объединение названия мыши и имени Нестор в названии праздника: болг., макед. **Мистров ден** (**мишка** + **Нестор**), макед. **Миштровден** (**мишка** + **Нестор**), серб. **Мистор** (**миш** + **Нестор**) [Гура 1997: 409–411].

Мотивы воровства в представлениях о воробье связаны прежде всего с вредом, который он наносит посевам, склевывая зерно. Отсюда повсеместно распространенные обереги полей от воробьев. Тема воровства присутствует и в украинской легенде о том, как в наказание за воровство птицы заковали воробью ноги в кандалы, отчего он не ходит, а скачет на обеих ногах [СУС: 229С*]. В восточнославянской традиции поддерживается эта символика также анафорическим сближением слов **воробей** и **вор** (ср. также народноэтимологическое *воробей* как *вора бей*).

Хтонический, связанный со смертью образ ворона определяется его черной окраской и тем, что он питается мертвечиной. У болгар такое восприятие ворона подкрепляется фонетической мотивировкой — аллитерационным созвучием слов **гарван** ‘ворон’, **грача** ‘каркать’ и **гроб** ‘могила’. Отсюда болгарские диалектные названия ворона **гроб**, **гробник**, **гробар** и вербальная имитация его крика «**гро! гро! гро!**», созвучное слову **гроб** [Гура 1997: 536–537]. А у поляков символика кражи вызвана тем, что ворона охотится на цыплят (поэтому в гнездо наседке в качестве оберега подкладывают вороньи перья), но такое значение мотивируется еще и фонетическими созвучиями слов — анафорой **krakać** ‘каркать’ и **kraść** ‘красть’ (поэтому карканье вороны в южной Малопольше передают возгласом «**Kra-aść! Kra-aść!**» [Ibid.: 536]) и анаграммой (анафонией) **wrona** ‘ворона’ и **porwanie** ‘похищение’, **porwać** ‘похитить, выкрасть’ — ср. польскую загадку «Przyleciał diabeł z lasu i **porwał** żółty kwiatek. — **Wrona porwała** kurczę» (Прилетел черт из лесу и украл желтый цветок. — Ворона унесла цыпленка) [Folfasiński 1975: 94].

Фонетическая символизация может взаимодействовать с обычной, смысловой, основанной на сходстве признаков, и даже накладываться на нее. Так, признак холонокровности, присущий рыбе, соотносит ее с холодом, отчего рыба используется в народной медицине с целью остудить жар при лечении горячки. Та же символика присутствует и в народных толкованиях снов. У гуцулов и македонцев рыба в сновидениях выступает предвестником мороза: «Если снится

рыба, наступит мороз» (гуцулы) [Kaindl 1894:104], «Рыбу поймашь, наступит сильный мороз» (Македония, Прилеп) [Цепенков 1892: 130], «Если рыбу увидишь во сне, будет мороз, холодная погода» (Македония, Велес) [Ецов 1896: 176]. В другом македонском снотолковании, «Риба — омраза» (Рыба — ненависть), из Эгейской Македонии та же первоначальная символика рыбы как мороза, распространенная в этой славянской традиции толкования снов, скрыта за наложившимся на нее и вытеснившим ее вторичным смыслом рыбы как символа ненависти. Можно с высокой долей вероятности полагать, что он возник на основе фонетического созвучия слов, обозначающих мороз (*мраз*) в исходном снотолковании и ненависть (*омраза*) — в производном (р-н Флорины (Лерина), с. Герман, зап. К. Бицевской)⁴. Это дает повод считать, что в архаических славянских зонах, к которым относится периферийная эгейскомакедонская, древний способ звуковой символизации все еще достаточно живуч и сохраняет свою продуктивность.

5. Символика, порождаемая звуковым сближением слов, часто вписывается в широкий культурный контекст. В великорусской традиции известно анафорическое снотолкование «*река (речка) — речи*», например, в Ярославской губ.: «*Реку* видеть — слышать *речи*» [Дерунов 1898: 149]. Связь реки с речью В. Н. Топоров относил к числу архетипических образов, известных в различных мифологических традициях и языках [Топоров 1988: 375]. Символическое сближение речи с рекой, несмотря на отсутствие этимологического родства соответствующих слов в славянских языках [Топоров 2006а: 201–204, 214–215], Н. Б. Мечковская называет поэтической этимологией, подчеркивая, что «[...] именно в народном, мифопоэтическом сознании речь человека издавна сближалась со звучащим течением воды» [Мечковская 1998: 55–56]. Ср. языковые выражения *льется речь, плавная речь, поток слов, переливать из пустого в порожнее* и т. п., а также в сказке А. С. Пушкина: «А как *речь*-то говорит, / Словно *реченька* журчит». Ср. также индивидуально-поэтическое *речной* 'относящийся к речи' в причитаниях И. А. Федосовой [Сурикова 2019: 336]: «И сговорила ты единое словечушко, / И становилась на речнѹ да поговорюшку» [Барсов 1886: 83].

Еще одно анафорическое снотолкование — *лошадь — ложь* — распространено на великорусской территории, в северной и центральной

⁴ Замены, скрывающие символику, мотивированную созвучиями, встречаются в снотолкованиях часто, однако здесь в качестве субститута выступает слово, сходное по звучанию, тогда как обычно — слова, сходные или связанные между собой по смыслу, например: за снотолкованием «изгородь — напраслина» скрывается мотивирующее созвучие *плетень* — *сплетни*, а на основе созвучия *печь* — *печаль* возникают снотолкования «жаркое есть — печаль», «квашня — печаль», «солнце — печаль» и др.

Белоруссии. Оно может включать скрытую анафору в виде синонимических замен: наговоры, брехня, напраслина, клевета, а также попытки логического обоснования подобной символики: только лошадь священника или еврея, без упряжи, черная, скачущая. Этот пример дает повод Т. В. Цивьян оценить высокое значение, которое звуковой уровень приобретает в плане мифологической реконструкции и извлечения смысла из авторских поэтических текстов: за прямолинейностью звуковой аттракции, вроде данного снотолкования о лошади, «[...] обнаруживается глубинный уровень, раскрывающий совершенно неожиданные слои» [Цивьян 2006: 57–58]. И такие глубинно-смысловые культурные параллели действительно обнаруживаются. Прежде всего, семантически сближение лошади и лжи поддерживается книжной традицией — словами из 32-го псалма о ложности убеждения, будто конь может служить ко спасению: «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасется» (Пс 32:17). Отсюда народная пословица «Ложь конь во спасение» [Снегирев 1999: 152], а затем и общеизвестное *ложь во спасение*. Другие соответствия, смысловые и звуко-смысловые, из совершенно другого культурного пласта и другой эпохи — из русской поэзии XX в. Ложь — атрибут рыжего (огненного) коня в поэме М. И. Цветаевой «Переулочки» (1922): «Красен тот конь, / Как на иконе. / Я же и конь, / Я ж и погоня. / Скачка-то / В гру — ди! / Жарок огонь! / Жги! / В обе вожжи! / Гей, мои рыжи! / Лжей-то в груди / Семь, да семижды / Семь, да еще — / Семь. / Жги, ямщикок, / В темь!» [Цветаева 1980: 360]. И наоборот: лошадь как объект овладения и использования персонифицированной ложью в «Притче о Правде и Лжи» В. С. Высоцкого (1977): «Грязная **Ложь** чистокровную **лошадь** украла — / И ускакала на длинных и тонких ногах. / [...] Глядь — а штаны твои носит коварная Ложь. / Глядь — на часы твои смотрит коварная Ложь. / Глядь — а конём твоим правит коварная Ложь» [Высоцкий]⁵.

Эти соответствия, различные по своему происхождению, этнической и жанровой принадлежности, переклички из разных эпох и сообществ производят такое впечатление, словно в культуре как в живом организме, подобном биологическому, действует некая надындивидуальная память, которая способна хранить накопленные смыслы и вызывать к жизни смысловые связи, где и когда это потребуется. В этом отношении нельзя не согласиться с суждением выдающегося биолога Конрада Лоренца о культуре как живой системе, о возможности изучения ее методами естествознания, о том, что «*когнитивная* функция культуры — приобретение и накопление знания —

⁵ Ср. также в известном романе Я. Л. Фельдмана на слова Н. А. Риттера (1905): «Ямщик, не гони лошадей! / Всё было лишь ложь и обман...».

осуществляется с помощью процессов, в принципе аналогичных приобретению знания в эволюции вида» [Лоренц 2016: 587].

В Полесье символика грибов в народных снотолкованиях часто основывается на аллитерации: в Волынской, Житомирской, Киевской обл. **грибы** во сне означают погребение покойника («по**гріб**», «по**грэб**ение», «покойныка по**грэбы**»), в Житомирской и Брестской — **гроб**, в Черниговской — **грабёж**; в Волынской и Киевской они предвещают сновидцу, что к нему нечто пристанет («нужда пры**грыб**эця») или некто прибудет («хто-то при**греб**ётся») [соб. зап.; ПА]. Аллитерация в данном случае охватывает круг слов, так или иначе связанных этимологически с **grebti* [ЭССЯ 7: 96, 97, 109–110, 126–128, 133–134], а созвучия **гриб** — **гроб** и **гриб** — **погреб**(ение) соотносят грибы со смертью. Аналогичная аллитерация и символика грибов представлена и в русской примете, предвещающей войну «Много грибов — много гробов» [Агапкина, Белова 2009: 280; Пермякова, Подюков 2012: 53]. Образ грибов, как показал В. Н. Топоров, связан с комплексом «смерть — плодородие — жизнь» [Топоров 1979: 238]. Символика смерти определяется хтонической природой грибов, которые появляются из-под земли. Грибы — это также признак потустороннего мира, куда уходят души умерших и где обитают души еще не родившихся детей, ср. чешские выражения, употребляемые в значении 'тебя еще на свете не было': *tenkrátě byl jsi ještě na houbách* или *ještěš houby pásł* (ты тогда был еще на грибах, еще грибы пас) [Sobotka 1879: 333; Белова 1996: 320]⁶.

Звуковые повторы в словах, подобные представленным в полесских снотолкованиях, далеко не всегда порождают символические отношения между ними. Например, никакой особой символической связи гриба с гробом или с грабежом нет в известных строках В. В. Маяковского: «Били копыта. / Пели будто: / — **Гриб**. / **Грабь**. / **Гроб**. / **Груб**» (Хорошее отношение к лошадям, 1918). Аллитерация здесь используется для звукоподражания — акустической передачи тяжелой поступи старой лошади. Но в написанном еще в 1934 г. стихотворении М. П. Левина (1917–1940) о приближающейся войне аллитерация оживляет тему смерти в связи с грибами: «Начинается война / И кровава и длинна, / В лазаретах запах пота / И солдатского сукна. / Трупы, трупы как **грибы**, / Рядом делают **гробы**...» [Недооцененные и забытые; Дьяконов 1995: 493; о переводчице и поэте М. П. Левине: 304–306]. В стихах Н. С. Гумилева в передаче мрачной, тягостной атмосферы, напоминающей о смерти, участвуют, помимо

⁶ Мифологическая связь грибов с плодородием, с эротической (генитальной) темой не менее богата (см.: [Белова 1996: 317–322; Топоров 1979: 239, 241–246, 250–253]) и представлена в том числе в снотолкованиях, как народных, так и книжных (например, в соннике 1878 г.: «Грибы для дамы — беременность, для мужчины — утомление» [Миллион снов: 34]).

прямого упоминания о зарытом трупе и о жабах как хтонических существах, также аллитерации, рассеянные по тексту: «Так пахнут сыростью **гриба** / И неуверенно, и слабо / Те потайные **погреб**а, / Где труп зарыт и **бродят** жабы. / Река больна, река в **бреду**» (Ледокол, 1917). Участвует в создании этой поэтической символики и *погреб* ‘полуподземное хранилище для продуктов’, межъязыковой омоним к *погребу* ‘погребению, похоронам’ в полесских толкованиях сна о грибах. Это слова, разные по значению при словообразовательной и этимологической их общности. Здесь нельзя не вспомнить высказывание В. Н. Топорова, проясняющее роль поэта как мага и неразрывное в своих основах родство магии и поэзии: задача поэта заключается в расчленении анаграммируемого слова на элементы и рассредоточении их по тексту, а задача слушателя или читателя — в нахождении этих элементов и восстановлении искомого целого (ср. выше о расшифровке анаграмм в загадках); эти операции, «[...] как и их последовательность, в точности соответствуют тому, что делает жрец при жертвоприношении с жертвой и что делает поэт как жрец, отвечающий за словесную часть ритуала» [Топоров 2004: 725–726].

6. Широкий культурный контекст открывает в символике языковых созвучий еще одно важное свойство, которое отмечал О. Н. Трубачев (более подробно об этом писала С. М. Толстая), — ее способность в поэтических, мифологических текстах, ритуальных и прочих культурных контекстах сохранять смыслы, утраченные языком, оживлять своеобразную этимологическую память слова, и использоваться для реконструкции семантических связей и направления семантической деривации в процессе этимологизации [Трубачев 2004: 89–90; Толстая 2006]. При соположении сходно звучащих слов в тексте «[...] древнее мифопоэтическое сознание не только не упускает из виду этих затемненных или стертых в языке связей, но и актуализирует, напрягает или даже воскрешает их, нагружая их дополнительной символической или магической функцией» [Толстой, Толстая 2013: 192]. Так, соединение в тексте приворотного заговора внешне сходных по звучанию слов *печь* и *печень* акцентирует их внутреннюю связь, оживляя этимологическое родство [Фасмер 3: 255–256] между ними: разжигание железной печи должно разжечь у девушки печень [Забылин 1880: 310–311]. В аполотропейных, защитных функциях бороны, широко представленных в магической практике, просвечивает этимологическая общность **borna* как ‘бороны, земледельческое орудие’ и **borna* как ‘преграда, защищенный вход’ [ЭССЯ 2: 204–206]. Аналогично фонетическая близость наименования зверька *ласка* и лексики, характеризующей в народных представлениях его нрав (пол. *łaskawy* ‘доброжелательный, приветливый, ручной’), поведение и действия по отношению к человеку (пол. *łasić*

się ‘ластиться’) и к скоту (*ласкать* и *ласкотать* ‘щекотать’), проясняет этимологическое родство всех этих слов, связанных в конечном итоге с **laska* ‘ласка, нежность’ [ЭССЯ 14: 36–41]. Так коллективная языковая память откладывается в культуре и генетически передается нам посредством традиции, постоянство которой поддерживается ритуализацией поведения [Лоренц 2016: 558]. Иначе говоря, народная традиция как механизм передачи культурной информации поддерживает сохранение языковой памяти, актуализирует и возрождает забытые языковые связи.

7. И последнее, о чем еще следует сказать, касается особой, малозаметной роли звуковой символизации в общем устройстве языка культуры. Значения, вызванные созвучиями, совместно с символикой, возникающей на основе сравнения и сближения понятий по общему признаку, могут выполнять в символическом языке культуры структурирующую функцию, участвовать в образовании связей и отношений между отдельными элементами традиционной картины мира, задавая ей определенные параметры. Такой принцип структурной организации наглядно прослеживается в народной систематике животных.

Примером может служить анафора **ворон** — **волк** в восточнославянских фольклорных текстах. В сборнике Онежских былин Гильфердинга лексемы *ворон* и *волк* оказываются взаимосвязаны, одиннадцать раз фигурируя в парном сочетании, в соседстве и в сходном употреблении: воронам и волкам герой дает корм, бросает на съедение тело врага, в ворона и в волка обращаются одновременно два персонажа или поочередно один герой, слова *ворон* и *волк* фигурируют в параллелизме и, наконец, просто оказываются в тексте рядом [Дундукова 2016: 137–138]. Аналогичная их взаимосвязь обнаруживается в народных приметах, легендах и сказках. Например, у русских существует примета: кто поет в лесу и увидит ворона, наткнется на волка [Даль 1957: 925]; у белорусов Витебской губ. карканье ворона, пролетающего над стадом, предвещает скорое нападение волка [Никифоровский 1897: 191]. По севернорусским представлениям, колдуны могут превратить участников свадебного поезда в воронов или в волков [Харитонов 1848: 151]. В разных версиях сказочного сюжета «Братья-вороны» братья превращаются в воронов, ворон или волков [СУС 451]. В русских говорах известны различные варианты названий одних и тех же растений типа *волчий глаз* или *вороний глаз*, *волчьи ягоды* или *вороновы/вороньи ягоды*. Конечно, ворона и волка в славянской народной традиции объединяет прежде всего нечистая, дьявольская природа, зловещий характер, хищность и кровожадность, а анафора **ворон** — **волк** у восточных славян лишь дополняет их символическое сходство формально, на звуковом уровне. В народной

зоологии образы волка и ворона образуют смысловую параллель в зверином и птичьем кодах, т. е. соотносятся как эквивалентные или аналогичные в семантическом отношении, подобно тому как аналогичное символическое соответствие между дикими и домашними животными образуют волк и собака, медведь и кошка [Гура 2017: 139].

Другой пример — созвучия, порождающие значения, относящиеся к психоэмоциональной сфере, которые способствуют выделению и оформлению в народной зоологии ряда пушных животных в особую группу. Так, наделение животного ласки символической ласковости у поляков Малопольши подчеркивается анафорой *łasia, łasica* ‘ласка’ — *łasić się* ‘ластиться, ласкаться’. Считается, что за вежливое обращение к ней она будет ластиться к человеку и укажет ему клад (Стары Сонч) [Gustawicz 1881:148], а если съест чеснок, станет *łaskawa* — ласковая, дружелюбная, ручная [Rostafiński 1895:16]. В Полесье верят, что *ласица, ласочка* щекочет скотину — *ласкае* или *ласкоче* ее. Символика ласкания и щекотки, связанная по звучанию с названием ласки, распространяется на других пушных зверей — лису, горностая, хорька: *лиса* — *ласковые слова* — название лисицы в сказках [Померанцева 1963: 78]; в смоленском варианте сюжета «Ночные видения» [СУС 840] горностайка «*ласкайтца*» между спящими мужем и женой [Добровольский 1891: 329–330; Добровольский 1914: 308]; в калужской частушке: «Гармошечка-горностайка, / Ты лети-ка, *приласкай-ка*» (Куйбышевский р-н, Архив кафедры фольклора МГУ); в русских говорах скрипучий звук, издаваемый хорьком, передается глаголом *щекотать* [Даль, 4: 606, 653]. Рифмой *бобр* — *добр*, обыгрываемой в многочисленных фразеологизмах и поговорках («Убить *бобра* — не видеть *добра*», «Все *бобры* до своих бобрят *добры*» и т. п.), объясняются представления о смирении бобра, его покорности судьбе и «непротивлении злу»: при нападении охотников он складывает лапки на груди (Гомельский у.) [Лоначевский 1887: 20, 22; Jundziłł 1807: 153], жалобно просит человеческим языком не убивать его и плачет (Елабужский у.) [Зеленин 1929: 13]. Созвучия и рифма *вудра* — *мудра* характеризует выдру в белорусской поговорке («Вона *вудра*, да за ўсіх *мудра*»), *выдра* — *быдра* ‘проворная’ — в белорусской крестинной песне. Подобного рода характеристики, уже не мотивированные языковыми созвучиями, охватывают и других пушных животных: лисица в языке и в народных представлениях служит олицетворением хитрости, белка — ловкости и хитрости, хорь — трусости, пронырливости и жуликоватости [Гура 1997: 249–252; Гура 2012а: 459].

Сходную роль применительно к этой группе животных играет также созвучие названий зверька *ласка* и птицы *ласточка*, отражающее, как это показал О. Н. Трубачев, этимологическое родство этих слов: оба

они восходят к славянским вариантам основ: *lask-* как более древней и *last-*, ее более поздним суффиксальным преобразованием с вторичным *t* [Трубачев 1962: 30–32; ЭССЯ, 14: 37–38, 42–46]. Этим объясняются случаи пересечения и смешения их названий (ср., например, воронеж. *ласка* ‘ласточка’ и тульск. *ласточка* ‘ласка’ [СРНГ 16: 274, 283]), сходные поверья о ласке и ласточке (в частности, о выборе масти скота по их цвету, о провоцировании ими крови в молоке), а также птичья символика ласки, которая, распространяясь затем и на других пушных животных (горностая, бобра, куницу), дополняет ту структурирующую роль в народной зоологии, которую играет проникнутая созвучиями психоэмоциональная символика этих животных [Гура 1997: 245–249]. Ср. пернатость этих животных в сходных контекстах: «Ой летів горноста́й через сад, / Погубив пір'єчко на весь сад» (Черниговская губ.) [Весілля: 363]; «Ляце́й бабё́р чараз двор, / На ё́м сукенак дзевя́ць пар» (Виленская губ.) [Романов 1912: 188]; «Ляце́ла куна з бору у дуброву / Сака́лу на размову» (Минская губ.) [Вяселле. Песні: 372]; «Да на той парошы слядо́к харошы, / Да куна хадзі́ла, пер'е ра́ніла» (Гродненская губ.) [Ibid.: 193–194]).

8. Фонетические созвучия между словами актуализируют смысловую связь между ними (например, причинно-следственную, атрибутивную), в том числе связь символическую. Это происходит при соположении в тексте омонимов, паронимов и прочих сходных по звучанию слов; при анаграмматическом кодировании смысла текста (например, загадки или авторского поэтического текста); путем словослияния, совмещения двух слов в одном гибридном, созвучном им обоим; посредством звукописи, сложной звуковой организации целого текста, чаще всего стихотворного, и т. д. Магическая функция словесных созвучий связывает язык с другими компонентами архаических типов культуры и мифопоэтического сознания [Толстой, Толстая 2013: 195]. Взаимодействие и постепенное слияние в позднейшей авторской поэзии магической функции с эстетической проясняет преемственную связь магии с поэзией, так же как ее преемственная связь с музыкой проявляется в сходной фонической природе созвучий, речевых и вокальных. Мотивация значения на основе созвучия слов помогает не только понять механизмы символизации в традиционной культуре, уходящие корнями в древний синкретизм слова и действия, нерасчленимость и взаимопроникновение формы и содержания, но и приоткрывает некоторые особенности структурной организации символического языка культуры, в том числе его «грамматического» уровня, а также способствует более полному раскрытию смысловых связей слов, воссозданию развернутой в диахронии семантической деривации, которая имеет важное значение в процессе этимологизации, повышая надежность ее результатов.

Библиография

Агапкина, Белова 2009

Агапкина Т. А., Белова О. В., Примета, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, Толстой Н. И., общ. ред., 4, Москва, 2009, 279–280.

Артемидор 1999

Артемидор, *Сонник*, Грищенко Р. В., сост., общ. ред., С.-Петербург, 1999.

Барсов 1886

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, Ч. 3: *Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвечные*, Москва, 1886.

Белова 1996

Белова О. В., Эротическая символика грибов в народных представлениях славян, *Секс и эротика в русской традиционной культуре*, Топорков А. Л., сост., Москва, 1996, 317–322.

Будур 2008

Будур Н., *Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII–XIX веков*, Москва, 2008.

Весілля

Весілля, 1, Київ, 1970.

Влаховић 1985

Влаховић П., Прилог проучавању крсне славе, *О крсном имену. Зборник*, Велмар-Јанковић С., уред., Београд, 1985, 136–147.

Высоцкий

Высоцкий В. С., *Притча о Правде и Лжи* (<http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/stihi/>; <http://www.wysotsky.com>).

Вяселле. Песні

Вяселле. Песні, Кн. 6, Мінск, 1988.

Гаспаров 2003

Гаспаров М. Л., *Очерк истории европейского стиха*, Москва, 2003.

Грищенко 2005

Грищенко Р., сост., *Традиционные гадания на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2005.

Гура 1997

Гура А. В., *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва, 1997.

— 2012

Гура А. В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*, Москва, 2012.

— 2012a

Гура А. В., Хорь, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, Толстой Н. И., общ. ред., 5, Москва, 2012, 458–459.

— 2017

Гура А. В., Систематика животных в славянской народной зоологии, *Мир животных в мифопоэтическом ракурсе*, Завьялова М. В., Цивьян Т. В., отв. ред. и сост., Москва, 2017, 134–141.

— 2018

Гура А. В., Об одном архаическом способе мотивировки значения в снотолкованиях, *Славянский альманах 2018*, 3–4, Москва, 2018, 373–384.

Даль

Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, изд. 2-е, 1–4, С.-Петербург, Москва, 1880–1882. [Фотомеханическое воспроизведение]: Москва, 1978–1980.

Даль 1957

Даль В., *Пословицы русского народа*, Москва, 1957.

Дерунов 1898

Дерунов С., Материалы для народного снотолкователя. III. Ярославской губернии, *Этнографическое обозрение*, 1, 1898, 149–151.

Добровольский 1891

Добровольский В. Н., *Смоленский этнографический сборник*, 1, С.-Петербург, 1891.

— 1914

Добровольский В. Н., *Смоленский областной словарь*, Смоленск, 1914.

Дундукова 2016

Дундукова А. М., *Зоонимы и фитонимы в «Онежских былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года»* (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск, 2016).

Дьяконов 1995

Дьяконов И. М., *Книга воспоминаний*, С.-Петербург, 1995.

Ђаповић 2009

Ђаповић Л., *Смрт и оностраност у клетвама*, Београд, 2009.

Ђорђевић 1958

Ђорђевић Т. Р., *Природа у веровању и предању нашега народа*, 2 (= Српски етнографски зборник, 72), Београд, 1958.

Ецов 1896

Ецов Т. Г., Тълкувание на природни явления, разни народни вярвания и прокобавания. От Велес, *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, 13, 1896, 171–176.

Забылин 1880

Забылин М., *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*, Москва, 1880.

Загадки

Загадки из фольклорного архива МГУ, *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, Миненок Е. В. при уч. Капицы Ф. С., публ., Москва, 1995, 374–425.

Зеленин 1929

Зеленин Д. К., *Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии*, Ч. 1: *Запреты на охоте и иных промыслах* (= Сборник Музея антропологии и этнографии, 8), Ленинград, 1929.

Кулишић et al. 1970

Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н., *Српски митолошки речник*, Београд, 1970.

Лоначевский 1887

Лоначевский А. И., Бобры в бассейне Днепра, *Природа и охота*, 2, 1887.

Лоренц 2016

Лоренц К., Обратная сторона зеркала, *Idem, Обратная сторона зеркала. Сборник трудов*, Фет А. И., пер. с нем. и предисл., Гладкий А. В., ред., Nyköping, 2016, 327–614.

Ляцкий 1898

Ляцкий Е., Материалы для народного снотолкователя. II. Минской губернии, *Этнографическое обозрение*, 1, 1898, 139–149.

Мечковская 1998

Мечковская Н. Б., *Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий*, Москва, 1998.

Милићевић 1985

Милићевић М. Ђ., Кућанска слава, *О крсном имену. Зборник*, Велмар-Јанковић С., уред., Београд, 1985, 75–121.

Миллион снов

Миллион снов, выбранных из сочинений знаменитых египетских и индейских мудрецов и астрономов, как-то Алия, Альбумазара, Иоганна Калиостра Иоганна, Кенигсбергера, Мартына Задеки, Платона, Птолемея и известной французской сногдательницы Г-жи Ленорман, с приложением толкового сонника, изд. 2-е, Москва, 1878.

Недооцененные и забытые

Недооцененные и забытые, *Воздух*, 4, 2011 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2011-4/underrated-n-forgotten>).

Никифоровский 1897

Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах, собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский, Витебск, 1897.

Николаев 2020

Николаев С. Л., «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста, Москва, С.-Петербург, 2020.

Новичкова 1987

Новичкова Т. А., Эпическое сватовство и свадебный обряд, *Этнографические истоки фольклорных явлений* (= Русский фольклор, XXIV). Ленинград, 1987, 3–20.

ПА

База данных Полесского архива отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, <http://185.185.69.226:60002/card/list>

Певин 1893

Певин Н., Народная свадьба в Толвуйском приходе, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии, *Живая старина*, 2, 1893, 219–248.

Пермякова, Подюков 2012

Пермякова Л. А., Подюков И. А., Лингвосемиотический аспект описания народной миконимики, *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 2 (18), 2012, 52–60.

Подюков et al. 2004

Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А., *Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья*, Усолье, Соликамск, Березники, Пермь, 2004.

Померанцева 1963

Померанцева Э. В., *Русская народная сказка*, Москва, 1963.

Потебня 2000

Потебня А. А., О некоторых символах в славянской народной поэзии, *Idem, Символ и миф в народной культуре*. Москва, 2000, 5–91.

Романов 1912

Романов Е. Р., *Белорусский сборник*, Вып. 8: Быт белоруса, Вильна, 1912.

Русские крестьяне 2006

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, Т. 2: Ярославская губерния, Ч. 1: Пошехонский уезд. С.-Петербург, 2006.

Русские крестьяне 2009

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, Т. 7: Новгородская губерния, Ч. 2: Череповецкий уезд, С.-Петербург, 2009.

Садовников 1901

Садовников Д., *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач*, С.-Петербург, 1901.

Седакова 2018

Седакова И. А., Болгарские представления о homo perfectus (на материале родильной обрядности), *Образ человека в языке и культуре*, Толстая С. М., отв. ред., Москва, 2018, 145–159.

Снегирев 1999

Снегирев И. М., *Русские народные пословицы и притчи*, Москва, 1999.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, 1–2, Москва, Ленинград, 1965–1966; 3–26, Ленинград, 1968–1991; 27–49–, С.-Петербург, 1992–2016–.

Ст. М. М. 1903

Ст. М. М., Снови (по народном веровању и тумачењу) из Левча и Темнића, *Караџић*, 4, 1903, 119–121.

Сурикова 2019

Сурикова О. Д., «Причитания Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера, *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*, Толстая С. М., отв. ред., Москва, 2019, 330–353.

СУС

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка, Барг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В., сост., Ленинград, 1979.

Татаринев 2019

Татаринев И., *Царскосельское детство* (<https://poetov.net/stories/1347-carskoselskoe-detstvo.html>).

Телбизови 1963

Телбизов К., Векова-Телбизова М., *Традиционен бит и култура на банатските българи* (= Сборник за народни умотворения и народопис, 51), София, 1963.

Толстая 2006

Толстая С. М., Культурная семантика и этимология, *Studia Etymologica Brunensia*, 3, Praha, 2006, 385–397.

Толстой, Толстая 2013

Толстой Н. И., Толстая С. М., Народная этимология и этимологическая магия, *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*, Москва, 2013, 182–196.

Топоров 1979

Топоров В. Н., Семантика мифологических представлений о грибах, *Balkanica*, Москва, 1979, 234–297.

— 1987

Топоров В. Н., Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте, *Исследования по структуре текста*, Цивьян Т. В., ред., Москва, 1987, 121–132.

— 1988

Топоров В. Н., Река, *Мифы народов мира. Энциклопедия*, Токарев С. А., гл. ред., Москва, 1988, 374–376.

— 2004

Топоров В. Н., К использованию анаграмматических структур (анализы), *Idem, Исследования по этимологии и семантике, 1: Теория и некоторые частные ее приложения*, Москва, 2004, 708–755.

— 2006

Топоров В. Н., Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы), *Idem, Исследования по этимологии и семантике, 2: Индоевропейские языки и индоевропейистика*, кн. 2, Москва, 2006, 360–428.

— 2006a

Топоров В. Н., Речь и река / речка (из области мнимых этимологических парадоксов), Idem, *Исследования по этимологии и семантике*, 2: *Индоевропейские языки и индоевропеистика*, кн. 2, Москва, 2006, 198–223.

Трубачев 1962

Трубачев О. Н., Славянские этимологии 29–39, *Этимологические исследования по русскому языку*, 2, Кузнецов П. С., ред., Москва, 1962, 26–43.

— 2004

Трубачев О. Н., *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*, 1, Москва, 2004.

Узенева, Усачева 2004

Узенева Е. С., Усачева В. В., Мука́, *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, Толстой Н. И., общ. ред., 3, 2004, 330–335.

Фасмер

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Трубачев О. Н., пер. с нем. и доп., 1–4, Москва, 1964–1973.

Харитонов 1848

Харитонов А., Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда, *Отечественные записки*, 57, 1848, 132–153.

Хлебников 1985

Хлебников В., Сельская дружба, Idem, *Творения*, Москва, 1985, 249–253.

Цветаева 1980

Цветаева М., *Сочинения*, 1, Москва, 1980.

Цепенков 1892

Цепенков М. К., Съновидения и тълкуванията им, *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, 7, 1892, 129–131.

Цивьян 2006

Цивьян Т. В., *Модель мира и ее лингвистические основы*, изд. 3-е, испр., Москва, 2006.

Эйхенбаум 1987

Эйхенбаум Б. М., *О литературе: работы разных лет*, Москва, 1987

ЭССЯ

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1– 41–, Москва, 1974–2018–.

Якушкина 1999

Якушкина Е. И., Народный сонник из Каргополья, *Живая старина*, 1999, 2 (22), 1999, 29–30.

Bartmiński, Bączkowska 1988

Bartmiński J., Bączkowska G., Materiały do sennika ludowego, *Etnolingwistyka*, 1, 1988, 147–171.

Český snář

Český snář (<http://chi.cz/snar/?pismo=n>).

Drexl 1923

Drexl F. X., Das Traumbuch des Patriarchos Germanos, *Λαογραφία*, 7, 1923, 428–448.

Federowski 1897

Federowski M., *Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891*, 1: *Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Lidy i Sokółki*, Kraków, 1897.

Folfasiński 1975

Folfasiński S., *Polskie zagadki ludowe*, Warszawa, 1975.

Gustawicz 1881

Gustawicz B., Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody, *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, 5, 1881, 102–186; 6, 1882, 201–317.

Jundziłł 1807

Jundziłł B. S., *Zoologia krótko zebrana*, 1: *Zwierzęta ssące*, Wilno, 1807.

Kaindl 1894

Kaindl R. F., *Die Huzulen. Ihr Leben, ihre Sitten und ihre Volksüberlieferung*, Wien, 1894.

Młynek 1902

Młynek L., Zabawy sierskich pasterzy przed 20 laty, *Lud*, 8, 1902, 22–35, 141–159.

Niebrzegowska 1996

Niebrzegowska S., *Polski sennik ludowy*, Lublin, 1996.

Orel 1942

Orel B., Ženitovanjski običaji na Dravskem polju niže Ptuja, *Etnolog*, 14, 1942, 96–110.

Rostafiński 1895

Rostafiński J., Zielnik czarodziejski to jest zbiór przesądów o roślinach, *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, 18, 1895, 1–191.

Sobotka 1879

Sobotka P., *Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice*, Praha, 1879.

References

Agapkina T. A., Belova O. V., Primeta, Slavianskie drevnosti. *Etnolingvističeskii slovar'*, N. I. Tolstoi, ed., 4, Moscow, 2009, 279–280.

Bartmiński J., Bączkowska G., Materiału do sennika ludowego, *Ethnolinguistics*, 1, 1988, 147–171.

Belova O. V., Erotičeskaja simbolika gribov v narodnykh predstavleniiakh slavian, *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture*, A. L. Toporkov, ed., Moscow, 1996, 317–322.

Budur N., *Povsednevnaia zhizn' koldunov i znakharej v Rossii XVIII–XIX vekov*, Moscow, 2008.

Diakonov I. M., *Kniga vospominanii*, St. Petersburg, 1995.

Đorđević T. R., *Priroda u verovanju i predanju našega naroda*, 2 (= Srpski etnografski zbornik, 72), Beograd, 1958.

Đapović L., *Smrt i onostranost u kletvama*, Beograd, 2009.

Drexel F. X., Das Traumbuch des Patriarchos Germanos, *Laografica*, 7, 1923, 428–448.

Eikhenbaum B. M., *O literature: raboty raznykh let*, Moscow, 1987.

Folfasiński S., *Polskie zagadki ludowe*, Warszawa, 1975.

Gasparov M. L., *Očerki istorii evropeiskogo stikha*, Moscow, 2003.

Grishchenkov R., comp., *Traditsionnye gadaniia na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2005.

Gura A. V., *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simbolika*, Moscow, 2012.

Gura A. V., Khor', *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, N. I. Tolstoi, ed., 5, Moscow, 2012, 458–459.

Gura A. V., Ob odnom arkhaicheskom sposobe motivirovki znacheniiia v snotolkovaniiakh, *Slavianskii al'manakh* 2018, 3–4, Moscow, 2018, 373–384.

Gura A. V., *Simbolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*, Moscow, 1997.

Gura A. V., Sistematika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi zoologii, *Mir zhivotnykh v mifopoeticheskom rakuze*, M. V. Zav'ialova, ed., T. V. Tsiv'ian, Moscow, 2017, 138–147.

Iakushkina E. I., Narodnyi sonnik iz Kargopol'ia, *Zhivaia starina*, 1999, 2 (22), 1999, 29–30.

Kulišić Š., Petrović P. Ž., Pantelić N., *Serbian mythological dictionary*, Beograd, 1970.

Lorents K., Behind the Mirror, Idem, *Behind the Mirror. Sbornik trudov*, A. V. Gladky, ed., Nyköping, 2016, 327–614.

Mečkovskaja N. B., *Iazyk i religii. Lektsii po filologii i istorii religii*, Moscow, 1998.

Miličević M. Đ., Kućanska slava, O krsnom imenu. *Zbornik*, S. Velmar-Janković, ed., Beograd, 1985, 75–121.

Nikolaev S. L., "Slovo o polku Igoreve": rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta, Moscow, St. Petersburg, 2020.

Niebrzegowska S., *Polski sennik ludowy*, Lublin, 1996.

Novichkova T. A., Epicheskoe svatovstvo i sva-debnyi obriad, *Etnograficheskie istoki fol'klornykh iavlennii* (= Russkii fol'klor, XXIV). Leningrad, 1987, 3–20.

Orel B., Ženitovanski običaji na Dravskom polju niže Ptuja, *Etnolog*, 14, 1942, 96–110.

Permyakova L. A., Podyukov I. A., Linguosemio-tic Aspect of Folk Mykonimy Description, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2 (18), 2012, 52–60.

Pevin N., Narodnaia svad'ba v Tolvuiskom pri-khode, Petrozavodskogo uezda, Olonetskoj guber-nii, *Zhivaia starina*, 2, 1893, 219–248.

Podyukov I. A. et al., *Etimologičeskii slovar' svadebnoi terminologii Severnogo Prikam'ia*, Usolye, Solikamsk, Berezniki, Perm, 2004.

Pomerantseva E. V., *Russkaia narodnaia skazka*, Moscow, 1963.

Potebnia A. A., O nekotorykh simvolakh v sla-vianskoj narodnoj poezii, in: Idem, *Simvol i mif v narodnoj kul'ture*. Moscow, 2000, 5–91.

Sedakova I. A., Bolgarskie predstavlennia o homo perfectus (na materiale rodil'noi obriadnosti), *Obraz cheloveka v iazyke i kul'ture*, S. M. Tolstaya, ed., Moscow, 2018, 145–159.

Snegirev I. M., *Russkie narodnye poslovyty i prit-chi*. Moscow, 1999.

Surikova O. D., "Prichitanii Severnogo kraia" E. V. Barsova kak istochnik izučeniia leksiki Rus-skogo Severa, *Slavic archaic areas inside Europe*, S. M. Tolstaya, ed., Moscow, 2019, 330–353.

Telbizov K., Vekova-Telbizova M., *Traditsionen bit i kultura na banatskite balgari* (= Sbornik za narodni umotvoreniia i narodopis, 51), Sofiya, 1963.

Tolstaya S. M., Kul'turnaia semantika i etimolo-giia, *Studia Etymologica Brunensia*, 3, Prague, 2006, 385–397.

Tolstoi N. I., Tolstaya S. M., Narodnaia etimo-logiia i etimologičeskaia magiia, *Slavianskaia etno-lingvistika: voprosy teorii*, Moscow, 2013, 182–196.

Toporov V. N., K ispol'zovaniu anagramma-tičeskikh struktur (analizy), in: Idem, *Issledovaniia po etimologii i semantike*, V. 1: Teoriia i nekotorye chastnye ee prilozheniia, Moscow, 2004, 708–755.

Toporov V. N., Ob indoevropeiskoi zagovornoj traditsii (izbrannye glavy), in: Idem, *Issledovaniia po etimologii i semantike*, V. 2: Indoevropeiskie iazyki i indoevropeistika, B. 2, Moscow, 2006, 360–428.

Toporov V. N., Rech' i reka / rechka (iz oblasti mnimyykh etimologičeskikh paradoksov), in: Idem, *Issledovaniia po etimologii i semantike*, V. 2: Indoevropeiskie iazyki i indoevropeistika, B. 2, Moscow, 2006, 198–223.

Toporov V. N., Reka, *Mify narodov mira. Entsiklo-pediia*, S. A. Tokarev, ed., Moscow, 1988, 374–376.

Toporov V. N., Semantika mifologičeskikh predstavlenii o gribakh, *Balkanica*, Moscow, 1979, 234–297.

Toporov V. N., Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologičeskom aspekte, *Issledovaniia po strukture teksta*, T. V. Tsvian, ed., Moscow, 1987, 121–132.

Trubachev O. N., Slavianskie etimologii 29–39, *Etimologičeskie issledovaniia po russkomu iazyku*, 2, P. S. Kuznetsova, ed., Moscow, 1962, 26–43.

Trubachev O. N., *Trudy po etimologii. Slovo. Isto-riia. Kul'tura*, 1. Moscow, 2004.

Tsvian T. V., *Model' mira i ee lingvisticheskie os-novy*, rev. 3th ed., Moscow, 2006.

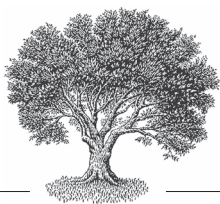
Uzeneva E. S., Usacheva V. V., Muká, *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, N. I. Tolstoi, ed., 3, 2004, 330–335.

Vlahović P., Prilog proučavanju krsne slave, *O krsnom imenu. Zbornik*, S. Velmar-Janković, Beo-grad, ed., 1985, 136–147.

Zelenin D. K., *Tabu slov u narodov vostochnoi Evropy i severnoi Azii*, Ch. 1: *Zaprety na okhote i inykh promyslakh* (= Sbornik Muzeia antropologii i etnografii, 8), Leningrad, 1929.

Александр Викторович Гура, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Россия / Russia
avgura@mail.ru

Received June 11, 2020

Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛОКАФ»: Как не стать Ремарком*

The Soviet Journal *LOKAF* on Foreign Literature: How not to Become Remarkable

Алла Олеговна Бурцева

Независимый исследователь,
Москва, Россия

Alla O. Burtseva

Independent scholar,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена работе редакции советского журнала «ЛОКАФ» (будущее «Знамя») с произведениями иностранных писателей в начале 1930-х гг. в контексте военной пропаганды в литературе. Опубликованные переводы и комментарии к ним рассматриваются как фактор формирования канона советской оборонной литературы. Из числа прочих иностранных писателей выделялись Э. М. Ремарк и Ч. Гаррисон, чьи тексты выходили с краткими редакционными предисловиями. В центре внимания редакции оказались романы «Der Weg zurück» и «Generals Die in Bed». Авторы обвиняли

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А. Благодарю Д. Г. Полонского и А. С. Федотова за ценные замечания по поводу этой статьи.
Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00549 А.

Цитирование: Бурцева А. О. Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛОКАФ»: как не стать Ремарком // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 347–367.

Citation: Burtseva A. (2021) The Soviet Journal *LOKAF* on Foreign Literature: How not to Become Remarkable. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 347–367.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

в так называемом «ремаркизме». Эта дефиниция затем вышла далеко за пределы критики иностранной литературы. Необходимость предисловий была мотивирована тем, что советский автор должен был обучаться на отрицательных примерах, создавая собственные произведения с оглядкой на них. Творчество Ремарка систематически оценивалось негативно, непонимание истоков «империалистической войны», «пацифизм» и «буржуазный гуманизм» ставились в вину автору. Ситуация с Гаррисоном была несколько сложнее, в его лице нужно было продемонстрировать советскому автору писателя, который постепенно эволюционирует к «пролетарскому художнику». Такие оценочные понятия, как «пацифизм», «гуманизм», «ремаркизм» и прочие, представляли собой характерные риторические приемы, призванные наметить для советского писателя необходимые ориентиры. При этом сами понятия выходили за пределы литературно-критического поля и представляли собой, по существу, часть общего идеологического фона в военной пропаганде 1930-х гг.

Ключевые слова

советская оборонная литература, пропаганда в литературе, ЛОКАФ, ремаркизм, Э. М. Ремарк, Ч. Гаррисон, история советской литературной критики

Abstract

The article deals with the editorial work of the Soviet literary journal *LOKAF* (the future *Znamia*) considering foreign writers in the early 1930s in the context of military propaganda in literature. Translations published in *LOKAF* and the commentaries on them are considered as a factor of Soviet defense literature (as the members of Literary Association of Red Army and Navy called it) canon formation. Among other foreign writers Erich Maria Remarque and Charles Harrison were out in the specific light. Their works (particularly *Der Weg zurück* and *Generals Die in Bed*) were given special attention. The writers were accused of so-called “remarquism”, and this concept expanded beyond the borders of foreign literature. The necessity for editorial notes was motivated by the viewpoint that Soviet defense authors had to learn from negative examples and take them into account. Remarque systematically received harsh criticism. He was accused of misunderstanding “imperialistic war”, “pacifism” and “bourgeois humanism”. The situation of Harrison was more complicated. He was considered as an author who gradually evolves towards “proletarian artist”. The concepts of “pacifism”, “humanism”, “remarquism” and others formed specific rhetorical patterns and had to show the Soviet defense authors landmarks to go by. These definitions moved beyond literature itself and were at fact a part of the whole ideological background in the military propaganda of the 1930s.

Keywords

Soviet defense literature, literary propaganda, *LOKAF*, remarquism, Erich Maria Remarque, Charles Harrison, Soviet literary criticism

Журнал «ЛОКАФ», позднее переименованный в «Знамя», был основным органом одноименной литературной организации в СССР в 1930-е гг. ЛОКАФ, т. е. Литературное объединение Красной Армии и Флота, был сформирован в 1930 г. в ответ на государственный запрос на так называемую «оборонную литературу» (как ее называли сами члены объединения). Круг людей, входящих в ЛОКАФ, объединяла задача с помощью литературы «крепить оборону страны». С этой целью, с одной стороны, к созданию оборонной литературы привлекались профессиональные авторы и литературные критики, с другой — создавались литературные кружки в частях РККА. Тематика оборонных произведений не обязательно должна была быть сугубо военной, однако подразумевалось, что, создавая и потребляя специальные тексты, советский писатель и читатель готовятся к будущей войне.

Организационная деятельность объединения затрагивалась в работах Е. А. Добренко [1993; 2000], З. С. Закружной [2019; см. также Закружная, Московская 2018], А. В. Сысоевой [2019; 2020], однако подробного анализа структура журнала «ЛОКАФ» до его переименования в «Знамя» не получала. Существует, однако, гипотеза, согласно которой деятельность объединения и одноименного журнала стала одним из истоков формирования соцреалистического канона¹ [Добренко 2000; Закружная 2019]. Вместе с тем оборонная литература жила по своим внутренним законам и формировала свой набор канонических авторов.

В современных исследованиях история ЛОКАФ ведется от обращения группы писателей, которое было напечатано в «Литературной газете» 26 июня 1930 г. под характерным заглавием «Красная армия ждет своего писателя» [Закружная, Московская 2018: 13]. Добренко справедливо замечает, что объединение было сформировано не на пустом месте:

¹ Говоря о каноне, мы в первую очередь имеем в виду так называемый соцреалистический канон, как он обозначен в одноименной сборнике; см. [Гюнтер, Добренко 2000]. Речь идет в большей степени о советском идеологическом проекте, нежели о списке «образцовой» литературы, уже набравшей культурный капитал, как это понимают социологические теории канона (см., например, [Guillory 1993]). Это не означает, что советская литература не была подвержена институциональной канонизации через, например, школу (см. [Malygin 2012]) или систему премирования. Однако для соцреалистического канона оказывается решающей нормативная эстетика. При этом, как кажется, такие организации, как ЛОКАФ или РАПП, претендовали на то, чтобы поучаствовать в становлении канона и формировании этой эстетики. Оборонная литература была в этом смысле достаточно продуктивна и позднее нашла свое место в соцреалистическом дискурсе. Тем не менее и здесь имеет смысл говорить о канонизированных авторах или текстах (для оборонной литературы это в первую очередь произведения Дмитрия Фурманова). В статье из сборника «Соцреалистический канон» также была предпринята попытка применить к канону соцреализма теорию поля Пьера Бурдьё [Геллер, Боден 2000; см. также Бурдьё 2005]. Однако, как кажется, теория поля применительно к советской литературе должна работать в несколько иной схеме [Lovell 2000: 18–24].

ЛОКАФ явился сложным сплавом: если судить по составу деятелей, вошедших в его руководство, мы обнаружим здесь и деятелей РАППа, и Литфронта, и «Кузницы», и военно-политических институтов, и просто энтузиастов. Новая организационная структура еще до своего оформления имела достаточные материальные возможности для собственного периодического издания — альманаха «Залп», четыре «очереди» которого вышли в Ленинграде в 1930 году. Субсидировал издание ПУРККА (Политическое Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии), и эта связь с армейским политуправлением не только не камуфлируется, но, напротив, постоянно и с гордостью подчеркивается. Собственно, о связи говорить здесь, очевидно, не следует. Если взглянуть на коллективную фотографию членов Центрального Совета ЛОКАФ, то можно обнаружить лишь несколько человек в штатском — все остальные были попросту военными журналистами или сотрудниками ПУРККА [Добренко 2000: 227].

Состав Центрального совета был, тем не менее, довольно обширен. Согласно публикации в «Литературной газете», туда вошли 48 человек [Кальм 1930; см. также Закружная, Московская 2018: 14], включая, например, Максима Горького, Всеволода Вишневского, Всеволода Мейерхольда, Демьяна Бедного. Мы не ставим перед собой задачу ответить на вопрос, насколько все эти «люди в штатском» (исключая Вишневского) реально были включены в активную деятельность ЛОКАФ. Однако стоит отметить, что среди прочих в составе совета упоминается Леонид Дегтярев — будущий ответственный редактор журнала, о котором пойдет речь.

В состав редакции также входили Мате Залка, Александр Исбах, Владимир Луговской, Сергей Мстиславский, Семен Рейзин, Павел Слесаренко, Александр Тарасов-Родионов, Степан Щипачев. Редакция строила большие планы по привлечению молодых авторов, формулируя свою позицию следующим образом (цитируем редакционное письмо, адресованное литкружковцам и опубликованное в номере 5–6 журнала):

Писатель красноармеец и краснофлотец имеет возможность непосредственно наблюдать все процессы, происходящие в Красной армии и флоте — организация социалистических форм труда, ударничество и соцсоревнование, вопросы боевой подготовки, одоление учебы, техники, помощь социалистическому строительству, рост классового сознания бойца. Наблюдает и теневые стороны — отдельные прорывы, проникновение классово чуждых элементов в сплоченный трудовой коллектив Красной армии и флота и т. п.

Нужно все это художественно показать, полностью осветить жизнь и быт Красной армии и флота, как кузницы, выковывающей борцов за социализм, тщательно подходя к каждому факту, к мельчайшим подробностям учебы, быта,ковки сознания, отмечая все процессы, все вопросы, стоящие в повест-

ке сегодняшнего дня Красной армии. Показать теснейшую связь красноармейцев с трудящимися города и деревни, взаимопомощь, взаимодействие, общую борьбу за социализм [ЛОКАФ 1931/5–6].

Машинопись этого документа хранится в РГАЛИ (Ф. 618. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10–11) и содержит незначительные отличия. Так, для публикации в журнале были вставлены «вопросы боевой подготовки». Тематически они должны были стать одним из основных направлений очерков о бойцах-ударниках. Авторство письма установить не удастся, машинопись завизирована инициалами «ЛД», что, по всей видимости, указывает на Л. Дегтярева.

Вопреки декларируемому поиску новых кадров, нельзя сказать, что непрофессиональные авторы в «ЛОКАФ» доминировали. На его страницах публиковались Всеволод Иванов, Владимир Луговской, Артем Веселый — уже достаточно опытные писатели. Тем не менее, критические разделы журнала адресовались писателю, который хотел войти в круг оборонных авторов и готов был пройти обучение или переобучение.

Именно «ЛОКАФ» имел все ресурсы, чтобы формировать основные тематические направления оборонной литературы, очерчивать круг авторов, задавать тон литературно-критических статей. Этим же задачам, как мы покажем, отвечала и критика на страницах журнала зарубежных авторов.

Предполагалось, что журнал будет состоять из нескольких разделов, и, как следует из протоколов заседаний редакции и переписки, его содержание пытались структурировать, однако происходило это с переменным успехом. В РГАЛИ в фонде редакции журнала «Знамя» хранится машинопись, датируемая началом 1931 г. Это обращение ко всем членам редколлегии. Автора по машинописи установить не удастся, это мог быть как ответственный редактор (впрочем, в письме упоминается, что он в командировке), так и, например, Рейзин, активно участвовавший в планировании будущего журнала, или любой другой видный член ЛОКАФ. В письме говорится:

Начиная уже со второго номера, верстка журнала должна быть уточнена и само строение журнала должно стать более четким и органически завершенным. Для этого журналу необходимо, прежде всего, расчленение материала по рубрикам постоянных отделов. В первом номере это разделение произведено лишь механически, путем соответственного порядка расположения материала. При верстке второго номера крайне желательно иметь продуманные и утвержденные редколлгией постоянные заголовки отделов (по примеру «Красной Нови», «Октября», «Нового мира» и др.) [РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1].

Структура журнала вопреки желаниям редакции оставалась подвижной, однако неизменно выделялся литературно-критический раздел «На фронтах литературы» и переводной блок. Последний составлялся из произведений иностранных авторов в переводе на русский язык, иногда с небольшой редакционной справкой о публикуемом тексте. Выбор иностранных авторов был довольно широк, и редакция, очевидно, не руководствовалась идеей публиковать только нужных и «правильных» авторов. Одни тексты должны были стать примером для советского оборонного литератора, другие сигнализировали о том, на кого ни в коем случае нельзя быть похожим. Редакционная справка фактически объясняла читателю (и потенциальному автору оборонного текста), как следует оценивать то или иное произведение, опубликованное в журнале. Таким образом формировался круг по сути «антиканонических» текстов. В первый год существования журнала среди таких текстов оказались произведения Эриха Марии Ремарка и Чарльза Гаррисона, которые предвараются самыми крупными и наиболее риторически оформленными редакционными заметками. Авторы заметок нам пока установить не удалось.

Уже во втором номере «ЛОКАФ» за 1931 г. был опубликован отрывок из романа Ремарка «Der Weg zurück» под заголовком «Обратный путь» с пометой «Перевод с немецкого М. Зальдович и А. Гурлянд» (информации о переводчиках нам найти не удалось, сам текст перевода малоизвестен, он не упоминается ни в библиографиях, ни в исследованиях о творчестве Ремарка). Полностью роман был опубликован в том же 1931 г. в рижском издательстве «ORBIS», в 1933 г. он вышел на страницах журнала «Интернациональная литература» в номере 3 в переводе И. Горкиной, а в 1934 г. редакция оборонного журнала (тогда уже «Знамени») вновь обратилась к роману, напечатав его в номере 7 в том же переводе, что и в «Интернациональной литературе». Таким образом, перевод отрывков создавался специально для публикации в «ЛОКАФ» в 1931 г.

В редакционной заметке говорилось: «Новый роман Ремарка [...] продолжает и даже ухудшает “традиции” книги “На западе без перемен”» [ЛОКАФ 1931/2: 81]. Упомянутый роман «На Западном фронте без перемен» занимал особое место в советском оборонном дискурсе. В 1930 г. он был даже включен в программу школы колхозной молодежи [Malygin 2012: Anhang 3], во втором мартовском выпуске ленинградского оборонного сборника «Первый Залп. Вторая очередь» Ремарк упоминается скорее в положительном контексте и ставится в один ряд с канонизированными уже Дмитрием Фурмановым и Александром Фадеевым: «Новые Фурмановы, молодые Фадеевы, советские Ремар-

ки должны обогатить пролетарскую литературу ценнейшими художественными вкладами» [Поляк 1930: 3]. Однако вскоре советская литературная пропаганда (и в том числе «Залп», к тому времени ставший журналом, в номере 10 от 1931 г.) охарактеризовала роман как «пацифистский» и «империалистический» (показателен в этом отношении случай пьесы Вишневского «На Западе бой» (поставлена в 1933 г.), которая фактически была «ответом» на роман Ремарка). Наконец, именно в 1930-е гг. в советской литературной критике возникает понятие «ремаркизм», подразумевающее негативную оценку².

«Ремаркизм», как выяснилось, придумали вовсе не советские литературные критики. В июне 1930 г. в заметке Александра Лейтеса в «Литературной газете» была упомянута «публичная литературная дискуссия» «Ремаркизм или активизм?», состоявшаяся в Германии при участии Людвиг Ренна [Лейтес 1930]³. Действительно, в журнале «Die neue Bücherschau» в июле 1929 г. вышла заметка «Remarquismus oder Aktivismus?» по мотивам этой дискуссии, подписанная Franz Hammel. В заметке цитируется то же самое высказывание Ренна, что и в «Литературной газете», дословно⁴ повторяется оно и в «ЛОКАФ» (по-видимому, фраза была переведена с немецкого оригинала):

Я вижу сегодня, что Ремарк и я совершили большую ошибку. Наши книги надо было писать совершенно иначе. Я написал свою книгу несколько лет назад, связанный с мелкобуржуазной идеологией, сегодня я знаю, что только один есть путь, ведущий к миру, — это последовательный путь пролетарской революции [ЛОКАФ 1931/2: 83; ср. Лейтес 1930]⁵.

Такая оценка Ремарка, однако, не помешала публикации вышеупомянутых переводов, кроме того, он продолжал входить в программы литкружков [ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 5]. Читатель и в первую очередь оборонный автор должны были прийти к выводу, что Ремарк и подобная его романам литература искажает истинное видение войны. Этому и должны были способствовать редакционные заметки. Редакция «ЛОКАФ» продолжала:

² См., например, [Гельфанд 1931]. Эта статья, однако, вышла позже, чем случились первые упоминания ремаркизма в «ЛОКАФ».

³ Позже, в 1932 г., «ЛОКАФ» опубликовал статью Лейтеса «Как они “обыгрывают” войну? О новых тенденциях в буржуазной военной беллетристике», где тот критикует Ремарка за «пацифизм, вползающий в фашизм» [Лейтес 1932: 124].

⁴ С незначительными изменениями в пунктуации.

⁵ Ср.: Ich sehe heute ein, daß Remarque und ich einen großen Fehler begangen haben — diese Bücher hätten anders geschrieben werden müssen. Mein Buch schrieb ich vor mehreren Jahren; damals war ich noch kleinbürgerlich befangen — heute weiß ich, daß nur ein Weg uns zum Frieden führt: der konsequente Weg der Revolution! [Hammel 1929].

Уже первая книга Ремарка [...] была [...] разоблачена, как выполнение конкретного социального заказа империализма; под маской пацифизма и внешней оппозиционности убедить трудящихся в том, что война — это рок, рок ужасный, кошмарный, но неотвратимый [ЛОКАФ 1931/2: 81].

Из этого заявления можно извлечь содержание понятия «пацифизм» в советской оборонной критике. Одной из своих целей ЛОКАФ видел «борьбу с пацифизмом», который считался маскировкой для подготовки новой войны. «Мирная советская политика», с другой стороны, должна была пацифизм разоблачить, чтобы быть готовыми к новой войне [Добренко 1993: 188–189]. Понятие «неотвратимости войны» также получало противоречивое наполнение. С одной стороны, критики в этом отношении обвиняли Ремарка в пацифизме и империализме. С другой — оборонная литература, по сути, следовала одному из идеологических тезисов раннего сталинизма о неотвратимости классовой войны и готовила читателя к ней. Пацифизм, по мнению ЛОКАФ, с классовой войной никак не сочетался: «[...] в книге Ремарка [...] нет ни грана революции [...] Она парализует волю к протесту [...] Книги [sic!] Ремарка и ей подобные [...] идут в авангарде подготовки к новой войне» [ЛОКАФ 1931/2: 81].

Таким образом, от оборонного автора ожидалось, что он будет прославлять революцию каждый раз, когда говорит о войне. В противном случае он рискует оказаться в ситуации, когда критика назовет его империалистом, убеждающим трудящихся в том, что борьба бесполезна и они не смогут противостоять нападению.

Тем не менее о Ремарке и других авторах никогда не пишут, что они сознательные империалисты (Ремарка и вовсе называют автором «наивных обобщений» [ЛОКАФ 1931/2: 82]). Фактически это означает, что «правильная» советская оборонная литература должна заниматься перевоспитанием авторов. Им следует взглянуть на романы Ремарка и сделать наоборот. Редакторы «ЛОКАФ» также заявляют, что Ремарк даже не пытается дать происходящему социальную оценку, и это также сигнал для оборонного автора. Каждое его произведение должно соответствовать классовому пониманию империалистической войны и делать различие между империалистической и классовой войной.

В связи с Ремарком в советской оборонной критике также появляется понятие «героизм». В заметке утверждается, что «Ремарк пытается воскресить героiku войны, идеологию войны» [ЛОКАФ 1931/2: 82] (складывается впечатление, что авторы заметки прочли роман несколько невнимательно). В этом состоит еще один парадокс оборонной литературы. С одной стороны, в ней нет места личному героизму, особенно когда речь идет о Первой мировой войне. С другой, в 1930-е гг. уже оформляется образ героя Гражданской войны [Закружная 2018:

175–177]. Советский оборонный дискурс, таким образом, оказывается принципиально амбивалентен, и это касается не только «героизма», но и других понятий.

Закончив рассуждать о Ремарке, редакция делает несколько замечаний относительно мировой литературы: «Литературе, разливающей яд пацифизма, мы должны противопоставить свою подлинно-интернациональную, антимилитаристскую литературу» [ЛОКАФ 1931/2: 83]. Антимилитаризм в советской оборонной литературе оказывается противопоставлен пацифизму по линии «противостояние vs. капитуляция». Молодой автор должен видеть здесь четкое различие и постоянно спрашивать себя, а не ремаркист ли он.

Примененные к Ремарку категории оказались настолько удобными, что их использовали и применительно к самой советской литературе (наиболее показательна статья Николая Свирина⁶ «Против пацифистских тенденций в советской литературе», вышедшая в том же году в номере 9 со сноской «Из речи на 4 пленума правления РАПП» [Свирин 1931a: 116]). Свирин использует те риторические паттерны, которые были опробованы на Ремарке⁷, заговаривает о «перестройке писателя» [Ibid.: 116], называет книгу советского автора «ремаркистской» [Ibid.: 117] и беспокоится по поводу «непонимания расстановки классовых сил» [Ibid.: 118].

Свирин, конечно же, не может не сослаться в своих рассуждениях на зарубежную литературу как отрицательный пример:

В последнее время мы сравнительно много уделяли внимания пацифизму в западной литературе. Это хорошо и совершенно необходимо. Однако, устремив взор на Запад, мы иногда не замечаем того, что делается у нас под носом. Мне кажется, важнейшая задача ЛОКАФ, важнейшая задача марксистской критики заключается сейчас в том, чтобы объявить решительный бой пацифистским иллюзиям и настроениям в советской литературе, драматургии и кино [Ibid.: 118; здесь и далее разрядка по источнику. — А. Б.].

Именно в этой статье, как кажется, виден процесс переноса понятия «пацифизм» на советскую литературу. Оно ставится знаком того, перестроился писатель или нет. Корни пацифизма Свирин, разумеется, находит в «социально-экономических условиях дореволюционной России»

⁶ Один из ключевых членов ЛОКАФ, был, в частности, ответственным редактором ленинградского «Залпа».

⁷ Надо сказать, что, в частности, понятие «пацифизм» и на идеологическом уровне опробовано было сначала на иностранных публицистах и политических деятелях. См. [Ленин 1973]; по информации, указанной в Полном собрании сочинений, статья Ленина «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» была написана в 1917 г., но опубликована (а значит, включена в идеологический контекст) только в 1924 г.

[Свирин 1931: 118]. При этом Свирин смешивает понятия «пацифизм» и «антимилитаризм», что противоречит установке, обозначенной в редакционной заметке о Ремарке, где эти две вещи противопоставлялись. Есть, таким образом, антимилитаризм, приравняемый к пацифизму, и антимилитаризм, ему противопоставленный⁸.

Тональность оценки Ремарка в 1934 г., когда роман был опубликован в «Знамени» в переводе Горкиной, в целом не изменилась. На этот раз предваряющая заметка не была анонимной, ее написал Карл Радек, который ранее выступил автором предисловия к «На Западном фронте без перемен» (1929)⁹. Озаглавленная «Мелкий буржуа возвращается с войны», заметка в целом повторяла оценки 1931 г. Называя Ремарка «выхолощенным мелким буржуа» [Радек 1934: 17], Радек таким образом проводит черту между ним и советским оборонным автором. Тот вновь получает дополнительный сигнал о том, что на Ремарка ориентироваться не стоит. Заметка, однако, сосредоточена на самом Ремарке и других немецких авторах, конкретных рекомендаций в ней нет.

Другим характерным «отрицательным примером» для оборонного автора чуть было не стал Чарльз Гаррисон. Отрывок из его романа «Generals Die in Bed» был опубликован в номере 4 за тот же 1931 г. Гаррисону достались чуть более мягкие оценки, чем Ремарку. В начале редакторы «ЛОКАФ» заявляют: «Чарльз Гаррисон — несомненно талантливый эпигон Ремарка — в некоторых своих положениях идет дальше, чем Ремарк» [ЛОКАФ 1931/4]. Неожиданно авторы заметки признают, что «Ремарк очень логичен в подаче материала. Он сохраняет “скорлупу объективности” в своем отношении к ужасам и явлениям войны. Он монтирует композицию увлекательно и дает трагедию так, что она притягивает и возбуждает» [Ibid.]. Оборонному автору, таким образом, на этом этапе разрешается заимствовать у Ремарка или Гаррисона формальные приемы изображения.

Далее в заметке говорится: «Но на ряду [sic!] с несомненными художественными достоинствами [...] читатель ясно видит, что ремаркисты тщательно избегают ВЫВОДОВ. Их книги — гигантские знаки вопроса» [ЛОКАФ 1931/4]. Характерно, что авторы заметки обобщают круг авторов, похожих на Ремарка, называя их «ремаркистами». Ремарк, таким образом, становится знаковым автором для советской оборонной литературы, занимающим противоположный формирующемуся канону полюс.

⁸ Надо сказать, что многие термины, которыми оперировали авторы критических статей «ЛОКАФ», имели конкретное идеологическое содержание, почерпнутое из работ Ленина, Сталина и проч. Случай с антимилитаризмом в статье Свирина, возможно, обусловлен оговоркой или редакторской невнимательностью. В целом же транслируемые оценки должны были быть вполне понятны современнику.

⁹ В предисловии понятие «ремаркизм» еще не встречается.

Тезис о «знаках вопроса» в целом вписывается в концепцию «наивного автора». Ремарк и Гаррисон, по мысли авторов заметки, не знают ответов на вопрос об истоках войны, а советский оборонный автор должен задуматься над ним и дать единственный доктринально верный ответ. Советская литературная пропаганда не оставляет места для сомнения и ждет от писателя безапелляционных заявлений о том, откуда берется война и как она должна превратиться в классовую. Автор же вынужден следовать правилам этой игры, руководствуясь методом диалектического материализма, что бы под этим ни понималось.

Заметка о Гаррисоне завершается обобщением:

О войне, — говорим мы ремаркистам — можно писать только против войны, — вернее, — за войну гражданскую, ведущую нас к революции.

Но для этого нужна решимость бойца, а не печальные размышления обиженного пацифиста [ЛОКАФ 1931/4].

Таким образом окончательно закрепляется антитеза: империалистическая война или классовая, борьба или пацифизм. Этот тезис был обращен, разумеется, не к Ремарку и Гаррисону¹⁰, а к писателю, желающему напечататься в «ЛОКАФ».

Рисуя обобщенный образ ремаркиста, авторы заметки прямо называют Гаррисона эпигоном Ремарка, хотя никаких прямых сведений о том, что роман «Генералы умирают в постели» был создан под влиянием Ремарка, нет. Более того, отрывок из романа Гаррисон напечатал в американском коммунистическом журнале «New Masses» в июле 1929 г. [Harrison 1929a], едва ли не одновременно с выходом романа «На Западном фронте без перемен» на английском. Однако, желая закрепить понятие «ремаркизм» в собственном риторическом аппарате, чтобы в дальнейшем применять его к критикуемым авторам, и учитывая его популярность, редакция журнала, по-видимому, решила поставить Гаррисона выше Ремарка. В заметке утверждается, что Гаррисону до некоторой степени удалось продемонстрировать истоки империалистической войны и классового конфликта, так как он разделил своих героев на две противоборствующие группы. Таким же образом должен был эволюционировать и советский автор в том случае, если его произведения оценивались как пацифистские.

В ноябре 1931 г. в номере 11 журнала «ЛОКАФ» появляется краткая рецензия на роман Гаррисона в разделе «Библиография» («Генералы умирают в постели» как раз недавно вышел в ГИХЛе в переводе

¹⁰ Показательна, однако, дважды повторенная у Радека претензия, что Ремарк ничего не ответил на высланную ему анкету, тем самым вновь разоблачив самого себя как буржуа, которая звучит едва ли не как личная обида [Радек 1934: 17, 18].

М. Волосова). Л. Гладков, автор рецензии, оценивает роман Гаррисона существенно выше, что его предшественники в четвертом номере¹¹. Причина здесь вполне очевидна: «Гаррисон принимает близкое участие в радикальном и революционном движении» [Гладков 1931: 149]. Открытая симпатия редакции «New Masses» по отношению к СССР не может не повлиять на оценочные суждения о ее членах, к которым принадлежал Гаррисон. Более того, Гладков заявляет, что «[...] уже после того, как эта книга была переведена на русский язык и издана у нас, Гаррисон поместил в одной из крупных американских газет статью против ремаркизма» [Ibid.: 149]. Гаррисон действительно отрецензировал в «New Masses» два романа Ремарка — «На Западном фронте без перемен» [Harrison 1929b] и «Возвращение» [Idem 1931]. О первой книге Гаррисон пишет: «Мне [...] книга, пока я ее читал, показалась чем-то большим, чем просто литературой о войне — это сама война»¹², затем, впрочем, замечает, что Ремарк неправ в том, что войну забудут: «Те из нас, кто прошел войну, не забудут ее никогда [...] это то, что отъявленные милитаристы любят видеть на страницах книг о войне»¹³. Гаррисон критикует и образ «потерянного поколения», апеллируя к тому, что в то самое время, когда герой Ремарка предается «пораженческим размышлениям»¹⁴, «[...] [н]а улицах Берлина строят баррикады люди не старше Ремарка»¹⁵ [Idem 1929b: 18–19]. Тем не менее в конце Гаррисон хвалит книгу как «достойный образец реализма»¹⁶, отдавая, впрочем, предпочтение Дж. Дос Пассосу [Ibid.: 19]. Что касается «Возвращения», здесь Гаррисон уже критикует Ремарка за отрицание революции: «Что ж, для Ремарка революция — это конец солдатского товарищества. Брат сражается с братом. Земляк сражается с земляком. Как жаль, говорит он, и если есть в книге какой-то “посыл”, то он таков»¹⁷ [Idem 1931: 17]. Гаррисон, очевидно, не доходит до таких обобщений, которые приписывает ему Гладков.

Первая рецензия, написанная в 1929 г., не согласуется с утверждением о том, что Гаррисон был эпигоном Ремарка. Сдержанная критика

¹¹ В номере 6 вышеупомянутого «Залпа» за 1932 г. также вышла рецензия на «Генералы умирают в постели». По сути, она повторяет оценки Гладкова.

¹² To me [...] the book seemed, as I read it, something more than a mere piece of war literature—it was war itself. Здесь и далее перевод наш.

¹³ Those of us who have lived through the war will never forget it [...] it is the sort of stuff which the arrant militarist likes to see written about war.

¹⁴ Defeatist thoughts.

¹⁵ In the streets of Berlin the barricades are lined by men no older than Remarque.

¹⁶ Fine piece of realism.

¹⁷ Well, to Remarque, revolution is the end of soldierly companionship. Brother fights brother. Townsman fights townsman. This is regrettable, he says, and if the book has any “message” this is his message.

Гаррисона в целом даже не противоречит тому, что написано о Ремарке в редакционной заметке «ЛОКАФ». По всей видимости, редакция потопилась причислить симпатизирующего СССР автора к ремаркистам и, осознав свою ошибку, поставила перед Гладковым задачу охарактеризовать Гаррисона иначе. В рецензии он оказывается уже не ремаркистом, а «анти-ремаркистом» (здесь видно, как быстро может меняться «оборонная» оценка, формируя при этом еще одну оппозицию). Тем не менее Гладков не может написать рецензию, которая опровергала бы написанное в номере 4. Поэтому его оценка строится на том, что, когда Гаррисон писал роман, он был «мелкобуржуазным гуманистом». Здесь в оборот вводится еще одна категория, хорошо знакомая оборонному литератору. Наряду с пацифизмом в журнале осуждался гуманизм, который также трактовался как подготовка к новой войне [Добренко 2000: 229]. Ситуация с понятием «гуманизм» в советской литературной критике в начале 1930-х гг. была, впрочем, несколько сложнее, чем с пацифизмом. На позициях отрицания гуманизма, который, по-видимому, понимался как отказ от классовой борьбы, находилась РАПП, с которой ЛОКАФ часто сходил в оценках¹⁸. В связи с дискуссией вокруг «Перевала» и его представлениях о «новом гуманизме» рапповцы отвергали само это понятие применительно к литературе соцреализма [Белая 2000: 253–254]. Однако в 1934 г. Горький противопоставил буржуазному гуманизму «гуманизм Маркса — Энгельса — Сталина, — гуманизм, цель которого — полное освобождение трудового народа всех рас и наций из железных лап капитализма» [Горький 1934]. «ЛОКАФ» успел переориентироваться еще раньше и, уже будучи «Знаменем», опубликовал в номере 6 за 1933 г. рассказ Н. Огнева «Гуманность», где герои спорят о разных ее типах. Тем не менее, в 1931 г. «ЛОКАФ» отрицает его полностью и даже публикует в номере 12 статью «Против воронщины и гуманизма», где, по сути, повторяет тезис Леопольда Авербаха о том, что гуманизм несовместим с классовой борьбой. Так формируется еще одна линия аксиологии критических статей в «ЛОКАФ».

Относительно ремаркизма Гладков в оценках выступает также осторожнее, чем его предшественники. Гаррисон уже не ремаркист, но на его романе «в сильнейшей степени сказалось влияние ремаркизма» [Гладков 1931: 149]. Ремаркизм, таким образом, понятийно становится шире отсылки к Ремарку — не обязательно быть его эпигоном, чтобы воспроизводить похожие принципы изложения. Характерно, что Гладков повторяет мысль о «выводах», высказанную редакцией в номере 4:

¹⁸ О связи ЛОКАФ с РАПП см. [Добренко 2000: 228–229]. См. также статью Рейзина «Лицом к творческим вопросам», где тот указывает на «неразрывную идейно-политическую связь с РАППом» [Рейзин 1931: 138].

Он не делает тех выводов, которые сделал бы пролетарский художник. Гаррисон только констатирует факты, дает эмпирические зарисовки виденного им в империалистической войне. И, наконец, Гаррисон, как и Ремарк, против всякой войны. Он прежде всего гуманист и пацифист. Но в романе Гаррисона есть элементы подлинной революционности [Ibid.].

Сравнение с Ремарком появляется, но идет уже не по принципу эпигонства. Ремаркизм начинается восприниматься как «поветрие», охватившее зарубежную и отчасти советскую литературу. Фактически это понятие отделяется от Ремарка как такового. Ситуация «писатель не может сделать выводов» удачно экстраполируется на советского автора — именно он, а не Гаррисон будет адресатом этой рецензии. Выводы, разумеется, очевидны и должны осмысляться в контексте классовой борьбы.

Тем не менее Гладков в рецензии выступает, по сути, адвокатом писателя, утверждая, что «путь Гаррисона это путь к пролетариату» [Гладков 1931: 149]. К пролетариату Гладков отсылает и в связи с интернационализмом: «И в самом романе мы легко можем найти свидетельства этого интернационализма, но пока еще не классового, пролетарского. А интернационализма гуманистического и пацифистского» [Ibid.]. Оборонная риторика здесь вновь амбивалентна. Скоро она породит два вида гуманизма, а на этапе 1931 г. уже заводится речь о двух интернационализмах, противопоставленных по тому же принципу, что пацифизм и антимилитаризм. Гладков, транслирующий установки объединения, пытается конкретизировать, что такое настоящая оборонная литература, за счет введения еще одной переменной.

Эволюцию автора, пишущего о войне, Гладков видит следующим образом:

[...] мировоззрение Гаррисона ближе к мировоззрению революционного пролетариата, он более отчетливо, чем Ремарк (хотя еще в этом Гаррисон далеко отстал от художников пролетариата), видит причины, вызвавшие империалистическую войну, а вместе с тем и начинает понимать классовые противоречия, заложенные в капиталистическом обществе. Он художественно ярко и убедительно показывает, как солдатская масса начинает также осознавать эти противоречия [Гладков 1931: 149–150].

Гаррисон для Гладкова — способный ученик, который пишет, ориентируясь на коммунистическую повестку. Однако он характеризуется как отстающий от безупречной пролетарской культуры. Самоуверенность автора статьи в целом характерна для критиков «ЛОКАФ» — иностранному автору есть чему поучиться у признанных пролетарских художников. Фактически речь идет о том, что у любого писателя есть шанс исправиться и воспринять художественные принципы соцреализма и, в

частности, ЛОКАФ. Приведенная цитата также встраивается в характер работы с «попутчиками» — ЛОКАФ всячески стремился привлечь их на свою сторону.

Так как Гаррисон остается недостаточно пролетарским художником, Гладков повторяет обозначенные его предшественниками характеристики: «Правда, здесь нет еще сознания необходимости революции. [...] И эта половинчатость, неумение, а может быть и боязнь сделать решительные *выводы* [курсив наш. — А. Б.] довлеет над всей книгой» [Гладков 1931: 150]. Предшественники Гладкова в номере 4 также сводили недостатки «ремаркистов» к отсутствию выводов, волновавших редакцию до такой степени, что слово даже было целиком набрано прописными (см. вышеприведенную цитату). Гладков, скорее всего, повторяет эту мысль сознательно. Эта заикленность на необходимости выводов должна была отображаться в произведениях советских авторов парадоксальным образом: выводы, к которым должны органически прийти писатели, на самом деле заранее известны. Гаррисон виноват в том, что никто ему их не подсказал, но советского автора можно направить в нужную сторону.

Разумеется, Гладков в своей рецензии не может обойти пацифизм и гуманизм, высказываясь уже конкретнее, чем редакция в номере 4:

«Общечеловеческий» гуманизм и пацифизм, стремление никого не обвинять, а дать лишь эмпирическую фотографию событий, т. е. все то, что характерно для творческого метода Ремарка, в очень значительной мере характерно и для романа Гаррисона.

Поэтому, говоря о книге Гаррисона, необходимо говорить и о ремаркизме, как об одном из опаснейших и распространеннейших течений в западной литературе о войне, течений, оказывавших иногда сильное воздействие и на наших советских писателей.

[...]

Гаррисон и Ремарк ненавидят войну вообще, т.-е. не делают различия между войной революционной и войной реакционной.

[...]

И наша задача, задача марксистской критики, бороться с «буржуазно-демократическим осуждением войны вообще» [Гладков 1931: 150–151].

Гладков корректирует понятие гуманизма ремаркистов, называя его «общечеловеческим», однако еще не доходит до противопоставления его пролетарскому, как это будет сделано позднее. Противоречия сам себе, Гладков вновь возвращается к определению Гаррисона как ремаркиста, хотя и выражается аккуратно. Показательна здесь уже прямая апелляция к адресатам рецензии — советским писателям, они, как и Гаррисон, должны идти по пути сопротивления ремаркизму. Наконец, противопоставляются реакционная и революционная войны, осуждается

из них только первая. Однако в конце Гладков заявляет: «Гаррисон — писатель, идущий к нам, а не от нас» [Гладков 1931: 151]. И далее:

И лишь тогда, когда мировоззрение революционного пролетариата станет мировоззрением Гаррисона, пессимизм деклассированного мелкого буржуа сменится оптимизмом класса, верящего в свою победу [Ibid.].

Автор рецензии выступает с позиции демиурга оборонного литературного процесса. Гаррисон — и тем более Ремарк — вряд ли могли бы напрямую воспринять этот призыв (как кажется, Гаррисон был бы в большой степени удивлен тем, чем его сначала записали в ремаркисты, затем в антиремаркисты, а после все же пришли к выводу, что он испытывает влияние ремаркизма как литературного феномена). Эта рецензия закрепляет обозначенный выше тезис: ремаркизм шире самого Ремарка, это уже не просто влияние конкретного автора, это тенденция, которой советскому оборонному писателю следует опасаться, прибегая к самоцензуре.

Соцреализм был объявлен единственно верным литературным методом позже, однако оборонная литература органично в него влилась. По выражению Добренко, «[с]оцреализм есть нормативная эстетика особого рода. [...] Эта норма определяет не “творчество”, как обычно, но *самую ситуацию творчества*» [1999: 132; курсив Добренко. — А. Б.]. Советская оборонная литература на начальном этапе развития видела своей целью не просто привлечь писателей на свою сторону, но перевоспитать их, в том числе действуя от противного. Случай Ремарка и Гаррисона показателен в том смысле, что в начале 1930-х гг. редакции журнала «ЛОКАФ» было важно не только охарактеризовать «неправильные» тексты, но и вновь продемонстрировать их потенциальному автору. Читателю романы Ремарка и Гаррисона были и без того доступны, но их появление на страницах журнала свидетельствовало об особом внимании объединения. Критический анализ иностранных писателей становился одним из факторов формирования канона оборонной литературы, выстраивая круг анти-образцов. 1931 год, когда эти анти-образцы появились на страницах «ЛОКАФ», Х. Гюнтер относит к началу фазы канонизации соцреализма, «в которой канон формируется как более-менее систематическое целое по отношению к другим традициям» [Гюнтер 2000: 281]. Однако канону оборонной литературы необходим свой, по выражению Гюнтера, строительный материал, и его не всегда хватает (среди образцов военного романа, возникших в предшествующей фазе, Гюнтер называет «Разгром» Фадеева). Отсюда, как кажется, и возникает негативистская риторика оборонной критики, пытающейся жестко обозначить свои требования к автору, но не всегда находящая для этого ресурсы. Такая риторика в целом характерна для критики периода соцреализма:

Наряду с позитивными нормами, канон соцреализма имеет ярко выраженную исключаяющую функцию, направленную против различных отклонений прежде всего «модернистского» характера. Отрицающий потенциал канона с наибольшей полнотой проявляется в фазе его полноценного функционирования в течение двух десятилетий, то есть до начала 1950-х гг. Борьба против отклонений ведется с тем, что классифицируется как «формализм», «натурализм», «субъективизм», «объективизм» и т. д. [Гюнтер 2000: 285].

В 1931 г. эта «отрицающая эстетика» только формируется и «ЛОКАФ», наряду с перечисленными Гюнтером отклонениями, разрабатывает собственные дефиниции, которые работают в действительности не на литературном, а на общем идеологическом уровне¹⁹: «пацифизм», «гуманизм», «антимилитаризм», «интернационализм», причем семантическое наполнение негативных понятий значительно полнее, чем позитивных. Критика, направленная против Ремарка и Гаррисона, становится в том числе полем для апробации риторики «ЛОКАФ» по отношению к советским авторам. Кроме того, в случае с Гаррисоном это и риторика перевоспитания автора, очерчивающая для него возможную стратегию.

Понятийный аппарат рецензий на произведения Ремарка и Гаррисона на советских авторов критики «ЛОКАФ» действительно переносили (см., например, упомянутую выше статью Свирина). Так, в номере 8 за 1931 г. вышла рецензия Павла Березова на книгу В. Араmileва «В дыму войны. Записки вольноопределяющегося» (1930). Критик обвиняет автора в «перепевах ремаркизма», «разбавленном ремаркизме»²⁰ и «просто подражании Ремарку» [Березов 1931: 137–138]. В номере 11 «мелкобуржуазным пацифистом» назван герой книги Александра Воронского «Глаз урагана» (1931) [Зубковский 1931: 147], а в следующем номере опубликована уже упомянутая статья И. Зубковского «Против воронщины и гуманизма (О книге П. Федотова “Военкоры”)». Не удается избежать обвинений в «непреодоленном ремаркизме» даже Николаю Тихонову, члену ЛОКАФ [Мирин 1932: 165]. В номере 4 за 1932 г. по поводу книги Тихонова «Война» (1931) вышла статья Рейзина «Победы и поражения»,

¹⁹ См. упомянутый выше пример с понятием «пацифизм», которое переносится в литературную критику из работ Ленина. Ср. замечание Гюнтера: «Нормы, определяющие соцреалистический канон, формулируются на разных уровнях. Можно различать четыре дискурса: 1. общий идеологический дискурс, т. е. идеология марксизма-ленинизма; 2. литературно-политический дискурс, который включает в себя идеологические постулаты, такие как, например, партийность, типичность, революционная романтика, народность и т. д.; 3. металитературный дискурс, т. е., в первую очередь, литературную критику, которая конкретизирует «художественный метод» соцреализма, применяя его к литературным текстам; 4. собственно литературный дискурс, в котором сформулированы определенные стилевые нормы и запреты» [Гюнтер 2000: 281].

²⁰ Надо сказать, что и здесь критик признает «художественный талант» Ремарка [Березов 1931: 138], которого Араmileву не хватает.

напечатанная по стенограмме доклада на московском активе ЛОКАФ. В статье реализуется представление об «идейно-творческой перестройке автора»²¹, в том числе приводятся его слова: «Для меня ясно, что сейчас я не могу написать ни одного произведения, которое не предусматривало бы политического содержания. Мне кажется, что произведения без политики сейчас быть не может» [Рейзин 1932: 145–146]. В этом отношении «Война» противопоставлена книгам Ремарка, который, по мнению Рейзина эксплицитно ставит себя вне политики, хотя его творчество в действительности «[...] насквозь проникнуто, политикой, ибо, скрывая от масс, что война являлась продолжением империалистической политики [...] служит делу подготовки новой войны» [Рейзин 1932: 146]. За ремаркизм Рейзин Тихонова уже не упрекает, однако к перестроившемуся автору выдвигается новое требование — не просто избегать ремаркизма и пацифизма, а бороться с ними. Этого, по мнению критика, Тихонову не удалось, несмотря на то что книга «задумана как удар по ремаркизму» [Рейзин 1932: 147–148]. В конце статьи Рейзин закрепляет тезис о перевоспитании писателя: «[...] путь Тихонова от “Орды” и “Браги” до “Кочевников” и “Войны” есть типичнейший путь перестройки писателей из попутчиков в союзники пролетарской литературы» [Рейзин 1932: 149]. Во всех упомянутых статьях и рецензиях воспроизводятся клише, применявшиеся к зарубежной литературе. Советскому автору, если он хотел войти в круг оборонных и напечататься в «ЛОКАФ», который во многом транслировал государственную военную пропаганду, в этой ситуации не оставалось ничего другого, как принять эти правила игры.

Позднее, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. понятие «ремаркизм» вновь распространяется по тому же принципу: сначала применительно к самому Ремарку и похожей иностранной литературе, а затем к так называемой «лейтенантской прозе». Ср. характерное высказывание В. Кирпотина в газете «Известия»:

“Ремаркизм” — это определенное умонастроение, определенное мировоззрение, которое подавляет активность и порождает пассивность в человеке, преобразуя его праведный гнев в одурманенное алкоголем отчаяние. “Ремаркизм” — это философия, соблазнительная для растерянных, не находящих себе места интеллигентиков, для людей, ищущих, чем оправдать свою никчемность, а иногда и свое разложение [Кирпотин 1959].

Упоминание «ремаркизма» оказалось удачным приемом даже тогда, когда риторика классовой борьбы уже не была столь актуальна.

²¹ В 1920-е гг. Тихонов входил в объединение «Серапионовы братья».

Сокращенные названия архивов

ОР ИМЛИ РАН — Отдел рукописей Института мировой литературы Российской академии наук

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Библиография

Источники

Березов 1931

Березов П., В. Арамилев — «В дыму войны» — записки вольноопределяющегося, *ЛОКАФ*, 1931, 8, 136–139

Гельфанд 1931

Гельфанд М., Ремаркизм, *Литература мировой революции*, 1931, 10, 114–116.

Гладков 1931.

Гладков Л., Чарльз Гаррисон — «Генералы умирают в постели», *ЛОКАФ*, 1931, 11, 149–151.

Горький 1934

Горький А. М., Пролетарский гуманизм, *Правда*, 1934, 140.

Зубковский 1931

Зубковский И., А. Воронский — «Глаз урагана», *ЛОКАФ*, 1931, 147–149.

Кальм 1930

Кальм Д., Создано Литературное объединение Красной Армии и Флота, *Литературная газета*, 1930, 33 (70).

Кирпотин 1959

Кирпотин В., Без путеводной звезды, *Известия*, 1959, 273.

ЛОКАФ 1931/2

От редакции, *ЛОКАФ*, 1931, 2, 81–83.

ЛОКАФ 1931/4

[От редакции], *ЛОКАФ*, 1931, 4, 60.

ЛОКАФ 1931/5–6

Литкружковцам Красной армии и флота, *ЛОКАФ*, 1931, 5–6, 175.

Лейтес 1930

Лейтес А., Ремаркизм или активизм?, *Литературная газета*, 1930, 23 (60).

Ленин 1973

Ленин В. И., Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, *Idem, Полное собрание сочинений*, 30, Москва, 1973, 241–260.

Мирин 1932

Мирин Н., Тихонов «Война», *ЛОКАФ*, 1932, 3, 163–166.

Поляк 1930

Поляк М., Организуем ЛОК, *Первый Залп. Вторая очередь*, 1930, Март, 3

Радек 1934

Радек К., Мелкий буржуа возвращается с войны, *Знамя*, 1934, 7, 17–20.

Рейзин 1931

Рейзин С., Лицом к творческим вопросам, *ЛОКАФ*, 1931, 4, 133–141.

Рейзин 1932

Рейзин С., Победы и поражения, *ЛОКАФ*, 1932, 4, 140–149

Свирин 1931a

Свирин Н., Против пацифистских тенденций в советской литературе, *ЛОКАФ*, 1931, 9, 116–119.

Hammel 1929

Hammel F., „Remarquismus oder Aktivismus?“, *Die neue Bücherschau*, 1929, 7, 393.

Harrison 1929a

Harrison Ch., Generals Die in Bed, *New Masses*, 1929, 5/2, 12–13.

Harrison 1929b

Harrison Ch., Here Is War!, *New Masses*, 1929, 5/3, 18–19.

Harrison 1931

Harrison Ch., The Road Back by Erich Maria Remarque [...] The Kaiser's Coolies by Theodor Plivier, *New Masses*, 1931, 7/3, 17.

Литература

Белая 2000

Белая Г., Оппонирующее сознание: «Перевал», *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 249–266.

Бурдые 2005

Бурдые П., Поле литературы, Idem, *Социальное пространство. Поля и практики*, С.-Петербург, Москва, 2005, 365–473.

Геллер, Боден 2000

Геллер Л., Боден А., Институциональный комплекс соцреализма, *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 289–319.

Гюнтер 2000

Гюнтер Х., Жизненные фазы соцреалистического канона, *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 281–288.

Гюнтер, Добренко 2000

Гюнтер Х, Добренко Е., ред., *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000.

Добренко 1993

Добренко Е., *Метафора власти*, Мюнхен, 1993.

——— 1999

Добренко Е., *Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры*, С.-Петербург, 1999.

——— 2000

Добренко Е., Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ, *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 225–241.

Закружная 2018

Закружная З. С., Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН), *Вестник славянских культур*, 2018, 49, 171–184.

Закружная 2019

Закружная З. С., Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма, *Studia Litterarum*, 2019, 4/2, 44–61.

Закружная, Московская 2018

Закружная З. С., Московская Д. С., Институциональное измерение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ, *Филологический класс*, 2018, 2 (52), 12–18.

Сысоева 2019

Сысоева А. В., Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями, *Русская литература*, 2019, 4, 159–165.

——— 2020

Сысоева А. В., Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы, *Новое литературное обозрение*, 2020, 4 (164), 123–134.

Guillory 1993

Guillory J., *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*, Chicago, 1993.

Lovell 2000

Lovell S., *The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, New York, 2000.

Malygin 2012

Malygin E., *Literatur als Fach in der sowjetischen Schule der 1920er und 1930er Jahre. Zur Bildung eines literarischen Kanons*, Bamberg, 2012.

References

Belaya G., Opponiruiushchee soznanie: “Pereval”, *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 249–266.

Bourdieu P., Le champ littéraire, Idem, *Sotsial'noe prostranstvo. Polia i praktiki*, St. Petersburg, Moscow, 2005, 365–473.

Dobrenko E., *Formovka sovetskogo pisatelja. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury*, St. Petersburg, 1999.

Dobrenko E., *Metafora vlasti*, Munich, 1993.

Dobrenko E., Oboronnaia literatura i sotsrealizm, *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 225–241.

Geller L., Boden A., Institutsional'nyi kompleks sotsrealizma, *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 289–319.

Guillory J., *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*, Chicago, 1993.

Günther H., Dobrenko E., eds., *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000.

Günther H., Zhiznennye fazysotsrealisticheskogo kanona, *Sotsrealisticheskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 281–288.

Lovell S., *The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, New York, 2000.

Malygin E., *Literatur als Fach in der sowjetischen Schule der 1920er und 1930er Jahre. Zur Bildung eines literarischen Kanons*, Bamberg, 2012.

Sysoeva A. V., Emergence of the Soviet Military Propaganda in Leningrad of the Early 1930th: The New Method of Working with Writers, *Russkaia Literatura*, 2019, 4, 159–165.

Sysoeva A. V., The Militarization of Writers in Leningrad in 1931 as a Means of Creating Soviet Defense Fiction, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, 4 (164), 123–134.

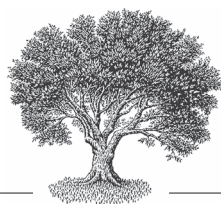
Zakruzhnaya Z. S., Literary Association of the Red Army And Navy and The Union of Soviet Writers: Unpacking The Origins of Social Realism, *Studia Litterarum*, 2019, 4/2, 44–61.

Zakruzhnaya Z. S., Moskovskaia D. S., Institutional aspect of Soviet literature. History of the forgotten Literary Association of the Red Army and Navy, *Filologicheskii klass*, 2018, 2 (52), 12–18.

Zakruzhnaya Z. S., Principles of Representation of the Civil War Hero in Literary Criticism of “LOKAF” Members (Based on Materials of the Department of Manuscripts of the IWL RAS). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, 49, 171–184.

Алла Олеговна Бурцева,
независимый исследователь
Москва
Россия / Russia
alla.burtseva@gmail.com

Received November 7, 2020

Русские
литургические
памяти в славянском
византо-католическом
месяцеслове (Recensio
Vulgata) середины
XX в.

Russian Liturgical
Memories in the
Slavic Byzantine-
Catholic Menologion
(Recensio Vulgata)
of the Mid-20th
Century

**Илья Викторович Семененко-
Басин**

Независимый исследователь,
Москва, Россия

Стефано Каприо

Папский восточный институт,
Рим, Италия

Ilya V. Semenenko-Basin

Independent scholar,
Moscow, Russia

Stefano Caprio

Pontifical Oriental Institute,
Rome, Italy

Резюме

Данная статья посвящена месяцеслову (календарю святых), составленному в XX в. для русских византо-католиков. Последние представляют собой церковную общину с собственным византо-славянским богослужением и благочестием, одновременно католическим и восточным духовным укладом. Месяцеслов, как и вся богослужебная книжность русских византо-католиков, был создан в Риме под эгидой Конгрегации по делам Восточных церквей,

Цитирование: Семененко-Басин И. В., Каприо С. Русские литургические памяти в славянском византо-католическом месяцеслове (Recensio Vulgata) середины XX в. // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 368–391.

Citation: Semenenko-Basin I. V., Caprio S. (2021) Russian Liturgical Memories in the Slavic Byzantine-Catholic Menologion (Recensio Vulgata) of the Mid-20th Century. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 368–391.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.16

в рамках деятельности русского католического апостолата, т. е. миссии Католической церкви, обращенной на Россию и русскую диаспору в мире. Корпус богослужебных книг для русских, болгарских и сербских византо-католиков получил название *Recensio Vulgata*. Изученный месяцеслов в книгах *Recensio Vulgata* был составлен с опорой на православные месяцесловы до-революционной России. Составители византо-католического месяцеслова не только определенным образом отобрали русские литургические памяти; кроме этого, были добавлены имена нескольких мучеников Восточных католических церквей и некоторые дополнительные памяти западных святых. Согласно составителям месяцеслова, в Северо-Восточной Руси история католической (ортодоксальной) святости завершилась на рубеже тридцатых и сороковых годов XV в., когда Московское княжество и Новгородская республика отказались от Флорентийской унии. Эпоха после Флорентийской унии в месяцеслове запечатлена событиями, являющими неизменное покровительство Богоматери над народом, над русской землей. Месяцеслов в книгах *Recensio Vulgata* содержит двенадцать русских по происхождению праздников в честь богородичных икон, из них девять отмечают события второй половины XV — XVII вв. Составители месяцеслова создали вполне продуманную систему, в которой восточнославянские святые, древние святые византийского месяцеслова, латинские учителя Церкви, святые византо-католических церквей разных эпох — все подчинены гармонической логике, причем гармония служит организации целого.

Ключевые слова

месяцеслов, агиография, русская религиозность, русские византо-католики, русский католический апостолат, коллегиум Руссикум, литургическая книжность

Abstract

The article is devoted to the menologion (calendar of saints) compiled in the 20th century for Russian Byzantine Catholics. The latter are a church community with its own Byzantine-Slavic worship and piety, which follow both the Catholic and the Eastern spiritual traditions. Like the entire liturgical literature of the Russian Eastern Catholics, the menologion was created in Rome under the auspices of the Congregation for Eastern Churches, as part of the activities of the Russian Catholic Apostolate, i.e., of the mission of the Catholic Church addressed to Russia and the Russian diaspora in the world. The corpus of service books for Russian, Bulgarian and Serbian Eastern Catholics was called *Recensio Vulgata*. The menologion under study is in the books of *Recensio Vulgata* and was compiled on the basis of the Orthodox menologia of pre-revolutionary Russia. The compilers of the Byzantine-Catholic menologion did not just select Russian liturgical memories in a certain way, they also included the names of several martyrs of the Eastern Catholic Churches and some additional commemorations of Western saints. According to the compilers of the menologion, the history of Catholic (orthodox) holiness in North-Eastern Russia ended at the turn of the 1440s, when the Principality of Moscow and the Novgorod Republic abandoned the Union of Florence. The menologion reflects the era after the Union of Florence in the events that show the invariable patronage of the Mother

of God over the people and the Russian land. The Recensio Vulgata menologion (RVM) contains twelve Russia-specific holidays that honor icons of the Mother of God, nine of which celebrate the events of the period from the late 15th to the 17th centuries. The compilers of the menologion created a well-devised system in which the East Slavic saints, the ancient saints of the Byzantine menologion, the Latin teachers of the Church, the saints of the Byzantine Catholic churches of different eras all are subject to harmonious logic, and harmony serves to organize the whole.

Keywords

Calendar of saints, hagiography, Russian religiosity, Russian Byzantine Catholics, Russian Catholic apostolate, The Collegium Russicum, liturgical books

Месяцесловы, наряду с другими агиографическими источниками, способны немало рассказать о национальных образах святости, о культурной памяти и формировании чувства идентичности в сообществе. Авторы этой статьи исходят из гипотезы, что в Новое время в российском православии канонизация святых и их почитание выполняют функцию сложной, многоуровневой системы интерпретации прошлого [Семененко-Басин 2017:220], причем конструирование собора русских святых нагружено дополнительными значениями, культурными и политическими. Сказанное относится не только к Московскому патриархату, но и к самым различным церковным организациям, представляющим русскую религиозность. Месяцеслов, исследованный авторами данной статьи, появился благодаря деятельности русского католического апостолата, миссии Католической церкви, обращенной на Россию и ее диаспору в мире [Козлов-Струтинский, Парфентьев 2014: 399–418].

Конфессиональное разделение в христианской ойкумене никогда не воспринималось как норма; в Новое время лидеры христианских церквей пытались изменить сложившуюся ситуацию. В частности, во время понтификата папы Льва XIII, продолжавшегося с 1878 по 1903 г., «восточный вопрос» был рассмотрен в новом духе, в стремлении преодолеть взаимное незнание и непонимание католиков и православных. Своего рода провокацией в России и Европе стало утопическое богословие о России и Вселенской церкви философа Владимира Соловьева (1853–1900), предложившего идею духовной теократии как программу реформирования Европы в христианском духе.

В XX в. в русском религиозном пространстве действовали отнюдь не только представители автокефального православия, но также и византо-католики — церковная община с собственным византо-славянским богослужением и благочестием. В 1917 г. в Петрограде собор сравнительно немногочисленной Российской греко-католической церкви

учредил Экзархат для русских католиков византийского обряда, но уже вскоре революция 1917 г. в России потребовала неотложного противостояния режиму, заявлявшему о намерении стереть христианскую веру с лица земли [Simon 2009: 166–196; Козлов-Струтинский, Парфентьев 2014: 405–418].

Противодействуя большевистской агрессии, Католическая церковь пыталась создать на территории СССР подпольную сеть духовенства, а в 1929 г. в Риме буллой папы Пия XI был основан коллегийум Руссикум для подготовки католических священников, которые смогли бы в будущем обеспечить евангелизацию российского общества [Simon 2009: 295–361]. Миссионеры Руссикума готовы были даже заменить православных священников, которым, как тогда казалось, всем поголовно суждено было стать жертвами репрессий. Молодым деятелям русского католического апостолата, избравшим миссию Pro Russia, преподавали русскую культуру и язык, готовили к совершению литургии по восточному обряду, с предоставлением особого разрешения на двоеобрядность, служение по латинскому и византо-славянскому обрядам, что не является нормальной церковной практикой. При этом на первых порах использовали русские богослужебные книги синодальной печати.

Движение за единство Церкви, озаглавленное Флорентийской (1439) и Брестской (1596) униями, предполагало сбережение всех традиций молитвы и богослужения христианского Востока; это касалось и церковного календаря святых. Соответственно, формировавшаяся русская византо-католическая община должна была придерживаться богослужебного устава Православной российской церкви Синодального периода¹, сохраняя унифицированный русский месяцеслов, византийский по своему происхождению, с устранением всего противоречащего католической христианской вере.

Что могла предложить миссионерам Руссикума уже имевшаяся на тот момент восточнославянская византо-католическая церковная традиция? В раннее Новое время унийная Киевская митрополия не накладывала запрета на почитание каких-либо древнерусских святых. Более того, в католической церковной науке достаточно рано проявился инклюзивный подход. Игнатий Кульчинский (1707 — ок. 1747), генеральный прокуратор Ордена василиан и автор историко-археологических трудов [Алексеев 1988], выступил с большим сочинением о Рутенской церкви, поместив в центр своей риторической системы идеальный образ *рутенских святых* [Kulczynski 1733].

¹ Согласно классической формулировке Римской курии, богослужебная практика Российской греко-католической церкви должна была быть «*пес plus, pes minus, pes aliter*» («не больше, не меньше, не иначе») по сравнению с практикой Православной российской церкви [Василий 1966: 177–178].

В состав этого собора автор включил святых украинско-белорусского региона и Северо-Восточной Руси; великорусские святые учтены вплоть до разделения Киевской митрополии папой Пием II в 1458 г.² Наряду с киевскими святыми домонгольской эпохи в книге Кульчинского представлены киевские митрополиты Петр, Алексий, Киприан, святители Ростовские Леонтий, Исая, святитель Стефан Пермский, святые черниговские, литовские, полоцкие и смоленские, преподобные Савватий Соловецкий, Сергей и Никон Радонежские, Димитрий Прилуцкий, Макарий Калязинский, юродивый Исидор Ростовский и др. По словам современного исследователя, через полтора века после Брестской унии Кульчинский представил русских святых как общее наследие давно уже поделенной Киевской митрополии, следовательно, как фактор, способствующий ее объединению, а не как аргумент в пользу разделения [Петрович 2011].

В реальной литургической практике украинских и белорусских греко-католиков на протяжении XVIII в. утвердился диаметрально противоположный подход, т. е. вытеснение из месяцеслова славянских святых. В качестве роковой черты все чаще рассматривалась схизма 1054 г.; восточнославянских подвижников более позднего времени расценивали как схизматиков.

Ситуация стала меняться лишь во второй половине XIX в., на волне романтического национализма, апеллировавшего к идентичности нации. Индикатором можно считать отношение к фигурам Кирилла и Мефодия, просветителей славян. Их литургическое почитание в Православной российской церкви установлено в 1863 г. решением Синода [Кравецкий, Плетнева 2013: 16–21]. В греко-католический месяцеслов имена Кирилла и Мефодия внесли отцы Львовского собора 1891 г. Обратимся к «Типику», подготовленному после Львовского собора священником Исидором Дольническим в целях нормализации литургической жизни Украинской греко-католической церкви.

В месяцесловную часть «Типика» [Дольницкий 1899: 541–548] включены шесть имен восточнославянских святых: равноапостольный Владимир Киевский (15 июля), Борис и Глеб (24 июля), Антоний Печерский (10 июля), Феодосий Печерский (3 мая), священномученик Иосафат (1580–1623), полоцкий унийный архиепископ, защищавший унию ценой своей жизни (12 ноября). Кроме того, в «Типике» присутствует праздник Покрова Богородицы (1 октября), имеющий, вероятно, древнерусское происхождение и высоко чтимый не только автокефальными православными, но и греко-католиками, а также специфичная

² Пий II отделил от унийной Киевской митрополии тот регион, который не признавал унию, т. е. Новгородскую республику и Великое княжество Московское.

для восточных славян память перенесения мощей святителя Николая в Бари (9 мая); память Кирилла и Мефодия (5 июля)³, Параскевы Тырновской (14 октября).

Выдающийся церковный деятель — греко-католический митрополит Галицкий Андрей Шептицкий — стремился обновить и восстановить византийскую традицию в богослужении своей Церкви. Составляя новый Литургикон (Служебник), митрополит Андрей включил в его месяцесловную часть те же самые восточнославянские памяти, что и в «Типике» Исидора Дольницкого, а также Ольгу Киевскую (11 июля), Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (14 апреля), память перенесения мощей Бориса и Глеба (2 мая) и перенесения мощей Феодосия Печерского (14 августа). Вселенскость Церкви митрополит Андрей обозначил включением в месяцеслов Августина епископа Иппонского (28 августа); количество памятней славянских просветителей увеличилось (Кирилл — 14 февраля, Мефодий — 11 мая, Кирилл и Мефодий — 5 июля) [Литургикон 1929: 225–247].

Что же касается святых Северо-Восточной Руси, то они долгое время оставались для католиков вне поля зрения. В 1680 г. болландист Даниэль Папebroх (1628–1714) опубликовал в собрании житий «Acta Sanctorum» греческий стихной синаксарь и русскую лицевую мину, причем в комментариях привел список более пятидесяти русских («рутенских») святых [Papbrochius 1680]. В 1863 г. священник-иезуит Иван Михайлович Мартынов (1821–1894) исчерпывающе представил русских святых в монографии «Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus» [Martinov 1863]. Эти академические труды ни в коей мере не влияли на актуальную литургическую практику Католической церкви, и когда в Санкт-Петербурге в начале XX в. группа русских византо-католиков декларировала свою приверженность почитанию русских православных святых, это лишь навлекло на них нарекания со стороны Римской курии [Василий 1966: 226–228; Petrowycz 2005: 147–150].

Упомянутый выше собор Российской греко-католической церкви (Петроград, 1917 г.) постановил, что русские католики византийского обряда принимают всех без исключения святых, канонизированных Католической церковью; было признано, что присоединившимся православным не запрещается частным образом почитать русских угодников Божьих согласно традициям православия. Члены собора сочли

³ В «Типике» Дольницкого дата 5 июля по юлианскому календарю воспроизводит дату памяти Кирилла и Мефодия (5 июля по григорианскому календарю) в Римском мартирологе, иначе говоря, в латинском обряде. Общецерковное празднование Кириллу и Мефодию 5 июля установлено энцикликой «Grande munus» (1880) папы Льва XIII, перенесено на 14 февраля в современном Римском мартирологе.

своей обязанностью впоследствии представить на суд Апостольского престола документальную историю святых русского православия, чтобы ходатайствовать о введении для них литургического почитания; в то же время собор отказался воздавать такое почитание русским угодникам до вынесения Римской церковью своего решения [Василий 1966: 323–324].

Русским католикам византийского обряда в деле формирования собственного календаря национальных святых предстояло ориентироваться на месяцеслов Православной российской церкви, а утверждение русского католического месяцеслова, равно как и изменение месяцеслова украинского, стало делом Апостольской столицы. Отметим, что в 1930-е гг. в среде украинских греко-католиков развернулась дискуссия о собственных литургических текстах. В 1930 г. папа Пий XI создал под эгидой Конгрегации по делам Восточных церквей комиссию для выработки богослужебных изданий всех восточных обрядов. 21 декабря 1934 г. по представлению папской комиссии «Pro Russia» Пий XI повелел подготовить полный комплект русских богослужебных книг византо-славянского обряда [Pius XI 1935].

Начиная с 1938 г. эксперты под руководством кардинала Эжена Тиссерана (1884–1972), секретаря Конгрегации по делам Восточных церквей, формировали две версии литургической книжности на церковнославянском языке: та, что отражала особенности киевско-галичской богослужебной традиции и предназначалась для греко-католиков Украины, Беларуси, Прикарпатья, именуется *Recensio Ruthena*, а корпус книг для византо-католиков Великодержавии, Болгарии, Сербии — *Recensio Vulgata*⁴.

В ходе реформы месяцесловы обеих версий богослужебных книг значительно обогатились за счет национальных святых, причем состав новых литургических памятников в *Recensio Ruthena* и *Recensio Vulgata* заметно различается. Отправной точкой для месяцеслова в *Recensio Ruthena* послужили греко-католические месяцесловы XVII в. и календарь в Литургиконе митрополита Андрея Шептицкого, т. е. в данном случае добавляли недостающие имена восточнославянских святых. Месяцеслов *Recensio Vulgata* создавался на основе месяцеслова Православной российской церкви, так что имена одних святых исключали, а других — оставляли. В результате возникла диспропорция, подробно описанная М. Петровичем: в месяцеслов *Recensio Ruthena* внесли памяти

⁴ Очерк истории *Recensio Vulgata* и *Recensio Ruthena* содержится во «Введении» Дж. Кроче к третьему тому [Korolevskij, 3: XVII–LVIII] и в монографии [Simon 2009: 541–543]. Историю создания богослужебных книг *Recensio Ruthena* см. в докторской диссертации [Petrowycz 2005].

древнерусских святых, чья жизнь и деятельность была географически локализована на нынешних украинско-белорусских землях; святые Северо-Восточной Руси при этом почти не представлены, за исключением только Авраамия Ростовского (29 октября) и Никиты столпника Переяславского (24 мая) [Литургикион 1942: 479–606]. Напротив, в *Recensio Vulgata* включена большая часть древнерусских святых, присутствующих в месяцеслове *Recensio Ruthena*, и сверх того еще более двадцати имен святых Северо-Восточной Руси, которых в *Recensio Ruthena* нет [Petrowycz 2005: 259–260, 321–322, 371–373; Idem 2008: 286, 294–295].

В данной статье рассмотрен календарь праздников и святых, публиковавшийся в *Recensio Vulgata* (далее этот месяцеслов именуется RVM); основным источником по истории RVM послужили мемуары и документы священника Кирилла Королевского (Jean François Joseph Charon, Cyrille Korolevskij; 1878–1959), изданные Джузеппе Кроче [Korolevskij, 1–5]. Кирилл Королевский, французский католический священник византийского обряда, был одним из главных советников Конгрегации по делам Восточных церквей, принимал непосредственное участие во всех описанных далее событиях.

Как известно из письма Королевского от 12 июля 1947 г., адресованного доминиканцу Христофору Дюмону (1898–1991), еще одному священнику русского католического апостолата, комиссия по подготовке книг *Recensio Vulgata* состояла из семи священников, возглавляемых Эженом Тиссераном: это были Филипп де Режи́с (ректор Руссикума), профессора Руссикума Станислав Тышкевич и Йозеф Швейгл, архимандрит Гроттаферратского монастыря Исидоро Кроче, Александр Сипягин, Николай Братко и Кирилл Королевский [Korolevskij 4: 2039] (отметим, что ключевые фигуры этой группы трудились также над корпусом книг *Recensio Ruthena*). При подготовке RVM, как свидетельствует эпистолярный Королевского, литургическая комиссия обращалась к русской богослужебной книжности синодальной печати, к научной литературе по литургии, истории, агиографии.

Славянские книги, подготовленные в Конгрегации по делам Восточных церквей, печатала типография Гроттаферратского монастыря. Первой в 1940 г. вышла Литургия Иоанна Златоуста, основной корпус *Recensio Vulgata* и *Recensio Ruthena* увидел свет на протяжении 1940–1950-х гг. (некоторые наименования выходили позднее). Интересующий нас RVM впервые обнародован в Служебнике 1942 г. и в дальнейшем (всегда — в церковнославянской графике) включался в состав различных литургических книг *Recensio Vulgata*, в служебное Евангелие, служебный Апостол, Иерейский молитвослов [Korolevskij 4: 2063]. Авторами данной статьи текст RVM был просмотрен *de visu* в Иерей-

ском молитвослове и в Служебнике [Иерейский молитвослов 1950: 833–1151; Служебник 1953: 493–622]. В обоих изданиях месящесловная часть идентична, с той только разницей, что в Иерейском молитвослове RVM снабжен тропарями и кондаками, которые, напротив, отсутствуют в Служебнике.

При составлении RVM были не только отобраны русские литургические памяти, но также добавлены имена нескольких мучеников Восточных католических церквей и некоторые дополнительные памяти западных святых (так называемые латинские памяти). Далее материал представлен в виде трех таблиц. В первой таблице, кроме имен святых, указаны также все иные имеющиеся в RVM русские памяти, т. е. праздники в честь икон и исторических событий (необходимо отметить, что впервые сводную таблицу имен русских святых и русских богородичных икон из RVM опубликовал М. Петрович [Petrowycz 2005: 385]). Вторая и третья таблицы содержат дополнительные памяти, включенные редакторами в месящеслов (написание имен приводится согласно RVM, в некоторых случаях славянизированное написание имени святого сопровождается в квадратных скобках современным общеупотребительным написанием).

В каждой таблице в первом столбце приведены имена святых, систематизированные согласно хронологии жизни. Во втором столбце — дата празднования (в сообществе русских византо-католиков был принят юлианский календарный стиль). В третьем столбце — знак службы. Табличный материал комментируется на основании опубликованного письма Кирилла Королевского доминиканцу Христофору Дюмону от 29 октября 1947 г. (оригинал — на французском; все пояснительные примечания в квадратных скобках в тексте Королевского принадлежат авторам статьи).

Таблица 1

Русские литургические памяти в RVM

Ольга, княгиня Киевская	11 июля	Без знака (красным шрифтом); служба Ольге соединяется со службой великомученице Евфимии, для которой знак — три черные точки. Обе святые вместе: малый шестиричный праздник
Владимир, равноапостол	15 июля	Средний бденный праздник
Борис и Глеб, мученики	24 июля	Средний полиелейный праздник

Антоний Печерский	10 июля	Средний полиелейный праздник
Феодосий Печерский	3 мая	Средний полиелейный праздник
	14 августа (перенесение мощей)	Средний полиелейный праздник
Леонтий, епископ Ростовский	23 мая (обретение мощей)	Малый славословный праздник
Исаия, епископ Ростовский	15 мая	Малый славословный праздник
Стефан, епископ Владимирский	27 апреля	Без знака (красным шрифтом)
Никита, епископ Новгородский	31 января	Без знака (черным шрифтом)
Кирилл, епископ Туровский	28 апреля	Без знака (красным шрифтом)
Евфросиния Полоцкая	23 мая	Без знака (красным шрифтом)
Варлаам Хутынский	6 ноября	Малый славословный праздник
Аврамий Смоленский	21 августа	Малый славословный праздник
Никита, столпник Переяславский	24 мая	Малый славословный праздник
Михаил, великий князь и Феодор, боярин его, Черниговские, мученики	20 сентября	Малый славословный праздник
Игнатий, епископ Ростовский	28 мая	Малый славословный праздник
Аврамий Ростовский	29 октября	Без знака (красным шрифтом)
Феодор князь, чада его князя Давид и Константин, Смоленские и Ярославские	19 сентября	Малый славословный праздник
Сергий и Герман Валаамские	11 сентября (перенесение мощей)	Без знака (красным шрифтом)
	28 июня	Без знака (красным шрифтом)

Сергий Радонежский	25 сентября	Средний полиелейный праздник
	5 июля (обретение мощей)	Малый славословный праздник
Стефан, епископ Пермский	26 апреля	Малый славословный праздник
Собор Печерских отцов в Ближних пещерах	28 сентября	Без знака (красным шрифтом)
Собор Печерских отцов в Дальних пещерах	28 августа	Без знака (красным шрифтом)
Память всех святых, в земле русстей просиявших	Второе воскресенье после Пятидесятницы	Без знака (красным шрифтом)
Покров Богородицы	1 октября	Великий бденный праздник
Чудотворная икона Богородицы Владимирская	21 мая	Средний полиелейный праздник
	23 июня	Средний полиелейный праздник
	26 августа	Средний полиелейный праздник
`` Всех скорбящих радость	24 октября	Средний полиелейный праздник
`` Донская	19 августа	Без знака (красным шрифтом)
`` Знамение	27 ноября	Средний полиелейный праздник
`` Иверская	13 октября	Средний полиелейный праздник
`` Казанская	22 октября	Средний полиелейный праздник
	8 июля	Средний полиелейный праздник
`` Коневская	10 июля	Без знака (красным шрифтом)
`` Одигитрия Смоленская	28 июля	Средний полиелейный праздник
`` Устюжская	8 июля	Без знака (красным шрифтом)
`` Тихвинская	26 июня	Средний полиелейный праздник

Освящение храма Георгия Великомученика в Киеве	26 ноября	Без знака (красным шрифтом)
Перенесение мощей Николая Чудотворца	9 мая	Средний полиелейный праздник

Литургическая комиссия без каких-либо затруднений приняла русские праздники в честь икон Пресвятой Богородицы. Что же касается почитания святых, Королевский в письме к Дюмону приводит основной критерий комиссии, цитируя ее протокол: «Желательно, чтобы [в месяцеслов] включили как можно больше русских святых, наиболее почитаемых русскими людьми, или же наиболее значимых для религиозного и аскетического формирования русского народа» [Korolevskij 4: 2063].

Католический менталитет побуждал литургическую комиссию интегрировать различные элементы без подавления и уничтожения чего бы то ни было. Тем не менее членам комиссии предстояло удалить из русского месяцеслова все, что могло бы, по их мнению, нести на себе отпечаток ереси или же церковного раскола. Прежде всего необходимо было определить отношение Киевской митрополии (Русской церкви) к схизме 1054 г., имевшей место, когда Константинопольский престол занимал патриарх Михаил I Керуларий (ок. 1000–1059).

Члены комиссии вынесли два принципиальных решения:

Русская церковь некоторое время оставалась католической после раскола Керулария, в этом нет сомнения, и столь же несомненно, что после торжественного отказа в Москве от Флорентийского собора (1439) она [Русская церковь] больше не может быть официально признана католической. [...] Тот факт, что киевские митрополиты [после схизмы 1054 г.] оставались в общении с константинопольским патриархом, ничего не доказывает, поскольку в то время концепция единства с Римской церковью не понималась так, как в настоящее время: спор между папой и патриархами рассматривался епископатом, низшим духовенством и, прежде всего, простыми монахами и верными как личное дело, и наши сегодняшние идеи не применимы к тем далеким временам [Korolevskij 4: 2065].

Сегодня мы можем сказать, что разрыв Новгорода и Московского княжества с Флорентийской унией следует датировать не 1439 г., когда уния была провозглашена на Ферраро-Флорентийском соборе, но 1441 г. — временем отъезда митрополита Исидора из Москвы.

После того как члены литургической комиссии избрали 1439 г. в качестве крайней даты, по словам Королевского,

[...] дальнейшие шаги были следующими: временно принять всех русских святых, которые жили до Флорентийского собора и умерли до 1439 г.; сразу

сохранить [в месяцеслове] всех, кто несомненно был католиком, таких как Владимир, Ольга и других, и рассмотреть иные случаи индивидуально [Korolevskij 4: 2065].

Если опубликованные высказывания русских святых подтверждали, что они поддерживали антикатолические теории или же каким-то образом одобряли церковный раскол, то эти лица должны были быть изъяты из месяцеслова, как бы ни были они известны, сколь широко бы ни распространилось их почитание. «Будучи католическим органом, облеченным доверием Святого Престола, комиссия не могла действовать иначе. Это была не научная работа обо всех святых, почитаемых Русской церковью, а литургическая работа для католиков, ограниченная только Служебником» [Korolevskij 4: 2066–2067].

Данные правила, как писал Королевский Дюмону, когда-нибудь будут применены к местночтимым святым, чьи имена содержатся в классическом каталоге архимандрита Леонида (Кавелина) «Святая Русь» [Леонид 1891], но не внесены в RVM.

Устранив из месяцеслова всех, кто умер после 1439 г., литургическая комиссия исследовала конкретные случаи, касавшиеся более ранней эпохи. Сергей Радонежский (ум. в 1392 г.) был тем святым, которого Кирилл Королевский особенно хотел включить в RVM. Преподобному Сергию Королевский посвятил в письме к Дюмону наиболее обстоятельный пассаж:

Его дело обсуждалось на заседании 22 июля 1940 г. Можно ли прийти в Россию, исключив одного из самых прославленных и самых популярных святых? В то время [в эпоху Сергия Радонежского] вопроса об общении с Римом на самом деле не существовало, все проходило при посредничестве митрополита Алексия и константинопольского патриарха, и мы не можем делать выводов о вере человека исходя из веры его лидеров, в том вопросе, который сам человек никогда не имел возможности изучить. Он верил в то, во что верила Церковь его времени; на самом деле, вера выражается посредством литургии и символов. Литургия — явно католическая; в то время ни символ, ни соборные постановления не провозглашали отделения от Рима. В Житии нет абсолютно ничего предосудительного. Некоторые наши современники хотели сделать из святого Сергия политика: на самом деле он был только святым монахом и миротворцем. [...] Преподобный Сергей был принят. Как хотелось бы, чтобы Руссикум был посвящен ему! Но в те дни было неблагоприятно даже говорить об этом [Korolevskij 4: 2069].

Члены комиссии признали, что могут быть приняты региональные соборы святых, в частности, общий праздник всех Киево-Печерских преподобных и собор всех святых, в земле российской просиявших, и другие того же рода. Королевский писал:

Аналогично мы включаем все поминовения русских князей, умерщвленных татарами из ненависти к христианской вере во времена монгольского ига, поскольку в их смерти нет ничего политического, и, наоборот, более тщательно исследуем дела других князей, о которых можно предположить, что их почитание имело более политическое, чем религиозное происхождение [Korolevskij 4: 2066].

Далее неизбежно возникал вопрос: если имя восточного святого, в частности русского, вносится в официально одобренный Церковью месяцеслов, можно ли это приравнять к равноценной (лат. *aequipollens*) канонизации? В Католической церкви, кроме формальной канонизации (беатификации) святого, предусмотрена также равноценная (или эквивалентная) канонизация (беатификация) без обычной судебной процедуры, с опорой только на факт продолжительного почитания подвижника и на всеобщее свидетельство в течение долгого времени о его святой жизни. Как мы видели, работа по усовершенствованию месяцесловной части *Recensio Vulgata* и *Recensio Ruthena* сосредоточилась в Конгрегации по делам Восточных церквей, без какого-либо участия Конгрегации по священным обрядам, которая только и была компетентна в ту эпоху в делах канонизации святых. По мнению М. Петровича, ревизия календаря святых в данном случае воспринималась как исключительно литургическая проблема, решаемая в рамках полномочий Восточных католических церквей [Petrowycz 2005: 364; Idem 2008: 291–292].

По свидетельству Королевского, вопрос о равноценной (эквивалентной) канонизации комиссия рассмотрела в июне 1940 г., и ответ был отрицательным [Korolevskij 4: 2064]. Решили, что внесение в RVM какого-либо нового имени, неизвестного ранее Католической церкви, ни в коей мере не является равноценной канонизацией данного человека; все вопросы канонизации по-прежнему оставались в юрисдикции Конгрегации по священным обрядам.

В письме к Дюмону Королевский рассказал, по каким причинам некоторые имена не попали в RVM. Митрополита Михаила (X в.), традиционно считавшегося первым Киевским иерархом, сочли легендарной фигурой, никогда не существовавшей. Киевские митрополиты Петр (XIII–XIV вв.) и Алексей Бяконт (XIV в.), по мнению членов комиссии, были прославлены в Русской церкви в основном за то, что поддерживали политическую гегемонию Москвы; кроме того, члены литургической комиссии отнесли начало почитания этих святителей к середине XVII в. Неприемлемым оказался и митрополит Иона (XV в.), противник митрополита Исидора и Флорентийской унии. Митрополит Московский Филипп II Колычев (1507–1569), по словам Королевского, «замечательный пример иерарха, достойный появления в месяцеслове.

Комиссия не смогла включить его, поскольку взяла за правило не выходить за рамки 1439 г.» [Korolevskij 4: 2068].

Имя князя Игоря Черниговского (XII в.) было отклонено, поскольку в обстоятельствах его убийства киевлянами в 1147 г., по мнению членов комиссии, не было ничего религиозного. После дискуссии о великом князе Александре Невском (1221–1263) комиссия сочла, «что этот вопрос ни в коем случае не является ясным, и что в настоящее время разумнее воздержаться. Будет хорошо рассмотреть его для более позднего издания» [Korolevskij 4: 2068]. Наконец, Королевский сообщил Дюмону текст заявления, сделанного литургической комиссией 21 октября 1941 г.:

Наш труд не должен считаться завершенным и не исключает возможности добавления большего числа имен. Мы считаем, что русские святые могут и должны быть включены в месяцеслов, но мы недостаточно компетентны в русской агиографии; с другой стороны, изучения русской агиографии до сих пор почти не существует на Западе. Мы следовали наиболее надежному пути, и по этой причине мы были достаточно суровы; мы исключили всех митрополитов и почти всех князей, многих епископов уже при первом рассмотрении. Во втором рассмотрении (так как их было два) мы были еще строже и всерьез учили позднее время жизни святых, даже если это было единственным препятствием, и это препятствие никак не означало соучастия в схизме. Также мы приняли во внимание древность почитания, его универсальный или же местный характер. Те, кто придут после нас, смогут, если сочтут это целесообразным, включить еще имена, ведь к примерно двадцати русским святым нетрудно добавить других. Мы этого не сделали только из осторожности [Korolevskij 4: 2071].

О соображениях осторожности Королевский вспомнил не случайно. Миссионеры Руссикума стремились построить свое византо-католическое сообщество как подсистему сразу двух культур — русской религиозной культуры и Католической церкви. Такая смелая задача не могла быть реализована безболезненно; русский католический апостолат сталкивался с непониманием. Королевский поведал Дюмону, что осторожничать комиссию вынуждали опасения, связанные с критической позицией как украинских греко-католиков, так и некоторых некомпетентных латинян.

С тех пор русские литургические памяти в RVM ни разу не пересматривались и не дополнялись, за одним небольшим исключением. В русской православной традиции существует празднование собора всех святых, в земле российской просиявших, установленное поместным собором Православной российской церкви 1917–1918 гг. [Кравецкий, Плетнева 2013: 33–36; Семененко-Басин 2017: 64–67, 70]. В RVM этот переходящий праздник не был внесен, но в 1953 г., когда переиздавали Служебник Recensio Vulgata 1942 г., книгу снабдили несколькими приложениями. В частности, приложение к месяцеслову содержит «Память всех святых, в земле русстей просиявших» во второе воскресенье по Пятидесятнице.

Для этого памятного дня в приложении приводятся прокимны на утрени и литургии, аллилуарий и причастен; именной перечень собора святых отсутствует [Служебник 1953: 47–48 (второй пагинации)].

Отметим произошедшее в 1953 г. изменение дефиниции — не «в земле российстей», как это было принято на Московском соборе 1917–1918 гг., но «в земле русстей». А. Г. Кравецкий и А. А. Плетнева связывают вытеснение в богослужебных текстах слов с корнем *росс-* словами с корнем *рус-* (русский / русский) с процессами, которые происходили в церковнославянском языке под влиянием русского. В XIX в. в русской культуре появилось противопоставление «Святой Руси» и Российской империи, с начала XX в. слово «Русь» начинает спорадически использоваться в новых богослужебных текстах, но экспансии слова «русский» препятствовало официальное название церковной организации «Православная российская церковь» («российская», а не «русская»). Наименование «Русская православная церковь» церковная организация получила в 1943 г., что в дальнейшем повлекло широкое использование слова «русский» в православной гимнографии XX–XXI вв. [Кравецкий, Плетнева 2013: 80–88]. По всей видимости, издатели RVM в 1953 г. почувствовали эту языковую тенденцию и предприняли замену «российстей» на «русстей»⁵.

Таблица 2

Памяти святых Восточных католических церквей в RVM

Нил Кристоферратский [Нил Россанский]	27 сентября	Без знака (черным шрифтом)
Иосафат, архиепископ Полоцкий, священно- мученик	12 ноября	Средний полиелейный праздник
Косма, пресвитер Арменский, мученик [Комитас Кемурджян, Косма да Карбоньяно]	5 июня	Без знака (черным шрифтом)
Гебре Михаил, пресвитер Ефиопский, мученик	28 августа	Без знака (черным шрифтом)
Франкиск, Мутий и Рафаил, мученики [братья Франциск, Абдель Моти и Рафаэль Массабки]	10 июля	Без знака (черным шрифтом)

⁵ Любопытно, что в изданиях Московского патриархата подобная замена произошла только после мая 2013 г., когда Синод Русской православной церкви распорядился использовать наименование «Неделя всех святых, в земле русской просиявших» вместо «Неделя всех святых, в земле российстей просиявших» [Кравецкий, Плетнева 2013: 88].

Составители *Recensio Vulgata* не могли обойти вниманием восточно-христианских святых. Имена равноапостольных Кирилла и Мефодия из месяцеслова Православной российской церкви вполне предсказуемо перенесены в RVM (Кирилл — 14 февраля, Мефодий — 6 апреля, Кирилл и Мефодий — 11 мая). Благочестие болгар и сербов в RVM представляют Параскева Тырновская (14 октября), Иоанн Рыльский (19 октября), чьи имена издавна присутствуют в русском православном месяцеслове. Из месяцеслова Болгарской православной церкви редакторы RVM заимствовали память (27 июля) Климента Охридского (ок. 840–916), просветителя болгар, самого известного из учеников Кирилла и Мефодия. Климент Охридский почитается православными и византо-католиками Болгарии и Македонии. Отметим, что в 1920–1930-е гг. восточное католичество среди болгар укреплялось, в Болгарии был создан Апостольский экзархат, чему немало способствовал папский нунций в Болгарии Анджело Ронкалли (будущий папа Иоанн XXIII).

Кирилл Королевский в письме Дюмону эмоционально описал свою неудачу со святителем Саввой I Сербским, одним из самых почитаемых средневековых сербских святых: «[...] Комиссия сделала шаг назад. А пока я собираю все, что могу найти о Св. Савве: надеюсь, что однажды он будет включен [в месяцеслов]» [Korolevskij 4: 2071].

В RVM было добавлено имя Нила Россанского (910–1004), подвижника византийской традиции в Италии, основавшего неподалеку от Рима византо-католическую обитель Гроттаферрата. Святой Нил особенно важен для Итало-албанской католической церкви. Быть может, какое-то значение имел тот факт, что все книги *Recensio Vulgata* и *Recensio Ruthena*, о которых здесь идет речь, отпечатаны в типографии Гроттаферратского монастыря.

Добавлено имя полоцкого архиепископа Иосафата, о котором Королевский писал Дюмону: «Мы приняли святого Иосафата Полоцкого, несмотря на то что его ненавидят не католики: он славный мученик унии, и мы не должны чрезмерно принимать во внимание предпочтения или антипатии антикатолических фанатиков» [Korolevskij 4: 2070]. Празднование памяти Иосафата стало смысловым звеном, соединившим русских византо-католиков с греко-католиками Беларуси и Украины.

Имена мучеников Восточных католических церквей, беатифицированных папой Пием XI, включены в RVM неслучайно. Составителям корпуса книг *Recensio Vulgata* важно было показать, что уния с Римом не лишает восточно-христианские церкви духовной плодovitости, способности рождать святых.

Комитас Кемурджян, известный как Косма да Карбоньяно (1656–1707), — женатый священник армяно-григорианской традиции, живший

в Стамбуле. Приняв христологию Халкидонского собора, в 1696 г. вместе с семьей он присоединился к Католической церкви. Это было самое начало католической миссии среди армян, увенчавшейся в исторической перспективе созданием Армянской католической церкви. Комитас Кемурджян служил и проповедовал в стамбульской армяно-католической церкви св. Георгия, казнен во время гонений на западноевропейских христиан-католиков в Османской империи [Martirologio 2004: 856].

Исповедание христологии Халкидонского собора было принципиальным моментом и в случае Гебре Михаила, эфиопского монаха, присоединившегося к Католической церкви под влиянием итальянского епископа-миссионера Юстина де Якобиса, чьими трудами заложено основание Эфиопской католической церкви. Так же, как и Юстин де Якобис, Гебре Михаил вступил в Орден лазаристов; став священником, он ревностно участвовал в католической миссии. Эфиопский подвижник пострадал в 1855 г. от властей своей страны [Martirologio 2004: 544].

Братья Франциск, Абдель Моти и Рафаэль Массабки — активные миряне Маронитской католической церкви, убитые в Дамаске в ходе резни христиан, учиненной в 1860 г. друзьями при пособничестве турецких властей [Martirologio 2004: 533]. Папа Пий XI причислил к лику блаженных Гебре Михаила, братьев Массабки (в числе одиннадцати Дамасских мучеников) — в 1926 г., Комитаса Кемурджяна (Косму да Карбоньяно) — в 1929 г.

Таблица 3

Латинские памяти в RVM

Августин, епископ Иппонский	28 августа	Без знака (черным шрифтом)
Франциск Ассизийский [Франциск Ассизский]	4 октября	Без знака (черным шрифтом)

В русском православном месяцеслове традиционно присутствовали древние западные святые, в частности священномученик Иринеи Лугдунский [Иринеи Лионский], Иулиан Кеноманийский [Юлиан епископ Ле-Мана], Амвросий Медиоланский, Мартин Туронский [Мартин Турский], Иероним Стридонский, древние римские папы. Сохраняя этих святых в месяцеслове, редакторы RVM добавили имя учителя Церкви Аврелия Августина. Что же касается Франциска Ассизского, принадлежавшего иной эпохе, нежели Амвросий и Августин, то о нем Королевский говорит в письме к Дюмону следующее:

Святой Франциск Ассизский также был включен, поскольку о нем существует целая русская литература, потому что францисканский тип святости и милости отлично уживается с русским характером, потому что русские

парижане хотели каким-то явным образом почтить его, а также в качестве поощрения для капуцинов, сформировавших хорошо работавшую восточную ветвь [своего ордена] [Korolevskij 4: 2070].

Добавим, что на членов комиссии прямо или опосредованно могла влиять живая память о русской культуре Серебряного века, тем более что поэт Вячеслав Иванов (1866–1949), живший в Риме, находился в числе ближайших сотрудников Руссикума. Ни один западный святой не становился так часто предметом эстетической рефлексии, философского созерцания, поэтического вдохновения для людей русского Серебряного века, как Ассизский Беднячок [Августин 2002; Самарина 2007; Августин 2014].

Напротив, предложение о включении в RVM Терезы Младенца Иисуса (1873–1897) было отклонено, и это при том, что Руссикум с момента основания был посвящен ее покровительству [Simon 2009: 340]. Королевский был против включения имени Терезы в RVM, он писал, что святая Тереза Малая «не имеет ничего общего с Россией» [Korolevskij 4: 2070], вероятно, имея в виду несоответствие уникальной духовности святой кармелитки внутреннему укладу и стилю русского православия.

* * *

Римская литургическая комиссия, подготовившая RVM как единственный официально разрешенный месяцеслов для русских византо-католиков, с четко очерченной границей включения / исключения, вовсе не считала свою работу завершенной и не подлежащей пересмотру. Поскольку составители RVM опирались на богослужебные издания дореволюционной России, уточним, что памяти святых в месяцесловах православных богослужебных книг и в месяцесловной главе Типикона, предназначались для использования в богослужебных контекстах, на литии, проскомидии, великом отпусте, т. е. в литургических изданиях присутствовали имена лишь тех святых, которым в определенный день полагалась служба. Календари святых в русских литургических книгах, так же как и отдельно издававшиеся святцы, никогда не были полными, в Синодальный период их неоднократно редактировали и пересматривали [Булгаков 1913: 718–720; Руди 2011]. Таким образом, одно только состояние источников уже предполагало дальнейшее уточнение RVM.

Русские памяти, содержащиеся в RVM, сверены нами с именами святых в богослужебных книгах Православной российской церкви. Были просмотрены *de visu* месяцесловные главы московского печатного Типикона 1695 г. (издание, завершившее процесс исправления церковного устава в России), Типикона 1904 г., месяцесловы в Иерейском молитвослове и в Служебнике, отпечатанных Московской синодальной

типографией [Типикон 1695; Типикон 1904; Иерейский молитвослов 1900; Служебник 1901]. Нас интересовали знаки Типикона для русских литургических памятней, причем выяснилось далеко не полное совпадение этих знаков уже в самих синодальных изданиях.

Учитывая разночтения в книгах синодальной печати, можно тем не менее констатировать бережное отношение составителей RVM к знакам Типикона; литургический статус каждой русской памяти, сохранившейся в RVM, почти всегда точно соответствует такому же статусу в синодальных богослужебных изданиях. Несомненно, составители корпуса *Recensio Vulgata* дорожили церковной преемственностью с материнской православной традицией.

Закончив обзор месящеслова, постараемся выяснить, какой образ культурной памяти, «лик Святой Руси», представили в тексте RVM его составители. Прежде всего, перед нами центральные фигуры христианизации Киевской Руси и средневековые святые, по преимуществу связанные с регионом, который ныне именуется украинско-белорусским. Восточнославянские святые домонгольской эпохи представлены в RVM достаточно полно, а когда наше внимание перемещается от украинско-белорусских земель к великорусским, в поле зрения, кроме святых людей, появляются также чудотворные иконы Богоматери. Если исходить из частоты упоминания в RVM святых и икон, то основными духовными центрами Великороссии видятся древние города Новгород Великий и Ростов. Именно там процвела святость, достойная почитания. На втором месте — Смоленск и Москва, отмечены также Поволжье (Казань) и Русский Север. Замечательно, что Московский регион представлен лишь одним святым, хотя и важнейшим (Сергием Радонежским), а все остальные московские реалии — богородичные, т. е. чудотворные иконы Пресвятой Марии.

Составители RVM, как видно из документов Кирилла Королевского, вполне сознавали свою недостаточную осведомленность о реалиях местных религиозных культур России с их локальными чертами менталитета, опорой на собственные святыни. Достаточно сказать, что в RVM, казалось бы, представлены все основные чины святости, но... полностью отсутствуют русские юродивые, что совершенно удивительно, учитывая их популярность в народе.

История восточнославянской католической (ортодоксальной) святости, согласно данным RVM, завершилась на рубеже 1430-х и 1440-х гг., чтобы затем, во времена борьбы за Брестскую унию, вспыхнуть еще раз в мученичестве архиепископа Иосафата Полоцкого. Впрочем, эпоха после отказа Московского государства от Флорентийской унии в RVM не остается «белым пятном», но запечатлена событиями, являющимися неизменное покровительство Богоматери над народом, над русской

землей — «домом Богородицы». RVM содержит тринадцать русских по происхождению праздников в честь богородичных икон, из них девять отмечают события второй половины XV–XVII вв. Самой поздней датой сакральной истории Руси в RVM оказывается чудо от московской иконы Всех скорбящих радость (1688). Несомненно, перед нами — своеобразная интерпретация национального прошлого.

Вскоре после составления RVM именно в мариологической перспективе определил русское благочестие папа Пий XII, обратившись 7 июля 1952 г. в Апостольском послании «*Sacro vergente anno*» к народам России:

Нам известно также, — и на этом покоится Наше упование и из этого Мы черпаем великое утешение, — что вы любите и почитаете с пламенной преданностью Пречистую Деву Марию, Матерь Божию, и поклоняетесь Ее святым иконам. [...] Мы знаем, что не может отсутствовать надежда на спасение там, где души с искренним и неугасающим благочестием почитают Пресвятую Богородицу [Pius XII 1952a: 510; Idem 1952b: 20].

Эксперты Католической церкви точно распознали в русской религиозности ключевой момент: «присутствие» Богоматери, ее покровительство на протяжении истории народа, причем проявленное через иконы [Тарасов 1995: 53–73; Шевцова 2010: 352–415]. Аналогичное «присутствие» Пресвятой Марии, хотя и в иных культурных формах, характерно для западного (католического) христианства.

Как следует из процитированного выше заявления литургической комиссии от 21 октября 1941 г., при составлении RVM был выполнен своего рода дизайн традиции. Редакторы RVM создали вполне продуманную систему, в которой святые не просто гармонично распределены по землям и уделам Руси. Более того, восточнославянские святые, древние святые византийского месяцеслова, латинские учителя Церкви, святые византо-католических церквей разных эпох — все подчинены гармонической логике, причем гармония служит организации целого. Мы вправе увидеть в этом отражение психологической парадигмы русского католического апостолата и его послание будущему.

Библиография

Источники

Дольницкий 1899

Дольницкий И., *Типик Церкви Руско-католическия*, Львов, 1899.

Иерейский Молитвослов 1900

Иерейский молитвослов, Москва, 1900.

——— 1950

Иерейский молитвослов, Рим, 1950.

Литургикон 1929

ЛЕІТОУРГІКОН сиречь Служебник, содержай в себе по чину Святыя Каволическыя Восточныя Церкви Литургии иже во святых отец наших Иоанна Златоустаго, Василия Великаго и Григория Двоеслова, Папы Римскаго, со всеми службами неделными, ежедневными, праздничными и общими святым, Львов, 1929.

——— 1942

Литургикон сиесть служебник, Рим, 1942.

Служебник 1901

Служебник, Москва, 1901.

——— 1953

Служебник, Рим, 1953.

Типикон 1695

Книга Типикон, сиесть изображение чина церковнаго, яже зовется Устав, Москва, 1695.

——— 1904

Типикон, сиесть Устав, Москва, 1904.

Martirologio 2004

Martirologio Romano: Riformato a norma dei decreti del Concilio Ecumenico Vaticano II e promulgato da Papa Giovanni Paolo II, Roma, 2004.

Литература

Августин 2002

Августин (Никитин), арх., Св. Франциск Ассизский в русской культуре, *Христианство и русская литература*, 4, 2002, 497–534.

Августин 2014

Августин (Никитин), арх., Св. Франциск Ассизский и русские символисты, *Нева*, 11, 2014, 227–245.

Алексеев 1988

Алексеев Л. В., Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей, Б. А. Тимошук, ред., *Древности славян и Руси*, Москва, 1988, 100–105.

Булгаков 1913

Булгаков С. В., *Настольная книга для священно-церковно-служителей. (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства)*, 3-е изд., Киев, 1913.

Василий 1966

Василий (фон Бурман), диакон, Леонид Федоров: *Жизнь и деятельность* (= Publicationes scientificae et litterariae “Studion” monasteriorum studitarum, 3–5), Рим, 1966.

Козлов-Струтинский, Парфентьев 2014

Козлов-Струтинский С., Парфентьев П., *История Католической Церкви в России*, С.-Петербург, 2014.

Кравецкий, Плетнева 2013

Кравецкий А. Г., Плетнева А. А., Становление современного облика Служебных Миней (XVII — нач. XXI века), Е. Потехина, А. Кравецкий, ред., *Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных*, Olsztyn, 2013, 15–90.

Леонид 1891

Леонид (Кавелин), арх., *Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века), обще или местно чтимых* (= Памятники древней письменности и искусства, 97), С.-Петербург, 1891.

Петрович 2011

Петрович М., Образ святости Київської церкви в працях перших унійних істориків: на прикладі Specimen Ecclesiae Ruthenicae Ігнатія Кульчинського ЧСВВ, *Наукові записки Національного університету «Острозька академія»*. Сер.: Історичне релігієзнавство, 5, 2011, 169–181.

Руди 2011

Руди Т. Р., Из истории русской агиологии начала XX в.: издание «Верного Месяцеслова всех русских святых», *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*, 2, 2011, 309–318.

Самарина 2007

Самарина М. С., Франциск Ассизский в русской критике XIX–XX вв., *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, 3/1, 2007, 9–14.

Семенов-Басин 2017

Семенов-Басин И. В., *Святость в русской православной культуре XX века: история персонификации*, Москва, 2017.

Тарасов 1995

Тарасов О. Ю., *Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России*, Москва, 1995.

Шевцова 2010

Шевцова В., *Православие в России накануне 1917 г.*, перев. с англ., С.-Петербург, 2010.

Korolevskij, 1–5

Korolevskij C., *Kniga bytija moego (Le livre de ma vie). Mémoires autobiographiques*, 1–5, Texte établi, édité et annoté par G. M. Croce (= Collectanea Archivi Vaticani, 45), Cité du Vatican, 2007.

Kulczynski 1733

Kulczynski I., *Specimen Ecclesiae Ruthenicae ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana*, Romae, 1733.

Martinov 1863

Martinov J., *Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus editus anno millenario sanctorum Cyrilli et Methodii Slavicae gentis apostolorum, seu Commemoratio et brevium rerum gestarum eorum qui fastis sacris Graecis et Slavicis illati sunt*, Bruxellis, 1863.

Papebrochius 1680

[Papebrochius D.], *Ephemerides Graecorum et Moscorum, horum figuratae, istorum metricae, Latine redditae et observationibus variis illustratae*, Henschenius G., Papebrochius D., eds., *Acta sanctorum Maii, collecta, digesta, illustrata*, 1, Antverpiae, 1680, i–lxxii.

Petrowycz 2005

Petrowycz M., *Bringing Back the Saints: The Contribution of the Roman Edition of the Ruthenian Liturgical Books (Recensio Ruthena, 1940–1952) to the Commemoration of Slavic Saints in the Ukrainian Catholic Church*, (A dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in Theology [and Doctor of Theology] to the Faculty of Theology, Saint Paul University, Ottawa, Canada, 2005).

Petrowycz 2008

Petrowycz M., *The Recensio Ruthena Slavic Sanctoral Reform: Principles, Procedures, Results, Perspectives*, *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*, 3/5, 2008, 283–298.

Pius XI 1935

Pius XI, *Motu proprio «De Commissione pro Russia deque liturgicis ritus slavici libris edendis»*, *Acta Apostolicae Sedis: commentarium officiale*, 27, 1935, 65–67.

Pius XII 1952a

Pius XII, Epistula apostolica «Ad universos Russiae populos», *Acta Apostolicae Sedis: commentarium officiale*, 44, 1952, 505–511.

——— 1952b

Святейшего отца нашего Пия XII Божественным провидением Папы Римского Апостольское послание ко всем народам России, Рим, 1952.

Simon 2009

Simon C., *Pro Russia: The Russicum and the Catholic Work for Russia* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 283), Rome, 2009.

References

Alekseev L. V., Ignatii Kul'chinskii — pervyi issledovatel' belorusskikh drevnostei, B. A. Timoshchuk, ed., *Drevnosti slavian i Rusi*, Moscow, 1988, 100–105.

Avgustin (Nikitin), arkh., Sv. Frantsisk Assizskii v russkoi kul'ture», *Khristianstvo i russkaia literatura*, 4, 2002, 497–534.

Avgustin (Nikitin), arkh., Sv. Frantsisk Assizskii i russkie simvolisty, *Neva*, 11, 2014, 227–245.

Vasilii (fon Burman), diacon, *Leonid Fedorov: Zhizn' i deiatel'nost'* (= *Publicationes scientificae et litterariae "Studion" monasteriorum studitarum*, 3–5), Rome, 1966.

Korolevskij C., *Kniga bytija moego (Le livre de ma vie). Mémoires autobiographiques*, 1–5, Texte établi, édité et annoté par G. M. Croce (= *Collectanea Archivi Vaticani*, 45), Cité du Vatican, 2007.

Kozlov-Strutinskii S., Parfent'ev P., *Istoriia Katolicheskoi Tserkvi v Rossii*, St. Petersburg, 2014.

Kravec'kij A. G., Pletneva A. A., Stanovlenie sovremennogo oblika Sluzhebnykh Minei (XVII — nach. XXI veka), E. Potekhina, A. Kravetskii, ed., *Minei: obrazets gimnograficheskoi literatury i sredstvo formirovaniia mirovozzreniia pravoslavnykh*, Olsztyn, 2013, 15–90.

Petrowycz M., Obraz sviatosti Kiivs'koï tserkvi v pratsiakh pershih uniinikh istorikov: na prikladi

Specimen Ecclesiae Ruthenicae Ignatii Kul'chinsk'kogo ChSVV, *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademiia». Ser.: Istorichne religioznavstvo*, 5, 2011, 169–181.

Petrowycz M., The Recensio Ruthena Slavic Sanctoral Reform: Principles, Procedures, Results, Perspectives, *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*, 3/5, 2008, 283–298.

Rudi T. R., Iz istorii russkoi agiologii nachala XX v.: izdanie «Vernogo Mesiasleslova vseh russkikh sviatykh», *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii*, 2, 2011, 309–318.

Samarina M. S., Frantsisk Assizskii v russkoi kritike XIX–XX vv., *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3/1, 2007, 9–14.

Simon C., *Pro Russia: The Russicum and the Catholic Work for Russia* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 283), Rome, 2009.

Semenenko-Basin I. V., *Sviatost' v russkoi pravoslavnoi kul'ture XX veka: istoriia personifikatsii*, Moscow, 2017.

Shevtsova V., *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*, St. Petersburg, 2010.

Tarasov O. Iu., *Ikona i blagochestie: Ocherki ikonogo delo v imperatorskoi Rossii*, Moscow, 1995.

Илья Викторович Семененко-Басин, доктор исторических наук,

независимый исследователь

Москва

Россия / Russia

vivere.est@gmail.com

Stefano Caprio, Prof., Dr. Scienze Ecclesiastiche Orientali

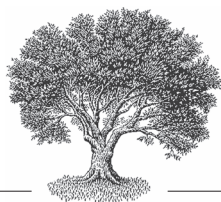
Pontificio Istituto Orientale

00185, Roma, Piazza di S. Maria Maggiore 7

Italia / Italy

scaprio@orientale.it

Received November 15, 2020

How Recently Borrowed Verbs in Russian Form Perfective Aspect: An Experimental Approach

Gustaf Olsson

University of Turku,
Turku, Finland

Образование глаголов совершенного вида от новейших заимствований в русском языке: экспериментальный подход

Густав Ульссон

Университет Турку,
Турку, Финляндия

Abstract

This article examines how Russian aspectual pairs from borrowed and colloquial verbs are formed. This question is relevant since the most common source languages of Russian loan verbs do not express the aspectual distinction (imperfective-perfective) morphologically. Seventeen new verbs, most of which belong to the technological sphere, were examined in an online experiment (N=120), in which native Russian speakers were asked to form perfective counterparts for a number of new verbs, such as *гуглить* 'to google' and *эсмэсить* 'to text, to SMS'. The results show that there is variation in the formation of these new verbs, but also that one form was chosen by most participants who formed a valid perfective. The most common perfectivizers in this experiment were the suffix *-ну-*, followed by the prefixes *за-*, *про-*, *от-* and *с-*. The suffix *-ну-* is especially productive in verbs denoting actions that can be carried out

Citation: Olsson G. (2021) How Recently Borrowed Verbs in Russian Form Perfective Aspect: An Experimental Approach. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 392–413.

Цитирование: Ульссон Г. Образование глаголов совершенного вида от новейших заимствований в русском языке: экспериментальный подход // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 392–413.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.17

or finished in a short time but is also found in verbs denoting longer processes. This use of *-ny-* is characteristic for verbs in Russian slang.

Keywords

aspect, prefixation, suffixation, neologisms, loanwords

Резюме

В статье исследуется образование видовых пар новых и/или заимствованных глаголов в русском языке. Интерес к данному вопросу вызван тем фактом, что языки-источники заимствования не выражают морфологически видового значения «совершенности–несовершенности». 17 новых глаголов тематической группы «технологии» были исследованы в ходе онлайн-эксперимента, в котором приняли участие 120 носителей русского языка. Респонденты образовывали соответствующие глаголы совершенного вида для ряда новых глаголов, таких как *гуглить* и *эсмэсить*. Результаты эксперимента показывают, что не все участники солидарны в выборе способа перфективизации (выборе перфективирующего префикса или суффикса), однако в большинстве случаев один из глаголов совершенного вида доминирует. Наиболее распространенным способом образования совершенного вида глаголов, включенных в эксперимент, оказался суффикс *-ny-*, на втором месте — префикс *за-*, и меньшую популярность имели префиксы *про-*, *от-* и *с-*. Суффикс *-ny-* является особенно продуктивным в глаголах, выражающих действия, которые могут быть выполнены или совершены в течение короткого времени, но также в глаголах, выражающих длительные процессы. Это употребление суффикса *-ny-* характерно для глаголов в русском сленге и просторечии.

Ключевые слова

вид, префиксация, суффиксация, неологизмы, заимствования

1. Introduction

During the last decades, Russian has been enriched by many new verbs, and many of these verbs are related, in one way or another, to new technologies, for example *лайкать* ‘to like (show approval of a post on an internet forum)’, *апгрейдить* ‘to upgrade’, and *гуглить* ‘to google’. The formation of these verbs is relatively easy to describe: they all consist of a non-Russian root—*лайк* ‘like (noun)’, *апгрейд* ‘upgrade’ and *Гугл* ‘Google’—and a verbal suffix: *-а-ть* or *-и-ть*. However, all of these verbs are imperfective, and most Russian verbs have one (or more) corresponding perfective verb(s) which, together with the imperfective base verb, form so-called *aspectual pairs*. The formation of aspectual pairs lacks morphological regularity, and for this reason, the question of how perfective counterparts of new verbs are formed arises. The topic of this article is how native Russian speakers form perfective counterparts of borrowed or newly coined verbs from the past two decades.

This article is based on an experiment in which 120 native Russian speakers were asked to produce perfective counterparts of foreign or recently coined verbs from the last decades. Since the most common source languages of borrowed verbs into Russian do not express imperfective-perfective aspectual opposition morphologically, Russian speakers must decide which aspect a newly borrowed verb takes and, if needed, form a corresponding verb in the other aspect. Most new aspectual pairs are formed through prefixation, with an unprefixated, imperfective base verb and a prefixed perfective verb. There are no less than nineteen Russian prefixes¹ that can change the aspect of a verb [Кронгауз 1998: 111]. New aspectual pairs can also be formed via suffixation; productive suffixes are the imperfectivizing *-ыва-* and the perfectivizing *-ну-*. How do Russian speakers decide which aspectual affix to use when a new aspectual pair is formed?

The following part of this article, section 2, provides the theoretical background of verbal aspect and aspectual pairs in Russian. Section 3 describes the design of the experiment and its theoretical premises. Section 4 discusses the results of the experiment.

2. Verbal aspect in Russian

In the scholarly literature on aspectology and aspectual pairs in Russian, comparatively little attention has been given to the formation of aspectual pairs of borrowed verbs. Furthermore, most studies on this subject are about borrowed biaspectual verbs, whose infinitive end with *-овать* or *-евать* [Авилова 1968, Черткова, Чанг 1998, Хоригучи 2018, Olsson 2018]. The formation of aspectual pairs of other types of borrowed verbs has been studied by Gjervold [2013] and Соколова [2009]. Their findings suggest that the prefix *за-* is the most productive perfectivizer in modern colloquial Russian.

If borrowed verbs form aspectual pairs, they do so mainly through prefixation, for example with the abovementioned *за-*. By adding a prefix to an unprefixated imperfective verb, the verb becomes perfective, e.g. *гуглить-загуглить* ‘to google’. The perfective verb in a prefixed aspectual pair in this article shall be referred to as a *natural perfective*, as termed by Janda [2007].

The semantics of the prefixes used to form natural perfectives has been a subject of debates for decades. Traditionally, they have been called *чисто-видовые приставки* ‘purely aspectual prefixes’ [Тихонов 1964] or *пустые приставки* ‘empty prefixes’. These two terms seem to imply that these prefixes lack any meaning except the feature [+perfective aspect]. Another view is to deny that prefixed pairs are genuine aspectual pairs. According to this view, a prefix always alters the meaning of the base verb and only suffixed pairs are

¹ в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-.

true aspectual pairs [Isačenko 1968: 362; Карцевский 1962: 229]. A third option—a middle way between the two former hypotheses, one could say—is the so-called *overlap hypothesis* [Janda et al. 2013: 1], which claims that the choice of aspectual (“empty”) prefix depends on the meaning of the verb and that the meanings of the verb and the prefix overlap. In the words of Zaliznjak et al. [Зализняк, Шмелев 2000: 81–82; Зализняк et al. 2015: 93], an “empty” prefix is a prefix that duplicates some semantic component already present in the base verb. This idea was introduced for Russian by van Schooneveld² [1958], and has been further studied and developed by the Exploring Emptiness research group at the University of Tromsø³ [Endresen et al. 2012; Janda et al. 2013].

Suffixed aspectual pairs, for example *показывать-показать* ‘to show’, have a clear morphological relationship: the affix *-ыва-* marks the imperfective aspect. Some scholars have claimed, as mentioned above, that the only “true” aspectual pairs are suffixed pairs, but this is a rather unpopular idea, and the author of this article does not share this view. Janda and Lyashevskaya [2011a] have investigated the hypothesis that suffixed and prefixed pairs behave differently, and their conclusion is that the grammatical profile (the distribution of forms, present, past, imperative, etc., for a given verb in a corpus) of prefixed aspectual pairs, such as *писать-написать* ‘to write’, is similar to that of suffixed aspectual pairs, such as *показывать-показать* ‘to show’. For this reason, the authors claim that prefixed pairs ought to be considered valid aspectual pairs (see also [Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк et al. 2015]). Nonetheless, prefixed pairs are indeed more difficult to establish than suffixed ones, as all prefixes have other meanings beside the “purely aspectual” meaning and since the same prefix can be “empty” (used to form a natural perfective) in one verb but can alter the meaning of the base verb in another. For example, the prefix *на-* in *написать* ‘to write’ is used to form a natural perfective to *писать* ‘to write’, but in *нафотографировать* ‘to photograph much’ the prefix also adds the meaning ‘a lot’ to the imperfective base form *фотографировать* ‘to photograph’.

Borrowed verbs give us a good opportunity to test the abovementioned hypotheses. This article describes a novel, quantitative method of establishing aspectual pairs that is based on the intuition of a large number of native speakers. If Russian aspectual prefixes were semantically empty and there were no connections between the base verb and its prefix, we would expect a large degree of variation between the different speakers, and the distribution of aspectual affixes in aspectual pairs of new loan verbs to be random. If, on the other hand, most native speakers independently of each other use the same

² In Russian, the overlap hypothesis is known under the name *эффект Вей-Схоневельда* ‘the Vey-Schooneveld effect’.

³ See <http://emptyprefixes.uit.no/>

affix for the same verb to form a new perfective verb, the choice of affix cannot be random, and this means that the overlap hypothesis might be a plausible explanation. A third possibility is that one aspectual affix is the “regular form” in modern Russian and therefore used for all new aspectual pairs.

3. Method

The experiment this article is based on was carried out in January and February 2018. It was conducted on the internet with Webropol,⁴ and 120 Russian-speaking respondents answered the survey anonymously. Of these participants, 114 reported that Russian was their native language, and six answered that albeit Russian was not their native language, they speak Russian since childhood at near native level. If a respondent answered “no” to whether Russian was his or her native language, the survey would not go further. The majority of the participants were under the age of 40; the ages ranged from teenagers (5 participants), 20 to 39 (65), 40 to 69 (49), and older than 70 (1). The gender distribution was 39 (32.5%) males and 81 (67.5%) females.

The goal of the experiment was to find natural perfectives for a number of newly borrowed or coined verbs in Russian. In order to shed light on how the process of perfectivization works in modern-day Russian, the experiment used older verbs and aspectual pairs that have been in the language for a long time (e.g. *делать-сделать* ‘to do, to make’ or *ставить-поставить* ‘to put, to place’) for comparison. The participants read phrases such as *поставить лайк* ‘to click like’ and were asked to form a synonymous verb in the corresponding aspect with the root *лайк*. The following sections describe the method in detail.

3.1. Setup of the experiment

The fundamental idea behind the experiment is that many verbs that are formed from nouns and proper names can be derived using the following formula:

$$\text{Verb(N)} = [\text{Verb} + \text{Noun(N)}]$$

The left side of the formula (Verb(N)) is a verb with the same root as the noun on the [Verb + Noun(N)] side. The verb on the right side of the equal sign ([Verb + Noun(N)]) is a *light verb* [Wohlgemuth 2009: 102], which is a type of verb that can be combined with a number of other parts of speech, most often (but not necessarily) a noun. Furthermore, when the light verb is combined with a noun, the noun carries the bulk of the meaning of the whole verb phrase. Another term, which is more precise for my purpose but less often used, is *compensator verb*, translated from the Russian *глагол-компенсатор*

⁴ <https://www.webropolsurveys.com/>

[Золотова et al. 1998: 72]. Examples of constructions with compensator verbs in Russian include *вести наблюдения* ‘to make observations’ = *наблюдать* ‘to observe’, and *заниматься исследованием* ‘to carry out research’ = *исследовать* ‘to research’. The compensator verbs in these constructions are, respectively, *вести* (in *вести наблюдения*) and *заниматься* (in *заниматься исследованием*).

In the experiment, the participants were asked to read verbal phrases and write a synonymous verb, if they thought that such a verb exists, in the corresponding aspect for each of them. Examples of verbal phrases used in this experiment include *сделать скриншот* ‘to take (pf.) a screenshot’ and *написать твит* ‘to write (pf.) a tweet’. The words *скриншот* ‘screenshot’ and *твит* ‘tweet’ were italicized and the participants were asked to create a verb from these words. All verbs in the experiment are presented in section 3.2. This method, in order to establish aspectual pairs, can only be used when the verb in question is formed from another word, such as a noun or a name.

3.2. The verbs

The experiment contained nineteen perfective verbs—the targets of the experiment—and sixteen imperfective verbs as fillers (for example *делать гримасы* ‘make faces’), not relevant for the study. The chosen verbs were borrowed or coined recently, as the whole idea of the experiment was to see how new perfective verbs are formed. It is hard to date exactly when a verb enters a language, but these verbs, as explained in section 3.3, have not been widely used for more than approximately ten years, as of the beginning of 2020.

The experiment consisted of verbal phrases consisting of a verb (a compensator verb/light verb) and another word in *italics*. The participants were asked to form a verb from the word that was written in italics. They were also asked to notice the aspect of the verb, and to use a verb in the same aspect (perfective or imperfective). The relevant questions were perfective, the imperfective verbs were fillers with the aim to mask the real purpose of the experiment. The participants were free to write X if they were of the opinion that there is no such verb in Russian. The perfective verb phrases in the experiment (i.e. the relevant ones) were the following:

- написать *твит* — ‘to write a tweet’ (to tweet)
- поставить *лайк* — ‘to press “like”’ (to like)
- сделать *скриншот* — ‘to take a screenshot’ (to screenshot)
- выложить фото в *Инстаграм* — ‘to upload a photo on Instagram’ (to instagram)
- послать фото через *Снапчат* — ‘to send a photo via Snapchat’ (to snapchat)
- здать поиск в *Гугл* — ‘to make a search on Google’ (to google)
- здать поиск в *Яндекс* — ‘to make a search on Yandex’ (to yandex)

написать *хештег* — ‘to write a hashtag’ (to hashtag)
 сделать *репост* — ‘to make a repost’ (to repost)
 отправить *смс* — ‘to send an SMS’ (to text)
 сделать *бэкап* (жесткого диска) — ‘to make a backup (of a hard drive)’ (to back up)
 осуществить *инсталляцию* — ‘to carry out an installation’ (to install)
 сделать *селфи* — ‘to make a selfie’ (to selfie)
 сделать *копипаст* — ‘to make a copy-paste’ (to copy-paste)
 сделать *апгрейд* (компьютерной системы) — ‘to make an upgrade (of a computer system)’ (to upgrade)
 сделать *фейспалм* — ‘to make a facepalm’ (to facepalm)
 обработать фото в *Фотошопе* ‘to edit a photo in Photoshop’ (to photoshop)

Most of these verbs are related to computers, the internet, smartphones et cetera, so they are not used by people who do not have access to any of these devices. Since the experiment was conducted online, language users without a computer, a tablet or a smartphone could not answer the survey.

Some of the verbs have been derived from the names of popular internet sites or smartphone applications: *инстаграмить* ‘to instagram’, *гуглить* ‘to google’, *снэпчатить* ‘to snapchat’, *твитить* ‘to tweet’, *яндексить* ‘to yandex (to use the Russian search engine Yandex)’.

Other verbs are related to general computer and/or smartphone usage: *бэкапить* ‘to back up’, *скриншотить* ‘to take a screenshot’, *репостить* ‘to repost’, *апгрейдить* ‘to upgrade’, *селфиться* ‘to take a selfie’, *эсмэсить* ‘to text, to SMS’, *инсталлировать* ‘to install’, *копипастить* ‘to copy-paste’.

Another group of verbs denotes certain functions in applications and/or webpages: *хештежить* ‘to hashtag’, *лайкать* ‘to like’.

Some of the verbs can be found in the dictionary of computer terms and online slang *Словарь языка интернета.ру* [Кронгауз 2016], namely *копипастить* ‘to copy-paste’, *лайкать* ‘to like’, *гуглить* ‘to google’, *фейспалмить* ‘to facepalm’, *селфить* ‘to take a selfie’, *хештежить* ‘to hashtag’.

At last, there were also two slightly older perfective verbs included in the experiment, as a control group:

составить *прогноз* — ‘to make a prognosis’ (to prognosticate)
 вызвать *интерес* — ‘to arouse interest’ (to interest).

As these verbs were assumed to be sufficiently established in the language and in the minds of Russian speakers, all of the answers were assumed to be the same: *составить прогноз* ‘to make a prognosis’ would result in *спрогнозировать* and *вызвать интерес* ‘to arouse interest’ in *заинтересовать*.

The next section describes the theoretical foundations of the experiment and how the results should be interpreted.

3.3. Theoretical premises

Establishing aspectual pairs is not an easy task. All proposed methodologies ultimately rely on the intuition of native speakers, and this experiment is no exception, but this experiment used the intuition of 120 native Russian speakers instead of only one or a few.

I assume that the phrases used in the test and the verbs that the participants wrote mean the same thing. For example, *поставить лайк* ‘to click like (literally: ‘to put like’)’ and *лайкнуть* ‘to like’ bear the same meaning (albeit, perhaps, with different stylistic properties), and *лайкнуть* is a natural perfective to the imperfective *лайкать*. Therefore, if *лайкать* were in a dictionary, it should note *лайкнуть* as its natural perfective, just as dictionaries note the pairs *писать-написать* ‘to write’ and *делать-сделать* ‘to do, to make’. The line of reasoning, that *поставить лайк* is synonymous to *лайкнуть* and that this proves that *лайкнуть* is a natural perfective to *лайкать*, presupposes both that the imperfective *ставит лайк* is the same as *лайкать* and that *поставить* is the corresponding perfective verb for *ставит*. In dictionaries, such as the Oxford Russian Dictionary,⁵ *ставит* and *поставить* ‘to put’ are indeed regarded as an aspectual pair.

Since the goal of the experiment was to investigate how Russian speakers form perfective forms of new verbs, the term “new” needs to be clarified. It is often impossible to determine exactly when a word entered a language. When a verb is formed from a company name, it is possible to establish a theoretical year when the verb could have first come into existence, namely when the company was founded. Such verbs from this experiment include *гуглить* ‘to google’ (Google was founded in 1998), *инстаграмить* ‘to instagram’ (2010) and *твитить* ‘to tweet’ (2006). Most other verbs in the experiment are related to computer technology in general, for example *бэкапить* ‘to back up’, *инсталлировать* ‘to install’, *апгрейдить* ‘to upgrade’, *репостить* ‘to repost’, *копипастить* ‘to copy-paste’, and some of them might have been in use among IT specialists for decades, but for the population at large, these verbs have only been in use as long as the people have been using computers. According to FOM (Public Opinion Foundation⁶), in 2008 about 25% of the Russian population were using computers, and in 2011 it was almost 50% [Сидорова, Пeryхова 2011: 4]. It thus seems safe to assume that most verbs had begun to be used by a substantial part of Russia’s population around 2010 and that they had certainly not been widely used before the 2000s.

⁵ Read online on MOT Dictionaries: <http://www.motinfo.fi/en/>

⁶ http://bd.fom.ru/report/map/bntergum07/internet/___internet1133/vesna2011

4. Results

Below are nineteen tables, which show all the answers that the participants gave for each verb in the experiment. The first column in each table shows the imperfective base verb and its English translation. The answers that the participants gave are in boldface in column 2: the most common answers are at the top, and X (“no verb”) and irrelevant answers (verbs in the wrong aspect or verbs formed from a completely different root) are at the bottom. Column 3 shows the raw frequency, i.e. the number of participants who wrote this particular verb. Column 4 shows the percentage of each answer among all given answers, including X and irrelevant answers. The last column, column 5, shows the percentage of each perfective verb among all perfectives for this particular verb.

Note that the totals of all the percentages do not always add up to exactly 100%. This is due to errors in rounding up the figures. Another exception is that sometimes a participant wrote more than one verb, despite the instruction to provide only one. In these cases, I have included the extra verb in the numbers, and the total number of answers is above 120 (the number of participants in the experiment). Some participants had created a verb from a different root than the italicized word. This was, of course, unfortunate, but, at the same time, it was not sufficiently common enough to ruin the entire experiment, and in most cases, the participants did write a verb in the correct aspect or an X. Irrelevant answers such as these are found in the category “other”. Tables 1, 2, 3, 4 and 5 below show all verbs in which at least 50% of the participants produced the same answer.

Table 1. ‘to like’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
лайкать ‘to like’	лайкнуть	98	81.7%	98.0%
	залайкать	1	0.8%	1.0%
	отлайкать	1	0.8%	1.0%
	X (no verb)	7	5.8.%	–
	other⁷	13	10.8%	–

⁷ In this row, I include verbs with other roots and imperfective verbs (in other words irrelevant answers). See also section 4.2 for a discussion on these answers.

Table 2. 'to tweet'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
ТВИТИТЬ 'to tweet'	твитнуть ⁸	79	65.8%	92.9%
	затвитить	3	2.5%	3.5%
	натвитить	2	1.7%	2.4%
	оттвитить	1	0.8%	1.2%
	X (no verb)	22	18.3%	—
	other	13	10.8%	—

Table 3. 'to photoshop'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
фотошопить 'to photoshop'	отфотошопить	78	65.0%	90.7%
	зафотошопить	4	3.3%	4.7%
	сфотошопить	2	1.7%	2.3%
	офотошопить	1	0.8%	1.2%
	обфотошопить	1	0.8%	1.2%
	X (no verb)	14	18.3%	—
	other	20	10.8%	—

Table 4. 'to install'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
инсталлировать 'to install'	инсталлировать ⁹	74	60.7%	77.9%
	проинсталлировать	13	10.7%	13.7%
	синсталлировать	4	3.3%	4.2%
	отинсталлировать	2	1.6%	2.1%
	наинсталлировать	1	0.8%	1.1%
	инстальнуть	1	0.8%	1.1%
	X (no verb)	18	14.6%	—
	other	9	7.4%	—

⁸ Including the spelling variant *твиттнуть* (perhaps a typo).

⁹ Including the spelling variants *инсталлировать* and *инсталлизировать* (perhaps typos).

Table 5. ‘to repost’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
репостить ‘to repost’	репостнуть	65	54.2%	85.5%
	зарепостить	5	4.2%	6.6%
	отрепостить	3	2.5%	3.9%
	прорепоcтить	2	1.7%	2.6%
	нарепостить	1	0.8%	1.3%
	X (no verb)	14	11.7%	—
	other	30	25.0%	—

As seen above, the verbs *лайкнуть* ‘to like’, *твитнуть* ‘to tweet’, *отфотошопить* ‘to photoshop’, *инсталлировать* ‘to install’ and *репостнуть* ‘to repost’ were produced by more than half of all the participants. The verb *инсталлировать* ‘to install’ is biaspectual and can therefore be used in the perfective aspect, but the prefixed form *проинсталлировать* was reasonably popular as well, with 13.7% of all its perfective answers.

The next group of verbs, in Tables 6, 7, 8 and 9, are less established: between 25 and 50% of the participants produced one particular natural perfective.

Table 6. ‘to SMS, to text’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
эсэмэсить ‘to SMS, to text’	эсэмэснуть ¹⁰	47	39.2%	87.0%
	отэсэмэсить	3	2.5%	5.6%
	заэсэмэсить	2	1.7%	3.7%
	проэсэмэсить	2	1.7%	3.7%
	X (no verb)	46	38.3%	—
	other	20	16.7%	—

¹⁰ Including the spelling variant *смснуть*.

Table 7. 'to google'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
гуглить 'to google'	загуглить	42	34.7%	51.2%
	погуглить	27	22.3%	32.9%
	прогуглить	9	7.4%	11.0%
	вгуглить	1	0.8%	1.2%
	нагуглить	1	0.8%	1.2%
	огуглить	1	0.8%	1.2%
	отгуглить	1	0.8%	1.2%
	X (no verb)	7	5.8%	—
	other	32	26.4%	—

Table 8. 'to screenshot'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
скриншотить 'to screenshot'	заскриншотить ¹¹	36	30.0%	70.6%
	отскриншотить	9	7.5%	17.6%
	скриншотнуть	5	4.2%	9.8%
	наскриншотить	1	0.8%	2.0%
	X (no verb)	52	43.3%	—
	other	17	14.2%	—

Table 9. 'to back up'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
бэкапить 'to back up'	бэкапнуть	32	26.4%	59.3%
	збэкапить	12	9.9%	22.2%
	отбэкапить	4	3.3%	7.4%
	пробэкапить	3	2.5%	5.6%
	сбэкапить	3	2.5%	5.6%
	X (no verb)	49	40.5%	—
	other	18	14.9%	—

¹¹ Including the shorter spelling variant *заскринить*.

The verbs *эсмэснуть* ‘to text’, *загузить* ‘to google’, *заскрин(шот)ить* ‘to screenshot’ and *бэкапнуть* ‘to back up’ were produced by between 25 and 50% of all the participants.

The third group is the largest. In Tables 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 and 17, I present the least established perfective verbs, that is verbs for which no natural perfective was produced by more than 25% of the participants.

Table 10. ‘to copy-paste’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
копипастить ‘to copy-paste’	копипастнуть	29	24.0%	46.0%
	скопипастить ¹²	27	22.3%	42.9%
	откопипастить	3	2.5%	4.8%
	закопипастить	2	1.7%	3.2%
	накопипастить	1	0.8%	1.6%
	перекопипастить	1	0.8%	1.6%
	X (no verb)	27	22.3%	—
	other	31	25.6%	—

Table 11. ‘to upgrade’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
апгрейдить ‘to upgrade’	проапгрейдить	25	20.7%	47.2%
	апгрейднуть ¹³	20	16.5%	37.7%
	сапгрейдить ¹⁴	4	3.3%	7.5%
	заапгрейдить	3	2.5%	5.7%
	отапгрейдить	1	0.8%	1.9%
	X (no verb)	23	19.0%	—
	other	45	37.2%	—

¹² Including the spelling variant *скопипейстнуть*.

¹³ Including the shorter spelling variant *апнуть*.

¹⁴ Including the spelling variant *сьапгрейдить*.

Table 12. ‘to instagram’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
инстаграмить ‘to instagram’	заинстаграмить ¹⁵	21	17.5%	65.6%
	инстаграмнуть ¹⁶	5	4.2%	15.6%
	отинстаграмить	2	1.7%	6.3%
	проинстаграмить	2	1.7%	6.3%
	выинстаграмить	1	0.8%	3.1%
	сынстаграмить	1	0.8%	3.1%
	X (no verb)	69	57.5%	—
	other	19	15.8%	—

Table 13. ‘to hashtag’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
хештегить ‘to hashtag’	хештегнуть ¹⁷	24	20.0%	77.4%
	захештегить ¹⁸	3	2.5%	9.7%
	нахештегить	1	0.8%	3.2%
	отхештегить	1	0.8%	3.2%
	прохештегить	1	0.8%	3.2%
	схештегить	1	0.8%	3.2%
	X (no verb)	80	66.7%	—
	other	9	7.5%	—

¹⁵ Including the shorter spelling variant *заинститъ*.

¹⁶ Including the shorter spelling variant *инстануть*.

¹⁷ Including the shorter spelling variant *тегнуть*.

¹⁸ Including the shorter spelling variant *затегать*.

Table 14. ‘to take a selfie’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
селфиться ‘to take a selfie’	заселфить(ся)	11	9.2%	55.0%
	селфнуть(ся)	3	2.5%	15.0%
	селфануть(ся)	3	2.5%	15.0%
	населфиться	1	0.8%	5.0%
	оселфить	1	0.8%	5.0%
	селфировать	1	0.8%	5.0%
	X (no verb)	78	65.0%	—
	other	22	18.3%	—

Table 15. ‘to snapchat’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
снапчатить ‘to snapchat’	снапчатнуть	9	7.5%	64.3%
	заснапчатить	2	1.7%	14.3%
	проснапчатить	2	1.7%	14.3%
	отснапчатиться	1	0.8%	7.1%
	X (no verb)	91	75.8%	—
	other	15	12.5%	—

Table 16. ‘to facepalm’

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
фейспалмить ‘to facepalm’	фейспалмнуть	9	7.5%	47.4%
	сфейспалмить	6	5.0%	31.6%
	зафейспалмить	4	3.3%	21.1%
	X (no verb)	82	68.3%	—
	other	19	15.8%	—

Table 17. 'to yandex'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
яндексить 'to yandex'	яндекснуть	6	5.0%	42.9%
	заяндексить ¹⁹	3	2.5%	21.4%
	пояндексить	3	2.5%	21.4%
	прояндексить	1	0.8%	7.1 %
	яндексировать	1	0.8%	7.1 %
	X (no verb)	87	72.5%	—
	other	19	15.8%	—

The "control group" of two older perfective verbs, Tables 18 and 19, received the following answers:

Table 18. 'to interest'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
интересовать 'to interest'	заинтересовать	101	84.2%	87.8%
	интересовать	12	10.0%	10.4%
	проинтересовать	1	0.8%	0.9%
	сынтересовать	1	0.8%	0.9%
	X (no verb)	5	4.2%	—

Table 19. 'to prognosticate'

Impf. base verb and English translation	Pf. verbs formed by the participants	Raw frequency	% (of all answers)	% (of pf. verbs)
прогнозировать 'to prognosticate'	спрогнозировать	73	60.8%	62.9%
	прогнозировать	41	34.2%	35.3%
	запрогнозировать	1	0.8%	0.9%
	напрогнозировать	1	0.8%	0.9%
	X (no verb)	4	3.3%	—

¹⁹ Including the longer variant *заяндексировать*.

Unsurprisingly, the respondents agreed with these verbs to a much greater degree than with newer verbs, but the share of the expected answers (i.e. *заинтересовать* ‘to interest’ in the top of Table 18 and *спрогнозировать* ‘to prognosticate’ in the top of Table 19) did not reach 100%.

An unprefixed imperfective verb can sometimes have two or more natural perfectives. This phenomenon is called “prefix variation” [Janda, Lyashevskaya 2011b], and in this experiment all verbs, without exception, show some degree of variation. Two verbs were tied for the lowest degree of variation, that is three perfectives: *лайкать* ‘to like’, with *лайкнуть*, *залайка́ть* and *отлайка́ть* (Table 1) and *фейспалмить* ‘to facepalm’ with *фейспалмнуть*, *сфейспалмить* and *зафейспалмить* (Table 16). The highest degree of variation had *гуглить* ‘to google’ with seven different perfectives: *загуглить*, *погуглить*, *прогуглить*, *вгуглить*, *нагуглить*, *огуглить* and *отгуглить* (Table 7).

If we exclude possible nonce words, that is perfectives formed by only one participant, the range of variation goes from one: *лайкать* ‘to like’—*лайкнуть* in Table 1, to five: *бэкапить* ‘to back up’—*бэкапнуть*, *забэкапить*, *отбэкапить*, *пробэкапить*, *сбэкапить* in Table 9.

The main idea behind the overlap hypothesis is that the meanings of both the prefix and the verb overlap. We would therefore expect all semantically similar verbs to be affixed with the same prefix or suffix. This, however, was not always the case. Two verbs that denote the same action—to search for information on the internet, albeit on different search engines—are *гуглить* ‘to google’ and *яндексить* ‘to yandex’. For the first verb, *загуглить* was the most common natural perfective, and *яндекснуть* for the second. After *яндекснуть*, the forms *заяндексить* and *пояндексить* were also suggested, and *за-* and *по-* were the two most common aspectual prefixes for *гуглить* ‘to google’.²⁰ One can note that *-ну-* was never used to form a perfective verb of *гуглить* (Table 7), which implies that semantics is not the only relevant factor in the choice of aspectual affix. Phono-morphological factors also play a role: it is harder to pronounce the suffix *-ну-* after *гугл* than after *яндекс*, but this question is beyond the scope of this article.

4.1. The most common prefixes and suffixes

To summarize the findings found in Tables 1 through 19, the most frequent perfectivization method was the suffix *-ну-*, for 10 out of 19 verbs: *лайкнуть* ‘to like’ (Table 1), *твитнуть* ‘to tweet’ (Table 2), *репостнуть* ‘to repost’ (Table 5), *эсэмэснуть* ‘to text’ (Table 6), *бэкапнуть* ‘to back up’ (Table 9), *копипастнуть* ‘to copy-paste’ (Table 10), *хештегнуть* ‘to hashtag’ (Table 13),

²⁰ Instead of forming a perfective counterpart to *яндексить*, some participants wrote the verb *гуглить*, even for referring to the use of the Yandex search engine.

снэпчатнуть ‘to snapchat’ (Table 15), *фейспалмнуть* ‘to facepalm’ (Table 16) and *яндекснуть* ‘to yandex’ (Table 17). Verbs that end in *-нуть* in the infinitive constitute a conjugational class of their own and therefore it is possible that some of the *ну*-verbs from this article are the “base verb” in the aspectual pair, coined before their imperfective counterparts. The verb *лайкать* ‘to like’ for example might have been coined from *лайкнуть* ‘to like’ and not the other way around. However, questions regarding the direction of the morphological derivation (imperfective to perfective or perfective to imperfective) are beyond the scope of this article, which is concerned with the morphology of the perfective aspect of loan verbs.

The second most frequent was the prefix *за-*, with five verbs: *заинтересовать* ‘to interest’ (Table 18), *загуглить* ‘to google’ (Table 7), *заскриншотить* ‘to screenshot’ (Table 8), *заинстаграмить* ‘to instagram’ (Table 12) and *заселфить(ся)* ‘to take a selfie’ (Table 14). The prefix *за-* is a very common perfectivizer among different classes of verbs in modern Russian, and it is argued that it has developed an abstract “resultative” meaning that overlaps with the resultative meaning central to the perfective aspect, and which can explain its productivity in modern, colloquial Russian [Gjervold 2013: 45; Olsson 2018: 239].

The third most common perfectivizer was the prefix *про-*, with two verbs: *проапгрейдить* ‘upgrade’ (Table 11) and *проинсталлировать* ‘to install’ (Table 4, after the biaspectual *инсталлировать* ‘to install’). These verbs denote actions well known to computer users—‘install’ and ‘update’—which take some time to go through. “Through” is one of the most prominent meanings associated with *про-* [Janda et al. 2013: 106], making this prefix an appropriate choice for forming natural perfectives for both *апгрейдить* ‘to upgrade’ and *инсталлировать* ‘to install’.

The prefixes *с-* and *от-* shared the fourth position, with one verb each: *спрогнозировать* ‘to prognosticate’ (Table 19) and *отфотошопить* ‘to photoshop’ (Table 3).

To return to the suffix *-ну-*, the results show that *-ну-* seems to be much more productive in colloquial Russian than in the contemporary standard language, and it can even be used for verbs that do not express a momentary action. Examples of this include *бэкапнуть* ‘to back up’ and *апгрейднуть* ‘to upgrade’, as the actions these verbs denote usually take some time. This is an indication that *-ну-* has a wider range of meanings in contemporary non-standard Russian than just being a semelfactivity marker, which supports the findings of Sokolova [2015]. The verbs *лайкнуть* ‘to like’, *твитнуть* ‘to tweet’, *репостнуть* ‘to repost’, *селфнуть(ся)* ‘to take a selfie’, *фейспалмнуть* ‘to facepalm’ and *яндекснуть* ‘to yandex’ can, on the other hand, be interpreted as semelfactive verbs, that is such actions that can be carried out in a moment.

As discussed in section 4 above, phono-morphological factors are also relevant with regard to the possibilities of forming *ну*-suffixed verbs; *гуглить* ‘to google’, for example, received no *ну*-suffixed answers at all, but for the mostly synonymous *яндексить* ‘to yandex’, *-ну-* was the most common answer.

4.2. Irrelevant answers and their significance

The design of this experiment—free writing and no multiple-choice questions—did not guarantee that the participants always gave a relevant answer. As explained in section 4, sometimes participants formed a verb from a different root or gave another answer (one example of such an answer is *сделать селфи* ‘to take a selfie’ = *сфотографироваться* ‘to photograph oneself’). However, not all irrelevant answers are uninteresting. Most of the “irrelevant” answers (noted in the row “other” in each table) were, in fact, simplex imperfective verbs formed from the italicized word, for example *сделать*^[pf.] *селфи* = *селфиться*^[impf.]. Why is this answer more interesting than, for example, *сфотографироваться*? My interpretation of this finding is that if the same construction (*сделать селфи*) can result in both the imperfective *селфиться* and the perfective *заселфиться* (chosen by 11 participants), they must be sufficiently close in meaning to be called an aspectual pair.

As to why some participants chose a verb in the wrong aspect (as in *сделать*^[pf.] *селфи* = *селфиться*^[impf.]), I hypothesize that native Russian speakers do not necessarily “feel” the aspect of a verb automatically. Whether or not this hypothesis is legitimate, however, it is not applicable to the subject in this article.

5. Concluding remarks

The aim of this article was to investigate how Russian speakers form natural perfectives for a number of recently borrowed or coined verbs. The results show that using the suffix *-ну-* was the most common perfectivization method in the experiment and that it can be used even for non-semelfactives, such as *апгрейднуть* ‘to upgrade’. Among the prefixes, *за-* was the most productive, followed by *про-*, *с-* and *от-*.

All of the verbs show some degree of variation in the formation of perfectives, but in most cases, the majority of the participants who formed a valid perfective (row 5 in Tables 1–19) produced one specific perfective. The most popular verbs in the experiment are *лайкнуть* ‘to like’, *твитнуть* ‘to tweet’, *отфотошопить* ‘to photoshop’ and the biaspectual *инсталлировать* ‘to install’. Verbs with a higher degree of variation (i.e. verbs for which no perfective had more than 50% of all perfectives in the experiment) are *яндекснуть/пояндексить* ‘to yandex’, *сфейспалмить/фейспалмнуть* ‘to facerpalм’, *проапгрейдить/апгрейднуть* ‘to upgrade’ and *копипастнуть/скопипастить*

'to copy-paste'. It is too early to tell whether or not one of these forms will become standard or if these verbs will disappear from use.

The results of the experiment do not prove that prefixes are never semantically "empty", but it is unlikely that the choice of prefix is random, as a majority of all perfective answers for most of the verbs were produced by more than 50% of those who produced a valid perfective. Since the overlap hypothesis postulates that the meanings of prefixes never disappear, it seems reasonable to assume that not all verbs are 100% synonymous. Exactly how every prefix and suffix influences the meaning of a base verb (if at all) must, however, be examined by other methods. For future research, the question of prefix variation—how, and if, different prefixes modify the meaning of a base verb in different ways—is an interesting subject that can lead to a deeper understanding of the meanings of verbal prefixes. The reasons behind the productivity of *-ny-* in new verbs is another topic which deserves further study.

Bibliography

Endresen et al. 2012

Endresen A., Janda L., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., Russian "Purely Aspectual" Prefixes: Not so "Empty" after All?, *Scando-Slavica*, 58/2, 2012, 231–291.

Gjervold 2013

Gjervold J., Prefix Variation: A Comparison between Slang and Contemporary Standard Russian, *Poljarnyj vestnik*, 16, 2013, 33–46.

Isačenko 1968

Isačenko A., *Die russische Sprache der Gegenwart: Formenlehre*, 1, 2nd ed., Halle, 1968.

Janda 2007

Janda L., Aspectual Clusters of Russian Verbs, *Studies in Language*, 31/3, 2007, 607–648.

Janda et al. 2013

Janda L., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington, 2013.

Janda, Lyashevskaya 2011a

Janda L., Lyashevskaya O., Aspectual Pairs in the Russian National Corpus, *Scando-Slavica*, 57/2, 2011, 201–215.

Janda, Lyashevskaya 2011b

Janda L., Lyashevskaya O., Prefix Variation as a Challenge to Russian Aspectual Pairs, *Russian linguistics*, 35/2, 2011, 147–167.

Olsson 2018

Olsson G., The Formation of Aspectual Pairs of Borrowed *ova*-verbs in Russian, *Scando-Slavica*, 64/2, 2018, 228–242.

Sokolova 2015

Sokolova S., "Rabotnul na slavu — gul'ni smelo!": -NU- As a Universal Aspectual Marker in Non-standard Russian, M. Kitajo (ed.), *Аспектуальная семантическая зона: типология*

- систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, Kyoto, 2015, 256–262.
- van Schooneveld 1958
Schooneveld C., van, The so-called “Préverbes Vides” and Neutralization, *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics*, The Hague, 1958, 159–161.
- Wohlgemuth 2009
Wohlgemuth J., *A Typology of Verbal Borrowings*, Berlin, New York, 2009.
- Авилова 1968
Авилова Н. С., Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени, *Вопросы языкознания*, 5, 1968, 66–78.
- Зализняк, Шмелев 2000
Зализняк Анна А., Шмелев А. Д., *Введение в русскую аспектологию*, Москва, 2000.
- Зализняк et al. 2015
Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д., *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва, 2015.
- Золотова et al. 1998
Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва, 1998.
- Карцевский 1962
Карцевский С., [Из книги «Система русского глагола». 4: Вид], Ю. Маслов, ред., *Вопросы глагольного вида*, Москва, 1962, 218–230.
- Кронгауз 1998
Кронгауз М. А., *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*, Москва, 1998.
- 2016
Кронгауз М., *Словарь языка интернета.ru*, Москва, 2016.
- Сидорова, Петухова 2011
Сидорова А., Петухова С., *Интернет в России: Методика и основные результаты исследования*, 33, 2011.
- Соколова 2009
Соколова С., «Засмотрите и зацените»: продуктивность приставки за- в современном русском языке, *Poljarnyj vestnik*, 12, 2009, 43–63.
- Тихонов 1964
Тихонов А. Н., Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования, *Вопросы языкознания*, 1, 1964, 42–52.
- Хоригучи 2018
Хоригучи Д., Имперфективация заимствованных глаголов в русском языке, *Russian Linguistics*, 42/3, 2018, 345–356.
- Черткова, Чанг 1998
Черткова М. Ю., Чанг П., Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке, *Russian Linguistics*, 22/1, 1998, 13–34.

References

- Avilova N. S., Dvuidovye glagoly s zaimstvomannoi osnovoi v russkom literaturnom iazyke novogo vremeni, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 1968, 66–78.
- Chertkova M. J., Chang P., The Evolution of Bi-

aspectual Verbs in the Contemporary Russian Language, *Russian Linguistics*, 22/1, 1998, 13–34.

Endresen A., Janda L., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., Russian “Purely Aspectual” Prefixes: Not so “Empty” after All?, *Scando-Slavica*, 58/2, 2012, 231–291.

Gjervold J., Prefix Variation: A Comparison between Slang and Contemporary Standard Russian, *Poljarnyj vestnik*, 16, 2013, 33–46.

Isačenko A., *Die russische Sprache der Gegenwart: Formenlehre*, 1, 2nd ed., Halle, 1968.

Janda L., Aspectual Clusters of Russian Verbs, *Studies in Language*, 31/3, 2007, 607–648.

Janda L., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington, 2013.

Horiguchi D., Imperfectivization of borrowed verbs in Russian, *Russian Linguistics*, 42/3, 2018, 345–356.

Janda L., Lyashevskaya O., Aspectual Pairs in the Russian National Corpus, *Scando-Slavica*, 57/2, 2011, 201–215.

Janda L., Lyashevskaya O., Prefix Variation as a Challenge to Russian Aspectual Pairs, *Russian linguistics*, 35/2, 2011, 147–167.

Karcevski S., [Iz knigi «Sistema russkogo glagola». 4: Vid], Yu. Maslov, ed., *Voprosy glagol'nogo vida*, Moscow, 1962, 218–230.

Krongauz M., *Pristavki i glagoly v russkom iazyke: semanticheskaia grammatika*, Moscow, 1998.

Krongauz M. A., *Slovar' iazyka interneta.ru*,

Moscow, 2016.

Olsson G., The Formation of Aspectual Pairs of Borrowed *ova*-verbs in Russian, *Scando-Slavica*, 64/2, 2018, 228–242.

Schooneveld C., van, The so-called “Préverbes Vides” and Neutralization, *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics*, The Hague, 1958, 159–161.

Sidorova A., Petukhova S., *Internet v Rossii: Metodika i osnovnye rezul'taty issledovaniia*, 33, 2011.

Sokolova S., “Rabotnul na slavu — gul'ni smelol!": -NU- As a Universal Aspectual Marker in Non-standard Russian, M. Kitajo (ed.), *Aspektual'naia semanticheskaia zona: tipologiia sistem i stsennarii diahronicheskogo razvitiia. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*, Kyoto, 2015, 256–262.

Sokolova S., “Zasmotrite i zacenite”: Productivity of the Prefix ZA- in Modern Russian, *Poljarnyj vestnik*, 12, 2009, 43–63.

Tikhonov A. N., Chistovidovye pristavki v sisteme russkogo vidovogo formoobrazovaniia, *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 1964, 42–52.

Wohlgemuth J., *A Typology of Verbal Borrowings*, Berlin, New York, 2009.

Zaliznyak Anna A., Mikaelian I. L., Shmelev A. D., *Russkaia aspektologija: v zashchitu vidovoi pary*, Moscow, 2015.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D., *Vvedenie v russkuiu aspektologiju*, Moscow, 2000.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu., *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1998.

Gustaf Olsson, tohtorikoulutettava

Turun yliopisto

Venäjän kieli, 20014 Turun yliopisto

Suomi / Finland

gustaf.olsson@utu.fi

Received June 1, 2020

Прозаический
перевод
А. Д. Кантемира
«Истории» Юстина

Prose Translation
of Justin's *History*
by Antiochus
Cantemir

Хэн Фу

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Heng Fu

Institute of Russian Literature
(the Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье представлен анализ некоторых языковых особенностей перевода исторического сочинения Марка Юниана Юстина, сделанного Антиохом Кантемиром с латыни на русский язык. В начале статьи устанавливаются источники перевода: латиноязычное издание 1719 г. и франкоязычное издание, переведенное Луи Феррье де ла Мартиньером. Далее анализируется стиль перевода Кантемира. Для того чтобы выявить особенности текста Кантемира, автор сопоставляет его с переводом Никиты Попова (1768 г.). Делается вывод о том, что в переводе Кантемира проявляется тенденция к простому языку.

Ключевые слова

Антиох Кантемир, Марк Юниан Юстин, принципы перевода

Цитирование: Хэн Фу, Прозаический перевод А. Д. Кантемира «Истории» Юстина // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 414–424.

Citation: Heng Fu (2021) Prose Translation of Justin's *History* by Antiochus Cantemir. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 414–424.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.18

Abstract

The article presents an analysis of Antioch Cantemir's Russian translation of the historical work of Marcus Junianus Justinus, written in Latin. In the first part of the article, we establish the sources that became the basis of translation. We conclude that the sources for Cantemir were the Latin edition of 1719 and the French edition translated by Louis Ferrier de La Martinière. Then Cantemir's style of translation is analyzed. To determine the peculiarity of Cantemir's text, we compare it with Nikita Popov's translation. The conclusion is made that the tendency of "simple language" is manifested in the translation of Cantemir.

Keywords

Antiochus Cantemir, Marcus Junianus Justinus, translation principles

В 1729 г. Кантемир начал переводить с латыни «Историю» Марка Юниана Юстина. Эта работа была прервана, а затем продолжена за границей в 1735 г. Естественно, возникает вопрос: зачем? Прежде всего, как Кантемир признавался, для того, чтобы практиковать латынь. Перевод исторического сочинения как вид упражнения при изучении латинского языка соответствует учебной практике духовенства XVIII в. «Духовный Регламент» 1721 года, составленный Феофаном Прокоповичем по поручению Петра I, рекомендует перевести Юстина как упражнение в латинском языке [ПСЗРИ 1830: 333–334]. В 1718 г. Кантемир сам провел некоторое время в Славяно-греко-латинской академии [Grasshoff 1966: 247]. Его воспитатель И. Ю. Ильинский был выпускником Московской академии. Выбор Кантемиром для перевода «Истории» Юстина, вероятно, был связан с церковным образованием в эту пору. Перевод «Истории» Юстина был начат после обучения Кантемира (в начале 1726 г.) в Академическом университете, поэтому необходимо осветить роль «Истории» Юстина в учебном процессе учреждений Академии наук. Так, Академическая гимназия [Костина, Кирикова 2018: 201–208] включает Юстина в список рекомендуемых авторов. Однако в качестве учебных пособий академическая школа выбрала учебную серию классических авторов, составленную аугсбургским священником Исайей Шнайдером [Костин 2020: 64–66]. Кантемир не использовал «Историю» Юстина этой серии.

Кроме этого, в предисловии к переводу «Истории» Юстина Кантемир указал еще несколько причин: для ознакомления русских читателей с историей, для возбуждения у них пристрастия к науке, для развития их художественного вкуса, для обогащения русского языка. Кантемир особенно подчеркнул, что у Юстина «слог красивый» [И_д: л. 2об], которого «в других историках сыскать не можно» [Ibid.], хотя как историк этот автор и не является первоклассным. В данной статье мы сосредоточимся на стиле перевода Кантемира.

Этот перевод до сих пор остается неопубликованным, наверное, именно из-за этого он не был достаточно изучен в предыдущих исследованиях.

Согласно исследованию Б. А. Градовой [Градова 1983; Eadem 1985], существуют три списка этого перевода, один из них является авторизованным. Авторизованная рукопись с 1897 г. хранится в РНБ (Q. IV. 382, далее И_д). Она была передана В. Г. Дружининым в дар библиотеке. Остальные списки также находятся в РНБ (собр. Погодина 1797 — далее И_п, НСРК 1927 F.141 — далее И_р). В последних двух списках отсутствуют предисловие Кантемира к читателям и «О Иустине известие», созданное переводчиком. В начале обоих последних списков предисловие Юстина и первые восемь глав первой книги «Истории» взяты из перевода члена Академии Наук и профессора астрономии Н. И. Попова, который был опубликован в 1768 г. С 9-й главы первой книги текст обеих рукописей представляет собой список с перевода Кантемира. Таким образом, мы предлагаем выбрать авторизованную рукопись этого перевода как основной текст для нашего анализа.

Кантемир не прямо указывает свои источники, но предоставляет нам некоторые сведения о них. Название латинского источника — «*Justinii Historiae Philipicae et Totius Mundi Origines, et Terrae Situs, ex Trogo Pompeis*» [И_д: л. 3]. В своем предисловии Кантемир рассказывает о происхождении заглавия книги с опорой на комментарии Шефера, а его изложение жизнеописания Юстина во многом основывается на рассуждениях Воссии. Мы предполагаем, что Шефер — это известный гуманист XVII в. Жан Шеффер (Jean Scheffer), а Воссия — нидерландский ученый XVII в. Исаак Восс (Isaac Vossius). В описи библиотеки Кантемира под номером 366 встречается: «*Justinus cura Gronovii Lugduni 1719 in 8*» [Александренко 1896: 30]. Учитывая всю эту информацию, можно заключить, что Кантемир, вероятно, пользовался латиноязычным изданием 1719 г., которое вышло в Лейдене и было подготовлено Авраамом Гроновиусом (Abraham Gronovius). Это издание содержит примечания Восса и Шеффера и статью Восса — жизнеописания Юстина. При переводе «О Иустине известие» Кантемир широко пользуется текстом Восса; мы сравним их начала:

Иустина, Трогова сократителя, имя и время, в котором жил, сумнител[ь]но. У одних называется Иустин Фронтин, а других Марк Иуниан Иустин. И сие последнее кажется Воссию вернее за древность рукописной книги в книгохранительнице князей тосканских, в которой то имя Иустину предписано. [И_д: л. 4]

Iustini, qui Trogi epitomen fecit, nec nomen, nec aetas, dubitatione caret. In Ant. Arnoldi libro nominabatur Iustinus Frontinus: at in codice Bibliothecae Mediceae dicitur M. Junianus Iustinus. Atque hoc verius censeo, ob libri ejus antiquitatem... [Justinus 1719: без пагинации]

Здесь Кантемир использует выражение *князья тосканские* вместо *Медичи*¹. Он употребляет слово «библиотека», чтобы перевести *bibliotheca*. Это перекликается со сказанным в его предисловии: «не отделялся свойства рус[с]кого языка, которого я особливо держать-ся хотел, и не употребляя чужестранных речей, которые я по крайней возможности искал миновать» [И_д: л. 3об]. В отличие от самых ранних переводов (например, Хроника Константина Манассии), в последующих произведениях Кантемира заметно стремление уменьшить число заимствований².

Кантемир приписывает объяснение происхождения заглавия комментатору Жану Шефферу. На самом деле оно принадлежит Жаку Бонгару (Jacques Bongars). Мы полагаем, что Кантемир перепутал примечание Бонгара с комментарием Шеффера. Эта оплошность, скорее всего, связана с тем, что оба примечания находятся вместе, комментарий Шеффера сразу после примечания Бонгара, ср.:

Изъяснитель Иустинов Шефер изрядно разсуждает, что Трог Помпей свои истории назвал филиппическими, как бы сказать македонскими, для того, что дела македонские бол[ь]шую часть его труда обнимали, в самом деле от книги 7 по 41 описываются дела того народа. [И_д: л. 3]

Philippicarum] [...] Ego putaverim Philippicam historiam, Trogo Macedonicam esse, princeps nempe hujus operis argumentum. Nam à VII. lib. ad XLI. regnum Macedonicum describit... [Justinus 1719: 7]

Для того чтобы еще больше уточнить исходный текст перевода Кантемира, мы сопоставим редакцию Авраама Гроновиуса с современным научным изданием «Истории» Юстина Отто Зела, снабженным перечнем разночтений по разным редакциям. Благодаря им мы заметим, что перевод Кантемира совпадает с версией издания Авраама Гроновиуса:

prorsus rem magni et animi et *corporis* adgressus [Justinus 1985: 1]
prorsus rem magni et animi et *operis* adgressus [Idem 1719: 2]
восприятие весьма великаго благодушия и *труда* [И_д: л. 6]³

Вероятно, что использование слова *corporis* (тела) разумнее *operis* (труда), поскольку сочетание слова *corporis* с словом *animi* (души) более естественно, привычнее. Однако предложенный Кантемиром вариант перевода явно указывает на оригинальное чтение *operis*.

¹ В предисловии переводчика франкоязычного издания 1693 г. встречается следующее выражение: «& M. Junianus Justinus dans le manuscrit de la Biblioteque des Ducs de Florence» (см.: [Ferrier 1693, 1: *4v]). Наверное, это оказало влияние на формирование выражения Кантемира. Все курсивы в этой статье принадлежат мне.

² Об этом писал В. В. Веселитский, см.: [Веселитский 1974: 39–42].

³ Ср.: [Ferrier 1693: 1: *3v] Ouvrage qui demandoit & un grand genie, & un grand travail.

Еще пример:

Singulare omnium saeculorum exemplum, ausae rem publicam augere sine viris; iam etiam cum contemptu virorum tuentur. [Justinus 1985: 20–21]

Singulare omnium seculorum exemplum ausae, auxere rempublicam sine viris; iam etiam cum contemtu virorum se tuentur. [Justinus 1719: 72–73]

Неслыханный во всех веках образец собою показав, государство без мужей расп[р]остранили, и защитили себя с презрением мужей. [И_д: л. 27]⁴

Исключая следующие варианты слов (*saeculorum/ seculorum*, *iam/ jam*) и описку (*contemtu*), главные различия между изданием 1719 г. и современной редакцией заключаются в местоположении слова *ausae* и добавлении *se*. Видно, что в версии Кантемира перфектное причастие *ausae* (бук. пер. осмелившиеся) принадлежит начальной части фразы. И в его переводе в прямом соответствии с латинским *se* присутствует *себя*.

Таким образом, мы считаем латинское издание 1719 г. источником перевода Кантемира, поэтому далее мы используем это издание. Хотя нам не удалось ознакомиться со всеми латиноязычными изданиями, наше предположение имеет достаточно серьезные основания. Кроме латинского оригинала, Кантемир также обращался к франкоязычному изданию. В описи библиотеки Кантемира находится неполное его описание: *Histoire de Justin trad. fran. in 12* [Александренко 1896: 17]. Учитывая перевод Кантемиром французского названия («Иустиново Повсемственная История» [И_д: л. 3]), мы предполагаем, что французским изданием, использованным Кантемиром, может быть сочинение «*Histoire universelle de Justin*», и формат его — 12. Согласно этим данным мы нашли французский перевод поэта и драматурга Луи Феррье де ла Мартиньера (Louis Ferrier de La Martinière). Как известно, за короткое время перевод Феррье был издан четыре раза (1693, 1694, 1698, 1708). Последние два издания не встречаются в библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы. В данной статье мы берем для сопоставления издание 1693 г.⁵

Помимо выявленных двух источников дальше мы также сопоставим перевод Кантемира с переводом Попова.

Нравоучительный вопрос интересует Кантемира весь период творчества. Когда он разбирался с морально-философскими понятиями в «Истории» Юстина, в его переводе проявились две тенденции: либо

⁴ Cp.: Elles donnerent aux Nations l'exemple d'une audace extraordinairement singuliere, & digne de l'admiration de tous les siecles. Elles conserverent, que dis-je? elles agrandirent leur Republique sans le secours des hommes, & même malgré les hommes qu'elles méprisoient [Ferrier 1693, 1: 46].

⁵ [Grasshoff 1966: 153]. Тщательно изучив опись библиотеки Кантемира, Х. Грассхофф замечает у Кантемира франкоязычное издание и латинский оригинал «Истории» Юстина, но установление источника не является главной задачей ученого, поэтому он не сравнивает эти тексты.

соединить разные понятия в одном слове, либо перевести одно и то же латинское слово различными вариантами, в зависимости от контекста. Ср.:

Последний у них царствовал Сарданапал, муж всякой жены *сластолюбивее*. [И_д: л. 10]

Postremus apud eos regnavit Sardanapalus, vir muliere *corruptior*. [Justinus 1719: 18]

Sardanapale homme plus *effeminé* qu'une femme même regna le dernier sur eux. [Idem 1693, 1: 6]

и очей *сластолюбным* движением всех протчих жен превосходящаго [И_д: л. 10] & oculorum *lascivia* omnes feminas anteiret [Justinus 1719: 19]

& les regards *impudiques* l'étoient encore moins que ceux de ce Prince [Idem 1693, 1: 6].

К тому же как обычаем персидским в уборе, так и *сластолюбю* их подражая [И_д: л. 134]

Ut *luxum* quoque, sicuti cultum Persarum imitaretur [Justinus 1719: 323]

Ingenieux même à imiter les *débauches* des Perses ainsi que leurs habillemens [Idem 1693, 1: 303]

Кантемир, вероятно, под влиянием французского переводчика, воспринимает «роскошь» (*luxus*) как «сластолюбие». Помимо приведенного здесь третьего примера, в другом месте Феррье переводит «*luxuria*» как «*volupté*» [Justinus 1693, 1: 17]. В данном примере понятие «сластолюбие» у Кантемира имеет более общее значение — «испорченность в разных аспектах».

Совсем иная ситуация с переводом понятия *жестокость* (*crudelitas*), ср.:

Возвратився в город иных сковал, иных мучил, иных побил, и весь город свирепостию своею исполнил. К жестокости и немилосердию его присовокупилась продерзкая гордость. [И_д: л. 183]

Reversus in urbem, alios vincit, torquet alios, alios occidit; nullus locus urbis a crudelitate tyranni vacat. Accedit saevitiae insolentia, crudelitate arrogantia. [Justinus 1719: 427]

Il n'y a point d'endroit dans la Ville qui n'en porte les marques afreuses. Il joint la presumption & l'insolence à la cruauté. [Idem 1693, 2: 14]

В тексте речь идет о гераклейском тиране Клеархе. Слово *свирепость* здесь имеет скорее оттенок значения «дикость», который более соответствует контексту, нежели *жестокость* и *немилосердие* (учитывая серию действий Клеарха). И в связи с этими семантическими оттенками слово «свирепость» обретает более выраженную морально-критическую

окраску. В большинстве случаев Кантемир предпочитает использовать его. Версия Феррье довольно вольна, отсутствие перечисления поступков Клеарха *affreux* кажется безосновательным. Еще одним поводом употребления разных вариантов того же самого понятия, пожалуй, служит желание избежать повтора.

Согласно исследованию филолога-классика Джона Ярдли (J. C. Yardley), одна из важных черт текста Юстина заключается в повторе слов и фраз в небольших отрывках⁶. Он указывает, что в предисловии Юстина существуют восемь таких повторов. При рассмотрении перевода «Хроники» Кантемира мы замечаем, что он в большинстве случаев избегает повторений. Любопытно, как он относится к повтору в своем переводе «Истории». По нашим подсчетам, из восьми отмеченных у Юстина повторов только три встречаются у Кантемира. Он либо прибегает к слову, близкому по значению, либо пропускает повтор. Ср.:

Ибо когда многим писателям *действ* одного *царя* или *народа* дело свое безмерного труда *казалось*, не Еркулевою ли смелостию к описанию всего мира приступить *видится* наш Помпей, в которого книгах всех веков, племен, и народов *дела* содержатся? [Ид: л. 6]

Nam cum plerisque auctoribus singulorum *regum vel populorum res gestas* scribentibus opus suum ardui laboris *videatur*, nonne nobis Pompejus Herculea audacia orbem terrarum adgressus *videri* debet, cujus libris omnium seculorum, *regum, nationum, populorumque res gestae* continentur? [Justinus 1719: 2–3]

Car si plusieurs Auteurs *croient* s'embarquer dans une entreprise bien laborieuse lorsqu'ils écrivent seulement *les actions particulieres de quelques Rois, ou de quelques peuples*, ne devons — nous pas *dire* que Trogue Pompée en quelque manière aussi hardi qu'Hercule a attaqué toute la terre, lui, dont les Livres renferment *les affaires* de tous les siecles, de tous *les Princes*, & de toutes les Nations [Ferrier 1693, 1: * 3v]

Вероятно, Кантемир полагает, что слова *племя* (*natio*) и *народ* (*populus*) включают в себя понятие *царь* (*rex*), поэтому он пропускает слово *царь*. У Кантемира не встречается слово для латинского *scribentibus*. Мы предполагаем, что Кантемир здесь не хочет повторять корень *пис*. В латинском оригинале на фоническом уровне существуют две пары повтора: *regum — res, nonne — nobis*. У Кантемира найдется одна пара *действ — дело*. По сравнению с Кантемиром Феррье идет еще дальше, в приведенном примере у него не существует ни одного дублирования на уровне слова. Любопытно, что, в противоположность Кантемиру, Феррье опускает слово *peuple*, а сохраняет слово *prince*⁷.

⁶ [Yardley 2003: 117]. Декламации, приписываемые Квинтилиану, возможно, оказали влияние на формирования этой характеристики. См.: [Ibid.: 187].

⁷ В этом примере вариант Кантемира *одного царя или народа* неточен. Здесь

Попов также избегает повторения. Ср.:

Ибо когда всякому почти из писателей, которые об одном только *Царе, или народе историю* писать предприимлют, дело их весьма трудно быть *кажется*, то не за Исполинову ли сию Помпееву отважность *почесть* должно, когда он один весь свет описывать на себя принял, и в книгах своих всех веков *Царей* и всех *народов случаи и дела* нам представил... [Попов 1768: без пагинации]

Хотя Попов употребляет слово *историю*, чтобы обозначить *res gestas* (деяние), но это слово в предшествующем предложении уже использовано два раза, причем недостаточно точно. Корень *пис* многократно появляется в этой фразе: *писателей, писать, описывать*.

Еще одно заметное отличие перевода Кантемира от перевода Попова — лаконизм, свойственный всему тексту Кантемира. Лаконизм проявляется в исключении детальных описаний. Например, когда примыкающие части по значению близки друг к другу, он соединяет их. Вот как Кантемир излагает деяния персидского царя Кира, ср.:

Кир, покорив Асию и все восточные страны, поднял войну против скифов. [И_д: л. 16]

Cyrus subacta Asia, & universo Oriente in potestatem redacto, Scythis bellum infert. [Justinus 1719: 38]

Cyrus maître de l'Asie, & de tout l'Orient tourna ses armes contre les Scythes. [Ferrier 1693, 1: 18]

Кир завоевавши Азию и все восточныя страны под свою власть покоривши, на Скифов войною пошел. [Попов 1768: 15]

Здесь варианты Кантемира и Феррье сокращают оригинал, однако нельзя сказать, что именно текст французского издания вдохновил Кантемира. Феррье здесь употребляет иносказательное выражение. Вместо глагола используется существительное, из-за чего теряется динамичность, присутствующая в латинском оригинале. Сопоставив цитату с переводом Попова, видим, что и Кантемир, и Феррье уделяют особое внимание лаконичности своих текстов. Однако если французский переводчик позволяет относительную вольность, то Кантемир, как правило, следует оригиналу и по возможности сокращает его. Ср.:

Обычай был бол[ь]ше защищать, нежели распространять рубежи государства [И_д: л. 8]

Moins jaloux d' accroitre que de conserver leur Empire [Ferrier 1693, 1: 3]

Fines imperii tueri magis, quam proferre, mos erat [Justinus 1719: 9]

singularis обозначает не *единоличный*, а *отдельный*, поскольку слова *regum* и *populorum* находятся в форме множественного числа. Феррье верно перевел эту грамматическую характеристику.

В данном примере автор «Истории» излагает отношение царей раннего периода к пределам своих владений. Выбранное французским переводчиком слово *jalous* (ревностно оберегающий) подчеркивает стремления царей раннего периода — этого смыслового оттенка нет в латинском оригинале.

Еще одна характеристика перевода Кантемира — развертывание сложного распространенного предложения в период. Это, скорее всего, связано с латинским оригиналом. Ср.:

Катинейцы такожда раздражены суровостью сиракузанской власти, и чувствуя слабость собственных сил, просили помочи от афинейцов; которые, или желая приумножить власть свою, которой уже почти всю Асию и Грецию покорили, или опасаяся построенного пред тем в сиракузах флота, чтоб не присовокупился к лакедемонским силам, [Афиняне] послали воеводу Лампония с флотом в Сицилию, чтоб под видом спомоществования катинейцам отведал всем островом обладать. [Ид: л. 58]

Catinienses quoque cum Syracusanos graves paterentur, diffisi viribus suis, auxilium ab Atheniensibus petivere; qui seu studio majoris imperii, quo Asiam Graeciamque penitus occuparent, seu metu factae pridem a Syracusanis classis, ne Lacedaemoniis illae vires accederent; Lamponium ducem cum classe in Siciliam misere, ut sub specie ferendi Catiniensibus auxilii tentarent Siciliae imperium. [Justinus 1719: 154–155]

Попов тоже прибегает к подобному синтаксису. Эта структура не чужда русским переводчикам, поскольку она сохранялась в древнерусском языке и характерна для церковнославянского языка. Феррье же разделяет это предложение на две части.

Все это приводит к выводу, что при передаче морально-философских понятий Кантемир прибегает к двум способам: соединение разных понятий в одном слове и различные варианты перевода одного и того же латинского слова. Кантемир в основном следует своим источникам и одновременно избегает повторов слов, присущих им. При сравнении самого раннего перевода («Хроника» Константина Манассии, переведенная Кантемиром в 1725 г.) с относительно поздним («История» Юстина) на уровне стиля проявляется тенденция к эволюции от гибридного языка к простому языку. Надо сразу оговориться, что выражение *простой язык* нельзя понимать в буквальном смысле, на самом деле это искусный литературный язык, но в нем наблюдается стремление Кантемира к уменьшению книжности и иноязычной речи. Проявление простого языка заключается в трех аспектах: сокращение заимствований на уровне лексики, уменьшение доли славянизмов и усиление лаконизма. Предпоследний аспект не рассматривается в данной статье, так как еще требуется детальное исследование с привлечением других

текстов. В переводе «Хроники» Константина Манассии и «Перевод некоего итальянского письма», сделанном Кантемиром в 1726 г., встречаются многочисленные славянизмы в силу их «славенороссийского языка». Что касается особенностей построения сложного предложения, мы предполагаем, что это объясняется уважением к источникам, с одной стороны, и принципами перевода Кантемира — с другой, поскольку структура нанизывания на цепочку может сократить повтор и сделать текст более сжатым.

Сокращенные названия архивов, библиотек и их фондов

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Рукописи

И_д

ОР РНБ. Q. IV. 382. Иустина Повсемственная история из Трога Помпея сокращенно собранная. Переведена с латинского трудами князя Антиоха Кантемира. В Москве, 1729.

И_п

ОР РНБ. собр. Погодина 1797. История Юстина

И_р

ОР РНБ. НСРК (Новое собрание рукописной книги) 1927 F.141. История Юстина

Издания

Попов 1768

Юстин древней универсальной истории Трога Помпея сократитель, переведенный с латинского на Российской язык надворным советником императорской санктпетербургской Академии Наук членом и профессором астрономии Никитой Поповым, С.-Петербург, 1768.

ПСЗРИ 1830

Полное собрание законов Российской империи, С.-Петербург, 1830, 1, 6.

Ferrier 1693

Histoire universelle de Trogue Pompée, réduite en abrégé par Justin. Traduction nouvelle avec des remarques par Monsieur D. L. M. 2 tomes, Paris, 1693.

Justinus 1719

Justini Historiae Philippicae cum integris commentariis Jac. Bongarsii, Franc. Modii, Matth. Bernecceri, M. Z. Boxhornii, Is. Vossii, J. Fr. Gronovii, J. G. Graevii, T. Fabri, J. Vorstii, J. Schefferi, et excerptis aliorum. Curante Abrahamo Gronovio, Lugduni Batavorum [Leiden]: apud Theodorum Haak, 1719.

— 1985

M. Iuniani Iustini epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum (= Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana), post Franciscum Ruehl iterum ed. O. Seel, Stutgardiae, 1985.

Литература

Александренко 1896

Александренко В. Н., К биографии князя Кантемира, *Варшавские университетские известия*, Варшава, II, 1896.

Веселитский 1974

Веселитский В. В., *Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка*, Москва, 1974.

Градова 1983

Градова Б. А., Рукопись А. Д. Кантемира, *Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг*, Ленинград, 1983, 23–25.

——— 1985

Градова Б. А., Первые переводы А. Д. Кантемира, *Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг*, Г. П. Енин, науч. ред., Н. А. Ефимова, ред., Ленинград, 1985, 54–55.

Костин 2020

Костин А. А., Крестик, черточка, точка: учебные пособия Академии наук 1730-х годов и их прусские контексты, *Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв.*, С.-Петербург, 2020, 38–78, 499–533.

Костина, Кирикова 2018

Костина Т. В., Кирикова О. А., Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг., *Детские чтения*, 2018, 13, 1, 194–219.

Grasshoff 1966

Grasshoff H., *Antioch Dmitrievich Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst*, Berlin, 1966.

Yardley 2003

Yardley J. C., *Justin and Pompeius Trogus: a study of the language of Justin's Epitome of Trogus*, Toronto, Buffalo, London, 2003.

References

Gradova B. A., Pervye perevody A. D. Kantemira, *Issledovanie pamiatnikov pis'mennoi kul'tury v sobraniiax i arkhivakh otdela rukopisei i redkikh knig*, G. P. Enin, ed., N. A. Efimova, ed., Leningrad, 1985, 54–55.

Gradova B. A., Rukopis' A. D. Kantemira, *Istochniki po istorii otechestvennoi kul'tury v sobraniiax i arkhivakh otdela rukopisei i redkikh knig*, Leningrad, 1983, 23–25.

Grasshoff H., *Antioch Dmitrievich Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst*, Berlin, 1966.

Kostin A. A., Krestik, chertochka, tochka: uchebnye posobiia Akademii nauk 1730-kh godov i ikh prusskie konteksty, *Russko-nemetskie kontakty v detskoj literature XVIII–XX vv.*, St. Petersburg, 2020, 38–78, 499–533.

Kostina T. V., Kirikova O. A., Gymnasium Instructional Materials at the Russian Academy of Science, *Children's Readings: Studies in Children's Literature*, 2018, 13, 1, 194–219.

Veselitskii V. V., *Antioch Kantemir i razvitie russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1974.

Yardley J. C., *Justin and Pompeius Trogus: a study of the language of Justin's Epitome of Trogus*, Toronto, Buffalo, London, 2003.

Хэн Фу, магистр филологии, аспирант

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Россия / Russia

baiheng_100@mail.ru

Received December 7, 2020

Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г.

The Dialect of the Siberian Hollanders: Materials from Field Research in 2015

Сергей Сергеевич Скорвид

Российский государственный
гуманитарный университет /
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Sergey S. Skorvid

Russian State University
for the Humanities /
Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Цель данной статьи — представить материал проведенного в 2015 г. диалектологического обследования трех восточносибирских деревень в Иркутской области (Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник), где проживают так наз. голендры, говорящие на западноукраинском (западнополесском, или полесско-волинском) диалекте. В работе публикуются фрагменты интервью с четырьмя носительницами говора, снабженные комментариями к его фонетике с точки зрения сохранения в ней исходных западнополесских черт, включая адстратные польские, и влияния на нее русского языка окружения. Предлагаемый материал призван лечь в основу дальнейшего разноаспектного исследования специфического и в наши дни постепенно исчезающего «пихтинского говора».

Цитирование: Скорвид С. С. Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г. // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 425–449.

Citation: Skorvid S. S. (2021) The dialect of the Siberian Hollanders: materials from field research in 2015. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 425–449.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.19

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Ключевые слова

славянские переселенческие говоры в России, Восточная Сибирь, бужские и сибирские голендры, языковой контакт, западноукраинские диалекты, польский адстрат, влияние русского языка, переключение и смешение кодов

Abstract

In 2015, a dialectological field study was conducted in three villages of the Irkutsk Oblast in Eastern Siberia (Pikhtinsk, Sredniy Pikhtinsk and Dagnik), inhabited by the so-called Siberian Hollanders. This article presents recordings of interviews with four speakers of the Pikhtinsk dialect, originally West Ukrainian, and a commentary on its phonetics with regard to the strong Russian influence upon its system. It remains to be hoped that this material will lay the groundwork for future studies on this distinctive and slowly disappearing Slavic dialect in Siberia.

Keywords

Slavic immigrant dialects in Russia, Eastern Siberia, Bug & Siberian Hollanders, language contact, West Ukrainian dialects, Polish adstrate, Russian influence, code-switching & code-mixing

Введение

В 2015 г. группа работников Института славяноведения РАН и РГГУ совершила экспедицию в восточносибирские деревни Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник Заларинского р-на Иркутской обл., где компактно проживают так наз. голендры — носители (западно)украинского говора, на который перешли их предки в колониях вдоль течения Западного Буга. История формирования данного сообщества в Сибири подробно описана в книге [Галеткина 2015: 31–39], тогда как говору пихтинских голендров посвящены пока лишь две небольшие публикации [Алексеева 2016; Алексеева 2020]. В связи с функционированием у голендров в прошлом и в меньшей мере в настоящем польского языка и наличием в их идиоме многих полонизмов динамика языковой ситуации в этом сообществе освещалась в статье [Скорвид 2017a], а проблематика переключения и смешения кодов в речи его представителей — в сопоставительной работе [Skorwid 2017a]. Отдельные фрагменты фонетики и морфологии говора сибирских голендров на фоне соотносительных фактов других островных славянских идиомов в России обсуждались, прежде всего в аспекте их контакта с доминирующим русским языком окружения, также в публикациях [Скорвид 2017b, Skorwid 2017b].

С диалектологической точки зрения говор пихтинских голендров был с полным основанием классифицирован М. М. Алексеевой как относящийся «к западнополесским или полесско-волынским говорам

украинского языка» [Алексеева 2016: 197]. Участница экспедиции 2015 г., записавшая до половины собранного тогда аудиоматериала общей продолжительностью около 9 часов, пришла к такому выводу, сопровождаемому констатацией вариативности ряда явлений в этом идиоме, обусловленной его генетически гетерогенным характером (помимо далеко идущего влияния русского языка), в результате анализа части записей. Между тем весь этот материал пока не был введен в научный оборот, если не считать отдельных образцов высказываний пихтинских голендров о польском и на польском языке и рефлексий о своем идиоме в сравнении с другими в статьях [Скорвид 2017а, Skorvid 2017а]. Настоящая публикация имеет своей целью в большем объеме представить в виде фонетической транскрипции релевантный для характеристики говора аудиоматериал и прокомментировать его с точки зрения фонетики подробнее, чем это было сделано в названной работе 2016 г.

Вопросы информантам задавались на разных языках: украинском, русском или, для облегчения понимания, на смеси того и другого, приближенной к изучаемому говору. В дальнейшем вопросы интервьюеров если не опускаются¹, то передаются сокращенно на русском как метаязыке без конкретизации того, кто именно их задавал.

Релевантными для характеристики диалекта следует признать не все девять часов записей, а только их часть. Это связано с тем, что некоторые опрошенные не могли или не хотели поддерживать разговор на своем диалекте. Многие информанты, в чьих семьях явно преобладает русский язык или смешанный идиолект с доминированием русского элемента, переходили на него чисто механически. У тех же, кто проявлял осознанное нежелание говорить на диалекте (особенно у мужчин), видимо, сказывались восприятие своего говора как исключительно внутрисемейного, непрестижного идиома, неуместного при чужих, боязнь показаться смешным или иной страх.

Ввиду этого для публикации отобраны лишь те достаточно обширные фрагменты интервью, соответствующие приблизительно двум часам звучащего текста, в которых информанты (во всех случаях женщины) высказывались пусть с русскими вкраплениями, но в целом последовательно на диалекте. При этом выдержки, приведенные ранее в работах [Скорвид 2017а, Skorvid 2017а], в настоящую публикацию не включались. Поскольку согласие информантов на обнародование их

¹ Опускание таких пассажей, содержащих дополнительные вопросы либо реакции интервьюеров, а также несвязные или неразборчивые части реплик информантов, обозначается многоточием в круглых скобках. В угловые скобки заключены плохо слышимые в записи, но без труда восстанавливаемые части слов, а также в одном случае исправление непонятного информантке места в песне. Помета <sic!> сигнализирует о том или ином необычном фонетическом явлении.

личных данных не запрашивалось, их ФИО ниже указываются только инициалами.

Высказывания информантов приводятся в фонетической транскрипции латиницей, но с использованием кириллической буквы **ъ**, которая обозначает результат редукции гласных /o/, /a/² в безударных слогах, в том числе иногда в первом предударном. В первом предударном слоге эти гласные могут быть представлены также средне-нижним [ʌ] или нижним [a]. В остальном для исследуемого говора характерно не «аканье», но «уканье», т. е. совпадение безударной /o/ с /u/; нередко на месте такой редуцированной /o/ слышится средне-верхний [oʰ], который в транскрипциях обозначается именно таким символом, со второй частью в верхнем регистре. Латинской буквой **y** передается, с одной стороны, гласный, тождественный русскому [ы] (в заимствованных корнях и аффиксах)³, а с другой — колеблющаяся реализация средне-верхней (переднего ряда) фонемы типа укр. лит. /i/. Поскольку эта фонема реализуется в безударной, а часто и в ударной позиции в звуке, склонном к [e], в транскрипциях в соответствующих случаях используется диграф **y^e** со второй частью в верхнем регистре.

Буква **h** обозначает украинский фарингальный звонкий фрикативный согласный, в том числе — аллофон /x/, представленный в позициях озвончения, а **g** — заднеязычный звонкий взрывной. Символ **ц** передает губно-губной глайд, появляющийся позиционно на месте /v/ и факультативно — на месте твердой /l/. Одна из информанток спорадически произносила лабиализованный [l], переходный к [ц], что далее передается сочетанием обоих символов **l^h** со второй частью в верхнем регистре. После мягких согласных перед ударным [e] иногда слышится переходный i-образный звук, что в транскрипциях передает соответствующее буквосочетание с первой частью в верхнем регистре. В остальном мягкость согласных обозначается апострофом (в круглых скобках в верхнем регистре — слышимая не вполне отчетливо), удвоенный гласный [a] в частице со значением ‘мол, дескать’, восходящей к *kāžet* / *kāžut* ‘говорит/говорят’, и консонантные геминаты не на стыке слов, кроме сочетаний существительных с предлогом, горизонтальной чертой над соответствующей буквой (*kā/kāt*, *iŭ* ‘идти’, *vūhl'i* ‘в углу’), а ударение — знаком ' над ударным гласным (кроме односложных слов).

² Речь идет о редукции русского типа, но не обязательно представленной только в русских лексемах и словоформах.

³ В частности, [ы] слышится в русских формах прошедшего времени глагола *быть* (от основы *бы-*), в глаголах с префиксом *вы-*, где может реализоваться также укр. /i/ (например, *vyžala* наряду с *vykusyla*), во флексиях отдельных форм существительных (*lōzy*, им. п. мн. ч.) и прилагательных (*kras'ivых*, род. п. мн. ч.) и в корнях некоторых лексем (например, *butylka*). Ввиду относительно низкой частотности таких случаев факультативная реализация в них [ы] в транскрипциях не отражается.

Из знаков препинания используются дефис (при повторении без паузы двух слов, включая числительные при указании на приближительное количество и междометия, перед частицами *-to*, *-ka*, в трех случаях — для обозначения фонетически релевантного слитного произношения предлога *v* с последующим словом⁴), вопросительный и восклицательный знаки для обозначения соответствующих интонаций. В остальном реплики информантов членятся на смысловые отрезки, разделенные паузой: более короткой / или длительной //. С прописных букв пишутся только имена собственные.

Тексты

Средний Пихтинск (Л. Г. И., 1955 г. р.)

Откуда прибыли ваши предки?

ja tóčno ne znáju / uný z Vouýn's'k'iji hubérn'iji // stamfíl' uný fs'i nášý stamfíl' jíxali // naš mámyn táto pryjixaŭ / nu jak ja p'ɲ'imáju / jak máma kazáli / to výdno bulí zažýtočny lúdy / dóbre výdno žylí bo jíxali / éto máma vže buŭá v n'ix p'éta (...) jix p'eť / p'ed' buŭó d'ífc'in i xŭópec' / š'éstero jih býŭo (...) i fs'o tak'i tréba vot fs'o vystý / fs'o tóje / stamfíl' vezlí mnýho / kak skazát' / nu ŭot to / nu n'i m'éb'ili a ŭot napr'im'ér to kouor'ít'k'i / to tokóje vot tam / to týji stank'í tkáck'iji č'i šo / tam tóje fs'o vezlí že / astalnóje patóm tut kupuváli (...) mnýho šo vezlí stamfíl' takóje / z dúbá dáže še kazáli zrób'ene bo v nas tut-to dúbá nemá / v nas týlko sósny / p'ixty / tak ŭot / nu ŭot i toj mámyn táto / ŭun pustrójiŭs'e voféd' do Zamustéc'a ŭot s'udý na toj b'ik / tudý / ahá / tam s k'iuóm'etr tam uný žylí (...) žyŭ zažýtočno / mnýho trymáŭ pryjixaŭ skutá / kunéj / i pč'ouy kupýv m'iu i met svuj / nu i xlíba tam po'la bulí / mnýho s'íjeľi xlíba / žýto / fs'o / nu to máma kazáli / tak srázu to dóbre žylí / poká ne éto / nu vže tut r'ivalúcija / dvacátyje hódý / nu i ŭot jak kuŭáč'ity pryjixaľi / roskuŭáč'ili jix / puzabyráľi fs'o / máma roskázyvali / kážuť // kať nu za uhoródamy pújdemo č'ernýc'u rvemó / jáhody / b'ɲrúvk'i rváli / i z médom / bóľše éta / ja xaŭvú // to máma kážuť / kať a my / a táto rán'se ro'byŭ svoju takúju / týlko tam uný jakós' ny xaŭvú a jakós' ináč'e nazyváľi / nu vot uný pč'ouy / met trymáli i s'émič'k'i patsólnux sadýľi i ŭot konoplí / konoplí / rán'se z n'óho fs'o rubýľi / a tepér to týlko šo znájuť / narkamánty / a rán'se to s ty'e konoplíŭ rubýľi másŭo / v n'ih buŭá svujá tája masŭobójka / másŭo býty / i fs'i lúdy jízdyľi do n'ih býty (...) i oný kazáli ŭot téje ŭot šo utxódy ostajéŭs'e ut patsólnuxa / ut s'émič'kou tyx i ut tyx konoplíŭ i met / z médom rubýľi (...) xaŭvú takúju / ŭot kak my tep'íro jímó xaŭvú / týlko ja ne znaju jak máma tada jiji nazyváľi // roskázyvali // nu ŭot roskuŭáč'ili jix / roskázyvali jak ot xo'dýŭ Kalč'ák tútyka (...) lis / kruhóm lis / strýľeŭ lětajúť nóč'ju /

⁴ Дефисом, кроме того, отмечается прерванное или оборванное информантом слово.

jidný jduť / druh'íji dn'om drúh'i jduť (...) nu máma (...) uný ųot roskázyvali šo pómnuť / kak prýjduť / jidný prýjduť / ambár / a rán'se zamk'ív to nyxtó ne zamykáu / fs'o / my i tepér to xódymo xódymo / páuoč'ku tknemó i pújdemo / pu ohráďi xódyš i ne zamykájemo drúh'ij ras xatu / vže tak kak-to pryv'ykšy šo vróďi by éto / nu ųot i kãť / prýjduť / jidný berúť z'ernó hrebúť / pšenýc'u túju / koněj kórm'eť / i drúh'i prýjduť // máma kazáli / kãť tyl'ko my / kãť d'ity xo'dýli za uhorót čornýc'u narváli / i kã uný punaliťili na.. / a máma kãť ja šo / ne pómnuť č'i tam bulí b'íuy č'i to krásny bulí / xto tam buų / týji vujényji / kãť punaliťili i kã / my narváli tak f kóšyč'ok mnýho téji čornýc'i / a ó'ny ji kážuť zázraz ji pryliťili / ras-ras zjili / zjili / ot tyl'ko máma malýji bulí / roskázovali / nu ot patóm roskužáč'ili jix / i patóm užé ųot / užé týji stáršyji zámuš povyxódyli / i patóm užé tak pušuo / tam tý'ji kalxós i safxós i vže i // b'édna žyli patóm užé

Дагник (П. Э. М., 1941 г. р.)

Где вы учились?

nu tut / a ja mnýho ne učýlas'e / rán'se ne uč'ili mnýho / štýr'i klásy i fs'o (...) a pótym býdlo pásty / f kalxós / safxós

А какой скот вы пасли?

nu tel'éta mal'ýji pásli // srázu še mal'ým'i bulí (...) po^u š'is'-s'im lit vže pušli f kalxós pásty / uvéc' ja srázu pásla (...) a potóm tel'éta // tut v nas v Dáhn'ikax to bulí dójnyji korový / bulá f'irma / a tam na Srédn'im n'i buló / tyl'ko tak / molodn'ák pásty / nu i pásla (...) v nas tr'i pastux'í / tr'i děfk'i páslo tak // vot / pásty to ny buló tag de / a tyl'ko nu pu lísy / pu kurč'ėfkax pryhali-ľ'ėtalí da i.. / p'ėsn'i fs'ák'i uč'ilis'e spyvát pu lísy // a z námy / menš še bulí / pas M'íša tótk'i Mán'k'in / nu vun' buų kak / vnuk jij / a von' je (...) znať p'ėsn'i / tótká spyváje pólsk'i p'ėsn'i / i vun' nas uč'iu / zahórnuų v liz býdlo / oj daváje děuk'i p'ėť / i uč'ít p'ėsn'i (...) i vot my v lísy spyváli (...) a uxótn'ik'i srěč'ili da pryšli tátovy rěskazáli (...) von děfk'i tam spyvájuť / ja v ab'ėť pryhunála / a vďaháty to ny buló šo / a pustuuť / uápťi jak nazývajúť / ľ'ápťi // ja pryšla / s'ila na por'ix (...) lápťi sk'ínu i parťánk'i šop výsoxli da ab'ėda / a vže máma vozle kúxn'i xód<yť> / šmáta v rukák / nu to šo / tam vže / nyc / a táto pryšli is kúzn'icy i / ľ'b'edaty (...) a máma / a to tak / dyvč'ėta šo vy spyváli? // p'ėsn'i / co my pajóm? / p'ėsn'i / a máma / xto vas učýv tak'im p'ėsn'am? // sámy nauč'ilis'e // táto káže (...) tyb'á kážed zastáv'eť itý v lis / c'ily den' tak'ij / vot puxudýla by ty za tyl'ėtamy / jag by ty zaspyvála / ty by tam by móže še ne tag by spyvála jak oný spyvájuť (...) ja kažú / da my n'e spyváli tam nyjak'ix p'is'ón tak'ix / nu ahá / nu ládno / poruháli máma za p'ėsn'i / dúmaju / nu xarašó / táto na mo'júj storon'í / vu-ťáta ny popálo

А кем папа работал?

kuzn'icóm / f kúzn'i / a máma fs'o vr'ém'e kur'átn'icoju bulí / uhorót sa-dýli / uhoródn'icoju jak f kalxóz'i / kapústa mórxxa fs'o

А свое хозяйство вы имели?

a svoje xaz'ájstvo m'ili / no týlko / tadá ž buló téško / másla mnýho zdaváli / buló trúdno / na koróvu dés^oet' k'ilohrám másla zdáty / éto nam dostaválas'e tyl'ko vodič'ka / a s'im'já bylá balšája / nas tóže býlo mnýho / dés'it'

А как вы все помещались, на чем спали?

na čómu spáli? na lýšku / jidnó lýško / pu dvóje / o v méne še jidnó stojít (...) pódušk'i bulí i od'ijála bulí / py^erýny / o^d'ijála ménše / a per'íny dělali / húsy^e trymáli i útk'i trymáli / no ne l'étaľi tak jak tepér l'étajuť dítk'i / tepér jim náda (...) a ja jim skažú / vo / s'adáj-ka u mené / ja skažú jag žýty náda / vy ne znážete jag žýty náda / a ja znáju / ja prožylá

ja še sérpom ž'ěla / še tadá i sérpom ž'ěli / ja še zastála žyst' xaróšuju // ja pošlá u kalxóz / zastávyľi ž'éty (...) oďynájc'eť sótok výžala ječmén'u / i vže témmo / dúmaju / fs'i du dómu pušľi / nu tam báby týji / a my^en'í še tróšk'i duž'éty / pryjýxal br'ihadír i daváj kr'ič'éty šo ja málo výžala / oďynájc'eť sótok / ládno / a ja še troš- / o káže / kon'óm zatopčú / nu ja i plákyty daváj / dúže zlakálas'e // dúmaju / fs'o / zatópče / a ja n'ičóho / duž'ěla / pryšlá du dómu / kažú máme / oďynájc'eť sótok / no doželá / a johó // vun' pótom upravľajúš'im rubýu // a johó dočká kusóju ne výkusyla oďynájc'eť sótok / a ja jemú kažú / o ty my^ené kun'óm zato^uptáty xřiv / ja výž-žela ad'ín^uč^uť sótok / náda bu^uó sérpom / a tvujá án'a d'is'ikaj oďynájc'it' sótok kusóju ne výkusyla / a ja s'ém'sat p'eť výkusyla

А сколько лет вам тогда было?

ľit tšynájced' <sic!> buló (...) a bulá taká durná ta / fs'o xříla vďity / inřir'ésno buló / kartóľi sádeť / nu nádo š paxáty plúhom / nu ja kažú / daj ja p^upróbuju jak to paxáty zmohú / a Ádol' brat moj my^en'í pótom / Ěma / bulš nýjdy / bo závtra zastáv'eť / buš paxáty (...) uod zubáčys

А какую одежду носили, какую ткань делали — полотно?

pulutnó // srázu še / srázu da / ľon s'ijeli i pulutnó tkáli / rubýľi / v nas i táto tkáli i máma / varštát bu^u / fs'o buló / fs'o rubýľi / no my ne naučýľis'e tkáty / ne xřílos'e vže

А вы вышивали?

o / vyšyvát to vyšyvála (...) poduš'k'í vyšyvála i ručnyk'í vyšyvála (...) a pr'íd^uňp^už' fs'im rubýla / dyfč'ěťom rubýla pu štýr'i pódušk'i / py^erýna / oďejálo / dáže pryspo^usóblivalas puxóvyji oďijála rubýty // húsy^e trymáli // ot sy^edýš (...) v'ěč'ornýc'u zbyráľi / večornýc'a (...) nu v méne pr'im'érno ja husěj tam zarubála dváj'it'-trýjc'it' / tam še útok / p'írľa vže mnýho / ja zbyráju pr'im'érno / nu klíčú tam svujx / vže věčor pryxódeť / nu i vže den' tam pr'im'érno kulí / nu skúbajimo den' / věčor (...) puskúbaješ / tam pódušku ili per'ínu zróbys (...) spyváľi sydíľi / o-o / v'ės'ilo / babý pajúť p'ěsn'í

А были какие-то игры при этом?

bulí / bulí (...) nu uot butýľku krúfeť / pokrúfeť tam kudý po^uvérneťs'e / pocalováty nado xlópc'a / to š to stýdno xlópc'a pocalováty / sm'ijúťs'e /

nu šo / dur'íli (...) nu čórny hr'ěčk'i éto tanc'uváli (...) éto f krux / dy'fč'éta tag berúts'e nu i spyvájut / č'órny hr'ěčk'i / b'íly krúpy / tr'ímajmós'e fšérce <вместо сэрце> kúpy / jak ny búdem tr'ímatýs'e / búduť xlópcy sm'íjatýs'e / ny tak xlópcy jag defč'áta...

Пихтинск (Г. В. И. 1930 г. р. и ее дочь Л. Л. М. 1967 г. р.)

А у вас корова была?

Г. В. И.: m'ěli ko^uróvu / v nas ko^uróva bulá xaróša / vy'edró moloká davála

А сено вы где держали?

Г. В. И.: na horú k'ídali (...) ŋot pryvy'ežěš / tam tak'ij tyk / zajiž'ěješ / nu i vyť sydyť stujít na f'íry i k'ídaje tudá na ho^urú / a ja tam i ruznóšu

А зерно?

Г. В. И.: a bulí tam / takája kladófka bulá / kum'írč'ina / nu / da i z'erná / znájiš / bár<d>zo i ne buló i z'erná / nu tam ŋot šo svo'jé na- / ječ'm'ín' s'íjeli / fp'er'ót serpámy ž'ěli / putóm kusóju skósyš / pryjdě kambájn y'e zmlótyť / nu tam sk'ílko / nu p'eť-š'isť m'íšk'í / dés'it / nu zanesěš na hurú i pustávyš (...) próso s'íjeli // ot takája bulá stúpa / býli / kášu rubýli sámý

А еще что раньше растили?

Л. Л. М.: turn'ěps sadýli / kuruvý kormýli

Г. В. И.: a sámý jíli / znájiš / bylá / či vujná bylá / či pósle vojny / tam v nas na kun'c'í buu / nazyváli tyk (...) a tam r'ád'm nasády- / nasádeť tohó turn'ěpsu (...) nu fs'i politíli f toj uhorót / i turn'ěps rýžeš i jisýš / ne buló šo ji- / i zymóju mézzyj jíli / fkrádeš f kalxóz'i / pryny'sěš / pur'ížeš i na- // ty patěln'a znájiš šo takóje? / nu a š'as ne huvórymo patěln'a a skavaradá // i pryžárymo / pryžárymo // ty'čě / a jisýš / a pr'ěcdáťel kalxóza to znájiš kakój / vy čohó rvetě? (...) a un to zubácyu / dajót ty'b'í pr'ěčýstku / čo rveš? čo pórtýš? / nu ŋot i f kalxóz'i sadýli i bur'k'í týji / i turn'ěps toj sadýli / i mórxcvu s'íjeli / i fs'o sadýli / fs'o sadýli / fs'o rubýli / i dóma tag že sadýu / no dóma-to my svuj turn'ěps ne jíli bo my jihó ne sadýli / tam tróšk'i kartóšk'i pusádyš da i fs'o / a tam krádeš i nysěš i jisýš / putumú šo holódnyj buu // pómn'u muj pápočka pryšóu (...) a ja pláču pláču / bóže moj / šo / pápa pryšóu / šo ž my búdem jist / pušlí u kalxós ŋkráli turn'ěpsu / nažáryli // a pápa dývyts'e // vy tak jisté d'ít'k'i? // voný xoť tam dé-to bulí / voný bulí f šáxti f Къргандě (...) to kilahrám d'ěváli im xlěbuška a nam nyxtó ne dovál // nu i nyč'ó / pápa pryjíxau / d'ěng'i m'iu / tam pušóu / put / k'édys' put nazyváli / put pryn'ís tam jakóho nybúd' z'írná (...) na žy'rnávax meliš / tam jak'ij nybúd' blándy navaryš užě i kúšajiš / fs'o / užě zabúfs'e tóje fs'o / a ja by hotóva skazát šo i n'iprávda buló / bo užě zabúfs'e / stýlko lit / ot tak

Средний Пихтинск (Л. Г. И.)

Расскажите о своем детстве, семье, хозяйстве...

nu ja výrošua bez báťka / těško býuo // mámy fam'íl'ija d'ěv'ič'ja byuá Kunc / patóm aná výšua zámuž za Róz'ina / i byuá uná Róz'ina // i ja pysáuas'e

Róz'ina // a užé vot výšua zamuš vot Vauóda / za Vauódu výšua // užé s n'im vot búde sórak p'eť lit jeg žyvyemó vm'ěšte / i suáva bóhu

nu šo vam še roskazáty // mámo p'étero dytěj / fs'i žyvút v'-Irkúck'i / dév'it' vnúkou // fč'óra i dš'ika buų syn / ujíxaf sr'ědn'ij // v nas (...) po nášym d'ir'evn'ám tak pryvýkšy šo // nu pútny s'ém'ji vosp'ítujuť svojih dítěj stróho / v nas nazývajúť táta mámu na vy / nykadá i vot / užé mo'jim dítom vže bulš saraká / i vun' nykadá prófiv nyc ne skáže / jěsli ja šo skažú / dáže móže ne pu jihó / móže jimú ne nrávyťs'e č'i šó / on fs'o ravnó / promolčýt no nyc ne skáže prófių

ųot ták ųot / tag žyvyemó puřixón'ku / róbymo / xaz'ájstvo ųot májimo (...) koróvu trymájimo / try byč'ká da i poros'ětok / kúroč'k'i trymájimo / kúroč'k'i

ja vot vyšyvāju / máju vr'ém'e / da i jeg zymóju / skúč'no / s'ědu / vyšyvāju vot / samá s'ib'í v'izóry <sic!> pryđúmaju / kv'ít'k'i xuróšy / kv'ítoč'k'i (...) na atuásovy / ja i na b'íųyx vyšyváu / na tak'ix na / na pérkalovy pu nášomu nazýváli / pérkal' je s'ítec / a fs'o ravnó vun' býstro kak to znášujeťs'e / v'it fer'aje (...) fs'o ravnó johó nádo bár<d>zo šanuváty / berekš'í / ubereháty (...) ųod zymóju pupórajemos'e / xaz'ájstvo nakórmymo (...) i s'ib'í s'ědu / vyšyvāju / un' dýevyťs'e řiliv'izar a m'in'í nadojidáje

rabótaųa / aj fs'údy pryšúós'e / s'írotá byuá / uč'ítys'e ne buųo za šo / hróšy'j n'e buųo (...) a patóm užé ų méne d'ity bul'í / vže tróje dytěj buųo i ja samá ut sébe puříxaųa patóm zdaųá tudý k'inař'ikacyju / na k'inam'ixán'ika / v méne Vauóda muš k'inam'ixán'ikam buų / i ja po johó kn'íškam tam / zajíxali s'udy // tre<ba> buló k'inam'ixán'ika vo f toj kųup / i ja po tym kn'íškam i výuč'íuas'e / samá zajíxala i uný men'á votprávyli v'-Jerkúck (...) tudý / i ja zdaųá na kařihór'iju / srázu dal'í myen'í rabóč'u kařihór'iju / drúh'im dajút pamóč'n'ika / a ja dóbre zdaųá / myen'í srázu dal'í éta / tr'ěťju kařigór'iju rabóč'uju / móžna rabótaty / i ja vot robýla k'inam'ixán'ikom / nóč'amy jízdyųa s týemy bánkamy verxóm na kun'óvy / bánk'i tak'iji ųo bařšýji (...) aparátúra Ukrajína / jídeš nóč'ju i to f túju d'ir'evn'u to s'udy to s'udy to s'udy / stávyla k'inó / to m'in'í tóje k'inó nadojío / ja jihó bár<d>zo i nye dyvlús'e top'íro po řiliv'ízorovy / un' de<s'> s'ědye dýevyťs'e // ja kažú: vže nadojío / ap'áť tóje (...) vot tag žyvyemó my v d'ir'evn'í

Дагник (П. Э. М.)

А вы помните, как замуж выходили?

u-u / ja pam'itāju / (...) ja výšla zamuš dvájc'eť tr'i rók'i m'íla / ja ne výšla f s'imnájč'eť-vus'emnájč'eť lit / v dvájc'eť tr'i pušlá zamuš ja (...) nu svátaty pryjíchali / a šo tam buló svátaty kahdá my bul'í pro'svátany (...) a svatýv berút jag duť svátaty pr'im'ěрно z jihó ro'dn'í vun' beré i potóm vže mujú z ro'dn'í kohó my vot / i pryxódeť svátaty / nu a šó / sohlasýlas'e to šo / vótk'i výp'ili i vže tam // a vže potóm pryšlí máma johó / bo v n'óho táta ne buló / za Ramána ja

výšla / vun' s'írotá buu (...) nu a vže pryšóu to / máma pryšlá vže pósle / nu vže dohovár'ujuťs'e k'édy ves'íle rubýty búduť // a Ramán buu v mené / vun' ženátyj perš / jehó ž'ínka k'ínula / nu ja b za n'óho ne pušlá jesli b ž'ínka bulá u n'íhó / a jehó ž'ínka k'ínula i zámuš výšla / a ja patóm pošlá / nu i táto kážuť šo ty mou svád'bu robýv s péršoj ž'ínkoj / mol móže ty s'ičas ne búdeš robýty / máma pryšlá / to mol daváje tak / my zróbymo svád'bu / tóje ves'íle / ne kazáli svád'ba a ves'íle / my zróbymo ves'íle a potóm zaberěš i pojídete (...) i fs'o / a vun' n'e / nu i pryšlá pósle / za n'idělu pósle / nu jak / nu vže svátaty / pryšlá máma johó / nu daváj vže na svád'bu dohováryvaťs'e / k'édy búde ves'íle / nu rubýli ves'íle / huláli

А сколько дней?

tr'i // nu pr'im'érno z'is' hulájut i závtra a vže na tréťij den' nu jak kazáli sn'ídan'e / nu tam svují vže tam // tr'i dn'i týlko huláli (...) šutýli / sm'ijélis'e // a mené Ramán svátau vun' jag zrobýv // vun' že vz'ev Károla nášoho / nu uot Ramánъvoho šváhra (...) oný jíxali na rubótu / Ramán / Ramána otprávyli svýny vestý / zdaváty (...) a my s tátom puvelí zdaváty tólku f safxós (...) a vun' zubácyu šo ja tam / i vun' ne pušov na rubótu / ne puv'is svují zdaváty / ustáfs'e tam na f'írm'e (...) a vun' padáu užé /pryšóu na f'írnu / a my tam / nu filátn'ica bulá / tólku zvážyli i táto pušli tam z mužykámy sob'í rozhavár'ajuť / a my s Káfeju / tam voná pryjmáje týji tólk'i (...) ládnъ / nu i vun' vostávs'e / ja pušlá užé s tátom v dom / a on v'ěč'erom pr'iježájet (...) vz'eų Károla i še tam ody- jidného dátku z Dáhn'ik tuť i pryjixaų svátať (...) a ja dóma n'i bylá / a ja ušlá du na.. tudá du Ádola (...) nu ja zašlá i za p'ěčkoju syžú s pacanámy / i nu / vže jihráju tam // ahá / subáka brěše / ja kazú nu / še xtos' de / a bratýxa kāt / nu móže tak subáka brěše / a bratýxa m'in'í huvóryť / nu bo ja na f'írnu / pusy'e dý / ja š'as upórajus'e / to ja vo / f'čóra xudýli na uxótu / mn'ěsa dubulí tam xlópcy / i ja mn'ěsa nažáru / nahr'íju nu na smetán'i / ja havar'ú vo / i búdem večératy (...) i Ramán zaxódyť / sprášyvaje bratýxu / Éma jé tut? / oná mofč'ít / nu a d'ity je d'ity (...) vun' sprášyvaje / a de tófa Éma? / a vun' káže / tám / za p'ěč'ju (...) on mn'e / ahá / pajdóm damój / a ja n'e / ja n'i pajdú / ja búdu išo m'áso ždať / kadá mol bratýxa nahr'íjeť mn'ěsa / tadá ot pujím i pujdém / oj kašmár / un' / nu ja búdu ždáty mn'ěso (...) nu n'ič'ó / bratýxa nahr'íli mn'ěsa / nu s'ěli / puvečěrali / pajdóm damój (...) tam Károľ žd'ot // a Károľ état s'idít / máma kartóšku stávyła u p'ěčku / nu céłaja kartóška / nač'ístyty ji / nu jak vam skazáty / pu rúsk'i to nu galán<t>ka / nu hrúpka / nu u hrúpku na bláx'i tyj kartóšk'i c'íly (...) nu i pr'ixódim my s Ramánъm / máma / nu vo / kazála ty xútko pujíš / kartóška ostýla da i fs'o / ja havar'ú ja puvečěrala užé / my mn'ěso jíli / oný kážuť nu to dobře

Пихтинск (Г. В. И. и Л. Л. М.)

Г. В. И.: jak še ja zámuš vyxózala // zámuš ran'se inter'ěsno býlo vyxózaty (...) naplitúť tak'ix kras'ívyx rohač'íu / z derěf k'e<dy> uot lózy lomájut /

upkrúteť téstom / nav'íšajuť fs'ák'ix ihrúšok / nu / i vot i ko^urováj (...) nu vot i š'e tam kólo tó^ho / v nas nazyváli pryb'íč<nyji> // ne huvurýli kak š'as vot / skaz'í

Л. Л. М.: sv'idětel'

Г. В. И.: vo / sv'idětel' // a rán'se pryb'íčnyj / pryb'íčnyj / drúška / nu i vot tak vot užé i sáded' za styl

Л. Л. М.: ruhač'í š'as rób'eť / no rób'eť // bumáhoju obvertájut' / a kulís' rubýli tísto

Г. В. И.: marš ihrájuť / nač'ináješ ty za stolóm tam p'érvyji rúmk'i pýty / str'ilájut' tam v'úhli stoját' / s'iděť / stujěť / nu inter'ésno buló / v'és'elo buló / a marš xto by ny pryšóu // nyxtó ne pryšóu / tak fs'im marš vyxódeť ihrájuť / fs'ix fstr'íčájut' // éto / dv'i pudrúšk'i / jak

Л. Л. М.: šop kv'ít'k'i p'ýtč'epýty

Г. В. И.: i ty^ep'ír'vno dváje pryb'íčnyx / z jóho i z jěji / nu i vot / vyxódet fs'o vr'ém'e / vyxódet fs'o vr'ém'e / xto by ny šou / fs'ix // puáteť ponemnóško tam po kop'éjk'i tam / nu i uot / v'és'elo i kras'ívo / a š'as to užé tak ne rób'eť (...) nu vžé fs'i pryšlí / хъз'ijivá znájut' / užé fs'i pryšlí kóho pryhlašáli / znáč'íť fs'ó / řip'ér' užé tut ihrá / aha / řip'ér' ot buk'éty šjuť / ap'át poká drúšk'i popryšývájut' kážnomu xto zványj / fs'im fs'im pryšjút' // nu uo / typ'ír' užé nač'inájut' za styl iřý / vot / za styl pujdút' / tam tóže p'řjút' / nu tam strylějuť tam / spyvájut' fs'áko / rán'se ž vm'íli spyváty babý

Л. Л. М.: mámo / šo pudaváli na styl?

Г. В. И.: šo buló

Л. Л. М.: kášu pudalí / vže znájut šo užé

Г. В. И.: a-a / p'ósle kášy nemá lípř'ěj pášy / fs'o / užé bulš nyčohó ne prynesút' / rán'se v'ed' b'idnatá bylá

Пихтинск (Г. В. И. и Л. Л. М.)

Расскажите, какую пищу у вас готовили...

Г. В. И.: boršč p'ólsk'ij / tak nazyváli

А как его варили?

Г. В. И.: johó var'eť // uot nak'ídaješ m'ěsa // mn'ěso náda šob ból'se s kustmý / onó fkusn'éje / nu onó zvarýlos'e / ty^ep'ír'ъ líješ úksus pu svujemú fkúsu / nu a ty^ep'ír'ъ smetány še náda (...) v nas kapústu tág že vot / varýfs'e m'ěso / k'ídaješ kapústu / nu zab'íliš sm'ítánoju i tag že jisý / rán'se f kóho ne xvatáje / kapústu varýu / nu i var'én'ik'i še jek'iji n'ibuť / k'édys' tak rubýli (...) xto s čy^erómxoju rubýu / xto nasubyráje sýra / syr / kartóšku / ot tak'iji var'én'ik'i varýli (...)

А хлеб?

Г. В. И.: a xlip sámy peklý (...) znájiš / tak'ij xlip fkúsnyj / jėsli p ty napeklá / oj-oj-oj / v nas fs'o vr'ém'a ja str'ápala / tam v nas stojá- nazyváli hrúpka bulá / nu i ja fs'o vr'ém'a str'ápala (...)

А как месили тесто?

Г. В. И.: a tag že sámó / spuskáješ tudá / vudá / dróžy / ja fs'ó dróžy zná-jete tak rubýla / dróžy f'čášk'i ruščyn'ú / šob uný pudn'elís'e / typ'ír lju f'túju / kak skazáty vam / kvašn'ú nu / i typ'ír'ъ zavóžu / uná užé pustují sk'ílko šob vže vyrúxalas' / ja srázu utkrýju p'ъsmatr'ú / še vonó ne výrabotalos' / v búrburk'i tak'íji / še onó ne výrabotalos' / vže / drúh'ij ras / tréij ras / vže búrbulok nemá / nu t'p'ír ja užé m'íšu rukóju / zam'íšu / nu typ'ír' pudým'eš'e / vže u p'ěčku kladěš / t'p'ír na prótv'in'i nakátuješ / uot pokatáješ na prótv'in'i i v p'ěčku fstávyš / napečěš uot tak'ij xlip

ЛМ: mámo / a jak na č'er'ín'i peklí?

Г. В. И.: oj / a k'édys' znájiš / n'e buló prótv'in'uú / na č'er'ín'i peklí / a ja ješ'ó b i ž'is' napeklá na č'er'ín'i / ja lublú / nu i uot tag že sámó / p'ěčka tópyts'e / ahá, výtopylas'e p'ěčka / rozhornú še / vyhřebáješ fs'ó / zdělaješ str'ápk'i / pumeló takóje nazývaješ'e / namočú / vým'etu čystén'ko // a užé patóm dětk'i pudroslí / to ja kupýla na Kám'enk'i týji / č'ášk'i / zastelú tr'ápočkamý / nakatáju tudý / uný pudýmuš'e / nu dětk'i nós'eť nós'eť / pu dv'inačed' búlok napekú / a tak'ij xlip (...) to glávnoje šo v m'in'é lopáta takája bulá / ja johó nasypá- / dokládaju s téji / s čášk'i / bac na lopátu / šux tudá / šux tudá / šux tudá / zakryváju / na úlice p'ěčka / zakryváju / a žilézna ja takája bylá / žestánka takája žilézna ja // bláxa // nu uot tak zakrýju // ahá / p'ať m'inút pro'sló // ja zaxódu / žar vyhřebáju / vyk'idáju / i ap'ať zakryváju / oj tak'ij xlip kras'ívyj-kras'ívyj

А дрожжи вы покупали или?..

Г. В. И.: rán'se znájiš šo / éto k'édys' še sámy dróžy rubýli / a tak znájiš rubýli / uod zam'és'íš takúju búcku / k'íneš / a rán'se fs'ó huršč'ik'í bulí / vy ne rozum'ijete? hórščyk / nu to u hórščyk k'íneš / vudy vlíješ / tak vun' i stujíť-stujíť / nu / typ'ér' tag že éto ležýt / stujíť / t'ip'ér' u p'ěčku saž'éješ / da? / typ'ér'e výjmeš / še nemnóško pudrú.. puddélaješ johó / pulóžyš i tak // a k'édys' š'e i n'e buló i x'ъldíln'íkoú / nu trymáli / músyli dés'to tam f' xalódn'ъm m'ísťe / t'p'ér'e vže vunó hustóje zróbys'e / udr'ížeš kusók / t'p'ér' užé k'idaješ / ruzmoróžyš i tag že sámó vot / sýpleš mukú / vunó zarabótaje / typ'ír'e op'ať éto / v dížu k'idaješ / nu tak i peklí

А кто печь клал?

Г. В. И.: ta vo sus'id buú / Ádol' / nu s mužykóm mujím p'ěčku kláli / ja to s'udy pryšlá / v nas dóma to bulá jak ska- / vot takája vo jak v nas š'az hrúpka / tam peklá / tóže ne buló š prótv'in'uú / b'idnatá bulá / tóže tak jak vot / ja to huvurú pu svójemu / na čarýn'i / nu / ne buló š prótv'in'uú / tag že sámó vot / zdélaješ i fs'ó nasádyš / tóže búlk'i tak'íji vo narostút / a s'udy pryšlá / tóže nemá / xoť máma bulá / a v nas to ne buló / a tóže prótv'in'i tak'íji vo bulí velík'i / a u nyx fs'i uhly užé pulamális'e / vot i str'ápaješ / i dóma v hrúpk'i peklá tak / i s'udá pryšlá tag že peklá / na čarýn'i i fs'ó // ja b i zdís' napeklá /

tý<l>ko nemá p'ěčk'i nu / a lublú tak na čar'ín'i / xarašó výmeteš / výmeteš téj lopá- / i napečeš tak'íx buųéc'iu // o / xlip fkúsnyj-fkúsnyj / a š'az že v nas fs'o fórm tyji

А сун в чем варили?

Г. Б. И.: a bulí tak'íji vot v'édra / čuhúňy č'i jak'í / i my tak f tójix v'ídrax varýli / f tómu vy^edrú ja varú boršč č'i tam kapústu / var'íli boršč i so sveklý / i ščauúšny / vy ne varyté ščauúšny? / a v nas ščauúx je / nu uot narvěš pújdeš ščauuxú / nu mn'ěso varýts'e i tudá por'ížeš ščauúx / k'íneš / un zváryus'e / zab'íliš // i ták'ij sup fkús'n'en'k'ij tak'ij / k'íslen'k'ij / a kartófli vže fpyrk-úsku (...) kážnyj pu svójemu / xto jak xóče tak róbyť (...) my varymó z burak'íu boršč / my varymó s kapústy boršč / i šč'i varymó

А щи вы как варите?

Г. Б. И.: kartófli var'ěts'e / nu uný užé (...) počťi zvarylis'e / k'ídaješ kapústy sk'ílko tam xóčeš / šob zdórovo býlo k'íslo ilí málo k'íslo / jak xóčeš / na stolúvy <sic!> že xoť kapústa k'ísla (...) a ja ne lublú / mn'e daj šop k'íslen'ko býlo / jak oná naváryť tak ja jim / i vot tak i / zvarylos'e? zabýliš / vlíješ / nádo šob perevarýlos'e / še fkusn'íjše búde / nu i vot tak varymó (...) u nas z'ěť jak pryjide / toj pólsk'ij boršč uun' ne znáje jak jehó jísty / a jehó brat pryjide / to so<b'i> du dómu v butýlku naľije (...) p'ér'vyj ras pryjixaų vun' a ta jehó sprášyvaje: ty búdeš jísti boršč pólsk'ij? (...) vz'el / jek ro^sspróbovafs'e / o / daváj m'en'í boršč / fs'o / pólsk'ij boršč daváj / tak i varymó / jak zabaltáješ tak najisýš

А из черемухи что-то делали?

Г. Б. И.: o téji čerómx'i narvěš / nasúšyš / naméliš i na / nemá nyčó^ho / nasýpleš tudý / putulčěš / i tak jisý // a vy tak'ij fúšer varyté č'i n'e? / kartófli zvarylis'e / tudá sýpleš mukú / nu vže ljož žyr / putulčěš putulčěš / p'řstávyš na kúxn'i / un perepáryts'e / i tak my nazyváli fúšer

Дагник (П. Э. М.)

Какие у вас были праздники?

nu sv'ěto jak'í / Rustvó / Páska / Myxájla / Jána bylí (...) a t'p'íro to v'íra pušlá rázna / vže pušlí p'etídís'átn'ik'i tam / nu užé nu káždyj / pudy^elilis'e i fs'o / a rán'se buló jidnó to buló dóbre / vot vže pr'im'ěrho vže sv'ěto č'i / subyrális'e vže na / slúžba šla / a typér to tak

А Троицу праздновали?

nu na Trójcu jak / nu jak móžna práznuvaty / ráno fstánuť / č'ítajúť vdóma / jduť potóm užé nu jak nazyváli / nabožénstvo / vot

А ветки приносили?

v-yzbú nosýli maj / nazyváli máju náda pryny^estý nalamáty užé šob buų maj na zelóny sv'ětk'i / i na dvo^r'í koųo krylčá stávyli berězu zrubáli / pustáv'eť / nab'júť (...) bulá berěza / sto^ujěla kolo poróha

А на Рождество что делали?

du Ruzdvá xodýli kuľaduváty (...) vot prýjdemo / pustúkajemos'e (...) nu xaz'ain pažálusta / dvéry atkryváje / zaxótte // nu zaxódy mo nač'inájemo kuľaduváty

А что вам за это давали — поестъ что-то?

nu pryhlašáli / nam maųým (...) to nam dadút tam nu pu rublóvy hróšy / nu s'edy'mo de nybút f kutkóvy / nu a vže baľsýji tam do stoųá sy'e dájuť / nu večerajuť (...) nu uže pryhlašájuť lúdy'e šo / du méne pryjdíte / toj / du méne še pryjdíte / nu uže paľšoų věčurom / vže subyrájimos'e / máma kážuť / xvátyť ty'e b'í uže sóvatys'e / ja — ne-e / i paľlá

А Пасху еще как-то называли?

da / Vel'igden' / a V'el'igden' šo / nu jájca krasýli na Vel'igden' / pysáli / krasýli (...) nu tóže xudýli nabožénstvo / tr'i dn'í práznuvali fs'igdá / xudýli nabožénstvo uot / i jájca / pu z'is' den' še krásymo jijič'k'i na pásku

А пост был?

p'ist / Ádvent (...) Ádvent vot du Ruzdvá / a post pósle Ruzdvá du Velikódn'a (...) nu éto Pásku / vže u pérš'ij den' Pásk'i dóma / pryjdút z nabožénstva i sn'ídajuť / i zvar'ěť jidnó jejcé i sk'íl'ko f s'im'jé je / puďíleť tóje jejc'e fs'im pu kusóč'ku (...) to táto kážuť // šop trymáľis'e fs'i f kúč'k'i tak / dítk'i / jak tóje jijcé

Пихтинск (Г. В. И. и Л. Л. М.)

Г. В. И.: rán'se znájiš sv'ěto tóje fs'o / vot Ro'ustvó / Nóvyj r'ik / Trójca / Z'elóny sv'ětk'i (...) Z'elóny sv'ětk'i to uže nesút by'e rézu / stávljuť vozle kryľcá (...) nu a š'as tak kážuť / o-o na Hro'mnýč'i ne napýfs'e p'íven' vodýč'i / na Jur'ja ne najífs'e v'il travýč'i / ty rozum'iješ? (...) na Rozvó rán'se xodýli koľaduváli / koľaduváli

А кто колядовал?

Г. В. И.: a star'ijšyji lúdy pómnyli / ználi // nu ja znáju u nas tam jidnája bulá / uná zdělala takóje kulesó / i tam fs'áko punarysóvyvala

А как называлось это колесо?

Г. В. И.: ja ne znáju / zv'o- zv'izdá nazyváli / a jak unó nazy- / na Ruzdvó tak xodýli / p'íli fs'ó

Звезда? А на небе звездочки как назывались?

Г. В. И.: zóroč'k'i

А девушки ворожили, было такое?

Г. В. И.: hu / vuružýli / létali / oj šo tó<l>ko ne ro'býli (...) nađaháľis'e f cyhány / p'ěli fs'áko / nu k'édys' to ž uč'íli spyváty / fs'o po póľsk'i spyváli / nu i vot / prýjduť / nádo jim dáty čó to (...) a kahdá uná pryxódyła sa zv'óz-dočkoj / tam týľko vy'eč'ératy daváli / a bulš nyc ne daváli / a týji uže cyhány kahdá prýjduť / to uže šos' daváli

Л. Л. М.: kubaśú rubýli / č'o na Ružy'svó náda býlo šob v dóbrŕji xaz'ájk'i bulí jájca / da?

Г. В. И.: a na Trójcu šob bylá kal- / ko^ubasá / kubaśá

Л. Л. М.: svujú kubaśú rubýľi / a náda býlo š to xranýty / xaladíl'n'ika ž ne buló / jajcá i kubaśú // nu ʋot / f xarós'j xaz'ájk'i dolžnó býty / a jésli nemá / tája vže k'éps'ka xaz'ájka

Диалектологический комментарий

В этом разделе мы ограничимся уточнением некоторых положений публикации [Алексеева 2016], касающихся фонетики. Как констатировалось выше, не подлежит сомнению генетическая принадлежность идиома пихтинских голендров к украинским западнopolесским или полесско-волинским говорам. С ними данный идиом разделяет большинство диалектологически релевантных признаков, пусть и проявляющихся иногда с колебаниями — как, впрочем, и на исходной полесско-волинской территории, насколько позволяют судить данные второго тома издания «Атлас української мови» [Закревська 1988]⁵. Свои коррективы в эту картину внесли результаты контакта говора голендров с польским языком в прошлом и русским языком на новой родине переселенцев в XX в.

1. Гласные

1. Рефлексы *ě

Под ударением практически последовательно [i]⁶, как в корнях, так и в суффиксах и флексиях: *tísto* 'тесто', *politíľi* 'полетели', *xťiv* 'хотел', *d'ity* 'дети', *d'ifč'in* 'девушек', *v d'izu* 'в квашню', *puďíľet* 'поделают', *syďíľi* 'сидели', *s'ic* 'сел', *s'ijeli* 'сеяли', *sus'id* 'сосед', *fs'ix*, *fs'im* 'всех, всем' *na ruc'í* 'на руке', *sn'ídan'e* 'завтрак', *(na) storon'í* '(на) стороне', *ľis* 'лес', род. п. мн. ч. *ľit* 'лет', *xľíp*, *xľíba* 'хлеб, хлеба', род. п. ед. ч. ж. р. *ľípš'j* 'лучшей' (с русской флексией), *b'icy* 'белые', *p'iven* 'петух', *kv'ít'k'i* 'цветочки', *v'íra* 'вера', *nav'íšajut* 'навешают', *rozum'íješ* 'понимаешь', *vm'íľi* 'умели', *jísty* 'есть' (принимать пищу), *jíxaty* 'ехать', *jízdyľi* 'ездили' и др. Рефлекс [y] в этой позиции, как факультативный вариант в той же корневой морфеме в речи Г. В. И., отмечен по одному разу после *b* и *r*, в целом в соответствии с [АУМ II: 6, 8]⁷: *zabyľiš* при *zab'íľiš* 'забелишь'; *ryžješ* 'режешь' при *pur'ížješ* 'порежешь',

⁵ Далее ссылки на карты из этого издания даются только с указанием их номеров при сокращении АУМ II.

⁶ Знак ' перед гласным в квадратных скобках обозначает мягкость предшествующего согласного, тогда как его отсутствие — напротив, твердость. Некоторые из приводимых далее примеров почерпнуты из записей, которые выше не публикуются.

⁷ Впрочем, если тип **'р[и]чка** на карте 6 фиксируется в говорах вдоль Буга, то тип **'б[и]лі** на карте 8 — только к северо-востоку от Луцка и еще восточнее.

udr'ížeš 'отрежешь', а также *nahr'íju* 'нагрею', *nahr'íli* 'нагрели', *na dvor'í* 'на дворе', *na hur'í* 'на чердаке'. В формах прошедшего времени глагола 'иметь' наряду с [i] в одном случае (при эмплазе) отмечен дифтонгоид: *m'iv* 'имел', *m'íli* и *m'éli* 'имели'⁸. В глагольных формах *létajuf*, *l'étali* со значением (детской) беготни корневой гласный, по всей вероятности, следует возводить к *e, допустив контаминацию корней *lēt- / *let-⁹ (эмфатическое усиление мягкости согласных в виде i-образного призвучия перед ударным [e] в говоре фиксируется и в других случаях).

В русскоязычных вкраплениях встречается русский рефлекс *ě, т. е. [e]: *b'édna* 'бедно', *b'éhali* 'бегали', *d'éla'li* 'делали', *d'éfk'i* / *d'éuk'i* 'девки', *v ab'ét* 'в обед', *sém'ji* 'сэмы', *nalép'is* 'налепишь', *zam'és'is* 'замесишь', *vm'ésfe* 'вместе', частый «сиберизм» *pr'im'éрно* 'например', *n'émcy* / *n'émci* 'немцы' (во втором случае с украинским [c']) и др. Нередко — в том числе у одних и тех же информантов — наблюдаются колебания между укр. [i] и рус. [e]: *dít'ki* / *dét'ki*, *p'isn'i* / *p'ésn'i* / *p'ésn'i*, *kartóšk'i* c'ily и *célaja kartóška*. При этом украинский рефлекс может «вторгнуться» в словоформу русской лексемы (*p'éli* и *p'íli* 'пели', *fxalódnъm m'isfe* 'в холодном месте', *fkusn'éje* и *fkusn'ijše* 'вкуснее', *s'ib'í* как *sob'í* 'себе') и наоборот: *tak'íji vot v'édra* 'такие вот вёдра', но *f'tójix v'idrax* 'в этих ведрах'.

В безударной позиции на месте *ě часто представлен не [i], а [y] или [y^e] либо даже [e], в целом в соответствии с [АУМ II: 10, 13, 14]. Примечательно отождествление этого гласного с русским [ы] в слове *vy^edró* (им. п. ед. ч.) информанткой З. А. А. 1938 г. р., которая произнесла вначале по-русски [в'идрѐ], а затем «по-пихтински» скорее [vedró] с таким комментарием: «только и или ы разница». Другие примеры: в предударном слоге *dytěj* / *dy^etěj* 'детей', *dyvč'éta* / *dy^efčéta* и даже *defč'áta* 'девчата', *pudy^el'ilis'e* 'поделились', *(za)spruváty* '(с)петь' в различных формах и *spru^evát* с русским завершением инфинитива, *stryl'éjuf* 'стреляют' (наряду с рус. *str'ilájuf*), *my^esýty* 'месить', *namy^eš'éješ* 'намешаешь', в заударной флексии *pu lísy* 'по лесу'. Вместе с тем встречается также [i], регулярно после j в формах глагола *jisty*: 2 л. ед. ч. *jisý* / *jisýš* 'ешь', с префиксом *na-jisýš* 'поешь', 2 л. мн. ч. *jisté* 'едите'; реже после других согласных: *m'íšu* 'мешу' (о тесте), *m'íšk'í* 'мешки', *sm'íjút'se* 'смеются', *sm'íjélis'e* 'смеялись'; в заударной флексии *vúhli* 'в углу', *na duróz'i* 'на дороге', *v hrúpki* 'в печке-голландке', *na bláx'i* 'на плите' (печи). Обращает внимание совпадение этого рефлекса безударного *ě с русским (в результате редукции /e/), ввиду чего в ряде примеров с [i] можно усматривать русизмы. Для

⁸ В [АУМ II: 8] аналогичный тип 'м'[ie]с'ац фиксируется опять же только значительно восточнее Луцка.

⁹ Ср. польск. *latać* (< *lēt-), но рус. диал. *лѣтать* [Филин 1981: 15] с теми же значениями.

их распознавания приходится привлекать дополнительные факторы: общий фонетический облик той или иной формы, лексические характеристики слова и его окружение. Так, к русизмам следует отнести лексемы и словоформы *b'idnatá* 'бедность', *fstr'ič'ajuť*, *vródi*, *fkalxóz'i*, *fšáxfi f Kęrz-glandé*, *v'Irkúck'i* и др. В двух лексикализованных случаях зафиксирован польский рефлекс безударного *ě перед твердым зубным согласным [ʲ^o a]: *pocalováty* 'поцеловать' и *s'adáj-ka* 'садись-ка'¹⁰.

2. Рефлексы *o, *e в новозакрытых слогах

На месте *o в новозакрытом ударном слоге встречаются, в целом в соответствии с [АУМ II: 51], гласные [i]/[y] и [u]; в русизмах [o] сохраняется. Первый рефлекс — самый частый: *b'ik* 'бок, сторона' и *pryb'ičnyj* 'дружка на свадьбе', *p'ist* 'церковный пост' (и русизм *post*), *v'il* 'вол, бык', *nóvyj r'ik* 'новый год', *sk'il'ko* 'сколько'; во флексии род. п. мн. ч.: *hryb'íc* 'грибов', *burak'ív* 'свеклы', *zamk'ív* 'замков', *konopl'íc* 'конопли', *rohač'íc* 'рогачей'¹¹. Флексию последних двух существительных с основами на исконно мягкие согласные (не обязательно м. р.), вероятно, следует возводить к распространившейся здесь по аналогии *-овъ. В этой флексии [i] встречается и в заударной позиции (наряду с русским [o]), в том числе в русизмах: *n'émč'if* / *n'émcoŭ* 'немцев'¹², *peres'ilén'c'oŭ* 'переселенцев', а также *vnúkoŭ* 'внуков', *s'ém'ičkoŭ* 'семечек' и др. После твердых *t*, *d* и *l* находим, как правило, вариант [y]: *styl* 'стол', *tyk* 'ток' (для обработки зерна), *svatýv* 'сватов', *ludýv* 'людей', *tyl'ko* 'только', *styl'ko* 'столько', *stamtýl* 'оттуда' и *stamtíl* (чаще)¹³, *lýško* и *úyško* (с губно-губной заменой твердого *l*) 'кровать' при *líško* (реже), в заударной позиции *rótyum* 'потом' (ср. укр. *nótim*). Рефлекс [u] в ударном слоге, обычно после губных согласных, по-видимому, закреплен за определенными словоформами: *muŭ* 'мой', *svuŭ* 'свой'; *pújdeš*, *-eto*, *-uť* 'пойдешь, пойдем, пойдут'; *bžrúvk'i* 'черника' — полонизм с русского типа редукцией /o/ в предударном слоге. Отнести все такие случаи к полонизмам не позволяют форма *buľš* 'больше' (при русизме *bólše*), числительное *vús'im* 'восемь' и спорадическое появление этого рефлекса в заударных слогах, в том числе также в русизмах: *M'ixajíluf* 'Михайлов' (притяжательное прилагательное), *na agranómuŭ*

¹⁰ В случае второго глагола — **с[а]дати** — такой рефлекс *ě широко распространен в западноукраинском регионе; на территории вдоль Буга он засвидетельствован и в [АУМ II: 10].

¹¹ Обернутые тестом (или, в наши дни, гофрированной бумагой) и украшенные конфетами ветки — атрибут свадьбы у голендров.

¹² В специфическом звуковом облике выступает полонизм *biućečka* 'булочка' (польск. *bułeczka*) в форме род. п. мн. ч.: *biućeč'íc* с ассимиляцией в группе -čк- перед флексией [-iŭ].

¹³ В варианте *stamtíl* гласный [i] может восходить и к *e, ср. синоним *vořéd* и рус. диал. *оттэле/оттэгле* и *оттэда/оттэда* в [Сороколетов 1989: 334–335].

‘на агрономов’, *prótv'in'uu* ‘противней’. Особый случай — местоимение 3 л. ед. ч. м. р. в форме им. п. *vun' / uun* (реже) ‘он’¹⁴. В [АУМ II: 52] вариант с твердым зубным **в[y]н** на интересующей нас территории засвидетельствован в единственном населенном пункте: д. Замшаны Малоритского р-на Брестской обл.; в остальном в полесско-волинских говорах фиксируются варианты **в'[i]н** / **в[и]н**, которые в идиоме голендров не отражены.

В предударных новозакрытых слогах на месте *о рефлексы [’i], [y] практически не представлены, но наблюдается непоследовательное «уканье» или русское «аканье» (как и в открытых слогах): *Rustvó / Ro'stvó / Rlzdvó / Rozvó* ‘Рождество’, *vo'jná / vujná* ‘война’, *na Hro'mnýc'i / Hromnýc'i* ‘на Сретенье’, *s kus'tmý* ‘с костями’, *na kun'c'í* ‘в конце’, предлоги и префиксы *pud(-)* ‘под(-)’, *ut / ud-* ‘от(-)’: *pud nav'és'zm* ‘под навесом’, *pudbýj* ‘подбей’, *ut tyx konoplíu* ‘от той конопли’, *udr'ížeš* ‘отрежешь’, с протетическим *v-*: *vu-íáta* ‘от отца’.

На месте *е в новозакрытом ударном слоге достаточно часто находим [’i], в целом в соответствии с [АУМ II: 25–26, 28]: *ž'ínka* ‘жена’, *ječm'ín* ‘ячмень’, *pryn'ís* ‘принес’, *puv'ís* ‘повез’, *š'is'-s'im* ‘шесть-семь’, *jij'ей* — дат. п. местоимения (*v*)*uná* ‘она’, наречие *typ'ír / typ'ír' / tep'íro / typ'ír'e / typ'ír'ъ / ty'p'ír'ъ / ty'p'ír'ъvo* ‘теперь’ наряду с вариантом без изменения гласных гласного *tepér* и рус. *tip'ér*. Также в лексемах *p'ěčka* ‘печка’ и *med* ‘мёд’ (*met svuj* и т. п.) гласный [e] сохраняется (ср. **п'[i]ч** при **п'[ie]ч** в Забужье, **м'[i]д** вдоль Буга, но **м[е]д** восточнее в [АУМ II: 29, 27]), а в лексемах или словоформах *lon* ‘лен’, *čórny* ‘черные’ (им. п. мн. ч., другие формы не зафиксированы) и *prýšou* ‘пришел’ отражен общеукраинский переход (*ъ >) е в [o]. Форма им. п. ед. ч. м. р. числительного ‘один’, возводящаяся к польск. *jeden*, имеет вид *jid'ón*¹⁵, какой засвидетельствован в нескольких населенных пунктах на территории вдоль Буга [АУМ II: 225]. Два раза встретились формы местн. п. ед. ч. ж. р. возвратно-притяжательно-го местоимения и притяжательного 1 лица с гласным [’u] на месте *е: *f svo'júj* ‘в своей’, *na to'júj* ‘на моей’, которые, вероятно, можно объяснить морфологически: контаминацией с формами вин. п. с флексией *-и*.

В безударных закрытых слогах *е* либо сохраняется без изменения (ср. *xíóres* ‘парень’), либо подвергается редукции, результат которой после твердого согласного совпадает с безударной реализацией /y/, тог-

¹⁴ Впрочем, в «кресовых» польских говорах переход *o > u* перед носовыми сонорными и протеза *u* перед [u] в начале слова вполне обычны; распространенный здесь звуковой облик данного местоимения — (*u*)*un*. В любом случае причина смягчения конечного [n'] в идиоме голендров остается неясной.

¹⁵ В начальном слоге [i] как результат редукции *е* представлен и в других формах этого числительного: им. п. ед. ч. ср. п. *jidnó*, род. п. ед. ч. м./ср. п. *jidnóho*, им. п. ед. ч. ж. р. *jidnája*, им. п. мн. ч. *jidnyj*.

да как после *l* и *j* слышится [i]: *hróšy^ej n'e bučo* 'денег не было', *na žy^ernaváx mēliš* 'на жерновах мелешь', *znájiš* 'знаешь'. То же, впрочем, наблюдается и в безударных открытых слогах: например, в заударном *zájdu^eto* 'зайдем', *s'ědu^eto* 'сядем', *trymáji^eto* 'держим', *máji^eto* 'имеем'; в предударном, кроме приведенных выше вариантов наречия 'теперь', также *vestý / vustý* 'вести', *ny^esěš* 'несешь', *žyvu^emó* 'живем', *vyč'ěra* 'ужин', *py^erýna* 'перина', *berězu / by^erězu* 'березу', *tel'ěta* 'телята', *v mené* (и *u méné*) 'у меня' / *my^ené* 'меня', *my^en'í* (и *m'in'í*) 'мне', *ty^eb'í* 'тебе', *liťěť* 'летят', *naplitút' / naplitút'* 'наплетут', *jehó* (наряду с *johó*) / *jihó* 'его' и др.

3. Переход 'a > e

В целом в соответствии с [АУМ II: 41–42, 45–47] в говоре голендров на месте старого 'a (из **ę* или исконного) находим достаточно последовательно [e]. Примеры: *m'ěso / mn'ěso* 'мясо', *teško* 'тяжело', *sv'ěto* 'праздник', *z'ěť* 'зять', *tel'ěta / tel'ěta* 'телята', *p'ěť* 'пять', *p'ětero* 'пятеро', *odynájc'ěť* 'одиннадцать', *dvájc'ěť* 'двадцать', *s'ědu* 'сяду', *s'id'ěť* 'сидят', *stujěť* 'стоят', *zvar'ěť* 'сварят', *rób'ěť* 'делают', *pry^exódeť* 'приходят', *nós'ěť* 'носят', *huvór'ěť* 'говорят', *ž'ěty* 'жать', *ž'ěla* 'жала', *vz'ev / vz'e^e / vz'el* 'взял', *nač'e^euás'e* 'началась', *pudn'ěfs'e* 'поднялся' и постфикс *-s'e* '-ся' у возвратных глаголов; [e] на месте исконного 'a: *namy^eš'ěješ* 'намешаешь', *saž'ěješ* 'сажаешь', *zajiž'ěješ* 'заезжаешь', *zrov^en'ěješ* 'сравнишь', *stryl'ějuť* 'стреляют', *s'íjeli* 'сеяли'. В безударных слогах такой [e] может редуцироваться в [i]: *jejcé / jijcé* 'яйцо', *ram'itáju* 'помню', *dév'it* 'девять', *dés'it* 'десять', *stávl'ijut* 'расставляют'. Иногда замена 'a на [e] отмечается также в заимствованиях из русского языка: *vr'ém'a / vr'ém'e* (чаще) 'время', *pun'ěty* 'понять', *zastáv'ěť* 'заставят'. В ряде случаев, однако, [a] сохраняется без изменения, с одной стороны, в общеукраинских словах и словоформах (а), а с другой — в словоформах, испытавших влияние русской фонетики или просто в русизмах (б). Например: (а) *fs'áko* 'по-разному', *hu^el'áli* 'гуляли', *zlakálas'e* 'испугалась', *perelák'i* 'перепуг' (мн. ч.), *ku^eladuváty* 'колядовать', *sm'íjatýs'e* 'смеяться' (в песне, рифмуется с *tr'ímatýs'e* 'держаться', ударения — в такт мелодии; в обычной речи *sm'íjélis'e* 'смеялись'); (б) *defč'áta* при *dy^efč'ěta* 'девчата', *vyžala* 'выжала' при *duž'ěla / doželá* 'дожала'; *str'ápala* 'стряпала', *v'it fer'áje* 'вид теряет', *jazyk* 'язык'.

II. Согласные

4. Глухость/звонкость

Оппозиция шумных согласных, парных по глухости/звонкости, нейтрализуется, как в большинстве западнopoлecских говоров (см. [Жилко 1955: 87]), а также в русском языке, в середине слова перед согласным и в абсолютном конце слова. Для постулирования парности по данному

признаку шипящей и свистящей аффрикат /čʲ/, /cʲ/ недостаточно материала (см. п. 6).

5. Твердость/мягкость

Если отвлечься от бытования в говоре голендров большого количества русизмов (и меньшего — полонизмов), то в качестве исходной для него можно постулировать в целом украинского типа систему оппозиций согласных по твердости/мягкости, естественно, с учетом западнополесских особенностей. Одна из них — это нефонологическая мягкость заднеязычных и фарингального согласных, реализующаяся в сочетаниях [kʲi]¹⁶, [xʲi], [hʲi] [АУМ II: 20–21], что опять-таки совпадает с состоянием в русском языке. Отверждение мягкого вибранта перед гласными переднего ряда в таких случаях, как *burák* ‘свекла’, *vuččéra(ty)* ‘ужин(ать)’, *huvurú* ‘говорю’, *varú* ‘варю’, в том числе в русизмах: *nažáru* ‘нажарю’, *rúmkʲi* ‘рюмки’ (ср. [АУМ II: 115–116]), не устраняет оппозицию /r/ × /rʲ/, так как, даже если игнорировать русизмы с сохранением сочетаний [rʲa], [rʲu], вследствие изменения ʼa > e появляются новые минимальные пары типа *beréfsʼe* ‘берется’ × *varéfsʼe* ‘варятся’.

С точки зрения исторической фонетики специфично развитие вторичного «эпентетического» *l* не только после губного согласного в сочетании с *j*, возникшем в результате утраты *ь* в суффиксе *-ьj(e), что отражает фитоним *bʲizder(e)vle* ‘полынь лечебная’, народн. *божье дерево*, но и в группе -*rj*- в образованиях от корней на *r*: *pudvʲirle* ‘двор, подворье’, *pʲirle* ‘перья’ с (в корнях здесь имеет место переход *o, e > i* в новозакрытом слоге). Аналогичный переход *e > i* демонстрирует образование *vesʲile* ‘свадьба’ < **veselye* без геминаты -*l*-, преобладающее в таком звуковом облике в говорах вдоль Буга¹⁷.

6. Шипящие и свистящие согласные

Фрикативные шипящие согласные факультативно реализуются в палатализованном варианте перед гласными переднего ряда, что не всегда согласуется с общеукраинским состоянием или с ситуацией в полеско-волинском диалекте [АУМ II: 12]: *šʲist* ‘шесть’, *žʲinka* ‘жена, женщина’, *škažʲi* ‘скажи’, диал. *namyšʲeješ* ‘намешаешь’, *žéty* / *žéty* ‘жать’ и *žéla* ‘жала’ (перед [e] < ʼa), но также *šʲestero* ‘шестеро’ (по аналогии с *šʲistʲ?*), *péršʲij* ‘первый’ (по аналогии с *drúhʲij* ‘второй’, *trétʲij* ‘третий?’), *šʲe* наряду с *še* ‘еще’ — вариант с мягким [šʲ] (отмечен и с долгим: *šʲe*), вероятно,

¹⁶ А также у глухой взрывной, [kʲe] в русизме *bukʲét(y)* ‘букет(ы)’ и в полонизмах *kʲedy(sʲ)* ‘когда(-то)’, *kʲépsʲka* ‘плохая’ — ср., однако, *кепский* наряду с *кепство* ‘убыток’ [Аркушин 2000: 219].

¹⁷ В виде **ве'с'и[л':]а** или **ве'с'и[л':]е**, с геминатой, эта лексема зафиксирована восточнее [АУМ II: 205].

поддержан русским соответствием *ješ'ó*, которое в говоре также зафиксировано.

Мягкая гемината [š'] встречается в русских причастиях *nastojáš'ij*, *upravljáš'ij* и словах *š'itali* 'считали', *š'as* 'с<ей>час' (разг.) как результат ассимиляции в группе -sč-, а также в единственной своей словоформе: инфинитиве *berekš'í* 'беречь', в котором можно усматривать развитие типа '**стри[ш]чи**', засвидетельствованного на территории вдоль Буга [АУМ II: 234]. Твердая гемината [ž] отмечена в русизмах *dróžy* 'дрожжи', *pr'iježájet* 'приезжает', тогда как аналогичная мягкая гемината в словоформе *zajiž'éješ* 'заезжаешь' может представлять собой результат упрощения группы -žž- (со смягчением перед [e] < 'a, как в *namy's'éješ*), которая в таком виде в говоре не отражена.

Аффриката /č/ может реализоваться в звуке общеукраинского либо даже польского типа (твердом) и русского типа (фонетически более мягком). Второй тип представлен не только в русизмах типа *roskuuáč'il'i* 'раскулачили', *fstr'ič'ájut* 'встречают', *s'émič'k'i* 'семечки (подсолнечника)' и, в целом в соответствии с состоянием в полесско-волынском диалекте [АУМ II: 113], непосредственно в своих словах перед гласными переднего ряда, в том числе [e] < 'a (*č'i* 'или', *kr'ič'éty* 'кричать', *uč'íu* / *uč'ýv* 'учил', *več'ératy* / *več'ératy* 'ужинать' и др.), но и в других случаях: перед согласными (в основном мягкими) и перед [o]: *ječ'm'ín* 'ячмень', *kv'ítoč'k'i* 'цветочки', но *pryb'ičnyj* 'дружка на свадьбе'; *č'órny* 'черные', *kóšyč'ok* 'корзинка', *fč'óra* 'вчера', но *večor* 'вечер' *čornýs'u* при *č'ernýs'u* 'чернику'. В словоформах *zubácyu* 'увидел', *zubácyš* 'увидишь' с твердым [č] речь идет о префиксальном полонизме (польск. *zobaczyć*; ср. освоенную беспрефиксную форму *báč'íš* 'видишь' со смягчением шипящего перед [i]).

В сочетании [šč] рассматриваемая аффриката также палатализуется перед гласным переднего ряда: *ščacyx* 'щавель', *boršč* 'борщ', но *šč'i* 'щи', *hórščyk* 'глиняный горшок' — им. п. мн. ч. *huršč'ik'í*. Звонкая шипящая аффриката [ž] встретила дважды: в форме 1 л. ед. ч. глагола *i*-спряжения с основой на -d *zavóžy* 'завожу'¹⁸ и в имперфективном деривате аналогичного глагола с суффиксом *-ja- *saž'éješ* 'сажаешь' со смягчением перед [e] < 'a.

Свистящая аффриката [c'] могла факультативно отвердевать уже и на полесско-волынской территории [АУМ II: 98], что в говоре пихтинских голендров, несомненно, усилилось под влиянием русского языка, ср. *xíóres* 'парень', род. и вин. п. ед. ч. *xlórc'a* / *xlórsa*, им. п. мн. ч. *jájc'a* / *jájca* 'яйца' и др.

Звонкая свистящая аффриката [z] (твердая) встретила два раза в речи Г. В. И., в имперфективном деривате глагола *i*-спряжения с ос-

¹⁸ Ср. в полесско-волыньских говорах **хо['žy]** и южнее **'хоžy** [АУМ II: 235].

новой на *-d*: *vuxózaty* ‘выходить’ и *vuxózala* ‘выходила’, что напоминает польский рефлекс *dj (ср. польский фреквентатив *chadzać* ‘хаживать’). Несомненными полонизмами являются существительное *venzárn’a* ‘коптильня’ и наречие *bár<d>zo* ‘очень’. Последнее зафиксировано в словаре [Аркушин 2000: 11] в виде *барзо*; так же по слогам произнесла это слово по просьбе интервьюеров Л. Л. М., но в речи всех наших информанток в нем отчетливо слышится аффриката. Можно предположить, что здесь мы наблюдаем как бы повторение процесса развития аффрикаты в исходном польском слове, восходящем к *bʲrgz-. Мягкая аффриката [ʒ] выступает также в полонизме *z’is* ‘сегодня’ («кресовом») как результат польской аффрикатизации *d’ перед *i*. Наряду с этим данное наречие в говоре голендров произносится и без «дзеканья»: *d’ís*, а также *d’ís’ika* и *d’ís’ikaj*.

7. Реализация /v/ и /l/

Согласная /v/ ведет себя двояко:

— как сонорная с вариантом [ɥ], реализующимся факультативно главным образом (а) в конце слова перед паузой (например, во флексии род. п. мн. ч. существительных *-iɥ* / *-uɥ* / *-oɥ*) и (б) в срединных закрытых слогах перед согласным (*svekróɥka* ‘свекровь’ с русским суффиксом), реже (в) в середине слова между гласными (*šcaɥúx* ‘щавель’), но также (г) в начале фонетического слова перед согласным (*vže ɥ p’éčki* ‘уже в печку’, *nu ɥ hrúpki* ‘ну, в голландку’), а в случае протезы и (д) перед гласным (*ɥot* / *vot* ‘вот’, *ɥun* / *vin* ‘он’, род. п. мн. ч. *ɥútok* ‘уток’); при этом в позиции (г) не различаются /v/ и гласная /u/, ср. *v mené* и *ɥ méne* ‘у меня’, *pušlí ɥ kalxós ɥkrałi turn’épsu* ‘пошли в колхоз, украли турнепса’ и т. п.;

— как шумная звонкая с возможным оглушением в [f] позициях (а), (б) и (г), всегда перед последующим словом/словом с начальным глухим согласным: *z deréf* ‘с деревьев’, *dy’fč’éta* ‘девчата’, *f kóšyč’ok* ‘в корзинку’; при этом в позиции (г) точно так же, как и при трактовке /v/ в качестве сонорной, могут быть одинаково представлены /v/ и гласная /u/, в данном случае — вариантом [f]: *f kóho* ‘у кого’, *fkrádeš f kalxóz’i* ‘украдешь в колхозе’.

Сказанное относится также к /v/ на месте *l в формах м. р. прошедшего времени глаголов и в некоторых корнях с этимологическим сочетанием типа *tɥlt/tɥlt: *pryjíxav* / *pryjíxav* ‘приехал’ и *uɥíxaf* ‘уехал’, *vostávs’e* / *ustáfs’e* ‘остался’ и *vernúys’e* ‘вернулся’; *mofč’ít* ‘молчит’ (но *promolčýť* ‘промолчит’ с русской фонетикой в начале)¹⁹.

¹⁹ Ср. также *moɥ* / *mol* ‘мол, дескать’ и колебания между рус. *kal-* и «своими» вариантами *ko’ɥbasá* / *kubasa* ‘колбаса’ со стяжением *o’ɥ* > *uɥ* > *u*. В других корнях с давними сочетаниями типа *tɥlt/tɥlt изменение *l* > *v* в идиоме голендров не отражено: *vólna* ‘овечья шерсть’, *pólna* ‘полная’.

В завершение следует добавить, что факультативно, но при этом достаточно часто информанты произносили билабиальный [ɸ] на месте любого твердого *l*, а в речи П. Э. М. в ряде случаев встретился согласный, переходный от [l] к [ɸ], ср. *pustuɸy* ‘постолы’ и *ɸápfi* / *l^hápfi* / *lápfi* ‘лапти’. Вероятно, речь здесь идет об адстратной черте польской фонетики в говоре голендров, а произношение типа *l^hápfi*, возможно, позволяет наблюдать живой процесс изменения твердого *l* в *ɸ*, какой происходил в истории польского языка в так наз. среднепольский период.

Заключение

Представленный материал позволил в значительной мере расширить и уточнить представления о фонетике обследованного идиома. Был окончательно подкреплён вывод о его принадлежности к украинским западнopolесским или полесско-волынским говорам, но предположение о связи наблюдающейся в нем широкой вариативности с его исходно гетерогенным характером применительно к фонетике не нашло подтверждения. Хотя тот факт, что в трех современных деревнях сибирских голендров сосредоточены потомки переселенцев из разных сел колонистов, разбросанных в начале XX в. по территории вдоль Буга, при наличии некоторых лексических расхождений в речи жителей Среднего Пихтинска и Пихтинска, побуждает допустить «определенное количество унаследованных различий» [Алексеева 2016: 198] и на других уровнях, в области фонетики подробный анализ материала показывает, что такие варианты, как *l^hško* / *l^hško*, *rýžeš* / *pur'ížeš* и т. п., встречаются в высказываниях одних и тех же информантов и свидетельствуют скорее не об «унаследованных различиях» между говорами бужских колоний Замостече и Новины (в выговоре голендров — *Zamustéč'e*, *Nóvyny*), а об изначальных колебаниях в них.

При этом не вызывает сомнений актуальность для фонетики второго названного М. М. Алексеевой источника вариативности в говоре современных сибирских голендров, а именно его постоянных контактов с русским языком. По существу, даже те информанты, которые во время беседы с интервьюерами переходили более или менее последовательно на свой диалект, как демонстрирует приведенный выше материал, говорили с большим количеством русских вкраплений, в том числе и в фонетике, что, по-видимому, отражает естественное состояние говора голендров как смешанного идиома. Его специфика состоит в смешении элементов двух (или, с учетом польского адстрата, трех) близкородственных систем. Констатация этого требует уточнения подхода к подобным смешанным идиомам: например, применительно к фонетико-фонологической системе «пихтинского говора» — выработки критериев описания безударного

вокализма, допускающего одновременно редукцию украинского и русского (в обоих случаях диалектного или регионального) типа.

Разумеется, как с традиционной диалектологической точки зрения, так и с позиций исследования смешанных идиомов пристального внимания заслуживают морфология и синтаксис говора пихтинских голендров. Пока на этом пути были сделаны лишь первые шаги. Полагая, представленный материал позволит продвинуться в этом направлении дальше.

Библиография

Алексеева 2016

Алексеева М. М., Вариативность в говоре пихтинских голендров, М. Л. Ремнева, ред., *III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»*. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. 23–26 мая 2016 года. Труды и материалы, Москва, 2016, 197–199.

— 2020

Алексеева М. М., Словарик говора пихтинских голендров, А. Ф. Журавлев, ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 21–22, Москва, 2020, 118–126.

Аркушин 2000

Аркушин Г. Л., *Словник західнополіських говірок*, 1, Луцьк, 2000.

Галеткина 2015

Галеткина Н. Г., *Пихтинские голендры и вершининские поляки. Очерки этничности сибирских переселенцев*, С.-Петербург, 2015.

Жилко 1955

Жилко Ф. Т., *Нариси з діалектології української мови*, Київ, 1955.

Закревська 1988

Закревська Я. В., ред., *Атлас української мови*, 2, Київ, 1988.

Скорвид 2017a

Скорвид С. С., Польский язык и полонизмы у сибирских голендров, В. В. Красных, А. И. Изотов, ред., *Язык. Сознание. Коммуникация*, 55, Москва, 2017, 274–286.

— 2017b

Скорвид С. С., К типологии инославянских переселенческих говоров в России, *Slověne*, 1, 2017, 449–484.

Сороколетов 1989

Сороколетов Ф. П., ред., *Словарь русских народных говоров*, 30, С.-Петербург, 1989.

Филин 1981

Филин Ф. П., ред., *Словарь русских народных говоров*, 17, Санкт-Петербург, 1981.

Skorwid 2017a

Skorwid S., *Code-switching* w wypowiedziach użytkowników innosłowiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji, *Slavica Wratislaviensia*, 165 (= W. Wysoczański, B. Gasek, eds., *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*, 9. Opis, konfrontacja, przekład), 2017, 369–380.

— 2017b

Skorwid S., „Nu... pr'ivet peredavajta, co tu tak'e Mazur'i, Polak'i luterany su...” Jeszcze raz o 'polszczyźnie okolic Krasnojarska' na tle innych przesiedleńczych gwar słowiańskich w Rosji, *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*, 64, 2017, 289–302.

References

- Alekseeva M. M., Variativnost' v govore pikhtinskikh golendrov, M. L. Remneva, ed., III Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium "Slavianskie iazyki i kul'tury v sovremennom mire". Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet. 23–26 maia 2016 goda. Trudy i materialy, Moscow, 2016, 197–199.
- Alekseeva M. M., An amateur dictionary of the Siberian Golendrs dialect, A. F. Zhuravlev, ed., Issledovaniia po slavianskoi dialektologii, 21–22, Moscow, 2020, 118–126.
- Arkushyn H. L., Slovník zakhidnopolis'kykh hovorov, 1, Luts'k, 2000.
- Filin F. P., ed., Slovar' russkikh narodnykh govorov, 17, St. Petersburg, 1981.
- Galetkina N. G., Pikhtinsk Golendrs and Vershina Polanders: sketches on the ethnicity, St. Petersburg, 2015.
- Skorvid S., „Nu... pr'ivet peredavajta, co tu tak'e Mazur'i. Polak'i luterany su...” Jeszcze raz o 'polszczyźnie okolic Krasnojarska' na tle innych przesiedleńczych gwar słowiańskich w Rosji, Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, 64, 2017, 289–302.
- Skorvid S., Code-switching w wypowiedziach użytkowników innosłowiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji, Slavica Wratislaviensia, 165 (= W. Wysockańska, B. Gasek, eds., Wyraz i zdanie w językach słowiańskich, 9. Opis, konfrontacja, przekład), 2017, 369–380.
- Skorvid S., On the typology of immigrant slavic dialects in Russia, Slovène, 1, 2017, 449–484.
- Skorvid S., The Polish language and polonisms among the Siberian Hollanders, V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, eds., Language – Mind – Communication, 55, Moscow, 2017, 274–286.
- Sorokoletov F. P., ed., Slovar' russkikh narodnykh govorov, 30, St. Petersburg, 1989.
- Zakrevs'ka Ia. V., ed., Atlas ukrajins'koi movy, 2, Kiev, 1988.
- Zhylyko F. T., Narysy z dialektolohii ukrajins'koi movy, Kiev, 1955.

Сергей Сергеевич Скорвид, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения Российской академии наук 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А Россия / Russia sergej.skorvid@gmail.com

Received August 10, 2020

**Польская литературная
легенда в русском
историко-культурном
контексте***

[Рец.: Małek E., *Легенда об астрологе Мустаеддыне Кишиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)*, Warszawa: BEL Studio, 2019, 267 с.]

**Сергей Викторович Алпатов,
Анна Валерьевна Архангельская**
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

**Polish Literary Legend
in the Russian Historical
and Cultural Context**

[Rev. of: Małek E., *Old Russian Translation of Krzysztof Dzierżek's Tale about the Astrologer Mustaeddin and its Later Reworkings (Study and Edition)*, Warszawa: BEL Studio, 2019, 267 p.]

**Sergey V. Alpatov,
Anna V. Archangelskaia**
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая рецензия посвящена монографии Элизы Малэк «Легенда об астрологе Мустаеддыне Кишиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)», исследующей польско-русские литературные связи раннего Нового времени, девятому тому серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы».

Ключевые слова

польско-русские литературные связи, переводы, турецкая тема

* Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Цитирование: Алпатов С. В., Архангельская А. В. Польская литературная легенда в русском историко-культурном контексте // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 450–456.

Citation: Alpatov S. V., Archangelskaia A. V. (2021) Polish literary legend in the Russian historical and cultural context. *Slověne*, Vol. 10, No. 1, p. 450–456.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.20

Abstract

This paper reviews the book *Old Russian Translation of Krzysztof Dzierżek's Tale about the Astrologer Mustaeddin and its Later Reworkings (Study and Edition)* by Eliza Małek, which is the ninth volume of the *Library of 17th–18th Century Russian Translations of Old Polish Literature* series. The book is concerned with Polish-Russian literary relations of the Early Modern period.

Keywords

Polish-Russian literary relations, translations, turcica

Полвека интенсивных исследований профессора Лодзинского университета Элизы Малэк в области польско-русских литературных и фольклорных взаимодействий обрели новое качество в рамках фундаментального проекта «*Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej*». В течение 2011–2021 гг. увидели свет десять книг серии, не считая отдельных выпусков, связанных с основной тематикой издания.

Три тома были посвящены исследованию и публикации переводов «Апофегмат» Беньяша Будного; особый экскурс представлял собой сравнение паремий из петровского перевода «Апофегмат» (1711) и «Собрания 4291 древних российских пословиц» А. А. Барсова (1770)¹. Детальное изучение судеб «Кратких и витиеватых повестей» в российской культуре XVII–XVIII вв. было мотивировано отсутствием полноценных научных изданий памятника, неверными атрибуциями рассказов из «Апофегмат» в исследовательской литературе, а также слабой изученностью проблем переводческой техники и механизмов восприятия произведений европейской словесности в России раннего Нового времени. Отдельные выпуски серии были посвящены процессам адаптации на русской почве плутовского романа об Уленшпигеле-Совизжале, ренессансной «Повести о купце, который заложился о добродетели жены своей», авантюрной «Истории о Генрике и Меленде», альманаха-календаря Словаковица, а также «Истории о цесаре Оттоне». В каждой из книг серии в самостоятельные разделы собраны выявленные по владельческим записям и маргиналиям следы рецепции переводов, позволяющие охарактеризовать социальный и образовательный статус, а также локальную и временную стратификацию читательской аудитории².

Предметом данной рецензии стал девятый выпуск «Библиотеки русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы», включающий исследование многовековой истории легенды об астрологе Мустаеддыне на польской и российской почве. Книга сохраняет основной издательский принцип серии: монографическое исследование легендарного сюжета сопровождается публикацией текстов древнерусских редакций перевода, а также его последующих обработок и переделок.

¹ Тема получила свое развитие в статье [Малэк 2019].

² Развернутую характеристику 1–8 томов серии с указанием предшествующих рецензий на отдельные выпуски см.: [Алпатов, Кузнецова 2019].

В главе первой «Лига с зацепкою Кола посольского» и ее автор» рассматриваются время создания, замысел и стиль польской брошюры 1596 г. «Liga z zawadą Koła Poselskiego spólnego narodu Królestwa Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego», а также биография и литературная культура ее автора.

Автор «Лиги», Кшиштоф Дзержек, скрываясь за псевдонимом Christophinus Daminaeus Peregrinus Polonus и литературной маской паломника, предлагает вниманию читателей прежде всего серию анекдотов о справедливом и остроумном решении споров в турецком суде, затем историю о том, как султан, выслушав совет собственного конюха, восстановил флот после его разгрома коалицией христианских государств, и, наконец, сказку о дервишах, которые нашли «червонный золотой», купили множество яств, но, сев кушать, поленились закрыть дверь, и вся еда была сожрана сворой бродячих псов³. Изложенные притчи автор памфлета заключает суждением о том, что в современной ему Речи Посполитой все происходит как в сказке о глупцах: разумного решения насущных вопросов не ищут, совета простого человека не слушают, а шанс достичь конкретных результатов польские политики потратят впустую, как турецкие дервиши свой золотой. Любопытно, что анекдот, основанный на распространенном сюжете «Кто заговорит первым», интерпретируется в актуальном политическом ключе и таким образом перестает быть только лишь забавной историей, становясь аргументом, подтверждающим мысль о необходимости славянского антитурецкого политического союза, а рассуждения о том, могут ли прислушаться к человеку низкого происхождения сильные мира сего, в дальнейшем связываются с автобиографическими обстоятельствами Дзержека, низкородного шляхтича «на службе у тех, кто богаче и сильнее» (41).

Развернутая преамбула служит задаче подготовить читателя к парадоксальному тезису: турки, будучи победителями над всеми народами, больше всех уважают и боятся поляков. В качестве аргумента Кшиштоф Дзержек излагает легенду собственного сочинения об астрологе Мустаеддыне, предрекающем гибель Оттоманской империи, если она рискнет напасть на Польшу. Свое произведение Кшиштоф Дзержек посвящает Льву Сапеге, канцлеру Великого княжества Литовского и стороннику сближения с Москвой, а завершает пожеланием, чтобы Польша и соседние народы не упустили своего случая и вступили в антитурецкую Лигу христианских государей. Несмотря на злободневные цели и содержание памфлета (в частности, в оригинальном издании 1596 г. ожидаемое падение исламского государства связывается с 1591 г. — тысячелетним рубежом его существования), легенда носит все черты беллетристического произведения: ее отличает продуманная композиция, диалоги героев живы и естественны, автор удачно стилизует восточный речевой этикет и умело изображает оттенки чувств персонажей.

Вопреки своим идейным и художественным достоинствам, книга Дзержека не получила сколько-нибудь очевидного отклика в Польше и ни разу не была переиздана. Лишь в 1828 г. в вильнюсской типографии увидела свет брошюра «Zbiór przepowiedzeń o upadku Tureckiego Państwa», включающая легенду о Мустаеддыне (позиционирующуюся здесь как перевод с русского языка) в круг других популярных в начале XIX в. предсказаний о падении турецкой империи (Льва

³ Ср. сказки сюжетного типа ATU 1351 Silence Wager.

Премудрого, Мефодия Патарского, Константина Великого, султана Сулеймана и Мартина Задеки)⁴.

Во второй главе «Древнерусский перевод легенды о Мустаеддыне» изучается литературная история перевода с конца XVII до середины XVIII в., выявляются редакции легенды, дается археографический обзор известных списков, характеризуется работа анонимного переводчика. В ходе исследования установлено, что все имеющиеся списки восходят к общему протографу, создатель которого опустил заглавие, указывающее на польский генезис легенды, и перестроил текст так, чтобы читатель воспринимал рассказ об астрологе Мустаеддыне как призыв к обоим славянским народам совместно подняться на борьбу с турками: «[...] турки по всяко время владения своего победителями выну суще надо всеми народы бывают, но никоего же в себе множае народа так почитают, ниже на каков озираются, ниже коего зеленее боятся, якоже московского народа и полского» [Małek 2019a: 196]. Дается полная и подробная характеристика перевода, включая работу с латинизмами и тюркизмами, очень интересен кропотливый анализ принципов русификации перевода и редукций, осуществлявшихся на этом этапе. Описываются не только содержательные, но и стилистические, эмоциональные и проч. последствия этой работы.

Третья («Предсказания о падении Турецкого царства и “Повесть об астрологе Мустаеддыне”») и четвертая («Читатели, владельцы и литературный конвой “Повести об астрологе Мустаеддыне”») главы посвящены выявлению причин, обусловивших интерес российских читателей к предсказаниям о падении Турецкой империи и, в частности, к легенде об астрологе Мустаеддыне. К числу ключевых исторических и социально-психологических факторов исследовательница относит военные конфликты России с Турцией 1768–1774 и 1787–1791 гг., геополитический «Греческий проект» Екатерины II, а также увлечение астрологическими текстами в разных слоях российского общества. Наблюдения, связанные с контекстом «Повести» в русской рукописной традиции, выявляют и актуализируют некоторые темы, получившие развитие в предыдущих публикациях серии. Так, благодаря наличию одного из списков в сборнике с автографами Даниила Викулина и Семена Денисова углубляется отмеченный ранее в связи со сборником «Апофегмат» интерес к переводам с польского в старообрядческой среде, а соседство «Повести» со стихами на рождение Петра Алексеевича расширяет наши представления о роли астрологии в русской культуре того времени, вряд ли сводимую только лишь к условным поэтическим приемам.

В пятой главе «Петербургская редакция “Повести об астрологе Мустаеддыне”» анализируется редакция, возникшая в конце XVIII в. и напечатанная в 1789 г. под заглавием «Предсказание о падении Турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном». Рецепция легендарного сюжета в новых политических условиях была прямо связана с успехами русского оружия, так что читатель вполне мог воспринимать текст как повествование о сбывающемся пророчестве. В то же время усиление пропагандистского характера повести в этой редакции ожидаемо привело к утрате целого ряда ее исходных литературных достоинств.

⁴ См. подр. главу восьмую «С русского на польский, или как Мустаеддын в Польшу вернулся».

В шестой главе «Легенда о Мустаеддыне в изданиях и пересказах XIX — начала XX века» демонстрируется взаимосвязь роста или ослабления интереса к данному предсказанию в зависимости от обострения либо угасания конфликтов между Россией и Турцией в периоды 1828–1830 гг., Крымской кампании, войны 1877–1878 гг., а также сражений на русско-турецком фронте Первой мировой. Угадывая читательские ожидания, издатели перепечатывали текст предсказания как отдельными книжками, так и в окружении других пророчеств о падении Оттоманской империи. Вместе с тем исследовательница отмечает постепенное, но вполне отчетливое смещение статуса рассматриваемой легенды из области литературной нормы в сферу простонародного чтения.

Наряду с пропагандистской функцией «пророчеств аравийского астролога» в деле формирования образа Турции как политического противника России Элиза Малэк следом за Д. Н. Медришем [Медриш 1995: 108–110] указывает на возможную роль изучаемого легендарного сюжета в сложении собственно художественных произведений российской словесности, в частности «Сказки о Золотом петушке» А. С. Пушкина⁵.

Глава седьмая «Легенда об астрологе Мустаеддыне в публикациях XX–XXI веков, или курьезы нашего времени» представляет собой результат систематических наблюдений над научными, псевдонаучными и популярными публикациями разных вариантов легенды в книгах, журналах и в Интернете. Несмотря на то, что книжный оригинал произведения давно установлен, а сам текст древнерусского перевода переиздавался с конца XVIII в. десятки раз, современные публикаторы легенды регулярно обрамляют ее домыслами о фольклорных корнях, месте возникновения и времени бытования «любопытнейшего, хотя и забытого ныне, документа из истории отечественной астрологии» [Małek 2019a: 131–132].

Компактная восьмая глава «С русского на польский, или как Мустаеддын в Польшу вернулся», связывающая возникновение обратного перевода 1828 г. с актуальными интересами российской политической пропаганды, послужила основой для развернутого исследования данного аспекта творческой истории «Повести» в статье [Małek 2019].

Подводя в «Заключении» итоги исследования, Элиза Малэк констатирует: памфлет Держежа не получил признания в Речи Посполитой, но легенда об астрологе Мустаеддыне оказалась востребованной русской рукописной традицией XVII–XVIII вв., российскими издателями и читателями XIX–XX столетий, а также современными пользователями Рунета. Беллетристическое по своему первоначальному замыслу произведение в процессе эволюции на русской почве последовательно теряло не только присущие источнику художественные достоинства, но и освобождалось от признаков польского происхождения, превращаясь в публицистическое сочинение пророческого толка, актуализирующее в зависимости от контекста архетипические либо злободневные компоненты своей структуры.

⁵ Пророчествами о падении Турецкой империи активно интересовался В. А. Жуковский: в личной библиотеке поэта имелось две брошюры 1828 г.: «Предсказание о падении турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном» и «Любопытное предсказание стошестилетнего славного старика Мартына Задека о взятии Константинополя, столицы турецкого султана».

Монография оснащена указателями использованной литературы, сокращений, имен, произведений и иллюстраций. Завершают издание шесть приложений:

I. Фрагмент польской брошюры «Лига с зацепкою Кола посольского», содержащий легенду об астрологе Мустаеддыне.

II. Тексты двух рукописных редакций древнерусского перевода.

III. Текст Петербургской редакции.

IV. Текст Петербургской редакции в обработках 1828–1830 гг.

V. Текст легенды о Мустаеддыне в издании Александра Семена 1854 г.

VI. «Написание стихом на новорожденного Петра Алексеевича», инкорпорованное в текст Киевской редакции перевода.

Рассматривая рецензируемую книгу в контексте вышедших томов «Библиотеки русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы», следует подчеркнуть, что девятый выпуск сохраняет такие фундаментальные характеристики серии, как строгость исследовательской методологии, точность аналитических инструментов, выверенность текстологического аппарата, и одновременно достигает качественно новой ступени в процессе постижения роли польской культуры в истории российской литературной и массовой идеологии⁶.

Библиография

Алпатов, Кузнецова 2019

Алпатов С. В., Кузнецова О. А., Проблемы польско-русских литературных связей в изданиях серии «Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskie», *Stephanos*, 2019, 5, 200–207.

Малэк 2019

Малэк Э., О польском источнике «Бабушкиной азбуки великому князю Александру Павловичу», *Słowiane wschodni a europejskie tradycje kulturowe*, Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019, 221–233.

Медриш 1995

Медриш Д. Н., От двойной сказки — к антисказке: (Сказки Пушкина как цикл), *Московский пушкинист*: Ежегод. сб. Москва, 1995, 1, 93–121.

ATU

Uther H.-J., *The Types of International Folktales*, Helsinki, 2004. Vol. I–III (FFC, № 133–135).

Małek 2019

Małek E., Z Polski do Moskwy i z powrotem, czyli niezwykle losy legendy o Mustaeedynie Krzysztofa Dzierżka, *Nowoczesność i tradycja. 50 lat wrocławskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej*, Wrocław, 2019, 11–21.

Małek 2019a

Małek E., *Легенда об астрологе Мустаеддыне Кишиштофа Держежа в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)*, Warszawa, 2019.

Nikołajew 2020

Nikołajew S., Przygody polskiej szesnastowiecznej legendy w Rosji XVII–XXI wieku, *Napis*, 2020, 26, 335–338.

⁶ Ср. суждения о 9-м выпуске «Библиотеки переводов» в рецензии [Nikołajew 2020].

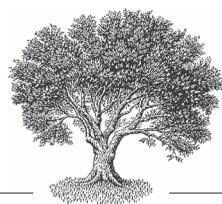
References

- Alpatov S. V., Kuznetsova O. A., Problems of Polish-Russian Literary Relations in Series "Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej", *Stephanos*, 2019, 5, 200–207.
- Małek E., About Polish Source Azbuka velikomu knjazju Aleksandru Pavlovichu by Ekaterina II, *Słowiane wschodni a europejskie tradycje kulturowe*, Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019, 221–233.
- Małek E., *The Legend about Astrologer Mustaeddin by Krzysztof Dzierżek in Old Russian Translation and Later Redactions (Study and Edition)*. Warsaw, 2019.
- Małek E., Z Polski do Moskwy i z powrotem, czyli niezwykle losy legendy o Mustaeddynie Krzysztofa Dzierżka, *Nowoczesność i tradycja. 50 lat wrocławskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej*, Wrocław, 2019, 11–21.
- Medrish D. N., Ot dvoinoi skazki — k antiskazke: (Skazki Pushkina kak tsikl), *Moskovskii pushkinist: Ezhegod. sb.* Moscow, 1995, 1, 93–121.
- Nikołajew S., Przygody polskiej szesnastowiecznej legendy w Rosji XVII–XXI wieku, *Napis*, 2020, 26, 335–338.
- Uther H.-J., *The Types of International Folktales*, Helsinki, 2004. Vol. I–III (FFC, №133–135).

Сергей Викторович Алпатов, доктор филологических наук,
доцент кафедры русского устного народного творчества
МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
Россия / Russia
alpserg@gmail.com

Анна Валерьевна Архангельская, кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы
МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
Россия / Russia
arhanna@mail.ru

Received November 17, 2020

**Проблемы издания
и датировки
курса «Риторика»
Феофана Прокоповича:
к публикации русского
перевода**

[Рец.: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. Москва, С.-Петербург: Альянс-Архео, 2020. — 488 с.]

**Константин Владимирович
Суториус**

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
С.-Петербург, Россия

**Problems of Editing and
Dating of the Course of
Rhetoric by Theophanes
Prokopowicz: The
Publication of Russian
Translation**

[Rev.: *Theophanes Prokopowicz. Ten Books on Rhetorical Art.* Trans. by G. A. Stratanovsky, ed. by S. I. Nikolaev, E. V. Markasova, E. V. Vvedenskaya. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Arkheo, 2020. — 488 pp. (In Russian)]

Konstantin V. Sutorius

National Research University
Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Рецензируемая книга представляет собой первое издание перевода на русский язык латиноязычного курса риторики, который преподавал в Киево-Могилянском коллегиуме Феофан Прокопович. Перевод был выполнен в 1960-х гг.

Цитирование: Суториус К. В. Проблемы издания и датировки курса «Риторика» Феофана

Прокоповича: к публикации русского перевода // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 457–473.

Citation: Sutorius K. V. (2021) Problems of Editing and Dating of the Course of Rhetoric by Theophanes Prokopowicz: the Publication of Russian Translation. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 457–473.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.21

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

С. Г. Стратановским. Издание снабжено прекрасным и интересным комментарием, выполнено на высоком полиграфическом уровне. Однако вследствие того, что оно было сделано до появления критического издания самого латинского текста, возможности его использования в научной работе оказываются ограниченными, и только наличие комментария позволяет называть это издание научным. Главное внимание в рецензии уделяется вопросу датировки курса Прокоповича, рукописным свидетелям его текста (спискам) и текстологическим трудностям, с которыми приходится иметь дело исследователям и публикаторам этого памятника дидактической литературы.

Ключевые слова

Феофан Прокопович, риторика, перевод, Киево-Могилянская академия, текстология, латинский язык, Г. А. Стратановский, Е. В. Маркасова.

Abstract

The book under review is the first edition of the Russian translation of the course of rhetoric, which was taught in Latin by Theophanes Prokopowicz in Kyiv-Mohyla College. This course was translated in the 1960s by the famous translator George Stratanovsky. It was supplied with a detailed and interesting commentary by Elena Markasova and published as a high-quality edition. But the fact that the publication had been done before the critical edition of the Latin text appeared limits the chances to use Russian translation for further research, and only the presence of the excellent commentary allows to label this edition academic. The main points in the review are questions of the dating of Prokopowicz's Rhetoric, handwritten witnesses of this text (manuscript copies taken by students) and some text problems, with which researchers and editors of this monument of didactic literature have to deal.

Keywords

Theophanes Prokopowicz, rhetoric, translation, Kyiv-Mohyla academy, textology, Latin, George Stratanovsky, Elena Markasova

Феофан Прокопович — один из самых известных украинско-русских иерархов XVIII в., и его имя не нуждается в представлении. Самые большие по объему написанные им тексты — это курсы поэтики, риторики, философии и богословия, которые Прокопович преподавал в Киево-Могилянском коллегиуме с 1704 по 1716 г. на латинском языке. Из всей подобного рода дидактической литературы эти тексты, пожалуй, наиболее изучены. Связано это с рядом причин. Во-первых, исследователей привлекали они из-за того, что их автор был фигурой первого эшелона в правящей элите первой трети XVIII в. Во-вторых, в середине XVIII в. появляется интерес к учебным курсам Прокоповича, так что его богословский курс, значительно дополненный, становится почти что учебником по этому предмету. В-третьих, еще в XIX в. ученые обратили внимание на разительные отличия курсов Прокоповича от курсов его современников, что в XX в. даже дало возможность некоторым ученым говорить о просветительских тенденциях в его взглядах. Только теперь мы подходим к пониманию того, что для своих современников начала XVIII в. Прокопович как преподаватель, возможно, не был столь значим и авторитетен, каким он является для нас.

Хотя Прокопович и преподавал «Риторику» в Киево-Могилянском коллегии, однако едва ли справедливо связывать это латиноязычное сочинение с какой-либо определенной национальной литературой, как, например, и латинские сочинения Эразма Роттердамского, или Матвея Сарбевского, или Николая Кассена, на которого Прокопович неоднократно ссылается. Впрочем, нельзя и отрицать того, что к украинской культуре начала XVIII в. «Риторика» Прокоповича, кажется, ближе, чем к русской. Об этом, в частности, могут свидетельствовать польские цитаты, которые приводятся у Прокоповича (кн. 1, гл. 5 и гл. 6), поскольку они, видимо, не вызывали трудностей у его учеников.

В связи с такой известностью автора появление русской «Риторики» Прокоповича не может остаться незамеченным. Перевод был сделан известным русским переводчиком Г. А. Стратановским, как предполагают публикаторы, еще в 1960-е гг., после выхода в 1961 г. его же перевода «Поэтики» Прокоповича [Прокопович 1961: 229–455], но по какой-то причине не был опубликован и хранился в архиве сына переводчика. Таким образом, издание представляет двойной интерес: с одной стороны, как перевод сочинения Прокоповича, с другой — как произведение одного из известных русских переводчиков XX в. Издатели вполне осознают специфику публикуемого перевода и проговаривают это во введении.

Издание включает сам перевод, комментарий к нему, введение, именной указатель и очень ценную избранную библиографию. Нельзя отдельно не отметить, что издание выполнено на очень высоком полиграфическом уровне: твердый переплет, книга хорошо раскрывается и лежит на столе, не закрываясь сама собой.

Давать оценку самому переводу представляется в настоящее время неэтичным. Это произведение переводческого искусства середины XX в., и его надо не оценивать, а исследовать. К сожалению, во введении издатели почти ничего не говорят об особенностях перевода Г. А. Стратановского, хотя читатель вполне мог бы ожидать этого, во-первых, потому что между нами и переводом пролегает дистанция достаточная для того, чтобы сделать перевод предметом анализа, а во-вторых, изданию перевода Г. А. Стратановского предшествовала и публикация украинского перевода, которым мы пользовались уже 40 лет [Прокопович 1–3, I], и попытка Ренаты Лахманн и Бернда Уленбруха издать оригинальный латинский текст «Риторики» Прокоповича [Prokorporvič 1982]. Перевод Стратановского хотя и был сделан раньше этих публикаций, однако издается после них, поэтому издатели не могли их не учитывать. Украинский перевод имеет все те недостатки, которые свойственны переводу, сделанному по одной рукописи, до публикации критического издания оригинального текста: ошибки, которые находились в рукописи, оказывались и в переводе.

Что же мы находим в опубликованном переводе Г. А. Стратановского? Оговорка «в опубликованном» неслучайна, потому что у перевода был научный редактор, степень вмешательства которого в перевод при публикации не была указана. Например, в предисловии Прокоповича к своему курсу читаем: «Приглашает вас к общественной деятельности часто бедствовавшая родина, притиснет [вашей помощи. — К. С.] на многословных спорах церковь, еще чаще сталкивавшаяся с ересью» [Прокопович 2020: 19]. В латинском тексте во всех доступных нам рукописях на месте слов «еще чаще» стоит слово «saepius», которое, действительно, представляет сравнительную степень наречия, однако сравнительная степень в

латинском могла обозначать более высокую степень проявления признака (*comparativus absolutus*). Так понимает это место и украинский переводчик — «церква, яка не раз вела боротьбу з єрессю» [Прокопович, 1: 103]. Трудно представить, чтобы русский переводчик не учел такую особенность.

В 1-й главе 1-й книги про человека наделенного красноречивой мудростью (в переводе «мудростью красноречия») читаем, что люди «с удовольствием общаются с ним, наблюдают его устную речь» [Прокопович 2020: 24]. Здесь настоятельно выражение «наблюдают речь». В латинском тексте стоят слова «*illius os et linguam observant*», что значит «следят за его выражением лица и речью». Как опытный переводчик мог допустить такую оплошность? Ниже в той же главе говорится, что искусством красноречия Цицерон «сразил Антония, им же исцелил Феодосия, тяжело оскорбленного в своем величии» [Ibid.: 26]. Однако, не говоря уже о том, что оратор не императора Феодосия вылечил, а восстановил его оскорбленное величие, не Цицерон сделал это, а Златоуст, что и нашло отражение в комментарии. В тексте же имя Златоуста не упомянуто, хотя во всех рукописях оно указано. Что не может не вызвать недоуменного вопроса: куда же смотрел научный редактор? В этой же главе чуть ниже в переводе говорится о том, что Цицерона «упрекали за недавно приобретенную знатность» [Ibid.: 29]. Можно подумать, что Цицерон купил себе эту знатность. В латинском же тексте стоят слова «*cui novitas objecta erat*», т. е. его упрекали в том, что он в политике — человек новый. Наконец, в конце 1-й главы перевода говорится о том, что в Риме были осуждены люди, «называвшие себя латинскими риториками и учредившие игры» [Прокопович 2020: 32]. В латинском тексте сказано «*ludos Romae arguerant*», букв. «они открыли игры». Однако слово «*ludus*» означает не только «игра», но и «школа», и, конечно, вариант «открыли школы» (как и сделано в украинском переводе: «хто відкрив у Римі школи» [Прокопович, 1: 111]) дает лучший смысл, чем «открыли игры» в русском. Как мог филолог-классик не знать этого значения?

Это всё примеры только из 1-й главы 1-й книги. В начале 1-й главы 2-й книги мы тоже находим слова, которые с трудом можно назвать понятными интуитивно: сперва говорится о том, что «содержание» риторики — это «всякая общая тема, предназначенная для произнесения», а затем о том, что «расследование есть неопределенная речь, возникающая из двух противоречащих друг другу положений» [Прокопович 2020: 100]. Феофан Прокопович, конечно, не был поклонником схоластики и при всяком удобном случае бранил схоластический метод, однако нельзя не заметить, что он делал это подобно лютеранским и кальвинистским богословам и философам своего времени, которые хотя по сложившейся традиции и ругали схоластику (аристотелизм), однако продолжали пользоваться ее терминологией и методом. В латинском тексте вместо слова «содержание» стоит слово «*materia*», т. е. «предмет». Термину же «содержание» соответствует в схоластике термин «*forma*». Прокопович прекрасно знает это и правильно пользуется соответствующими терминами в своих курсах философии и богословия. Вместо же выражений «общая тема и расследование» у Прокоповича стоит слово «*quaestio*», т. е. «вопрос», тоже *terminus technicus* схоластической науки, который означал, как мы бы сейчас сказали, научную проблему. В украинском переводе так и сделано: «*materia*» переводится «предмет», а «*quaestio*» — «питання» [Ibid.: 162].

Возникает вопрос, как такого рода удивительные вещи могли проникнуть в перевод опытного переводчика? Едва ли можно предполагать здесь его неосведомленность в новолатинской литературе. Также у нас нет оснований предполагать подобное и о научном редакторе перевода. Ответов, как нам видится, может быть два: или переводчик находился под влиянием кантианско-тегельянской терминологии, или опубликованный перевод представляет собой черновой вариант, который впоследствии предполагалось доработать, но по каким-то причинам он был отправлен «в стол».

Что же касается других составных частей издания, то, безусловно, наибольшую ценность среди них имеет комментарий Е. В. Маркасовой, который поражает своей подробностью и основательностью. Он представляет собой результат кропотливейшей работы по выявлению в тексте Феофана Прокоповича как можно большего числа прямых или косвенных связей с античной литературой. Этот комментарий вполне можно было бы назвать исследованием на тему, что могли узнать об античной литературе из курса риторики ученики Прокоповича. Едва ли, конечно, этот материал дает основание говорить о том, в какой мере Прокопович сам был знаком с древней литературой. Он вполне мог и не читать тех авторов, которых упоминает, и не держать в руках произведений, которые цитирует, ведь между теми авторами, на которых он ссылается и даже цитирует, пролегало более тысячи лет, и за это время было написано множество компендиумов и хрестоматий, которыми Прокопович мог пользоваться. Однако важно то, что ученики его слышали эти имена и цитаты, заучивали их и передавали знание о них своим ученикам, слушателям, читателям. Комментарий Е. В. Маркасовой уже сейчас можно назвать классическим, и все последующие издания как перевода, так и латинского текста «Риторики» Прокоповича должны включать его; во всяком случае, они не смогут его игнорировать. Сами издатели перевода Г. А. Стратановского, сравнивая во введении комментарий к своему изданию с комментарием к переводу «Риторики» на украинский язык и с комментарием к изданию Лахманн-Уленбруха [Прокопович 2020: 13–14], осознают это. Комментарии к украинскому переводу скорее похожи на указатель имен, в то время как комментарий Е. В. Маркасовой — это не только объяснение того, кем был тот или иной литературный персонаж или автор, упоминаемый у Прокоповича, но и выявление аллюзий, мест из античных авторов, у которых данный персонаж упоминается, а также, что особенно важно, сюжетов, которые были общим местом в литературе. Благодаря такому подходу комментатор показывает, как соткана ткань текста Феофаном Прокоповичем, показывает тонкие, но прочные нити, которые связывают риторическую теорию начала XVIII в. с античной литературой.

Что же касается источников, которыми пользовался для своего курса Прокопович, то представляется целесообразным различать, с одной стороны, источники для Прокоповича «первичные», которые он привлекал непосредственно (такими источниками для него могла быть литература XVI–XVII вв.), а с другой — источники для него «вторичные» — это тексты, которыми он пользовался опосредованно (и такими источниками могли быть некоторые памятники античной литературы, на которые Прокопович ссылается). Для нас же, в силу особенностей преподавания и представления истории литературы, первичным оказывается то, что для Прокоповича могло быть опосредованным, а вторичным

для нас будет то, что для Прокоповича было первичным, т. е. тексты, которые он держал в руках. Это объясняется тем, что произведения античной литературы исследуются уже не одно столетие, имеют прекрасные издания, и некоторые из них уже не по одному разу переводились на русский язык. В то время как дидактическая литература XVI–XVII вв., не так давно став предметом исследования, русскоязычному читателю почти недоступна, а издания этих текстов находятся далеко не во всех областных центрах.

Конечно, Прокопович был фигурой незаурядной, и складывается впечатление, что в своих дидактических текстах он сознательно и, возможно, провокационно учит своих учеников иначе, чем его коллеги по Киевскому коллегиуму, ориентируясь не на иезуитскую гуманистическую традицию, а на традицию преподавания, возникшую в лютеранских и кальвинистских школах.

Проблема источников текстов Прокоповича очень сложна, и пока решить ее не удастся. Он вполне мог подходить к своим источникам компилятивно, мог пересказывать их, как мы это видим на примере его богословского курса. В такой ситуации устанавливать непосредственные источники еще труднее. Прокопович, безусловно, мог пользоваться и доступными ему произведениями древней литературы. Здесь, однако, надо учитывать его возможные языковые компетенции. В комментарии нередко приводятся на греческом языке имена собственные и названия произведений греческой литературы. Однако знал ли сам Прокопович греческий и смог ли бы прочесть эти названия? Комментатор благоразумно воздерживается от выяснения непосредственных или как можно более близких источников Прокоповича, потому что это отдельная большая работа, требующая специального предварительного исследования. Эта работа в свою очередь потребует постановки вопроса, какими путями указанные в комментарии цитаты, параллели и аллюзии из античной литературы проникали в текст Прокоповича. Это сделало бы комментарий слишком тяжеловесным и лишило бы его той концептуальной целостности, которой он обладает в настоящем виде. Комментатору удалось не только показать особенности текста Прокоповича, но и отразить особенности самого перевода, сделав важный шаг на пути его исследования. В частности выясняется, что переводчик приводит цитаты из произведений античной литературы, которые встречаются у Прокоповича, по уже имевшимся русским переводам. Комментатор везде, где это возможно, устанавливает источники, которыми пользовался переводчик, — переводы, опубликованные во второй половине XIX — первой половине XX в. Комментарии очень удобно расположены в книге: не после текста, а внизу каждой страницы, что избавляет читателя от утомительного перелистывания.

Однако, при всем том интересе, который вызывает издание русского перевода «Риторики» Прокоповича, нельзя не испытывать некоторого сожаления по поводу столь скромного введения к публикации, позиционируемой как научная. Конечно, о личности и творчестве Прокоповича написано уже немало, однако при научном издании памятника литературы мы вполне могли бы рассчитывать на более развернутое введение, в котором были бы освещены вопросы его специфики, авторства, датировки и рукописной традиции.

Главная специфика «Риторики» Прокоповича, о которой во введении даже не упоминается, состоит в том, что это дидактический текст. Производство такого рода текстов вполне можно рассматривать как часть должностных обязанностей

преподавателя: в конце XVII и первой половине XVIII в. каждый преподаватель Киево-Могилянского коллегиума/академии по каждому предмету, который он преподавал, составлял для своих студентов некий текст, чтобы студенты по нему изучали предмет. Зачастую такие тексты — это единственный источник, на основании которого мы судим о том, кто, когда, что и каким образом преподавал. Эти тексты не только и не столько показывают, каким был кругозор преподавателей и какими источниками они пользовались, — часто это остается областью догадок и предположений — сколько дают возможность судить о том, что из этих курсов узнавали ученики.

Эта особенность «Риторики» Прокоповича как текста дидактического должна приниматься во внимание и при его оценке. Феофан Прокопович преподавал риторику, по-видимому, только один учебный год, только один раз в жизни. Можно ли на этом основании считать его теоретиком красноречия? Если да, то, поскольку перед курсом риторики Прокопович преподавал, также, по-видимому, один год, курс поэтики, а после риторики, судя по всему, — два раза двухлетний курс философии, и, наконец, курс богословия, его надо считать теоретиком всех этих дисциплин. Однако все это были лишь ступени академической карьеры, для продвижения по которым от преподавателя не требовалось быть теоретиком в той или иной области.

Специфика имеющегося у нас текста, который непосредственно обусловлен учебной деятельностью школы и отражает ее, должна учитываться при решении всех остальных вопросов, возникающих в связи с текстом. И если по поводу авторства вопросов не возникает, поскольку в двух из известных списков «Риторика» указано, что преподавалась она «a reverendo patre Theophane Proscopowicz» в Киеве в академии Могилянской, то по поводу датировки курса и текста возникают сомнения.

Издатели пишут во введении, что Прокопович читал курс риторики в 1706–1707 гг. В историографии это общее место. Возникает, однако, вопрос, имеется ли здесь в виду учебный 1706/07 г. или два календарных года. Во всех известных рукописях на титульном листе «Риторика», где он есть, указано «anno Domini 1706». Напрашивается ответ, что курс преподавался в 1706/07 уч. г. Однако Д. Вишневский в своем до сих пор не потерявшем актуальности труде по истории Киевской академии пишет, что традиционно двухлетний курс философии, который преподавал Прокопович, должен был начаться в 1706/07 уч. г., так как «Этика», последняя часть курса, преподавалась в конце 1707/08 уч. г. [Вишневский 1903: 193]. От курса 1706–08 гг. сохранились две записи. Одна хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. Вернадского (ИР НБУВ): ф. 301 (Киевская духовная академия), шифр ДА 43п; по ней был сделан украинский перевод, опубликованный в «Філософських творах» [Прокопович 1–3, II]. Вторая находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: ф. 577 (Петроградская духовная семинария), шифр 64 [Буланина 1986]. В последней рукописи хотя и указано на титульном листе, что курс преподавался «annis 1707 et 1708» (л. 1), однако в заглавии второго раздела курса, «Физика», значится «anno 1707» (л. 139v). Соответственно, первый раздел курса, «Логика», должен был начаться осенью 1706 г. Это согласуется с сообщением «готской» биографии Прокоповича о том, что в 1708 г. он стал преподавать философию

[Vita 1772: 5v]¹ — надо понимать, что это был его второй двухлетний курс — и с тем, что в 1709/10 уч. г. закончился в Киевском коллегиуме богословский курс Христофора Чарнуцкого, начатый в 1706/07 уч. г. [Вишневский 1903: 244], а окончание каждого второго двухлетнего курса философии совпадало с окончанием четырехлетнего курса богословия. Но в таком случае придется предположить, что Прокопович преподавал одновременно в двух классах, риторики и философии, что практически не встречается из-за большой нагрузки на преподавателя². Кроме того, в ИР НБУВ (ф. 306 (Киево-Печерская лавра), шифр 307п/113) хранится «Риторика» с заголовком: «Cynosura prope Borysthenis aquas spectata per tot eruditae eloquentiae flumina ad stabile oratoriae facultatis tribus idearum cursibus nobilem orthodoxam juventutem dirigens promontorium anno 1706 quo verbum dei translatum est a divinis ad humana», где на переднем беловом листе записано: «Ex Mihalewicz scriptus ab r.p. Misztalski anno 1706 et 7» [Петров 1–3, II: 103]³. Поскольку на берегу Днепра другого, кроме Киевского коллегиума, учебного заведения в эти годы нам неизвестно, то, видимо, речь идет о курсе риторики, который преподавался в Киевской академии в 1706/07 уч. г. Отсюда напрашивается предположение, что Прокопович преподавал риторику в 1705/06 уч. г., и 1706 г. в заглавии указывает не на начало курса, а на его окончание, что, как кажется, вполне соответствует синтаксису «De arte rhetorica libri X ... traditi ... anno Domini 1706», поскольку причастие «traditi» — пассивного залога совершенного вида, т. е. действие преподавания понимается как законченное.

Здесь можно вспомнить о наблюдении Д. Вишневого, который обращает внимание на то, что в делопроизводственных документах «в первой половине XVIII в. в Академии время считали не учебными годами, а гражданскими, причём первая половина учебного года, так сказать, умалчивалась [...] Например, “Определение” учителей на 1745/46 учеб. год записывается определением на 1746 г.» [Вишневский 1903: 247]. Возникает, конечно, сомнение, насколько справедливо истолковывать таким образом данные начала века. Однако среди известных нам учебных материалов этого времени можно найти, хотя и очень немногие, примеры такого обозначения. Например, заглавие курса риторики, который преподавал в 1704/05 уч. г. в Киевском коллегиуме Досифей Чарнуцкий, в рукописи РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 323 читается так: «Corona aurea ... condecorata sub reverendo professore Dosotheo Czarnucki anno Domini 1705» (л. 1). В рукописи же № 322 из того же собрания дата указана «anno ... 1704 sequenti, 1705. Decembris 1ma» (л. VI).

Предположение о том, что Прокопович преподавал риторику в 1705/06 уч. г., вступает, как кажется, в противоречие с распространенным в историографии утверждением о том, что в 1705/06 уч. г. Прокопович преподавал курс поэтики. Это мнение основано, видимо, на том, что во всех известных списках «Поэтики» Прокоповича в заглавии курса, где оно есть, указан 1705 г., который рассматри-

¹ Впервые напечатана в опубликованной в Готе в 1772 г. третьей книге богословского курса Прокоповича.

² Впрочем, Д. Вишневский решает на такое предположение [Вишневский 1903: 193].

³ Еще один список этого курса с точно таким же заглавием, где указан 1706 г., хранился в библиотеке Черниговской семинарии [Лилеев 1880: 180]. Местонахождение этой рукописи в настоящее время нам неизвестно.

вается как год начала курса. Однако при другом понимании эта дата указывает не на начало, а на окончание курса, т. е. Прокопович преподавал поэтику в 1704/05 уч. г. Такое предположение будет согласовываться как с нашей датировкой курса риторики, так и с датировкой курса философии 1706–1708 гг. Оно позволяет непротиворечиво объяснить также и другие данные наших источников. Так, в курс поэтики, который предавался в Киевском коллегииуме/академии в начале XVIII в., входило как его часть краткое изложение риторики. В известных списках «Поэтики» Прокоповича нельзя не обратить внимания на отсутствие этого раздела. Только в одной рукописи — ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), шифр ДС 245п — после текста «Поэтики» идет краткая «Риторика» под заголовком «*Arctos in Parnasso Mohylo Mazepliano exorta neoequites humanioris literaturae orthodoxos Pegasus gerentes bino idearum cursu ad altiora tam legati quam soluti eloquii culmina evehens anno quo beLLa parat RossUs spreto De Caesare Mota*». Маяюскулы, выделенные в рукописи в последней фразе, написанной гекзаметром, складываются в обозначение года 1705. Как Н. И. Петров [Петров, 1: 281], так и Д. Вишневский [Вишневский 1903: 132, примеч. 3] писали, что эта краткая «Риторика» преподавалась перед «Поэтикой» Прокоповича. Однако то, что в рукописи «Риторика» расположена после «Поэтики» и записана тем же учеником, что и «Поэтика», как кажется, проще объясняется тем, что «Риторика» преподавалась после «Поэтики», чем наоборот, поскольку по известному нам учебному плану Киевского коллегииума риторика перед поэтикой не преподавалась. Соответственно, можно предположить, что эта краткая «Риторика» преподавалась в конце 1704/05 уч. г., а «Поэтика» Прокоповича в том же учебном году перед ней.

Что же касается рукописной традиции «Риторики», то во введении перечислены девять рукописей, которые якобы содержат списки этого курса Прокоповича. Из этих рукописей, по словам публикаторов перевода, к изданию были привлечены семь. В числе последних указаны две рукописи, написанных уже в 1750-е гг.: рукопись РГИА, ф. 834 (Рукописи Синода), оп. 3, № 3421, которая датируется 1751 г., и рукопись ОР РГБ, ф. 173.П (Дополнительное собрание Московской духовной академии), № 86, которая датируется 1750 г. Конечно, у читателя возникает вопрос, как связаны эти рукописи середины века со списками, которые по палеографическим особенностям надо отнести ко времени, когда курс Прокоповича преподавался, однако издатели ответа на этот вопрос не дают.

В то же время читатель не может не обратить внимания на то, что заглавие курса риторики в указанных рукописях отличается от его заглавия в рукописях начала века: на титульном листе обеих рукописей значится «*Praecepta rhetorica a Theophane Procopovicz ... collecta*». Текст в указанных рукописях действительно очень близок курсу Прокоповича в записях начала века, но не тождественен ему. Если смотреть на этот текст как на курс Прокоповича, то можно предположить, что мы имеем дело с иной редакцией текста. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что обе рукописи относятся к преподаванию риторики в Московской Славяно-греко-латинской академии, где с 1748/49 по 1752/53 уч. г. преподавал риторику Кирилл Григорович [Синод 1868–1914, XXVII: 294, № 132; XXIX: 80, № 37; XXXI: 213–214, № 144; XXXII: 293, № 135]. Хотя эти курсы и были основаны на курсе Прокоповича, однако это были курсы риторики, которые преподавались другим преподавателем, в другом месте и в другое время.

Подобное явление встречается в дидактической литературе постоянно вплоть до настоящего времени, когда преподаватель пользуется для своего курса материалами кого-либо из своих предшественников; и в курсах поэтики, риторики, философии, богословия XVIII в. мы постоянно встречаемся с таким явлением. Однако это едва ли может быть основанием для того, чтобы, к примеру, курс В, преподававшийся на основании курса А (*«lectura secundum alium»*, как это называлось в XIV в.), рассматривать как список курса А, хотя, конечно, он может использоваться для реконструкции и издания курса А.

На то, что названные рукописи едва ли можно рассматривать как списки «Риторики» Прокоповича, указывает, в частности, то, что в них отсутствуют польскоязычные цитаты, которые содержатся в списках начала века. Например, в кн. 1, гл. 5, § 1 (в рукописях номера указываются на полях) отсутствует фрагмент от слов *«Unum hic subjicio»* до конца польской цитаты [Prokopovič 1982: 27–28]⁴. Также отсутствует польская цитата в § 3 [Prokopovič 1982: 30–31] и конец главы со слов *«Innumerabilia fere hujusmodi exempla»* до конца с еще одной польской цитатой [Prokopovič 1982: 33–34]. Кроме того, в гл. 6, § 7 отсутствует текст со слов *«Unum tamen in quo haeresim quoque suam immiscuit»* и до конца главы [Prokopovič 1982: 40–48] — что составляет 2/3 всей этой главы, — который также содержит цитаты на польском. Также и в конце гл. 1 кн. 4 в списках начала века имеется цитата из предисловия к словарю Григория Кнапия, где осуждается макаронизм, и пояснение к ней [Prokopovič 1982: 209 (ст. 18) — 210 (ст. 16)]. В московских курсах этого текста нет. Очевидно, составитель московского курса риторики решил, что для его студентов эти части излишни. Если текст, представленный в названных московских рукописях рассматривать как иную редакцию «Риторики» Прокоповича, то, видимо, редакцию эту придется считать, во-первых, не авторской, а во-вторых, московской. Однако более продуктивным, кажется, смотреть на них уже как на часть другой истории — истории того, как курс Прокоповича использовался в преподавании риторики в XVIII в. В ряд с этими двумя московскими курсами надо, по-видимому, поставить также рукопись ОР РГБ, ф. 354 (Вологодское собрание), № 221, а также рукопись из библиотеки Иркутского университета № 393 [Игумнова 2001: 103], в которых содержится курс риторики, преподававшийся в Московской академии в 1749/50 уч. г. под заголовком: *«De arte rhetorica libri decem a Theophane Procopowicz olim ex variis authoribus collecti in Mosquensi imperiali Academia anno Domini 1749 explicati»*.

Не вполне понятным остается, в чем заключалась работа научного редактора при подготовке издания. Во введении сказано, что издатели перевода Г. А. Стратановского, поскольку в их распоряжении оказалось еще пять списков «Риторики» Прокоповича, помимо тех двух, по которым был сделан перевод, «сочли целесообразным для большей полноты и ясности, с одной стороны, восполнить лакуны, содержащиеся в этих двух списках, с другой, — исправить испорченные или непонятные места, основываясь на лучше сохранившемся тексте или на более релевантных чтениях» [Прокопович 2020: 10]. Однако ни в тексте перевода, ни в комментариях к нему нет указаний на то, что же именно было сделано при редактуре. А это,

⁴ Ссылки даются на это издание, а не на списки, поскольку издание потенциально более доступно.

исходя из позиций, обозначенных издателями во введении, — что публикуемый перевод представляет ценность как памятник переводческого искусства, — представляется важным: где заканчивается работа переводчика и начинается работа редактора, почему был отредактирован перевод. Читатель оказывается примерно в такой же ситуации, как с изданием «богословия» Прокоповича, опубликованным в 1773 г. [Prokorporowicz 1–5]: книга издана под именем Прокоповича, но содержит немало дополнений, сделанных издателем, которые никак не обозначены, в результате чего отличить в издании слова Прокоповича от текста, ему не принадлежащего, без привлечения дополнительных источников оказывается очень затруднительно. В тексте перевода Г. А. Стратановского постоянно встречаются квадратные скобки, однако нам не удалось найти в книге указания на то, что они обозначают: проставлены ли они были самим переводчиком или научным редактором.

Сказанное во введении о «восполнении лакун» тоже вызывает недоумение при работе с текстом. Во вступлении к каждой книге «Риторики» Прокоповича дается перечень глав, которые содержатся в книге. Этим дидактическим приемом Прокопович пользуется во всех своих курсах, кроме «Поэтики». В опубликованном переводе во вступлении к 8-й книге последней главой указана 12-я [Прокопович 2020: 388]. Однако в конце восьмой книги после текста 12-й главы находится заголовок главы 13-й, и в примечании указано, что текст главы отсутствует [Ibid.: 418]. В издании Лахманн-Уленбруха нет ни того, ни другого [Ibid.: 398 и 429 соответственно]. Однако в рукописи ОР РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария), № 57, которой пользовались издатели перевода и которую можно датировать временем преподавания курса, не только имеется заголовок 13-й главы в конце 8-й книги, но и во вступлении к книге эта глава указана (л. 215v). Так же и в рукописи ОР РНБ, ф. 577 (Петроградская духовная семинария), № 71 — ее также можно датировать временем преподавания курса; она была известна издателям, но по неуказанной причине они не использовали ее при редактировании перевода, хотя пользовались свидетельствами гораздо менее надежных московских курсов середины века. Во вступлении к 8-й книге указан заголовок 13-й главы (л. 298v), однако в конце книги нет ни текста, ни заголовка. Причина, по которой издатели не включили заглавие 13-й главы во вступление, хотя оно имеется в двух списках начала века, но дали это заглавие в конце 8-й книги, хотя оно имеется, видимо, только в одном списке, никак не оговаривается.

Однако сделано во введении и одно из немногих замечаний, касающихся собственно публикуемого текста: «В оглавлении, написанном Феофаном Прокоповичем, в первой книге значится глава XII, которая отсутствует в рукописях. Г. А. Стратановский в переводе дает текст главы XIII под номером XII» [Прокопович 2020: 10]. Складывается впечатление, что переводчик по своему произволу обозначил главу 13-ю номером 12-м вместо того, чтобы указать 13-й номер. Однако переводчик сделал так потому, что во всех рукописях начала века последняя глава 1-й книги имеет номер 12-й, а во вступлении к 1-й книге, действительно, значится между 11-й главой и главой последней еще одна глава. То, что количество глав в тексте книги и список их во введении не соответствуют друг другу, — не особенность перевода, а текстологический вопрос, который, однако, издатели не обсуждают.

Среди прочих особенностей рукописной традиции текста, на которые, к сожалению, издатели не обращают нашего внимания, нельзя не отметить еще одну,

которая может оказаться симптоматичной не только для самой рукописной традиции «Риторики» Прокоповича как текста дидактического, отражающего компетенции учеников, но и для самого преподавателя. В конце 10-й главы 5-й книги приводятся первые две строфы 3-й оды 3-й книги од Горация. При публикации перевода они даны с разбивкой на строки [Прокопович 2020: 337. Prokorporiĭ 1982: 327]. Однако в рукописи ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), шифр ДС 248п, по которой Р. Лахманн и Б. Уленбрух опубликовали «Риторику» Прокоповича, если верить этому изданию, а также в упомянутой выше рукописи из ОР РНБ № 57 (л. 177v) эта цитата приводится без разбивки на стихи. Интересно, что в «Риторике» цитат из од Горация очень мало, а фрагментов длинной более двух стихов только два: кроме указанного, цитируются еще три последних стиха из 6-й оды 3-й книги (кн. 3, гл. 4 [Prokorporiĭ 1982: 175]). В курсе поэтики Прокоповича из од Горация фрагментов длиной более двух стихов тоже только два: один — 7-я строфа из 9-й оды 4-й книги (кн. 1, гл. 1 [Прокопович 1961: 236, 345]), второй — тот же фрагмент из двух строф 3-й оды 3-й книги, что и в «Риторике» (кн. 2, гл. 8 [Прокопович 1961: 300, 417]). Остальные цитаты в «Поэтике» из сатир и посланий. Сходство здесь рукописей № 248 и № 57 говорит или о том, что они связаны между собой, или о том, что ученики независимо друг от друга написали текст одинаково, что, в свою очередь, может говорить или об особенностях их подготовки, т. е. оба они не членили Алкееву строфу на стихи, или о том, что этого не сделал сам преподаватель.

Кроме того, изданию явно недостает корректора латинских цитат. Например, во введении титульный лист из упомянутой выше рукописи из РГИА № 3421 передается так: «Praecepta rhetorica a Theophane Procopovicz olim in *Akademia Kijoviensi* ... collecta ... ad nostrum utilitatem», [Прокопович 2020: 11] — вместо чтений «*Academia, Kijoviensi, nostram*», как это дает сама рукопись. В передаче заголовка рукописи из РГБ № 86 также стоит «*nostrum*» вместо «*nostram*». В списке сокращений, где имена авторов и названия их сочинений приводятся на латинском, Григорий Нисский значится как «*Gregory Nazianzenos*» [Прокопович 2020: 464], Марк Фабий Квинтилиан — как «*Mark Fabius Quintilianus*» [Ibid.: 466], название сочинения «Жизнь Фукидида» — как «*Vita Thucydides*» [Ibid.: 465].

Однако самым уязвимым местом издания оказывается идея опубликовать перевод памятника до его научного издания на языке оригинала. Так вводили в научный оборот тексты, связанные с деятельностью Киево-Могилянского коллегия/академии и Московской Славяно-греко-латинской академии, украинские и российские ученые второй половины XX в. (философские курсы Георгия Конисского [Конисский 1990] и Теофана Прокоповича [Прокопович, 1–3: II], первая половина философского курса Стефана Яворского [Яворський 1992], «Поэтика» Митрофана Довгалевского [Довгалевський 1973], фрагменты философского курса Теофилакта Лопатинского [Панибратцев 1994, Панибратцев 2002: 484–512]).

В той же серии, что и издание Лахманн-Уленбруха, вышел курс «Поэтики» Федора Кветницкого, однако это была лишь публикация факсимиле рукописи, причем не лучшего качества [Kvetnickij 1985]. В последнее время, однако,

⁵ В этом же издании опубликован перевод «диалектики» из того же курса (с. 240–436) и фрагмент ее латинского текста (с. 457–483). Однако не указано, по какой рукописи/рукописям текст издан и переведен.

украинские ученые сделали попытку перейти к собственно научным изданиям текстов. Примером могут служить разделы философского курса Иннокентия Гизеля, которые опубликованы с параллельным украинским переводом [Гизель 2011, II]. Нам могут возразить, что перевод «Поэтики» Прокоповича опубликован вместе с ее латинским текстом, а латинский текст «Риторики» издан Р. Лахманн и Б. Уленбрухом. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что изданный в 1961 г. латинский текст «Поэтики» уже в момент его выхода из печати никак нельзя было считать научным изданием, поскольку он представлял собой перепечатку могилевского издания 1786 г., надежность которого у нас есть все основания поставить под сомнение, если принять во внимание то, как был опубликован богословский курс Прокоповича в 1773 г. Это не было критическое издание текста по известным спискам начала века, которые были непосредственно связаны с преподаванием Прокоповича и хранились в ИР НБУВ и ОР РНБ.

Что же касается публикации «Риторики», подготовленной Р. Лахманн и Б. Уленбрухом, с ее большим и интересным литературоведческим введением, вошедшем затем в книгу Р. Лахманн «Демонтаж красноречия» [Лахманн 2001], то, как справедливо заметил Д. Фрейданк в своей рецензии на эту публикацию, она не была критическим изданием [Freйдank 1988: 299]. Опубликованными оказались фактически только подготовительные материалы к изданию: в качестве основного дан текст по упомянутой рукописи из НБУВ ДС 248п, а в примечаниях помещены разночтения по другой киевской рукописи ДС 249п, независимо от того, в какой из рукописей чтение было правильным. Строго говоря, эту публикацию едва ли можно рассматривать как издание текста вообще: основной текст изобилует чтениями очевидно неверными и без вариантов второй рукописи его понимать местами очень трудно.

Д. Фрейданк делает также интересные текстологические наблюдения, которые, как мы могли бы ожидать, найдут отклик при публикации русского перевода, для сверки которого, по словам издателей, были привлечены рукописи, при издании латинского текста не задействованные. Однако поставленные Фрейданком вопросы остаются без внимания. В частности, Фрейданк обращает внимание, что в конце 2-й книги в рукописи ДС 248п содержатся примеры амплификации, которых нет в рукописи ДС 249п [Прокопович 2020: 128–141], и задается вопросом, должен ли этот текст рассматриваться как часть курса Прокоповича. Интересные результаты могла бы дать упомянутая рукопись ОР РНБ, ф. 522, № 57, которая, по словам издателей, привлекалась для сверки русского перевода. В ней отсутствует 6-й пример, который имеется в рукописях 248п и 249п [Ibid.: 128], однако имеются два примера, которые находятся в рукописи 248п: на лл. 71v–72v пример, который начинается словами «*Amplificatur consolatio Davidis*» и заканчивается «*superare valeas*» [Ibid.: 137–139], а также на лл. 70v–71v пример, который начинается словами «*Amplificatur laetitiae*» и заканчивается «*exponere potuissent*» [Ibid.: 139–141]. В той же рукописи № 57 на лл. 332–352v подшиты «*Narrationes tum historicae tum oratoriae*». Здесь на л. 334 мы находим «*Oratio gratulatoria patroni per syllo.*», которая начинается словами «*Ea demum sincera*» и заканчивается «*se leonem demonstrabit*»; в рукописи 248п этот текст фигурирует под заголовком «*Gratulatio patroni Ignatii divi*» [Ibid.: 137]. На лл. 351–352v в рукописи № 57 мы находим еще три небольших примера, которые находятся в рукописи 248п: «*Gratulatio honoris praefecto*

congregationis» [Ibid.: 132–133], «In eadem materia» [Ibid.: 133–134, под заголовком «Gratulatio honoris rectoris Kijoviae»], «Gratulatio indietis» (под заголовком «Gratulatio patroni Barlaami metropolitae», с. 134–135, до строки 12, до слов «debere tibi censeamus»). Таким образом, в рукописи № 57 нам не удалось найти четыре примера, которые имеются в рукописи 248п: «Commiseratio pro quodam probo» [Ibid.: 128–129], «Oratio dedicatoria thesium ... Stephano Javorski» [Ibid.: 129–132], вторая половина «Gratulatio patroni Barlaami metropolitae» и «Oratio gratulatoria patrono abbatis Pieczariensis» [Ibid.: 135–136]. То, что половина примеров амплификации из последней главы 2-й книги, которые имеются в рукописи 248п и которых нет в рукописи 249п, нашлись в рукописи № 57, не может, конечно, служить достаточным основанием для того, чтобы считать эти образцы частью курса Прокоповича. Однако это можно рассматривать как признак по крайней мере двух вещей: во-первых, того, что рукописи 248п и № 57 были каким-то образом связаны между собой, а во-вторых, того, что эти примеры амплификации были связаны с курсом Прокоповича. И здесь снова надо принять во внимание дидактический характер курса риторики. Изучение как поэтики, так и риторики включало, кроме усвоения теоретического материала, также знакомство учащихся с некими образцовыми текстами (разные виды лирических стихотворений, фрагменты эпоса, письма, фрагменты исторических произведений, речи, гомилии). Такие тексты часто размещаются в рукописях с теоретическими курсами, но отдельно от них. Однако они были, по-видимому, связаны с этими курсами и подбирались, как можно предположить, самим преподавателем. Конечно, наблюдение за тем, какие образцы подбирал для своих учеников Прокопович, чьи теоретические представления отличались от основного направления, которое можно наблюдать в курсах поэтики и риторики, преподававшихся в Киево-Могилянском коллегиуме в первой трети XVIII в., могло бы оказаться весьма интересным. Однако издатели, как сказано, даже не упоминают о данном текстологическом затруднении.

Публикаторы перевода Г. А. Стратановского при этом указывают во введении, что им была доступна машинопись критического издания «Риторика» Прокоповича, подготовленного самим переводчиком, — по ней, как можно предполагать, делался перевод. И для настоящего научного издания необходимо было, взяв за основу работу над латинским текстом, проделанную переводчиком, дополнив ее коллацией, которую опубликовали Р. Лахманн и Б. Уленбрух, с привлечением известных сегодня других списков сделать реконструкцию текста и уже после издания такой реконструкции, или вместе с ней, опубликовать перевод. А в настоящем виде мы получили публикацию для русскоязычного читателя хотя и интересную, однако выполненную методом не только устаревшим, но и изначально сомнительным.

Подводя итоги, можно сказать, что публикация русского перевода «Риторики» Прокоповича безусловно своевременна и не может остаться незамеченной. Перевод привлечет внимание не только русистов, но и латинистов, занимающихся новолатинской литературой. Выше всяких похвал, конечно, блестящий комментарий Е. В. Маркасовой, который представляет отдельную ценность как микроисследование связей текстов Прокоповича и античной литературы. Однако, к сожалению, у данного издания оказалось несколько недостатков, которые невольно вызывают сомнение, можно ли его называть научным. Во-первых, в чрезвычайно

кратком введении к публикации, которое едва ли соответствует претензии издания, не рассматриваются важнейшие для публикации текста вопросы об авторстве, датировке и текстологических проблемах как самого текста, так и перевода. Во-вторых, в издании оказались не отражены и не обоснованы те изменения, которые были внесены научным редактором перевода в текст переводчика. В-третьих, самое главное, концепция издания хотя и вписывается в представления о научности полувековой давности, однако никак не соответствует им сегодня.

Сокращения

ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
МДА — Московская духовная академия
НБ ИГУ — Научная библиотека Иркутского университета
РГБ — Российская государственная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека

Библиография

Источники

Рукописи

Вологд.221

РГБ, ф. 354 (Вологодское собрание), № 221.

ДА 43п

ИР НБУВ, ф. 301 (Церковно-археологический музей Киевской Духовной академии), ДА/43п.

ДС 245п

ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), ДС/245п.

ДС 248п

ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), ДС/248п.

ДС 295п

ИР НБУВ, ф. 305 (Киевская духовная семинария), ДС/249п.

КПЛ 307п

ИР НБУВ, ф. 306 (Киево-Печерская лавра), 307п/113.

МДА-86

РГБ, ф. 173.П (Дополнительное собрание МДА), № 86 — Феофан Прокопович.

Наставление по риторике, сер. XVIII в.

МДА-322

РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание МДА), № 322 — Corona Aurea. Риторика, нач. XVIII в.

МДА-323

РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание МДА), № 323 — Corona Aurea. Риторика, нач. XVIII в.

НовгДС 57

РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария), № 57 — Феофан Прокопович. Риторика, 1706 г.

ПДС 64

РНБ, ф. 577 (Петроградская духовная семинария), оп. 1105а, № 97, шифр 64. Курс философии в трех частях: логика, физика, метафизика. 1707–1708 гг.

ПДС 71

РНБ, ф. 577 (Петроградская духовная семинария), оп. 1105а, № 104, шифр 71. Феофан Прокопович. Риторика, 1705 г.

Ритор.393

НБ ИГУ, № 393, «De arte rhetorica...» (Курс риторики, преподававшийся в Московской академии), сер. XVIII в.

Син.3421

РГИА, ф. 834 (Рукописи Синода), оп. 3, № 3421, 1751 г.

Литература

Freydank 1988

Freydank D., Buchbesprechung. F. Prokopovič. De Arte Rhetorica Libri X, Kijoviae 1706... Köln, Wien, 1982, *Zeitschrift für Slawistik*, 33/2, 1988, 299–301.

Kvetnickij 1985

Kvetnickij F., *Clavis poetica*, B. Uhlenbruch, Hrsg (= Slavistische Forschungen, 27/3; Rhetorica Slavica, 3), Köln, Wien, 1985.

Prokopovič 1982

Prokopovič F., *De arte rhetorica libri X*, von R. Lachmann, Hrsg., B. Uhlenbruch, Handschriftenredaktion, (= Slavistische Forschungen, 27/2; Rhetorica Slavica, 2), Köln, Wien, 1982.

Prokopowicz 1–5

Prokopowicz Th., *Christiana orthodoxa theologia, in academia Kioviensi a Theophane Prokopowicz ejusdem academiae rectore, postea archiepiscopo Nowogrodensi adornata et proposita*, 1–3, 5, Regiomonti, 1773–1775.

Vita 1772

Vita auctoris, Prokopowicz Th., *Tractatus de processione Spiritus sancti nunc primum editus*, Gothae, 1772, 5–8v (sine numeris impositis).

Буланина 1986

Буланина Т. В., Материалы для полного инвентаря курсов риторики и философии Киево-Могилянской академии, XVIII век: *сборник статей и материалов*, 15: *Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой*, Ленинград, 1986, 122–131.

Вишневский 1903

Вишневский Д., *Киевская академия в первой половине XVIII столетия*, Киев, 1903.

Гізель 2011

Гізель І., *Вибрані твори у 3-х томах*, Л. Довга, упор., Київ, Львів, 2011.

Довгалецький 1973

Довгалецький М., *Поетика (Сад поетичний)*, Київ, 1973.

Игумнова 2001

Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета. Каталог, Н. Д. Игумнова, сост., В. Н. Алексеев, науч. ред., 2, Новосибирск, 2001.

Кониський 1990

Кониський Г., *Філософські твори у двох томах*, Київ, 1990.

Лакхманн 2001

Лакхманн Р., *Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического*, С.-Петербург, 2001.

Лилеев 1880

Лилеев М. И., *Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии*, С.-Петербург, 1880.

Синод, 1868–1914

Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода, сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего правительствующего синода, С.-Петербург, 1868–1914.

Панибратцев 1994

Панибратцев А. В., «Интродукция» в философский курс Феофилакта (Лопатинского), *Историко-философский ежегодник*, 1992, Москва, 1994, 200–222.

— 2002

Панибратцев А. В., *Просвещение разума. Становление академической науки в России*, С.-Петербург, 2002.

Петров, 1–3

Петров Н. И., *Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве*, 1–3, Москва, 1891–1904.

Прокопович, 1–3

Прокопович Ф., *Філософські твори у 3 тт.*, Київ, 1979–1981.

— 1961

Прокопович Ф., *Сочинения*, И. П. Еремин, ред, предисл., Москва, Ленинград, 1961.

— 2020

Прокопович Ф., *Об искусстве риторическом десять книг*, Г. А. Стратановский, пер., С. И. Николаев, Е. В. Маркасова, Е. В. Введенская, ред., Москва, С.-Петербург, 2020.

Яворський 1992

Яворський С., *Філософські твори*, 1, Київ, 1992.

References

Bulanina T. V., *Materialy dlia polnogo inventaria kursov ritoriki i filosofii Kievno-Mogilianskoi akademii, XVIII vek: sbornik statei i materialov*, 15: *Russkaia literatura XVIII veka v ee svyaziakh s iskusstvom i naukoj*, Leningrad, 1986, 122–131.

Dovga L., ed., Gizel I., *Vybrani tvory u 3-kh tomakh*, Kiev, Lviv, 2011.

Dowhalewskyj M., *Hortus Poeticus*, Kiev, 1973.

Freydank D., *Buchbesprechung. F. Prokopovič. De Arte Rhetorica Libri X, Kijoviae 1706...* Köln-Wien, 1982, *Zeitschrift für Slavistik*, 33/2, 1988, 299–301.

Konisski G., *Filosofski tvory u dvokh tomakh*, Kiev, 1990.

Kvetnickij F., *Clavis poetica*, B. Uhlenbruch, Hrsg. (= Slavistische Forschungen, 27/3; *Rhetorica Slavica*, 3), Köln, Wien, 1985.

Lachmann R., *Demontazh krasnorechiia: ritoricheskaia traditsiia i poniatie poeticheskogo*, St. Petersburg, 2001.

Panibrattsev A. V., «Introduction» into Philosophical Course of Theophilactus Lopatinsky, *History of Philosophy Yearbook*, 1992, Moscow, 1994, 200–222.

Panibrattsev A. V., *Prosveshchenie razuma. Stanovlenie akademicheskoi nauki v Rossii*, St. Petersburg, 2002.

Prokopovič F., *De arte rhetorica libri X*, von R. Lachmann, Hrsg., B. Uhlenbruch, Handschriftenredaktion, (= Slavistische Forschungen, 27/2; *Rhetorica Slavica*, 2), Köln, Wien, 1982.

Prokopovič F., *Ob iskusstve ritoricheskogo desiati knig*, G. A. Stratanovskii, trans., E. V. Markasova, S. I. Nikolaev, E. V. Vvedenskaia, eds., Moscow, St. Petersburg, 2020.

Yavorsky S., *Filosofski tvori*, 1, Kiev, 1992.

Константин Владимирович Суториус, кандидат исторических наук, доцент департамента филологии

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

190069, С.-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 119–121, 123, лит. А, ауд. 224

Россия / Russia

sutorius@mail.ru

Received May 3, 2021

Russian Orthodoxy and Autobiographies in the Early Modern Period from a Mediterranean Perspective*

[Rev. of: *Faith and Selfhood in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the End of the Seventeenth to the Beginning of the Twentieth Century*, ed. Laurie Manchester and Denis A. Sdvizhkov. Moscow: NLO, 2019, 408 pp. (in Russian)]

Relja Seferović

Croatian Academy of Sciences and Arts
Institute for Historical Sciences,
Dubrovnik, Republic of Croatia

Русское православие и автобиографии раннего Нового времени в средиземноморской перспективе

[Рец.: Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиофика и православие в России конца XVII — начала XX века / Сборник статей; под редакцией Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 408 с.: ил. (Серия *Studia Europaea*)]

Реля Сеферович

Институт исторических наук
Хорватской академии наук и искусств,
Дубровник, Республика Хорватия

* This paper was funded by the Croatian Science Foundation, as part of the project INTRADA, "Traditionalism and Innovation in Dubrovnik from the Middle Ages until the Nineteenth century", IP-2018-01-5527.

Citation: Seferović R. (2021) Russian Orthodoxy and Autobiographies in the Early Modern Period from a Mediterranean Perspective. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 474–486.

Цитирование: Сеферович Р. Русское православие и автобиографии раннего Нового времени в средиземноморской перспективе // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 474–486.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.22

Abstract

The collection of papers "Faith and Selfhood in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the End of the Seventeenth to the Beginning of the Twentieth Century" served as a stimulus for reflection on Orthodoxy in Russia and autobiographies as a literary genre at the beginning of the early Modern Age from a Mediterranean point of view. Studying the contributions of fifteen prominent scholars from Russia, Poland, Germany, Canada and the United States on various aspects of the immensely rich Russian spiritual heritage from the mid-17th until the first half of the 20th centuries, the author recognizes their fundamental connection in a sincere interest in the gradual modernization of the Russian society, deeply rooted in the Russian Orthodox faith, as well as in the gradual development of individualism, both in its institutional and non-institutional forms: within the framework of the Russian imperial state and official patriarchal church institutions, but also on the periphery of political movements and religious sects. Despite the relatively narrow area of research devoted to various forms of autobiographies (written mainly by the clergy, less often by the members of secular aristocratic and bourgeois circles), this collection of papers represents not only a carefully written and reliable way to understand one of the fundamental aspects of the Russian spiritual culture, but it also invites for comparison with other similar environments. This prompted the author of the review to make a journey through the parallel literary world of the Republic of Dubrovnik (as the only independent Slavic state in that period, with the exception of the Russian Empire) from the 16th to the 19th centuries, with the conclusion that the predominance of biographies to the detriment of autobiographies in Dubrovnik at that time also speaks of strong pragmatism and aspiration to take care exclusively of the state interests in the literary sphere.

Keywords

Russian Empire, Republic of Dubrovnik, 16th to 20th centuries, autobiographies, spiritual heritage, biographies

Резюме

Сборник научных статей «Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиография и православие в России конца XVII — начала XX века» послужил поводом для размышлений о православии в России и автобиографиях как литературном жанре в начале раннего Нового времени со средиземноморской точки зрения. Изучая работы пятнадцати выдающихся специалистов из России, Польши, Германии, Канады и США по различным аспектам богатого русского духовного наследия середины XVII — первой половины XX в., автор признает их фундаментальную взаимосвязь. Она мотивирована искренним интересом к постепенной модернизации российского общества, связанной с русской православной верой, и к постепенному усилению индивидуализма, развивающегося как в институциональной, так и в неинституциональной формах: в рамках российского имперского государства и официальных патриархальных церковных институтов, но также и на периферии политических движений и религиозных сект. Несмотря на относительно узкую область исследований, посвященных различным формам автобиографий (написанных в основном высшим духовенством и реже членами светских аристократических и общественных кругов), научные статьи в этом сборнике представляют собой не только тщательно изученный и надежный путь к пониманию одного из фундаментальных аспектов русской духовной культуры, но и подталкивают к сравнению с другими средами. Это побудило автора обзора провести параллель со схожими литературными произведениями

Республики Дубровник (как единственного тогда независимого славянского государства, за исключением Российской империи) с XVI по XIX в. Преобладание биографий над автобиографиями в Дубровнике того времени также говорит о сильном прагматизме и стремлении заботиться исключительно о государственных интересах в литературной сфере.

Ключевые слова

Российская Империя, Республика Дубровник, XVI–XX вв., автобиографии, духовное наследие, биографии

Through the texts towards an interpretation

Fifteen prominent scholars from Russia, Poland, Germany, Canada and the United States, experts on various branches of the immense Russian spiritual heritage from the seventeenth to the first half of the twentieth century, joined their efforts in an attempt to discover some of the fundamental changes in Russian religious culture from the source with the apparently narrow perspective: autobiographies. Their approaches are marked by a genuine interest in the gradual modernization of the Russian society, deeply rooted in the Russian Orthodox faith, developed both in its institutional and non-institutional forms: within the framework of the Russian imperial state and official patriarchal Church institutions, but also on the margins of political movements and religious sects. The impetus for their joined work came from the international scholarly conference entitled “The Sacral and the Secular in Autobiographical Practices of the Modern Period (Eighteenth to Early Twentieth Centuries)”, that was held at the German Historical Institute in Moscow in June 2016, as part of the research project Церковь говорит (“The Church speaks”)¹.

In their joint preface the editors of this collection of papers, Laurie Manchester (Associate Professor at the Department of History, Arizona State University) and Denis A. Sdvizhkov (Senior Research Associate at the German Historical Institute in Moscow) set out two fundamental ideas that characterise all the contributions presented here: the flexibility of the authors (who did not seek opposites, but rather connections between the various extremes they dealt with) and the idea that the social progress is not limited to secularism and the suppression of the Church. The topics of all the contributions fit into this clearly defined framework, regardless of whether they highlight the narrower issues of language, Canon law, everyday life, Church rites or Early Modern and contemporary ecclesiastical and political history.

Such a complex mosaic required a balanced approach between abundant primary sources (private diaries, letters, chronicles, court reports, synodal and imperial decrees, political pamphlets, to name just a few) and secondary material, developed both in Russia (studies in political and ecclesiastical history, ethnographic studies) and abroad (referring here mostly to autobiographies written by the most famous Western authors from St. Augustine to Voltaire and Rousseau, who greatly influenced the learned Russian public and sometimes served not only as a stimulus, but also as a direct model for

¹ <https://churchlang.hypotheses.org/1>

autobiographies in Russia). For the readers interested in further research, the editors prepared an exhaustive and meticulously arranged bibliography, which refers to all the texts offered in this collection. This long list consists of published sources and secondary materials, which, in turn, are divided into a group of reference books (indexes and dictionaries) and a separate group of various scholarly papers and conference proceedings, available either in printed form or online.

The papers are arranged in chronological order, according to the topics they are dealing with, while the entire book is notionally divided into three main sections. The first section, entitled "From the Beginning of the Modern Age to the Nineteenth Century", follows the early steps of the formation of individualism and the development of autobiography in Russia. By extolling the Archpriest Avvakum as the author of the first Russian autobiography, Tatiana A. Sochiva (The University of St. Petersburg) perceives Avvakum's "Work of Interpretations and Moralizing" as the corner-stone in the formation of individual self-consciousness in Russia, which strongly affected Russian literature in the second half of the seventeenth century, when the medieval concept of man was finally overcome.² While formally he was writing his autobiography, Avvakum went through an internal controversy: the author quite justifiably claims that the idea of self-sacralization was contrary to his Christian beliefs. Since he was sent into the exile, he lost the opportunity to preach. He subsequently became a writer whose works spread throughout Russia and, in this way, Avvakum also influenced the spread of the idea of writing an autobiography.

On the basis of autobiographical narratives in a broader sense (hagiographies, pilgrimage literature, personal diaries, written confessions) Denis Sdvizhkov examines how the new personality and the new religious culture in Russia appeared in the eighteenth and the early nineteenth century and how this process affected the modernisation of the Russian state.³ The new founder of the autobiographical tradition is considered to be St. Dimitry of Rostov, also the first canonized saint of the Russian Church in the synodal era. Thus, he strongly influenced the works of a number of later metropolitans, among whom the autobiography of the Moscow metropolitan Platon Levshin, published an entire century later, stands out.⁴ This announced a number of topics that later works deal with exhaustively: the role of keeping a diary, a description of a pilgrimage, the influence of foreign (Western) writers in Russia, the ignorance of the parish clergy, the role of confession in the individualisation of personality.

With his contribution dedicated to the topic of the hidden tendencies of self-presentation and individuality among the Russian Orthodox monks during the era of

² "The Appearance of Individual Consciousness in Russian Literature on the Eve of the Modern Age (Based on a Study of Archpriest Avvakum's 'The Work of Interpretations and Moralizing')", pp. 20–28.

³ "The New Self and New Religiosity in Russian Autobiography from the 18th Century to the first half of the 19th Century", pp. 29–59.

⁴ Another observation comes to mind here: by emphasizing that the Moscow metropolitan wrote an autobiography in the third person, the author once again subtly points to connections with Western, classical literature: Caesar (Comments on the Civil War, Comments on the Gallic War) and Augustus (Acts of the Divine Augustus) also left autobiographical records in the third person.

Emperor Peter the Great,⁵ Gary Marker (State University of New York at Stony Brook) makes the first subtle point on differences between the parish clergy and the monks. While the monks by far surpassed their worldly counterparts (parish clergy) in literacy, they yielded in public activities: silence, inherited from the Byzantine Church, was a typical feature of monastic life. In this period a newly awakened need for the expression and communication had to be sustained through correspondence, and hundreds of preserved letters between monks express a whole range of emotions.

A further step forward towards our understanding of the awakened self-awareness of the Russian clergy in the eighteenth century is the paper by Olga A. Tsapina (Norris Foundation Curator of American History, The Huntington Library, San Marino, CA).⁶ On the basis of a lawsuit filed in 1789 by Peter Alekseevich Alekseev, the head of the Kremlin Cathedral of Archangel Michael and the fellow of the Russian Academy, due to his dissatisfaction with the diocesan authorities who refrained from addressing him and his fellow secular priests as “popy” and used the term “presbyters” instead, the author convincingly shows how the Western spirit permeated the Russian Church and strengthened individualism among its members and subjects (even at the cost of rejection of traditional humility). It is natural to observe this unstoppable process of individualization also in the personal notes by prince Ivan M. Dolgorukov (1764–1823), an enlightened courtier who described his own experiences after a pilgrimage to several Russian shrines.⁷ As Alexander M. Feofanov (St. Tikhon’s Orthodox University) rightly observes, Dolgorukov’s journey becomes a kind of counter-pilgrimage due to his critical remarks on the aesthetics of the liturgy. His vivid descriptions of various practices at different churches he visited demonstrate his gift of observation and offer some precious insights into the religious practices in remote churches, far from major centers. However, while he formally presents himself as a rational, educated man in the Age of Enlightenment, also praising the different kinds of worship such as the Uniate rites, his own good knowledge of Russian Orthodox liturgy and a firm condemnation of any deviation from the usual rules remove his disguise. Prince Dolgorukov shows some signs of interest in ecumenism, but he is still far away from religious tolerance.

Although prince Dolgorukov resented the fact that the double-headed imperial eagle as a symbol of power was placed above the Royal Doors in some of the churches he visited, this was only a small symbol of the supreme secular power over the Church. In her analysis of confessional practice in early nineteenth-century imperial Russia⁸ Nadieszda Kizenko (Department of History, State University of New York at Albany) demonstrates the growing pressure of the state authorities and their distrust of the population since approximately the middle of the seventeenth century, with demands that believers confess as often as possible, thus proving their civic and political loyalty. It is argued that the penetration of Western ideas in the nineteenth century encouraged

⁵ “Out of the Silences: Charting the Monastic Self in the Long Petrine Era (1680’s–1720’s)”, pp. 60–88.

⁶ “Pop and Presbyter: Parity of Ministers, Apostolic Succession and Orthodox Ecclesiastical Identity in Eighteenth-Century Russia”, pp. 89–119.

⁷ “Faith and Church in the Autobiographical Texts of Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823)”, pp. 120–140.

⁸ “Confession and the Autobiographical Genre in Early 19th Century Russia”, pp. 141–160.

certain women from the highest circles, including court ladies, to accept Catholicism, because it imposed much milder forms of repentance after confession. Earlier strictness is further mitigated by confessions in writing (which is also a privilege only of high circles, especially women), but at the same time the role of mothers in preparing children for the first confession is more emphasized. So-called lifelong confessions become a synonym for autobiographies and the author analyzes them on the concrete example of several prominent members of the Decembrist family Fonvizin, who paid their debt to Rousseau's "Confessions".

The role of the family as the key micro-structure in society also attracted Galina N. Ulianova (The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences), who scrutinises autobiographical legacies of wealthy merchant families.⁹ In spite of the colorful and vivid descriptions of violence, passionate brawls and altercations typical for members of the lower strata, two key points quickly catch the reader's eye: devotion to regular liturgical practices is the symbol of the entire merchant class and their attendance of liturgical services also serves professional purposes, for gatherings and consultations of purely business nature. Their subsequent rise and intellectual development by the middle of the nineteenth century increased secular habits among the new generations of merchants who discovered other ways to preserve their professional honor, not related to places of the public worship exclusively.

The second large section of this collection, entitled "From the Great Reforms to Revolution", is introduced by the paper written by Laurie Manchester.¹⁰ The author collects precious information about the life of the parish clergy from printed obituaries, in a period from approximately 1860 until the beginning of the twentieth century. In the gradual modernization of the public life in late imperial Russia the printing press played an increasing role, penetrating more and more into the Church circles as well. This points to two parallel processes of modernisation: technical and social development. With the expansion of printing, the obituaries of Russian Orthodox priests acquire a modern shape. In the local printing houses of the clergy and in the diocesan magazines the published obituaries of the parish clergy included valuable facts about their domestic life, thus abandoning the hagiographic approach typical of older texts and of monasticism.

Another valuable source for this research was singled out by Elena A. Ageeva (Historical museum, Moscow State University Lomonosov), namely, the church chronicles.¹¹ Although the initiative for writing church chronicles came simultaneously from the highest State and Church circles (since the invitation of Empress Catherine the Great was later met with a favorable response from the Most Holy Governing Synod), it bore sparse fruit. Expectations that mostly uneducated parish priests, burdened with other duties, would record daily events could not be fulfilled. The chronicles were kept differently in each diocese. Instead of verified news and facts, they often contained

⁹ "Autobiographical Texts by Merchants: Religious Consciousness and Religious Behavior. 1770–1860s", pp. 161–203.

¹⁰ "The Emergence and Meaning of Auto/biographical Practices in Russian Orthodox Parish Clergymen's Obituaries in Late Imperial Russia", pp. 206–226.

¹¹ "Church Chronicles as a Source for Autobiographical Practice in the Modern Age", pp. 227–244.

unfounded rumors, but their importance is still attested by the fact that they survived in this form in Russian churches in Poland and the Baltic until the 1930s: tradition kept its role.

If, in writing church chronicles, personal observations could not be avoided to the detriment of reliable facts (even to the extent that some chronicles from the area of Perm in the period from 1914 to 1918 did not even mention the First World War), private diaries, just like personal letters, usually offer a real treasure of emotions and rich inner life of individual clerics. Thus, Marta Łukaszewicz (Institute of Russian Studies, University of Warsaw) brought to our attention the curious excerpts of a diary written in 1829–1854 by a rural priest from the diocese of Kiev, the Father Foka Strutinskii.¹² Although this text is additionally adapted to the interests of a wider audience, due to the efforts of the writer Nikolai Leskov, who transformed it into literature, it still contains original and precious elements of a complex relationship between parish clergy and diocesan bishops, often tainted by the fear of authority, instead of being governed by mutual respect. Reading Father Strutinskii's private diary, Leskov points out the hypocrisy of piety, because the unattractive reality is given the characteristics of a sublime religious event.

Like Father Strutinskii's diary, the diary of Father Mikhail Shcherbakovskii, also from the Kiev diocese, comes from the periphery of the Russian-speaking world.¹³ It is presented by Heather Coleman (Department of History and Classics, University of Alberta), who stresses its manifold importance in the light of his sincere description of personal sufferings after the premature death of his beloved wife, as well as his active involvement in early Ukrainian nationalist movement. Both cases testify to modernisation and the advent of new times: while contemplating the advice of a psychologist to resolve a personal crisis, Father Shcherbakovskii in the first decade of the twentieth century also witnessed the persecution of his sons by the imperial police, on charges of being both Social Democrats and Ukrainian nationalists.

The classical Orthodox environment in the modernisation of late tsarist Russia is also analyzed by Julia Herzberg (Institute of Eastern and South Eastern European History, Ludwig Maximilian University of Munich), who evaluates the contribution of modern media (press) in promoting the moral values.¹⁴ As the author differentiates three separate "social spaces" in which peasant men recorded their lives (the press and the media, autobiographical projects initiated by scholars, and the family circle), she claims that the flourishing of the Orthodox press since the middle of the nineteenth century played a particularly important role in this. Based on appropriate arguments, this is interpreted as the reaction of the Russian Orthodox Church to the socioeconomic changes in the country and to the growing mass literacy. Publishers perceived their publications as a response to growing criticism of the Orthodox Church from 1850s onwards. Therefore, autobiographies of former serfs, converts and village poets were

¹² "The Diary of Priest Foka Strutinskii in Nikolai Leskov's Literary Adaptation (the sketch 'Bishops' Detour')", pp. 245–265.

¹³ "Faith, Family, and Nation in the Diary of Kiev-diocese Priest, Father Mikhail Shcherbakovskii", pp. 266–294.

¹⁴ "Parables of the Prodigal Son. Conversion and Faith in Peasant Autobiographies in Late Tsarist Russia", pp. 295–318.

often published. It is claimed that the publisher's goal was to reduce the tolerance of Christians towards "heretics" and to point out the differences between the "true" faith and various "heretical" tendencies. In that defensive struggle, Orthodox journalism increasingly revealed its semantic message through the narratives of real or fictional biographies.

Instead of dealing with the lower strata of the society, Gleb M. Zapalsky (Faculty of History, Department of Church History, Moscow State University Lomonosov)¹⁵ dedicated his paper to autobiographies written by monks, former noblemen who abandoned their secular life, but still kept many secular habits in their new environment behind the monastery walls. Leaving aside the struggles for power in the monasteries, in which the former nobles often were successful thanks to a better education and stronger social connections compared to their lower-class rivals, the author subtly shows in several carefully chosen autobiographies (written both by monks and by nuns) how the former courtiers and other members of high nobility kept their self-consciousness in the new monastic environment. The break with the previous life usually ended with embittered pages in their autobiographies, lamenting over their difficult fate, and only seldom sincerely trying to bridge the gap between the sacred and the secular.

The final section "An Excursion: after 1917", is a brief digression into the most recent developments, containing only two papers. Alexey L. Beglov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)¹⁶ deals with the secret monastic communities after the October revolution on the basis of two autobiographical texts written by the leader of the Moscow Vysoko-Petrovsky Monastery (1923–1959), Archbishop Bartholomey (1888–1935). Through a fascinating depiction of secret religious communities made up of young members of both sexes, the author examines events from contemporary church life through the prism of early Christian texts. He rightfully claims that the comparison of modernity with the Biblical history is a traditional method of Christian writing, and in that particular historical context this tradition acquired the new life. Soviet persecutions again actualised the traditional and seemingly lost vitality of the literary procedures of the Christian scriptures, including the autobiographies.

The last paper in this collection is written by Sandra Dahlke (director of the German Historical Institute in Moscow).¹⁷ Building her work on the comparison of the Bolshevik Emelyan Yaroslavsky (1878–1943) and the Russian Orthodox priest John of Kronstadt (1829–1909), the author concludes that neither the Bolsheviks nor the priests could have been properly shaped without the response of the masses (believers, workers), which gave them and their work the necessary authority. In contact with the masses, they both emphasised their personality in the first place, described their close connection with the masses and reflected on them in writings that highlight their own self, in letters and diaries. The final message of this paper is the thesis that the original individual-emotional determination eventually takes on a politically determined meaning.

¹⁵ "The Fates of Monks from the Nobility and their Autobiographical Conceptions", pp. 319–338.

¹⁶ "People and History in a Catastrophic Age: Self-Reflexivity among the Leaders of Underground Monastic Communities 1920–1930s", pp. 340–358.

¹⁷ "A Bolshevik Construction of Individuality: Performance and Autobiography", pp. 359–383.

A discourse from the narrow Mediterranean angle

While reading these texts, an expert in Russian studies will probably have no difficulty in answering to the most of the questions regarding the topics that the authors and the editors dealt with. However, a novice in this area may wonder about the claims of the predominant Western influence in the spread of the autobiographical genre in Russia in general,¹⁸ more so as the two of the most important figures from the Russian Orthodox Church, the Archpriest Avvakum and St. Dimitry of Rostov, have been singled out as the founders of autobiography in Russia. Despite the certain reliance of St. Dimitry of Rostov on Polish diary-keeping traditions with which he came in touch through Ukrainian literary tradition, neither of them had direct ties to the West. This leaves a room for assumptions about appropriate influences in this field both from the Russian medieval texts and from the Byzantine spiritual heritage as well, although this was not directly pointed out by any author. In addition, the claims of a number of authors that autobiographies primarily encourage individual development and the strengthening of self-awareness, raise questions, such as whether the writers of these autobiographies rejected humility as one of the fundamental Christian virtues.

Although writing autobiographies and personal diaries as lifelong confessions intended for the public can be interpreted as a form of public repentance, did not the authors, by addressing a wide circle of readers, thus build a monument of their own? Is it not the source of the main concern that preoccupied the Archpriest Avvakum as the father of Russian autobiography and, consequently, all of his numerous followers in this fascinating field? If personal identity is affirmed (also) through the communication, why would the communication as a means of self-realization take precedence over the creativity and independent contribution to the whole community in a less publicly prominent field?

A connoisseur of Mediterranean history, on the other hand, should at least appreciate another valuable lesson, viz. that the individual is the key element of change, and, thus, finally overcome the prejudice about Russian society as an amorphous mass. Moreover, he may find a stimulus in these thought-provoking texts for a further research effort through the comparison with some related social phenomena in the Republic of Dubrovnik, a politically independent oasis of the Slavic world in the South, which significantly strengthened its ties with the Russian Empire during the reforms of Peter the Great and Catherine the Great, two rulers during whose reign most of the events discussed here actually took place.¹⁹

A comparison between these highly distant societies points to several similarities, important in the interpretation of circumstances in which autobiographical writers

¹⁸ This approach is also characteristic of the contemporary Croatian literary historians who deal with medieval autobiographies. The traditional origin of the autobiography has been recognized in the influence of Antiquity, but there is also the question of the existence of individuality in the Middle Ages. Therefore the interpretations of the autobiography in a psychological frame set the chronological trinity of Antiquity (consciousness) / the Middle Ages (conscience) / the Modern Period (self-consciousness). On the other hand a genre affinity has been recognized between autobiography, hagiography and biography [Zlatar 2000], [Anđelković 2001].

¹⁹ In lack of more modern works, it is necessary to refer to the old syntheses [Foretić M. 2007; Foretić V. 1980: 256–273; Harris 2003: 349–352].

in imperial Russia and their contemporaries in the Republic of Dubrovnik lived and worked.²⁰ In the case of Dubrovnik there is also firm evidence of the poverty and ignorance of the parish clergy in comparison to friars and monks, according to various decrees by the city archbishops and decisions by diocesan synods, as well as the casual remarks, made both by the local and foreign chroniclers and annalists. However, while the writing of the local church chronicles and annals began in Russia mainly on the initiative of Empress Catherine the Great, the rapid development of Dubrovnik ecclesiastical historiography from the middle of the sixteenth century was mostly influenced by decisions of the Council of Trent (1545–1563) and the subsequent demands by the Popes: especially the members of the Church orders were required to collect all the relevant information on the founding of their religious communities and individual monasteries and to describe their daily routine.

In addition to these demands from the highest Roman circles, a significant role in the development of the domestic ecclesiastical historiography was played by necrologies, which were traditionally kept in monasteries. Together they led to the appearance of a large collections of biographies, which, together with secular annals, formed the backbone of classical Dubrovnik historiography.

Nevertheless, despite a very prolific literary heritage from the observed period (approximately from the end of the seventeenth to the beginning of the nineteenth century),²¹ Dubrovnik cannot boast of a numerous autobiographies. In contrast to the very rich biographical work, which developed especially within the religious orders from the middle of the eighteenth century,²² autobiographies are represented only in traces in certain literary attempts. Among them particular attention should be paid to the epic *Dubrovnik ponovljen* (Dubrovnik restored) by the patrician Jaketa Palmotić (1616–1680),²³ a poet and an experienced diplomat who described the torturous travels along the Balkan Peninsula and encounters with Ottoman dignitaries as well as the suffering of his family and entire city in the great earthquake of 1667.²⁴ Writing about his own efforts in defense of Dubrovnik's freedom, Palmotić also encouraged the faint spirit of the patricians and the common people, shaken both by the natural disaster and by the

²⁰ Since the purpose of this text is by no means a detailed analysis of the ecclesiastical or social history of the Republic of Dubrovnik (even in this brief period), only a summary review of the relevant literature has been provided.

²¹ The history of Dubrovnik literature has attracted numerous authors since the time of the Dubrovnik Republic, such as Francesco Maria Appendini, a Piarist friar who already in 1803 in his two-volume *Notizie istorico-critiche sulle Antichità, Storia e Letteratura de' Ragusei* included substantial chapters entitled *Sulla letteratura dei Ragusei* and *Sulla letteratura Slava, o Illirica dei Ragusei* [Appendini 1803: 7–315].

²² The champion of this genre in Dubrovnik was the Dominican friar Seraphinus Maria Cerva (1686–1759), who first wrote biographies of his Dominican brethren and then continued his effort with *Bibliotheca Ragusina*, a vast collection of more than four hundred biographies of distinguished citizens of Dubrovnik, in four separate volumes [Cerva 1975–1980]. His younger fellow-citizen, Franciscan friar Sebastian Slade Dolci (1699–1777), followed in his footsteps with a similar work entitled *Fasti litterario-Ragusini* [Slade 2001], while the Jesuit Đuro Bašić (1695–1765) gave a significant contribution with *Elogia Iesuitarum Ragusinorum*, limiting himself, however, only to the members of the Dubrovnik College of the Society of Jesus [Bašić 1933].

²³ His comprehensive contemporary biography is offered by [Vekarić 2013: 66–71].

²⁴ A new edition has recently been prepared by Slavica Stojan [2014].

consequential pressure exerted by the Ottomans and the Venetians along the frontiers of the Republic [Stojan 2014: 24]. Literary critics thus recognized him as “an ideal citizen of Dubrovnik precisely because of his lack of individualism. His text is an autobiography, but from Dubrovnik, and that means harmonious and unobtrusive” [Novak 2003: 101–102; Novak 2004: 155–156].

Less socially engaged was his predecessor, the Benedictine monk Mavro Vetranović (1483–1576), a descendant of a wealthy merchant family of common origins [Plejić-Poje 2016] and an inspired writer whose poems occasionally contain autobiographic elements. This observation is based not only on the poetic form (as most of his poems are written in *ich*-form) [Plejić-Poje 2007: 123], but also on appropriate content: while in *Pjesanca u vrijeme od pošljice* (The Poem in the Time of Plague) Vetranović bids farewell to his friends and fellow-monks who perished in the plague epidemic in Dubrovnik in 1527 or 1533, he simultaneously writes an inventory of his own literary work, with a secret message for those informed [Novak 1997: 248–249]. Even more intimate are his lyrical texts written at an advanced age. In the poem *Remeta* (A Hermit) Vetranović in a tearful tone like an old hermit mourns his life on a lonely island²⁵ in the midst of hostile nature, thinking about the ingratitude of people, with a hint of self-irony [Pavličić 2006].

Jaketa Palmotić and Mavro Vetranović stand out as typical examples of Dubrovnik writers of that time, dealing with poetry as the dominant literary genre, and also representing their social strata and professional vocations: Palmotić as a patrician and a professional diplomat, and Vetranović as a commoner and a cleric (monk). Therefore, it is valuable that they incorporated autobiographical elements into their literary works. Similarly to the Russian practice of that time, there were also women in Dubrovnik, both patrician and commoners by birth, who in the late eighteenth century, under the influence of the local preachers, introduced autobiographical elements into their letters addressed to their close family members, sons and brothers [Stojan 1996: 131–135].

Written confessions addressed to high members of the Church were not common; instead, we speak of intimate family records, where just a glimpse of autobiographical features can be discovered. Their rarity speaks in general about the spirit that permeated the educated circles in the Republic of Dubrovnik, both in the secular and in the sacral sphere. Omnipresent pragmatism and the desire to praise the whole city by highlighting individuals resulted in a strong development of writing collections of biographies, instead of more subtle autobiographies.

A look at the conclusion

As the editors of this collection of papers about autobiography and Orthodoxy in Russia from the end of the seventeenth to the beginning of the twentieth century point out in their joint preface, with the development of personality and the cultural tradition of writing an autobiography, obligation becomes a habit, and a habit becomes an inner need.²⁶ It is also a serious lesson to today's man.

²⁵ Vetranović lived for decades almost isolated on the remote island called Sv. Andrija [St. Andrew], located on the high seas a few miles from the city of Dubrovnik, where a priory of the Benedictine Order was established in the early thirteenth century.

²⁶ L. Manchester and D. Sdvizhkov, “Introduction”, p. 12.

Through a comparison with the views that marked the daily life of the Republic of Dubrovnik, a small state on the Adriatic Sea, equally threatened by the Ottoman and Venetian claims, we notice how everyday pragmatism penetrated the literary works as well and suppressed the intimate tone in the writing of autobiographies in favor of a widely developed biographical work, praising the state itself through the lives of its distinguished inhabitants. It becomes obvious that the price of centuries of effort to maintain freedom has also been paid by suppressing literary expressiveness.

Bibliography

Anđelković 2001

Anđelković Lj., Poticajno srednjovjekovlje, *Vijenac*, 186 (<https://www.matica.hr/vijenac/186/poticajno-srednjovjekovlje-16735/>).

Appendini 1803

Appendini F. M., *Notizie storico-critiche sulle Antichità, Storia e Letteratura de' Ragusei*, 2, Ragusa [Dubrovnik], 1803.

Bašić 1933

Pavlović D., ed., *Elogia Iesuitarum Ragusinorum a patre Georgio Bašić S. J. conscripta*, *Croatia sacra. Arhiv za crkvenu povijest Hrvata*, 3, 1933, 113–216.

Cerva 1975

Cerva S. M., *Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorumque gesta et scripta recensentur*, 1, S. Krasić, ed., Zagreb, 1975.

——— 1977

Cerva S. M., *Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorumque gesta et scripta recensentur*, 2, S. Krasić, ed., Zagreb, 1977.

——— 1980

Cerva S. M., *Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorumque gesta et scripta recensentur*, 3, S. Krasić, ed., Zagreb, 1980.

Foretić M. 2007

Foretić M., Dubrovnik u vrijeme Rusko-turskoga rata (1768–1775) s posebnim obzirom na odnošaje s Austrijom, A. Kisić, ed., *Dubrovnik u povijesnim i kulturnim mijenama. Zbornik odabranih radova*, Dubrovnik, 2007, 133–198.

Foretić V. 1980

Foretić V., *Povijest Dubrovnika do 1808*, 2, Dubrovnik, 1980.

Harris 2003

Harris R., *Dubrovnik: A History*, Zagreb, 2003.

Novak 1997

Novak S. P., *Povijest hrvatske književnosti. Od humanističkih početaka do Kašićeve ilirske gramatike 1604*, 2, Zagreb, 1997.

——— 2003

Novak S. P., *Povijest hrvatske književnosti. Od Baščanske ploče do danas*, Zagreb, 2003.

——— 2004

Novak S. P., *Povijest hrvatske književnosti*, 1: *Raspeta domovina*, Split, 2004.

Pavličić 2006

Pavličić P., Dva pustinjaka, Čovjek, prostor, vrijeme. Književnoantropološke studije iz hrvatske književnosti, Ž. Benčić, D. Fališevac, eds., Zagreb, 2006, 81–102.

Plejić-Poje 2007

Plejić-Poje L., Vetranovićeva *Orlača riđanka rečeno u blatu ribarom*, *Narodna umjetnost*, 44/2, 2007, 119–134.

——— 2016

Plejić-Poje L., Vetranović, Mavro, *Hrvatski biografski leksikon*, 2016 (cited according to online edition: <https://hbl.lzmk.hr/clanak.aspx?id=11918>).

Slade 2001

Slade S., *Fasti litterario-Ragusini. Dubrovačka književna kronika*, P. Knezović, ed., Zagreb, 2001.

Stojan 1996

Stojan S., Duhovni život dubrovačkih gospođa u 18. stoljeću, *Dubrovnik*, 3–4, 1996, 120–135.

——— 2014

Stojan S., *Dubrovnik ponovljen Jakete Palmotića Dionorića*, Zagreb–Dubrovnik, 2014.

Vekarić 2013

Vekarić N., *Vlastela grada Dubrovnika*, 4: *Odabrane biografije (A–D)*, Zagreb–Dubrovnik, 2013.

Zlatar 2000

Zlatar A., *Srednjovjekovna autobiografija. Ispovijest i životopis. Rasprava*, Zagreb, 2000.

References

Cerva S. M., *Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorumque gesta et scripta recensentur*, 1, S. Krsić, ed., Zagreb, 1975.

Cerva S. M., *Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorumque gesta et scripta recensentur*, 2, S. Krsić, ed., Zagreb, 1977.

Cerva S. M., *Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorumque gesta et scripta recensentur*, 3, S. Krsić, ed., Zagreb, 1980.

Foretić M., Dubrovnik u vrijeme Rusko-turskoga rata (1768–1775) s posebnim obzirom na odnose s Austrijom, A. Kisić, ed., *Dubrovnik u povijesnim i kulturnim mijenama. Zbornik odabranih radova*, Dubrovnik, 2007, 133–198.

Foretić V., *Povijest Dubrovnika do 1808*, 2, Dubrovnik, 1980.

Harris R., *Dubrovnik: A History*, Zagreb, 2003.

Novak S. P., *Povijest hrvatske književnosti*, 1: *Raspeta domovina*, Split, 2004.

Novak S. P., *Povijest hrvatske književnosti. Od Bašćanske ploče do danas*, Zagreb, 2003.

Novak S. P., *Povijest hrvatske književnosti. Od humanističkih početaka do Kašićeve ilirske gramatike 1604*, 2, Zagreb, 1997.

Pavličić P., *Dva pustinjaka, Čovjek, prostor, vrijeme. Književnoantropološke studije iz hrvatske književnosti*, Ž. Benčić, D. Fališevac, eds., Zagreb, 2006, 81–102.

Pavlović D., ed., *Elogia Iesuitarum Ragusinorum a patre Georgio Bašić S. J. conscripta, Croatia sacra. Arkiv za crkvenu povijest Hrvata*, 3, 1933, 113–216.

Plejić-Poje L., Vetranović, Mavro, *Hrvatski biografski leksikon*, 2016.

Plejić-Poje L., Vetranovićeva *Orlača riđanka rečeno u blatu ribarom*, *Narodna umjetnost*, 44/2, 2007, 119–134.

Slade S., *Fasti litterario-Ragusini. Dubrovačka književna kronika*, P. Knezović, ed., Zagreb, 2001.

Stojan S., *Dubrovnik ponovljen Jakete Palmotića Dionorića*, Zagreb–Dubrovnik, 2014.

Stojan S., Duhovni život dubrovačkih gospođa u 18. stoljeću, *Dubrovnik*, 3–4, 1996, 120–135.

Vekarić N., *Vlastela grada Dubrovnika*, 4: *Odabrane biografije (A–D)*, Zagreb–Dubrovnik, 2013.

Zlatar A., *Srednjovjekovna autobiografija. Ispovijest i životopis. Rasprava*, Zagreb, 2000.

Relja Seferović, dr. sc.,

znanstveni savjetnik

u Zavodu za povijesne znanosti HAZU u Dubrovniku

20000, Dubrovnik, Lapadska obala 4

Republika Hrvatska / Republic of Croatia

rseferovic@hazu.hr

Received December 25, 2020

In memoriam

Памяти
Бориса Львовича Фонкича
(25 февраля 1938 — 2 сентября 2021)

В хранилище Отдела рукописей Государственного исторического музея (2013).

Опубл.: Борис Львович Фонкич. Библиография трудов к 80-летию ученого /
сост. М. А. Курьшева. Москва, 2018.

Когда подготовка этого выпуска нашего журнала близилась к завершению, пришло горестное известие о кончине в Москве Бориса Львовича Фонкича — крупнейшего в России и в Европе специалиста в области греческой палеографии, кодикологии и дипломатики, непревзойденного знатока византийских и новогреческих рукописей, истории русско-греческих культурных связей.

Масштаб сделанного Борисом Львовичем в науке на протяжении более чем шести десятилетий и творческое влияние, оказанное им не только на непосредственных учеников, но и на многих коллег и даже на людей, далеких от занятий с рукописными источниками, были хорошо известны при его жизни. Теперь, когда его нет с нами, этот масштаб и это влияние тем более ощутимы. Оставаясь собой, никогда не изменяя собственным научным интересам и высоким критериям качества исследовательского труда в угоду околonaучной конъюнктуре, Борис Львович обладал счастливым даром увлекать и поддерживать других. Огромное человеческое и интеллектуальное обаяние, которое буквально излучал Борис Львович, было таково, что после его лекций и научных докладов даже неспециалисту порой хотелось немедленно устремиться в библиотеку или архив, чтобы заняться изучением рукописей. Благодарные ученики и последователи собирались вокруг Фонкича не только в Московском университете и Московской консерватории, где он преподавал, но и целенаправленно приезжали к нему «за наукой» из разных городов — Афин, Еревана, Киева, Люблина, Рима, Тбилиси...

Глубокие и новаторские работы Бориса Львовича основывались прежде всего на виртуозном владении инструментарием специальных исторических дисциплин, помноженном на талант палеографа, огромное трудолюбие и исследовательский азарт, никогда не покидавший ученого. Все это создавало ему заслуженную репутацию уникального специалиста высочайшей квалификации, которому не было равных в своем деле. О заслугах и открытиях Б. Л. Фонкича в области византиноведения и неоэллинистики, охватывающих практически всю хронологию и географию бытования греческого письма с IV по XIX вв. уже написано и, без сомнения, еще будет написано немало. Помимо цикла фундаментальных работ Бориса Львовича о греческих рукописях западноевропейских и российских собраний, особо хотелось бы отметить его монографию о византийском маюскуле VIII–IX вв., вышедшую в свет за год до кончины автора. В этой книге, над которой Б. Л. Фонкич работал более трех десятилетий, радикально пересмотрены принятые в европейской науке принципы датировки греческих унциальных манускриптов и обоснована авторская методика датировки на основании анализа надстрочных знаков.

Для славистов и историков России особую ценность имеют исследования Б. Л. Фонкича в области истории русско-греческих связей XIV–XVIII веков: здесь работы Бориса Львовича придали новый импульс целому научному направлению, если не нескольким направлениям. Находки неизвестных ранее автографов Максима Грека, выявление подлинных и поддельных автографов греческих иерархов в документах об учреждении патриаршества на Руси, идентификация первого большого комплекса греческих рукописей, появившихся в России в середине XVII в. благодаря афонской миссии Арсения Суханова; воссоздание истории греко-славянских школ в Москве; установление круга греческих рукописей и печатных изданий, с которыми работали справщики Московского Печатного двора; выявление особенностей почерков братьев Лихудов и их учеников — таков неполный перечень сделанного Б. Л. Фонкичем в этой области.

Все годы научной работы наряду с предметными исследованиями исторических проблем Борис Львович не оставлял и археографических трудов: им описаны, передатированы, впервые либо заново введены в научный оборот сотни греческих рукописей и документов разных эпох, хранящихся в различных собраниях Европы и России. Последний обобщающий археографический труд Б. Л. Фонкича — каталог греческих рукописей Одессы — вышел в свет в нынешнем 2021 г.

Храня верность исследованиям греческой культуры, Борис Львович всегда видел предмет собственных ученых занятий в широкой источниковедческой перспективе. Его живо интересовали проблемы взаимосвязей и взаимовлияния восточно-христианской и русской культур, поэтому в последние десятилетия он и сам старался связать в общие направления труды историков, филологов, искусствоведов, так или иначе касавшихся изучения памятников греческой, славянской, латинской и арабской письменности. Благодаря инициативе Бориса Львовича были собраны и изданы несколько выпусков исследований и материалов, объединенных в тематические серии «Монфоко́н» и «Россия и Христианский Восток». Первая серия включала монографии и сборники статей, касающиеся палеографии и кодикологии; вторая — относящиеся к изучению разнообразных связей Руси/России с народами Балканского полуострова, Малой Азии, Кавказа, Сирии, Палестины и Северной Африки. В этих изданиях Б. Л. Фонкич неизменно выступал не только автором, но и ответственным редактором — здесь тоже появлялся еще один из многих его талантов — как мало кто другой, Борис Львович умел сочетать высокую научную требовательность и бережное отношение к чужим работам.

Борисом Львовичем Фонкичем было сделано столько, что этого хватило бы на несколько научных биографий. Эпитеты «замечательный» и «выдающийся» часто употребляются по отношению к неординарным исследователям, но в случае Бориса Львовича далеко не исчерпывают того значения, которое определяет и еще будет определять в историографии имя Фонкича. Недостигаемый авторитет в своей области науки, отзывчивый и безмерно обаятельный человек, щедро делившийся с учениками и коллегами своими находками и открытиями, — таким останется Борис Львович в памяти всех, кому посчастливилось его знать.

Редакция журнала «Словѣне»

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 10. № 1

Институт славяноведения РАН, 2021

Подписано в печать 25 • VIII • 2021 г. Формат 70×100/16.
Объем 30,75 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.